

Василий Чернышев

ЛЮБОВЬ
КАК
ВСЕМИРНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Посвящается ***

КНИГА ВТОРАЯ
ТРАГЕДИЯ ЛЮБВИ

© В. И. Чернышев, текст. 2017
© «NAPISANO PEROM». 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ, КОТОРУЮ ПИШЕТ ЖИЗНЬ

27 октября 2015., вторник, 23-00. Прошел еще год надежд и порывов, я написал чуть ли не главную свою книгу, «Любовь как всемирное притяжение», и поскольку в моей жизни ничего не изменилось, и что такое любовь, я еще не узнал, то либо ее надо выбросить на помойку (нет, жалко, тем более что в ней изложена история моей несчастной любви), либо застрелиться (но В. мне кричит: «А что будет со мной, как же я без тебя буду жить?!») – да она и не одна, многим еще я могу оказаться полезным, оставшись здесь)... И я утешаю себя тем, что хотя моя книга не произвела впечатления на публику, зато меня еще не посадили в тюрьму, и теперь я начинаю новую книгу, но так как все еще на свободе, то предполагаю, что и это еще не самая главная книга, а предшествующая ей, и только после нее я и начну писать «Книгу жизни».

Хорошо, пусть предыдущая книга будет служить Предисловием к той, которую я теперь в горестях уже пишу.

Чему же она посвящена? Не случится ли так, что и в ней я не отвечу ни на один важный вопрос, и даже, быть может, не сумею вопросы эти задать?

Поэтому мне надо сначала оглядеться в себе и во внешнем мире и прояснить, с чего начинается подлинное философское творчество.

Самое начало очевидно: прежде чем взяться за перо или пишущую машинку, надо *проснуться*. Пробуждение это находится либо в обыденном мире, либо является трансцендентным переходом от тяжелого угнетенного сна к свободе, от беспамятства, бессознательного состояния, гипнотического плена, комы, духовного подавления. Не отдает отчета повседневное сознание, что оно не принадлежит, как правило, самому человеку, а является результатом целенаправленного воздействия общества, государства, касты, образования, господствующего учения, мифа. Трансцендентное Пробуждение переживается в личной судьбе и в культуре по разному: как Прозрение, духовное освобождение, духовное рождение, становление личности, явление сверхъестественных сил (шестикрылого серафима), благодать, погружение в состояние Любви, Веры, вдохновения. Сильная любовь, захватывая личность человека, отчасти его поработает, но в благодатных случаях (любовь взаимная, восторг, блаженство, жажда помощи и спасения) снимает ограниченность мира, словно бы переносит человека на вершину горы, с которой открывается сущее всё.

Я пережил такое состояние в двадцать лет, и возомнил, что уже вместил духовную свободу, но оказалось, по прошествии десятилетий, что я только перевернулся на другой бок. Правда, спал я после этого уже не так глубоко, и моя жизнь и мое творчество были становлением моей новой личности, в них совершался процесс подлинного освобождения от гипнотических и традиционных влияний. Само это состояние было связано с переживанием любви (которую я узнал не только в форме блаженства, но и в форме трагедии), и с тех пор я стремился вновь его испытывать, ибо именно в нем происходило трансцендентное расширение мира).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЛЮБОВЬ, РАЗДЕЛЯЮЩАЯ ДВОИХ

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХ КАК ЗАКВАСКА ХРИСТИАНСТВА**1. Смятение**

14 июля. Проснулся очень рано, заснуть не мог, и горестно думал о том, как жить дальше. Не исполнились мечты и ожидания, не стал я значительным философом, известным писателем. Даже разбогатеть не удалось...

Ну да ладно, иным еще хуже, чем мне. Я пока жив, у меня есть друзья и родные, есть даже *поклонница*, молодая и талантливая – не так уж всё плохо!

А так как я еще жив, то не сосредоточить ли энергию и время не в писании книг, а в чем-либо другом, более важном? Книги мои излишни, ни читателей у них нет, ни признания, и денег они не приносят, и даже удовлетворения. Так не посвятить ли последние силы крестьянскому труду?

В деревне у меня старый дом, который надо хотя бы немного поправить, чтобы он не рухнул, и заменить в нем окна. Этим я займусь будущим летом, ибо и нынче тоже многое вопиет. Во-первых, надо ухаживать за огородом и собрать урожай. Во-вторых – вырыть погреб, чтобы в него этот урожай замуровать. Достроить сарай, дочинить веранду, поправить летнюю кухню, поправить баню (а позже ее сломать на дрова). Ну и, конечно, надо ходить в лес за грибами и ягодами.

Так что одна только деревня наполнит мою жизнь уже наполовину.

Вечерами я буду редактировать книги, если писатели будут их еще сочинять, буду и сам писать для немногих, буду и читать все то, что еще не успел прочитать. Будем и в город изредка с милкой ездить в театр и в филармонию, встречаться с родными и с друзьями. И через десять лет я напишу современную «Гесиоду» – *«Труды и дни и История философских идей»*.

2. После Смятения

Но я еще не в тюрьме и не в могиле, не всеми отвергнут, и не всю судьбу свою знаю. Кто скажет, что будет со мною завтра?

Что книги мои длинны и не талантливы, об этом больше рассуждать я не буду, так как в конечном счете оценку ставлю и не я сам себе, и не мои критически настроенные современники, но читатель, либо пристрастный ко мне в любви, либо совсем беспристрастный в чтении. Кому-то понравится?

Любящие читатели у меня есть, во-первых, жена, которая меня не отвергла несмотря ни на что, во-вторых, старинная подруга, которая меня когда-то, напротив, к счастью, отвергла, в-третьих, две писательницы, называющие меня одна «мой учитель», а другая «мой дорогой друг», и в *четвертых*... Об *ней* я пишу обиняками, потому что хотя я и выступаю как женский защитник на том Страшном суде, который маячит впереди, но ведь и им ничто человеческое не чуждо – хотя и подвергали сомнению иные ретивые христиане их человеческую природу и откровенной ненавистью к женщине пронизано все христианство), – поэтому и они способны не только к любви, но и к ревности и к осуждению. И вот, если и они меня осудят, то я останусь один в пустыне, в которой уже явится ль мне серафим шестикрылый, я не уверен.

Но отчасти объясниться мне придется и приоткрыть завесу, разделяющую автора и героя – они не совсем одно и то же, но и не совсем уж отдельно, во всяком случае, «бегают» они за одной и той же *красоткой*, хотя и не совсем одинаково.

Виновна ли женщина в бедах человечества (вместе с мужчиной?), виновна ли «плотская» полова *любовь* между ними, входит ли она в *Первородный грех*, являющийся неким трансцендентным источником истории и вины человека и его осуждения, и в чем он, все таки, состоит? – возможно, именно этому во-первых посвящена моя книга, а во-вторых она посвящена исследованию любви, и не только к ближнему, и не только к собирательству книг, к азартным играм, и не только посвящена всеобщей любви, притягивающей два пола как всемирное тяготение, но посвящена и особенной частной любви, которая притягивает частного человека, например, моего героя, временами совпадающего с автором, к Манон Леско, Татьяне Лариной, Анне Карениной и Настасье Филипповне; любви, в которой есть и плоть, и метафизическое Я (душа) и Я трансцендентное.

3. Первородный грех и Трансцендентная виновность

Оппоненты уже по каждому частному поводу меня разгромили, и в том, в частности, что не состоит, будто бы, *первородный грех* в притяжении плоти, а только в *непослушании* – но ведь роковое падение мироздания так или иначе, но произошло и выражается в том, что появилось притяжение плоти и мир стал тленным и смерть вошла в мир, и любовь между мужчиной и женщиной следствие сего (хотя, впрочем, Владимир Соловьев доказал, что так как человек стал смертен, то посему надобно было рожать, чтоб продолжиться в роде... а связана ли с этим *любовь* и греховна она или нет, это еще вопрос). И так как мы уже видим, что понятие о *первородном грехе*, о «притяжении полов» и «похоти плоти» и «похоти очей» (то есть о *половом инстинкте* по определению Чарльза Дарвина и Шопенгауэра в согласии с верным христианином Вл. Соловьевым) не так прост, то надо бы обратиться за разъяснениями к Новому Завету, но так как Новый Завет каждый толкует по своему (посему и христианство разделилось на ненавидящие друг друга течения), то мои оппоненты не доверяют мне его толковать по моему, а я не доверю им, и посему надо обратиться к христианской литературе в целом.

«Лучше не прикасаться к женщине», велит апостол Павел, и как ни толкуй, но если бы прикосновение не было *грехом* (или чем-то порочным, или вредным вроде чрезмерного питья вина), то и не было бы такого призыва.

А «Письма о девстве» и вовсе вопиют об этом как о грехе *вопиющем*.

И монахи готовы себе руку отжечь (как протопоп Аввакум), только бы не соблазниться. А кто устоял, прославлены и причислены к лику святых. В этом отношении Манон Леско полная противоположность Марии Египетской, как Анна Каренина (позволившая себе влюбиться и не устоять перед призывом любви, который столь же плотский, не более, как и метафизический и трансцендентный) противоположна Татьяне Лариной.

«Скупой рыцарь» у Пушкина жизнь посвятил собиранию *«сокровищ не на небе»*, «Злой Кощей даже чахнет над золотом», «люди гибнут за металл» и

«сатана там правит бал» – мы, обыватели, видим, что почти вся наша жизнь определяется *златом* и погоней за ним и множества людей гибнут и уродуют свою жизнь этой погоней – но и Новый Завет и назидательная религиозная литература посвящают осуждению пошлой и зловредной погони неизмеримо меньше времени, чем «погоне за девицами», и кто отказался от богатства, в святцы не попадает, а кто отказался от девицы, всемерно прославляется.

Совпадает ли сущность первородного Греха с тем, что двое стали одною плотью, богословие часто даже запутывает, а уж писателям, особенно мирским, особенно тем, которые меня ругают, доверять и вовсе нельзя.

Да я и не спорю, что Ева *ослушалась* и тем согрешила и разгневала *батюшку* – вон даже и в благонамеренной «Капитанской дочке» говорится: «Капитанская дочь, не ходи гулять в полночь!»... – и нарушение запрета сверхважно – но почему и на что сей запрет? Не есть моченые яблоки?

Грех – в гордыне! – отвечают иные. В желании поставить себя своевольно рядом с Богом или даже выше его – другие... И так далее...

Чума на оба ваши дома!

Да разве так важно, в чем именно *первородный грех*? И хотя я уверен, что *баба замешана* в этой истории несомненно, но готов более на эту тему не спорить, потому что суть не в этом, и мои оппоненты сие тоже знают.

Начну издалека... Даже наша пресса не во всем согласна с практикой современного государства, в частности, много пишут о том, что в Суде существует «обвинительный уклон» и после окончания следствия оправдания встречаются чрезвычайно редко; а после рассмотрения кассационных жалоб апелляционный суд оправдывает подсудимого или осужденного еще реже. Впору, чтобы не тратить лишние народные деньги, постановить осуждать каждого без суда по определению Обвинительного заключения и на столько, как требует прокурор. И по апелляции никого не выпускать. А то нас с сыном после пяти месяцев отсидки (из данных нам пяти лет) освободили (и за три года это был первый случай на тысячу восемьсот человек) – и поколебалось Российское правосудие и чуть ли не рухнуло.

Что говорит по этому поводу Солженицын? В романе «В круге первом», когда выяснилось, что один из задержанных по делу о телефонном звонке не причастен к сему и он наивно спросил: «Так теперь меня можно освободить? Я ведь не виновен!» следователь изумленно возразил: «Как НЕ виновен?! ОРГАНЫ найду-у-т!!!» Итак, аксиоматически считается, что если человек арестован, то его уже освобождать невозможно и он метафизически виновен, независимо от конкретной вины. Таким образом, современное правосудие, как и советское, исходит из «Презумпции вины», то есть из аксиомы о изначальной виновности еще до доказательства вины, и потому является *осудительным*.

Аналогично аксиома о *врожденной вине человека* является основанием, источником, сердцевиной христианства, *человек виновен* (особенно женщина!) изначально, и съел ли он плод с запретного дерева, вступил ли в преступную связь с лицом противоположного пола, исполнился ли гордыни, дерзости или захотел сравняться с Богом – это уже только формы его врожденной вины (и с гордыней церковь борется так же жаростно, как и с любовью).

Смирение и Безбрачие – вот то подлинное, к чему надо стремиться, чтобы быть праведным, и они представляют собою единство, и *гордыня* и *притяжение полов* обе входят в *первородный грех*, и что из них пуще, пусть смотрит буквоед-юрист; но так как я защищаю женщину, а в ее смирении и прокурор не сомневается, а в том, что она способна соблазнить не только Адама, но и Змия, не только Змия, но и прокурора с судьями и даже всех современных богословов вместе взятых, не сомневаются даже присяжные заседатели (если они есть, ибо суд осудителен в принципе и приговор написан заранее!!!)

Но была ли и природа не тленна до грехопадения или только человек был бессмертен? Впрочем, это не важно. Ева вышла в сад погулять и мир после этого настолько разладился, что только смертная жертва самого Бога могла бы его восстановить – да и то, как мы видим, пока ничего не случилось...

4. Иудаизм и христианство

Кажется трюизмом, что иудаизм и христианство подобны, так как они происходят из одного источника, ибо Ветхий Завет (Библия) их общее Священное писание, а Новый Завет хотя принадлежит только христианам, но содержит множество ссылок на Ветхий Завет.

И я отчасти так думал, но теперь вижу, насколько их сходство мнимо.

Иудеи – богоизбранный народ, и их религия принадлежит только им, и Бог – это Бог иудеев, Бог одного народа, которому Он обещал спасение.

А Иисус Христос пришел ко всем, хотя и говорил, что пришел спасти только Свой народ, да даже не только ли к язычникам Он и пришел, к чему в конце концов склонился апостол Павел?!

Евреи держались за свое Священное писание как за залог их исторической вечности, и нет ничего более враждебного им, чем слова апостола Павла: «Отныне несть ни эллина, ни иудея, но все во Христе одно!»

Миф о изначальной вине каждого человека отменяет их богоизбранность и обещание спасения, которое они получают по особой милости Бога. Поэтому они не приняли ни христианского Страшного суда, ни Воскресения.

5. Пробуждение

Но я знаю не точнее и не глубже других то, о чем спору с «умниками».

Но не в том же ли положении бывали апостолы? Вот говорит апостол Павел: «Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится.»

«Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.»

И добавляет: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше. ... «Любовь [же] никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.»

Итак, и я вижу многое «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, *тогда* же лицом к лицу» – вот на что я надеюсь, и *тогда*, быть может, я напишу наконец более достойную книгу. Надеюсь, читательницы у меня будут те же, но они будут радоваться, что поверили мне не напрасно.

Это состояние, в котором человек видит прежде невидимое (вероятно, далеко не всё, но все же многое) называется *Пробуждением*. И как бодрствование отличается от сна, так оно отличается от бодрствования, представляя собою, вероятно, состояние, которое мы испытываем на границе Бытия и Инобытия или в Благодати Божией.

И потому достаточно гаданий, и скажу только то, что знаю по опыту.

6. *Любовь и Долг*

Из письма к Е.: *И о том и о другом* я тоже пишу в своей Книге, которую уже было закончил, да вдруг, разделившись сам в себе, начал редактировать, так что теперь состою из двух половин: Писателя-философа и Редактора.

В уже написанном преобладает Редактор, сокращает и переписывает. Но одновременно Писатель, в отместку, сочиняет новые страницы, поэтому книга будет готова, при всей спешке, не скоро...

... С книгой отчасти связано и все остальное...

Иногда приходят грустные мысли – а надо ли мне было из математиков уходить в Колумбовы путешествия в поисках Америк и Ветряных мельниц?

Настроение в связи и с сказанным и с несказанным плохое.

... В среду еду снова в деревню, работать в огороде, ходить в лес, строить погреб и пытаться воскреснуть.

«Все ли в порядке?» – Нет, увы, не все. И «и то и другое и третье»... **И** еще ... Да, вот это последнее «И» еще более меня огорчает, оно и является основной темой книги, это Любовь между мужчиной и женщиной в ее взаимосвязи и с семейными (фамильными) ценностями, и с Верой и Долгом, и с Заботой и Состраданием... да чуть ли и не со всем остальным...

В твоих глазах, среди листвы зеленой,
В прикосновеньях пальцев, блеске губ
Блаженствую, отвергнутый влюбленный,
Свободный, не спешащий, полусонный,
К опушке леса прислонённый дуб.

В твоих глазах дробятся солнца блики,
Природа дышит утомленным днем.
Мир помещён в ладонь твою, двуликий.
Он – Дух и Плоть, он юный, ветхий, дикий,
Он пенье птиц и грозных гуннов клики.
Я буду рядом – молнией и пнем!

В твоих глазах, в изгибе черной брови,
В счастливом смехе, в ветре и в дожде
Текут ручьи – безумные любви...
И я, клянусь, текучий в каждом слове,
То в вечности, то в тлении, то в нови
Останусь жить: в тебе, в других, везде!

Предельное состояние любви – ЖЕРТВА. И женщина с способностью к ней рождается, мужчина только может достигнуть – но смогу ли я преодолеть свою *природу* и отказаться от себя самого?

Отчасти я и тяну с этой книгой, что закончить ее надо одним словом, если не обещанием жертвы (или отказом от нее), то хотя бы согласием с тем, что она возможна, и что я к ней склоняюсь ... Итак, ДА или НЕТ...

И, возможно, все мои терзания и злополучная болезнь, терзающая меня – отчасти покаяние в греховных страстях, отчасти искушение их...

И все же всегда ли мы правы, сверяя и наши страсти и увлечения и нашу Любовь только с Грехом и Долгом? Быть может, это безысходные «Апории Зенона», и Ахиллесу не догнать черепаху, пока мы не изменимся и не начнем смотреть и видеть иначе? Любовь – это любовь, а грех – это грех, и они разделены, и грешит человек не в том, что любит, а в чем-то другом, как даже правосудие осуждает нас за поступок и намерение, но не за чувство и мысль.

7. Смерть и Воскресение

Кажется, что меня не так сильно страшит смерть, как страдания, во всяком случае, не настолько, чтобы любой ценой *пребыть* или *воскреснуть* как угодно. У великих поэтов удивительна математическая точность описаний. Юноша Лермонтов, словно предчувствуя смерть, не молит о пощаде, не просит о воскресении, а пишет: «Я б хотел навеки так уснуть, чтоб в груди дремали жизни силы, чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь.» Какая противоположность слащавому христианскому *смирению* (если только не вызвано оно иногда мукой и болью).

Пушкин тоже часто пишет о смерти, и удовлетворяется тем, что «Нет, весь я не умру! Душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит!» – ему достаточно метафизического бессмертия, достаточно остаться в культуре.

Думая о смерти, я почти уверен, что по крайней мере напишу еще две книги (кроме этой, которую уже дописываю). Во-первых, допишу «Отбеливание льна» (ее я уже писал дважды за пятьдесят лет, но, видно, все еще не готов становиться настолько добродетельным, как *отбелённый лён*). Во-вторых, напишу еще одну книгу. А будет ли что сверх этого, не знаю, может быть, начну строить дом.

Смерть – это переход – но куда именно, я не знаю, надеюсь, что в Инобытие. Но если я успею сделать то, что мне кажется самым необходимым, то постараюсь *переходить* без истерики. Ужасно не хочется обременять своим "путешествием" близких. Лучше всего было бы уехать в необитаемую тайгу, построить пещеру, и там и "перейти"...

Но чтобы не вызывать ненужную грусть у читателя, закончу я свои рассуждения словами любви. Любить – гораздо лучше, чем умирать. Любовь не только не может быть грехом, но это высшая добродетель, она единственная по настоящему противостоит смерти, так что, пожалуй, самый «смертный грех» – это смерть. Смерть даже единственный по настоящему *смертный грех*, все остальные не так существенны. И было бы не плохо закончить эти заметки так: *Братцы и сестрицы, держитесь до конца! А лучше совсем не умирайте! Любите – и тогда не умрете. Или, если достигнете идеальной любви, то уже не сможет вас смерть страшить, но только отсутствие любви.*

Вот это, пожалуй, самое важное, что я узнал, *размышляя* о любви, особенно, о ней *чувствуя* – ибо ничто не писал я «гадательно», но посланы мне были все необходимые для этой книги мучения, в том числе и мучение *невозвратности*... Или не все еще потеряно? Еще есть надежда?

Христиане чуждались всякой науки и техники, в том числе медицины, их мировоззрение было враждебно поискам помощи человеку помимо чуда и Бога, даже спастись от греха человек сам не в силах, спасает лишь Бог (по особой милости). Народная медицина, целительство, ведовство, знахарство, тем более колдовство – всё было отвергнуто, и врачей в христианской Европе сжигали вместе с ведьмами.

И только среди русских мог появиться такой оригинальный мыслитель (которого хорошо знали и Достоевский, и Толстой, и Розанов) как Николай Федоров, задумавший воскрешение предков с помощью научных методов (а его ученик, Циолковский, начал конструировать космические аппараты для расселения воскрешенных людей на пригодных для жизни планетах).

8. Упоение природной жизни и христианская пустыня вместо нее

16 июля, Сегодня ясное утро, воистину Благодать Божия. Солнышко, легкие облачка, не жарко (но и не холодно, как было в последние дни).

Приходили волхвы, учили, комментировали, назидали.

Хотел записать еще два замечания в адрес христианства, одно уже успел забыть... Хотя, быть может, все это я уже говорил, хотя не грех повторить и в семидесятый раз, потому что апологетическая литература повторяет одно и то же по семьсот раз, не смущаясь, да к тому же ничего кроме патоки: «спаси и благослови, с Богом, на все Божья воля» – и так далее; а литература критическая на все лады повторяла либо «Бога нет», Земля круглая, Солнце произошло из туманности, человек из плесени – и тоже *и так далее*. До существования христианских идей критики не успевали дорасти (их вовремя сжигали), а сторонники боялись не ту букву вставить в свои комментарии, чтобы их от церкви не отлучили. Нет, я из немногих, кто Новый Завет читал (да и "Ветхий"), да отчасти и тех или других писателей, писавших по сему поводу, и я не принадлежу ни к марксистам, боявшимся отступить от Ленина или Маркса, ни к христианам, боявшимся, что «батюшка не поймет и осудит»; и имею свою независимую точку зрения, да к тому же я математик, да еще и редактор. В отличие от критиков, я не сторонник того, что материя рождает сознание, а вижу и ощущаю мир так же, как и человека, то есть что есть и тело мира и душа мира, есть неживая и живая природа. Что же до отличия от христиан, то главное отличие состоит в том, что мой личный Бог, в которого я верю, не хуже человека, не более жесток, не более злопамятен, и не требует себе чрезмерного поклонения, так что бы шагу нельзя было ступить, чтобы не перекреститься, и ведет себя как друг, а не как рабовладелец, не вмешивается в частную жизнь, и иногда даже помогает.

Ну так посему позволю себе и еще несколько замечаний.

«Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего.»

Вот это «*Не любите мира, ни того, что в мире*» проходит как заклинание через весь Новый Завет, и «князь мира сего Дьявол». Начинаешь уже сомневаться, что Бог создал этот мир, настолько Он его ненавидит. Может быть, из-за того, что мир повредился в результате грехопадения Евы?

Но зачем же было до этого допускать, если было известно все заранее, ибо «у вас же и волосы на голове все сосчитаны»?

Странно как то... Казалось бы, любящий отец построил дом, благоустроил его, так что и птицы небесные, и гады подводные, и даже лилии «не трудятся, не прядут; но ... и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них.» – всё великолепно в этом доме, и вдруг... не украли, не убили, не прелюбодействовали, не предавали, не собирали богатств, всего-то осмелились, НЕ ЗНАЯ последствий – и вдруг «все смешалось в доме Облонских», *у детей открылись глаза*, они почувствовали влечение друг к другу, и любящий отец проклял их, изгнал из дома и проклял даже мир, который сам и создал.

Сакральные мифы часто повторяют житейские психологические коллизии. Отцы иногда так привязаны к дочерям, что ревнуют их даже более, чем Отелло свою Дездемону, и когда дочь «сбегает с проезжим офицером», рушится мироздание. Эту житейскую коллизию и повторяет *Миф о перво-родном грехе*. (Если только не допустить, что поведение людей повторяет коллизии сакральных идей?)

Но надо ли нам, потомкам античного мира и античной культуры, жить вечно в мире иудейского мифа, да еще доведенного христианской транскрипцией до неразрешимой трагедии, так что и смертная жертва Бога-Сына еще его не исправила? Надо ли нам ненавидеть наш дом, не сметь предаваться страстям, дойти до крайности в смирении и кротости, так чтобы раствориться в отчей воле, посыпать голову пеплом и ждать смерти, а затем воскресения для избранных, в котором мы *станем листьями на ветвях Древа жизни* (как объясняют христиане жизнь после воскресения)?

Нет, не надо. Мир надо любить, заботиться о нем, преображать его, исправляя в нем изъяны, как крестьянин исправляет поле и огород.

По отношению к миру христианство мне кажется религией ненависти, а славянское язычество с его культом природы – религией любви.

И я в хорошей компании, если вы вздумаете меня порицать и от меня отвернетесь: во-первых, в ней Лев Толстой, который мнил, что он истинный христианин, споря с церковью, но истинный он в действительности язычник (перечитай его повесть «Казачи», читатель).

Во-вторых, в нашей компании Бунин:

Срок настанет, Господь сына блудного спросит:

«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я всё, вспомню только вот эти

Голубые пути меж колосьев и трав!!!»

Христианство ли это? Что здесь, кроме упоения природой? В «жизни земной» христианин должен страдать, ибо это «юдоль слез, юдоль печали», а не счастливиться, так что скорее всего поэта спрашивает либо античный бог Пан, либо славянский Велес.

В нашей компании А. К. Толстой.

Благословляю вас, леса, И доли!
И посох мой благословляю,
И эту нищую суму,
И всю природу!

И, наконец, Пушкин – в бесчисленных стихах, воспевающих природу!

«Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То как зверь она завоет,
То заплачет, как дитя.»

Разве это ненависть к миру? Нет, это любовь к нему, это возвышенное и глубочайшее восприятие ее, которое достигается только в музыке или в тончайшей музыке стиха.

И Пушкин с нами, и Лермонтов, и Тютчев, и еще пока «нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется. Но *нам сочувствие дается, Как нам дается благодать.*»

Нет, это не христианство, воспевающее страдания («я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествою в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен»), отрицание, ненависть к миру и ненависть мира к небу, ибо «Преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят; и будете ненавидимы всеми за имя Мое», ибо «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! ... Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех: отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей.» – это не любовь к миру, не проповедь любви и прощения, но безумная война против всех!

Нет в христианстве не только труда и творчества, но нет и Природы, она появляется только как цитата или символ, и мир сей постоянно противопоставляется как падший и требующий отвержения – миру *тому, иному.*

Но исправлять и *благоустроить* этот ненавистный мир запрещается, исправлять можно только себя, да и то единственным способом: раздать имущество и пойти за Христом (а, следовательно, порвать все социальные и семейные связи, уйти от жены и детей, от друзей и родных). Но все же, сколько этот мир ни обличается, но *необходимо подчиняться земной власти* (даже неправедной), и «отдавать кесарю кесарево», а рабам «повиноваться господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца». И хотя Христос пришел разделить мир так, что «отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери», но никогда не говорится, что раб будет против господина своего и подданный против царя.

Христианство обращено словно бы к человеку, живущему отдельно от всех, наедине со своей душой, и занятого только ею. Если ты еще в мире, то уйди из мира, оставь семью, оставь труд, оставь творчество. «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела

вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? ... Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам.

Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.»

Итак, ни трудиться, ни заботиться о семье, искать царства Божия и спасать душу – свою и только свою! – в этом отношении христианство оказывается несравненно эгоцентричным. Подвиги истязания плоти (жизнь в пустыне среди диких зверей, отшельничество, жизнь на столпе, жизнь в мрачной сырой пещере) – не что иное как Отрицание – родных, друзей, мира.

В чем же причина привлекательности христианства? Властителей подкупает, во-первых, космогонический образ мира, в котором вся власть принадлежит Верховному правителю, Богу-Отцу, и где хотя *богатым и трудно войти в царствие небесное, но кесарю все же следует отдавать кесарево* (политическая власть, прежде всего царская, таким образом поднимается выше власти денег – а эти две власти не всегда солидарны), и *миро-помазание* Кесаря как наместника Бога на земле; во-вторых, евангельские проповеди обращены к особому типу человека, плохо способного к семейной и социальной жизни – бродяги, проповедника, поэта, перекасти-поле; отчасти это и Розановский тип «Людей лунного света», становящихся монахами и "невестами христовыми" – но бродяги и монахи друг друга дополняют.

Однако прикипают к христианству и вполне нормальные люди, семейные, отзывчивые, домашние, даже писатели и иногда ученые – может быть потому, что они создают особый образ его как проповеди не ненависти, а любви?

9. Христианство как выражение воли к смерти

Утром белочка прыгала перед моим окном, перескакивала с одной березы на другую – не символ ли это чуда, связанного с природой? Да, природа исполнена чудесного, как и женщина, она – женская ипостась мира.

Через Еву в мир пришло притяжение плоти и Красота. Пришла и Любовь. Но пришли и страдания и смерть.

Миф о Грехопадении может изображать и уход дочери к жениху, ревнивый отец проклинает дочь и лишает ее наследства. Но еще достовернее, что в этом мифе изображается переход от счастливого детства и неведения ни того, что мы мужчина и женщина, ни того, что мы наги и этого надо стыдиться, ни того, что мы смертны. В наш счастливый райский мир детства входит смерть, мироздание рушится! Разумеется, смерть не входит впервые, но *мы узнаём* о ее существовании, и это все равно, что в мир детства она впервые входит. Рай заменяется адом.

Однако, приходит и Любовь, и страх смерти отступает в любви, любовь преодолевает его, и мы уже не о том думаем, что умрём, а – любит или нет, а затем уже нет и времени страшиться смерти, успеть бы сделать задуманное...

Даже апостол Павел, учивший о том, что *Воскресение* приобретается через веру, сказал, что «если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто.» Так не в нашей ли он тоже компании? Увы, нет...

Христиане не принимают жизнь, они стремятся превратить ее в муку, до того, что она становится ненавистной, и не страх ли смерти тому виною?

Шафаревич показывает, что даже, казалось бы, жизнеутверждающий социализм парадоксальным образом в сердцевине своей имеет волю к смерти. Таково и христианство. Завязкой его оказывается приход в наш мир смерти (в результате опрометчивого поступка Евы). Кульминацией – смертная жертва Иисуса Христа. Развязкой – воскресение после смерти.

Все сакральное действо изображает земную жизнь Спасителя, кончающуюся воскресением, аналогично сему жизнь человека представляет собою противостояние греху и путь спасения души, что имеет единственную цель – *заслужить* воскресение после смерти. Но как оно заслуживается? Отрицанием мира, отрицанием любви, отрицанием жизни. Так не *воля ли к смерти* лежит в основании такого тотального отрицания?

Поэтому воскресение не для моего отца и не для матери. И если бы я даже мог воскреснуть, то могу ли я оставить их здесь? Нет, лучше я тоже умру и буду лежать рядом с отцом на Безымянной высоте!

Ибо благо ли мне воскреснуть среди тех, кто ненавидел при жизни мир, семью, любовь?

10. Любовь и Долг

Мы сидели в вагоне электрички, пили вино, я целовал ее пальчики, *она смеялась и была счастлива* – а разве не для того я и влюбился, чтобы преодолеть ее грусть, ее отчаяние, которое она часто испытывает, ее горькие слезы? И когда я понял, что без притяжения плоти я не смогу преодолеть ее грусть, что именно в нем содержится некая последняя тайна, сверхМагия... тогда я и влюбился. Да, только для того и влюбился – чтобы ее спасти! А не для наслаждения и обладания.

А теперь она говорит, что *любовь – это грех*, и что *мы должны расстаться*, если не сможем заменить любовь дружбой.

Но страдаю и я, потому что мы оба не свободны, и я не могу приобрести ее ценою чужого страдания. Она не может стать Анной Карениной, а я не могу стать Вронским. Она – Татьяна Ларина, и я ею за то восхищен, но все, что вызывает во мне восхищение ею, нас разъединяет.

Когда я понял, что должен в нее влюбиться, чтобы ее спасти, я об этом ей сразу сказал (мы сидели в китайском кафе и ели какие-то странные черные макароны), и прикоснулся к ее мизинчику. Она его отодвинула, но я был настойчив и, наконец, наша игра закончилась тем, что я взял ее за руку.

Мы потом еще гуляли полчаса по улице, при расставании она неожиданно разрыдалась и ушла плачущей.

"Мама мне говорила, что исключений не бывает, что всем мужчинам надо только *это*, какими бы возвышенными они не были. Она была против нашей странной дружбы" – написала она в письме.

Почти месяц я перед нею каялся, клялся не любить ее больше, при встрече в сердцах воскликнул: "Да не нужна ты мне совсем!" – и она рассмеялась.

Мы помирились, и теперь изредка встречались ненадолго в метро или на улице, но однажды она порывисто меня обняла и убежала.

В полночь она прислала мне смску: «Пожалуйста, напишите мне несколько слов, я не могу уснуть! Я не могу жить без Вас!»

Позже она проговорила, что бывали дни, когда она каждые полчаса открывала почту, надеясь, что пришло письмо от меня, а письма все не было...

– Прости меня, ангел мой! Я не знал об этом. Я постараюсь сделать так, *чтобы я от тебя зависел*, чтобы я страдал, ожидая от тебя писем. Хотя бы ради этого мне надо тебя любить, а ты можешь не любить меня или, по крайней мере, не говорить мне об этом. Таким образом я искуплю свою вину перед тобой.

– Нет, нет, я не хочу, чтобы Вы страдали, и не разрешаю Вам меня любить, потому что иначе наши встречи прекратятся. И так уже все подруги меня осуждают...

И вдруг мы встретились на вокзале, я должен был передать ей книгу, поехал ее провожать, у меня с собою было сухое вино в бумажной коробке, и не обращая внимания на окружающих, мы его начали пить...

Любовь – не грех, и поэтому не страх греха нас мучает, но ответственность перед *другими*. Что же делать?

Если мы не будем любить, тогда сможем встречаться... Она права, она прекрасна в том, что чувствует и как чувствует – она – все женское в мире, то есть все мягкое, деликатное, тонкое, отзывчивое, она красота, нежность, любовь, сострадание, творчество, жертва, рождение...

Так что же, надо расстаться?

11. Вера и Любовь

«Нет чувства выше товарищества!» – воскликнул Гоголь устами Тараса Бульбы. И суровый Тарас доказал это своею жизнью и смертью, сына своего обрекая на смерть за измену. Так любовь к своему народу продолжение ли «любви между мужчиной и женщиной», если во имя нее приносится в жертву собственное дитя? Не сродни ли она любви к Богу, для которой надо «возненавидеть отца своего и мать, и жену и детей, и братьев и сестер, а притом и саму жизнь свою»?

Но ведь и в *любви между мужчиной и женщиной* часто приносятся в жертву и муж и жена, и родители и дети, а часто и жизнь сама, как в «Ромео и Джульетте», в «Красном и черном», в «Пармской обители», в «Гамлете» и «Анне Карениной»?!

Любовь – это предпочтение, и нет для всех ее родов и видов общего знаменателя. Хотя любовь к женщине и патриотизм и имеют общий корень, но ради прекрасной полячки Ондрий позабыл и отца и мать, и брата и друзей, и даже саму колыбель свою, свою прекрасную Родину, – так кто может осудить человека за то, что он прилепляется к одному и отлепляется от другого? Прилепляется к Богу и бросает семью; предает своего сына; прилепляется к «партии»; прилепляется к Революции; прилепляется к Родине...

Нет, не существует у всех предпочтений общего знаменателя, и любовь к Богу, партии, революции, родине – это любовь одного рода, а любовь к женщине – другого, – прав Владимир Соловьев, что в конце концов не от любви рождаются дети, а от соединения полов, которое может быть без любви. Не поэтому ли так ревнивы и Бог, и Партия, и Революция, и Родина к

женщине, что видят в ней свою соперницу, хотя не случайно ревнивы и друг к другу, и для христиан нет ни еллина ни иудея, для нацистов нет христиан, революционерам родина весь мир, и если прикажет партия убить, то сторонник ее убьет того, кого скажут.

Но если прилепление к христианству или к большевизму – это не выбор, а слепая нерассуждающая любовь, то возможно ли с помощью философского умозрения убрать пелену с глаз (которая кажется самой истиной), объяснить заблуждение и преодолеть наваждение? В *слепой любви*, лишенной выбора, искажаются нравственные ориентиры, и появляются инквизиторы и чекисты, Торквемада и Каиафа (хотя иногда кажется, что Евангелие словно бы оправдывает его: «...Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб»); появляются Марат и Иуда (о котором также иные того мнения, что он предал Христа, чтобы исполнить обетование о принесении Сына Божия в жертву, ибо не потому Христос был распят, что был предан, но потому что Он и пришел на землю, чтобы быть распятым для спасения рода человеческого.).

Но если смотреть на миф взглядом холодного исследователя, то поневоле подумаешь, что привязанность к нему как *любовь с первого взгляда*, и объяснить ее невозможно. Никто не смотрит на все, не видит и не хочет видеть, одни – слепые поводыри слепых, другие за ними идут слепо, третьи во всем ищут выгоду (эти хуже всех) и для них родина и истина там, где больше платят, а четвертые «куда все, туда и я», и только пятые никуда не идут, «мучаясь, что не поймут, куда несет нас рок событий». Эти несчастные всех.

Но все же большинство выбирает в мифе то, что им близко. Верно ли им сказать: Не прилепляйся к этому мифу, отлепись от него, если прилепление к мифу сродни прилеплению к женщине, как любовь? Верно ли потребовать: «Не люби так поспешно, пересеклись ваши взгляды, и ты уже *на всю жизнь и даже на смерть?!* Так разве может быть?»

Но искра от кремня тоже мгновенна, но вспыхивает приготовленное к горению (как в душе готовое для любви) и занимается огонь, согревающий и освещающий, – или пожар, сжигающий не только двоих, но и многих.

Посему не скажу, что не ходите, мол, в церковь и не молитесь Богу, и не ходите на партсобрания... Я ведь тоже и очаровывался и разочаровывался...

Не свободны почти все, и только писателю необходимо быть *свободным*. «Партийный» писатель мошенник, а то злоумышленник. Или несчастный, «наступивший на горло собственной песне». Лев Толстой написал назидательный роман, мораль в котором он выводил из Евангелий, но жизнь лошади (в «Холстомере») у него была гораздо жизненнее и человечнее.

Поэтому эта книга, посвященная *прощанию*, только для меня самого, это мои собственные вопросы и ответы на них – только для меня.

Ибо любовь заменила мне веру.

Противоположны ли дружба и любовь? Нет, чем больше в любви дружбы, тем любовь глубже и основательнее, любовь, ограниченная страстью, не поднимается до трансцендентного..

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ **ЖИЗНЬ КАК ТРАГЕДИЯ**

1. Смятение

2 августа, 22-28. Я в деревне, один, без жены. И уныние мое возрастает. Перечитываю свой опус и редактирую его, пытаюсь сократить.

Еще месяц назад напечатал тогдашний вариант в 4-х экземплярах и раздал друзьям, они же оказались самыми грозными критиками, велят или поучиться писать у других, более умелых, или книгу сжечь и более не писать, или хотя бы текст сократить в четыре раза.

Пытаюсь сократить, но более чем на одну-две страницы на главу сократить не удастся.

И я впал в уныние, писатель я второстепенный или даже плохой.

Бросить писать не могу, потому что с литературой я связал свою жизнь, и верил в то, что удастся "расписаться", и надеялся на это. Но лучше писать не удается. Что же делать?

Утешала меня любовь, но *она* от меня неожиданно отказалась, так как любовь – это грех, и ей пришлось выбирать: духовная любовь или плотская (или хоть и душевная), Бог или я? Естественно, что «Бог превыше всего» – написала она мне в смске. (А разве я спорю? И что же теперь – не жить? Не любить? Уйти к "людям лунного света"?)

2. Любовь без взаимности – это и есть "другая любовь"?

Ночь на 3-е августа, 0-53. Вчера с В--й пьянствовали на лужайке около ее дома, сели на бревнышко, постелили скатерть и газеты, закусывали бутербродами и огурцами.

Говорили и о бизнесе, и о любви (хотя, казалось бы, темы несовместимые). В итоге я простудился, да сегодня и ночь прохладная, топил печку, горела плохо, изба не нагрелась, только надымил. Топлю теперь заново, согрел чаю с медом – ну, так, казалось бы, чем не жизнь и на что еще жаловаться? А я каждую ночь думаю о смерти, и уже соглашаюсь с христианами, что жизнь – *юдоль слез и печали*.

Как могут любить те, кто не требует и не ждет ответного чувства? Воистину, они ангелы в сравнении со мной, и я теперь убедился, что я эгоист, мне непременно было нужно, чтобы *она* меня тоже любила, без этого только печаль и слезы...

Любить без взаимности могут, вероятно, лишь женщины, они уже и природою созданы в том числе для жертвы – разве материнская любовь – не жертва? Отлепляются дети от матери и прилепляются к возлюбленным; смотрят по сторонам даже любящие мужа (и Шопенгауэр бесстрастно пишет о том же); если же случается у нее у самой "посторонняя любовь" или хотя бы "Двадцать четыре часа из жизни женщины", то или общественное осуждение, либо собственные муки совести, чахотка, колеса проходящего поезда и в темный омут или с крыши вниз головой...

Да и любящий мужчина, не получая ахов и охов и сияющих взглядов, если не осыпает упреками вслух, то таит их про себя, ожигая укором, как я...

Так что же, и мне самому подвизаться только в любви, которая не ждет награды, внимания, помощи, заботы? Любить только безответно, отдавать не получая, ожидать без надежды... Только так любить?

Но хоть эта-то любовь безгрешна? Или и в нее бросят камни суровые старцы, охранители ветхозаветной нравственности?

3. Мистические совпадения и «Теория невероятности»

Третье августа, 10-37. На предыдущей неделе путешествовали втроем (я, милка и Т.) по Новгородской области. Сначала заехали в деревушку у озера около Окуловки, к милкиной однокурснице (а в награду нам всем приехала ее школьница-внучка, хорошая и хорошенькая). Сидели у озера, ходили за грибами, выпили немного за столом к разговорам, да еще я починил косу и прокосил траву у забора.

Возила нас туда и обратно и даже отвезла в нашу деревню дама Татьяна из "Женского такси", рассказывала о своей жизни и у себя в саду вырыла вишенку для нас, и мы ее посадили у нас на огороде.

Побыли дома один день и поехали в Боровичи, затем в Хвойное на автобусе, там нас встретила дочь хозяйки Розы, к которой мы ехали, со своим мужем, накупили они для себя и для нас хвойненского пива и отвезли в деревушку у долгого озера, куда мы после обеда пошли сидеть на скамеечке и купаться. На второй день пришла старушка 83-х лет из соседней деревушки, подарила мне козьего сыра и пригласила в гости. Жену мою она повезла к себе на лодке, а мы с Розой пошли пешком по лесной дороге, с которой надо было свернуть на тропу, но мы тропу не заметили и дорога перешла в чертов путь, разбитый трактором, с глиной и грязью после дождя. Дошли до сгоревшего дома, на месте которого остался цвести одиноко розовый куст, спустились к озеру и увидели на другом берегу залива нужный нам дом. Наша хозяйка разделась и переплыла залив, пригнав оттуда за мной моторную лодку, и вскоре мы были в гостях.

Еще идя по чертовой дороге, созданной трактором, я сформулировал теорему о том, что все зло от человека и побочных результатов его деятельности, от нелюбви его к природе, даже ненависти к ней, и если будет в России революция, то одна из ее главных идей должна быть экологическая, изменение государственной политики так, чтобы мощь государства была направлена и на защиту природы, и на защиту самого человека, не отказываясь от техники и технологии, но разумно распоряжаясь ими. (В той деревне, где я живу и еженедельно кошу нарастающую траву перед завтраком, себе в удовольствие, местные жители косят свои доморощенные "газоны" сенокосилками, и наполнена вся деревня с утра до ночи механическим воем).

Да, и еще кстати – возвращались мы по той тропе, которую перед тем не нашли, меж цветущих кустов и трав выше роста, и я почувствовал, что мы идем по райскому саду, среди красоты и благодати. И хотя ничего не прибавилось у меня из имущества, ни автомобиля, ни дома, ни денег на счете,

но я побывал в раю и испытал блаженство, для которого не надо становиться богатым и власть имущим.

Но главное все же даже не в этом.

Придя в гости, я увидел, что хозяйка дома, ее муж и моя жена оживленно разговаривают и листают некую книгу, нам ее дали с собой на день, и я понял, зачем затевалось путешествие в деревню у озера в хвойненском районе: я нашел нужного мне философа, Налимова, специалиста по теории вероятностей, введшего когда-то понятие Экологии человека, а до этого просидевшего двадцать лет в советских тюрьмах.

Налимов родился в 1910-м году, захватил Революцию, социализм, немецкий нацизм и войну, и написал несколько книг, собрание которых только что напечатано, уже после его смерти.

Я нашел для себя в его сочинениях много важного, и не для знакомства ли с ним волхвы меня и послали в путешествие по Новгородской области?

Говоря о детерминизме, о связанности явлений причинно-следственными связями, Налимов добавляет, что надо еще учитывать и *случайность*, ибо происшествия, случающиеся в силу *случайности*, не входят в этот ряд, они не необходимым образом происходят, а могут произойти и не произойти.

И я, продолжая его, подумал, что существуют происшествия не только *случайные*, но и *непостижимые*, ИНЫЕ, инобытийные. Так, например, во сне мне явилась Зинаида Серебрякова и обещала прислать подарок (об этом я напечатал очерк в журнале МЪра). И непостижимо не только то, что я нашел в этот день альбомчик с ее акварелями, блуждая в громадном городе, но еще более непостижимо то, что это событие мне было предсказано во сне!

Не было случайностью и то, что в этом путешествии явились мне новые идеи, необходимые для завершения книги о любви. И были ли случайностью встречи с людьми и впечатления, помогающие последние акценты (ударения) в этой книге расставить так, чтобы не исказилась ее гармония?

По дороге в деревню на Долгое озеро Володя Т. рассказал историю о немецком пароходе, который мы у них забрали после войны в счет репараций, возили пассажиров на Дальнем Востоке, а когда невыгодно стало его использование, поставили в док и он там тихонько ветшал. Японцы предложили его купить за солидные деньги, якобы, на металлолом. Но наша разведка выяснила, что ценность парохода в деревянной обшивке кают из ценных пород, поэтому русские, прежде чем продавать, обшивку выломали, чтоб не досталась японцам, сложили на берегу и за пять лет сгнили!

Услышав эту историю, подумал я, что этот народ надо ненавидеть или презирать. Таким образом, вот к чему приходит мой национализм – к ненависти к собственному народу.

«Люблю Россию я, но странною любовью!» – вот эта странная любовь к России и не возвеличивает бессмысленно свой народ, унижая других, а показывает его недостатки, возбуждая потребность в их исправлении: «Люблю и поэтому хочу, чтобы он стал лучше, может быть, даже лучше других!» Так мать, если не слепо любит свое дитя, а с ясным взором, старается из него воспитать достойного человека, но не обманывает себя и других, что ее дитя и так лучше всех.

И все же путешествие по Новгородской области отчасти мой народ показало и с лучшей стороны, и не только писателей и ученых, поэтов и философов, но и школьницу и ее радушную бабушку, необыкновенную «извозчицу» из «женского такси», дочь хозяйки, пригласившей нас, с ее преуспевающим мужем, съездившими за нами по разбитой дороге за сорок километров и накупившими нам уйму пива, соседскую бабушку, пригласившую нас в гости в рай... и все эти люди необыкновенны, они не только добры, умны и радушны, но и талантливы и интересны... впрямую бы написать о них отдельную книгу... но надо же, наконец, закончить мне и вот эту книгу о несчастной любви!

Но случилась и еще одна встреча, о которой я напишу здесь же.

4. Анна

Из путешествия мы уже вернулись, но оно еще словно бы продолжалось, как бывает, когда гроза отгремела, туча ушла к горизонту, но там еще польхает и изредка доносятся отдаленные раскаты грома.

Двое из нашей тройцы путешественников остались в Питере, один уезжает сегодня домой, жена моя его провожает и в среду придет в деревню.

Итак, вчера рано утром на Ласточке я поехал в деревню один, сидел за компьютером, а напротив, через проход, купе занимала молодая красивая мама с тремя детьми примерно трех с половиной, пяти и шести лет.

Младшая девочка сидела на полу, уткнувшись в сиденье, словно бы она рассердилась на остальных и показывает им свою отстраненность, другая девочка сидела в кресле, мальчик, постарше, сосредоточенно собирал из деталей танки и вздеходы. Молодая мама спокойно, уютно, уверенно, не торопясь, чуть-чуть поправляла артистов на сцене, как выигрывающий шахматист переставляет фигуры.

Наши взгляды встретились и мы улыбнулись друг другу как два давно знакомых и симпатичных друг другу человека, потом встретились взглядами еще раз, и я решил: встав и подойдя к ней, спросил, можно ли с нею немного поговорить.

– Да, конечно, – ответила она.

– Я пишу книгу о любви, уже последняя глава, но так и не могу сказать определенно, в чем смысл любви. А как Вы думаете?

Она обвела рукою купе, улыбнулась милой грустной и радостной одновременно улыбкой и сказала: – По разному... Но вот, например...

Затем добавила: «Любовь можно сравнить с деревом, у которого кроме ствола и корней есть еще множество побегов, и все они разные, и дополняют друг друга, и друг без друга несущественны. Но есть еще нечто, выделяющее любовь из всех других чувств: она словно стремится подняться над жизнью, стать выше нее, даже словно бы от нее освободиться и ее заменить!»

После этого мы проговорили еще около часа, но нам показалось, что успели поговорить обо всем важном. Выяснилось, что ее деревня недалеко от Мсты, а также недалеко и от моей деревни, что там есть старинная церковь, которую она хочет восстановить, а я рассказал ей о бароне Фальц-Фейне,

предки которого похоронены на церковном кладбище посередине между нашими деревушками, рассказал о нашем издательстве, о недавнем путешествии и даже о философе Налимове и повторил его рассуждения об экологии человека и о вероятностных связях между явлениями, дополняющих причинно-следственные связи.

Мы выходили в Окуловке, я вышел вперед, она с детишками вышла последней, я ждал ее у переходного моста через железную дорогу, наконец, она показалась. «Я жду Вас, чтобы попрощаться! – сказал я ей.

Женщина, стоявшая чуть поодаль, тоже, как оказалось, ожидавшая ее, воскликнула: «А это Василий Иванович, я делала о нем передачу на телевидении, он замечательный писатель и издатель выдающихся книг!»

– А мы уже с ним познакомились! – засмеялась Анна, – и я обязалась прочитать его книги, хотя это не так-то и просто... – и она опять обвела рукой вокруг, указывая не только на детишек, но и на всех, кто ее встречал...

5. Анна, еще

Четвертое августа, 11-20. «Ночью спать не давали то страх, то тоска, то простуда.» Да, спал я плохо, и все думал, как бы так умереть, чтобы моя смерть не была никому в тягость, и за похороны не надо было платить, пусть бы, например, государство меня расстреляло и похоронило само.

Но мучает еще меня страх и за участь близких, ибо без меня все же всем им станет хуже, к тому же они будут меня оплакивать... Значит, надо искать средство от болезни, а с простудой расправиться сегодня же!

Да, необходимо еще несколько слов сказать про Анну.

Сказав ей о том, что дописываю книгу о любви, я добавил, что все еще не узнал, ни что такое любовь, ни в чем ее смысл, не говоря уж про истину.

– Это хорошо! – воскликнула она. – Только сектанты все знают и во всем уверены, а нам уж приходится сомневаться...

А потом сравнила любовь с деревом, и еще, что очень важно, что любовь стремится стать словно выше жизни, независимо от нее или заменяя жизнь...

То, что я в любви запутался, не удивительно, в ней путаются почти все, а те, кто пишет о ней определенно и самоуверенно, в ней меньше всех понимают, глядя на жизнь слишком узко, почти как на геологические процессы в земной коре.

Но уже в разгаре день, деревенские дела тоже вопиют, надо еще прополоть «картошку на глинистом бугре» и закончить ремонт веранды... Так что пойдю-ка я работать, авось полегчает!

Анна же "еще" и потому, что она мне показалась идеальной женщиной (как, например, Татьяна Ларина), но при этом не высокомерной, не отделяющейся, а *своей*, родной и близкой.

(Но так как даже правила грамматики неустойчивы, и иное то выделяется запятыми, то нет, то не во всем следует доверяться моим представлениям о сущем, – но любовь не стремится быть справедливой, она только терпит, прощает, жертвует, милосердна, расточительна, доверчива, нежна, светоносна, милует по милости, привечает по любви. Такова любовь к детям. Иногда так любят и женщину.)

6. *Любовь и христианство. Христианская любовь*

Читаю на христианском сайте: «*Нам нужно возненавидеть душевную любовь, распяв ее на кресте!*» А какую же любовь надо полюбить? Странно, конечно, что любовь можно любить или ненавидеть, скорее всего, придется ненавидеть себя или ближнего за неправильную любовь, а потом уже, сменив гнев на милость, когда неправильная любовь будет *распята* и вместо нее появится правильная, оступившиеся будут прощены и возлюблены. Если душевную любовь следует возненавидеть, то очевидно, что ее место должна занять любовь духовная. Так как понятие духовности и духовной любви толкуется многими по-разному, то, надеюсь, если я буду говорить не о духовной любви, а о любви христианской, не погрешу против ожиданий христианского читателя, что он именно это и имел в виду.

Но что такое христианская любовь? Не погружаясь вновь в «непонятки» любви к ближнему, будем понимать ее в соответствии с мифом о грехопадении – это та любовь, которую Адам и Ева любили друг друга в раю до того, как вкусили злосчастный плод с запретного дерева, то есть это любовь к женщине как к сестре и любовь к мужчине как к брату (хотя, увы, и братья и сестры без грехопадения появиться бы не смогли... но, впрочем, соблазнам прийти было надобно, но да горе тому, через кого они придут!)

Кстати, *распятие душевной* (или половой) *любви* и замена ее на любовь правильную, братско-сестринскую, ясно доказывает, что смысл грехопадения именно и состоит в том, что Адам и Ева познали плотскую любовь, а вовсе не в послушании, как это пытаются внушить нам «богословы-книжники» (очевидно, те самые, которых и Христос порицал).

Даже не половой инстинкт, как думал наивный по дарвиновски Шопенгауэр, не «похоть плоти», то есть чувственная любовь, лишенная родства душ, общности мыслей, духовной близости, является злом, требующим распятия, а та самая Любовь, которая притягивает мужчину и женщину, так что они становятся единой плотью, которая такова, что она «крепка как смерть», и которая является главным корнем всей мировой культуры и которая пронизывает всю нашу жизнь, заполняет ее, становится ее смыслом.

Любить по христиански, жить по христиански – значит изгнать эту любовь из жизни.

Но ведь Брак благословлен, и рождение детей благословлено?! – да, не требует христианская вера, чтобы все перестали жениться и рождать, как мне это казалось ранее очевидным, нет, лучше не будет прикасаться к женщине, а те, которым не вместишь воздержание, не преодолеть этот злосчастный «половой инстинкт», пусть уж живут в соблазне и рожают детей, видя в монашестве свой недостижимый идеал. Грех не в том, что двое становятся единой плотью, а в (душевной) любви, связывающей их! Вот почему почти две тысячи лет брак заключался не по воле жениха и невесты, а по воле их родителей. *Любовь как причина* плотской страсти должна быть изгнана, именно она является грехом, а не плотская страсть, то есть не «похоть плоти». Не надо чувствовать романтическую любовь, не надо воспевать ее, не надо писать романы о ней (и Войну и мир), стихи и драмы, и музыкальные трагедии и даже полонезы.

Именно это и понял в христианстве Лев Толстой, когда отрекся и от своих романов и от культуры в целом, когда возвел в идеал искусства представление деревенских баб, пришедших встретить его дочь, и в честь нее устроивших концерт, ударяя ритмически по косам и подвывая в такт ударам.

Но если следует изгнать привычную нам любовь между мужчиной и женщиной как причину соединения в браке (а до Петровских реформ только так и жили, женились и выходили замуж только по воле родителей), – то какое чувство должно скреплять семью?

«Любовь к мужу», затем любовь к детям.

Что такое «любовь к мужу» и совпадает ли она с той самой любовью, о которой счастливый муж исповедался Евгению Онегину? «Но я другому отдана и буду век ему верна!» Он женился по любви, она – *по принуждению*.

А сам Пушкин, дважды сватавшийся к Наталье Гончаровой, а перед тем к Оленевой, дочери директора Румянцевской библиотеки? Конечно, он женился по любви. А она? Хорошо, если хоть было любопытство, интерес, тщеславие... А то, быть может, только покорность родительской воле (добродетель, восхваляемая всемерно христианами).

И иные еще смеют ее упрекать в том, что она была с ним холодна?!

Судьба Пушкина и его произведения говорят нам о взаимоотношениях христианской любви и Любви почти всё. Начнем с мнения Льва Толстого в связи с Пушкиным.

Я уже приводел его гневные пассажи в адрес Пушкина по случаю установки последнего в Москве памятника. «За что?! – гневно спросил великий писатель. – Только за то, что любовные стишки писал?!»

Уже скоро Лев Николаевич сообразил, что и светские романы не делают ему чести (когда он вознамерился стать христианином): это ведь не Жития святых и не нравоучительные речи – и с таким же гневом оборотился на самого себя, отрекаясь ... даже и от самой жизни, когда он ушел из Ясной Поляны.

Но эта *любовь, которую надо распять на кресте*, наполняла и произведения Пушкина и его жизнь, наполнила, в конце концов, и его смерть.

Итак, если брак и рождение детей еще и терпимы, то пусть уж в основе брака будет инстинкт, как и для всей природы, но только не любовь, в которой двое становятся не только единой плотью, но и одной душой.

Казалось бы, почему ее надо гнать? Да хотя бы потому, что первые две заповеди, наиглавнейшие, на которых зиждутся весь Закон и Пророки (как сказал Христос), ее не включают (и последние тоже), а любить надо Бога и ближнего. Не требуется любить и супруга, ибо «жена да убоятся мужа!»

Патриархальное общество было достаточно гармонично, страсти вокруг постели не кипели, любили ли родители детей, не ясно (во всяком случае, эта любовь не вытекала из той (между мужчиной и женщиной), которую я поставил во главу мироздания), да и сама эта любовь существовала не всегда и не везде.

Она была в античности у эллинов и римлян, у европейских народов появляется не ранее двенадцатого века, в России в высшем обществе после Петровских реформ, то есть с восемнадцатого века, а широко и в том именно виде, как мы ее теперь знаем и ей поклоняемся – в связи с преобладанием светской культуры, а не церкви, в дворянской жизни, в частности, в связи с возвышением Поэзии, и особенно дворянского романа во второй половине девятнадцатого столетия.

Любовь такова, какова Культура.

Есть ли любовь сегодня, так же ли любят, как и в девятнадцатом столетии, и любят ли?

Нет, любят не так. Нет, не любят.

(Разумеется, я не имею в виду случайности. Да, в русской деревне в девятнадцатом столетии, согласно духу христианской жизни, выходили замуж за того, кого выбирали родители. Но ведь и метеориты падают! – и если от тоски умирает белый лебедь, потерявший подругу, то не только в церкви и вокруг нее кипела жизнь, но она кипела подчас и в девичьих сердцах, и Анна Каренина и Настасья Филипповна и Манон Леско существовали и в русских деревнях – но только как исключение).

Так, может быть, уже и не надо призывать к распятию душевной любви (то есть любви между полами, включающей в себя и инстинкт, и «похоть плоти» и «похоть очей» и единение душ)? Разве она уже не распята?

Представить себе жизнь без такой любви, своего рода аналогичной силе притяжения, невозможно так же, как представить себе жизнь в невесомости. Но ведь многие народы даже и не знали ее, неизвестна она была в Китае и прилегающих странах, там даже не целовались.

Следовательно, такая жизнь была возможна. Возможно, она была более естественной, более упорядоченной, более подчиняющейся традициям, тому укладу жизни, когда человек не представлял из себя индивидуальность, но был подчиненной частью патриархального целого: семьи, рода, племени...

Однако, *христианская «ненависть к любви» проистекает не из быта и истории, но из Мифа.*

«В воскресении не женятся и не выходят замуж» (а, следовательно, и не любят?) Не в этом ли, в том числе, причина ненависти?

7. Спасение

Шестое августа, 11-20. Спал плохо, кашлял, и думал – зачем мне такая жизнь? Но ведь и смерть не лучше, насколько мы видим, и зачем мне такая смерть? Если только надеяться на воскресение? – Но если и до воскресения христианская жизнь не вмещала не только светскую культуру, но даже писание книг, а «книжник», наряду с «фарисеем», стал бранным словом на тысячелетия, а после воскресения еще исчезнет и любовь и все её прелести (пусть даже с муками!) – то что мне с воскресения? Любимых я не узнаю, родных и друзей и даже себя не узнаю тоже, так как сомнительно, чтобы я воскресал в том виде, в котором умру – так какое же продолжение МОЕЙ жизни я получу?

А если воскреснет вместо меня некто, не пишущий книг, не бегаящий за

девицами, не обдумывающий горестно, как спасти милую заблудившуюся женщину, можно ли ее любить и что вмещается в такую любовь; то есть воскреснет нечто без пола, без национальности, без друзей и родных, без прошлого, без надежд, очарований, разочарований, привязанностей и отвращений – то что в нем будет от меня? И зачем мне такое воскресение?

Но тогда зачем спешить к смерти? Здесь я хоть и мучаюсь, но все же не постоянно, вот прицепилась ангина – но ведь она не вечна, пройдет! Есть и пуще болезнь, и мучает по ночам – но все же днем я даже за девушками бегаю, и книгу о любви пишу!

Да, спешить не надо – но ведь "она" все равно придет, жизнь закончится?

Заканчивается только жизнь, которая не была наполнена любовью. Жизнь временна, а любовь не зависит от времени – так я понял слова Анны.

Они, эти слова, намекают еще на что-то большее, что даже снимает трагедию, и что я еще сумею узнать, и что примирит меня с временностью жизни, и, быть может, и преодолет ее.

Разве случайны все эти встречи за последние дни, разве они мне даны не для того, чтобы я достойным образом дописал свою книгу, и стала она хотя бы отчасти поучительна?!

Вот только надо ее сократить в четыре раза, как мне сказал мой пока единственный ее читатель.

И я стал уже над нею работать как редактор, прочитал двести страниц, сократил на четыре страницы – горестный и малый итог. А предыдущие два опуса велено мне тоже сократить в два раза и соединить в один – как же мне это сделать?

Ах, закончу как есть, редактирую уже двадцать первую главу, да вот дописываю заодно заключительные главы... пусть, хоть наспех, но добегу до конца, напечатаю еще четыре экземпляра и попрошу читать уже читательницам, может быть, они ко мне отнесутся милосерднее. А я затем перечитаю еще раз, как и положено, будет это чтение второй редакцией, может быть, сократить удастся еще... (на несколько страниц)...

11-20. Был у Ал-ва, принес ему смородины, которую вчера собирал, рассказал о нашем путешествии и судьбоносных встречах. НЕ пили.

Продолжаю редактировать, вдруг читаю: «Для большинства христианство означает *Покаяние, Прощение, Утешение*. Есть ли место в этой Троице **Спасению**, центру всего христианства, трансцендентной идее его, связывающей онтологию, насущное бытие и эсхатологию?» И я задумался. А как же Воскресение, не оно ли в центре?

Седьмое августа, после полуночи. Спать уже боюсь, кашляю, горло болит, неловко в теле, правда, в сравнении с вчерашним почти терпимо.

Христиане говорят, что Бог милосерден к нам и, уповая на Его милость, они верят в то, что по молитве или страстной просьбе Бог нам поможет.

Но, увы, нет, Он НЕ помогает, ни по молитве, ни без молитвы; либо Он помогает нам в движении к неведомым для нас целям, насылая на нас бедствия и болезни, как на Иова, посыпает стружьями, подвергает хладу и голоду, а то и посылает на крест.

Как мне молиться, чтобы прошла ангина, если, прежде чем понять, *почему я болею*, надо спросить: *ЗАЧЕМ?*

А не затем ли, чтобы я узнал хоть немного и ближний народ, который не замечаю со своего огорода? Идя к колодцу, встретил я соседа напротив, спросил, нет ли таблетки от горла.

Через полчаса пришла соседка, принесла уксус для растираний. Потом пришла снова, принесла травы для полоскания. Другая соседка принесла еще ворох лекарств... И вдруг смотрю, идет ко мне вереница жителей с нашего краю деревни, и каждый что-то несет.

А я уехал в город, и здесь страдал в одиночку, но воспоминание о заботе ближних меня грело. (И знакомая дама пояснила мне все сие так, что *они меня любят*. Возможно. Но странно это – если детям я хоть показываю внимание и помогаю, то с взрослыми в нашей деревне со многими кроме «здравствуйте» других слов и не говорю, какая уж от меня помощь? О прежних жителях, правда, заботиться о некоторых приходилось, я о них писал, но уже они, к сожалению, нас покинули.)

Итак, болею я *затем*, чтобы теперь устыдиться своей черствости и с большей симпатией отнестись и к новым жителям деревни, и я в самом деле умилен и испытываю к ним благодарность. И вообще, вместе с путешествием, в котором все встречные оказались людьми замечательными, события последнего времени заставили меня не только потеплеть к народу, но прямо полюбить его. Возможно, в ком-то из них есть и слабости – но тогда надо помогать им эти слабости преодолевать, хотя бы просто изливая на них радость и сочувствие. Но, возвращаясь к помощи Бога, несомненно, что помогает Он не так, как мы иногда этого хотим. И мне Он, конечно, помог сблизиться с народом и полюбить его (не всех, конечно, но это уже не важно, я то думал, что уже почти и некого любить!), но именно для этого напустил на меня ангину.

И чтобы уж совсем закончить о Божьей помощи – оглядываясь на свою жизнь, я вижу, что все в ней совершалось почти наилучшим образом, *вразумляя* меня, но при этом вразумление сие меня уже измучило, еще впереди, кажется, мне "светит" и тюрьма, потому что, смутно чувствую, без нее я не в состоянии мир понять глубоко и основательно. Но, конечно, мне-то грех жаловаться, болезни мои все же пока рано или поздно проходят, и из тюрем меня выпускают, и «жив пока», и бываю счастлив, притом не скажу, что хотел бы быть счастливее – и так-то немало, стыдно перед другими... Но вот хочется мне стать богатым – боюсь, даже и молиться не стоит, посмотрит Господь на меня недоуменно и скажет: да ты что, сдурел? Хочешь меньшей благодати?

Многим живется несладко, в отличие от меня. И не могу я сказать, что христианство утешительно – оно почти и не обещает утешения и не дает его, и потому... не ждите, мои дорогие, что Бог поможет избавиться от болезни: пейте таблетки и надейтесь на любовь близких и ближних.

Сегодня был на книжном салоне, там выступал, потом на вокзале купил билеты в деревню, потом звонила Ксения, приезжает в воскресенье, потом встречался с Викой, взял у нее антибиотики, уже выпил, правда, они просрочены, но всего-то на 12 лет.

Восьмое августа, 10-28. Бог меня любит и мне помогает, но, может быть, сделать Ему пока перерыв в любви ко мне? Я уже от нее измучился, сил больше нет, хватит с меня уже этой ангины, да еще и живот разболелся, не то с антибиотиков, не то от прокисшей клубники, дети дома не едят то, что мы им привозим с огорода, а нам с женой жалко выбрасывать...

Людей я уже простил, уже люблю, хватит и им уже моей любви, а то как бы она не стала для них мучительной...

Спал, разумеется плохо, думал о своих книгах, кажется мне, что они НИ О ЧЕМ. Так, моя тоска и мои сетования, и мои заметки на полях прочитанных книг.

Верующие находят в религиозном мифе и в церкви утешение, потому что они себе свили гнездо из обрывков его, да и прямо из фантазий своих, и «Бог нас любит», Он нас спасет, потом будем в раю, «обнимитесь, миллионы!», молитесь – и Бог поможет и так далее...

А мне уже такого спасения нет. Отвергнуть, как Толстой, культуру и написать свое паточно-умилненное «Воскресение» (Лев наконец-то стал ягненком!) я не хочу, как Вл. Соловьев ждать грядущего якобы созидания единой личности я не могу, как Константин Леонтьев примириться с концом света как единственным подлинным выводом и обещанием христианства у меня не хватает духу.

Вся эта троица не случайно ополчилась на Пушкина, только Пушкин и является солнцем русской культуры, со своими "стишками", "похотью плоти" и смертельной дуэлью. Но Пушкин, разумеется, не одинок. С ним и Лермонтов, и Толстой, пока еще не стал он ягненком, и Достоевский, еще не успевший придти на монастырскую службу и даже замышлявший Алешу Карамазова послать в народовольцы (не вся еще вытекла из него социалистическая кровь!), и Данилевский, и Ухтомский, ушедший из монастыря и пришедший в науку, и я... А я еще верю, что научусь писать и напишу приличную книгу, чтобы не было им со мной неуютно.

Спорю с философами и ссылаюсь на них: так с кем я, только с книжниками или и с народом тоже?

Разве с народом не о чем говорить, он ничего ни в чем не понимает?

В его защиту скажу несколько слов.

Разделение пушкинское на аристократию и чернь не до конца справедливо. Мы не входим в малую часть избранных, наделенных талантом, способных писать стихи и романы и играть, как они, это нам не дано. Но мы читатели и слушатели, мы же и критики, и даже иногда редакторы. И мы чаще всего лучше понимаем характер творчества, смысл и содержание культуры. Творец односторонен, он иногда как тетерев не слышит чужую песнь, а мы слышим всё. Только в читателе подлинная МЕРА уровня и правды культуры. Пушкин счастливо сочетал в себя творца и читателя (особенно это видно в его журнальную пору), но уже Толстой смешон в своих претензиях судить об искусстве, Шопенгауэр вызывает своими детскими рассуждениями о поисках партнера для самки и самца в намерении произвести наилучшее потомство прямо недоумение, а Ницше в «Антихристианине» вызвал у меня даже стыд.

12-25. Жарил сырники, почти получились,пил чай и выпил вторую анти-таблетку: или умереть от таблетки, или умереть от ангины – но от ангины дольше мучиться...

Выступая на книжном салоне, я рассказал о философе Налимове, который, помимо причинно-следственных связей и отношений между вещами, явлениями и людьми вводит еще вероятностные связи, когда камень падает не потому, что на него надавили, его подвинули, а... *случайно, неожиданно*, мог бы и не упасть, а упал.

Но есть еще ЧУДО, добавил я, о котором не говорят философы, рассматривая связь вещей и явлений в нашем мире, и не только то чудо, которое совершал Христос, и не только чудо Воскресения, но обыденное, входящее в жизнь каждого из нас, дополняющее жизнь, наполняющее ее иным, необычным светом, как музыка дополняет жизнь природы, живопись – разноцветье живого и неживого мира, и как техника и технология дополняют мир, бывший до того безвольным без человека, внося в него волю.

И поэтому *многое происходит не только будучи детерминировано причинами событий, не только в силу вероятности, вмешивающейся в predetermined жесткими связями и размягчающей их, но и непредвидимо, непредсказуемо, не порождаясь миром, а даже и вопреки ему.*

Вот так, начиная "Поиски могилы отца", я написал письмо в школьный музей в городок Пряжа, и вдруг получил письмо от шестнадцатилетней школьницы, написал ей множество писем и стихов, был ею наконец задвинут в "самый дальний, самый пыльный ящик стола", и "никогда, никогда, никогда больше я не встречу с этим человеком!", но могилу отца (и с погибшей частью его взвода) я нашел, поставил на ней деревянный крест, который освятил народный художник России Костя Иванов (дьякон часовни, которую он построил в своем селе), подружился с школьным коллективом (если даже не сказать, что мы влюбились друг в друга), а завтра приезжает в Питер по делам моя своенравная поклонница и готова со мною встретиться.

Целая цепь чудес представляет наше путешествие по Новгородской области и в продолжение его цепь знакомств с удивительными людьми, ради которых я теперь примиряюсь с русским народом и снова его люблю, смягчая уже и ненависть по крайней мере к тем, кто сам не ворует, не казнит, не злодействует, но только запугался в безумной вернопопданной любви к вороватым и лицемерным начальникам России, виновным во всех ее язвах и несчастьях. Оставляю я уже, наконец, и свою полемику и с христианством, пусть христиане сами между собой спорят или соглашаются, и с исторической Россией, и с социализмом (и даже попытаюсь провозгласить новый невиданный русский народный социализм).

Девятое августа, 10-08. Но последнее я уже договариваю сам себе, ибо невиданно много событий произошло за вчерашний вечер и прошедшую ночь; может быть, и не совсем событий, но происходило волочение души по мостовой мира, рухнула и гармония, и самомнение, и упоение блаженства...

Выпил чаю, даже и четвертую анти-таблетку, брюхо болит, но лучше быстро умереть от "цикуты", чем долго умирать от ангины, которая не сдается.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Путешествие в Каноссу

1. Смятение

16 августа, 22-00. Позавчерашний день был удивителен даже среди последних удивительных дней, и хотя бы даже короткий рассказ о нем наилучшим образом закончит мою печальную книгу – печальную потому, что я знаю теперь не лучше, чем начиная ее писать, в чем смысл жизни, что такое любовь, действительно ли она является аналогом Всемирного притяжения в человеческом обществе, следует ли человеку поддерживать в себе потребность в любви, стараться ли испытывать это *особенное чувство*, притягивающее мужчину к женщине, неподвластное воле, лишшающее свободы – **любовь** – или стараться воздерживаться от него, *привязываясь к женщине* иначе: *состраданием*, сочувствием, восхищением, уважением, поклонением, дружеским участием (соучастием), симпатией, умилением, *очарованием*, восторгом упоения (например, восхищаясь игрой пианистки или актрисы или романом писательницы), заботой, пониманием, жадной помощи... или, наконец, жадной *спасения*, потребностью в ее спасении, но через сострадание и сочувствие, а не через *особенную любовь*.

Но хотя я и отказываюсь в конце концов от того, чтобы дать хотя бы схематическое определение *любви к женщине*, но некоторые ее черты напому (из-за которых человек и становится несчастным): желание **обладания** (хотя от него можно воздерживаться, как мы иногда воздерживаемся от вина, даже когда и жаждем), жажда ответного чувства (**взаимности**), сомнение в верности (**ревность**).

Что же нас соединяло сначала? Сострадание, дружба, симпатия. Кроме того, она испытывала ко мне чувство, которое называла любовью (теперь я уже не понимаю, что это была за любовь)... Однажды она испытала сильную ревность, когда думала, что у меня было любовное свидание с другой.

К несчастью, мне явилась безумная мысль, что для того, чтобы она смогла преодолеть свои страхи и гнетущие воспоминания, мы должны полюбить друг друга так, как любят друг друга влюбленные, но только воздерживаясь от близости и даже от поцелуев. Единственное, что она еще разрешала мне – это брать ее за руку. Мы изредка встречались и были счастливы.

Неожиданно что-то случилось... вдруг она написала, что *душевная любовь* (то есть любовь между мужчиной и женщиной) – это мерзость и грязь, что любить надо только Бога или в человеке образ Божий, то есть любить человека *духовной любовью*, что мы больше никогда не будем встречаться, я только должен вернуть ей ее книгу, но чтобы я *не смел к ней прикасаться* и что она меня ненавидит, презирает, сожалеет о знакомстве и забудет как отвратительный сон.

Несколько ночей я в воображении разговаривал с нею, писал ей письма, часто плакал. Мне хотелось умереть (но не по своей воле, а если бы меня расстреляли...). Конечно, я не буду прикасаться к ней, уговаривать ее

остаться, но я напишу ей письмо. Все же за последний год она изменилась, распрямилась, расцвела. Она уже почти преодолела тьму в своей душе и наполнилась светом, стала снова свободной, способной любить, мягкой...

Я был готов расстаться с нею, когда уже уверюсь в ее освобождении от темных влияний. И теперь страдаю от того, что боюсь, что она вернется в то состояние, из которого уже почти ушла.

Но страдаю, увы, и из-за того, что она меня бросила и не любит больше. Или никогда не любила. Да, из-за этого страдаю тоже. И больше всего...

Я напишу ей короткое письмо, что я благодарен ей за блаженство, которым было наше знакомство, что прошу простить меня за все, чем я мог обидеть ее, прошу простить и за то, что любил ее и ... Если ей неприятна память обо мне, буду стараться ее забыть вскоре. И пусть так будет, словно ничего не было.

2. Удивительное путешествие.

И вот вчера я решил отправиться в Ю-во, чтобы увидеться с Анной и передать ей мои стихи. Анне я хотел рассказать о своей несчастной любви, о том, что *она* по неизвестной причине вдруг стала меня ненавидеть, потребовала прекратить встречи и больше не сметь о ней даже думать, так ей это оскорбительно.

Итак, в двенадцатом часу дня я отправился в путь, положив в рюкзак ноутбук, Сборник стихов и мой Учебник математики.

Сначала в соседней деревне я купил белого хлеба и конфет, затем прошел еще три деревушки, дошел до Н., пройдя еще двенадцать километров, оттуда до Ю--во оставалось еще 6 километров, но дорога проходила через изумительный сосновый бор, и я был счастлив, хотя и устал.

Пел песню, которую сочинял, записал ее на компьютер. Съел кусок хлеба с брусничкой. Нашел два подосиновика, завернул в лопух и положил в кепку.

В Ю--ве в третьем доме от края увидел двух женщин и спросил, не здесь ли живет Анна с тремя ребятишками. Оказалось, что именно здесь, но она пошла по деревне искать своих детей.

В ожидании Анны начался между нами оживленный разговор, кажется, я начал рассказывать и про любовь. Вдруг появились две девчушки: мама, сказали они, отправилась искать Васю (старшего мальчика, которому я принес учебник математики). А вы меня помните? – спросил я детей. Да, конечно, младшая протянула мне руку, как при прощании, мы поздоровались.

Наконец появилась Анна. Остановилась она в изумлении. Но мне показалось, что чего-то в этом роде она ожидала, ну, например, что вдруг среди ясного неба загремит гром.

Я рассказал ей еще раз, как шел, через какие деревни, отдал ей книги, женщины снова поохали, потом она предложила мне сварить супу и накормить меня. От супа я отказался. Тогда поставили стол и кресла, вскипятили чайник, она заварила мне кофе, принесла бутерброды. Тут я вспомнил о конфетах, конфеты всем понравились. Я начал рассказывать про любовь, мне кажется, я рассказал о всех девочках, девушках и женщинах, в которых влюблялся. И добавил, что пришел за советом и, кажется, за утешением, что вот, такая

история: *она* страдала, почему-то избрала меня, мы встретились, встречались, писали письма, говорили по телефону, она писала мне, что очень меня любит, что жить без меня не может, а иногда писала уже ночью: «Ну пожалуйста, напишите мне хоть два словечка, я не могу без вас уснуть!»

А я хотел ей помочь и спасти от уныния.

Иногда, говорила она, я открывала компьютер каждые пятнадцать минут, нет ли от вас письма, а письма все не было, иногда по несколько дней.

Но все же она преобразилась, мне казалось, что она светится и смех ее разносится колокольчиком.

И вот неожиданно все кончилось, и она говорит, что любовь – это грех...

«Нет, нет! – воскликнула Анна, – любовь не грешна, и Бог есть любовь!»

«Но многие авторитетные христиане считают, возразил я, что в них проявляется воля Бога и им дано решать, что следует чувствовать и мыслить, а что нет, и от имени Бога сжигают книги и Жанну, и ведьм и философов, и несчастных девушек заточают в монастыри или велят броситься под поезд.

И только я не хотел, чтобы она во мне растворялась, и также не хотел переступить черту позволительного в обязательствах долга. Я знаю, что любовь не грех, а милость неба, но мы не должны обижать наших близких.

Иногда мне казалось, что я скоро умру, поэтому даже её Бог простит меня за то, что я поцелую ее пальчики. И все же прежде всего я любил в ней страдающего ребенка и хотел ее спасти от нее самой, а потом я отошел бы в сторону... Ну а теперь, чтобы ее не обижать, я не буду о ней вспоминать и думать и не буду больше любить, чтобы моя любовь не оскорбляла ее.»

Слушательницы постарше неодобрительно покачали головой, Анна бросилась меня защищать: «Он поэт, к поэтам нельзя подходить с той же меркой, у них все не так, это небесные создания!»

А когда я еще рассказал, что сидел в Сумасшедшем доме по приказанию правительства, она воскликнула: Вот видите, он даже и там сидел, а от веры своей и от любви не отказался!

После этого Анна повела меня в мастерскую ее отца, посмотреть картину, которую он только что закончил. Отец стоял у мольберта с кистью в руках, на картине среди природного сияния был изображен сияющий дом. Сюда, сказал он, я принес ее крошечной в лукошке.

В разговоре выявились многие чудесные пересечения в наших судьбах, и Анна подпрыгивала и восклицала: *Вот видите, вокруг него чудеса!*

«А как бы вы поступили, если бы *батюшка* приказал вам со мной не встречаться?» – спросил я Анну.

Она несколько мгновений колебалась (и эти мгновения были словно пожатые руки), а потом, вздохнув, сказала, что поступила бы так, как ей повелел бы *батюшка*.

У дома мы еще несколько порассуждали, как мне возвращаться к себе в деревню, Анна даже предложила мне остаться ночевать, но вдруг к нам подъехал автомобиль.

– Сашенька, ты откуда?

– Из Питера...

– Не вылезай, надо отвезти человека!

– Как, назад в Питер? Но дай мне хотя бы немного отдохнуть!

– Нет, не надо возвращаться в Питер, тут недалеко, хотя бы до К.

В К. мы проехали деревню и выехали на шоссе. «Здесь он уже не заблудится», – сказала Саша.

И вдруг оказались четыре громадных КамАЗа, Анна бросилась им наперерез, рискуя попасть под колеса.

– Стойте, отвезете человека, сколько вам по дороге. Садитесь!» – скомандовала она мне. Водитель открыл дверь.

Мы посмотрели друг на друга, она сделала движение ко мне, отстранилась, потом снова ко мне подвинулась, в таком странном полубытии я погладил ее по спине и полез в высоченный автомобиль.

Конечно, я думаю о ней все эти дни.

И будущим летом я снова приду в ее деревню.

«Вы хотели меня накормить супом, – скажу я ей. – Я за этим и пришел. Кроме того, я теперь понял, что есть нечто большее, чем любовь... Я в вас не буду влюбляться, хотя это трудно, любовь – это гроза и молнии... Но мы будем смотреть друг на друга при свете Северного сияния, не опаяясь им.»

3. Реквием

17 августа, 11-11. Сегодня утром пришли волхвы, даже меня утешали. Дописывай свою книгу и не сжигай ее, принесешь ее прочитать Анне. Ты иногда по несколько лет убеждал марксистов в неправде коммунизма – разве ты кого-нибудь убедил? Человек сам прилепляется к мифу и сам отлепляется, книга твоя ничего не изменяет в судьбе и никого не обидит из умных. Это твой разговор с самим собою, его любопытно прочитать всем.

И последнее. Есть три состояния, которые восходят над жизнью: *Любовь* (как и сказала Анна), *Пробуждение*, *Вера*. Постигается в них нечто общее. Но тебе еще умирать рано, ты еще не все понял, и не все сказал.

Странно всё, что меняет течение жизни ВДРУГ... Но бессмысленно и воздевать руки и философствовать по поводу такого изменения. Иногда мне снится, что меня приговорили к смерти и пришли за мной в камеру, чтобы отвести на гильотину или к расстрелу. И я иду без выкриков, только пытаюсь придумать какую-нибудь эффектную фразу, чтобы потом ее помнили в мою честь. Но ничего не придумывается. Надо такие фразы сочинять заранее. Но и заранее ничего не придумывается.

Точно то же самое, когда *вдруг* женщина говорит, что ты ей не нужен, что она не хочет встречаться, и даже не объясняет причины...

Забываю и имя твое!

Так зачем тогда сердце болит?

Между ребер прошло остриё

Иступленных и жгучих молитв.

Полюбить ты меня не смогла

В упоеньи чарующих встреч.

И растаяла нежная мгла
 Белой кофтой, спадающей с плеч.
 Забываю и цвет твоих глаз,
 Томный запах волнистых волос.
 Перед смертью один только раз
 Я задам тебе горький вопрос.
 Отчего наш внезапный разрыв,
 Ненавидящий яростный взгляд?
 Обещал я любить пока жив.
 Не возьму обещанье назад.

Прочитал Анне это стихотворение, которое сочинил по дороге, я его пел как романс или песню. Ей понравилась последняя строка.

Но возможно ль любить, когда любовь оскорбительна тому, кого любишь?

18 августа, 11-11. Закончились два путешествия – одно кратковременное, полное необыкновенных встреч и впечатлений и новых знакомств и идей; другое растянулось на два с половиной года, от первой редакции ее повести, знакомства (полтора года назад) и «любовного романа», уместившегося в полгода страстных писем, в два обнимания (однажды она порывисто меня обняла и убежала, в другой раз я ее обнял на прощанье), нежных смотрений в глаза, двух ее рыданий и моих слез по ночам в последние две недели.

Итак, я вернулся из путешествия – в мир человеческих чувств, таких же, как у других, и богословско-философских споров. Миф (иудейский, христианский, исламский, буддийский) расширяет наш мир на *Инобытие*, но стремится подменить собою весь мир – об этом мой с ним Спор; но нет у меня повеления отринуть Инобытие, как миф повелевает отринуть мой мир и растоптать мою (человеческую) любовь, заменив ее только на любовь к Богу или на любовь к «ближним» (единоплеменникам), но и то лишь как на любовь к usualному человеку, в котором отражается образ Бога.

Ненависть к Любви (той самой, из которой происходит и вся культура и отчасти и род человеческий – не только же из инстинкта, но и из любви – и которая вмещает в себя сострадание и восхищение), ненависть, питаемая чувствами «людей лунного света», меня устрашает. Противопоставление любви «душевной» и *духовной* – основание раскола на две нравственности, две эстетики, два бытия: подлинного – и данного в ослепленном воображении, совсем не невинного, ибо «духовная любовь» унижает мир и человека – таких, каковы они есть, и вместо их возвышения и спасения проповедует их тотальное отрицание. «Не по хорошу мил, а по милу хорош!» – условное изображение человеческой, чувственно-душевной любви, якобы «которую надо возненавидеть и растоптать» по учению сектантствующих христиан (которые в качестве проповедников и учителей хлынули сегодня в христианство); и «Не по милу хорошу, а только по хорошу мил!» – условное изображение их воображаемой духовной любви, «которую надо возносить и лелеять», умильно ею восхищаясь.

Это противостояние не только унижает человека и отрицает его, но оно отрицает и самое существенное в Христе, ибо Христос пришел не к

праведникам, а к грешникам, для их спасения – спасение же не вырастает из ненависти, но только из любви, обращенной к низким, к падшим, совсем не хорошим, но страдающим. Вот этот, увы, не в сияющем нимбе "ближний" МИЛ и мне, и он хорош и прекрасен, *потому что МИЛ*, а если еще не мил, то я его сделаю таким силою своей любви.

Паточные христиане, конечно, готовы все возвышение человека и все спасение его возложить на Бога (конечно, ссылаясь при том на Евангелие). Увы, евангелием можно оправдать всё, и оправдывали, и папскую непогрешимость, и сожжение ведьм, и гонение на культуру, и сожжение ученых, и иконоборчество, и пресный протестантизм, и русский раскол на Никона и Аввакума. «Духовной любовью» любит Христос, вопиют *духовные христиане* – им, конечно, виднее, раз и они сподобились духовной любви, в основании которой изгнана всякая страсть и чувственность и всё душевное и все душевные порывы и терзания, только не внятно, почему Бог принимает горячих (как я), а их, «холодных и теплых исторгнет из уст Своих!»

Если «Бога никто никогда не видел», то как они видят образ божий в земном человеке, не любя человека?

Я, разумеется, не образец для подражания, и даже то, что моя жена меня не отвергла вот уже скоро полувека, праведникам не понятно. Я и горячий, и заблуждающийся, и подвержен страстям, и «дамский угодник», и восхищен женскою прелестью и красотой и ее милосердием. Но и во мне корень всего – сострадание. Даже моя безумная униженная ныне любовь выросла из сострадания, хотя, правда, я и пил с нею вино, и смотрел в ее сияющие зеленые глаза, и целовал ее пальчики, и даже однажды поцеловал ее ушко. Это всё не идеал правоты, но *зато зазвенел ее колокольчатый смех и она распрямилась и стала благоухать, как цветочный куст, когда его поливают.*

Но еще я пристрастен и к своему народу, который когда-то мне повелели спасти (в детстве). Уже я и разуверился в истине повеления, и народ меня не слушает, и я перехожу от ненависти к любви, но все еще даже не знаю, как приступить к спасению – но и Христос не спас Свой народ, хотя и говорил, что пришел только его и спасти.

Но, однако, я не презираю человека, к какому бы народу он ни принадлежал. И когда у пивного ларька, прячась от ментов, пришел ко мне на свидание знакомый ингуш (а я ему передал последние свои пятьдесят рублей и пришлось мне ехать из Москвы на электричках совсем без денег, а в Окуловке продавать пустые бутылки, чтобы наскрести на билет на автобус – воистину отдал рубашку с плеча – но это бывало не часто, не спешите записать меня в праведники, бывало и я одевал чужую рубашку, да не чаще ль, чем отдавал свою?!) – этот ингуш сказал моему сыну: *Помни, что отец твой святой!* (Впрочем, разные на этот счет существуют мнения).

А в другой раз, на цыганских поминках, где из русских кроме меня были еще четыре последние молочницы в селе, и они же единственные, взявшие детей на воспитание из детского дома), – глава цыганского рода возгласил тост за меня: «Если эти русские будут тебя обижать, скажи нам, мы, цыгане, в обиду тебя не дадим!» – меня, «русского из русских» (по выражению апостола Павла). *Не хотел хвалиться, но ...*

Любовь к Богу, доходящая до экстаза, приводит к ненависти к человеку. Любовь же к человеку принимает и мир и Инобытие и Бога.

Свою религию я иногда готов вместить в музыкальную фразу. Включите запись Шаляпина: «Благословляю вас, леса!... и всю природу... И посох мой благословляю! ...» Петь должен непременно Шаляпин. И тогда вдруг увидите величие и девятнадцатого столетия, и отчасти двадцатого, и русской культуры, и русского человека.

Нет, я больше смущать никого не буду, и книга моя – не столько попытка понять, что такое земная любовь, сколько расставание с нею. (Хотя в ней есть все, ибо выростала она из сердца, пронзенного состраданием, как часто у русской деревенской женщины, и стремилась не всё только к своему, и даже больше не к своему, ибо я не святой...) Да, расставание. Я не покаялся, духовную любовь я не знаю, возможно, ее испытывает только Бог, даже и у святых – какая уж у них духовная любовь, если *их святость смердит*, как они о том восклицают, «унижая гордыню»? – а Христос пришел *за таких нас* мучиться? Нет, сестрицы, ЧЕЛОВЕК прекрасен!!!! Не всегда...

Прости меня, ласточка моя, что я посмел влюбиться в тебя...

4. Прощание

19 августа, 9-00. Пора уж расстаться и с моею книгой, сегодня уже дописать последние слова; но придется расстаться и с иллюзиями, то есть и с некоторыми близкими мне людьми, и с близкими когда-то идеями...

Мне нравилось дружить, нравилось восхищаться, я не был идеален, но ... жизнь моя складывалась так, что я никого не бросал и не стремился обидеть, пытался помогать нуждающимся в моей помощи, друзья меня привечали... но приходилось переносить и обиды, иногда по неизвестным мне причинам. Женщины никогда не хотели объяснить, за что... Но заростало все, и те царапины, те ссадины, которые они оставляли в моем сердце. Может быть, правильнее было бы жить в узких берегах, а еще правильнее в пустыне или келье? Но я был скорее своенравной рекой, то иссыхающей, то разливающейся в период дождей, к тому же я был и преподавателем математики, и поэтом и редактором; если истина иногда говорит устами младенцев, то разве случайно, что ко мне притягивались младенцы? Я был еще и писателем и претендовал на то, чтобы объяснять наш мир и влиять на людей: кончалось все плохо, книги мои подвергались критике, а меня изгоняли из своей жизни с яростью и ненавистью те девушки, на которых я пытался влиять и которые клялись мне в вечной любви.

Я был всегда верен, не обманул и не предал ни одну, я был всегда восхищением и любовью, насколько хватало души и сердца... но мир был сильнее меня, и он грубо и оскорбительно отнимал у меня то, что ко мне льнуло.

Но ни укорять не буду, ни объяснить не могу... почему самое милосердное существо в мире – женщина – приносит нам самую несправимую боль, не знает и она сама.

Если удастся, то посею слезы, возможно, они взойдут строками стихов... пусть не теперь, но хотя бы когда-то...

Ничто не объясняет до конца
Ни сущности, ни тьмы простых явлений.
Нам жизнь дана. Сойди скорей с крыльца –
Тебя там ждет твой лучезарный гений!
Быть может, и любовь дана затем,
Чтоб, сеятели, сеяли мы время.
В нем место есть всему на свете, всем,
Кто возлагает и снимает бремя
Текущих дней. Но посмотри на сад:
Там куст расцвел. Ты счастлива? Я рад...

Нет, слезы еще не взошли, это всего лишь несколько случайных строк... да и не все время я плачу, приходится еще и жить и работать, и писать и встречаться... Да я еще попал ныне словно в идеальный мир, он еще не успел увидеть, что я «от мира сего», поэтому я знаю, что буду скоро изгнан, отделит меня от души и прекрасная Анна, так меня защищавшая!!! Я перед нею не провинился, я живу теперь более правильно, чем раньше, я договорился с собою, что более не буду влюбляться в женщин, даже не буду хотеть им нравиться, не буду рассчитывать на продолжение *случайности*, которая тоже связывает вещи и явления, но не лишая их свободы, и тем более не буду рассчитывать на *чудесное* как на еще более высокую форму связи в мире, еще менее посягающую на свободу. Мне надо было перевязать раны, полученные при падении с некоей высоты, на которую поставила меня *та*, которая теперь сооружает высоты для других; Анна их перевязала, как добрая самаритянка, даже собиралась сварить для меня суп. Кто знает, вдруг нам еще придется встретиться? Я ей напомину ее обещание, и если она не откажется сварить суп для меня, то это будет один из самых восхитительных супов в моей жизни.

5. Свобода и воля

Ныне словно поветрие, особая форма гриппа или моды... Человек стал вдруг страшиться жить по своей воле, ему захотелось руководиться волей божества, а так как божеств на всех не хватает, то изобретаются миссионеры, словно бы наделенные от Бога **правом связывать и развязывать**. (Им же не наделен никто на земле, да и Бог пользуется этим правом осторожно, а не так, как Тарас, не пожалевший и сына).

Энциклопедический Словарь Брокгауза

Духовник. Так называется в православной церкви священник как совершитель таинства покаяния. Духовнику под опасением потери сана запрещается открывать грехи исповедующегося или укорять его за них; после исповеди они должны быть им забыты.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал своему брату: «Весьма благоразумно делаешь, что неводишь близкого знакомства ни с одним духовным лицом: такое знакомство может очень легко послужить ко вреду и весьма, весьма редко к пользе. Советуйся с книгами святителя Тихона, Димитрия Ростовского и Георгия Затворника, а из древних – Златоуста;

говори духовнику грехи твои – и только. Люди нашего века, в рясе ли они, или во фраке, прежде всего внушают осторожность».

Святитель Феофан Затворник различал понятия «духовник» и «духовный отец». Духовник – это священник, у которого исповедуются, духовный отец – тот пастырь, чьими советами еще и руководствуются в жизни.

Однако отношения в церкви в новое время складывались так, что наставничество осуществлялось только в монастырских общинах в согласии с уставом конкретного монастыря. Духовное наставничество осуществлял специальный человек – **старец** (как правило священник-монах) над другими монахами.

Описанное в романе «Братья Карамазовы» старчество в «Оптиной пустыни» было частным опытом возрождения древнего старчества и православной церковью в то время хотя допускалось, но не поддерживалось.

Современное увлечение подчинять свои поступки советам духовников, на мой взгляд, *опасный соблазн*.

Впрочем, я не вмешиваюсь в жизнь церкви и не смею давать советы верующим. Книга написана только как моя личная «Объяснительная записка».

6. Падение

Я пал, и садины возникли, и сердце болит, и обида гложет. Неважно, что в чем-нибудь, если не во многом, меня можно укорить, жизнь – это не доказательство учеником известной теоремы, когда в ошибках уличает учитель. Мы и НЕ ДОЛЖНЫ стремиться стать святыми и праведниками, кто знает точно, что это значит, и знает ли церковь, я в сем сомневаюсь, она наделяет почестями подвизающихся для ее славы, а мы ставим памятники по своему разумению, не всегда справедливо, но вот Пушкину и Лермонтову – прекрасно, что поставили, и не важно, справедливо или нет, к общему знаменателю с Толстым и Конст. Леонтьевым мы не пришли. Есть и те, кто считает меня замечательным человеком, и не так уж плохим, пусть их хотя бы и несколько – это немало.

И я и возвышался, и падал, мои близкие меня прощали – это еще больше. Возможно, простят они меня и за эту книгу (или не прочитают, чтобы не искушаться).

7. Последние строки

Я еще продолжаю поправлять некоторые главы, чтобы чуть-чуть сократить текст, а эту страницу уже допишу только до конца, не более...

И напечатаю четыре экземпляра книги. Двум читательницам мне хочется ее отдать, но будут ли они читать, дочитают ли до конца, а, возможно, даже и не возьмут, а вернее всего, что даже не захотят и встретиться...

«Любовь стремится встать выше жизни, и она и воистину представляет собою нечто такое, что даже выше самой жизни» – это слова Анны. Кажется, она не осуждает любовь.

«Любовь – это грех и мерзость!» – так написала мне *другая*.

«Душевную любовь надо распять на кресте!» – некий словно бы манифест христианского воинства, возможно, не всех христиан.

В Евангелии (на русском языке) не говорится о духовной любви, и не

противопоставляются любовь естественная и плотская, духовная и душевная. Но говорится много о сем у Блаженного Иеронима и у Игнатия Брянчанинова. А сегодня чуть не каждый из христиан прокидает все то, что в жизни, и восхваляет *духовную любовь*. «Но я не верю уверениям...» Не уверен, что они когда-то любили, уверен, что не любят теперь. Впрочем, пусть они, бóльшие христиане, чем сам Христос, не руководствуются проповедями Иисуса Христа, который даже блудницу простил, и не осуждал любовь, возгорающуюся в душе. Где он говорил о том, где помещается дух в человеке? Не в душе ли?

Но я уже не хочу вмешиваться в дела христиан.

У них своя жизнь, своя вера, у меня свои.

Я читаю стихи Пушкина, его статьи и письма, вспоминаю вместе с ним *чудное мгновенье, когда передо мной явилась ты*.

То, что пишут монахи, годится только для монахов, для «людей лунного света». Они не знают даже дружбы, даже о дружбе они не пишут и не восхваляют ее. Предать того, кого предпочла всем другим, во имя ли другого, во имя ли Бога, во имя ли духов, являющихся во искушение, значит *предать*. Или надо жить – во имя любви – или уйти в монастырь. И мы, поэты и философы, Татьяны и Анны, Онегины и Чацкие, отверженные или униженные, воины и крестьяне, любящие страстно, смятенные, ошибающиеся, находящие утешение в дружбе и в любви, в творчестве и в труде, и сами утешающие других – мы ПОДЛИННЫЕ, мы живые, под нами тридцать веков *возделанной* земли, душевного и духовного и плотского чернозема, то есть Культуры. Распиная «душевную любовь», надо распять Гомера и Овидия, Аристотеля и Цицерона, Французскую и Русскую революции, хотя и жестокие, но не худшие, чем те, кто насаждал крест или полумесяц; надо распять романс, стихи и прозу девятнадцатого столетия, надо распять и Пушкина, и даже Тютчева («О, как на склоне наших лет сильнее мы любим и суеверней!»), надо распять и меня, который еще пока пишет плохо, но пока только недостаточно гвоздей, которые праведники и праведницы вбивают в мое сердце – вбейте еще, напоите уксусом вместо вина, и я напишу лучше всех.

Не к этому ли вы стремитесь?

Или вы боитесь, что вас не впустят в рай? Так я уступлю вам свое место, оно еще у меня не отнято, и я его уступаю тем, кто возненавидел меня, грешного, во имя святости (очевидно, засвидетельствованной на самом верху, может быть, даже на седьмом небе, куда и из апостолов сподобился попасть однажды только Павел, но, возможно, бывал и еще кто-то....)

Я жалкий поводырь слепых,
Рукой отринутых Господней,
Уже смятенных, но живых,
Хотя и с краю преисподней.

Я нищий сторож врат ночных,
Чуть слышный колокольчик ночи,
Моих, обманутых, живых
Целую ласковые очи!

И прозревают, и глядят,
 И в полутьме меня целуют!
 И вдруг мы видим: Жизнь – не ад!
 И с нами ангелы ликуют!
 И так уютно, так светло,
 Блаженствуй, поводьрь усталый!
 Хотя пока как сквозь стекло
 Нам дан лишь отблеск самый малый...

12-41. Пойду на улицу. Перелились и последние строки через край. Целых четыреста страниц воздерживался писать о *ней*, но воля мне изменила. Из последнего письма:

«Я тебя люблю нежно, стараюсь ни к чему не стремиться, для счастья достаточно прикосновения...

Не поддавайся грусти, помни про меня, мы достигнем всего, что задумали.

Не забывай, что твое творчество особое, оно состоит из особых точек особых решений дифференциального уравнения жизни, А это не что иное, как ОГИБАЮЩАЯ особых решений.»

Последние строки – последние ниточки, которые меня с нею связывают, и я боюсь поставить точку, потому что после нее – всё, обрыв, может быть, встретимся еще на минуту, я отдам ей ее книгу, не знаю, возьмет ли она мою, вернется и уйдет. И не обернется...

«... Вы как моя совесть, мой друг, и мой близкий человек, не могу без Вас жить. Вы называете меня ангелом, но у меня была ужасная жизнь, просто ужасная.

....Я Вас так люблю, Вы лучше всех, Вы не можете любить меня такую, нет... Но я Вас очень очень люблю, не могу без Вас жить, Вы мне так помогаете, очень, очень, очень, Вы мой ангел хранитель ...

Я так часто про Вас думаю, Вы мой свет, мой ангел, вы даете мне свет. Господь не прогневется на меня за это? ...но я соблазняю Вас, Вы же говорили что представляете себе, что Я Вам принадлежу... я люблю Вас, я не могу без Вас. Не бросайте меня, пожалуйста, умоляю!!! Даже если вы разлюбите меня после этого письма. Я часто представляю себе деревню, в которой Вы выросли, и тайгу, и девочку у колодца, Вы единственный принимаете меня как я есть до конца, не бросайте меня, пожалуйста, но я не хочу соблазнять вас, я боюсь грехов. Я дура, пишу про одно и то же.

Может быть, встретимся завтра, если успею, я скачаю. ... я люблю Вас, люблю люблю люблю не бросайте меня. ...

... Не бросайте меня пожалуйста, пожалуйста! Вы можете меня бросить, как мой первый мальчик, с которым я даже не спала, но очень любила и мечтала об этом, только Вы не бросайте меня, пожалуйста. Я надеюсь, что это что-то другое, чем обычная любовь. Простите меня, умоляю... Если Вы разлюбите меня после этого письма, не бросайте меня, а то я умру и застрелюсь.»

Но *она* меня не любила, и в этом причина того, что так неожиданно и так оскорбительно бросила. А ее письма, ее слова, признания в любви... Даже гениальный романист, изображая характер, последовательность событий, не объясняет *Причину*... Изменить что-то в мире к лучшему удастся чуду, таковы наши лучшие встречи и «любовь с первого взгляда»; а изменяет к худшему все что угодно, например, *сила*.

А если не любила, то... случайная встреча могла изменить всё. Если только случайности не противостоит ЧУДО. Но, следовательно, чудо, соединяющее нас, иссякло...

И надо остановиться, поставить точку, забыть... Как будто никогда и не было... Все проходит и все когда-нибудь перестает... И все забывается. Перестает даже болеть... Поболит, поболит, и перестанет...

... или это неправильно? Когда человек умирает, перестает всё – но разве смерть развязывает или связывает? Разве не сказал Гермес Трисмегист (Трижды Величайший), что на небе будет связано только то, что связано на земле (и эти слова его повторил Христос)? Следовательно, смерть ничего не решает, решает только жизнь...

21 августа, полночь. Я снова в деревне. Проснулся в восемь, но встать не хотелось, лежал в полудреме, и пришли волхвы.

– Не знаю, что делать, – сказал я им. – Скорее всего, от меня ничего не зависит, и бесполезно пытаться что-то сделать, встречаться, писать письма, уговаривать – но... вдруг все же я могу повлиять на события, посмотрю ей в глаза, пробудится что-то, не до конца уснувшее...

– Во-первых, это бесполезно, – ответили они. – Ты ничего не можешь изменить в ее решении бросить тебя. Она ушла совсем. Ты ей больше не нужен.

Ты так ничего и не понял в любви и в женщине. Есть два ее самых важных и распространенных вида: *любовь-страсть* и *любовь материнская*, которая распространяется не только на детей, но и на мужчину.

Любовь-страсть проявляется в женщине через подчинение силе, как в мужчине через стремление подчинить и овладеть предметом своей страсти. Влюбляясь, женщина становится рабыней – таковы Кармен и Земфира, такова Аполлинария Сулова, которая свела с ума Достоевского (он увековечил ее в образе Полины в романе «Игрок»), затем сделала несчастным Розанова, проклинавшего ее всякий раз, как он жаловался на свое семейное положение. Она растворяется в мужчине почти без остатка – но *что-то происходит*, чего мы никогда не поймем, как и любовник, которому она только что принадлежала – вдруг, по дороге в его объятия, она оказывается в объятиях еще большей силы. Бессмысленно взывать к ее чести, долгу, верности... «У любви, как у пташки, крылья!» – вот все, что она может сказать в свое оправдание.

Ее любовь не укоренена в вечности, она всегда временна. Но и ее рабство временно, изменяя, она становится свободной, а покинутый любовник влачит цепи *несчастной любви*.

Поэтому не пытайся ничего изменить, отпусти ее, «красивую легкую ласточку!» Дай ей свободу!!! Она будет тебе благодарна хотя бы за то, что ты ее не упрекаешь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ЗАМЕТКИ ВДОГОНКУ

23 августа, воскресенье, полночь. Утром снова приходили волхвы, зная уже, что я снова пойду в Каноссу...

– Пора закончить эту книгу! – сердито молвили они. – Ты уже и нам надоел, не только *им*. У каждой из них своя жизнь, а ты хочешь, чтобы они жили еще и твоею жизнью.

Отпусти их – насовсем. Без условий. Без надежд. Без ожиданий.

Ты ведь веришь, что происходящее создается Волей (или Причиной), Случайностью и Чудом – Воля и Случайность уже действовали (бесславно), и вот *они* уйдут навсегда, зная, что ты их отпустил. И не вернуться.

Если только Чудо не вмешается в твою жизнь, если захочет...

Отпусти их, страдай, помни и жди. Или – их уже больше не жди, а надейся на чудо, которое принесет утешение, которое ты ищешь, даже если *она* не будет тебя любить.

А от наваждения этой твоей безумной любви тебе надо освободиться, но пока ты пишешь книгу, ты все еще с *нею*, что бы ты ни придумал, ни сказал, какие бы ни давал клятвы, ни расточал проклятья. Ты тысячу раз повторишь: *Все, ухажу, забываю!* – но *она* среди строк твоей книги. Поставишь точку, напечатаешь, может быть, даже передашь ей до конца завершенную – и тогда ты станешь свободен, ведь то, что ты уже написал, ты забываешь быстрее, чем подлинную жизнь.

1. Любовь, Вера, Пробуждение

Когда Иисус Христос говорит, что если имеешь веру с горчичное зерно, и скажешь горе сей передвинуться, то она передвинется, тогда понимаешь, что и такая вера и это чудо – не из повседневной жизни, а из того, что над нею. Но и *любовь стремится подняться над жизнью*, и это становится несомненно, когда влюбленные кончают жизнь самоубийством.

Человек выходит за пределы жизни и в состоянии Пробуждения, учение о котором пытался создать Вадим Салов, и даже стремился войти в это состояние. Возможно, он в него и вошел, во всяком случае, он НЕ вернулся оттуда, куда уходил.

Таким образом, несомненно, что в них есть что-то общее, меняется не только человек в этом состоянии, но и мир.

И когда Иисус Христос говорит о Вере, то мы понимаем, что речь идет еще о чем-то *ином*, о Вере-состоянии (как в Пробуждении), а не только о том, веришь ли ты в Бога, и сильно ли веришь. Этим *иным* оказывается *Любовь к Богу*, причем любить надо до полного в Боге растворения, ибо «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» – это состояние личности, и та Вера, о которой говорит Христос, начинается с признания, а заканчивается состоянием растворения, экзальтации, экстаза, Благодати Божией.

Даже только имея веру с горчичное зерно, можешь совершать чудеса!

Но эта Вера противоположна Пробуждению, ибо в Пробуждении человек поднимается на вершину мира, становится свободен в его сокрытой ранее *подлинности*, а в Вере он растворяется в Боге, то есть даже теряет себя.

Состояние преображения сопутствует и любви, поднимающейся до страсти, когда человек возносится в экстатическое инобытие, и он также может чувствовать и понимать это состояние блаженства, сияния – как состояние Благодати Божией. И тогда о такой любви недостаточно сказать «я люблю её», а вернее: «я переживаю состояние любви, благодать и сияние любви».

И Вера и Любовь приобретают в нем только качественное измерение, но и количественное, и «если любишь с горчичное зерно», и скажешь даже «холоднокровной», чтобы она подвинулась, то она подвинется – ибо и такая вера и такая любовь становятся причиной для чуда.

О Пробуждении также несомненно, что оно является состоянием, в котором не только изменяется человек, но и сам этот мир изменяется к чуду, становится необычным, непохожим на тот, каким он был перед этим, как будто человек попадает в сказочный мир или магический, и все вокруг меняется самым странным, самым непостижимым образом.

Мы просыпаемся (в *Пробуждении*), входя в инобытие.

Итак, и Любовь и Вера, и Пробуждение с такой точки зрения – особое состояние личности, души, в котором меняется и она сама и окружающей мир. Если представить их не только статически, но и динамически, как некоторое продолжающееся возвышение, то они переходят в идеальное высшее состояние, почти общее для них всех. Это высшее состояние, в котором бытие раскрывается почти как Инобытие, является не чем иным, как *Откровением*.

2. Странность Веры

Аналогом сих трех состояний в буддизме является состояние *самадхи*, которое достигается праведной жизнью и отрешенностью от жизни, что напоминает христианскую бездеятельность и умерщвление плотских желаний.

В согласии с Ухтомским, гениальным русским физиологом, в молодости окончившим Духовную академию, и относившимся и к монашеству и к бездеятельному «возвышению» резко отрицательно, можно считать, что русские поэты и ученые поднимались по пути, ведущему к Откровению, а те, кто преуспевал на пути аскетического умерщвления, не поднимались...

И странность Веры в сосредоточенности только на Боге и на бездеятельности в мире. Если я надеюсь, что делаю и я шаги на пути к возвышению, то потому, что всю жизнь работал, благоустраиваю свой небольшой деревенский мир, развожу цветы, кошу траву, починил сарай и веранду, написал Учебник математики (думаю, превосходный), может быть, неплохие отдельные главы в своих полуфилософских книгах, вожу вещи из города деревенским детям, угощаю их чаем и конфетами и делаю всякое другое в перечисленном роде. Как же всю жизнь пестовать только свою душу, только молясь и заботясь о себе и мало заботясь о других? И это меня назвала удивительная женщина *самовлюбленным эгоцентристом*?! А кто же тогда подвижники, занятые только своим возвышением (если при этом еще они возвышается)?!!

3. Вера, Любовь к Богу и Плотская Любовь

Споры математики разрешают легко, находя ошибки в чужих рассуждениях. Но почти невозможно спорить по поводу истины, святости, веры, любви и духовного возвышения. Точнее говоря, невозможно спорить с определенного сорта людьми, исповедующими определенные взгляды на мир без права другим в этих взглядах сомневаться. Но при этом чем они свои взгляды подтверждают? Ссылками на *Богодуховное Священное* писание или на писания христианских писателей, или на Маркса, потому что «учение Маркса верно, потому что всесильно». В молодости, споря с марксистами, и я утверждал, что мир сотворен за семь дней, и Ева сотворена из ребра Адама, и Земля плоская, но зато теперь терплю поношения от своих прежних соратников, которые с тем же (юношеским ли?) апломбом уверяют, что душевная любовь мерзость и достойна почтения только любовь духовная.

Переживали ли они сами состояние веры и *душевной любви* или любви к Богу или ограничиваются поношением того, что им ненавистно, считая женщину опасным соблазном, если не «сосудом дьявола», и любовь к ней считая мерзостью, и ненависть мужское внимание – два прославившихся в этом роде автора – Иероним Блаженный и Игнатий Брянчанинов – им в помощь.

Послушаем Иеронима Блаженного.

«Противник ваш дьявол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить».

«Мы окружены великими полчищами неприятелей; весь мир полон врагами.»

«Каждый день слезы, каждый день стенания, и когда сон грозил захватить меня во время моей борьбы, я слагал на голую землю кости мои, едва держащиеся в суставах. ... И все-таки я – тот самый, который ради страха геенны осудил себя на такое заточение в сообществе только зверей и скорпионов, – я часто был мысленно в хороводе девиц. Бледнело лицо от поста, а мысль кипела страстными желаниями в охлажденном теле, и огонь похоти пылал в человеке, который заранее умер в своей плоти.»

Теперь дадим слово Игнатию Брянчанинову.

«Ощувший любовь духовную с омерзением будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви.»

«Истинная любовь к ближнему основана на вере в Бога.»

«Естественная любовь, любовь падшая, разгорячает кровь человека, приводит в движение его нервы, возбуждает мечтательность; любовь святая прохлаждает кровь, успокаивает и душу и тело, влечет внутреннего человека к молитвенному молчанию, погружает его в упоение смирением и сладостью духовною.»

И, наконец, Блаженный Августин, не называющий плотские влечения словом "любовь", а только – "вожделение", "похоть". «Половой акт он считает непристойностью потому, что "движение совокупляющихся органов... не повинуетя человеческой воле". Человек сам виновен в том, что его плоть не всегда ему послушна, ведь "было бы несправедливо, если бы раба, то есть плоть, повинувалась тому, кто сам не повинуетя своему Господу!"

Только супружество и деторождение могут служить некоторым оправданием "сладострастию", хотя супружество все же не превращает порок в благо.»

4. Любовь и Вера.

Страсть, сладострастие, бесстрастие, экстатические переживания

Но действительно ли знают авторы текстов о *духовной любви*, что в ней содержится, что она собой представляет? В Евангелии говорится о любви к Богу и о любви к ближнему, более ни о какой любви не говорится. Следовательно, любовь между мужчиной и женщиной, в том числе любовь между мужем и женой, *любовью* (с евангельской точки зрения) не является. Может быть, ее следует назвать «душевной любовью»? Тем не менее, Иисус Христос не требует распять и ненавидеть *любовь душевную*, как этого требуют современные христиане.

Впрочем, положим, им удалось такую любовь распять.

Если это не монахи, а люди мирские, то как же они относятся к своим супругам, детям, родным, друзьям? Или они их любят *духовной любовью*?

Блаженны юродивые, мнящие, что по мановению нашей воли наши человеческие отношения вдруг заменяются на те отношения, которые, возможно, присущи ангелам.

Если даже апостол Павел не говорит о том, что его связывает с его многочисленными сотоварищами духовная любовь, то – воистину блаженны современные юродивые, смущающие народ *духовной любовью* (якобы, ставшей уже реальностью)! И вот, наслушавшись таких проповедей о *духовной любви* и о *распятии* известных человеческих отношений, включая и супружеские, легковверный читатель попробует эти призывы применить к самому себе. Измучив себя, измучит он и близких.

В текстах духовных авторов на протяжении двух тысячелетий постоянно идет борьба между страстью и бесстрастием; верующему, переступившему порог православного храма, трудно ориентироваться среди кликов и воплей такой борьбы.

Игнатий Брянчанинов.

«Естественная любовь доставляет любимому своему одно земное; о небесном она не думает.

Она враждует против Неба и Духа Святаго, потому что Дух требует распятия плоти.

Она враждует против Неба и Духа Святаго, потому что находится под управлением духа лукавого, духа нечистого и погибшего.»

«Когда сердце твое не свободно, – это знак пристрастия.

Когда сердце твое в плену, – это знак страсти безумной, греховной.»

«Многие подвижники, приняв естественную любовь за Божественную, разгорячили кровь свою, разгорячили и мечтательность. Состояние разгорячения переходит очень легко в состояние иступления. Находящихся в разгорячении и иступлении многие сочли исполненными благодати и святости, а они несчастные жертвы самообольщения.

Много было таких подвижников в Западной Церкви, ... воздающей человеку поклонение, подобающее и приличествующее единому Богу; много эти подвижники написали книг из своего разгоряченного состояния, в

котором иступленное самообольщение представлялось им Божественною любовью, в котором расстроенное воображение рисовало для них множество видений, льстивших их самолюбию и гордости.»

В католической Польше, крепкой своею верою и тогда, когда в СССР христианство влачило существование жалкое, повсеместно было осмеяно, и большинство даже стеснялось заходить в храм, тем более задуматься о Боге и вере, религиозный энтузиазм был повсеместен. Я видел в конце восьмидесятых годов колонны паломников, путешествующих в праздничные дни к местам поклонения. Если, по мнению Игнатия Брянчанинова, «...любовь святая прохлаждает кровь, успокаивает и душу и тело, влечет внутреннего человека к молитвенному молчанию», то горящие глаза и лица молодых женщин-паломниц свидетельствовали о «состоянии разгорячения, которое переходит очень легко в состояние **иступления**».

В этом отношении благодатное впечатление производят православные священники (из старого «призыва»), чадолюбивые и чадородные, спокойные, без «горения глаз и лиц», отправляющие церковную службу как требуется по канону, словно бы рутинно, принимающие и исповедь без увлечения, и в проповедях призывающие к самому общему: к милосердию, любви, прощению, согласию, сочувствию и помощи близким, то есть говорящие почти то же, что учитель и партсекретарь по идеологии. Но современная публика с большим сочувствием тянется к священникам *новой волны*, именно горящим *сектантским* энтузиазмом и изливающим его на паству.

Такое впечатление производят на меня монахи-проповедники, «горение глаз и лиц» у них не только внешнее, а внутреннее, находясь в состоянии аскетической борьбы и надеясь сподобиться духа святого или мученического венца, к этому же призывают они и мирянина, которому, в отличие от них, надо строить дом, пахать землю, платить налоги, ходить иногда на войну, жениться по сердечной склонности и рожать детей, испытывать часто *разгорячение крови* по разным житейским поводам, особенно же в силу «душевной любви», якобы противной Богу...

Но не у мирянина, а у монаха или у священника-проповедника «состояние разгорячения переходит очень легко в состояние *иступления*», которое «представляется им Божественною любовью, а расстроенное воображение рисует для них множество видений, льстивших их самолюбию и гордости.»

Христианин-неофит принакает к такому проповедующему священнику, передоверяет ему свою волю, якобы вверяя ее в руки самого Господа-Бога, и затем живет не своею волею, а «как батюшка скажет». Но даже Игнатий Брянчанинов, горящий энтузиазмом монашеского аскетизма и святости, борющейся с жизнью, предостерегает против такого духовничества.

Впрочем, история христианства показывает, что не существует какого-то одного правильного порядка христианской жизни, существуют и «монахи и монашенки в миру» (и я таких знал, один из них, Глеб Борисович Перепелкин, был преподавателем и искусствоведом, памятным многим, интересующимся искусством), – но надо ли превращать наш мир в монастырь и нашу жизнь в подвиг веры, буквально «взять крест и последовать за Христом», надо ли всем стать «монахами в миру»?

5. Невозможность диалога

Впрочем, я не вмешиваюсь в мысли и дела христиан. Эта книга – мой разговор с самим собою. Влияния на кого-нибудь из тех, кто мне встречался на житейских перекрестках, мне оказать никогда не удавалось, по неизвестным мне причинам иногда я вызывал у той или иной женщины симпатию, но кончалась она у всех почти одинаково, или обвинением в том, что я «самовлюбленный эгоцентрист», или молчаливым разрывом, не снисходящим до объяснений, или ненавистью и яростью и требованием не подходить близко и не прикасаться (после того, как она писала, что жить без меня не может). Правда, так яростно вели себя не только христианки, но и «пламенные» комсомолки, а почему это так, я не понимаю. И не уверен, что я что-то понял, заканчивая уже книгу, посвященную *пониманию*, не уверен, что что-нибудь я и объяснил.

Но в том, что разрыв происходит при столкновении житейского, душевного (которое надо распять на кресте, возненавидеть и растоптать) и *духовного*, я уже уверен.

Я был движим состраданием, хотел ей помочь преодолеть наваждения, которые ее мучили, преодолеть повседневную печаль, но взамен (или даже ради ее спасения) я и сам ею увлекся, НО ничего от нее не требовал и даже провел черту, за которую обязался не переступить. И эту черту не переступали ни она ни я. И волшебные минуты нежности и восторга испытывали мы оба.

"Но кто и мысленно пожелает жену ближнего своего..."

Конечно, я не святой и не ангел... Да притом даже и неважно, пожелал ли я ее хотя бы мысленно, если я испытывал ту любовь (душевную), которую надо ненавидеть и распять на кресте.

Я редактор. И в ослеплении я решил, что смею и могу «редактировать» не только ее тексты, но и ее личность и жизнь (а разве не на такое *редактирование* претендует и христианство, в особенности то сектантство, которое хлынуло в православие и пользуется успехом у молодых женщин?)

Я не вмешиваюсь в мысли и дела христиан, потому что мы говорим на разных языках и не понимаем друг друга. И даже я не вижу никакого *душевного движения*, направленного к пониманию – может быть, потому, что все душевное должно быть искоренено.

Когда-то мы читали одни и те же книги и иногда сочувствовали одним и тем же героям. Вот, например, роман, повествующий о том, что молодая красивая замужняя женщина влюбилась в блестящего гвардейского офицера, оказалась несчастлива... и мы вместе сочувствовали ей и проливали слезы над ее печальной судьбой. Теперь же оказывается, что «ощутивший любовь духовную с омерзением будет взирать на любовь плотскую» – и я уже боюсь даже напомнить о сочувствии той, на любовь которой надо взирать с омерзением.

А что же еще можно сказать обо мне, погруженном в соблазны, в «похоть плоти и похоть очей», но, казалось бы, преодолевшем «похоть плоти» и смиренно предложившем *ей* чистые порывы души – когда эти порывы души оказались еще пущим злом?!

Духовная литература отделена от культуры пропастью. Ничто из светской литературы не авторитетно в сравнении с Священным писанием и Писаниями святых отцов.

Да не отделена ли и Церковь пропастью и от культуры и от жизни?

Верующий светский человек не читал Блаженного Августина и Иеронима Блаженного и Игнатия Брянчанинова. Он молится, как предписано Священным писанием, или по собственному разумению, ставит свечки перед иконами, просит заступничества у святых, слушает богослужение и ходит на исповедь, иногда читает евангелие. Вера не мешает ему жить и работать – пока она всего лишь одно из направлений его ума и не поработает ум в целом, и пока он не вознамерится умерщвлять в себе сначала плотское тело, потом душевное. Но что мы, люди НЕ «лунного света», можем возразить желанию жить без греха?

Я надеялся, что скажу ей, что сердце мое болит, что мне без нее плохо, что я ничего не требую сверх того, что может дать дружба, что я согласен встречаться на концертах, иногда говорить по телефону и обмениваться письмами, потому что я все еще ее **люблю** – но в чем я могу ее убедить, если «естественная любовь доставляет любимому своему одно земное; о небесном она не думает, враждует против Неба и Духа Святаго, потому что Дух требует распятия плоти, и враждует против Неба и Духа Святаго, потому что находится под управлением духа лукавого, духа нечистого и погибшего.»?

Кому повем печали моя и кого призову к утешению? Смогу ли пробудить в ней ее сердце, говоря, что я принадлежу ей, если «когда сердце твое в плену, – это знак страсти безумной, греховной.»

Да возможно ли быть христианином и оставаться живым человеком?

7. Духовная любовь и любовь к Богу

Апостол Петр спрашивает: *Как можешь ты любить Бога, которого никто никогда не видел, если ты брата своего, которого видишь, не любишь?*

Даже Игнатий Брянчанинов говорит: «Любовь к ближнему есть стезя, ведущая в любовь к Богу». И далее: «Еще предстоит тебе борьба! ... Взгляни на предметы твоей любви: они очень тебе нравятся? К ним очень привязано твое сердце? – Отрекись от них. Этого отречения требует от тебя Господь, законоположитель любви, не с тем, чтоб лишить тебя любви и любимых, но чтоб ты, отвергнув любовь плотскую, оскверненную примесью греха, соделался способным принять любовь духовную, чистую, святую, которая – верховное блаженство.»

«Делай, что можешь полезного и что позволяет закон, твоим любимым, но всегда поручай их Богу, и слепая, плотская, безотчетливая любовь твоя обратится мало-помалу в духовную, разумную, святую.»

Если же любовь твоя – пристрастие противозаконное, то отвергни ее, как мерзость.»

Сначала святитель требует отречься от плотской любви, чтобы стать способным к духовной любви, но, оказывается, в духовную любовь мало-помалу обратится та самая отвергнутая любовь плотская, если любимым (бывшим любимым?) продолжать делать нечто возможно полезное.

Все это похоже на несвязный набор прекраснородушных слов, отличающих тексты теософские, посвященные именно всему возвышенному, духовному, божественному... Так, может быть, подобного рода поучения и есть пустопорожняя теософия, исключая энергичные проклятья в адрес любви как мерзости? Но что доводит человека до такой крайности, до отречения от плотской и душевной любви к близкому человеку в поисках *духовной любви*, содержание которой никому не известно и даже культура не помогает его раскрыть, ибо в романах и симфониях речь идет о страстях и терзаниях земного человека, а не небесного, и даже князь Мышкин любил падшую женщину, Настасью Филипповну, подозреваю, любовью тою самою, от которой надо было отречься.

Доводит человека до крайности трагедия: кризис в душе, разочарование, измена, крушение надежд и иллюзий, после чего пистолет, кинжал, веревка или в омут вниз головой... или, взявшись за руки, с крыши высотного дома. Или – в монастырь, скит, пустыню, словно бы продолжать жить, но аки во гробе. Приближается ли к Богу тот, кто отверг житейские страсти, жизнь с ее муками и соблазнами, счастьем и болью?

Моя любимая Дева Орлеанская, с мечом в руке и Благодатию Божией в сердце, к которой приходили святые Екатерина и Елизавета и которой был дан дар предвидения, несомненно к Богу приблизилась. Испытала ли она любовь духовную? Священная Инквизиция ее страстную Любовь к растерзанной Франции объясняла как пристрастие к Дьяволу – и если даже в отношении к Жанне мы не можем договориться до взаимопонимания, то что можно сказать о тех, кто земную любовь к человеку пытается опорочить и подменить ее «духовной любовью» – к кому? К тому же человеку? Или к Богу?

Помимо человека? Вместо человека? Но и апостол Петр говорит, что Бога можно любить, только любя человека. И похоже, что к этому же склоняется и Игнатий Брянчанинов, несомненно, испытывавший душевное потрясение, прежде чем посвятить свою жизнь Богу и только Богу. Он был прекрасным математиком, подающим большие надежды своим учителям, надежда и гордость отца – и вдруг решение отринуть светскую жизнь и заточить себя в монастырь. Отец валялся у сына в ногах со слезами, даже император уговаривал его одуматься и не кончать жизнь самоубийством – все было тщетно.

«Духовная любовь к Богу» – это та самая «любовь к Богу», о которой говорит первая заповедь Моисея, и которая возможна только через любовь к ближнему (согласно объяснениям апостолов).

Но существует ли любовь к Богу, возможно ли Его любить так, как любим мы человека? Не метафорическое ли это указание на те мгновения растворения в благодати Божией, в сиянии мира, которое наполняет возвышенную и поэтическую душу? И которое сродни *самадхи, вдохновению, пробуждению, откровению* и весьма далеко от сектантского страстного обличения «любви как мерзости»?!

Идя несколько дней назад к Анне, я часть пути прошел сосновым бором, а для удобства пешего хождения была у меня палка в руках, **Посох**. Сияло

солнце, было тепло, но не жарко, остановившись на минутку на обочине, я съел горсть брусники с хлебом, записал слова песни, которую распевал, потом запел «Благословляю вас, леса! ... И *посох* мой благословляю!», вспоминая голос Шаляпина (и через него – как еще и через многое другое в музыке и в поэзии – я слышал Бога сильнее, глубже и больше, чем через наставления священника и через церковное богослужение).

Вчера я снова побывал в ее деревне, сосед мой привез меня на довоенном немецком мотоцикле. Анны уже не было, и ее отца, и даже той другой женщины, Натальи, которую я тоже хотел увидеть, но был Натальин муж, с которым я познакомился и говорил около часа. Так как в последние недели чудесное словно пронизывает мою жизнь, то не удивительно, что и этот довольно пожилой человек оказался пронизанным чудесным.

«Вы произвели большое впечатление на нашу деревню тем, что пришли пешком, как паломник, к той, которая пленила ваше сердце!»

«Но я ей сразу же сказал, – возразил я, – чтобы она не волновалась, что от меня ей не будет докуки, что она прелестна, но я не буду в нее влюбляться, чтобы ее не смущать.»

«Как – не будете?! Да в кого же тогда влюбляться, как не в нее?! Вы меня расстраиваете. Исправьтесь, возьмите свои слова назад!»

Вот восторг! Достойный человек, видящий меня только второй раз в жизни, не сомневается, что от моей любви не будет зла, что от любви его не бывает, что зло бывает только от нелюбви, и поэтому не надо искать любовь духовную, а любить, кого любим, так как можем, по земному...»

Но знаю ли я сам то, о чем говорю, если сознался, что, заканчивая Книгу о любви, я так почти ничего и не понял ни в ней, ни в женщине, что любовь раскрывается совокупно только через культуру в целом и тот духовный опыт, который у каждого свой (хотя и во многом общий для всех, если только человек не стремится спрятать свое разочарование в жизни и в любви за набором бессодержательных прекрасноречивых слов)?

Подлинный духовный опыт не слишком распространен, но в то же время нелепо думать, что только Петр и Павел его испытывали, а философы, поэты, редакторы и крестьяне бездушные и бездуховные существа, с которыми Бог никогда не разговаривает. Я скажу даже более – и в евангелии и в церкви и в музыке и в литературе человек находит не больше того, что уже есть в его душе, и если душа его скудна, то сомнительно, чтобы и слова Христа или апостола Павла отозвались в нем не скудно. Светское и сакральное, трагическое и банальное, порывы, уносящие на небо, и земные коллизии и слезы – вот то подлинное евангелие, которое есть почти у каждого, но культура и философия и миф проясняют то, что уже есть, насыщают, делают глубже и всеобъемлющее.

Возможно, я не бывал восхищен до седьмого неба, о чем повествует апостол Павел, не встретил Христа по дороге в Дамаск, но ко мне приходят волхвы, и я даже влюбился только для того, чтобы помочь прелестной женщине, ибо без любви помочь ей мне не удавалось – а точно ли это меньше, чем подвиги смятенных сектантствующих душ бывших комсомолок, про-

поведующих ненависть к любви и к рождению детей, и воспевающих любовь духовную, которую никто никогда не испытывал?

Но я потерял поражение, пытаясь *спасти одну*, красивую и несчастную.

Да не потерпел ли поражение и Христос, пытаясь *спасти свой народ*, который Его распял?!

И все же, если любовь к Богу не существует иначе как через любовь к человеку, то не может ли осуществляться она и через любовь к миру в целом, который создан Богом и образ Его содержит в себе? И тогда *духовная любовь* – это особое состояние восторженной любви к миру, состояние удивления перед его красотой и величием. И кроме того, состояние милосердного примирения со своим народом, не исключаящего негодования на несовершенства, слабости и пороки, но не ставящего их во главу угла, а во главу угла ставящего ту красоту и совершенство, которые разлиты в народе хотя бы не повсеместно, но среди многих! И это чувство восхищения и примирения с человеком я и испытываю в последние недели, и это чувство восхищения и примирения и можно метафорически назвать *духовной любовью*, если только НЕ воюет она с миром и природной, естественной, душевной любовью к близким, к друзьям, природе, но самое главное, к источнику всякой земной любви, то есть к женщине, которую надо восхищаться. Потому-то я не негодую и на Савонаролу, и на Блаженного Иеронима, и на Игнатия Брянчанинова, и на пламенных комсомолок, ищущих в разочаровании духовной любви – но прошу у Бога милости и для них.

7. *Дух и Материя. Дух и плоть.*

Материализм и идеализм представляют мир как единство двух субстанций – Духа и Материи. При этом расходятся они только в том, какая из двух субстанций главенствует. Христианское понятие плоти не соответствует понятию материи, ибо если есть плотская любовь, но нет любви матерьяльной, материя не чувствует и не влюбляется, и не относится к миру живого, плоть же в человеке неотделима от его души и духа и жива вместе с ними.

Всякая любовь есть предпочтение и притяжение, но каждый мужчина любит свою женщину своеобразно, менее страстно и более, менее чувственно и более, и в самом чувстве любви «чувственное» начало может занимать большее и меньшее место, как и нежность и забота и жажда «спасения ее души» (и даже если мы не можем дать точное определение тому, что это значит, она в любви присутствует, как и дружба, и милосердие). И также «чувственное», эротическое присуще «половой» любви, различаясь по степени, в пределе от бесчувственности до вожделения, занимающего любовь даже всю (как и часть целого имеет два предельных положения от ничто до всего). Психология и физиология (и даже философия) утверждают, что эротическое содержится даже в материнской любви и в любви детей к матери, но я оставлю сие без комментариев.

Есть в любви и нечто непостижимое, неопределимое с помощью философского анализа; и, как сказала Анна, любовь стремится стать выше жизни, быть вне жизни и над нею.

В любви есть метафизическое и трансцендентное, но это лучше понимают музы, нежели философский рассудок.

Что же такое *духовная любовь* к женщине? По тому негодованию, которым наполнено отношение христиан к «чувственной» (или половой) любви, можно предположить, что это совсем другая любовь, не содержащаяся в половой, не тот идеал, к которому половая любовь может трансформироваться, по мысли христианского философа Владимира Соловьева, исключая природный эгоизм, но сохраняя все же своеобразие любви (и уместно именно словом *любовь* называть чувство, притягивающее мужчину к женщине в согласии с Ветхим заветом и античной философией и всей культурой и действительной жизнью европейских народов), а совсем *другая* «любовь», которую неуместно даже называть словом *чувство*, ибо она не чувственна, которую неуместно считать *пристрастием*, ибо «в каких язвах – наша любовь естественная! Какая тяжкая на ней язва – *пристрастие!* Обладанное пристрастием сердце способно ко всякой несправедливости, ко всякому беззаконию, лишь бы удовлетворить болезненной любви своей.» Итак, *духовная любовь* не является *пристрастием*, следовательно, *предпочтением*.

К тому же «взгляни на предметы твоей любви: они очень тебе нравятся? К ним очень привязано твое сердце? – Отрекись от них.» – Следовательно, *духовная любовь* не может ни предпочитать кого-то одного перед другими, ни привязываться к кому-то сердечно, следовательно, она «равноудалена» от всех, бесстрастна, ко всем одинакова, никого не выделяя, бесчувственна и безлична. *Духовной любовью* надо и можно любить только всех, но нельзя любить ею кого-то одного, избранного.

Но даже «придет неожиданно действие благодати в твое сердце: ты ощутишь внезапно сладостнейшее упоение духовною любовию ко врагам.»

«Смирение и преданность Богу убивают плотскую любовь» – как после этого можно быть христианкою матери? Или она своих детей любит только духовно? И как можно иметь семью? Или и мужа надо любить только духовно, а по велению Блаженного Августина даже лучше не ложиться с ним в одну постель и не совершать *непристойных* движений...

Нет, напрасно христиане борются с страстями, у них у самих религия *исступленного негодования*, ненависти, вражды, разделения, противопоставления, отрицания плоти, природы, естественных движений души и тела, религия, требующая одинакового отношения ко всем, запрещающая выделять одного и привязываться к нему сердцем, пленяться предметом своей привязанности. Следовательно, это религия, исключаящая любовь ту и такую, какую знает человек и культура. Это религия, воспевающая не только сверхъестественное, но и неестественное, **противоестественное**.

Если *любовь* – это выделение и предпочтение, то *духовная любовь* НЕ является любовью, ибо она никого не выделяет и никого не предпочитает, а относится ко всем ближним *равно*. В ней не больше любви чем в «пустом множестве» математиков – *множества*. В ней нет не только любви, но даже и чувства. И единственно возможный вывод, что *духовной любви* как аналога *веры, любви и пробуждения* – не существует. **Существует только любовь**, которую по разному понимали Платон, Вл. Соловьев, Шопенгауэр.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

**НАЕДИНЕ
С СОБОЙ**

ГЛАВА НУЛЕВАЯ НА ЕДИНЕ С СОБОЙ

I. Разрыв

*Печальный демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей...*

Одни из нас верят в Бога, другие – нет. Я чувствую, что мир пронизан духом святым, следовательно, я не сомневаюсь в существовании Бога. Но и многие из тех, кто думает, что не верит в Бога, ощущают мир так же, как и я, а многие из верующих видят в нем только зло и скверну. И точно также одни из нас милосердны и заботливы, талантливы и добродетельны, красивы, надежны, верны в дружбе – не все они христиане, и чаще всего это не имеет никакого значения. Но помогает ли христианство верующим, и в чем состоит их вера? Столько страниц я посвятил обскурантизму аскетического христианства, но та старушка, о которой пишет Розанов, которая приходит в храм помолиться и получить утешение – разве она верит в Бога так, как Блаженный Иероним? И другие, молодые и старые, неповинные в чрезмерном монашеском рвении *профессионалов веры* – что для них Бог, церковь и вера?

Богослужение. Праздники. Изредка молитва. Свеча перед иконой. Покаяние. Причастие.

Их Бог не обещает конца света, но любовь и утешение. Он благословляет и нашу земную любовь. Не требует от нас всепоглощающей любви к Себе и не призывает растоптать нашу собственную любовь, грешную или безгрешную, и заменить ее на несуществующую *любовь духовную*.

Бог, в которого мы верим, благословляет и наш мир и нашу жизнь. И если священник возглашает, что Бог есть любовь, то мы верим, что речь идет о любви, которую мы знаем сами – ибо никакой другой любви мы не знаем.

И наша вера не в том, что якобы наша любовь грешна, что греховны наши родители, мы сами и наши дети – с такою верою невозможно было бы жить – "жить аки спать во гробе" мы не хотим. Мы думаем, что достаточно верить в Бога так, как верили Пушкин и Лермонтов, Достоевский и Тургенев, Тютчев и Алексей Константиныч Толстой – и мы правы, только такое христианство и совместимо с жизнью, а христианство Константина Леонтьева, апостола Павла, святителя Игнатия, а тем паче Блаженного Иеронима таково, что лучше умереть сразу, чем мучиться.

Строки из писем: «Но если Вы умрете, я тоже умру, я буду так несчастна, не умирайте, пожалуйста, милый хороший В.»

«Я так счастлива, люблю тебя очень очень очень! Никогда не думала, что мне может понравиться нежность, а теперь она мне нравится. Я не хочу никого обидеть, надеюсь, наша любовь не повредит никому!!!»

«Мы будем вести себя почти как дети. Но если и у праведников кипят страсти и они с ними борются, то что же с моими страстями? Или их не будет? – Нет, они будут, но мои страсти растворятся в нежности. Прикасаюсь к тебе, я словно бы прикасаюсь к лепесткам цветка, поэтому становлюсь солнечным светом и дождем.

И вот, будем любить друг друга нежной страстью, не допуская греха.

Преодоление всех твоих прошлых наваждений, полнокровная и свободная жизнь, вера в себя, в меня, новая земля и новое небо.

Любовь моя! Ты должна быть счастливой, летящей, наполняющей светом и себя и своих близких, а я тебе буду передавать всю нежность, весь свет, всю мечту, все высокие стремления, все надежды, что у меня есть!»

«Простите меня, миленький хороший, самый лучший! Я Вас люблю безумно, не могу без вас жить. Прошу прощения на коленях!!! Плачу и целую... Я Вас никогда не брошу и всегда буду любить!»

27 августа. Прошла неделя, и мне показалось, что я умер.

Идеальна ли Татьяна Ларина, как я ранее думал? «Но я другому *отдана* и буду век ему верна!» Кому? Своему владельцу? Неужели рабство является идеалом? Или это идеал женщины, а женщина ищет только того, кому она может принадлежать: или Бога, или Мужа, или Любовника?!

Я надеялся *спасти* ее, освободив от власти наваждений: от её ложных страстей, от излишней власти Бога, стремящегося в Себе растворить человека, от мужской силы, от растворения в церкви, в семье, в долге, от мифов, закабаливших человека – коммунистического мифа равенства, буржуазного мифа успеха и неравенства, от мифа, предписывающего узаконенный взгляд на историю, унижающий Россию и возвеличивающий «свободный мир». Я призывал к «*духовному освобождению*», то есть освобождению от абсолютного подчинения Духу (или его жрецам), в форме ли веры в Бога и религиозной доктрины, в форме самого правильного мировоззрения, обнимающего истину, в форме научного познания, теософии, философии, эзотерики, сектантской одержимости, "как батюшка скажет", как партия велит, власти греха, святости, сексуальной свободы или, наоборот, жизни "сушеной воблы"...

Я не хотел повелевать женщиной, лишать ее свободы, не поэтому ли она от меня отреклась?. Неужели только такова женская любовь к мужчине, и она нуждается не в милости, а во власти? Я ничего не требовал, ничего не просил, мне было достаточно тяготения сердца – а разве она ко мне не тянулась?

Через неделю после признаний в любви *она* написала: «Наконец-то я нашла что искала, я *счастлива и свободна!*» А через день: «мне нужно забрать у вас свою книгу, но не прикасайтесь ко мне при встрече, *ваша любовь омерзительна.*»

Дописываю последние строки книги и перечитывать её не буду; расстанусь и с ее героиней и более ее не увижу. В наступающем времени еще остается боль.

Но скоро пройдет и боль как любовь...

Что-то случилось, понять не могу
Редкие капли бегут дождевые.
Я, как всегда, в неоплатном долгу.
Женщина, ревность, судьба и Россия...

Что-то случилось, и камень в руке
Вместо привета, завета и хлеба.
Время стремниной в бегущей реке,
Ключьями молний дырявое небо...

Разрядился компьютер и нечем заняться в дороге,
 Почитать даже нечего. Скучно. Такая досада!
 Может быть, помечтать? Заодно поразмыслить о Боге –
 О Творце, об Отце, и о Сыне – во тьме Гефсиманского сада?

Мы от мира зависимы больше, чем были вчера.
 Ну, бывало, садишься на лошадь и скачешь куда тебе надо.
 Вот прошло уже двадцать веков, наступает *чужая пора*,
 И темнее сегодня во тьме средь деревьев Гефсиманского сада.

Мы от старого мифа отстали, и космос другой, и прогресс,
 Нет *спасенья души*, даже нет и *античного лада*.
 Нет Ликеев в саду, нет и сада в душе, только ночь и безудержный лес,
 Вместо древних чудес, обретенья мощей и надежд,
 вместо Нового Мифа – ни рая, ни ада...

Дух и Плоть истончились за двадцать веков,
 Изменились надежда и вера, любовь теперь так же *другая!*
 Но все так же пьянят и возносят: *Люблю, дорогая!*
 Напиши мне письмо! – из одних *обожжающих* слов! –
 Если я тебе дорог как ты – больше мира и рая!

И тогда мы узнаем: Идти далеко, мы в начале дороги.
 Но настанет *другая пора!*

Мы останемся здесь, не уйдем со двора, не оставим родные пороги,
 С нами Бог и народ, и семья и друзья, и волшебные боги.
 Как нам трудно вместить и Сегодня, и Завтра, и даже Вчера!

Я – учитель любви, вместе с тем ученик ненасытный,
 Я вдыхаю тебя словно музыку леса ручей.
 Пусть шумят вдалеке обладанья кровавые битвы –
 Ты ничья, кроме Бога, и я, кроме творчества, тоже ничей.

Скоро наступит сентябрь, и в саду
 Станет уныло.
 Все забывается. Я не пойду
 Встретиться с милой.

Ночью не вздрогну от стука в окно,
 День не заденет
 Память. Ну, плакал... когда-то давно...
 Кто это ценит?

До октября – это край – подожду –
 И позабуду.
 Не с кем мне станет встречаться в саду.
 Не с кем повсюду...

... Вот и октябрь позабыт... Десять лет
Жду (и тоскую):
 Всякую, даже неверную. – Нет!
 – Да, и такую!

Пунктиром взгляды Ницше, Вейнингера, Розанова (в «Людах лунного света»), Шафаревича: *Мужчина стремится обладать женщиной, религиозный миф (включая «социализм») стремится растворить в себе всех. В основе мифа лежит ненависть к миру и человеку и Воля к смерти.* Декларации любви скрывают презрение и жажду господства, безудержную ревность, содроганную от предположения поделиться *своим* с другими.

Цитаты из христианского сайта: «Духовные верующие живут не чувствами или разумом, а верой. Сам орган, излучающий душевную любовь – душа человека – должен умереть на Кресте... Лука указывает на то, каким должно быть наше отношение к душевной любви: *нам нужно возненавидеть её! ...Бог не желает, чтобы наше сердце было к чему-либо привязано, кроме Него...* Любовь духовная исходит от отречения от себя.»

Отсюда следует, что эта любовь не выделяет и *не предпочитает* кого-то одного, не обращена к отдельному, но или к Богу или ко всем, не чувственна и бесстрашна, следовательно, даже не *испытывается*, а поскольку всякая любовь является *предпочтением*, то она не может быть *любовью*, и потому принимать к сведению явление духовного опыта, так называемое, можно только как метафору. Есть же в русских сказках и «то не знаю что» и «пойди туда не знаю куда», вот теперь есть и особое состояние, не являющееся ни чувством ни ощущением, а чистой эманацией божественной мысли, которою Бог наделяет избранных. Но истекая из неведомого нам (грешным) источника, как подземная река оно устремляется к тому, что в мире, сопутствуя сектантскому сознанию и новоявленным учителям легковерных женских душ. Ибо *духовная любовь* характерна для сектантства, и не сродни ли она хлыстовству? Или скопчеству? Чем выше воспаряет проповедник, претендующий выступать от имени Бога, тем легче упасть его подопечным; становясь послушными воле избранных ими «духовных отцов», от власти которых предостерегал даже Игнатий Брянчанинов.

Но та Вера, которая наполняет и утешает современного человека, не исходит из Нового Завета и сочинений Отцов церкви и писаний подвижников (я ее назову «домашней»), она отвергает главное в христианстве: требование Христа взять Его крест и следовать за ним, жить ради «будущего века», ненавидеть жизнь и любовь к женщине, ненавидеть всякую страсть кроме страсти «сораспяться Христу» (ап. Павел) и пострадать за веру.

«Любовь *ко всем* ближним» отменяет природные чувства предпочтения, привязанности, сочувствия, милосердия, сострадания, жалости и заботы; отменяет любовь к труду, вдохновение и творчество, научное познание, любовь к своему народу, любовь к женщине и восхищение ее красотой.

Любить надо Мир (и Бога в мире), Природу, ближних и женщину, заботясь о них – вот моя вера!

Обскурантизм у меня отнял невинную несчастную *женщину*, заставив её от меня отречься, он отнимет и Анну и всех, кого я люблю, запрещая любить. И все же – «Благословляю всё, что было!» Я её любил, как мать любит свое дитя, благодарен ей за то, что она была, и не буду злопамятен. Боль пройдет...

2. Что же случилось?

27 августа, ночь на пятницу. В каждые полчаса включаю почту – вдруг есть от нее записка? – так же она ждала писем от меня, а их иногда не было по несколько дней. Значит, мне поделом!

Нет, я не осыплю ее упреками, жалобами и мольбами. Почему она меня бросила, я до конца никогда не пойму: неужели таково свойство женской любви? Но ведь своего ребенка женщина любит преданно и навсегда?! Даже ведь и тому, кому "отдана", она клянется быть верной?! И если Кармен поет радостную песню свободной любви, заявляя, что "у любви как у птицы крылья", то, может быть, это свойство самой Кармен, а не свойство женской любви? Или эти крылья вовсе не у любви, а у легковесного чувства, похожего на любовь, чувства упоения радостью жизни, наслаждением, свободой?

Бывают романтические порывы, грезы и сны, мечты о возлюблении, даже, как мы увидели, бывают мечты о некой безумной небесной *духовной любви*, в которой женщина сливается не то с Богом, не то с рыцарем из детских фантазий, не то с идеальным возлюбленным, которого она себе придумала как романиста. Но эта фантазия легковесна, она порхает по небу, столкновение с мужской силой повергает ее долу, и чтобы не страдать от разочарования, экзальтированная особа спешит поклониться силе.

Думать так и печально и унижительно, но унижение сопутствует трагедии, а трагедия сопутствует любви. Взаимная любовь-притяжение, любовь-страсть редка, чаще любит один, а второй – второй обречен на страдания, а серьезна их причина, или только в женском кокетстве и легкомысленности – не все ли равно?! Так и смерть не менее трагична оттого, что причиной ее может оказаться лошадь, которая понесла, шальная пуля, дырявая лодка... Массовые расстрелы тридцатых годов соединяют в себе и фарс, и пошлость, и безумие; и низость доносчиков и злобу палачей...

Что меня унижает: то, что пренебрегла мною, или что полюбила другого, поскользнувшись на чувственности? Она меня *не любила*, все ее признания в любви, письма, слезы, клятвы, нежные взгляды и опасения греха были миражом, в который иногда она и сама верила – но лучше ли было бы мне, если бы она не заблуждалась с самого начала, как и Татьяна Ларина, которая тоже не любила Онегина?

Скорее всего, просто ошибалась, не любила, придумала, играла... Или не так, иначе, хуже...

Я отношусь к жизни как к роману, и мне хочется, чтобы происходящее со мною походило на сцену из трагедий Шекспира, чтобы герои были величественны, и банальность воспринимаю как оскорбление... Но надо быть нежным даже при банальной измене! Дстойна ли она моих слез и страданий, достойна ли она любви? Да, достойна!!! И пусть она трижды меня осмеет и оскорбит, и пусть я ей вдруг стал ..... (беспричинно!), но она остаётся моей маленькой нежной девочкой, которую я хотел носить на руках.

Это я пишу для себя, поэтому не уязвлю ее лишним напоминанием о той поре, когда мы даже держались за руки. Это я "заговариваю" сам себя, как *заговаривают* боль: *Потерпи, миленький, скоро пройдет!*

3. Поучение волхвов о любви

29 августа. В пять часов утра пришли волхвы и до семи учили меня ум-разуму, в семь пришлось встать и завтракать и продолжить "текущую жизнь".

«Сначала мы тебе объясним, что делать с тем, что тебе важнее всего, то есть любить ли её и дальше, простить, проклинать, лить слезы, застрелиться...

Если любить и дальше в том же роде, то надо будет застрелиться, потому что вечно жить с разбитым сердцем невозможно, а сердце у тебя разбито.

Возможно, вы встретитесь еще один раз, на прощанье. Вряд ли она тебе объяснит, что случилось, почему она тебя бросила, но встреча может принести успокоение, ты увидишь, что кончилось все и в самом деле, и она тебя бросила совсем и навсегда (хотя... бывают и чудеса, но ты на них не надейся, иначе все равно придется стреляться, только уже измучившись дальше некуда).

Ты ее все еще любишь, и надо любить и дальше, может быть, навсегда – но иначе, уже ни на что не надеясь и ни к чему не стремясь, и даже ничего не желая. *Люби ее признательно и благодарно.* Ты ведь принял ее любовь как благо и дар, ты доверился ей, и все её принимал с восхищением как прекрасное и благое, прими с уважением и то, что она от тебя ушла. Пусть она будет в твоих глазах по-прежнему достойной и лучшей! Возможно, то, что она ушла, ошибка ее и слабость – но не ошибается тот, кто не любит. Возможно, в разрыве вашем высшая правота – тогда тем более за что ее осуждать? Или она тебя предала? Но если она совершенство, то она не может предать, люди слабы, часто их вздымает ветер судьбы или чужая более мощная и сильная воля... Она не справилась ни с ветром ни с силой.

Люби ее и жалеяй как прежде. Жалеяй ее всегда и доверяй ей. Оставь с нею хотя бы часть своей души, достаточную, чтобы она могла в трудную минуту за нее удержаться. И так, жалости для нее не жалеяй. Но люби ее меньше, пусть этот прекрасный любовный цветок увядает и сохнет, потом он и вовсе исчезнет, и ты этого не заметишь. Но будь ей благодарен! Она из-за тебя, ничтожного, плакала даже дважды, а ты ей не хочешь простить свои жалкие слезы!!! И так, вы расстанетесь, и если ты будешь благодарен и нежен, то когда-нибудь она это оценит, возможно, когда-нибудь прочитает и эти строки, если не захочет прочитать их теперь, и с нежностью улыбнется воспоминаниям. Может быть, она даже подумает, что ты *лучший*... Но для этого ты не должен забывать, что и она *лучшая*, и судьба наградила тебя наилучшей любовью, способной к милости, нежности, жертве. Разве не благодаря любви ты и в самом деле стал *лучше*, милосерднее, тоньше?

Любовь – это волшебный дар, блаженство и трагедия вместе (как и жизнь). Не верь христианам, будто любовь – это грех, они не способны к любви.»

4. Прощание

В любви часто испытываются *особенные состояния сознания*, Бытие преображается, и словно всполохи Северного сияния заполняют его. Отзвуки и отблески его есть почти и во всей классической музыке.

И когда я её увидел в первый раз, словно трагическая музыка *сочувствия* наполнила мое сердце, и вначале в сочувствии и был весь смысл моей любви, и только потом я пережил и муку, и блаженство, и надежду на взаимность.

И разве мы не были счастливы, просто глядя друг на друга? Ничего не требуя, ни на что не рассчитывая, никого не утесняя!

29 августа, полночь. Сегодня мы встретились в последний раз, чтобы я вернул ей её книгу; в пакет я положил и свою книгу о «всемирном притяжении любви» и обернул их вместе, чтобы она не успела отдать назад. Может быть, прочтает. Может быть, выбросит на помойку, как племянница по повелению «батюшки» выбросила несколько лет назад мои книги вместе с Пушкиным и Даниилом Андреевым. Но успеет развернуть и увидит. На титульном листе посвящение, обозначенное тремя звездочками – это ей...

«Я не хочу, чтобы вы меня вспоминали, – воскликнула она на прощание, – не смейте меня помнить, прикасаться ко мне даже мысленно! Я к вам не имею никакого отношения, меня в вашей жизни не было и не должно быть!!!! Так же не было в моей жизни и вас, я вас не помню и не вспомню никогда!»

И я повернулся и ушел, не оглядываясь.

Через несколько дней я приехал в деревню, в которой летом жила Анна. Её не было, поэтому я поговорил с нею в воображении.

«Я надеялся, что Вы меня поймете, даже утешите – улыбкой, не более. Но боюсь, что сегодня люди оказываются разделены не взглядами и чувствами, а словно бы самой геометрией бытия, и в неевклидовом пространстве наши человеческие отношения, чувства и мысли, наши стихи и романсы, даже наши улыбки и взгляды, которые мы бросаем на цветы и красивых и нежных женщин, искажены и раздражают. Вы знаете, что во мне не так (если Вы еще пока *здесь*, потому что завтра и вы уйдете *туда*)?»

«Да, догадываюсь. В вас нет смирения. В Ваших взглядах, которыми вы прикасаетесь к женщине, содержится чувство, и это раздражает, потому что *там* все бесплотно. Там не может быть даже Пушкина с его бесчисленными стихами, посвященными женщинам. Я пока здесь, но между нами уже граница, которая расширяется, как бывают трещины в земной коре. Я сначала подумала, что мы можем дружить – и вы сами сказали, что не хотите ничего кроме дружбы – но и ваша дружба страстна и я ее опасуюсь.»

«Значит, мы не встретимся даже через год и Вы не накормите меня супом, как обещали.

Вы – из лучших. Я бы сказал, что Вы – лучшая, но не обижу ли я других?

Впрочем, лучшая может быть не одна. А я ведь толком и не разглядел Вас, я только видел некий словно бы туманный образ, а по краю серебристый или золотой ободок. Почему-то мне показалось, что и Вы из того же теста, что и я, и если бы мы родились рядом и учились вместе в школе, то дружили бы и читали друг другу стихи.

Но Вам и правда лучше обо мне забыть, как мы забываем сны, если только их не запишем. Свои сны я записал, так появилась Книга о любви.

Я Вам её оставляю тоже, и если будете её читать, то не принимайте близко к сердцу, а словно бы читаете сочинения Вольтера и Аристотеля или путаные и многословные "Коробы листьев" Розанова».

Существует ли разнообразное множество типов женщины, представленных нам в трагедиях и любовных романах, или в одной женщине вмещены все

возможные лики ее, и в одной и той же содержатся и Джульетта, и Изольда, Манон Леско и Травята, Татьяна Ларина и Анна Каренина, боярыня Морозова и Полина, и даже Сонечка Мармеладова? Но не так же ли и *мир многолик и управляется волей, судьбой и безличной причиной, случайностью и чудом?*

Встреча с Анной *случайность*, симпатия – *чудо*, продолжение знакомства – *воля*, мизансцены – *и причина и чудо*, неотвратимость расставания – *судьба*.

Хотел еще сказать что-то о *другой*, но я *уже не помню*, кто эта другая, и что я писал о ней прежде, а перечитывать книгу не буду.

Затем я зашел в «забегаловку» на Стремянной, взял стопку водки и бутерброд с килькой, как когда-то в юности. «Странное дело, – сказал я, уходя, хозяйке, читавшей когда-то мои стихи. – Сегодня у вас водка соленая, особенно последний глоток!» ... *Но больше я не буду пить соленую водку...*

Старело здание любви, которое я построил. Болит и сердце, из которого и истекает эта любовь, не божественная и не природная, но содержащая в себе и Инстинкт, то есть Природу: чувствительность, восторг, желание, сочувствие; переживание красоты и восхищение ею (которое есть и у птиц), чувство материнства (которое есть и у волчицы), и тоску и невозможность расставания (от которой умирают лебеди).

Меня мало заботили чувства христианского Бога, Он все равно не умрет (если только от ревности, ибо Он безумно ревнив), это только мы умираем, и сочувствуем и утешаем в страдании друг друга только мы. Но у меня есть и свой Бог, Бог поэтов, философов и ученых, Аристотеля и Коперника, Ньютона и Лейбница, Пушкина и Лермонтова, этот Бог мне всегда в меру сил помогает.

При нашей первой встрече сердце мое было уязвлено твоей болью, и я стремился с тех пор к одной главной цели: преодолеть твою тоску и боль, сумятицу твоих мыслей и чувств, ненависть к прошлому России, разочарование в жизни и в любви. «Мамочка, не будь грустной!» – восклицание твоей маленькой дочери и было моей путеводной звездой.

Я не знаю, что случилось – но даже прикосновения и взгляды и самую невинную нежность ты возненавидела, как и меня самого.

То, что обида меня тоскует и плачет, и горечь разочарования давит сердце, не самое важное, скоро и дым от пожара развеется. Но больно мне думать, что я не преодолел твою боль. Любовь мужчины к женщине успокоится и перестанет болеть, но это странное чувство *сострадания-любви* сильнее даже нашего с тобою «всемирного притяжения», которое заставляло сиять твои прекрасные и нежные глаза, которое и тебя делало счастливой... но, вероятно, это были только мгновения влюбленного сна.

Нет, я тебя не упрекаю ни в чем, я просто перестал тебя понимать. А надо ли упрекать и меня? И хотя я ангелом не был и не стремился им стать, но я был *лучшим*, и не думаю, что, лишенный души и плоти, я был бы лучше того, который был. Впрочем, возможно, правы и те, кто бросит в меня камень. Но есть нечто, что меня оправдывает перед всеми: та горькая незаслуженная обида, с которою я пытаюсь примириться. И все же чувство отчаяния, что я тебе не помог, сильнее. Я побежден... Но что меня победило, я не знаю. И все же, оставим и недавнее прошлое в покое. Мы расстались, и лучше, чтобы уже никогда не встречались. Разве жизнь закончилась?

5. Новая жизнь после смерти

Что скажет Анна, если прочитает мою книгу? Оправдает ли меня? Увы, она меня не накормит супом, как хотела, и я не приду через год, многое нас разделяет.

31 августа. Обещал не упрекать, но боль и обида пронизывали все мои слова и порывы. И все же сострадание приходит на помощь, и я примиряюсь с тобою и с прошлым, ни о чем не сожалею и бесконечно благодарен тебе за то, что ты меня встретила, и хотя не осталась, но задержалась на сияющее мгновение. Спасибо тебе за всё, милая ласточка!!!

4 сентября. «Воскресение» двояко, даже, лучше сказать, существует два *воскресения, одно из них* то, в которое мы верим, и которое наступит для нас (если наступит) после Второго пришествия и Страшного суда, то есть уже после окончательного завершения жизни и нашей собственной и всего человечества, и когда речь уже не сможет идти о воскресении в собственном теле, так как пройдут, может быть, миллионы лет после нашей смерти и от тела нашего уже ничего не останется; и есть *другое воскресение*, то, которое совершилось для тех, которых воскресил Иисус Христос – они, судя по всему, встали от гроба теми же, которыми были до смерти; и, наконец, воскресение самого Иисуса Христа. Естественно думать, что и Он воскрес тем же, каким был до ареста, однако, так как Фома вложил персты в Его язвы, то это не совсем так, возможно, и следы от бичевания тоже остались, И еще одно обстоятельство непонятно, и смысл его я не объясняю тоже: воскресшего Иисуса не узнавали ни Мария Магдалина, ни Его ученики, следовательно, Он стал *иным*.

Но я еще не готовлюсь ни к смерти, ни к воскресению, и все это я написал так, к слову. А заботит меня любовь, которую моя милая разгромила по известной причине, потому ли, что меня никогда не любила, потому ли, что разочаровалась во мне, или же влюбила в другого...

Разгромленная любовь претерпевает тоже нечто подобное смерти, и долгое время я ее оплакивал, *неверную* мысленно осыпал упреками, и стремился только к тому, чтобы забыть ее, отречься от нее и стать равнодушным. Итак, умершую любовь я стремился похоронить.

Но вчера вдруг наступило спокойствие, и я почувствовал, что надо не проклинать ту, к которой я испытал блаженство любви, а благословлять и благодарить (ибо *любовь даруется не как грех, а как чудо и благодать!*).

Ты не осталась со мною, да, но ты и не прошла мимо, а на мгновение задержалась, и это мгновение было чудом. Чудом была и наша встреча и то, что мы влюбились друг в друга, пусть ты меня и разлюбила.

Любовь умерла, но, быть может, возможно для нее воскресение? Однако, если я буду ожидать его, жизнь моя станет невыносима, поэтому, чтобы она могла продолжаться, необходимо тебя забыть и жить без надежды. Но и если я стану к тебе равнодушен, то воскресения любви не будет или же оно будет не нужно ни тебе ни мне. Поэтому надо тебя помнить как милую и нежную и не упрекать, а вспоминать с нежностью, если и не вернуться...

Ты меня когда-то избрала из многих и влюбила в себя. И только от тебя

теперь зависит, вернешься или нет. Но отчасти и от меня тоже, от того, кто я такой, что из себя представляю. Являюсь ли я морем, в которое стремится впасть река, или я и сам только река, текущая параллельно, а морем являются другие? Нуждаешься ли ты во мне, воистину не можешь жить без меня, и воистину ли тебя притягивало ко мне то *всемирное притяжение*, о котором я пишу, или нет? Если нас несет и тащит друг к другу сила, над которою мы не властны, то мы снова бросимся друг другу в объятия... если нет, то... у тебя будет своя собственная жизнь без меня, у меня своя...

И прошлое будет постепенно от нас удаляться...

Через полчаса я получил от нее ответ.

«Да когда же вы оставите меня в покое? Неужели вам до сих пор не ясно, что вы мне не нужны, никогда не были нужны и никогда не будете?! Я вас презираю, вы мне противны! Какое море?! Да вы даже не ручей! Канава, или, пожалуй, грязная лужа!»

«Простите меня, больше не буду ни вспоминать ни обращаться к вам. Но мне казалось, что когда-то вы меня жалели, по крайней мере, не были так жестоки. Ну, ладно, все кончено. Да, вы правы, ничего и не было...

Но если вам будет плохо, и вы протянете мне руку, я ее поцелую – даже если вы потом меня ею ударите...»

Прошло несколько недель, я случайно оказался в том парке, где мы встречались, нашел знакомую скамейку и сел на нее. Через несколько минут... подошла *она* и остановилась рядом. Я встал, не смея говорить.

– На прошлой неделе мне показалось, что я Вас вижу, я бросилась следом, и так смешно загнулась, разбила коленку, даже заплакала. Я здесь почти каждый день. Боялась, что уже больше вас никогда не увижу.

И она зарыдала и бросилась передо мной на колени. Так бросаются на гроб. И я понял, *как мало из-за нее я страдал!* Так, легкая ссадина на сердце.

– Не плачь, солнышко мое, я не сержусь на тебя, я верил... не веря... Не плачь, девочка моя, я с тобою, я рядом, я обожаю тебя, каждую клеточку твоего тела, каждый звук твоего голоса, каждую твою слезинку...

– Какое чудо, что я тебя встретила! Я уже хотела умереть. Но теперь все будет по другому. Хотя мы больше не будем встречаться.

– Если ты так говоришь, значит, встречаться не надо. Но разве это главное? Главное – любишь ли ты меня?

– Неужели ты сомневался? Я тебя слишком сильно люблю, вот почему встречаться мы не должны. Но я тебя буду всегда-всегда любить! А ты?

– Разве я могу тебя оставить одну? Мы будем вместе, мы будем вспоминать наши встречи, и наши письма, и знать и помнить, что мы любим друг друга...

– А я буду читать твои книги, ты ведь напишешь для меня еще?

– Напишу, моё солнышко И твои новые книги буду читать... Мы их будем писать друг другу вместо писем, правда??

... Я словно был в забытии и вдруг очнулся. Уже начиналась вечерняя заря, я посмотрел на часы: шесть часов вечера. Но и перед тем, как появилась *она*, я тоже посмотрел на часы и хорошо помню, что было именно шесть часов. На соседней скамейке сидела дама с ребенком, по дорожке кто-то шел, но это была не *она*. Значит, *она* не приходила, и я так и не узнал, любила или нет...

6. Погром и унижение

В последнем письме она написала, что хотя я и согласился провести черту между нами (как будто это не я и предложил такую черту?) и не переступаю ее, но я все же хотел, чтобы она стала моей *любовницей*, если бы обстоятельства, разделяющие нас, были другими, и *это, мол, омерзительнее всего*.

Меня поразила оскорбительная форма письма – мы уже не переписывались и не говорили по телефону почти три недели, ничего нового, кажется, не случилось и вдруг... словно она подошла и ударила меня по щеке... И так я это чувствую до сих пор, хотя все уже начало перегорать, я уже не сержусь на нее, почти уже примирился и с разрывом и с окончательным расставанием.

Что же случилось? Я мучился этим вопросом целый месяц, я, слепой влюбленный, не видел очевидного: она меня бросила, она, «Земфира, ушла к Алеку», и это письмо – потребность в самооправдании. Следовательно, бессмысленно надеяться, продолжать любить. Она зачеркнула наше общее прошлое, отреклась от него.

А я ведь и не хотел, чтобы она стала моей любовницей, даже не хотел с нею целоваться. В состоянии, которое наполняет меня в любви к женщине (не в увлечении, а в *любви-вознесении*), я пропитываюсь всем ее женским существом, ее *женственностью*, я очаровываюсь ею, как зритель в театре, я возношусь и преображаюсь. Чего же я хочу? Вечно любоваться, слушать, принадлежать, впитывать! Так *хочу* ли я её?

Как природу, как музыку, как спектакль, как роман и романс!

Взгляд и прикосновение – единственное плотское, что выражает мое *хотение*. Романтик, как и я, любя, прежде всего восхищается и поклоняется, со-ощущает, со-чувствует. Мы поем свою любовную песнь, может быть, и вся наша жизнь – это любовная песнь, как у соловья, но при этом мы забываем обо всем, кроме восхищения и полета! Мы не стремимся овладеть предметом нашего восхищения, как разбойник кошельком прохожего, мы стремимся ... может быть, Вл. Соловьев отчасти и прав, и не стремимся ли мы к синтезу полов, к слиянию душ и тел в одну новую душу и в одно тело?.. Правда, я лучше стал бы рукавичкою на ее руке, мне этого кажется достаточно!

Но она, как Земфира, от меня отреклась.

7. Спор с жизнью

9 сентября. Мы еще должны встретиться, чтобы я передал ей ее книгу, может быть, смогу отдать и вот эту свою...

Ночью приснился страшный сон, будто вся моя жизнь бессмысленна, незачем жить и «цели нет передо мною, сердце пусто, празден ум», и остается только застрелиться. Проснувшись, я увидел, что все как всегда, не так отчаянно *пусто*, и хотя по-прежнему я не знаю, в чем смысл жизни, но она продолжается вопреки незнанию.

Теперь только пережить смутную пору, притупится боль разочарования, увянет цветок любви и что-то будет еще... Волхвы меня не оставят... Но чего же я ищу? Вспомнил письмо Мейерхольда из тюрьмы, избитого, в мокрой и грязной одежде, униженного и растоптанного, недавнего кумира театрального общества, вопль раздавленной *души* (которую надо было *распять*?)

И как удастся человеку, верующему в коммунизм, оправдывать его, так безжалостно уничтоживший многих бессмысленно и нелепо? Клоueva, Мандельштама, Павла Флоренского, Николая Вавилова... список почти бесконечен... Я баловень судьбы в сравнении с ними! И все же мне дано (как благо, как избранному, как соучастнику) пережить хоть отчасти муки и боль, выпавшие на их долю. Я словно актер в театре, играющий в трагедии жизни. И меня она тоже пытается разжевать, но, поперхнувшись, выплевывает (а как унижительно, читатель, даже само *введение* в российскую тюрьму, особенно для женщины, с тотальным досмотром тела, о котором нельзя написать!)

Безжалостная жизнь меня растирает в своих жерновах, но оставляет живым, и я бросаюсь ее оспаривать, даны мне «Роман» и Женщина, Роман – мой философский спор с жизнью, Женщина – мое утешение. Увы, и она меня мучает, соединяя муку с блаженством – как ей это удастся, не знаю, но я терплю поражение... И разве в моем философском романе, так растянувшемся, я победил? Нет, и в нем я побежден тоже.

Но вновь и вновь я бросаюсь в бой с судьбою! Ей кажется, что я уже до конца разгромлен? Нет, я еще напишу *самую лучшую книгу* о любви, и меня еще утешит *самая лучшая женщина!*

Но разве и те, которые меня мучили (включая и "Земфиру", не лучшие?! И разве я не хотел бы быть рукавичкою у них на руке?! Но, отвергнутый, не унижусь до сожаления...

Вчера я бродил по лесу (который все еще меня любит), и сочинил романс, и пел его, и даже заплакал...

Нет ни причины, ни оправдания.
Я словно дерево в твоём саду.
Назначь последнее, прошу, свидание!
И я, безмолвствуя, к тебе приду.
Пусть поздно вечером, глубокой ночью,
Вблизи тропиночки у ручья.
Ты чья, красавица, сияют очи,
Ужели, милая, совсем ничья?
Под звездным куполом, быть может, вспомнится,
Как мы гуляли здесь с тобой вдвоём.
Вдруг на мгновение мечта исполнится,
Вернемся вместе мы в твой старый дом?
... Да, нет причины, нет оправдания,
Назначь хоть сторожем в своём саду!
И каждым вечером, как на свидание,
Я буду ждать тебя... Всю жизнь и жду!

Пора проститься. Со всеми. Всех, кому посчастливилось меня отвергнуть, я давно простил. Простят ли меня те, кто меня не отверг?

В «Балладе Редингской тюрьмы» Оскар Уайльд пишет (уже из тюрьмы): «*Возлюбленных мы все убиваем*»... Есть что-то роковое в сильной любви-страсти, что не дает ей быть счастливой. И что не дает ей себя понять.

ПОСЛЕДНИЕ ВЫВОДЫ
АРХАИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК И ОЩЕПЕНЕЦ

1. Поучения волхвов

В пустоте тело падает с равномерным ускорением, но в действительности все сложнее, и листья летят по ветру, и дым поднимается к небу. Наши выводы условны, мы предполагаем наиболее простой образ мира, чтобы хоть что-то в нем понять, и это понимание – простое и даже примитивное, нам помогает. Древнее общество мы называем *архаическим*, также и человека, ему соответствующего, и его сознание, образ мыслей, его взгляды на мир – *архаические*.

А живущий ныне является *современным*, и начинается он (упрощая), в Европе в семнадцатом веке. Но это не значит, что *современный* человек заместил архаического, нет, он в себе содержит и архаического человека, упрощенного, и нового, усложненного. Только не обольщайтесь, новый человек не обязательно более умный, ум совсем не связан с тем, как воспринимается мир, создатели мифов были не глупее, чем даже ты сам, наш верный ученик. Архаическое сознание присуще всем, есть оно и в тебе, и в ученых, и в философах, музыкантах и живописцах (в этих больше всего). Но это два противостоящих типа сознания, поэтому спор твой с христианством почти бессмыслен, вы говорите на разных языках, их язык в сравнении с твоим почти клинопись. Отношения к миру и чувства, переживаемые человеком, мифотворец упрощает и сводит к наименьшему количеству.

Исходит он также из некоего примитивного условия.

Первый человек был сотворен, не рожден, и существовал словно лист на дереве, которым являлся Творец. (Вот нынешние христиане и выставляют в качестве идеала, что после нашего спасения мы снова станем листьями, вернувшись на дерево).

Ева была первым *ощепенцем*, порвавшим с *архаическим* бытием и сознанием, а ты, пожалуй, второй, вот что роднит тебя с Евой и создает в тебе так много женского (в ее смысле, созидательном и героическом, но вместе с тем мягком и пластичном. В культуре архаична драма, и даже отчасти философия, и только Роман соответствует неархаическому сознанию).

В раю, в котором Ева пребывала с Адамом, любви как «всемирного притяжения полов» не существовало, но приобретя любовь, человек приобрел, кроме блаженства, и все невзгоды, связанные с нею, поэтому он ее и проклял и объявил Грехом. Человек был изгнан из Рая и началась его древняя *архаическая* история (а у Евы и Адама была ПЕРЕД история). Итак, грехом является ЛЮБОВЬ (вот эта, между Ромео и Джульеттой и всеми другими), а не только слияние полов, близость, прелюбодеяние и стремление *ко всем подряд*... Христианство осуждает **любовь**, а не плоть (не только плоть... не столько плоть... даже НЕ плоть по отношению к любви)... Хорошо совсем не любить, не притягиваться этим запретным притяжением, хорошо его НЕ испытывать. Но если неумоги, то женись и рожай детей, но Без Любви! По крайней мере, женщина не должна вступать в брак и рожать детей по любви,

ее следует выдавать замуж по воле родителей или начальства (вспомните Платона и некоторые иллюзии двадцатых годов у нас, когда шла речь о *распределении* женщин).

И благонамеренная поэтому восклицает с гордостью и упоением: «*Но я другому отдана и буду век ему верна!*» Нет, она не говорит, что она *любит* другого, и поэтому именно ему будет верна, нет, любит она (возможно), Онегина, а верна будет Гремину.

И в заповедях Моисея разве идет речь о любви как у Тристана и Изольды? Ну, хотя бы о любви между мужем и женой? «Жена да убьется мужа!» – вот и всё!!!

Миф осудил Любовь (сначала иудейский, хотя отчасти потом опомнился, а потом христианский, и так и не опомнился) как следствие зловредного *плода познания*. Все остальное было не так существенно, и христиане бичуют плоть, уподобляясь различным индуистским сектам, пожалуй, в излишнем рвении, ибо бичевать следует только любовь (что они ныне и делают)...

Любовь как "всемирное притяжение полов" неотделима от плоти и плотского бытия человечества, но *половой инстинкт* и *похоть* не составляют содержание любви, они могут входить в любовь, но существуют сами по себе как источник бытия. Отвергая Любовь, архаическое сознание Мифа ставит вместо него привязанность к Богу-творцу (*отцу* в архаической семье или *батюшке* в христианской церкви) на первом месте и "любовь к ближнему", следующую из привязанности к Богу-творцу, на втором. Очевидно, что "любовь к ближнему" любовью ни в каком смысле не является, ни в плотском, ни в духовном, она не является ни привязанностью, ни *избранием* (как избрание Христом учеников, которых Он только и возлюбил, а не все человечество), и не является даже состраданием, а только *способностью к состраданию*, либо верностью долгу. Итак, "любовь к ближнему" – необходимый *долг*, которым *должен* руководствоваться человек, но и то даже не по жалости, а по внушаемой самому себе необходимости видеть в другом образ Божий. (Вспомним хотя бы преподобного Игнатия: «Совершенство Христианства – в совершенной любви к ближнему. Совершенная любовь к ближнему – в любви к Богу. Любовь к Богу основывается на любви к ближнему», или вспомним то, что я цитировал из Конст. Леонтьева о любви).

Но ведь современный человек, христианин он или нет, не тот, что был в древности? Не совсем тот, не совсем новый. Он и *архаический* и *современный* вместе. Именно поэтому, под давлением современного в себе человека, он с легкостью отверг христианство в семнадцатом году, но принял новую еще более изощренную форму архаизма, сначала марксизм (следующий за христианством тип архаического сознания), потом более изощренную форму его – большевизм. (И не является ли бойня, учиненная большевиками, начиная с Революции и Гражданской войны и продолжая голодоморами и чистками и расстрелами и всемирным «Архипелагом Гулаг», тотальной чисткой, учиненной архаическим человеком над неархаическим?)

Итак, христианство – Миф, соответствующий архаическому сознанию, его принимает архаический человек, живущий в каждом из нас. Да разве ты сам несколько десятилетий не был христианином?

Но не так все плохо. Современный человек принимает уже, как правило, не подлинное христианство, а *редуцированную*, усеченную форму его, «перевод христианства на современный язык», переложение для фортепьяно, адаптацию для чувствующих того, что было создано для бесчувственных.

Поэтому диалог возможен.

Кроме того, архаическое сознание не у всех авторов, с которыми ты общаешься, и ради них имеет смысл даже продолжить «Записки редактора», которые бы вывешивались на стене как дацзыбао, и подвергались всеобщему обсуждению – это был бы разговор, полезный для всех. Так их и назови: «Записки на стене».

2. Слово в защиту земной любви

Мы все, хотя и по разному, походили с ума. Одни кричат, что любовь между мужчиной и женщиной хуже вавилонского блуда: то потому, что она вмещает в себя *плоть* (природное), и поэтому в ней нет "духовности" (дал бы кто-нибудь из этих крикунов хоть самое незатейливое определение *духовности*, или бы хоть намекнул на нее!), то потому, что любовь слишком *душевна*, а душу надо *распять* на кресте во имя духа; другие же пустились во все тяжкие наоборот, влюбляются чуть ли не каждый день, а то и без любви, за небольшую плату (ну, последние были всегда, еще и при Христе).

Защищать любовь, писать о ней хорошо при таком одиозно христианском направлении умов – значит прослыть чуть ли не прислужником дьявола.

Но поскольку Вольтер еще пуще отваживался, и даже порицал католическую церковь, и даже судился с нею, и даже ее *обвинял!* – а тем не менее в России его сочинения печатались всегда, и даже сама матушка Екатерина с ним переписывалась, то за мой спор с христианством меня сжигать не следует, и книги на помойку выкидывать вряд ли нужно. Но читать ли – не знаю.

Влюблялись, как повествует история, во все времена, даже и при владычестве христианства над умами и душами (и даже телами), и даже монашки рожали (за что, правда, их ...но я уже об этом писал...)

И все же, есть ли у любовь нечто выше природного? Или она просто *инстинкт*, как и у птиц?

Во-первых, и у птиц ПРЕКРАСНО, и не хуже, и не меньше, и не менее возвышенно, чем у бывших комсомолок, разочаровавшихся в плотской любви и в семейной (вероятно) жизни (то есть в любви во всяком случае *душевной*) и взыскующих ныне любви *духовной* – но они от нее дальше, чем зяблики (и лучше бы они высиживали яйца, а не писали теософские эссе в духе Блаватской и Елены Рерих), и дальше, чем я сам, вовсе отрицающий любовь *духовную* (потому что я пока триедин, во мне еще есть мое болящее тело – и сегодня ночью болело тоже – и моя русско-эллинская математическая душа – а я и Игнатия Брянчанинова приемлю и прошваю при всех его глупостях за то, что он был математиком; есть, вероятно, и дух, хотя я пока не могу дать приемлемое определение духу и не знаю, не часть ли это души).

Глядя на привлекательную женщину, мы нередко испытываем по отношению к ней то чувство, которое Новый Завет называет «*похоть плоти, похоть очей*», и которое считается чуть ли не самым смертным грехом, хуже

убийства. Очевидно, надо быть равнодушным при взгляде на красотку, как то естественно для «людей лунного света» (именно и являющихся создателями и адептами религиозных мифов) – но естественно ли быть равнодушным? Не в такой же ли степени, как «естественно» быть фригидным или содомитом (и «люди лунного света» родственны и тем и другим и даже скопцам, «ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного.», Матф., 19.)

Но как невозможно отделить в живом человеке душу от плоти, ибо они составляют вместе единую личность, так и в этом всемирном притяжении невозможно разделить плотское и духовное – ведь даже когда мы воду разделяем на кислород и водород, то вода прекращается; и справедливо ли сказать, что она *состоит* из водорода и кислорода? А чувство, которое мы испытываем по отношению к женщине, неизмеримо сложнее, чем вода, сколько в нем одного и другого, надо ли взвешивать на грубых физиологических весах?... да не определяется ли многое конкретной личностью любящего человека, который любит нежно или грубо, возвышенно или низко? Нас притягивает женщина, притягивает в ней и общее и специфически женское, разве нам не интересны ее увлечения музыкой и литературой, круг ее чтения, ее общество, отношения к миру? Но и одежда, походка, голос, привычки, рисунок движений, очертания тела, глаза и лицо... Архаическое сознание огрубляет наши чувства и саму женщину превращает из живого человека в символ определенного грубого соблазна, в котором слишком мало от подлинного любовного чувства. Но верить этому сознанию, которое во многом придерживается пафоса древних старцев, нельзя, что в Новом Завете тождественно именно этому общему архаическому сознанию (в частности апостола Павла), а что относится непосредственно к Иисусу Христу, не всегда возможно разделить точно, и, как следует из «Слова о Законе и Благодати» святителя Иллариона, даже важнейшее, руководствоваться ли Благодатью или Законом, разделяет верующих. О каком христианстве мы говорим? Современные православные часто чувствуют и мыслят как протестанты (и это бы еще ничего), но чаще всего весь дух и смысл их веры сектантские, особенно нетерпимость к инакомыслящим, в то время как православие прежде отличалось *терпимостью*. Но я спорю не с официальной православной точкой зрения, а с суммой взглядов, часто обскурантистских, выражаемых прежде всего в литературе, как светской, так и «духовной», я спорю с апостолом Павлом, с которым не соглашался и апостол Петр, я спорю с Иеронимом Блаженным, окруженным по ночам хороводами голых девиц, я спорю с преподобным Игнатием, в основе взглядов которого какая-то тайная личная трагедия.

Ну, ладно! Чувство умиления и нежности, испытываемое мною при взгляде на красивую девушку, апостол Павел называет «похотью очей», прекрасные изваяния на улицах Афин, благодаря которым мы слезли с деревьев и сбросили хвосты, он называет «идолами», но чувство поэта, желающего вместить в свой "лист" все листья всех деревьев и восклицającego «Благодарюлюя вас, леса!» очевидно противостоит мании современных христиан вернуться на дерево (которым является Бог) и стать листом этого дерева, утратив несомненно

живую оригинальную личность. Христианский миф, с которым не во всем я согласен, разросся благодаря мифотворчеству, а то и порос крапивой и сорняками. А. К. Толстой, *благословляющий леса* (перелагая Исаака Сирина), был христианином, как и Пушкин. По мнению Льва Толстого и Конст. Леонтьева они были плохими христианами, хуже, чем Иероним Блаженный, – но если бы все стали христианами хорошими, то жить бы стало невозможным и культура и наука и человеческая любовь исчезли бы с лица земли. Заканчивая же этот пассаж, я осмеливаюсь сказать только (вдруг *она* прочитает), что я хотел целовать ее пальчики и смотреть неотрывно в ее зеленые глаза, и этого, пожалуй, мне было достаточно для счастья. Больше, по-видимому, я ничего не хотел. И все же любил ее я человеческой «низменной» плотской любовью, а не духовной, любил отчасти как журавль или соловей, которые летают по небу, но все же не как ангел небесный.

И лучше было бы мне умереть как журавлю, если бы не требовала меня моя нелепая земная трагическая жизнь к ответу, как *поэта требует* к этому *ответу* Аполлон. Но философия должна уже умолкнуть, потому что поэзия и литература неизмеримо подлиннее, глубже и полнее рассказывают нам о любви, чем философия.

И все же существует некая трансцендентная пропасть между полами, о которой пишет и Вл. Соловьев, который все же не всегда был «человеком лунного света» и способен был любить и по земному, – но любя по земному, мы можем вознестись и на седьмое небо, только, в отличие от Блаженного Августина, мы способны чувствовать Красоту, которая обязана своим существованием плоти, и потому мы знаем, что Плоть (неотделимая от ЖИЗНИ в целом) не менее возвышенна, чем Дух, не менее Духовна, но неизмеримо трагична, поэтому она нуждается в нашей любви больше, чем в ней нуждается Дух Божий. Прекрасный цветок разве хуже математической теоремы? Но он УВЯДАЕТ (как и прекрасная женщина)! И вместо того, чтобы их пожалеть, разочарованные в жизни мужчины и женщины воспаляются *духовностью* вместо гриппа и с яростью начинают попирать цветы жизни...

Лучше бы они высиживали яйца, как аисты!

Но так много еще несказанного, что надо остановиться, пока не начну повторять и то что сказано... И *пока еще я люблю и страдаю*, а не только философствую...

3. Распятие и Воскресение

Пятница, 10-00. Приходили рано утром волхвы, посмотрели на меня укоризненно. «Больше нам нечего тебе сказать, выпутывайся теперь уже сам, тем более что пишешь ты уже только для тебя самого, хе-хе...» Помахали рукой и ушли.

Многое странно, совсем неспроста. У меня осталась одна страница и три дня на то, чтобы закончить все то, что я хотел сказать этим романом, и этой жизнью, которая в нем, и этой любовью, которая его пропитала (как и меня). Если бы я еще не научился писать художественную прозу, то я написал бы настоящий роман, в котором ничего бы не надо было объяснять, ибо сказанного было бы достаточно для всего.

Философский же текст не лучше математического, все, что он объясняет и доказывает, уже есть в исходном положении, а оно прямолинейно и говорит следующее: эта прямая соединяет две точки...

Только я честно во всем сознаюсь: что такое женщина, я не узнал и не знаю по-прежнему; что такое любовь и что такое *женская любовь*, не понимаю также.

Аналізу поддается мужская любовь, она сложна, в ней есть составляющие, их можно выделить. Еще более поддается анализу моя собственная любовь, я яснее себя вижу, хотя и не выработал свой собственный Миф (потому что я писатель, принадлежу к культуре, а культура не вмещается в миф, она даже не вмещается в жизнь).

Итак, *первое*. Надо было бы написать художественный роман, тогда мой отвергнутый герой должен был застрелиться (как Анна Каренина бросилась под поезд), и любовь торжествовала бы, утверждая себя и над жизнью, и над мифом, и над личностью автора и героя.

Да, необходимо было, чтобы что-то одно умерло, но автор еще необходим миру, поэтому умирает любовь. Она вянет, как сорванный цветок.

Я к этому еще вернусь, а пока *второе*. Женщина более цельна, она – синтез, поэтому не поддается анализу, она вмещает в себя две свои особенные личности, каждая из которых и любит по особенному, поэтому у нее нет цельной любви, но или одна или другая, не сводимые одна к другой, поэтому понять ее любовь и ее саму невозможно. Одна ее любовь – материнская, жертвенная, милосердная и оправдывающая. Когда я пришел в Ю--во, и встал у дома Анны, опираясь на посох (а прошел пешком для встречи с нею восемнадцать километров), и сказал, что влюбился в одну вертихвостку, теперь страдаю, не знаю, что делать, и пришел за советом и утешением, женщины, сидящие на скамеечке у ее дома, на меня напустились и закричали: «А что твоя жена, она тебя еще не выгнала из дома?» – и Анна самозабвенно (как потом бросилась под Камазы, чтобы их остановить и усадить меня, чтобы меня отвезли домой), воскликнула: «Жена у него *лучшая*, и она понимает, что он поэт, а поэт принадлежит всему миру и его нельзя мерить общей меркой, как и Пушкина! Вот он даже в сумасшедшем доме сидел, чтобы оправдать любовь!» Вот и закончился мой многолетний спор с благонамеренной нравственностью! Не в том дело, что для поэтов "закон не писан" – он писан и для них! – но лучшая из женщин не бросила в меня камень, и теперь я каждой, кто меня обличает, скажу: Если ты лучше Анны, то тогда бросай свой камень! (И жена моя как Анна, они стóят друг друга!)

А почему она бросилась меня защищать? А потому, что она меня *возлюбила* материнской любовью (вот видите, что любовь не вмещается в ветхозаветную формулу, переименованную христианами!), она меня усыновила еще в поезде, где мы познакомились, потому что я сначала смотрел на ее детей, и потом любовался ею как их мамой, и она это чувствовала, а ее я даже и не разглядел толком, даже и теперь, так, видел серебряный ободок вокруг головы и некий престелный образ внутри, но как-то все неотчетливо...

Она милосердна, потому что любит своих детей и весь мир через них, и такова всякая женщина, любящая материнской любовью.

И теперь *третье*. А что же *та*, в которую я влюбился и из-за которой страдаю, милосердна ли она?

Да, вначале, когда *она* меня любила (то есть, ей казалось, что она меня любит), она была милосердна, и была идеальной женщины, и я восхищался ею, помимо того что был наполнен к ней состраданием, и сострадание и было моей любовью! Но естественный мужчина "жесток", и женщина почему-то нуждается в его жестокости, и мое восхищение ею, моя нежность и поклонение постепенно вызвали в ней неприязнь, разочарование и презрение. И вот, когда естественная женщина, не та, которая нуждалась в сочувствии, а та, которая, вероятно, подлинна в женщине и составляет ее особенный половой тип, как Наташа Ростова, как Полина, Кармен и Земфира, стала в ней преобладать, проявилась, *она* и увидела, что я не победитель, не полководец, не кумир, не стремлюсь овладеть ею, увидела, что я жалкий и ничтожный, что я и вообще ничем не владею, и что жизнь постоянно об меня вытирает ноги, то она во мне разочаровалась, даже была оскорблена. Женщина как самка тоже жестока, даже более, чем мужчина. Вот поэтому она и излила все презрение ко мне в одной этой строке: «Но при встрече не прикасайтесь ко мне, ваши прикосновения омерзительны!» И это после того, как ее глаза сияли, когда мы сидели рядом на скамейке и возносились и были восхищены до седьмого неба!

(Вот еще почему и философия и архаическое сознание, *зажигая сердца*, как их зажигает простой клич военной трубы, и «запах женщины», колонна, идущая строем, мундир офицера, всадник, гарцующий на лошади, кумир и победитель – НИЧЕГО не в состоянии объяснить в многообразном живом мире, который вмещает в себя ВСЁ – и архаическое сознание, и "чуждое мгновение", и "духовной жаждою томим", и "бездны дикой на краю", и "не дорожи любовью народной" и... – всё из Пушкина, потому что и Пушкин вмещал в себя всё!)

А чьи сердца зажигает христианский миф? Деятельный мужчина то гарцует на лошади, то строит дом, то пишет книги, то соблазняет, то покоряет – ему некогда иногда и в храм забежать, чтобы поставить свечку – а зажигаются сердца у легковерных женщин, исполненных энтузиазма, при восхищении **силой** победившего христианства, потому что символом Христа они сделали императора, повелевающего миром, но не романтика, прибитого гвоздями к деревянному кресту и испутившему на нем в скорби свой дух, и неизвестно, воскресшему ли на третий день! А могли ли они поклониться не победившему, не силе, не торжеству, а побежденному, слабому, униженному?!

Еще одним символом веры те, кто поклоняется силе, сделали отрешение от собственной воли, покорность судьбе и силе и смирение перед ними – но разве смирение двигало Христом, когда он пошел в позоре и осмеянии на казнь, чтобы воззвать безмолвно: *Поклоняйтесь не силе и победе, а истине и правоте, даже если они побеждены!!!?*

Большого несмирения и непокорности даже представить трудно!

Но женщина привыкла поклоняться силе и успеху, но не истине и правоте.

И только рождая ребенка, она переиначивается и становится милосердна.

Но любит ли она мужчину? Я так до конца и не понимаю, по любви ли будет рожать Татьяна Ларина, по любви ли родила Наташа Ростова? И Анна Каренина, пока была благонаравной, родила не по любви, а ребенка, рожденный по любви, умер – словно она была наказана за любовь.

Но объяснить женщину философски нельзя, как и мир в целом. Как и в христианстве не все просто, и даже в том, что сомнительно, что он воскрес. Он разве пытался нам воскресение свое подтвердить? Нет, он и сам сделал все, чтобы оно было сомнительно. Если веришь, то воскрес. Не веришь – не воскрес. А как оно на самом деле? Ибо миф, сердцевинной которого является вера, это не математическая теорема, доказывающая свое предположение, и не научный эксперимент, устанавливающий, с какой силой притягиваются матерьяльные предметы, а *недостоверность*. И я оспариваю только претензию мифа стать **вместо** жизни, культуры, любви. (Но понять Христа могу. Мука и разочарование его разве не достаточны, чтобы проклясть мир? Призвать отряхнуть прах мира с обуви своей? Какую бы я песнь запел вместо "Благословляю вас, леса!", если бы умер на кресте?)

Но жаль, что я не пишу роман.

Ибо и женщина многообразна. Вот ведь двух совершенных встретил я: одну, которою восхитился и которая ринулась меня защищать, видя всего лишь второй раз в жизни (хотя и она будет поступать так, "как батюшка скажет", как она мне создалась, а когда вырастут дети, то уйдет в монастырь – зачем? Неведомо. Грехов у нее нет. Да если бы даже и были...) А другая, совершенная, спокойно и просто принимает меня таким, каков я есть, не требует, чтобы я в ней был растворен, и верит, что я ее люблю – не ревнуя к другим, ибо это только мы, самолюбивые, по образу Божьему и подобно каждому требуем только себе поклонения, и принадлежности, как и Бог требует, чтобы мы снова вернулись на его дерево и стали листьями. И думаем, что сердечная *привязанность* к чему либо еще в мире, кроме одного, избранного в божество – преступление!

Но в самом ли деле мы нужны Богу как листья на Его древе жизни, если Он дал нам и тело и душу, поместил в многообразном величественном мире, и образ мира вместил в нас, так что мы можем рассуждать о мире, понимать его и дополнять? И создав нас по образу Своему, а не низших творений, он еще и Свой собственный образ, образ Божества, вместил в нашу душу – иначе как же мы были бы способны рассуждать о Боге и понимать Его?

И вот, сотворив нас столь совершенными, мог ли бы Он отринуть свое творение, поелику его любимая Ева опрометчиво сорвала «плод запретный»? Как если бы я из-за одной верхивостки, отвергнувшей меня, побежал отрясать прах мира в монастырь или скит, как блаженный Игнатий...

4. Расставание

Распятие уже совершилось, до воскресения еще далеко – да и совершится ли оно? Но если женщина меня унизила и предала, то прав ли я, отказываясь противостоять судьбе? Соглашающийся с тем, чтобы умерла любовь? Разве любовь не выше жизни?

В любви сосуществуют и прошлое, и настоящее, и будущее. Настоящее унижительно и оскорбительно – но куда же исчезло прошлое, которое только что было прекрасно, полыхало небесным сиянием и я был счастлив (и, как мне казалось, была счастлива и *она*)? Или его исчезновение – трагическая особенность женщины: уходя к другому, она отрекается от прошлого, она его зачеркивает, она его вычеркивает? Но любовь является взаимным чувством, притягиваются оба, и прошлое существует для двоих. Возможно ли мне в него погружаться, зная, что там для нее пустота? Нет, без нее наше общее прошлое умирает тоже, а с ним умирает любовь (если я остаюсь – но я остаюсь, потому что еще не узнал, в чем мое предназначение, и еще не знаю, как преодолеть торжество жизни – так о победе ли над женщиною мне мечтать, уступающему пошлой обыденности?!)

Правда, быть может, победа над нею, настолько же полная, насколько жестокая, состоит в равнодушии. Забыть. Не вспоминать. Не любить. Не сожалеть. Не проливать слезы и не писать стихов. Не придти **ни разу** на ту скамейку, на которой мы не однажды сидели...

Однажды, много десятилетий назад, ночью в общежитии я проснулся оттого, что мне на лицо капнула слеза девушки, перед тем меня отвергнувшей. Торжествовал ли я? Нет. Она ушла из моей жизни, и мне ее было жаль, как плачущего ребенка. Может быть, Земфира и Кармен ни в чем и не виноваты? Почему у них крылья как у птицы? Не в наказание ли им?

Впрочем, лучше ли те, которые восклицают, что *душевную* (земную) любовь надо распять?! Не сбегают ли и они сами к воображаемому идеальному любовнику, на место которого они поставили Бога, и которого противопоставляют низким и слабым земным мужчинам? Но *религиозность*, как связанность земного с небесным, является особым свойством личности и *души* человеческой, и она выражена в культуре, и в частности в поэзии, а не только в архаических мифах, так как сегодня уже невозможно создание Мифа, претендующего обнять мир и истину. И зачем? Одним хватает и Библии. Другие, которым Библии недостаточно, читают и Пушкина, и Толстого, и Аристотеля, и апории Зенона, и Розу мира Даниила Андреева, а еще столько непрочитанного, и все это не менее глубоко и поучительно, чем Откровения Иоанна, просто менее освящено традицией. Если бы вдруг заговорили о моих сочинениях, то обыватель, только что швыряющий их на помойку, нашел бы в них, неожиданно для себя, много глубокомысленного. Как и, напротив, многое из того, перед чем только что преклонялись, стало бы ничтожным.

Но если и комсомолки, «взыскующие *духовной любви*», сбегают к воображаемому идеальному любовнику, то не всякая ли женщина составляет себе идеал мужчины, о котором она мечтает? Такой идеал уже существовал в России в дворянском обществе в девятнадцатом столетии, и верность ЧЕСТИ было в его заветах на первом месте (или, выражаясь по современному, в его «моральном кодексе»). Во имя чести погибли наши оба великих поэта. Гордость и чувство собственного достоинства утверждают следование чести. Есть ли в этом кодексе *смирение*, покаяние, умерщвление гордыни, самозамаление, сознание своего ничтожества – из христианского кодекса?

Или девушки и в самом деле бегают за *смирненными, кроткими, незлобивыми, не гордыми, не самоменующими?*

Вот Кодекс Игнатия Брянчанинова: «Плотское мудрование, его правда и правда падших духов потребуют от тебя, чтоб ты *не уронил чести своей* и других тленных преимуществ, защитил их. ... Пожертвуй всем. ... Жертва благоприятная Богу – *смирение сердца, сокрушение духа...*» – и так далее, обычные назидания коленапоклоненного монаха ...

Но я придерживаюсь кодекса, которого придерживался Пушкин, и умолять о снисхождении красотку, предпочитающую другого, не будет ли еще ниже, чем прикасаться к ней (что она считает омерзительным)?

Разве я первый, отвергнутый среди поэтов? И Аполлон Григорьев был отвергнут, и Лермонтов не был обласкан, и Бальмонт выпрыгнул из окна от несчастной любви, и какая-то тайная мука сокрушила сердце и Вл. Соловьева, также писавшего прекрасные стихи.

Нет, не унижусь я до «умаления гордыни», даже не хочу знать причин расставания, не попрошу о последнем свидании, не буду звонить по телефону и писать писем. Прогнала, осмеяла, растоптала – по крайней мере, уйду с высоко поднятой головой.

Да, Вы правы, объяснения излишни.

Я не сержусь, но и Вы не пеняйте!

Можно, возьму свой пакет из-под вишни?

Всё, ухожу, до свиданья! Прощайте!

Но еще не ушел, и впереди у нас еще встреча... и я все еще ее *люблю*...

5. Женская любовь

Возможно, у каждой женщины своя собственная любовь, ибо, как мы видим, не совпадают Сонечка Мармеладова и Земфира, Манон Леско и гордая Татьяна Ларина, боярыня Морозова и Настасья Филипповна, не говоря уж о героинях «Озорных рассказов» Бальзака, которые не совпадают ни с кем из героинь русской литературы. И если речь идет о любви-страсти, то их невозможно привести к общему знаменателю, кроме одного: у женщины, отдающейся страсти, есть только настоящее, но нет ни прошлого ни будущего. И опыт, даже свой, показывает, что это так. Но если Анна защитила меня, поэта, от того, чтобы меня побивали камнями благонамеренные, то прав ли и я, подозревая в неблагонамеренности всех женщин?

Если я исключителен, то, быть может, и многие из тех, коих я подозреваю во всеобщности типа, исключительны так же? Но и это не самое важное. Пусть они почти все не стоят наших «скупых мужских слез» – но стóим ли и мы, все вместе взятые, хотя бы одной слезинки лучшей из них? А та, которую мы любим, всегда лучшая!

Кроме того, есть и *в-третьих*, и женщина может любить так же исключительно, как и каждый из нас, рыдающих по ночам, оплакивая любовь – любовь разве не тождественна вере?

Итак, что такое женская любовь? Знают ли они сами?

6. Миф и жизнь

31 августа 2015. Казалось бы, Миф неотделим от иррационального, трансцендентного, мистического, но, например, конфуцианство и марксизм рациональны, и мистицизм совсем чужд марксизму. Но разве не чужд он и христианству? Мистики ему были всегда подозрительны, и с большим трудом присоединялись они, иногда через столетия, к сонму святых.

«Особое состояние сознания», нечто, выводящее за пределы земного бытия, скупо представлено на страницах Священного писания. Христос совершал чудеса, Он испытал Преображение (о котором в нескольких только словах повествует Новый Завет), был распят и воскрес, а ученики и последователи? Апостол Павел испытал необыкновенную встречу с Христом по дороге в Дамаск, был, как будто, «восхищен на седьмое небо», но ничего о нем сообщить не может, евангелист Иоанн испытал видения, описанные им в Апокалипсисе, о мистическом опыте остальных мы ничего не знаем. И христианство не призывает стремиться к таким состояниям, но только к Вере. Есть, правда, Благодать Божия, которая дается верующим, но и она не в центре учения.

А что же в центре? – Вера и Любовь к Богу.

Праведная и святая жизнь представляют из себя не сумму деяний, а сумму отречений: надо отречься от земной любви, от семьи, от плоти, от человеческих чувств, от разнообразной жизни, которою живут другие, и вместо этого либо заточиться в монастырь, в скит, в пещеру, в пустыню, почти ничего ни есть ни пить, истязать себя голодом и холодом, наносить иногда раны на тело (что вообще оскорбляет человека как высшее творение Бога, которым Он гордился), и умереть по возможности мученически.

Мария Египетская перешла Иордан пешком, раскаявшись в своей блудной жизни, то есть пережила нечто чудесное. Мария Магдалина была ревностной христианкой, но особых состояний и чудес, с нею связанных, не описывается, кроме того, что она тоже покаялась в своей предыдущей греховной жизни. Но ни та ни другая не завели семью (**что и было бы покаянием!**), не работали, не родили и не воспитали детей. Главного, что является сердцевинной любви, в особенности женской, то есть любви материнской, они не испытали. В чем же их святость? Что начинали есть сухеньких акрид и замуровывали себя в склепах, не прикасаясь к мужчинам? Вот это восславление недавних блудниц за одно только, что они *перестали работать по профессии*, не говорит ли о глубоком трансцендентном инаковидении правды и истины и добродетели у христиан в сравнении с нами? Поставим ли мы за образец тех, кто очищал наши карманы, только за то, что они вдруг перестали их очищать – но все же не стали *работать*, то есть заниматься трудом созидательным? А ведь грех блудниц, чрезмерно возлюбивших мужчин, неизмеримо меньший, чем у воров! Так не одна ли ревность Учения причиной сначала осуждения, потом возвышения?

Увы, я все еще почти ничего не понял ни в любви (кроме того смутного, что знал прежде), ни в женщине. *Верна ли женщина?* Способна ли она любить не только во временном, как птичка, «на крыльях любви» переносясь от одного к другому, но и в вечном, любить человека, а не только Бога, и любить

по человечески, то есть с его страстями, невзгодами, привязанностями, грехами, слабостями, ошибками, жертвуя собою тому, кого полюбила, и прощая ему уклонения от предписанных правил? *Культура* представляет нам множество трагических примеров *любви*, заканчивающихся смертью, а представляет ли такие примеры жизнь? Милосердна ли женщина в любви, испытывает сострадание, а не только покорность, как Татьяна Ларина? Любит ли избранника так, как она умеет любить свое дитя? И вот, хотя жизнь стремится разочаровать, стремится доказать, что низость, пошлость, слабость, наслаждение и воля к подчинению неизмеримо в ней преобладают, но все же оказывается, что есть женщины верные, жертвенные и милосердные, воистину любящие и не отрекающиеся от любви по ничтожным поводам, так что идя на свидание к одному, она может оказаться в объятиях другого.

Нет, женщина не представляет собою один общий тип, в котором только временно преобладает то одно, то другое, но существуют два различных ее типа, один укоренен во временном, другой и во временном, и в *вечном* (хотя это только метафора, говорящая, что женщина второго типа *верна, милосердна, жертвенна*).

Идеальной женщиной была моя мать, сохранившая любовь к моему погибшему отцу до своей смерти (хотя и выходила еще дважды несчастливо замуж), родившая пятерых и вскормившая их.

Идеальна моя жена, она меня дважды ждала из тюрем и психушек (да, наверное, придется ей ждать меня и в третий раз), и была мне верна и всё мне прощала.

(А как же ты сам, спрашивают иногда меня. А как и другие мужчины, спросите у них. Но обо мне сказала *одна*, что я *лучший*, и я ей верю.)

Мать моя идеальна, но в сонм христианских святых она не попадает, и ни одна русская крестьянка, рожавшая даже на поле, туда тоже не попадает. А русский писатель, конечно, хуже крестьянки, и я и они не идеальны, и если меня есть за что побивать камнями, то начните с Толстого.

Выяснять важнее другое: хорошую ли книгу написал я о любви, а не то, имел ли я право любить и жить, иногда выпивать, и быть человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Это не значит, что я всё в себе оправдываю и говорю, что можно делать что хочешь – нет, этого я не говорю. И все же в любви только одно важно: *Любишь или нет?*

И вот, я был счастлив, потому что верил, что *она* меня любит (и она меня в этом уверяла не раз), и что она милая и нежная и сердобольная, она меня всегда жалела. И что же вдруг случилось? Оказалось вдруг, что она меня уже не любит, и она мне даже не посочувствовала, просто вдруг объявила, как приговор о расстреле, что встречаться мы не будем и любовь моя ей ненавистна.

А разве я ее любил скверно? Я ее любил *любовью сочувствия*, я словно бы удочерил ее и стремился только к тому, чтобы она стала свободной и счастливой. И что же теперь делать? Только забыть, забвение и равнодушие – единственный праведный исход из осмеянной любви. Но ведь были же чудесные минуты блаженства, однажды она в порыве нежности обняла меня

на мгновение и убежала, в другой раз на скамейке мы сидели, держась за руки, и она поднимала на меня сияющие глаза; присылала письма с уверениями в любви, звонила по телефону и говорила, что любит. Иногда звонила плача, и я ее утешал. Что же, отречься от утешения? Или провести черту, разделить ею то прошлое, которому можно верить, и пусть все то, что было прежде и вошло на страницы романа, остается правдой (иллюзорной или подлинной, выяснять я не буду). А вслед за чертою все уже неправда, ибо мы оба уже **перестали быть**.

Что такое любовь, невозможно узнать и объяснить при помощи обыденной философии, необходимо привлечь *образ, метафору и символ*, поднимающиеся над словом и использующими слово выразительными и изобразительными средствами. Символ может быть прежде всего музыкальным, в меньшей степени поэтическим. В любви есть состояние вознесения и преобразования мира, в котором любящие поднимаются над жизнью, и исчезает и время и иллюзия смерти. И мне казалось, что звучит концерт для инструмента с оркестром, ведет музыкальную тему любви скрипка, и оркестр вторит ей – и вдруг *она* разбивает скрипку и уходит, говоря, что эта музыкальная пьеса ей надоела, и ей уже стало скучно. Надо ли покориться вторжению хаоса в гармонию? Но разве в моих силах противостоять его победе?

Истина поверяется жизнью, ею же поверяется и любовь. Так любила ли она меня? Я чувствую себя униженным и ничтожным, маленький, никому не известный и не нужный человек, не признанный математик, не известный писатель, отвергнутый влюбленный...

Стою у освещенного окна, за которым пируют званые и избранные, и не смею даже попасть на глаза слугам пира, чтобы они меня не осмеяли и не погнали прочь от окна. Кто я такой? Никто меня не знает и никто не звал.

Я сочувствовал расстрелянным, думая, что они несчастны – а им дано наше сочувствие. Если бы меня расстреляли, может быть, она бы меня пожалела. Но даже расстрел не снисходит до меня, и не скажет уже больше она: *«если Вы умрете, я тоже умру»*. И не было ли все это во сне?

7. Непредсказуемость отношений между явлениями

Так любит ли женщина? Или это любовь только материнская, изливаемая и на мужчину; или любовь рабыни, в которой растворяется женщина; или любовь к Богу, в которой растворяется человек... Поэтому любовь к женщине не может не быть трагедией, как и сама жизнь...

И вот я каждую ночь в слезах, через три дня, быть может, наша последняя встреча. Позвонил только что В., ты помнишь, спрашиваю, что тридцать один год назад я провел месяц на литовских холмах недалеко от Вильнюса, и каждую ночь оплакивал расставанье с тобой?

Да что ты, мой миленький, как мне тебя жалко, а я и не знала!..

Сущность ли женщины состоит в том, чтобы делать несчастным мужчину, – или женщина невиновна, а трагедия включена в саму жизнь, и это свойство жизни делает несчастной и женщину? Давай встретимся в понедельник, сказала она, перед тем, как ты пойдешь на вашу последнюю встречу, и вместе подумаем, что тебе делать и как жить дальше...

Возможно, река жизни протекает словно бы в двух параллельных мирах, и в одном – тускло, неуклюже, грубо, надоедливо, скучно, утомительно, тоскливо. В другом как будто то же самое, но ярко, изящно, нежно, увлекательно, интересно, вдохновенно, радостно... Может быть, человек перетекает из одного мира в другой незаметно для самого себя? И то, что его привлекало утром, отягощает вечером?

Прежде чем упрекать наших неверных возлюбленных, надо сначала почувствовать так, как они. Разве они что-нибудь нам должны? Им хочется немного радости, и если в наших силах сделать их радостными, то требовать ли за то плату или благодарность? Но как ни начнешь рассуждать, все получается плохо.

Или надо относиться к близкому человеку как к ребенку, которого любишь безо всяких условий?

И не надо пытаться понять, почему утром женщина говорит, что жить без тебя не может, а вечером счастлива в объятиях другого.

Но как ни начнешь рассуждать, все получается плохо.

Правильно и хорошо вот как: она радуется тебе при встрече, улыбается, и ты счастлив, и смотришь на нее с нежной благодарностью, как на прекрасные цветы на лужайке. Потом вдруг солнце прячется за тучу и идет противный мелкий дождичек, все становится хмурым и несносным – грозить ли спрятавшемуся солнышку кулаком?

И все же, разве тепло и свет, которые один человек дает другому, зависят от смены времен года, при перемене революции на реакцию, разве они не те же самые вчера, сегодня и через тысячу лет, если только память моя не потускнеет? Если существует любовь, то не меняется азбука жизни и на тех же местах остаются простые числа всегда. Но существует ли любовь? Мир непрочен, все в мире зыбко, и душа томится по основаниям, упрочающим взаимные отношения вещей и явлений, горячий воздух поднимается ввысь и дождь падает с неба на землю. Невыносимо жить в мире, в котором поведение дождя было бы непредсказуемо. *Любовь как всемирное притяжение* подобна тяготению для мира матерьяльного, и просыпаясь утром, с надеждою ждешь наступления дня – что в этом порядке вещей не устраивает новоявленных «духоборов», требующих распятия любви? Мы и так разобщены как атомы веществ, не вступающих в химические реакции без действия катализаторов, но надо ли уничтожить и катализаторы, ибо ...

Я никогда не сомневался, что любовь существует, и существуют нежность, сочувствие и благодать. Я помню девочек, которые бросились меня утешать, когда на ступеньках нашего провинциального кинотеатра мне расквасили нос, и они утирали меня душистыми девчоночьими носовыми платками (и я тогда впервые понял, что у девочек все не так как у нас, тоньше, воздушнее, изящнее, умиленнее и благоухающее!) – и повели меня к себе домой, играли до вечера в карты и пошли провожать, чтобы хулиганы снова на меня не напали; и я помню других, и помню всех, и ничто не менялось неожиданно, непредсказуемо, небо не падало вдруг на землю без всяких причин. Я знал, что если я буду талантлив, привлекателен, заботлив, искренен, честен и горд, то и мир будет таков же – и он и был таков. Но потом вдруг все стало не так...

Возможно, я живу в математическом мире, в котором трижды семь равно двадцати одному всегда и неизменно, то есть вечно; и мне странен и непривычен мир, в котором не только меняются события и отношения, но и сами правила добра, правила любви и даже таблица умножения...

Впрочем, я ни на что не претендую. Я не прошу о продлении свиданий. Тем более я их не требую. Быть может, я заслуживаю даже карцера...

В одном из своих рассказов я изобразил мир, в котором герой живет в ожидании истязаний и вечером благодарит тюремное начальство, если истязаний не было. Но надо ли в таком мире жить?

... Но если даже только рассуждать в таком роде, то становится невыносимо жить, и лучше все таки застрелиться...

8. Отвязаться от мира...

То, что я пишу, напоминает жалобы – но унизительно жаловаться на женщину, которой ты стал не нужен; или это напоминает упреки – но разве мне женщина чем-нибудь обязана? Или это просьба о помиловании? Нет, я не нуждаюсь в милости, я еще и сам даю увечным на водку.

Итак, если кому оскорбительно, будто я чего-то хочу от прохожих, то торжественно заявляю: мне ничего не нужно. Прохожие могут идти, куда им надо, не опасаясь, что я у них что-нибудь попрошу.

Анна Каренина идеальная женщина. Умная, молодая, красивая, она имела все, кроме любви, которая в христианском мире не только не нужна, но осудительна и гонима. Но она нуждалась в любви, и она полюбила. Правда, любить было некого, и она выбрала из тех, кто был... И стала несчастна. Лев Николаевич полагает, что виною *незаконная* любовь, но она *швырнула* в лицо этому миру, как пощечину, свое прекрасное тело, и поднялась выше *закона*.

... но все это ужасно... и если все в мире только так, то поздно уже даже стреляться. Ничто не изменится, да как бы не стало еще хуже...

Да, и так то временами невыносимо жить, несмотря на то, что именно я почти обласкан судьбою – чего у меня не хватает? Идеальная жена, талантливый и любящий сын, верные и преданные друзья... И все же не совсем напрасно христиане полагают, что жизнь – «одоль печали», так как и самые счастливые, подобно мне, несчастны, и плачут по ночам... И не только потому, что поколебалась вера в очарование и милосердие женщины, но поколебалась вера в очарование и милосердие мира. И при этом (Игнатий Брянчанинов): «Когда сердце твое не свободно, – это знак пристрастия. Когда сердце твое в плену, – это *знак страсти безумной, греховой*.» (Или мы в "доме скорби"?)

Да, мир, в котором мы живем, мир страстей, временами мучителен, но послушаем и поэтов, не только отшельников (Николай Гумилев):

«Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.»

Но спор невозможен и бессмыслен. Так, как призывает жить святитель Игнатий, можно жить только в монастыре или в скиту, то есть в искусствен-

ном мире, но ЗА СЧЕТ нашего безумного, иногда и несчастного природного мира (впрочем, давно уже *переосуществленного* человеком культуры), или в гробу (если там существует жизнь). А чтобы жить так, как призывает жить Николай Гумилев (а разве он не считал себя христианином, вместе с Пушкиным и Тютчевым?), надо примириться со страданиями, и да, плакать по ночам, и даже, может быть, швырнуть свое *прекрасное тело* в лицо миру «духовного мракобесия», как Анна Каренина, бросившись под поезд, или швырнуть свою *прекрасную душу* в лицо миру «обывательского благополучия», как Александр Башлачев, выбросившись из окна!

Итак, сегодня надо закончить мой роман, и закончить мой безнадежный молчаливый разговор с *нею*, который она не слышит. Приказать ли себе не любить ее, презирать ее или ненавидеть, еще возможно (и даже необходимее) приказать себе ее разлюбить, забыть, стать к ней безучастным? Но на сердце становится не только больно, но оскорбительно, тоскливо и пусто.

Расставание необходимо, и забвение необходимо, но надо оставаться живым и любящим, надо подняться над обидою и оскорблением и жить, по возможности, как всегда, ожидая постепенного угасания того порыва, который меня к ней притянул. Не надо только себя обманывать напрасными надеждами, она не одумается и не вернется, и не полюбит заново. Ушла... неизвестно, куда... неизвестно, почему... к богу, мужу, мужчине... Якобы потому, что *нашла, наконец, что искала, стала свободна и счастлива*... но то ли она искала? То ли она нашла? И все таки любви суждено умереть и угаснуть в сердцах, истлеть, как выброшенной одежде, которую никто не носит. Но истлевает даже боль от утраты наших близких, истлеет и любовь. Не отравляя душу, а поднимая ее, если последней песнью покинутой любви будет песнь о благодарности, песнь о прежнем блаженстве, о счастье любить.

И я пропую ей эту песнь, любя ее и благословляя!!!

Вся литература посвящена любви между мужчиной и женщиной, в которой, якобы, по мнению ее критиков, слишком много природного и мало «духовного»; а вся «духовная литература» и богословие посвящены любви, в которой нет ничего человеческого, и либо человек растворяется в Боге или прирастает как лист к Его дереву, либо воспалется извращенной «любовью к ближнему», любя в нем не подлинного человека, а образ божий, то есть любя, в конечном счете, все же не человека, а Бога. «Воздавай почтение ближнему как образу Божию ... Причина этой святой любви – *не плоть и кровь*, не влечение чувств, – Бог [ибо разве не *враги человеку домашние его*?!] ... Если образ Божий будет ввергнут в пламя страшное ада, и там я должен почитать его. Что мне за дело до пламени, до ада! Туда ввергнут образ Божий по суду Божию: мое дело сохранить почтение к образу Божию, и тем сохранить себя от ада... [Здесь выражена вся противоположность живого чувствующего сердобольного человека – и монаха, умертвившего в себе «кровь и плоть»; вся противоположность живой человеческой любви и мертвой любви христианской. Сонечка Мармеладова ринулась за Раскольниковым на каторгу во имя той самой любви, которую христианская литература и новоявленное сектантское богословие поносят и топчут ногами и распинают на кресте; князь Нехлюдов

пошел в тюрьму поддержать Катюшу Маслову – но куда и за кем пошли Игнатий Брянчанинов, Иероним Блаженный, Константин Леонтьев, Победоносцев (по мнению русского поэта «простерший над Россией свиные крыла!»?) Пошли ли они в ад? Отерли ли они слезы и пот несчастного, униженного, оскорбленного, утомленного непосильной работой, отерли они слезы крестьянки, вкушающей соленный кусок хлеба, просоленный ее слезами, пошли ли они хотя бы за декабристами «во глубину сибирских руд» и за Достоевским в «Мертвый дом»?]

А ведь любовь в человеческом мире неизмеримо шире и «полового инстинкта» философа Шопенгауэра (по-видимому, никогда в жизни не влюблявшегося), и мертворожденной схоластической духовной любви христиан! [И я подумал: допустим на мгновение, что восторжествовала проповедь христианства в мире и устроился человек сообразно этой проповеди, и Анна Каренина благопристойно возлегает на ложе бесчувственной супружеской верности, заботясь об исполнении наставлений Августина Блаженного («тьфу на этот кололоковый лимонад! – как восклицал Хого-Фого из чешской комедии «Лимонадный Джо»); и Пушкин вместо *пошлых любовных стишков* (замечание Льва Толстого) пишет оды во славу «любви к ближнему», и Лермонтов сжигает вторую часть «Демона» и вместо его признаний в любви Тамаре пишет назидательное «Превращение Демона в Ангела»; и мадам Сорель кается в своей преступной любви и уходит в монастырь (Красное и черное Стендаля), и Мусоргский не спивается, и я вчера не напился, жалуясь товарищу на несчастную любовь и чуть не сдох сегодняшней ночью от сердечного приступа; и В. не плачет над моими жалобами (тридцать лет назад сама чуть не доведя меня до безумия); и Ставрогин... и Свидригайлов... и Карамазовы... все мы вдруг опомнились и *распяли любовь*. И не повесилась ли бы половина человечества в этом новом золотом свинарнике, а вторая не сошла бы с ума? Только любовь и позволяет нам выжить, эта любовь, во славу которой и стихи и романы, и осанна и проклятья! От монахов не рождаются дети, и блажен Иероним, что приходит к нему хотя бы иногда по ночам голые девушки...!]

9. Дружба

Ночью было плохо, и сердце болело, и отчаянье грызло душу. Любовь истлевает медленно. И надо мне сделать усилие, и хотя бы уж не писать о ней, ибо не только «любовью единой» жив человек (хотя кажется часто, что только любовью, но только подлинной, когда кипит кровь, а не мнимой «духовной любовью» «людей лунного света», в которой нет ни любви, ни света, даже и лунного...)

Но не одной любовью. Но литература почти не уделяет дружбе внимания, не говоря о философии. Мы, правда, знаем от Гоголя, что «нет чувства выше товарищества», но это, пожалуй, чувство, скрепляющее только военное братство. Дружат моряки, охотники, рыбаки. Дружат «на троих», скрепляя дружбу «по стусемьдесят граммов на брата». Дружат, вероятно, актеры... И это всё дружба между мужчинами, растекающаяся по профессиям. Но дружба между мужчиной и женщиной, скрепляющая семейную любовь, скрепляющая

и любовь, почти не описана – или потому, что из-за дружбы не стреляются на дуэли, не бросаются из окна и не стреляются. Не уделю ей внимания и я сам, только замечу, что в моих влюбленностях не столько страсть, сколько восхищение, сострадание и дружба были основой – и что же? Женщина, упрекавшая меня в том, что любовь моя страстна, а потому и порочна, отвергала в конце концов мою дружбу-любовь, мою любовь-сострадание, мою любовь-заботу – во имя чистой страсти, которую только что отвергала, уходя к другому...

И «кому повем я печали моя, кого призову ко рыданию?» Могла бы посочувствовать Анна, но и ее от меня отделяет пропасть «духовной любви», которую, как суррогатом дружбы, питается ныне христианский народ.

Ну, ладно... А то я опять собьюсь на свою несчастную любовь...

Но надо уже с нею проститься, о ней более не писать...

И пить нельзя, и жить невмочь.

Без вёсел я врываю в ночь.

Так, может быть – пора?

Мне нечем воду растолочь.

Не может кто-нибудь помочь

Хотя бы до утра?

Пусть гложет стыд, душа болит,

Саднит еще и плоть.

И смех, и грех, а сверху всех

Пасёт ли нас Господь? .....

.... И не напишу я ничего о дружбе, соединяющей женщин, о ней я почти ничего не знаю. Но если даже женская любовь мимолетна, то что можно сказать о дружбе? Может быть, она только приправа к женским романам?

10. Жизнь и житие. Любовь и равнодушие

Однажды математики, которым я рассказывал об условной «кривой», являющейся образом человеческой жизни, так что *особенные точки* ее представляют собою символические изображения *особенных событий* в жизни человека, смеясь, сказали, что если у обычного человека две только *точки разрыва*: рождение и смерть, и одна точка экстремума (у каждого своя), то кривая моей жизни состоит только из особенных точек, и каждая из них одновременно и точка разрыва, и точка экстремума, и точка перегиба... Но меня это утешило только на мгновение...

Жизнь включает в себя много ненужного, она вся "сутолока слов и дел". Человек, задумавший приблизиться к Богу, решает очистить свою жизнь от мусора, и начинает выбрасывать все лишнее, прежде всего соблазны.

И его жизнь начинает состоять из одних отрицаний, из одних НЕ.

Нет выпивки и закуски, встреч с друзьями, «Записок охотника». Нет «Двадцати четырех часов из жизни женщины», нет и женщины, нет жены и детей, нет страсти, нет любви, волнения крови, слез, страданий, проклятий, друзей и родных... НЕТ НИЧЕГО.

Есть жизнь в монастыре или в скиту, молитва, церковная служба по

вечерам и рано утром, ночное бдение, недостаток сна, болящее тело. Но зато не надо ходить на работу, оправдываться перед женой за то, что поздно пришел, не ночевал дома... Не ревновать, но и не переживать восторга. Не писать стихов. Не ходить на концерты и в театр. Не слушать Баха и Мусоргского, не читать Пушкина и Достоевского, не читать Вл. Соловьева, Канта, Фихте, Маркса, Чарльза Дарвина, Данилевского, Ницше... Не читать философов и поэтов, ибо они не благочестивы. Не целоваться, не слушать пение соловьев по ночам, отвращаться от волнения крови и не любить мир и все что в мире. Отвратиться и от ненависти. Стать холодным.

Потом встретиться с Господом.

И о чем они станут разговаривать? Действительно ли Богу интересен такой праведник, проживший самую скудную, самую никчемную жизнь?

Если представить, что Бог – это воспитатель человека, то какого человека Бог хотел бы воспитать себе в ученики и в друзья? Праведника? А будет ли их связывать хотя бы дружба, ибо и дружба связана с движением крови, и она – пристрастие и предпочтение, как и все то, что совершал Сын Божий, было избранием, пристрастием и предпочтением? Учеников Он избрал, предпочел их своим братьям и сестрам и даже матери, по окончании мира обещал *избрать* самый малый остаток праведников, а остальным предрекал гнев и серу и вар – но разве и в этих жестоких обещаниях не был *пристрастен*?

Но я уже устал спорить, упрекать, негодовать и оправдываться. Я многое не скажу всуе, ибо заранее знаю ответ.

Я не скажу, что ты еще пожалеешь о том, что меня бросила – потому что не пожалеешь.

Не скажу, что будешь меня вспоминать – потому что не будешь.

Не скажу, что не раз заплачешь – потому что не заплачешь ни разу.

Мужчина не мягок, груб, часто жесток, не отличается верностью, но хранит старые письма, иногда сожалеет, раскаивается, *не стирает даже постыдных строк*, как Пушкин, и не отказывает в последнем свидании, как это всегда делает женщина. И я так и не понимаю, почему, когда наступал разрыв, и мужчина на коленях умолял женщину о последнем свидании, и клялся, что не скажет ни слова упрека, не попросит объяснений (которые так не любит женщина), это самое сердобольное существо, притаскивающее больного котенка с помойки, отказывало недавнему возлюбленному в последнем свидании. Почему? Я так и не знаю. А еще взялся писать книгу о любви! Так, может быть, такой *любви* и нет, а есть только единственное доброе чувство – любовь материнская? И только в нем женщина подлинна, милосердна, заботлива, верна и преданна, глубока и возвышенна, обладает высшим знанием и даже не нуждается в поучениях и советах? Мать лучше всех знает, что нужно ее ребенку, как его кормить и воспитывать, как его утешать и лечить. И пока она кормит дитя свое грудью, ей не нужен мужчина, не нужен и Бог. И она не нуждается в любви. Или у женщины и совсем нет потребности в любви, а есть только страсть к подчинению?..

Обладает ли ценностью то, что прошло,

Что исчезло почти без следа?

Жизнь прошедшая, старый билет?
 Время – способ *не стать*, и его ремесло –
 Унижение смысла, стирание «да»,
 Умножение всеильного «нет».

Настоящее – живо. Мы чувствуем боль,
 Наслаждение, радость, печаль.
 Но не прочно оно, не прочнее чем соль –
 Время даже его растворяет – а жаль!
 И уходит текущее, словно вода,
 Без возврата, остатка, почти без следа.

Только в будущем дух наш находит покой,
 Лишь оно – наша собственность, мы в нем творцы.
 В настоящем мы строим скворешник такой,
 Чтоб в него прилетали весною скворцы.

Приставанье в стихах, череда смугных снов,
 Смерть, смятение, старые страхи.
 Как признаться мне в том, что обрушился мир,
 И расселась земля под живущими в прахе?

Я звоню наугад, постарайтесь помочь,
 Я не знаю, кто вы, и кто я.
 За окном темнота, это, кажется, ночь,
 И подошвы болят от укусов жнивья.

Может, я еще жив? Где-то что-то болит,
 И у кончиков пальцев шевелится страх.
 Господин – там, вверху, – доктор, цензор, Главлит, –
 Не позволите ль мне отдышаться в стихах?

И тогда уж, клянусь, я сумею найти
 Пусть не истину – путь, что ведет прямо к ней,
 Ну, хотя бы простой указатель пути,
 Стрелку с надписью, россыпь сигнальных огней.

Я узнал Вас. Увы, Вы не в силах помочь,
 Я не помню эпохи, не помню, кто я.
 Вы моя не-жена, не-рожденная дочь,
 Не-пришедшая ночью спасти, не-моя...

11. Воля, Вина, Судьба и Чудо

Кажется, я сказал уже все, что знаю, но жаль отложить перо в сторону и – уйти... Смириться с поражением, перестать любить. Вот так жаль закрыть книгу, которую уже прочитал, и положить ее на полку, и, может быть, уже ее никогда не открыть. А сколько было слез, нежности, восторга, надежд, веры в будущее, как я летел и падал в ее сияющие глаза!

Поставлю последнюю точку – и... *и тогда благословлю прошлое!*
И прощу...

В несовершении виновны оба. Подлинное является и происходит как чудо, не имея ни причины ни повода. Такова *любовь с первого взгляда*, не требующая усилий. Оба таковы, какими видятся влюбленному взгляду, поэтому им даже не надо выбирать одежду, причесываться, искать, что и как говорить, их встреча предопределена и написана в книге судьбы.

Несчастливая любовь не только трагедия, но и вина и творческая неудача художника или философа. В *подлинном* нет ошибок, измен, предательства, отступничества, в нем и Кармен и Земфира преодолевают свою земную природу и становятся небожительницами. И когда Дон-Кихот назначает Альдону своей небесной возлюбленной, он не сомневается в ней, не взвешивает и не размышляет, все, чего ей недостает, появится в чуде, лишнее в нем же растает. Нет отдельно любви и отдельно любящих, они существуют как явление природы, как часть мироздания, созданная еще до становления мира, как формула всемирного тяготения, даже пока еще нечему было притягаться. Бессмыслен вопрос о том, есть ли любовь! Есть любовь, соединяющая Ромео и Джульетту, Раскольникова и Сонечку, Обнарова и Таю, есть и «случайная любовь» в одноименной повести, и она равна самой себе, только такова, какую могла бы быть, независимо от воли героев. Каждая великая судьба уже написана, и если в ее становлении участвует воля, то и она уже создана и дана. Точно то же с трагедией, в которой осуществляется наша жизнь. Анна Каренина не меньше любила, чем могла, бессмысленно спрашивать, не могла ли бы она притворяться, играть, привораживать. И ее Вронский не мог стать другим, ей дали того, кто был среди реквизита, и она сыграла свою роль до конца гениально, ибо в этом мире, с этим напыщенным героем-любовником, с этим поездом, уже отправившимся в путь, ничто не могло быть иначе. И так же обстоит дело с историей, с русской революцией, объединившей воедино в себе и судьбу России и судьбы русских героев, и Колчака и Тимиреву, и Шаляпина и Плевицкую, и Марину Цветаеву и Пастернака, и Варлама Шаламова и Солженицына. Скрыбин точно знал, что когда он напишет свою мистическую симфонию, судьба мира переменится. И так же иногда и я чувствую, что надо написать Книгу, которая мне назначена, и осуществится все, что необходимо, чтобы исполнилась моя миссия (хотя я еще не знаю, в чем она состоит). Но не нужно уже делать усилий, обличать, призывать, уговаривать и просить. Все существующее только таково, как должно, и даже боль закончится. Нет измены. Нет нелюбви. *Есть только несовершенство художественного становления*. Ибо Роман и Жизнь уже неразделимы, они уже слились в трансцендентное целое, которое выше отдельных понятий и категорий бытия, выше греха, вкуса, слабости, падения, но равно Истине, Красоте, познанию Добра и Зла, Трагедии Бытия.

И чтобы *переменить мир и жизнь и любовь*, не нужно будет создавать политические партии, совершать революции, плакать и умолять о последнем свидании – надо будет только переписать Книгу русской судьбы (и своей тоже), и все переменится и станет как надо. Но не переменится ли и любовь и те двое, которых она свяжет навечно, не будут уже совсем другими, не теми, которые встретились для страданий и слез о несовершенстве судьбы?

12-13. Прости и ты меня!

13 сентября, воскресенье. Сегодня у В. день рождения, она меня *жалеет* (когда-то, 30 лет назад, *отвергнув без жалости*). Но *я ее уже не люблю так, как любил тогда*. И *разлюблю и эту, которую еще люблю*. Жизнь, как и женщина, нас всех *побеждает*, даже и сильных мужчин, не только поэтов – так *существует ли любовь как всемирное притяжение?* Как камни, падающие вниз, и облака, воспаряющие на небо? И нужна ли женщине наша любовь, и нужно ли ей мое безумие, и нужна ли ей моя книга, кроме как на распятие или даже насмешку?

Конечно, я влюбился отчасти так же, как и другие... Но и НЕ так же. Все таки она была прежде всего моей Козеттой, я увидел, что она изнемогает, и перехватил слишком тяжелые ведра из ее слабых девчоночьих рук. Я ее хотел обнимать, смотреть в глаза, целовать ее ушко... но не более этого. И не только потому, что меня останавливал долг, сколько потому, что во мне к ней преобладала *любовь к Козетте* (а это совсем *другая любовь*).

Но из того, что было когда-то, ничего не повторилось кроме разочарования. Только теперь неизмеримо хуже, потому что теперь я и вправду был почти *лучший*, и не за что было написать мне вдруг...

А ведь я только шел мимо и остановился, чтобы помочь, и разве она не была благодарна мне за сочувствие?

Грубая ошибка морали состоит в том, что она оценивает вещи и явления, которые существуют независимо от нее. Например, художественное произведение оценивается как безнравственное или вредное.

Христианство существует в двух ипостасях: как Миф и как Мораль. Как Миф оно вне нравственности и даже выше Закона (вспомните «Слово о Законе и Благодати» святителя Иллариона), являясь Новым Заветом; как Мораль оно лишь продолжает Ветхий Завет – но чаще не само по себе, а через истолкование, комментарии и редуцированную «светскую веру», например, у Льва Толстого и в сегодняшнем Российском «новохристианском» обществе.

Подлежит ли Любовь суду морали, можно ли сказать, что любовь безнравственна? Что она должна слушаться наставлений, коммунистических или христианских, советов священника или партбюро? И что ее можно осудить? Но если и можно, то за то ли, что влюбился? Нет, только за что-нибудь другое, и увидеть это можно только в зеркале художественного романа.

Она была для меня идеалом нежности и милосердия, я восхищался ею, и старался быть лучше, чем я был сам по себе, чтобы ее не обидеть.

За что же она меня так жестоко и грубо унизила, словно это не она за неделю до того писала, что она меня любит, а потом, через неделю, – вдруг, без писем, разговоров и встреч... без событий и чувств...

Разлюбить, разочароваться, расстаться, потому что... влюбилась в другого... – это бывает. Но *за что* перед расставанием, которое и так невыносимо больно, ударить меня, презирая? Кто же тогда она – та нежная, жалеющая, которую я знал, или новая, холодная и жестокая?

И что же тогда такое любовь? Существует ли она? *Если любви нет, то тогда все оправдано, и все позволено.*

(Вот видите, скажут, это ваша *душевная порочная любовь!* А существует,

мол, *духовная любовь*, к которой надо стремиться... Но где примеры такой любви? В какой из книг, хроник, поучений, заветов? Может быть, есть хоть сомнительные единичные случаи из мифов, например, Мария Магдалина... А кто знает, как она его любила? Иные женщины любят безответно, и значит бесспорно, но они не говорят и не думают, что любят *духовно*, хотя возвышенно, нежно, иногда пронзительно до рыданий! И любят жены мужей, и возлюбленные, и любовницы – как Анна Каренина, любят так сильно, что и ангелы не посмеют возвести хулу на их возносящую их любовь! Мы все, в протяжении тысячелетий, влюбляемся, страдаем, рожаем детей, в браке и вне брака, вешаемся и стреляемся, умираем от любви, как Джульетта, или изредка остаемся живы, как Манон, и только Инквизиция осудила любовь на вечную ненависть, и вот теперь еще современное *христианское возрождение*, призывая человеческую любовь *распать на кресте*.

...Но мы так и не увиделись, не простились, я не посмотрел на тебя в последний раз, чтобы запомнить навсегда твой облик. Прости меня, родная моя! Больше я на тебя сердиться не буду. Не буду обвинять, оправдываться, просить о свидании. Приходить на скамейку. Писать писем. Жалеть тебя и утешать.

Но буду вспоминать. Правда, постепенно все реже. Сначала будет больно, потом все меньше. Будут минуты воспоминаний, прекрасные как заря, будет вспоминаться только то прошлое, когда еще я не знал о том, что мы никогда уже не увидимся. Расставание станет неважно. Ну и что ж, что ушла? Но однажды мы встретились и стояли напротив друг друга, растворяясь во взглядах. И существует только эта встреча, но не расставание. Ты заставила меня влюбиться в себя, и я узнал, что выше любви ничего нет! Ты такая милая, красивая, сияющая! Как чудно тебя любить! Вчера я слушал орган, вспоминал тебя, мы ведь приходили когда-то вместе... Больше я не буду вспоминать о плохом... только *люблю, и я тебя никогда не забуду!*

Да уже и неважно, что не любишь, а может быть, было бы еще более – знать, что мы любим друг друга, но не можем встречаться. Если тебе неприятно, что я о тебе вспоминаю, вспоминать не буду. Вспомню потом, когда тебе станет все равно. Зато я тебе не досаждаю – не прошу о встрече, не прошу объяснений, не надеюсь, не жду... *Жаль, что не могу самого последнего НЕ, после которого уже даже и НЕ не наступает, но когда-нибудь и это последнее НЕ наступит.*

Жизнь меня победила, и она победила нашу любовь. Правда, ты пишешь, что *«нашла, что искала, и теперь свободна и счастлива»* – следовательно, только я побежден... Но остается моя книга... и будущее, в котором тебя не будет... Я надеялся, что ты ее прочитаешь, написанную для тебя... но нет, ты не хочешь, чтобы я ее тебе передал. Отреклась – и от меня, и от нашей общей книги... Не выбросишь ли и прежние мои книги, я уже не рассержусь?..

Я ухожу, забуду, закончатся и боль и любовь – *но и тогда не наступит победа*... И все таки две строки оставлю, недопишу, пусть на них напишет свои слова преходящее время.

Вдруг хотя бы оно окажется ко мне милосердным?

.....
.....

Легенда о Красном трубоче

15 сентября, полночь. Я представляю, будто я доктор, и одновременно умирающий пациент. Сам себе щупаю пульс, слежу за дыханием, закрываю глаза. Я и жив и умер одновременно, а поскольку отчасти жив, то не так страшно. Надо так же смотреть на терзания отвергнутого влюбленного, тоже со стороны. «Спокойнее, миленький, это состояние не продлится долго, ну, еще три-четыре недели, и ты обо всем забудешь!..»

Любовь в полноте – это взаимная любовь, следовательно, она состоит из двух половинок, из моей любви и из ее любви, которая совсем недавно существовала: возможно, она была отчасти иллюзией, преувеличением, поэтому и превратилась сначала в разочарование, потом в ненависть и презрение. Все это произошло за несколько дней начала августа, в течение которых мы не виделись, не говорили по телефону, не писали писем. Она сказала, что очень много дел после отпуска, надо на несколько дней взять «тайм-аут», а после него неожиданно велела принести ее книгу и не сметь к ней прикасаться, так как моя любовь вызывает в ней омерзение!

Что-то случилось, этого я никогда теперь не узнаю, она не хочет со мною ни разговаривать, ни встречаться, и даже в последнем свидании мне отказано.

Может быть, надо пойти к ней на работу и передать ей и ее книгу и мою книгу о любви? Но будет ли она ее читать, не выбросит ли на помойку?

Или смириться с тем, что больше мы не увидимся никогда, а книгу послать по электронной почте и ничего уже больше не узнавать, провести черту и поставить точку? Но ведь совсем недавно любила?.. так или иначе?

«Милый любимый хороший... Я люблю тебя, мне так светло на душе от того что ты есть!!!»

«Я не могу без тебя жить!!! Я стала другим человеком, у меня в жизни появилась радость и свет и чистая любовь. Я не могу без Вас прожить и дня! Я Вас очень очень люблю. Люблю люблю люблю, ты моя радость и свет и желание жить!»

Была же у нее своя половинка любви, и вот в ту странную неделю, когда она меня оттолкнула, она ее отвела в лесную чащу и там бросила... или утопила. И теперь меня не любит. Осталась моя половинка. Но это уже не любовь, а страдание, поэтому моя половинка должна просто постепенно расстать как снегурочка.

Женская любовь – это поиск; или необходимость спастись; переждать; выйти замуж; или приключение, начинается такого-то дня и такого-то заканчивается, и затем происходит другое приключение, и прошедшее не вспоминается. Для мужчины целью любви является любовь, для женщины нет цели в любви.

Вот и у нее так. Было-было, и вдруг закончилось. Ей и неприятно даже мысленно возвращаться в прошлое. Что мне делать? Переболеть и перестать любить, больше не вспоминать. Все стальное унижительно и больно...

Итак, дописываю последние две страницы книги, пошлю ей по электронной почте, и не буду ни вспоминать, ни рассуждать, ни узнавать, что с нею.

Говоря о том, что женщина не стремится испытать любовь саму по себе, что она для нее только средство для *другого*, форма, в которой это *другое* находится и осуществляется, и только мужчина испытывает потребность в любви как таковой, я не отрицаю, что чаще всего и для мужчины любовь только форма и средство, особенно чувственное, эротическое приключение, как для Дон-Жуана, тип которого *почти* обнимает собою всех мужчин. Но любовь и "*сама по себе*" может обнимать собою жизнь мужчины (как особая точка кривой, точка разрыва, экстремума, перегиба, в которой вся его жизнь растворяется в ней без остатка как частность), в жизни женщины все иное заполняет ее жизнь даже больше любви, и если она испытывает любовь (и как у мужчины), то только в одной ее форме – в форме чувственной страсти, часто даже ненависти в мужчине его потребность в такой любви. Он тогда для нее бабник, самец, пошляк, нечто низкое, неспособное к возвышенному и духовному, даже если сама она шлюха. А кроме страсти? Кроме страсти у женщины семья, рождение детей, святое материнское чувство (и даже любовь к мужчине в форме материнской любви), работа и творчество и все остальное, что угодно... Любовь, поднимающуюся над жизнью, к которой стремится мужчина и которая является фундаментом человеческой культуры в неизмеримо большей степени, чем религия и революция, женщина не испытывает и к ней не стремится. Но, разумеется, до конца я не знаю, способна ли женщина к любви самой по себе, как к состоянию, поднимающемуся над всеми другими состояниями бытия. Все же, культура показывает нам любовь как трагедию, то есть любовь невзаимную, любовь-разочарование – вот почему Игнатий Брянчанинов и ополчается на любовь как на нечто низкое и ищет несуществующую духовную любовь, в которой нет чувства, страсти, переживания, а только чистая мысль (как и сам он об этом пишет). Ополчается на любовь и женщина – по неспособности ее испытать.

В этом же ряду и странности, связанные с несвободой. Мужчина не может по принуждению связать свою жизнь с нелюбимой женщиной, тысячами женщина отдавали мужчине, не спрашивая ее согласия, она рожала детей и даже находила свое семейное (или женское) счастье. И только как исключение Анна Каренина порывала с сложившимся порядком вещей – но что она искала и находила? Нашла она самца и чувственную страсть. Но искала ли она любовь, о которой я говорю и которой посвятил эту сверхъобъемную книгу? Кстати говоря, если мужчина находит и в Вере в Бога некую форму вот этой самой инобытийной (недуховной) любви, поднимающейся над жизнью, то и она трагична, боюсь, взаимности он не находит, Бог равнодушно взирает на наши страдания...

«Легенда о Великом инквизиторе» Достоевского надумана и бессодержательна, она в такой же степени миф, как и то мифическое сознание, в котором мы живем и ищем даже *любовь духовную*, по неспособности ли к *любви* или по разочарованию в ней... Но об этой легенде много написано, в частности, Розановым, так что мне и не стоит о ней писать.

Сегодня же ночью мне пригрезилась другая Легенда, о Красном трубаче, если не вмещающая трагедию жизни, то приоткрывающая ее...

Итак, в небольшом городке на западе Германии, скажем, в пятнадцатом веке, случилось нерядовое событие: у въезда в город был найден труп, с признаками насильственной смерти. Через два часа арестовали красивую девушку, победительницу недавно только прошедшего конкурса красоты, о которой показал местный лавочник, тайно в нее и безответно влюбленный, что видел ее рано утром направляющейся за город. Девушка в свою защиту достаточных доказательств невиновности и свидетелей, подтвердивших бы оную, кроме уверений, что на заре она как правило сладко спит, привести не могла, и ее приговорили тут же к смерти через повешение, о чем жители были оповещены и к полудню начали собираться на площадь.

Уже несчастная стояла на лобном месте и надет был на нее балахон, приоткрывающий только лицо, как запыхавшись прибежал Красный трубач, прозванный так за то, что носил он красный камзол.

– Ваша честь! – воскликнул он, обращаясь к судье. – Сегодня же, еще до зари, я сам прогуливался по той же дороге, но девушки, обвиненной в убийстве, я там не видел. – Так разве исключено, что убийцей мог быть и я? Во всяком случае, достаточно оснований, чтобы я мог считаться подозреваемым.

– Вы сознаетесь? – спросил судья.

– Нет, я не признаюсь, но тоже не могу привести свидетельств в свою защиту, как, впрочем, и вы, ваша честь! Но я прошу вас повесить меня вместо невинной девицы, иначе я буду вынужден оговорить даже вас, Ваша честь

Судья поморщился и приказал надеть на трубача балахон, сняв его с девицы.

Пробили полдень часы на городской площади, на трубача надели петлю, он встал на стул, палач ловким движением выдернул его из под ног приговоренного к смерти, но веревка оборвалась и трубач упал на помост.

Недовольная толпа загудела. И хотя по правилам полагалось теперь трубача отпустить, но толпа потребовала вешать его еще раз.

– Помилуйте, – закричал трубач, – дважды вешать закон не разрешает.

– У нас Марбургское право, – возразил судья. – Но если за вас кто-нибудь выступит поручителем, я, так и быть, вас отпущу.

Трубач посмотрел на красотку, она отвела глаза и спряталась в толпе.

В этот момент к помосту протиснулась известная девушка легкого поведения, работающая в Трактире «Плати и отдыхай» за чертою города.

– Ваша честь, я могу за него поручиться! Этот несносный трубач будит меня на заре, я только ложусь спать, вы же знаете, у меня такая работа. И вот я видела, что он на заре стоял у своего дома и трубил, так что он не мог уйти из города и совершить убийство.

– Но вы должны пожениться, таковы правила для поручителей. Ты согласен? – обратился он к Трубачу.

– А что мне остается? Согласен, конечно. Но ты обещаешь мне, что бросишь свою работу.

– Хорошо, мой мальчик! Только каждое утро ты будешь давать мне денежку на пропитание, этого хватит на нас обоих, и я буду готовить для нас обед.

 Хожу по лесной дороге, пою, не умея петь, и всхлипывания прерывают мое пение.

Твоей любви я не прошу, –
 все мимолетно!
 Как обувь, прошлое сношу
 легко и беззаботно.

При встрече взгляд не опущу,
 не узнавая.

Не жду, не помню, не грущу,
 Печаль скрывая.

Забуду прошлые мечты
 и обольщенья...

Увяли нежные цветы, –
 Но все прошу, однажды ты
 Спроси прощенья!

Через неделю вернусь в город, напишу ей последнюю записку:

«Простите меня, что осмеливаюсь еще раз воззвать к той, которая почти только мгновение назад была так милосердна. Больше взывать не буду. Я уже не прошу ни писем, ни объяснений, ни самой краткой встречи, но можно мне хотя бы послать Вам файл со своей книгой? Не верьте никому, даже Богу, тем более тем, кто от его имени вам объясняет, будто в любви может быть что-то плохое. Человек отвечает за все сам, и Бог Вам ничего не может сказать. Вы вправе со мною порвать и оттолкнуть меня и унижить... но разве я заслужил это последнее унижение – оттолкнуть и мою книгу, которую я писал для Вас, и посвятил ее Вам и той любви, которая нас связывала?»

Но, наверное, ничего не изменит и эта моя записка...

И настала пора писать последние строки, прощаться, как мы прощаемся с тем, кто умер. Он тоже не слышит нас и не отвечает.

Я не знаю, что случилось, почему любовь закончилась ненавистью и отвращением, и не узнаю. В романе Наташи Ефремовой вот так же прелестная девушка оттолкнула того, в кого влюбилась с первого взгляда, и, кажется, не поняла никогда, почему оттолкнула яростно. Или и действительно нет женской любви, произрастающей в вечности?

И все же я не хочу закончить нашу любовь и нашу книгу (разве без *нее* я бы ее написал?) разочарованием и в жизни и в любви. Изменить судьбу я не в силах, и мне теперь остается только сбежать в философию, в творчество, в новую жизнь... Но не смогу ли я попытаться что-нибудь все же понять? Даже читатель не выбросит книгу, которая ему интересна и сообщает что-то значительное; а знакомясь с человеком, мы словно открываем книгу, которою он является. Почему же она меня закрыла, отказалась читать и разговаривать? Потому что я был отвратительно самонадеян, я был уверен, что ей нужен, но не поднялся так высоко, как *надо*. Если бы я достиг хотя бы *первого неба*, она бы со мной осталась, а теперь уже поздно, *жизнь победила нас обоих*. Прости меня, любовь моя, это я во всем виноват! ***Но я тебя все еще люблю!***

Я не пытаюсь обидеть "нежный пол", я пытаюсь их понять. Может быть, нет ничего плохого в том, что у их "любви как у пташки крылья", если бы только они заранее заключали с нами соглашение: 17 дней я люблю тебя, потом ухожу к другому, я уже о нем соскучилась... И все же не все они, быть может, Кармен или Эсмеральда? Есть ведь среди них и Аида, и Эльза у Лоэнгрина, и преданная звенящая как порванная струна скрипки кроткая Тая в романе Троицкой? Ведь они есть?

И хотя Анна, если бы я был молодой и привлекательный, все равно спросила бы у священника, можно ли мне на нее смотреть, но все же она без спросу у Бога меня пожалела, встретив в деревне второй раз в жизни, и жалели и другие, жалеет В., хотя когда-то она тоже не захотела встретиться со мною в последний раз, и так мы не виделись с нею десять лет, пока не забылось все что было... А мне жаль прошлого, я не могу жить только настоящим, как женщина, запоминающая окончание строфы и не помня начала – ибо что же тогда *есть*? Разве не *есть* – и то что было и будет?!

Но хватит обличать женщину, она даже при своих странных поступках совершенство, иногда милосердна, иногда верна, ... ну, и хватит с нее! Разве мужчины хороши, а не любят преимущественно для обладания? Но моя книга не о том, что преимущественно, так же как и прекрасные стихи редки, все прекрасное и возвышенное редко. Но хотя я и любил тебя по земному, так же как и чувствую и мыслю и пишу как и все, не ангельскими чувствами и не ангельским языком, но ведь если я прошу в стихах *«Поставь хоть сторожем в своем саду!»*, то это значит, что и я и ты, и наши близкие, и Анна, и В. существуем не в дикой тайге, а *в саду*, хотя и не райском, но он лучше, чем сад Эдема, в котором, возможно, не было даже плоти, а значит, не было красоты. Ну и пусть любовь – трагедия, и жизнь – трагедия, и мы больше не встретимся, но *жизнь лучше и выше даже райского небытия*, так как там только каждый во всех, но нет избрания и счастья и муки личной любви!

Прости меня, мой солнечный зайчик, скользнувший по моим спящим глазам и спрятавшийся за облако! Я счастлив, что ты была! Я побежден, ты меня оттолкнула, но больше не буду тебя укорять. Я примирился с поражением, не буду просить и свидания, сотри и книгу мою из памяти, как стираешь меня – но я благословляю и тебя, и наше мимолетное общее прошлое, состоявшее из писем, разговоров, нескольких прикосновений и двух объятий. Но, возможно, жизнь еще не закончилась, может быть, я еще узнаю, есть ли счастливая любовь кроме материнской и **что такое любовь**.

19 сентября, суббота. Вчера она прислала письмо, в котором отказалась встретиться на прощанье, а ее книгу велела прислать по почте. И сегодня ночью приходили волхвы, торопили с окончанием моей книги о любви; которую я уже дважды закончил, да все дописываю. Хотя ее любовь уже умерла и она ее выкинула на помойку, как выкинет и эту книгу, но моя любовь еще болит и плачет, и я медлю... сокращаю в предыдущем строки, чтобы дописать новые *строки прощания*... Но буду писать и о другом, а то промокнут страницы и читатель в них ничего не поймет.

Красота как трагедия. Может ли красота спасти мир, как предположил Вл. Соловьев вопреки христианству (и какой же он христианский философ, никак не отстающий от «похоти очей»?)

Но не все выводить нравоучения из книг, кое что можно заимствовать и у опыта жизни.

В шестнадцать лет из далекой Сибири приехал я на родину бабушки, и в первый же день вечером пошел на танцы, танцевал со своею ровесницей красоткой Наташей и пошел ее провожать в соседнее *местечко*. Летняя августовская ночь, темно, шли мы какой-то компанией, подошли к калитке, Наташа со мною простилась, да из-за калитки меня окликнул и еще девичий голос: Василь, не ходи один домой, останься у нас, утром пойдешь, родные твои догадаются.

Мне было неловко оставаться у незнакомых, я поблагодарил и ушел, и на моему встретило меня трое парней, двое впереди и один сзади.

Били они меня старательно, но очень неумело, но все же я почел за благо спрыгнуть с моста в речку, по которой и пошел, по колено воды.

На следующий день наша деревня уже вся гудела разговорами и расспросами: оказывается, били меня из-за Нади, двадцатилетней Наташиной сестры, работающей библиотекарем. В пять часов я к ней и пошел.

– Вот, пришел посмотреть, кому я обязан поучением...

– Ну и как?

– Да судя по Вашей красоте, можно сказать, что бить меня еще и не начинали.

Так мы познакомились, и каждый день я приходил к ней разговаривать (бедная Наташа, только при прощании она призналась, что каждый день плакала! Может быть, поделом мне те терзания, которыми меня награждает жизнь из-за женской привлекательности?). Так вот Надя мне и сказала, что красоты должно быть тоже в меру, как и ума, и горе бывает не только от ума, но от красоты без исключения. «Красота – это трагедия, мне уже пора замуж, но никто из парней не только жениться на мне не осмелится, но даже подойти боится!» Незадолго до моего отъезда она вдруг сказала: Больше не приходи, не растревляй сердце, ты еще маленький, а я не могу ждать, пока ты подрастешь, да еще и влюбишься вдруг в другую.

Проводила до моста и спросила: А хочешь, мы поцелуемся?

И такой был горячий поцелуй, что губы болят до сих пор. «Это я первый раз в жизни целуюсь, а то боялась, так и умру нецелованной!»

Через год она умерла.

Не настала ли пора меня пристрелить?

Моя ласточка предала себя сразу двум противостоящим партиям, чтобы уж наверняка и себя погубить и того, кто попадетс ей под руку, и я как-то в шутку спросил её, может ли она меня застрелить, если прикажет *Партия*? Да, могу, ответила она. И вот, когда она меня разлюбила и отрелась от любви, я ее спросил: может быть, теперь уже пора меня пристрелить? Только прошу тебя, выстрели прямо в сердце! – и так оно и случилось, но пуля, как видно, в нем застряла, и сердце болит... Но так как я чувствую боль, то, значит, не совсем умер? Хотя сердце не бьется, но оно все еще болит...

Женская любовь. Во-первых, это *любовь материнская*, даже иногда и к мужчине, и это высшая форма любви, но все же не та, *которая притягивает два пола как всемирное притяжение*. Во-вторых, это и *другая любовь, любовь-страсть*, но в мужчине она является *волей к обладанию*, а в женщине – *волей к подчинению*, растворению, покорности, к утрате своей собственной личности (потом, в семье, растворяясь в *любви материнской*). И в третьих, это *воля к смерти*, которой является уничтожение своего я и растворение в Боге. Как надо любить другого, *надо ли любить в другом другого?* Нет, и в другом надо любить только образ Божий, а не его самого, думают они.

Христианство самый эгоцентрический миф, оно учит о растворении в Боге как о цели жизни, для чего надо отречься от мира, природы, женщины, любви, семьи, самой жизни. От человека остается только *рождение* (неудачное, так как это явление в падший мир); *отречение*; *смерть*; и в награду за покорность – сомнительное *воскресение*. Но даже это скудное бытие только для себя, для спасения собственной души. Способен ли христианин любить кого-нибудь кроме своего Бога как повелителя и себя как раба? Или даже себя он не любит, тем более не способен любить *другого?*

С отказом от подлинной *любви к другому как к другому*, а не только как к образу Божию в нем, связана та жестокость (вопреки предполагаемой христианской *человечности*, которая вся погибла в *божественности*), которою сторицей награждает женщина бывшего возлюбленного, – и отказываясь с ним встретиться на прощание, и зачеркивая память о нем, и замения прежние к нему чувства на презрение, ненависть и отвращение.

Отрекаясь от неудачного опыта *любви как равенства и взаимности*, как возвышения к новому бытию, женщина избирает рабство: у мужчины, который стремится ею обладать, у Бога, который стремится растворить ее личность в себе, у партии. И с изумлением и болью начинаешь думать, что к той любви, которая только и является любовью, в которой душа и личность преобразуются, теряя замутняющий их покров, и становятся подлинно собою и становятся прекрасны, способны только *падишие* герои художественности (или и их прообразы), Травиата и Манон. Какую любовь предлагает Эльзе Лоэнгрин? Любовь через Бога, причем «но слепо должен верить человек!», и при самом малом ее сомнении он ее покидает, тоже божий слуга.

Надеясь в женщине утвердить ее личность и свободу, в том числе свободу от духовного рабства, которым является подчинение Мифу, *я потерпел поражение* – но невдомек новоявленным египетским рабыням, что даже церковь не проповедовала и не поощряет прилепление к *духовным отцам* и подчинение своей воли их воле, и положение об исповеди и вся практика православной церкви этому противоречат, ибо это не что иное, как сектантство. Но свобода женщине ненавистна, не нужна ей и любовь, любовь Джульетты, Изольды, Эльзы, Настасьи Филипповны, хотя только благодаря любви человек достигает неба, и даже вера и чудо без любви ничто (как о том говорит и апостол Павел). «Ибо Бога никто никогда не видел», но много развелось лжепророков, которые были, впрочем, всегда...

К какой же любви кроме материнской способна женщина?

Любовь – это сострадание! Но если женщине не больно, когда она отталкивает того, без которого будто бы не могла жить, значит, она его никогда не любила, и даже никогда не жалела.

Она любила себя, жалела себя, стремясь к растворению в более сильной воле, чем ее собственная. Вот почему *женщина предает любовь во имя веры* – большего подчинения, чем воле Бога, не может быть.

Анна, Анна!.. Не суждено мне и к вам придти за утешением, ибо и между нами пропасть, и с такою же легкостью, с которою Вы на мгновение восхитились мною, начнете меня презирать... Но вы останетесь в моей душе как светлое воспоминание об идеальной женщине, любящей мир и *другое* (вне себя самой) так, как любите собственных детей. К тому же Вы красивы, Вы словно солнечное тепло в летний день, когда солнышко прикрыто легким облачком и не отягощает жаром. Если бы и христианство так пригревало, но не давило! Но им движет архаическое сознание, как у ацтеков, более архаическое, чем в иудаизме, обратившемся в конце концов к собственному народу. Надеюсь, я не воскресну. Надеюсь, если воскресну, то не с ними!

Преподобный Игнатий пишет: «приходят обстоятельства, которые насильственно отторгают меня от тех, которых я считал моими, и они уже – не мои. Они и не были по самой вещи моими; было какое-то отношение между мною и ими; обманываясь этим отношением, я называл, признавал их моими. Если б они были точно мои, – навсегда остались бы принадлежать мне. ... Твое, Господь мой, отдаю Тебе: *себе присвоил я их неправильно и напрасно*». Вот почему ушел он «жить во гробе» – разве не вопиет его боль об этом?!

«Смирение и преданность Богу убивают *плотскую любовь*», пишет он – но приобрел ли он *другую любовь*, какую бы то ни было, к живому человеку, а не умозрительное облако, соединяющее якобы его со всеми?

«И слепому, и прокаженному, и поврежденному рассудком, и грудному младенцу, и уголовному преступнику, и язычнику окажу почтение, как образу Божию.» – но так ли это, а не живо-благочестивые словеса? Вот так Жанну приговаривали к костру во имя любви к *образу Божию* в ней, а ее не любя.

И как христиане отнесутся к моей книге?

Многие из тех, кто сегодня оказывает мне уважение, отвернутся от меня, иные бросят мне книгу в лицо, как то уже было с «Призванием литературы».

Иные откажутся взять ее в руки и не будут читать.

Но что мне до иных? Мне больно, что не будет читать и *она*. Вот это и есть общий признак *духовного рабства*. Отказавшийся от свободы не хочет смотреть в окно, подходить к двери. Или их растворение в Боге непрочно?

Но разве моя только книга – всё вопиет о мире, не тождественном христианскому Богу и даже не похожем на Него, и даже Пушкин и Моцарт, и Бетховен и Вольтер, не только дворянская культура, но и Маркс и Бакунин, и Штирнер и Иванов-Разумник... и даже Владимир Соловьев, и даже Павел Флоренский... И даже женская поэзия, Анна Ахматова и Марина Цветаева. Уйти к сектантскому богу можно только похоронив саму себя, как Игнатий Брянчанинов, как в конце Гоголь, как Толстой, как даже Ингнатин Леонтьев. Прав оказался Оскар Уайльд: *«Возлюбленных все убивают...»*

И все же и я – еще люблю я *её* или уже отрекаюсь?

А что же она? Прав ли я, ее упрекая? Нет, не прав, потому что она не предавала меня, не отрекалась, она меня НЕ любила. Разве пошла бы любящая спросить у батюшки, можно ли со мною встречаться? Вот так не пошла Анна Каренина к батюшке, даже когда решила броситься под поезд. То, что человек делает как живой и чувствующий, как укорененный в жизни и в культуре, как воистину любящий, как воистину *он сам*, делает это он по своему разумению и чувству. Только не христианство учит понимать и чувствовать, оно от понимания отвращает. НО:

Прости меня за все, в чем я не виноват!
За робость, опрометчивость, погоду,
За то, что я дышу тебе в угоду,
За хмурый неба вид и грозовой закат. ....

Только в поэзии правда, и как горестно, что твоя любовь была лишь иллюзией! Надо бы как-то умереть на время, как-то перестать длиться, перестать страдать... а потом *будет новое небо*... только без тебя...

Не будет наших удивительных писем, разговоров, встреч... пусть тебе даже приснилась наша любовь, но уже не будет в твоём христианском безгрешном бытии ни этого очарования, ни этого чистого блаженства.

Возможно, ты еще проснешься от странного сна, которым является христианская любовь, покорность Богу, «батюшке», страх греха... *И ты увидишь, что отрелась не столько от меня, как от собственной жизни.*

Ты принесла меня в жертву своему Богу, но и твоя любовь ко мне была ложью, как и твои слова: Я не могу без вас жить!

19 сентября, воскресенье, 8 часов утра. В три часа ночи заболело сердце, я не стал пить лекарства, это не только сердце ... *Это по мне звонил колокол.*

Волхвы обещали больше не приходиться. Это ведь словно бы в воображении, на границе сна и бодрствования особенные состояния вдохновения, взлета, прозрения, как и явления муз – и все же отчасти воображаемые, но и не мнимые, как и культура, привнося в реальную жизнь нечто вымышленное, магией, содержащейся в ней, повседневное преображает в *действительность*.

Повседневное включает в себя мысль, чувство, побуждение, поступок; литература же существует как *метафора, образ и символ*.

И Бог сотворил человека, по образу своему и подобию, мужчину и женщину сотворил их – это таинство, которое мы понимаем не столько умозрительно, сколько поэтически и даже мистически. Владимир Соловьев хотя и мистический философ и христианский, но принимает и эволюцию как входящую в таинство Творения. Так ведь и повседневная жизнь и мир и рациональные и будничны, но и культура и красота и дух святой наполняют ее и преображают.

Человек создан как личность, ему дано умозрение, чувство, воображение и воля, ибо *Бог захотел не только листьев на древе жизни, но и собеседников, друзей, соратников.* И для этого Он наделил человека способностью к познанию, волей к жизни, творческой волей и способностью подниматься высь, преображаясь и преображая мир. Но это мой Бог, но не Бог архаического сознания, поработающий человека, воистину обращая его в лист на давно уже засохшем древе...

Еще четырнадцать строк

(Мучительные и яростные добавления)

21 сентября, День осеннего равноденствия. Хотя волхвы и обещали больше не приходить, но пришли ночью. Ничто не объяснено, нет выводов, нет завершения, ты так и не понял, что такое любовь, что такое женская любовь, что вас связывало, если связывало, и как успокоить твое сердце. Да и книгу надо закончить, но и у нее нет завершения, и в таком виде она бессмысленна. Шла мимо, остановилась, поплакала, разбила тебе сердце, вознесла на вершины мира и обрушила в прах и грязь, излив отвращение, ненависть и презрение...

Жестокость мягкой, красивой и деликатной женщины не объяснима, и хотя как будто и мстит женщина тому, кто ни в чем не виновен, за свое рабство у всякой силы, к которой сама же и стремится прильнуть, но... Нет, втереть тебя в дорожную грязь – это уж слишком! Даже дьявольское государство было к тебе милосерднее.

Итак, слушай и записывай, сегодня же надо закончить Записки, больше уже не редактируй их и сдай в печать.

Встречи с *нею* тоже не будет, никогда. Напиши ей письмо, которого она тоже не прочитает. Это *ты* потерпел поражение, не она. Зачем же ей слушать стоны поверженного, который ей отвратителен? Итак, пиши.

Любовь к Богу... Любовь и жизнь бывают и слитны и разделены. Вот, например, любовь к Богу... Во имя этой любви принесены неисчислимые жертвы, столько ли она утешила болящих сердец? Может быть, на время утешилась та старушка, которая несла хворост на костер Яна Гуса? И утешилась Парижская чернь, радостно вззирающая на мучения *ведьмы*, «Жанны Д*Арк на костре»? Но эти утешения мимолетны, и снова безрадостная жизнь, которую христианство и НЕ ОБЕЩАЛО наполнить радостью, ибо жизнь и должна быть "юдолью слез и печали".

Но феодальное общество было разнородно, были богатые, была церковь и правящая аристократия, и хотя не единственной целью Мифа и церкви было подчинение "униженных и оскорбленных" сильным и повелевающим, но "*рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служба им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога*" разве не было более важной заповедью, нежели «не убий»? Да к тому же большая часть европейских войн носила религиозный характер, а если и светский, то церковь благословляла на войну сию кесаря, получившего власть свыше, ибо «нести власти, аще не от Бога». (И даже Русскую революцию поддержала церковь, а большевиков патриарх Тихон предал анафеме только в 24-м году, после насильственного переворота, кровавой Гражданской войны и невиданной в истории России инспирированной властью вакханалии «Голода в Поволжье»).

Но вернемся к метаисторическому назначению христианского мифа и церкви. Их назначением была власть над душами и телами. **Вера** и **Покорность** – вот основные требования, предъявленные человеку, «рабу божьему» – и он их исполнял, не только *во всем повинуюсь господам своим по плоти*, но и согласившись на духовное рабство, окутавшее Европу на полторы тысячи лет. Сегодня не ренессанс ли «религиозного мракобесия»

(воинствующих сект ислама), когда уничтожаются древние города, памятники истории и культуры, и готовится завоевание Европы, а русский народ, воспитанный комсомолом и привыкший жить «как партия повелит», сегодня в радостном упоении принимает жизнь «как батюшка скажет»? Воспитывается новый человек, от школьной парты и книги вставший на колени под сводами храма. **Теперь только Бог решает (или Его доверенные), как жить, кого любить, с кем встречаться.**

Воистину человек принял решение если не вернуться на дерево как обезьяна, то стать листком Древа жизни.

Миф и Культура... Вероятно, с власти мифа в доисторические времена все и начиналось, затем Культура стала главенствовать, две тысячи лет назад Миф разгромил Культуру и ночь опустилась на землю. Сколько крови и пепла и слез – разумных, талантливых, вдохновенных; сколько крови бесправного народа, сколько поправленных надежд на любовь и счастье даже в высшем сословии потребовалось принести в жертву, чтобы власть Мифа сначала ослабела, а затем была и низвергнута (сменившись в России на еще более лютую власть большевистского мифа)!

Но и буржуазная Европа с ее сытым свиномаником не наполняет меня восторгом! Не наполняют восторгом *новые русские*, власть бывшей комсомольской элиты, покорность и вырождение интеллигенции...

Я загнан в угол. Гул, тоска,
Чернеет школьная доска.
Учитель строго
Стучит. Иль то грозит Господь
За то, что я девичью плоть
Люблю как Бога?!

.....

Жду перемены. Жду звонка...
Последней формулы – рука...
В конце урока
Узнаю, может быть, ответ –
Что ждет меня – взаимность, свет,
Тоска, морока?
Я изгнан дальше – за порог.
Немилосердны мир и Бог,
И дева смотрит равнодушно.
Что за итог и чья возьмет?
Наверно, ворот тесный жмёт...
...А может, просто в мире душно?..

«Легенда о Великом инквизиторе». Увы, хотя и перепыхан этот огород великими триста семьдесят один раз, но придется еще раз на него вступить: уже не пахать, а просто бросить один поверхностный взгляд – некогда останавливаться, надо мою книгу закончить, надо проститься с иллюзиями, с крушением надежд, с моей сначала восторженной и сияющей, а потом мучительной любовью.

Итак, я взглянул окрест, и увидел себя самого, ничтожного, осмеянного, ненужного. Сколько было *гордыни*, самомнения, упоения собою – и вот я в каком-то темном углу, в каком-то чулане. Вначале я думал, что хоть чулан этот мой, это то, что принадлежит мне в наших общих воспоминаниях, но и воспоминания обо мне омерзительны, и мне надо убираться куда глаза глядят из чужого чулана. Мы никогда не встречались, не были знакомы, не было взглядов, писем, разговоров, а только гадкий мираж, о котором *она* уже забыла. Нужен ли я и Анне? Нет. Женщине интересен лишь тот, на ком отблеск славы. Думаете, одна из нынешних поклонниц Христа подошла бы к нему, когда Он изнемогал под крестною ношей? Нет, но со стыдом отвернула бы взгляд.

Что я называю «*религиозным мракобесием*»? Нет, не всякую веру, не всякое богословие или сочинения во хвалу христианства, но только оскорбляющие человека и отнимающие у него последнюю свободу, в особенности отношу я к «*религиозному мракобесию*» современную исступленную страсть подчиниться «*святым отцам*».

И хоть избита «*Легенда о Великом инквизиторе*» (как ее назвал Розанов), но и в ней, и в литературе, связанной с ее обсуждением, бьется страдающая мысль о свободе. Сочинения, посвященные легенде, не менее длинны и многословны, нежели и сама беседа двух братьев (правда, не так длинны, как эта моя несчастная книга), но ее можно изложить кратко, чуть ли не в нескольких словах.

Начинается она почти витиевато, с ужимками и недомолвками Ивана, с перебивками его рассказа Алешей, с множеством оправданий и объяснений, ссылок на обстоятельство, на русскую историю, призванных оправдать смелость рассказчика, дерзнувшего выступить на столь священную тему – отношения Церкви (хотя католической, как будто заведомо ложной, с ее инквизицией и сожжением еретиков – как будто у нас не сжигали?) – и Христа. Но все эти запинки и недомолвки объясняются вскоре легко, когда Великий Инквизитор самому Христу (которого он велел заключить в тюрьму и пообещал на следующий день сжечь) говорит:

«Это ты? ты? Не отвечай, молчи. ... Да ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде.»

Итак, сам Христос не имеет права что-то прибавить к тому, что уже сказано и послужило основанием церкви, и потому недомолвки и ужимки собеседников, дерзнувших комментировать Новый Завет (но это ужимки самого Достоевского), объясняются священностью предмета их разговора – смертным его не дано обсуждать.

Итак, смысл столкновения Инквизитора и Христа, то есть Католической церкви – и Того, кто ее по существу создал, состоит в следующем – как полагают Достоевский, Розанов, Бердяев и Лосский (писавшие об этой Легенде): якобы Христос призвал людей жить в *Духе, Истине и Свободе* и принять на себя следующую из них *ответственность* за всякий свой выбор, и даже за то, верить или не верить. Инквизитор (или католическая церковь) Дух заменяет **Чудом**, Истину **Тайной**, Свободу **Авторитетом**. Теперь людям

больше не нужно мучительно размышлять и сомневаться в поисках правды. Все за них решают избранные, умные и сильные личности. Особенно просто становится женщине, на исповеди она спрашивает у батюшки, кого любить и любить ли, встречаться или нет. А затем она будет поступать, **как батюшка скажет**.

Вера соединяет одних и разделяет других, как и любовь.

Переходя в архаическое сознание, человек ускользает из привычной логики отношений нашего мира, и спор бессмыслен. Когда-то я думал, что необходимо *иноговорение*, такой способ говорить, когда рассыпаются камни и размягчаются души, но потом меня начало это пугать. Мой обыденный человек, который мне близок, с которым я выпиваю, которого пытаюсь соблазнить, быть может и будет мне поддаваться, но словно бы моему магическому влиянию, а хорошо ли это? Разве я хотел бы так влиять на своих учеников или на то облако детей, которым я симпатичен? Нет, я такой же, как они, я не чувствую, что я лучше их или умнее, и для них я тоже как они, и это мне радостно. И я хочу говорить на том же языке, которым разговаривают близкие мне и те кто мне нравится, и только с помощью этого языка научиться их убеждать... И если я пока этого не умею, то это моя вина. *Не они виновны в отпадении, а только я!*

Сострадание. Так что же в основе моей любви, что она по существу, а не только по форме? Когда-то в юности я бросился в собирательство книг как в страсть – что мною двигало? это были шестидесятые годы, вымидали остатки дореволюционных поколений, и книги и вещи, принадлежавшие им, их наследникам казались архаическими (хотя чаще таковыми были сами наследники), и они их выбрасывали на помойку или относили в пункты утиль-сырья. Погрузившись в дореволюционное прошлое, которое своею великой культурой порастало во мне, я прежде почувствовал сострадание к гибели и умиранию этого прошлого, и бросился собирать пластинки и книги не для того даже, чтобы их слушать и читать, а чтобы *спасти* от гибели!

И *сострадание и жажда спасения* и наполнили мою личность, определив мою жизнь. И так же, преимущественно через сострадание (правда, и через восхищение красотой тоже), произрастала во мне любовь.

Участь народа и судьба России тоже стали мучить меня, разочаровавшегося в большевистском мифе (он же и христианский) о единении всех во всемирном муравейнике (как о том пишет Достоевский в своей Легенде). Не упоение якобы превосходством русского над инородным, а сострадание к русскому – вот основание моего национализма (или *народности*) [как у евреев вера в их Бога и в их всемирное призвание сообщить человечеству истину.]

Удивительнее же всего то, что и основанием моей *любви к женщине* не стала *мужская жажда обладания* (которую женщина ждет и которой она подчиняется), а нечто другое, как и преимущественным основанием женской *любви*, увы, не является любовь и жажда *любви*, но нечто другое... подчинение, семья, половой инстинкт... И утверждение вместо любви, вот той самой, которую я прославляю, и которая соединяла и пропитывала культуру, семью, детей, народность – утверждение *веры*, любви к Богу, безличной *духовной любви* – не симптом ли это разрушения устоев бытия? Наташа Ростова и

Татьяна Ларина, выбравшие материнский инстинкт и предпочитающие семью чувственной любви-страсти; Анна Каренина, Манон и Кармен, предпочитающие чувственную любовь-страсть материнскому инстинкту, Сонечка Мармеладова, избравшая *со-страдание как любовь* вместо веры в Бога – это все вариации единой женской симфонии! – но почему и зачем и что собою определяют боярыня Морозова с ее иступленной верой в Бога и героиня «Сорок первого», с ее иступленной верой в Революцию?! Так мне ли спастись страдающую красивую женщину, «слабому и ничтожному, высмеянному и отвергнутому» – от чего? От ее воли к *растворению в силе*? От ее воли к *потере личности*? От ее *ненависти к любви*, которая ее роднит и с преподобным Игнатием, и с Иеронимом Блаженным, и с христианским мифом в целом? И от ее *бездушия*? Вот это последнее – самое странное, что вдруг находится в женщине и определяет ее поведение. Я спросил своих приятельниц и знакомых, уступили ли бы они мольбе отвергнутого возлюбленного о последнем свидании – ни одна бы не уступила – зачем? Мне уже от него ничего не нужно, он для меня словно бы умер... Как не уступила и мне ни одна из тех, которых я умолял.

Часто необъясним разрыв, наступающий без видимых причин. Необъяснима жестокость после разрыва. Необъясним и тот разрыв с возлюбленным, у которого словно бы есть причина, но ею даже не всегда является влюбление в другого, а простая потребность в банальной измене! Или женщина мстит мужчине за свою неспособность полюбить так как он?

Или это так и останется тайной, которую ни она сама никогда не узнает, ни философу не разгадать...

Достоевский и Розанов отомстили такой изменнице, Аполлинии С., один ее банально забыл настолько, что при встрече не смог вспомнить, кто она такая, другой ее стал ненавидеть.

Но это ли идеал любви, о которой сказано, что ***любовь крепка как смерть***?

А существует ли та любовь, о которой плачет и томится моя душа (для которой, возможно, уже наступило распятие, призываемое евангелическими комсомолками вместе с их духовным отцом Игнатием Брянчаниновым, прославляющими *любовь духовную*)? Существует ли та любовь, в которой и женщина воистину женщина, а не фанатик веры и революции, *любовь, в которой женщина милосердна, нежна, обаятельна, умна сердечным умом, независима от влияний, не предает, не унижает, умеет понять, умеет посочувствовать, отзывается на боль, не спешит оттолкнуть, не разрушает в себе ни душу ни плоть, стремится к красоте, принимает природное, возвышает, но не отвергает наслаждение, женщина земная и небесная вместе, какую она и должна быть, какую она и является в истине человеческой любви*?

Ибо я не отрицаю волю к возвышению, и даже веру в Бога – но Бога мы находим только в человеке и в красоте природы. В Боге мы человека не найдем, даже и Петр сказал, что отдельно от всего, самого по себе Бога никто никогда не видел кроме лжепророков.

Если *Бога мы находим через любовь, но не любовь находим через Бога*, то надо хотя бы кого-нибудь прежде полюбить кроме себя и своей души, вечно озабочивающих христианина и всякого эгоиста, занятого собою, своим ли благополучием, своим ли спасением. Полюбить хотя бы как Анна Каренина, хотя бы как Манон, хотя бы как Настасья Филипповна!

Но есть ли вина в женщине, не способной к любви? Если мои книги не читают, то стоят ли они того, чтобы их читать? Если меня отвергли и я отвратителен, то не так ли и есть? И надо смириться с поражением и уйти.

Дети. Итак, кроме любви к Богу в христианстве нет никакой любви, ибо достаточно ясно, что любовь к ближнему, не избирательная, не сосредоточенная на ком-либо индивидуально, не содержащая страсти и хотя бы малого чувства, это не любовь. Но в христианстве нет любви и к своему народу, кроме высказанного Христом пожелания, что Он пришел спасти своих (но эта любовь оказалась невзаимной). В христианстве нет детей и любви к детям. Все герои христианского эпоса существуют или в пустыне или несут тяжкий крест – а под тяжестью креста ни красоте не объяснишься в любви, ни поиграешь с детьми. Все, что соединяет мужчину и женщину, если косвенно и упоминается, то лишено чувственной образности.

Разве удивительно поэтому, что христианство воспитывает у женщины отвлечение к мужчине и даже нелюбовь к самой себе? И еще благо, что женщина, отталкивая мужчину во имя Бога, не бросает для Него и своих детей.

Я о детях писал немало, и о том, что хотя бы несколько мне удавалось заботиться о деревенских детях, с которыми меня сталкивали обстоятельства. Я не был Жаном Вальжаном, но были у меня свои Козетты. Одной из них была цыганская девочка, воспитанная в русской культуре матерью-цыганкой.

Ко мне приходили две девочки, которых я опекал, иногда они брали с собой и «растущую в поле под ветром и зноем», мы пили чай и говорили о том, что было им интересно. Однажды она сказала: В.И., мне очень жаль, что девочки так плохо воспитаны и совсем не ценят ваше внимание!

Отчасти это было правдой, но отчасти уже было проявлением женской ревности. Она была почти разбойницей, лазила по деревьям, прыгала с крыши сарая, гоняла на велосипеде (уже взрослом). В пятнадцать лет ей запретили со мной встречаться, может быть и правильно, хотя я не испытывал к ней какого либо притяжения как к женщине. Но не все мое влияние было благотворно. Она уже почти взрослая, почти без подруг, мальчишки ей не симпатичны. Как я могу смотреть на них, сказала она, если столько лет видела Вас?

Но значит ли это, что мне надо быть хуже?

Кстати сказать наконец о том, что содержится в моем притяжении к женщине. Во-первых, всё. Во-вторых, сострадание. В-третьих, восхищение.

Влюбляясь, часто «с первого взгляда», я привлечен всем тем, что христианский миф ненавидит, и походкой, и строением тела, и сиянием глаз, и голосом и запахом кожи, и привычками, и предпочтениями, и всем тем, что в ней есть и чего в ней нет в отличие от нашего грубого пола. Мне хочется быть с нею нежной, обнимать ее, прикасаться к губам и щекам, целоваться... Я обожаю ее даже за то, что она меня слушает, вставляет замечания, восторгается – и

вдруг оказывается, что я уже не знаю и не помню, что у нее есть плоть, мне иногда об этом неловко думать... И всегда я ее боюсь, того, что в ней интимно, спрятано, таинственно и неизвестно... Между нами роковая непреходимая пропасть.

Первая страсть по неизвестным причинам была источником слез, страдали мы оба, и я, наконец, подумал, что жить дальше нельзя. Как ни странно, это и было той волей к страданию и смерти, которая заключена в *любви* и *вере*. Далее... О жене говорить я не буду, ибо жена цезаря и его семья выше мира и выше и всех моих книг. И это не только метафора, и образ и символ, но и одна из тех истин, которые меня не разочаровали.

Следовательно, хотя меня притягивает в женщине и плоть и душа, но и нечто таинственно-трансцендентное (то есть непостижимое).

Правда, чем больше я объясняю, что такое любовь, тем мне хуже, это то же самое, как если бы я пересказывал своими словами стихи и музыку. Если мы не можем говорить о любви так же, как играем на скрипке или на фортепьяно, то лучше молчать. ...если бы я не влюбился, если бы не страдал, если бы она не пристрелила меня, уже сорок второго, во имя своих архаических бредней, не принесла в жертву неведомому богу ...

Но, может быть, существует любовь и к Богу? Возлюбляя мир, и человека, и звездное небо, и нежные цветы у ручья, возвышаясь и становясь и глубже, и нежнее, и милосерднее, мы чувствуем, что существует у человека душа, и душа существует у природы, и как солнечным светом и теплом мы пронизаны таинственной и отчасти непостижимой духовной силой, которая является для души источником жизненной силы. В любви к природе и к человеку мы испытываем и связь с этим непостижимым источником жизни, и благодарность. И когда мне хочется в восторге раствориться в этой сущности (вмещающей в себя и энергию и существо), я слышу иронический голос: Не зарывайся! Я проживу и без твоего восторга, я не тщеславен, к тому же воистину «живее всех живых» в отличие от ваших временных вождей, а у тебя есть кого любить, и надо еще прибрать огород, да и книга еще не дописана, и ты не спас ту, которую сначала любил, а теперь уже почти ненавидишь. Если она тебе менее дорога, чем Я, то ты ее не любишь; если же она тебе дорога, то или ее забудь – у тебя ведь еще целый мир, который тебе предстоит редактировать – или ... Не знаю... От меня ведь тоже одна сбежала...

Родители. Мой отец погиб, защищая Россию и своих солдат. О нем я писал немало, и я не брошу его, и лучше мне с ним остаться на Безымянной высоте, нежели воскресать с теми, кто никого не любит кроме Бога.

Россия. Она неотделима от той культуры, которая меня питает, от русского языка, благодаря которому я разговариваю не только с миром, но и с моим собственным Богом, от моей семьи и родовой идеи, как дерево распространяющейся вперед и назад, к предкам моим и потомкам. Она для меня неотделима и от любви к женщине, ибо без женщины нет любви и народа. Неотделима от русской истории и памяти, от природы, от устремления в будущее и связи с истоками. В России для всякого мыслящего и чувствующего и культурного человека сосредоточен в значительной степени и смысл жизни.

О, как мучительно и неотвязно тебя люблю! Да, скоро уйду, не негодуй слишком. Если бы я не любил тебя в том числе и как собственного ребенка, я и ушел бы с высоко поднятой головой. ...Если бы я все еще не любил тебя...

23 сентября, среда. Сначала редактор победил во мне автора, и я переделывал книгу, дописывая новые страницы и сокращая предыдущие, потом победил автор, пустившись изливать слезы отвергнутой любви, наконец побеждает усталость. Книгу надо сегодня же закончить, читатель не доплывет до берега, и не узнает, чем дело кончилось...

Сердце мое не успокоилось, но когда-то перестанет все же болеть...

О любви сказать уже нечего...

Стихов больше нет.

Расставание с христианством завершилось.

Что же еще осталось несказанным?

Этот мир, несмотря на все мои проклятья и огорчения, я не хочу отвергнуть, слишком много в нем того, что меня к нему притягивает. Женщины... Я как будто и узнал уже, что они не способны любить той любовью, которая связывает мужчину и женщину в вечности, но до конца не уверен в этом. Разве моя мать не любила моего отца до смерти, то есть навсегда? Разве моя жена разлюбит меня, даже если и прочитает эту книгу?

Но как я могу перед ней оправдаться?

Никак...

Может быть, сказать, что другие мужчины еще хуже?

Или что я все равно *лучший*, как сказала обо мне *другая*?

Нет, я скажу немного иначе и чуть пространнее, тем более теперь у меня снова появились чистые страницы, книга вышла из берегов и их пришлось отодвинуть.

Понятие **греха** замкнуто на архаическом сознании. Жизнь, как и книга, перехлестывает через край, и сколько нас уже потонуло в этой бездне?!

У человека есть **свобода** и **ответственность**, и за все ему придется платить. Может быть, именно то, что *она* от меня ушла – это расплата моя за беспутство? Но разве я любился так, как другие? Уткнуться ей в колени, положить голову ей на плечо, или прижаться к ней – большего мне было не надо. Не нужна она была мне как любовница, как разграбленный город, как поверженная крепость. Меня привязывало к ней чувство, в котором уже не вся плоть, а словно бы ее «одухотворенная часть» – так бы я сказал, если бы эти слова «дух» и «духовность» мне уже не стали почти ненавистны из-за их наводнения. Разве и большевики не восклицали на каждом углу и днем и ночью «Все во имя человека, все для блага человека!» – не для этого ли блага я и сидел три года среди несчастных, хотя и "нищих духом", но не снискавших царствия небесного!? Но во мне есть и ответственность и свобода, ответственность не дает мне распахивать все окна и двери моей души, а свобода не дает запирает себя в клетку.

Грех и безгрешность подобны приметам, на которые мы ориентируемся в своем путешествии по жизни, но не подобны цепям и веригам... – впрочем, не пытаюсь ли я оправдать сам себя?

Да, надо быть хорошим... Не надо пить, ссориться с домашними, влюбляться в других женщин, назначать им свидания, плакать из-за них... Не надо и книги писать, это тоже грех, как полагали Оптинские старцы, сославшие одного из своих же из-за написанной им Истории «Оптинской пустыни» в Соловецкий монастырь.

Но когда человек исполняет исправно все предписания, становится иногда тошно с таким человеком... Лучше бы уж он был грешником!

В юности некоторые девушки примеряли на себя образ грешницы, никто почему-то не хотел быть праведницей, мы, парни, тронутые червоточиной, им поддакивали... И я думаю, что все ограничивалось игрой, никто в грешницы всерьез не собирался пойти, и все же мы и не запирали себя в монастырь! Мы были живыми, страсти в нас волновались, как ветер волнует море, и хотя за многое можно было бы меня упрекнуть, но за смелость жить я себя оправдываю. Грех – это иногда оправдание трусости. Христианство и непокорность неправедным властям объявляет грехом, вот в этой же Легенде говорится «не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, *порочны*, ничтожны и *бунтовщики!*» *Несмирение* у христиан равносильно пороку и чуть ли не главнее заповеди «не убий!». И если и следовать добродетели, то не христианские наставления надо положить в ее основу.

И что выше – Грех или Любовь?

Если меня следует побить камнями, то я буду настаивать на том, чтобы камнями раздали только тем, кто любил, а кто не любил никогда, не страдал, не сходил с ума и не плакал, тот не имеет права меня осуждать. Это почти то же самое, что и знаменитое повеление Христа: *Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень!*

Но есть и более важное рассуждение: Можно ли судить Любовь в христианском зеркале? Может ли любовь быть грехом? И неотделима ли верность от любви? Вот Кармен радостно заявляет миру, что «у любви как у пташки крылья», и сегодня почти каждая женщина это же самое заявляет, и я не смею уже их укорять! И мне кажется, что есть некий изъян в осуждении любви, в отношении к ней, разрешающий любить одним и запрещающий тем, кто связан, в то время как в молодости чаще любовь порочна, а несвободный любит уже трагически, и уже этим платит за любовь неизмеримо более высокую цену. Не буду говорить о себе – но Анна Каренина, несчастная Анна, погибшая под колесами поезда – бросить ли камень вслед поезду, безжалостно надругавшемуся над ее прекрасным телом? Грех существует в чем-то другом, а не в том, что влюбился – часто не предполагая заранее, не имея намерения... Вот так и я мог влюбиться в мою новую знакомую, но испугался этого, и тут же объявил ей, что влюбляться не буду – но в этом ли добродетель?

Ах, запугало нас христианство в своей проповеди, засушило, обрезало, перекроило по меркам монастыря!

И мы уже чуть ли не все начинаем жить с оглядкой: достаточно ли смирения, покорности властям, *постности* в mine, в пище, в осанке, в одежде, в походке и в сладострастных движениях, как то велит *Августин Блаженный?*

Любовь как сострадание и нежность.

С чем связана любовь больше всего, к чему она ближе, что мы предпочитаем испытывать вместе с любовью?

Что она такое, об этом говорить не буду, кто любил, тот согласится, что это особое состояние, похожее на блаженство, по крайней мере, пока еще не наступило расставание. И с ним непременно связано тоже особое чувствовсостояние притяжения к тому, кого любишь.

Если не рассуждать о завоевателях, о покорителях городов и крепостей, о тех, кто стремится к наслаждению прежде всего, то мы увидим, что любовь доставляет наслаждение уже тем, что она вдруг явилась, словно в темноте распустились бутоны расцветающего куста, и аромат наполнил комнату и наступило состояние радостной нежности. Так как и жизнь и любовь трагичны, они непрочны, как и цветение куста, то чувство радости и нежного умиления неотделимо от сострадания – к ней, к себе, ко всему миру.

Прощание. Вдруг цветение заканчивается, порыв холодного воздуха распахивает окно, пора уходить. Но надо ведь попрощаться и поблагодарить за радость?

Но словно что-то изменилось вокруг, все стало не узнаваемо, все чужое и враждебное. Прощаться не надо, говорит сухой и жестокий голос, вы мне давно неприятны и лучше, чтобы вы *«забыли и имя мое и ожог равнодушиного взгляда!»*

И я не знаю, что делать. Но мне нужно еще дописать последние слова, поставить точку или многоточие, восклицательный или вопросительный знак, иначе словно бы часть моей души пропадает...

23 сентября, 22-00. ... ах, кажется, я начал понимать, в чем дело, что со мной происходит, какая логическая невозможность меня подавляет.

Тридцать лет назад я прощался с В., она не хотела встретиться, чтобы проститься, я написал ей несколько *Писем о прощании*, она их так и не взяла. Потом я попытался написать книгу о несчастной любви, и «Письма о прощании» переписывал трижды для книги, соединив их и с теми письмами, которые писал другой, которая тоже не захотела встретиться на прощание. Ирония ли это судьбы, или фантазмагория, но В-е (той самой, которой эти письма когда-то и были посвящены), я отдал вариант этой книги, позже отвергнутой, на редактирование, она многое исправила к лучшему, но злополучные письма велела переписать, и несчастное творение в конце концов оказалось «в самом дальнем, самом пыльном ящике стола» и так в нем и останется, потому что я влюбился в другую и наступили другие письма и другие прощания, из-за которых В. теперь меня наконец жалеет! И пьет со мною на бревнышке у дома и осуждает жестоких.

Ну вот, я хочу встретиться, во встрече отказано. Я хочу написать прощальное письмо, но она мне не разрешает его писать, ей оскорбительно, что я еще ее помню и ей пишу. Но зачем мне ее разрешение? Она не возьмет мою книгу, которую я написал для нее, не прочтает мои письма – значит, их надо писать не для нее, а для той, которую она была когда-то и которую уже не станет. В нашем прошлом она была милой и нежной девочкой, которую я

любил и все еще люблю – зачем же мне разрешение другой? Может быть, просить разрешения у Бога, чтобы с нею проститься?

Та, которая сегодня, уже со мною рассталась, и я ей не нужен, но и она мне не нужна. Та, которая позавчера, теперь уже никогда меня не разлюбит, потому что я с нею остался в нашем прошлом.

Глупый я, глупый, разве она меня бросала? Бросила другая, непохожая на нее, холодная и жестокая, а она всегда была нежной и доброй. Вот что она мне писала в начале июня: *«ты самый лучший самый прекрасный ... Люблю тебя!!! Я теперь мало думаю о плохом, правда я стала другая я тебя очень очень люблю!!!»*

Моя родная! Я знал, что все те обидные слова, которые ты мне наговорила в августе, говорила не ты. Спасибо, любовь моя! Я тебя тоже очень очень люблю и всегда буду помнить! И не буду проводить черту под тем, что было, но поставлю многоточие. Это было временное падение, и я еще поднимусь!!! Наша любовь никогда не кончится, потому что если ты попытаешься меня не любить, меня будет жалеть другая. Потому что волхвы не захотят, чтобы я умер от тоски, и они мне помогут... И если тебе будет плохо, и ты без меня не сможешь жить (как ты мне не раз писала), я приду к тебе на помощь. ....

Завершение мифа. Больше не буду писать о своей любви, жаловаться на жизнь и на женщину – ибо *женщина такова, насколько ее любишь*. Я сначала думал *любить ее меньше, чтобы и ей было легче меня любить* (по слову Пушкина), но теперь думаю, что буду любить сколько смогу.

Если любовь – только порыв ветра в движении нашей жизни, то на этом все кончилось. Если же и вся наша жизнь – лишь декорации на сцене, на которой идет драма любви, то только теперь, после Пролога, все начинается!..

Но, может быть, надо написать что-нибудь умное, а не только про любовь, иначе читатель будет разочарован мною?

Читаю Бердяева, комментарии к Легенде Достоевского – нет, через эти заросли чертополоха мне не пробраться! Пытался сочинить фразу, которая бы походила на бессмысленное нагромождение слов философа, сочинил: «стояло мокрым по красному вопреки разрывам пунктиров» – увы, здесь есть образ, а надо, как у него, в каждом слове три логические ошибки, разрывы синтаксиса, пунктуации, стиля, понимания, цели и обоснования. Да таковы и другие комментарии к Мифу (а Легенда уже и сама стала мифом).

Дружба. Мужская дружба – это сотрудничество в войне, революции, путешествиях, выпивке. ... А теперь вот приходится выпивать на двоих на бревнышке с краю города или на скамеечке на монастырском кладбище... но это уже *дружба между мужчиной и женщиной*... И вот я дружу с В. (а уже в нее не влюблен, как когда-то) – и жалею ей на свои любовные неудачи, она на свои победы, приношу выпивку, а она закуску, сидим мы на бревнышке с краю города, иногда даже слушаем музыку. Нет, наши отношения неизмеримо поэтичнее мужских встреч, она восклицает «миленький, мой дорогой, мой золотой, как же они над тобой издеваются, да они дуры набитые, хочешь, я тебе найду другую, умную, правда, она... да это неважно!»

Но как бы мы не спились! К счастью, скоро уже холода, до будущего лета и новой несчастной любви придется и нам расстаться.

Прекрасна эпистолярная *дружба* с некоторыми из тех, которых я редактировал... Сколько накопело у меня против женщин, они и к растворению стремятся, и изменницы, иногда даже дуры (мужчины больше) – но нет ничего прекраснее женщины! Отличие их от мужчин таково же, как хранившегося в тереме в бочке душистого золотого вина от неочищенной самогонки или от спирта, настоящего на цыкуте –!!! (Вчера пил с товарищем цыкуту). Н.Т. читала мои стихи; Е. меня назидает, Н. утешает, Анна меня почти обняла и получила от меня высшую награду: я обещал в нее не влюбляться. Ну а *** – о ней вспоминать уже больше не буду...

И все же – *Легенда о Великом Инквизиторе*.

Да, не хотел я о ней писать, но мне нужен достойный повод, чтобы в завершение этой книги высказать несколько важных мыслей. Итак, мне кажется, что по способу понимать и мыслить людей можно разделить на три типа: *математики* – и мыслят и понимают, о чем. *Нормальные люди* – мыслят, но не понимают о чем. *Философы* – понимают о чем, но не умеют мыслить.

Кто я такой, я уже определил: полуневежественный отщепенец, бабий пророк (по слову Достоевского), но и (и это покрывает все) – Редактор! Правда, мне бы хотелось редактировать не только литературу, но и мир, но литература пластичнее, мягче, текучее, живее и поэтичнее, а мир похож на застывший бетон. Философствовать молотом я не хочу, и булыжником, выломанным из мостовой, и к "штыку не хочу приравнять перо", а "навезть новый сон золотой" пока не умею.

Сначала приведу несколько пассажей *из писем Конст. Леонтьева Розанову* в связи с предыдущим:

«Но усердно молю Бога, чтобы Вы поскорее переросли Достоевского с его „гармониями“, которых никогда не будет, да и не нужно.

Его монашество – сочиненное. И учение отца Зосимы – ложное, и весь стиль его бесед фальшивый.

Помоги Вам Господь милосердный поскорее вникнуть в дух реально существующего монашества и проникнуться им.

Христианство личное есть, прежде всего, трансцендентный (не земной, загробный) *эгоизм*. Альтруизм же сам собою „приложится“. „Страх Божий“ (за себя, за свою вечность) есть начало премудрости религиозной.»

«Хотя в статье Вашей о „Великом Инквизиторе“ многое множество прекрасного и верного, и сама по себе „Легенда“ есть прекрасная фантазия, но все-таки и оттенки самого Достоевского в его взглядах на католицизм и вообще на христианство ошибочны, ложны и туманны; да и Вам дай Бог от его нездорового и подавляющего влияния поскорей освободиться!

Слишком сложно, туманно и к жизни неприменимо.»

«Союз социализма („грядущее рабство“, по мнению либерала Спенсера) с русским самодержавием и пламенной мистикой (которой философия будет служить, как собака) – это еще возможно, но уж жутко же будет многим. И

Великому Инквизитору позволительно будет, вставши из гроба, показать тогда язык Фед(ору) Михайловичу) Достоевскому. А иначе все будет либо кисель, либо анархия...»

«Этическое мировоззрение неизбежно и всегда колеблется между двумя разными моральями: моралью внутренней борьбы (или *моралью стремления*) и моралью внешнего результата (*мораль осуществления*).»

«Религия не всегда утешение, во многих случаях она тяжелое иго, но кто истинно уверовал, тот с этим игом уже ни за что не расстанется! *И всякое сомнение, всякое невыгодное для религии философствование он будет с ненавистью и презрением от себя отгонять*, как отгоняют несносную муху...» – да, увы, философ без мучений знакомится с архаическим сознанием, но архаическое сознание безумно ревниво! Вот почему я боюсь, что и она и другие просто швырнут мне мою книгу в лицо, отказавшись ее читать.

Но так как „*Полуоткровенность и недосказанность часто большие вредят настоящему пониманию чужой жизни, чем совершенное умалчивание*“ – то и не вздумайте, что в этой книге написал я про себя всю правду!

Но вернемся к философии. Недостаток философствования состоит в том, что каждое понятие у философа синкретично, в нем несколько понятий, которые обыденный философ даже не расчленяет.

Начну со **свободы** – да ею уже и закончу, хватит и жаловаться и поучать.

Определять ее как таковую даже не буду, потому что общее определение мало говорит об отдельных типах ее, только и значащих что-то, потому что *свобода вообще* ничего не значит.

Есть *свобода гражданская*, это избирательное право и равенство гражданских прав и отсутствие преимуществ, например, возможность мне возбудить судебный процесс против государства, незаконно дважды меня осудившего. В России *гражданской свободы* практически нет.

Свобода политическая – право политической деятельности, прежде всего право создавать политические партии и иметь гарантии их защиты перед действующим правительством.

Свобода личная – она ограничивается моралью, семьей, традициями, воспитанием, культурой и государственным насилием, чаще всего незаконным. Например, укравший бутылку водки получает пять лет, укравшая пять миллионов с триумфом отпускается на свободу.

Свобода культуры, прежде всего *свобода слова*, то есть право писать и распространять книги художественного, научного и философского характера. В достаточной степени эта свобода сегодня есть, надо спешить ею воспользоваться и высказать то, что завтра сказать уже не дадут.

Духовная свобода и *духовное подавление*, зависимость от идеологии и архаического сознания. Во-первых, государство формирует удобного ему человека всей мощью насилия и воздействий, в частности и через редуцированную культуру. Во-вторых, существует множество не прямых влияний, и "зависимость от моды и молвы", и страх и стресс, и подкуп и прельщение...

При духовной власти христианства человек был несвободен настолько, что полторы тысячи лет европейской истории естественно назвать эпохой **духовного подавления**. *Духовная свобода* – это свобода критического

осмысления культурного наследия народа вкупе с просвещением и образованием. Десятилетия советской власти были по духовному подавлению сравнимы только с мрачным средневековьем и инквизицией, но превосходили их по размаху и жестокости.

Современное духовное подавление – это подчинение своей воле воображаемой ли воле Бога или реальной воле "духовных отцов" (последняя власть не всегда поддерживается даже церковными властями, но она может поработить личность и погрузить ее в извращенный и призрачный мир инобытийной действительности, как, например, увлечение спиритизмом, наркотиками, теософией и т.п.).

Впрочем, безнадежно перед каждым дорожку выстлать травкой, чтобы не преткнулся. Кто ищет преткновения, тот его найдет. Лучше уж грешить, чем стать безгрешной овечкой божией!

Увы, и гениальный Конст. Леонтьев постригся в монастырь, испугавшись сначала смерти, загробных мук, потом греха.

Что ищет и находит молодая женщина в подчинении мифу, какой грех ее страшит, почему она жаждет стать чьей-либо рабыней, я не знаю... *Богу истинному, Богу ученых, философов и поэтов рабы не нужны.*

Одно еще замечание по поводу «Легенды». И в первом и во втором искушении Христа речь идет о чуде: То камни превратятся в хлебы, то ангелы подхватят и спасут, чтобы доказать, что Он сын Божий. Но Христос отверг искушенья Дьявола, так как дорожил свободой человека и хотел, чтобы веру в Бога человек избирал сам, а не под влиянием подтверждающих сыновность Христа чудес. И Инквизитор его за это ругает, объясняя, что теперь церкви приходится брать на себя ношу чуда. Но не церковь ли сегодня источает ежегодный небесный огонь для зажжения свеч в Иерусалимском храме, и не благодаря ли таким чудесам большинство и верит в Бога? (Увы, и она...)

Вот, кажется, и все, что я хотел написать в своей книге, посвященной любви. Мужскую любовь я как будто знаю, женскую не знают даже они сами, возможно, в том самом виде, в котором мы притягиваемся женщиной, обожествляя ее, женщина любви не испытывает, но она привязывается к мужчине в семейной жизни, родовой, которая тоже имеет трансцендентный корень. Я бы поверил женской любви, если бы прочитал стихи, которые женщина посвятила тому, в кого влюбилась.

Мне такие стихи однажды были посвящены, может быть, именно поэтому та, которая мне их написала, мне столь многое прощает.

Но эта книга обо всех, и даже когда обо мне, то я "всеобщий", как и всякий поэт, а не частный. Быть может, к поэтам не следует прикладывать мерки общественной морали, хотя это не значит, что им позволительно быть безнравственными.

Противопоставление *греховной любви* Богу – роковая ошибка христианского сознания. Христианский Бог требует себе всё, и жизнь и любовь, и женщина соглашается отдать Ему всё. Также охотно она подчиняется жаждущему ее мужчине, но отталкивается от того, кто ее любит, даже если сначала все благоприятно их любви, и она испытывает к нему то самое притяжение, о котором я пишу...

О, Манон! – не готов ли уже я воскликнуть? Кажется, в её любви можно быть более уверенным, потому что эта любовь доступна и женщине.

И все же... *«Давай пойдем в ресторан летом в Петергофе и будем пить вино и говорить о поэзии литературе философии (историю к черту!!!) и даже немножко целоваться!»* – разве мне этого не хватило бы для полного бесконечного счастья! И больше ничего бы не было нужно...

25 сентября, полночь. Это не с книгой мне трудно расстаться, и я все продолжаю ее дописывать, – нет, расстаться трудно мне с *нею*...

К тому же, я все еще ищу достойного завершения, того последнего слова, которое оправдает наше знакомство, нашу дружбу и то самое всемирное притяжение, которое нас притянуло обоих, оправдает и любовь, соединившую нас хотя бы на несколько мгновений, и оправдало разрыв.

Скорее всего, мы больше не увидимся. Не будет последнего свидания, я не спрошу, что случилось, не узнаю.

Но это не так уж важно, как мне только что казалось.

Любила она меня или не любила? Но так ли важно задать ей и этот? Она, возможно, не знает сама, любила или нет... НЕ любит теперь, и сквозь теперешнюю нелюбовь видит прошлое. Да, может быть, той женской любви, которую воображает и ищет мужчина, не существует. Иначе странно было бы, что ВСЕ философы и монахи настаивают на том, что *женской любви нет*, и только я упорно пытаюсь ее найти. Влад. Соловьев соединяет женскую любовь с эволюцией и поисками «вечной женственности божией» в Боге, слишком далеко от всего женского, как согласится любой...

Но само прошлое и наши встречи и наши взгляды, разговоры и письма – существовали. И мы испытывали блаженство возвышенной и печальной любви, за которую не надо стыдиться. Мы не успели или не смогли или не захотели переступить черту, о которой договорились в самом начале, но и того, что я целовал ее пальчики, и того, что она плакала из-за меня, даже того, что я теперь из-за нее плачу, достаточно, чтобы быть счастливым. Женщина забывает прошлое... не знаю, может быть, не всегда. Нет, не сомневаюсь, что меня она сохранит, пусть сегодня и в самом последнем ящике стола.

И будет ли кого-то она любить сильнее (в том самом чувственном смысле слова, который она теперь словно бы презирает), но я останусь ее самой идеальной любовью.

А теперь скажу не только о том, что нас соединяет и разделяет, но что соединяет и разделяет на два мира нас всех.

С одной стороны люди страстей, пьяницы, картежники, даже волокиты, крестьяне, поэты, исследователи, ... люди со слабостями и грехами, живые и жаждущие жизни.

С другой стороны те, кто отказывается от всего того в жизни, что, по их мнению, греховно.

Но жизнь наполняем только мы, даже войнами и революциями, строительством вавилонских башен, иллюзиями, незаконными страстями, любовью к чужим женам и чужим мужьям, книгами, которые мы пишем, и которые не являются наставлениями праведной жизни, нашим постоянным трудом,

открытиями и прозрениями. Жизнь праведников производит впечатление НИЧТО. Ничего не горит, не взрывается, не кипит, никто не вызывает другого на дуэль, даже не сочиняет стихи, не пишет писем, все, что они делают – это НЕ ГРЕШАТ. Но ради этого они от всего отказались, ничего не делают.

Они отменили все энергии мира, отменили по мере возможностей и сам мир, тяготения в поле их жизни нет не только всемирного, но и никакого, их духовная любовь не горит и не жжет, и даже не освещает.

Читают ли они стихи великих поэтов, слушают ли романсы? И стихи и романсы посвящены той самой греховной любви, которую они отвергли.

Они, кажется – и только они – воскреснут.

Но кто из нас, живущих напряженной и наполненной жизнью, согласится воскреснуть вместе с ними, ни холодными, ни горячими, о которых сказано, что Господь исторгнет их из уст Своих?

И какая ирония судьбы для них – Спаситель приходил и в первый раз только к нам, грешникам! К нам же он придет и во второй раз, праведников спасать не надо. И от чего их спасать? У них же нет ничего, даже грехов...

Моя дорогая, моя ласточка! Спасибо, что ты была! Ты чудо, ты нежная и добрая, я к тебе был несправедлив. Много у тебя изменится к лучшему, в том числе потому, что мы были пусть на мгновение рядом.

Рад ли я, что влюбился? Я испытал и блаженство и боль, и за то и за другое я тебе благодарен. Но приходится расставаться. Так или иначе, раз уж я остаюсь жить, то на тление обречена любовь. Если бы осталась жить любовь, на тление обречена была бы жизнь.

Я часто говорю себе, что начинаю новую жизнь, бросаю пить, буду вести себя правильно... А тут вдруг подумал, а не начать ли пить? Ночью мне плохо, потому что пью вечером. Значит, надо пить с утра...

... Но вот уже третий час ночи, а у меня все еще болит сердце...

Нет, я не гожусь в учителя человечества, так как не гожусь в праведники. Многие говорят, что и книги мои несовершенны. Но ничего, я еще живой, напишу следующую книгу, она будет совершенной.

Смысл жизни в любви и заботе. Надо заботиться больше не о себе, а о других. И хватит возиться с собственной душой, возьмите хоть пряник и отнесите чужому ребенку, как делаю я, это будет благотворно для души христианина, и для всякой души...

Я засыпаю и увижу тебя во сне. Да, вот что будет непременно: ты будешь видеть меня в снах. Над снами священники не властны...

И все же, я все еще ищу достойного завершения, того последнего слова, которое оправдает нашу любовь. Сколько бы яростно ты ни отвергала ее, но было мгновение, когда и ты любила меня. *И все же утешения я не нахожу...*

26 сентября, утро. Ненависть к жизни, к любви и к душе, противопоставление их духу, который единственный отождествляется с истиной и Богом, роднит и блаженных Августина и Иеронима, и преподобного Игнатия, и пламенных нынешних проповедников святости, недавних комсомолок; исток этой ненависти в разочаровании и в страхе жизни и смерти.

Отец церкви Тертуллиан (2 – 3 век н.э., «О свидетельстве души») писал: «душа обыкновенно становится христианкой, а не рождается ею» (что комментаторы переиначили в противоположный афоризм «душа по природе своей христианка», впрочем, не противоречащий контексту его сочинения).

«Откройся нам, душа! ...– сошла ли ты с неба или возникла из земли, составила ли из чисел или атомов. начинаешься ли вместе с телом или входишь в него потом, – каким бы образом ты ни делала человека существом разумным, более всех способным к чувству и знанию.»

«Природа – наставница, душа – ученица. Все, чему научила первая и научилась вторая, – сообщено Богом, а Он – Руководитель самой наставницы.»

Как мы видим, ученики античных философов еще не отвергали ни жизнь, ни философию, ни разум, ни чувство, ни природу, ни душу.

Но и философы меня не утешают...

Я *ее* не вижу сегодня ни в настоящем, ни даже в прошлом, словно мы никогда не встречались и ее больше нет. Не чувствую не только взаимности, которой, возможно, не было, но и со-чувствия, которое соединяет многих, и со-бытийности, со-существования, словно *она* отделилась от меня самым способом жить, словно я чужой ей настолько, будто мы уже созданы разными богами и из разной материи.

Значит, не только *ее* вражда нас разделяет, а что-то еще хуже...

Я могу приблизить ее к себе только в примирении и сострадании. Люби кого и как хочешь, стремись к тому, что тебе кажется достойным; если я почувствую некий порыв твоей души (от которой, надеюсь, ты еще не совсем отключась), просьбу о помощи, сочувствии – я отзовусь таким же порывом. Большого я уже не могу, потому что христианское небытие меня победило. И хотя со мною и музыка, и поэзия, и литература, и философия, и природная и человеческая красота и величие, со мною сама способность к любви, сочувствию, подвигу – но меня победила ненависть к человеку, утверждение, будто бы все человеческое – ничтожно и омерзительно: одно это простое утверждение, пронизывающее «духовную литературу», уничтожает все наши усилия любви и преображения мира.

Но я смирюсь, не буду любить, помнить, негодовать... *Обида* за незаслуженное мною унижение еще точит сердце, она пройдет... Но есть чувства, которые и христиане не посмеют отвергнуть, и они тоже любовь, их я оставлю вопреки всем глупым требованиям капризного ребенка: это *благодарность* и *нежность*. Я сохранила их в своей памяти и они меня, возможно, утешат.

Прости меня за это последнее, что нас еще связывает, вопреки всему!

Возвращение средневековья. Сегодня в Питере съезд православных врачей. Постановили, что перед операцией надо советоваться с батюшкой, и ребенка окрестить и нарисовать фломастером на груди его крест.

Тщетно было Возрождение, Просвещение, освобождающие человека из духовного рабства, жестокие революции, разрушившие сословное неравенство, мы возвращаемся в то старое религиозное мракобесие, в ту старую «кабалу святош», за освобождение от которых заплатили столь высокую цену.

27 сентября 2015, воскресенье. Дописываю последнюю страницу, сказано уже все, что я хотел сказать, и не сказано ничего. Все было как всегда, все та же боль, разочарование, недоумение и непонимание... Для того ли только приходили волхвы, чтобы подвинуть меня еще на одну бестолковую книгу, еще на одну мучительную любовь, еще на один провал в никуда?

Смысл любви не в обладании и не в наслаждении, говорит Вл. Соловьев, а в преодолении эгоизма, в выходе за пределы собственного я к *другому*, в преодолении пропасти между ними (как это далеко от христианства, сосредоточившегося на спасении собственного я, с их вечным рефреном «начни с себя», с их пренебрежением и мира и жизни ради веры и любви к Богу!)

И я идеально соответствовал его формуле, влюбляясь не для себя, не для своего наслаждения, а для преодоления *её* смятения и тоски. Быть может, иногда и я стремился к тому, чтобы испытать блаженство взаимности, любил и для себя – но жизнь тут же меня исправляла, и снова всем смыслом моей любви к ней становилась забота о ней, желание ее защитить. Но кончилось наше взаимное притяжение бесславно, унижением и ненавистью.

Мой ангел, отказавшийся от меня – для Бога ли, для мужа, для страсти! Ты уже согласилась с «рабы, повинуйтесь своим господам!»? Ты уже ненавидишь полнокровную жизнь во имя «жизни аки во гробе», так тебя запугали грехами? И ты уверена, что твой страх выше недавней нашей любви?

Вчера слушал романсы, пел Шаляпин... *«Как сон, неотступный и грозный, Мне снится соперник счастливый. И тайно и злобно Кипящая ревность пылает.»* Но это плохо, и я думаю, вдруг *«Минует печальное время, Мы снова обнимем друг друга, И страстно и жарко Забьется воскресшее сердце!»*?

Нет, не обнимемся. И сердце уже не воскреснет и не забьется...

Ставлю последнюю точку. Попробую в чем-то стать лучше, поэтому бросаю пить, вспоминать о тебе и плакать по ночам тоже больше не буду. Но где же любовь, о которой говорила Анна, и которая *больше, чем жизнь* – а тогда уж больше и всего остального, того, что заключает в тенета, как пташек, слабые женские души? Или такой любви нет, или женщина к ней не способна?

Устал... От книги, от жалоб, от писем к тебе... А сколько очарования было в наших встречах! Какая ты была красивая, нежная, милая и милосердная! Прости, что я не сумел стать для тебя тем, без кого и впрямь ты не смогла бы жить!.. Но не буду тебя укорять, досада и боль забудутся, и я тебя буду вспоминать с благодарностью. Может быть, вспомнишь меня и ты...

29 сентября, воскресенье. То, что я отщепенец, и во многих отношениях хуже других или не лучше, несомненно, я это знаю и сам и сквозь завесу текста проглядывает тоже. Но в то же время я и в самом деле один из лучших, то есть даже лучший – в том смысле, что не выстраивают же всех лучших толпою, а общаются с ними индивидуально, или их книги читают, и восхищенная восклицает, оглядываясь окрест себя: *Васенька, ты – лучший!*

Но я обычно стесняюсь сие выставлять напоказ, а теперь вижу, что в философских соображениях или при столкновении идей мне не надо стесняться превосходства в том, что важно при доказательстве теорем, а указывать на него

как на важный довод, иногда необходимый, иногда решающий (хотя я знаю, не забываю, повторяю, что *я на плечах великих*, по выражению Коперника, – и Пушкина, и Толстого, и Достоевского, и Вл. Соловьева...).

Христианство не абсолютно цельно, оно противоречиво, что и, во-первых, позволяет ему и как мифу, и как эпосу, и как идеологии не потонуть среди противоборствующих идей.

Чем жива женщина, а вместе с нею и мир в целом? Она жива рождением детей, любовью к ним и заботой, и в связи с детьми всем тем, без чего их не вырастить, то есть и той ли другой ли любовью к мужу и любовнику, вероятно, совсем не такой любовью, какую мы от них часто ждем, но что именно они в любви ищут, не будем больше у них спрашивать, я боюсь, что кроме лжи ничего не узнаем (возможно, потому, что они сами не понимают, чего им все таки надо!) И все же именно дети – весь важнейший смысл жизни женщины. А что проповедует христианство? Мужчине велит к женщине не прикасаться, и вместо восхищенных слов преподносит ей зеркало, в котором она должна увидеть себя как «сосуд дьявола», идеалом жизни для нее выставляет *девство* (и не только сумасшедший Иероним, но и все христианские писатели, кроме Вл. Соловьева), и естественную любовь всячески порочит, восхваляя, как разочарованный Игнатий, любовь *бесплодную и бесплотную* к отвлеченному образу «ближнего», точнее, к образу Божию в этом отвлеченном символе. Христос никого не обнял, ни разу не взял хотя бы чужого ребенка на руки, не говорил с детьми, матери и родным предпочел учеников (то есть, единомышленников, товарищей по партии, как и Ульянов, создавший миф большевистский, и смыслом жизни объявивший уничтожение *всех, кто не с нами!*) [прочитайте, например, о большевистском вожде яростную книгу Владимира Солоухина!!!]; а что христианская литература, а что церковь, а что ее поучительная педагогика, направленная на воспитание христианина? – ею является культ святых, есть там и женщины, одни из них остались в девстве, то есть исполнили предписанный христианскими учителями идеал, другие, напротив, пускались во все тяжкие, чего даже я не желал им, но покаялись и вернулись к Богу – но важно то, что ни одна и из этих не стала рожать и работать и воспитывать детей!!!! Итак, идеал христианки – бесплодная и бесплотная, или дева, или бывшая потаскуха.

Но противоречие заключается в том, что когда-то и Сын Божий взалкал, и обратился к смоковнице, и не найдя на ней плодов, ее проклял.

Так справедливо ли выставлять перед женщиной идеалом *сухую смоковницу*, которую и Бог в конце концов отвергает?

Второе противоречие, не менее существенное, заключается в том, что вся сумма поучений, выставляемых Священным Писанием в качестве цели христианской жизни, плохо соотнобразуется с тем, к кому и во имя чего приходит Христос. Ветхозаветный Закон, им, якобы, подтвержденный, ориентировался на праведников и на людей добродетельных, в том числе на книжников и фарисеев, но пришел Он, как заявил, к *грешникам*, и только с ними и еще с простыми необразованными людьми (грешниками или нет, не ясно) и водился, им и отдал свои симпатии, даже на смертном Кресте избрал разбойника, одного из двух.

Толпа верующих, заполняющая пространство нашего спора, включает и грешников, и людей со слабостями, но преимущественно состоит из тех, кто думает, что нашел **истину**. Во-первых, это духовенство, в том числе и те батюшки, по слову которых благонамеренная женщина и будет огньне жить, спрашивая у них, в том числе, *можно ли ... и с кем ...* (Бесстыдница! Нашла о чем спрашивать!) Во-вторых, богословы, христианские философы и писатели; и я думаю, кто же из них потащит меня на костер?

И в третьих, бывшие грешники, кои полагают, что теперь уже, осудив свои грехи, они имеют не только право, но и обязанность поднять на меня карающую десницу или хотя бы несколько веточек из вязанки.

И противоречие, ими не отмененное, в том, что хотя спасется только малый остаток *избранных*, и Сам Христос и изберет их (и нельзя с уверенностью сказать, что только тех, кто во всем покаялся, перестал жаждать и уголять жажду жаждущих, такого определенного заявления не было), но спасусь я или нет, изберет Он меня или нет, но пришел, несомненно, Он ко мне, грешнику.

И почему именно ко мне, следует еще из одного, о чем скажу.

Следующее противоречие, важнейшее и неустранимое, состоит в несовпадении надежд и **побуждений** многих из тех, кто обратился к христианству, с тем, что оно ему обещает. Обратились же к христианству испугавшиеся и разочарованные, люди с разбитыми сердцами, отравленные горечью и изменой.

Конст. Леонтьев об этом пишет, еще в сорок лет вдруг он пережил приступ холеры и почувствовал, что несомненно умирает, и воззвал к Матери Божией и мгновенно воскрес. Но с тех пор «страх божий» стал источником и двигателем всего его христианства, которое он проповедует, и христианской любви.

Страх смерти испытывал и я не один раз, и хотя я человек слабый, и броситься, как Сенека, на меч не смогу, но все же из-за крестьянской что-ли природной основы во мне, но сыграли значительнейшую роль в моем спасении не чувства христианского смирения и покорности, а обращение к тем, кого я люблю, и их незримая помощь – Непокорность и Любовь.

Страх смерти определяет чувства многих верующих, но кроме Леонтьева все они мне не интересны, гораздо интереснее **разочарованные**, люди с разбитыми сердцами, они и находятся в основании, становлении, развитии и существовании Мифа.

Не от одного меня сбежала женщина с *проезжим офицером*, даже не оглянувшись, не помахав рукой на прощание, не спросив и прощания, не испытывая ни угрызеный совести, ни милосердия, а только ненависть, презрение и раздражение (и хотя среди них и те, кого я еще жалею, кого защищаю, кого даже все еще люблю-ненавижу, и Наташа Ростова, не сумевшая, правда, убедать к Анатолию Курагину, и Анна Каренина, и Настасья Филипповна, и госпожа Сорель) – но чувства обманутых и покинутых я понимаю, особенно тех, кто вправе был рассчитывать хотя бы на их признательность...

И первый среди них сам Творец, сотворивший совершенную Еву, свою ученицу, дочь, возлюбленного дитя... не свою ли и женщину? Ибо не все то случается, к чему мы стремимся. Разве я собирался влюбиться в страдающую женщину, которая встретила со мною как ученица, ранила сердце состраданием... и далее вы всё уже знаете?

Он насадил для нее райский сад, окружил теплом и заботой, не заставлял трудиться, одеждою ей служило то самое, что и прекрасной Лилии, то есть ее красота (а совершенная красота обнаженного женского тела целомудреннее всякой одежды, и христиане и женоненавистники обокрали себя, они не способны испытывать восхищение при лицемерии женской красоты, созданной, кстати сказать, совершеннейшим скульптором, то есть Богом!)

И чем отплатила Ева, мы знаем. Но и Творец был безжалостен, Он ее изгнал из отчего дома, и ждет, когда она к нему приползет на коленях, покается и пообещает более не сбежать...

Почему не влюблялись в женщину и не заводили семью создатели христианского мифа, в частности Савл и Симон, ставшие апостолами, Павлом и Петром, мне неизвестно. Но что *бесплодность и бесплотность* Мифа неотделимы от отчуждения от женщины, и само мировоззрение основывается на ее отвержении – несомненно. (Однако в толпе верующих женщины преобладают. Что им надо среди тех, кто ими не восхищается? Кто не пишет для них стихов и романсов, не стоит перед ними на коленях и не проливает из-за них горячих слез? Узнаю ли я эту тайну когда-нибудь?)

Среди христиан блаженный Иероним (о блаженном Августине боюсь говорить положительно), преподобный Игнатий (Брянчанинов) и Вл. Соловьев, и причина их обращения мне, кажется, понятна – *несчастливая любовь*.

Я из-за *неё* от христианства отвратился, они из-за "*нее*" к нему обратились, разочаровавшись в женской любви. (Или в чем же они разочаровались?)

Игнатий (Брянчанинов): «Пламенная естественная любовь легко обращается в отвращение, в непримиримую ненависть.

.... Естественная любовь доставляет любимому своему одно земное; о небесном она не думает. [Плохо ты сам любил, Игнатий! Не возвышенно, эгоистично. Какова же любовь, таковы и плоды ее. Или человечество и в самом деле так омерзительно, как говорят христиане? Нет, это неправда, это вам надо исправить зрение, нужно сеять новые очи для ослепших!]

Она враждует против Неба и Духа Святого, потому что *Дух требует расстятия плоти*. (А кто же будет пахать и сеять?)

Она враждует против Неба и Духа Святого: потому что находится под управлением духа лукавого, духа нечистого и погибшего.» Ах, Игнатий, Игнатий! Все то, что в нас с тобою несовершенно, проистекает из того, что человека мы любим слишком «самолюбиво» Любовь «находится под управлением духа лукавого, духа нечистого и погибшего»? А куда же ты смотрел? Нашей любовью руководит кто попало, то «дух нечистый», то «чрезмерно чистый» (коему канонически не положено вмешиваться в жизнь прихожанина, а только исповедовать грехи и отпускать их – да ты и сам брату своему советовал не слишком сближаться с лицами духовного звания в наш век лукавый и неверный, и еще писал: «...уклонись от последования наставлениям самообольщенных!») – чьим же наставлениям ты сам последовал?)

Разочарование в Еве – исток христианской церкви. Но что ведет туда современную Еву? Или она разочаровалась в самой себе? Или в своей любви?

Вернемся же к противоречиям христианства.

К Христу и церкви обращаются за утешением, и на воротах храма написано: «Придите ко Мне, страждущие, и я упокою вас!»

Чем и когда? Обещанием воскресения за гробом.

А в этой жизни, в которой нам еще предстоит пахать и сеять, рожать детей и воспитывать их (ибо мы не христианские святые, питающиеся акридами, и не монахи...), каждый находит, вероятно, что-то свое, и утешается, но кроме обличений земной жизни, которыми невозможно утешиться, я ничего не увидел – посему не все находят в учении об отрицании жизни и любви утешение – кроме, возможно, «людей лунного света».

И все же, утешает ли церковь, нет ли, но в ней ищут страждущие утешения – не находящие его в творчестве, труде и культуре. Но не те ли, для которых и труд – не радость, и творчество бесплодно, и культура немощна?

Правда, бесплодно перечислять и противоречия, они сопутствуют всей жизни и личности каждого человека, и ни одно из них я разгадать не смог.

Нас долго муштровали, и вот мы и во сне и наяву знаем, что самодержавие тюрьма народов, человек был в рабстве у богатых, Россия – нищая страна сохи и лаптей – иначе бы мы не примирились с той нищетою, в которой влачили воистину жалкое существование в течение десятилетий. Однако в девятнадцатом, нам ненавистном, веке, когда и случился промышленный и культурный расцвет Российской империи, умами и душами владело христианство; после обожаемой Революции пришла Советская власть, которую средний современный человек обожает так же страстно – но эта власть уничтожила три четверти храмов, остальные превратила в соляные склады, священников зарывала живьем в землю, каждый пионер смеялся над тупостью своих бабушек, верующих в Бога – и именно этот прошлый пионер сегодня молится большевикам и Христу – так, может быть, христианство и большевизм не так уж противоположны? Но все же эту апорию Зенона я объяснить не могу. Впрочем, объяснить не могу я почти ничего: вчера *она* клялась мне в вечной любви, сегодня пишет, что моя любовь ей ненавистна... Да что женщина?! Солнце залило светом комнату, и я, радостный, собрался на улицу: Выхожу, небо уже заволочло тучами, хлещет холодный осенний дождь. Не об этом ли и пишет разочарованный Игнатий? Спрятавшийся в монастырь? Или, лучше сказать, во гроб? Упрятавшийся туда и любовь свою, и своих не рожденных детей, и свой талант математика!

Ругают меня, и поделом, что не могу вместить несказанное в немногие строки – да, плохо. Но пытался читать Иоанна Златоуста (Золотые уста), один его том (из четырех) посвящен словам апостола Павла, что Дух Святой есть свет. Да, согласен. На 327-ой странице я уже начал в том сомневаться, увидя, что впереди еще триста страниц доказательств. Но, разумеется, дело не в количестве слов, а в любви. Когда-то девушки меня слушали по нескольку часов, и им не было скучно (кто был влюблен и еще не начал думать, что земная любовь – это мерзость, и не начал искать любовь духовную, как Игнатий, тот меня понимает. Но разве еще в июне не проговорили мы с *нею* кряду три часа бог знает о чем, и не были счастливы?)

А сегодня не шарахаюсь я от любви к ненависти, и не все ли в ней меня раздражает? Как и ее? Освещающую светом и мое деревенское затворничество, а потом, идя ко мне на свидание, опомнившуюся в объятиях другого?

Но отсюда, из разочарования, путь к христианству самый постыдный и жалкий. Есть еще долг. И есть любовь. Христианство отменило любовь материнскую, но оно отменило и любовь к Родине, к культуре, к жизни, оно отменило Бесконечность, широчайшее пространство бытия, отменило Любовь не в ее узком значении слияния и жажды такого слияния, но и в ее широком, вмещающем в себя всю широту жизни.

Возможно, я непонятен человеку городскому, взошедшему на асфальте, где ночью не поет соловей, не цветет гречиха, заливая запахом как светом поля, где не потеют на поле косарь и жница (а и мне еще привелось косить), где девки не бегают на танцы в полночь, а в четыре уже на поле, но даже не устают, где заливается гармошка, и вторят девичьи голоса, где ночью ворочается и вздыхает корова в хлеву, звенит струя молока о поддоник; ровно дышат две молодые сестры, прибежавшие с танцев, и пришедшие спать ко мне на сеновал, а я не спал, их дожидаясь, потому что мне пятнадцать лет – не знаю, какую «похоть плоти» проклинал апостол, я еще был весь из небесного духа, но эти сестры меня волновали, как позже Шопен и Рахманинов. Которые тоже не нужны взыскующим духовной любви.

Или все дело в узости личности? Не может душа вместить мир, и либо душа проклята, либо мир, или все вместе!

Миф и пустыня отвечают друг другу, вот почему – не потому ли? – «блаженны нищие духом и их есть царствие небесное»; – в величественной сибирской тайге, под яркими августовскими звездами, когда мы ходили в кедрач за орехами и оставались на ночь лущить кедровые шишки, с нами разговаривал другой Бог, влюбленных и поэтов, и «в небесах было воистину торжественно и чудно», и даже блестящий «кремнистый путь», и даже таежная тропинка, не говоря про ночной костер и крики неведомых птиц над головами – все было так живо и прекрасно, что смерти воистину не было, – и кто мог бы подумать, что *лучше жить аки спать во гробе?!*

Я не сумел объяснить, что такое любовь, это лучше удастся романистам – но и у них она разная – но многое, что в нее входит, и что часто не замечает человек, устремленный к цели, будь то наслаждение земным или небесным, я ясно вижу. В любви целеустремленной принижает ее вот эта суженность устремления, будь то по Шопенгауэру поиск самкой лучшего для потомства самца (ах, и восхищаются же таким философом многие, и сколько же восхищаются всякой чертовщиной и галиматьей, от сведения человека к условным рефлексам до сведения его к классовой борьбе или к погоне за прибылью!), будь то поиски Бога с помощью батюшки, без концертного зала, театра, детей, подруг, черемухи и поцелуев, будто Бог сторонится всего человеческого и прячется в специальных молитвенных зданиях...

Крестьянская жизнь и крестьянская любовь вмещают что-то воистину плотяное в самом житейском смысле этого слова, и когда мне случалось вкушать обед вместе с женщиной или девушкой или девочкой, которые мне

нравились, я умилялся их поведению. Они были сосредоточены на том, кого привлекали к вкушанию, разливали в тарелку борщ, приносили нарезанный хлеб или просили меня его нарезать, вытирали полотенцем ложку и садились напротив, глядя пристально, доволен ли Я угощением. Мне иногда казалось, что это особая форма их поцелуев, она умиленно смотрит на меня, как на своего ребенка, которого кормит грудью. В последний раз так кофеем угощала меня Анна, но перед тем она даже хотела сварить для меня суп.

Я понимаю, что я для нее случайный прохожий, возможно, она меня давно уж забыла, но все же – пока я пил ее кофе, она меня любила больше всех!!!

Сегодня хотя воскресенье, но вчера был понедельник и я рано утром уехал в деревню, жена мне дала в дорогу завтрак, чтобы, приехав, я его тут же разогрел и съел. Позже я сварил суп, а вечером ел ее завтрак снова. Она приедет ко мне в пятницу, надеюсь, до пятницы этого завтрака хватит.

И что мне в ее клятвах в любви (впрочем, она не клянется), если эта клятва сильнее всех клятв, хотя она НЕ духовна, это обычный завтрак, который любящая женщина дала своему мужу в дорогу. (Какой же дух ищут будущий епископ и вчерашние комсомолки? Если и хлеб и вино символизируют плоть и кровь Спасителя? Если в человеке плоть нельзя отделить и от души и от духа и невозможно в нем указать, вот это, мол, дух, а вот это душа... Разделение их и приводит к религиозному мракобесию и «кабале святош», потому что ни крестьяне, ни работники фабрик не имеют времени на эти глупости, а только те, кто не работает и живет за счет трудящихся.)

И так же меня умиляла и в моей милой забота, она приносила мне на праздник и на День рожденья подарки, пока и я не опомнился и не подарил ей свои книги (но их ей велели выбросить на помойку!).

Христианство противоречиво, и только это отчасти еще и делает его живым, хотя почти ничего в жизни оно не принимает, ни избирательной любви к человеку – пусть и не к женщине, а хотя бы любви-дружбы, но не к образу Божию, и не ко всем вместе взятым без различия, но к отдельному, избранному; ни любви и заботы о детях, ни пристрастия к вину (у меня еще рюмка осталась, пойду-ка я с горя ее шаракну!), ни к игре в карты (а как бы мы жили без «Пиковой дамы» и без «Игрока»?); ни любви к математике или к чему-то еще вроде нее, например к философии; ни страсти «Скупого рыцаря», ни нелепейшей страсти «Дон-Жуана» (и нет никого противоположнее мне, я вот даже изменницу оплакиваю уже полгода и не могу утешиться! (И даже к обаятельной женщине Анне ходил не за тем, чтобы на нее посмотреть, а чтобы испросить слова утешения!)) Кого же любит христианин кроме Бога, если и в мифическом «ближнем» он любит только образ Божий? И не особенная ли это форма любовной мании, заменившей несчастную любовь к женщине?

Но противоречив и человек. Миф, в котором только один Герой со своей драмой – изменой его творения Творцу – он сделал смыслом и содержанием всей своей жизни, отодвинув в сторону всё – труд, творчество, искусство, науку и философию. Что я могу понять в таком человеке?

Но Бог мне понятен, и меня тоже бросила моя Ева, женщина, которую я хотя и не создал, но в которую вместил самого себя, и она меня любила, она клялась мне в любви, она восхищалась мною, как и я восхищался ею.

И теперь я создаю свой собственный философский эпос, в котором содержится только драма брошенного творца – но хотя бы на время отодвинет ли мой читатель в сторону свою жизнь, чтобы его прочитать?

Многое, что пишется на «духовную» тему, пишется ни о чем, не только бессодержательно, но и засоряя душу. И удивительно, что мною двигала тонкая интуиция, благодаря которой я читал лучших авторов (и многих из них издал, например, «Письма о девстве» безумного Блаженного Иеронима); читал и «Аскетические опыты» преподобного Игнатия – не для того, чтобы мы стремились *для Бога стать скопцами* (надо ли это Богу? Насколько я его знаю, ему это *нафиг*, а знают ли Его лучше другие, чем я, я в том не уверен), но чтобы понимать душу человеческую и в ее предельных состояниях (а математик подтвердит, что без этого вообще ничего нельзя понимать).

Я издал Сенеку («О краткости жизни»), хотя и не христианскую, но важную для понимания в том числе и христианского страха смерти. Издавал христианского философа Карсавина (ничего в нем не понимая), но еще важнее, что я издал последнего из античных философов, Дионисия Ареопагита, еще умеющего философски мыслить, а не повторять, комментировать и славословить Текст Нового Завета. Издал несколько Житий (в частности, протопопа Аввакума и Боярыни Морозовой). Издал семь номеров журнала «Мера», в котором было немало публикаций неизвестных прежде текстов философов и богословов... И если бы я был только издателем (не говоря уж про издание Радзивиловской Летописи), то и в этом случае, как сказал покойный Саша Михайлов, мне надо было поставить памятник, а не сажать в тюрьму, как поступило безумное Российское правительство, перед тем меня нагло «кинувшее», как говорят менты и воры, «на большие бабки».

... Итак, с христианством я простился. Простился ли я с *нею*?

Может быть, лучше было бы ничего не писать... После того, как я целовал ее рукавички, восхищался ее нежностью и деликатностью, заботой, боязнью обидеть меня или близких (она постоянно о том беспокоилась), теперь я пишу о ней отчужденно и даже сердито... И меня это тоже унижает, как будто теперь и я предаю то прошлое, от которого она отреклась. Зачем?

Она запретила писать ей письма, звонить по телефону, я начинаю ее забывать, и скоро забуду совсем – как и других.

Но не следует ли из этого, что и любовь – случайный порыв ветра, колебание пламени, мимолетный сон? Она забыла мгновенно, я – медленно, но разве это не одно и то же? Не оскорбительно ли говорить «люблю», если уже завтра трудно будет вспомнить, кому это говорил? Если женщина не хочет хранить прошлое, потому что она живет настоящим, то ведь и мужчина от него отрывается? – пусть и вынужденно? А значит, ничто не ценно...

Оглядываясь на свое прошлое. Многое и многих я любил, во многом разочаровывался – и немалых усилий требовала от меня жизнь, чтобы с *нею* примириться, и если я вопреки всему был счастлив, то потому, что был обращен к миру, ему отдавал и свою страсть, и нежность, и сострадание. И все же часто горечь переполняла мне сердце. Но как же христианин удается жить и быть счастливыми – исповедуя такую веру и погружаясь в нее? Сужая себя до Прямой линии, соединяющей две точки: Рождение и Смерть?

Итак, Ева (которую я любил отчасти как женщину, но более как свое дитя) меня покинула. Музы ко мне не приходят тоже, хотел закончить книгу стихами, не смог написать ничего стоящего. И волхвы ушли тоже.

Что такое любовь, я не знаю, хотя говорю, что *смысл жизни в любви и преображении мира* (имея в виду ту самую любовь, которую испытывают все, но которая относится к человеку и к тому, что с ним связано, но не относится к Богу). Так что же, я побежден? Да. Мы больше не встретимся? Да.

Эх, Ева, Ева...

Может быть, я еще напишу какую-то другую книгу, и жизнь продолжится? Разве я не люблю свою жену, семью и друзей, Россию, культуру и мир в целом? Разве *всемирное притяжение любви*, захватившее меня, как буря захватывает все, что у нее на пути, отменяет всю остальную мою любовь? Нет! *Я не оставил мир и все, что в нем люблю – так, может быть, и мир меня не оставит?*

30 сентября 15г., среда. Возвращение к себе. Спал плохо, но сегодня обещают солнечный день. Нужно сегодня закончить эту книгу, хватить заниматься только собою! Я не христианин, чтобы вечно толочь в ступе покаяния свою и так печальную душу. Да, «во многом знании многая печали», но я не хочу себя променять на *нищих духом* и припасть, как котенок, к чашке с молоком, более ничего не видя и не хотя видеть.

Я все еще надеюсь. Прежде всего надеюсь на то, что мне еще удастся хоть что-нибудь в этом мире изменить к лучшему, помочь хотя бы немногим – и не забота ли о мире и о тех, коих я люблю, все же во мне главное, а желание ответной любви, признательности, благодарности – вторично?

Принимаю ли я что-либо в христианстве?

Христианская любовь, отменяющая человеческую и призывающая на нее ненависть правоверных – это первое, что я не могу принять.

Сужение любви до преданности одному только Богу и в человеке принимающее только какой-то малый остаток, если вычесть из человека и плоть и душу – это второе, с чем я не примирюсь.

Война с разделением человека на мужчину и женщину, ненависть к женщине и к ее красоте (а что лежит в основании войны с человеческой любовью, сказать трудно) – это третье.

Ненависть к культуре или частичное только примирение с нею...

Отвержение труда и творчества и познания...

Повеление подчиняться власти и господам, служа им в умилении сердца...

Запрещение изменять сей мир к лучшему (а это не связано ли с тем, что эта земля – наша родина, но те, кто ее ненавидит, родиной мнят нечто иное?)

Я болен. Духом пал. Душа,

Пожалуй, не на месте.

Как долго Долг пеняет Чести! –

Все плохо. Жизнь не хороша.

Так что же – в омут, в монастырь?

Нет! Снова в путь: перо, лопата,

Любая жизнь, любая плата –

Тяжелый труд, тюрьма, Сибирь...

Простите все: я виноват,
 Я слишком был собою занят.
 Пойду на запад, на Закат –
 Пусть даже он меня обманет.
 Эх, Ева, Ева!.. Мы равны,
 Я принимаю плод твой с древа.
 Ужели снова только сны?
 Как соблазнительна ты, Ева!

Христос разделил народ надвое. Я всматриваюсь в человека и, как Толстой, беру лист бумаги, провожу вертикальную черту и слева (куда он относил книги, которые надо сжигать) вписываю нехристиан, справа – христиан.

Итак, слева Жанна Д*Арк (не по формальным признакам, а по действительности, противоречащей христианству), Шекспир, Коперник, Вольтер, Пушкин, весь русский девятнадцатый век в сфере труда и культуры, все революционеры, первопроходцы, Магеллан, Ермак, Суворов... все воины, все защитники отечества, кроме крестоносцев, почти все ученые, *почти все распутницы*, почти все актрисы, многодетные матери, почти все поэты и философы, даже Вл. Соловьев и ставший ягненком Лев Толстой и мечущийся Розанов...

Справа апостолы, отцы церкви, богословы, святые (и то и протопопа и боярыню сюда причислить нельзя), Иероним, Игнатий, Конст. Леонтьев, Серафим Саровский, Победоносцев, Иоанн Кронштадтский, ... Выпить не с кем, поговорить по душам не с кем, соблазнять некого. А главное, почти никто из них не работал, не доказывал теорем, не совершал научных открытий, не пахал землю и не собирал урожай, не оставил почти никто из них детей, не влюблялся до безумия, не защищал честь на дуэли, даже, возможно, и не целовался...

Православные врачи велят крестить младенцев, прежде чем их спасать. Нет, это не врачи. Да и родители крестят своих детей без спросу – так ли Иисус заботился о свободе человека?

Бывало не раз – разговоришься в дороге с человеком, ничего о нем не знаешь, и уносишь о нем воспоминание как о сердечном и добром... или умном и знающем... или красивом и обаятельном. А марксист ли он, христианин, иудей или огнепоклонник, исламист или сам по себе, об этом я почти никогда не спрашивал, если только разговор сам не соскользнет на такую тему. Я был всегда человеком соединения, и не обещал разделить сына с матерью, жену с мужем, даже никого не уговаривал идти к Богу, отделившись от людей, или отпасть от Бога. Со всеми я готов был идти то поприще, по которому они уже шли, если надо было их поддерживать.

И я никого не бросил, не говорил, что вот с этими я уже не буду встречаться – но если бы *ты* вдруг вернулась? Боюсь, что теперь нам обоим было бы слишком тяжело. Простим друг друга, не спросим чужого совета, мы *лучшие*, если на нас излилась способность любить хотя б на мгновение.

Но ниже я все же оставлю одну строку *неизвестному времени*...

.....

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРОЩАЯСЬ С ПРОШЛЫМ

30 сентября, Я в деревне, уже похолодало, лето прошло, на которое было столько надежд: не случилось ничего из того, что она обещала, никуда мы не съездили с "моей милой", не сидели на берегу за столиком в кафе и не смотрели на Финский залив, не гуляли в Павловске, не сидели на той скамейке, на которой весной были счастливы, и даже, кажется, ни разу не встретились хотя бы в метро... Пока девушка или женщина ничего не обещает, можно еще надеяться, но если ее обещания радужны, стоит готовиться к расставанию...

Девятнадцатый век был веком изысканности и благородства, поэтому даже христианские проповедники не решались поносить женщину, образ которой царствовал в поэзии, в романсе, в балете, в театре и на балах и вечерах в высшем обществе. Но сущность монашеского христианства была неизменна, поэтому поношению предавалась не женщина, но те отношения, которые ее связывали с мужчиной, прежде всего *любовь*, которая «враждует против Неба и Духа Святого, потому что находится под управлением духа лукавого, духа нечистого и погибшего» и «легко обращается в отвращение, в непримиримую ненависть». Естественно, что христианин, «ощутивший любовь духовную, с омерзением будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви». (Игнатий Брянчанинов).

Книги, которые пишет писатель или философ, очень часто соответствуют важнейшим трудностям (или *проблемам*) его жизни. Так Розанов, обвенчавшись с Полиной (Аполлинарией Суловой), которая от него сбежала «с проезжим офицером», жил в гражданском незаконном браке с Варварой Дмитриевной Бутягиной. Но поскольку «что Бог сочетал, того человек да не разлучает», то он не мог взять ее в *законные жены* (сколько ни обращался с просьбой в Духовное управление), потому что дети его были незаконными, сие привело наконец Розанова в ярость, и он написал одну из гениальнейших своих книг «Люди лунного света», посвященную исследованию любви в христианстве.

Уместно здесь сообщить читателю обстоятельства его смерти: После большевистской революции он нищенствовал, голодал, и в конце 1918 года обратился со страниц своего «Апокалипсиса» с трагической просьбой: «*К читателю, если он друг.* – В этот страшный, потрясающий год, от многих лиц, и знакомых, и вовсе неизвестных мне, я получил, по какой-то догадке сердца, помощь и денежную, и съестными продуктами. И не могу скрыть, что без такой помощи я не мог бы, не сумел бы пережить этот год. <...> За помощь – великая благодарность; и слёзы не раз увлажняли глаза и душу. «Кто-то помнит, кто-то думает, кто-то догадался». <...> Устал. Не могу. 2–3 горсти муки, 2–3 горсти крупы, *пять* круто испечённых яиц может часто спасти *день мой*. <...> **Сохрани, читатель, своего писателя**, и что-то завершающее мне безжития в последних днях моей жизни.»

Почему я начал писать «Любовь как всемирное притяжение»? Моя ли любовь послужила причиной этой книги, сама ли книга стала причиной любви, но так или иначе, они неразрывно связаны. И неотделим от обстоятельств моей жизни тон и пафос моего «Развода с христианством», который я задумал

давно, и предполагал написать в умильно-сентиментальном освещении. Я давно уже сам по себе, не обращаюсь к церкви, когда-то, в конце девяностых годов, пытался помочь ей в восстановлении разрушенных большевиками храмов, но ни власти, ни богатые, ни сама церковь не поддержали мои начинания, все мои издания оказались убыточными, даже «Храмы Петербурга» (надо было, оказывается, писать только о «Православных храмах Петербурга», памятники истории и культуры церкви не интересны).

Но сентиментальный развод не состоялся, и я, как и Розанов, пришел в ярость. Мало христианству было тысячелетней власти над телами и душами, когда именно она решала, с кем женщине ложиться в постель и от кого рожать детей (ибо никогда при ее власти не заключались браки по любви, но только по воле родителей, любовь христианству была ненавистна), но и ныне, в век гражданских свобод, претендует она вернуть свою власть, и женщина уже не у родителей, а у духовных лиц спрашивает, с кем ей можно встречаться (и Анна мне тоже сказала, что слово батюшки для нее закон, и потому, если он не разрешит со мною встречаться, то она и не станет, хотя я и успокаивал ее, что не мечтаю о большем в нашем знакомстве, нежели ее участливое внимание).

Нет, я не собираюсь буянить, оспаривать усиленную Божьим участием волю милых женщин не буду, ни той, из-за незаконной любви к которой лью слезы, ни той, которая тронула мое сердце мягкой и светлой любовью к своим детям.

Я только в сокрушении сердца продолжу свои размышления. Дело в том, что я начал усиленно править предыдущие главы, надеясь их сократить, но Редактор потерпел поражение в споре с автором, и теперь придется мне свою толстую книгу еще утолщить, к лишним теперь уже восьми страницам дописать еще шестнадцать. Легче всего дописать упреками, жалобами и обвинениями, Начну с женской любви.

Любовь по воле родителей. И Татьяну Ларину, героиню Пушкинского романа, *выдали* замуж за литературного персонажа, и Наталью Гончарову – но уже за самого Пушкина. Разумеется, об их любви их никто и не спрашивал, и они еще даже и не успели влюбиться. И так было всегда, пока власть в обществе принадлежала христианской церкви и опирающемся на церковь самодержавию. Женщина поклоняется силе, любит силу, подчиняется силе – это является частью ее полового инстинкта? Но как же любовь? Или любовь тоже определяется инстинктом, как полагает Шопенгауэр, развивая свою теорию любви (о чем мы уже говорили). И мне В. с возмущением говорила, что я зря женщину за это порицаю, она поклоняется сильному мужчине как отцу ее будущего ребенка... Что же мне в этом поклонении не нравится? Женщину завоевывали (в буквальном и переносном смысле): власть, деньги, авторитет, принуждение, бытовое насилие, война... Столетиями она была военной добычей, ее уводили в полон, делали рабынями, наложницами, продавали на невольничьих рынках. Казалось бы, генетическая память о насилии должна бы вызвать отвращение у женщины к силе – но нет, она ей поклоняется... Вот что мне и не нравится...

Сила проявляется в разных формах: солдат с оружием, милиционер, чиновник, следователь... Всякий богатый и успешный воспринимается ею как сильный... Тот, кто имеет успех у женщин (например, известный актер), привлекает и других женщин; тот, о ком она слышит как о неудачнике, вызывает и ее презрение. В юности, случалось, я жаловался девушке, которая мне нравилась, на то, что меня другие девушки не любят, и она сразу же стремилась меня покинуть. «Тебе так важно, чтобы мне ставили хорошую оценку и другие?» – спрашивал я ее возмущенно. Да, как ни странно, именно это и важно. А что было важно мне? Чтобы она отличалась от всех других девушек так, как особая точка кривой отличается от всех других точек, даже если это точка разрыва.

Сильным в стихийном женском понимании силы я никогда не был, очень часто был гоним, в школе мне иногда перепало то от местных задир, стремящихся главенствовать, то от учителей (я и спорил, и был мало управляем, и не делал домашних заданий – у меня нет времени на то, что мне не нужно, возмущался я! А я был всегда и лучшим школьником, и лучшим студентом.)

В седьмом классе меня впервые исключили из школы, и самая красивая девочка – она училась в шестом классе, но уже разбивала сердца – назначила мне свидание и сразу же меня первая поцеловала. (Впрочем, я всегда почти нравился женщинам – но, может быть, из-за скандала, который меня всю жизнь и сопровождал?)

Но вернусь к силе. Мне перепало – но я ни разу не сдался (нет, однажды... когда был неправ...) Но при этом мне было исключительно трудно сражаться – я не мог ударить обидчика! Может быть, только с закрытыми глазами?.. Но ведь девочки меня жалели, хотя я и не был победителем?!

Но у меня никогда не было ни денег ни власти, и только скандальной известности всегда хватало – и все же я к ней не стремился, литературные вечера у меня дома, куда приходили Шумовский и хотел придти Гумилев (но они были несовместимы) – это была единственная форма влияния на общество, которую я дорожил.

Но ведь власти не было и у Христа – правда, Он мог совершать чудеса, а мне этого не было дано, мне даже не было дано литературной известности, мне даже не давали таланта, не знаю, кто был против, но первый роман, который было не стыдно напечатать (правда, я ошибся, напечатав тысячу экземпляров, сто за десять лет разошлись, остальные валяются, правда, и у Канта тысяча экземпляров расходилась сто лет, хотя тогда были и такие читатели, как Фихте!) – итак, первый хороший роман, «Боль и любовь», я написал уже довольно поздно. (А в пятнадцать лет писал легко и даже имел поклонников).

Итак, силы у меня было мало, но я не хвалюсь ни слабостью, ни немощами, как апостол Павел.

Я ничего не добился, издательство (девятидесятых годов) обанкротилось, меня посадили в тюрьму, журнал, о котором я думал, что он будет властителем дум, успеха не имел (да и был, как я теперь вижу, посредственным), деревенский дом далеко от Питера (правда, зато близко от Анны, но не пойдет ли и она к батюшке за разрешением читать эту мою книгу, как пошла *она*, и конечно, батюшка не разрешил и *она* ее читать не будет, хотя, возможно, только для *нее*

и пишу, и не ставлю последнюю точку только потому, что писание осталось единственной формой с *нею* связи, хотя и воображаемой).

Но все же не одни поражения, есть и достижения, *прежде всего я живой* (и разве этого мало? Ибо во всех отношениях живой, и *живу не аки во гробе!*)

Сила... В камере десять лет назад (из 15 человек) я оказался первым, но они были наркоманами... И все же я никогда не был совсем уж слабым, к моей защите прибегали многие, я когда-то занимался и боксом, потом карате (чтобы себя защищать и не бояться ходить по улице... все равно напали втроем и хотя я оборонялся, но потом при мирных переговорах они меня уговорили добровольно отдать им деньги, тридцать рублей (на проезд в метро) и часы (часы они забраковали и вернули). И все же бандитов я удивил тем, что я с ними сражался, и хотя в основном я и в самом деле немощен как апостол Павел, но с ними сразился я достойно и сражением своим горжусь (хотя я и выплатил небольшую дань за окончание войны, но переговоры предложили мне первые они).

Вот я думаю, если женщина поклоняется силе, кого она должна теперь избрать как достойного: их, победителей, или меня, побежденного?

Но Бог с ней, с силой, властью, богатством, даже с известностью. Мне они уже почти совсем неинтересны. Я и так почти достиг счастья, став редактором, я оказался нужным многим авторам и среди них добился признательности. Я их не вижу, как и они меня, пишу на полях свои пометки как учитель, они меня в основном слушаются – и я их люблю. Не так, как *ближних*, не духовно, и даже не душевно, а ммм...скорее *здушевно!* Среди них много женщин, и у меня такое чувство, что помимо их романов у нас и какие-то свои особенные, совершенно безгрешные, бесплотные романы, но не бесплодные, так как их книги выходят и по крайней мере я их читаю, и осмеливаюсь сказать (или, лучше сказать, набираюсь наглости сказать), что я читатель ЛУЧШИЙ. И они это знают. И я их люблю. И они меня тоже.

... Ни до чего не договорившись в связи с этой силой, которой, возможно, женщины поклоняются, я решаю эту тему более не обсуждать. Как и во многом, и здесь, вероятно, все и так и не так. Достаточно в женщине тщеславия, рабства, слабости, мелочности, чтобы не только уступать силе, но и уступать с наслаждением... Но и достаточно в женщине (иногда в той же самой) сострадания, милости, нежности, жертвенности, чтобы любить (пусть и по другому) и слабых! Ведь почему-то В. жалеет меня и пьет со мною на бревнышке у околицы города и даже собирается для меня найти *другую*, которая бы меня больше ценила, вместо *этой*, в которую я так несчастливо влюбился...

Миф и мораль. Если исходить из того Мифа, которому поклоняется верующий, несомненно убежденный, что в нем вся Истина, то мы не найдем взаимопонимания, Но ведь мифов множество, так не взять ли их в совокупности?

Вот, например, исламские фундаменталисты взрывают старинные города, уничтожают даже исламистов другого толка, женщины, покорные мужчинам, взрываются с бомбами в людных местах – какую мораль можно вывести из такого Мифа?

И какую мораль можно вывести из сотысячных людских жертвоприношений, которые устраивали ацтеки?

Или из следующих наставлений Ветхого Завета:

"Итак, убейте всех детей мужского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужском ложе, убейте; а всех детей женского пола, которые не познали мужского ложа, оставьте в живых для себя" (Числа)

"А в городах сих народов, которых Господь Бог твой даёт тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их заклятию... как повелел тебе Господь Бог твой. " (Второзаконие).

«Если услышишь о каком-либо из городов твоих, которые Господь, Бог твой, даёт тебе для жительства, что появились в нём нечестивые люди ...говоря: "пойдём и будем служить богам иным, которых вы не знали", ... то ... порази жителей того города остриём меча, предай заклятию его и всё, что в нём, и скот его порази остриём меча; всю же добычу его собери на средину площади его и сожги огнём город и всю добычу его во всесожжение Господу, Богу твоему ...» (Второзаконие).

И не говорите, что эти наставления относятся только к иудаизму, нет, так же и к христианству, ибо это общее Священное писание. Но вот что говорит апостол Павел:

«суд им давно готов, и погибель их не дремлет. Ибо, если Бог ангелов согрешивших не пощадил... если не пощадил первого мира... если города Содомские и Гоморрские... превратил в пепел... то, конечно, знает Господь, как ... *беззаконников* соблюдать ко дню суда, для наказания, а наипаче тех, которые *идут вслед скверных похотей плоти, презирают начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высших ...*

Прежде всего знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: где обетование пришествия Его? *Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, всё остается так же.*

«Думающие так не знают, что вначале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою: потому тогдашний мир погиб, быв потоплен водою. А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, *сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков. ... Придет же день Господень, как тать ночью*, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят. ...»

Итак, у ацтеков ли, у иудеев, у христиан Бог одинаково грозен и безжалостен, и не только к грешникам, но и к инаковерующим (то есть к инакомыслящим), и поэтому неудивительно, что и марксисты поступали так же с теми, кто смел думать по своему, мне же вменили в вину даже антисоветский сон, который я рассказал в бане, а некто по соседству оказался бдителен.

Я думал, что надо порицать ненависть, что только она нехороша, поелику даже врагов своих повелел Господь наш любить. Но нет, любовь еще хуже, и ее надо ненавидеть прежде ненависти.

Вот что написано про любовь в евангельском сайте.

«*ЛЮБОВЬ ДУШЕВНАЯ* *проистекает из человеческой души, а не из духа; эгоистична; ставит объект любви выше Бога (супруга, ребенка, самого себя, работу и пр.); противится Божьей любви; не хочет умирать, боится про-*

ходить через крест; несет в себе смерть, потому что происходит из падшей природы человека; не может приносить плод, то есть приводить к Богу других людей.»

Если «Бога никто никогда не видел», по апостолу Петру, то отсюда следует, что и все наши прения сосредоточены в человеке и в человеческом, и прежде всего в языке (хотя и не только), а язык метафоричен (хотя и не только), и поелику мы говорим о любви, то из чего она пристокает, в чем течет, как река, и на что изливается? *Через что она выражается?* – Все это необходимо и ясно мыслить и ясно понимать.

Сказано от Иоанна: *«Искони бе Слово, и Слово бе у Бога, и Бог бе Слово.* Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.»

Итак, Язык имеет божественное происхождение, и Бог чрез него говорит с человеком, и подлинная жизнь не бессловесна, и она есть свет. И он, как и всё, как и всякая река, проявляется между границами, или, лучше сказать, пределами, включая их – *молчание и исступление*. И тот, кто молился, и кто слушал пение в храме или игру на органе, и кто смотрел на утреннюю зарю и закат, и стоял с возлюбленной, держа ее за руки, у окна ли, в саду, на цветущем лугу или в роще, и кто шел за лошадью с плугом, и кто бежал в атаку, а слева и справа падали товарищи, и он вопил на нечеловеческом языке сплошь из матерных слов (а только благодаря этому, вопившему, мы сегодня и можем продолжать наш спор, которому уже немало веков, и не смеем сказать, что Бог с нами, а не с ним – и он, бежавший тогда, мне обещал прочитать мою книгу и не во всем согласится со мною, но с иным согласится) – всякий из них меня поймет. Через слово мы или найдем понимание, или разведемся (хотя и музыка – своеобразный язык, и тоже течет между тончайшим пиано и исступленным форте).

В языке есть не только метафора, но и образ и символ, и каждое отдельное слово не само по себе – да, только одно слово – но и оно триедино (например, *благодать*). (Ну, вот, я скажу: моё *житие* – что здесь: ирония, утверждение, сомнение, насмешка, метонимия, образ, сгущение, метафора, символ всякого человеческого бытия, предел, к которому моя жизнь только стремится или...?)

Каким органом воспринимается речь? Что она содержит в себе? Чем она понимается и на что воздействует и что вызывает?

Вызывает она и мысль и чувство, и переживание, и даже в театре состояние, которое эллины называли *káтарсис*, и в котором есть и то и другое, но оно и само по себе.

Воспринимается речь органами слуха, состоит в физическом отношении из звуков, а по построению совпадает часто с музыкой, которая, будучи даже бессловесна, тоже телесна: *Искони бе Слово, и Слово бе у Бога, и Бог бе Слово* – это музыкальная фраза, влияющая на построение многих текстов.

Но и слово и речь и язык – это *плоть* по отношению к мысли и чувству, которые они содержат в себе, *воплощают*. И вот эта *плоть* была у Бога и была Богом (по-видимому, содержа в себе и мысль и чувство). А что язык не

совсем произвольное человеческое изобретение или совсем НЕ – это говорят и Потехня и когда-то давно сказал Платон.

Бог обращается к нам на нашем общем с ним языке, вызывая у нас и мысль и чувство и переживание и особенное состояние, которое описать трудно даже божественной речью, и что представлено в Пророке, написанном Пушкиным, музыкально дополненным Римским-Корсаковым и воплощенным Шляпиным, и там и все явление Бога Магомету и встреча Савла с Христом по дороге в Дамаск, как он однажды мне в этом сознался (за бокалом хиосского, когда он отчасти проходил и мое поприще).

Что же в языке *Плоть, Душа, Дух*? Он вмещает в себя и то и другое, и третье, он триедин, и они неразделимы, и даже богословы пока не согласились даже о душе и духе, как они между собой соотносятся, даже богословы НЕ *единоДушины*. *Духовная любовь*, вероятно, должна быть в уме, то есть интеллектуально, чистая мысль, без эмоции, без чувства, без переживания, то есть бесчувственна. Но и Бог, судя даже по Писанию, не таков, он вмещает в себя все.

Эмоцию и чувство можно сопоставить как нечто простое и сложное, и всякое важное чувство, большее чем примитивное ощущение, состоит из множества эмоций, или простых чувств, как сложная музыкальная фраза включает в себя *гамму* простых мелодий. Может ли существовать любовь вне чувства и переживания? Быть чистой мыслью? Быть может, имеется в виду любовь как *состояние*, в котором словно бы остановленный свет и остановленные и мысль и чувство, некое молчание не как начало речи, перед тем как говорить, а когда уже сказано всё? То есть завершение? Но если из любви все происходит (по слову апостола Павла) и она даже больше речи, то она не завершает, но и не в начале, следовательно, она после того, как личность испытает духовное рождение. Это тоже начало, но начало духовного бытия (как у самого Павла после встречи с Христом).

И все же можно ли *возлюбить* Бога, изливается ли эта любовь на Него, истекает ли она из человека, и что в источнике: *плоть, душа, дух*? Негодующим на *плоть* сразу ответу: не выше ли они Иоанна Дамаскина, благословляющего и леса, и посох, и нищую суму и весь мир? То есть включающего их в свое состояние *благодати, блаженной любви*?

И какими органами воспринимается объект любви, Бог, – душою, плотью, духом? И является ли Бог объектом, на который может изливаться человеческая любовь? Если справедливо, что "...**Царствие Божие внутрь вас есть.**" (Лук.17:20-21), то не то же ли самое и о Боге? Не справедливо ли сказать, что и "Бог есть все во всем", а значит он и "внутри нас есть"? и многие восторженные христиане, подобные восторженным «комсомолкам тридцатых годов» (подобные Ольге Берггольц, из которой следователи коваными сапогами выбивали восторженную марксистскую дурь), так и вопиют и поют блаженными голосами, что он пришел, спас, он уже везде и в нас тоже, он есть любовь, изливает ее на нас, призывает к любви, обнимитесь, миллионы, слейтесь в общечеловечество, и два пола в один, – но образованный Леонтьев, не поверхностный и не примитивный христианин, охлаждает

их пыл, ибо после того, как будет проповедано евангелие на всей земле и несогласных уже не останется, тогда то и наступит Апокалипсис, конец света и второе пришествие, и будут почти все ввергнуты ад, весь всемирный свинарник, в плач и скрежет зубовный, а спасется только *малый остаток*, ибо не обещал Бог любви всем, хотя и призывал человека возлюбить даже врагов своих, или даже прежде всего возлюбить врагов своих, ибо друзей любит и мытарь. (Увы, я не могу быть христианином хотя бы и потому, что и врагов у меня нет, хотя и воюю. Но человек двуличен, в нем две противоположных половинки, во-первых словно бы роль, которая ему кем-то что-ли предписана и ему ее приходится играть, и даже следовательно, избивающий сапогами, приходит домой, ласкает детей и жену... нет, его я никогда не возлюблю и не прощу, но он не мой враг, я люблю и жалею страдающих и потому ненавижу тех, кто причиняет им боль!)

И все же даже в негодяе есть еще и другой человек, и в камере 70-го года, сидя с бывшими карателями, я не пылал к ним негодованием, а воспринимал как человека другого, не того, за грехи которого они будут расплачиваться...

(И только *я* расстроен, рас-троен и триедин, и плоть, и душа, и дух – но мы еще не закончили...)

Никто из них Бога не видел, не может сказать, каков он и к чему призывает, но нас всех наставляет в истине и в духовной любви к Богу.

И меня тоже, хотя прежде чем меня полюбить, он сначала у батюшки испросит разрешения на любовь, потом сожжет мою книгу, а потом и меня самого, благословясь.

И все же Бог есть во всем, даже и во тьме, а не только в свете, только он не такой умильный, как вы его рисуете. Есть апокриф о сошествии Богородицы в ад, и она обратилась к Богу, увидя мучения грешников, с просьбою если не простить им все муки, то хотя бы как то ослабить...

(Поэтому русский человек, особенно женщина, чаще просит заступничества у Богородицы, хотя она не богиня.)

Но все же, хотя и мир и человек и в падении, и падение это еще не преодолено, но Бог и в нас и в падшем мире тоже (и у Даниила Андреева говорится о том, что Иисус Христос, как и богородица, нисходил и в ад).

И я понимаю и знаю, что существуют восторженные состояния словно бы благодати Божией, когда хочется объять весь мир, когда он весь пронизан светом, когда музыка наполняет душу, и кажется, что время остановилось и смерти нет – вот это состояние словно бы особенное чувство (?) любви ни к кому в отдельности, но ко всему и ко всем. В самообольщении (как о том пишут и Леонтьев и преподобный Игнатий) человек возомнляет, что ему открывается Бог и он любит Бога духовной любовью. Но Бога непосредственно любить нельзя. Многое, что мы делаем, к чему стремимся, что испытываем, есть иная форма сущего, его инобытие. Так труд крестьянина есть высшая форма молитвы, которую он возносит к небу. (И если крестьянин прежде чем накормит семью начнет молиться, то такой крестьянин своею молитвой не порадует Бога. И если мать любит Бога больше своих детей, то ее бы я не пустил в свой храм... Но Бог рассуждает по своему, Бог ему судья...)

Итак, любовь к Богу сама по себе не существует (это ни доказать ни опровергнуть невозможно, как и само существование Бога), она проявляется только через любовь к миру и к человеку, и через любовь к женщине и детям. И восставление ее прежде любви ко всему, что нам благого дает жизнь, особенность именно иудейского мифа и следующего из него христианского, и атом большевистского, но не трансцендентное свойство бытия, выраженного в звездном небе над головой и в любви внутри нас (переиначивая Канта).

В моей любви к России, к Культуре и к Женщине заключается гамма чувств, есть и восхищение, и восторг, и умиление, и наслаждение, и горечь, и страдание, и сознание трагичности бытия, и надежда и признательность и благодарность.

Любовь не может быть беззаконной, она выше закона, это из нее проистекает закон.

Кто не готов был бы умереть за Родину, не стоял на коленях перед женщиной, обожая ее, не плакал, читая иные страницы стихов и прозы или слушая музыку, тот не может говорить о любви к Богу. *Бог – не слепоглухонемой, и он не нуждается в любви тех, кто уже оскотил себя, отринув в себе все свои земные чувства.*

Разве не слышали вы, что *только то, что вы свяжете на земле, будет связано и на небе?*

Человеку дан и разум и чувства и совесть, и с ними он поверяет свои намерения, заботы и дела, и за них и будет отвечать на страшном суде, хотя бы он никогда не читал ни Ветхий ни Новый Завет. Каждому дано достаточно уже при рождении, и я поражался, разговаривая и с четырехлетним ребенком, что мы понимаем друг друга, но потом, когда он подрастает и вступает в комсомол или «воцерковляется», всякое живое понимание исчезает, наступает эпоха чужих мыслей и цитат, и исчезает божественная личность, равная миру. (А зачем ты сам всех цитируешь? – Не для доказательства и даже не для подтверждений, я вовлекаю культуру в общий разговор, чтобы не чувствовать себя в одиночестве среди пустого словоговорения современников).

31 сентября, Разбудили волхвы в шесть часов утра, позвонил в Питер, разбудил жену, оказывается, она проспала. Но поелику рюкзак был с вечера собран, то побежала на поезд и за минуту до отправления успела в него вскочить. Зато теперь она уже едет, и будет кормить меня борщом.

Не знаю, дать ли жене читать эту книгу, посвященную в том числе любви к другой женщине, любви совсем не духовной, но и не только плотской, и как мне кажется, не греховой (ибо в любви и вообще греха нет, она нам если и дается, то как благодать)...

Хотя и повелевается в христианском мифе жене убояться мужа, но моя жена меня не боится, это я ее боюсь. Но из этого моего страха никакой любви не следует, а из любви следует страх, посему я уверен, что Конст. Леонтьев глубоко не прав, из страха Божия тоже любви последовать не может, но и любви к Богу не существует, следовательно, если и есть любовь (а она есть!), то это любовь к женщине (в том числе следующая из инстинкта, потому что в человеке и плоть и душа), и вот из этой любви к женщине, не всегда приводящей к рождению детей, ибо Вл. Соловьев доказал, что потребность в

детях отдельно от потребности в любви (всяческой, в том числе обладания) и следует и всякая иная любовь, и к детям, и к народу, и к поэзии, и к музыке, и к романсу, затем к философии... Из чего следует дружба, я сказать исчерпывающе затрудняюсь, но так как и дети и народ проистекают из женщины, и именно она РЕКА, орошающая землю, то без женщины не существовал бы человек и дружба тоже...

Когда умолкнет хор лживых верующих голосов, наступит новая весна, я пойду на цветочную поляну к ручью (но не в Синайскую пустыню), быть может ко мне тоже придет хотя бы махонький ангелочек, и мы поговорим с ним о Боге. Через ангелов, и серафимов, и через шмелей и колосья, как Бунину, через любовь к женщине, через измену, страдания, великодушие человеку является Бог.

Моя нежная красочка! Прости меня! Ты *нашла, что искала, и стала счастлива* – чего же я еще хочу? Почему я тебе не верю? Почему терзаюсь и быть может терзаю тебя – если не теперь, так потом?

Ну не судьба! Я тебе не так близок, не так дорог и мил, как тебе показалось... (И как показалось мне).

Прости и расстанемся уж, и не буду я сетовать и негодовать, но только буду испытывать благодарность за то, что ты была...

Похоть, грех, инстинкт и любовь в Священном писании. НО не одними проклятиями апостола Павла, адресованными плоти, исчерпывается Священное писание, в частности Ветхий Завет. Наши праотцы, исполняющие Промысел Божий о них (как и я пытаюсь исполнить свой), жили разнообразной жизнью, не всегда умильной и не всегда служащей образцом добродетели.

Некоторые подробности приводит Вл. Соловьев.

Сначала он выясняет, так ли любовь связана с необходимостью потомства, чему служит половой инстинкт, и устанавливает несомненно, что любовь сама по себе, а инстинкт и произведение потомства сами по себе, и Шопенгауэр глубоко неправ, утверждая, что любовь лишь служит половому инстинкту. Итак, Вл. Соловьев говорит:

«Если весь смысл любви в потомстве и высшая сила управляет любовными делами, то почему же вместо того, чтобы стараться о соединении любящих, она, напротив, как будто нарочно препятствует этому соединению...?»

«Видеть смысл половой любви в целесообразном деторождении – значит признавать этот смысл только там, где самой любви вовсе нет, а где она есть, отрицать у нее всякий смысл и всякое оправдание. Эта мнимая теория любви, сопоставленная с действительностью, оказывается не объяснением, а отказом от всякого объяснения.»

«Управляющая жизнью человечества сила, которую одни называют мировой волей, другие – бессознательным духом и которая на самом деле есть Промысел Божий, несомненно, распоряжается своевременным порождением необходимых для ее целей провиденциальных людей, устраивая в длинных рядах поколений должные сочетания производителей... но любовь в собственном смысле... не принадлежит к числу этих средств. Библейская история с ее истинным глубоким реализмом, не исключаящим, а воплощаю-

щим идеальный смысл фактов в их эмпирических подробностях... даст свидетельство в этом случае, как и всегда, правдивое и поучительное для всякого человека с историческим и художественным смыслом от религиозных верований.»

Оставляем в стороне то, что как только мыслитель связывает историю и человеческую жизнь с Божественной волей так, что исключается свобода ("у вас же и волосы на голове все сочтены"), то ему изменяет поэтический такт и поучения становятся прямолинейно-пошлыми; – но нам интересно узнать, что же и как устраивает Сам Создатель для «высших целей».

«во всей этой сложной системе средств, определивших в порядке исторических явлений рождение Мессии, для любви в собственном смысле не было места.»

«Священная книга не говорит, женился ли Авраам на Саре в силу пламенной любви, но во всяком случае Провидение ждало, когда эта любовь совершенно остынет, чтобы от столетних родителей произвести дитя веры, а не любви. Исаак женился на Ревекке не по любви, а по заранее составленному решению и плану своего отца.....

Провидение не возбуждает в Иакове сильной любовной страсти к будущей матери "богородителя" – Иуды; ...Сам Иуда для произведения дальнейших предков Мессии должен помимо своего прежнего потомства на старости лет соединиться с невесткою своею Тамарой... Не любовь соединяет Иерихонскую блудницу Рахаб с пришельцем евреем; она сначала отдается ему по своей профессии, а потом случайная связь скрепляется ее верою в силу нового Бога и желанием его покровительства для себя и своих. Не любовь сочетала Давидова прадеда, старика Бооза, с молодой моавитянкою Руфью, и не от настоящей глубокой любви, а только от случайной греховной прихоти стареющего владыки родился Соломон.»

Итак, вопреки Шопенгауэру, в человеческой жизни и в ряду наших предков играют роль многие причины, часто несовместимые, иногда любовь, иногда случайность, иногда воля и план родителей, иногда воля и план Всевышнего (как об этом повествует Библия, Вл. Соловьев лишь излагает течение событий согласно ее рассказу). И "похоть плоти" и "похоть очей" имеют в этой цепи причин и следствий свое законное место, и Всевышний не так уж трепещет перед запретами Моисеева Закона и не столь уж боится греха, и «в вар и смолу» не ввергает предков Иисуса, живших разнообразной и страстной жизнью, но не прожившихся заживо во гроб, как то советует апостол Павел.

А затем Вл. Соловьев исследует и находит смысл половой любви, имеющей самостоятельное трансцендентное значение, и не вызывающей на себя такого неистового гнева Господня, чтобы ее, как и Душу, надо было бы предать распятию, как полагают многие сумасшедшие христиане.

«Смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма. ...

Есть только одна сила, которая может изнутри, в корне, подрывать эгоизм, и действительно его подрывает, именно любовь, и главным образом любовь половая.»

«В священной истории, так же как и в общей, любовь не является средством или орудием исторических целей; она не служит человеческому роду. ... ее положительное значение должно корениться в индивидуальной жизни. ... *И у животных, и у человека половая любовь есть высший расцвет индивидуальной жизни.*»

Но христианству и христианам именно *индивидуальная жизнь* и все, что с нею связано, прежде всего любовь и затем душа как тот метафизический орган, благодаря которому любовь и существует, и ненавидны. (Почему? Отчасти из-за разочарования в жизни и в любви, – но есть ли существенная причина?)

(Уместно вдогонку предыдущему сделать небольшое дополнение. Деятели религиозного общества, Мережковский, Розанов и др. полагали, что христианство еще продолжает строиться, что построен пока только первый этаж здания; а Великий инквизитор самому Христу заявил: «Ты не имеешь права что-либо добавлять к тому, что сказал уже ранее!» Имея в виду, что христиане в большинстве важнейших идей своего учения не согласны друг с другом, справедливо сказать, что столько христианств, сколько христиан – так с кем же я спорю? Может быть, и с теми, с которыми и сам Христос не согласен?)

33 сентября. Со случайной оказией побывал в Ю--во, встречался с Н., говорили об Анне; назад возвращался пешком, снова пел уже новый романс, посвященный той ли, с которой притяжение вдруг закончилось, или другой, с которой оно, по всей видимости, еще и не начиналось..

Расставанье... Мы в разных мирах.
 Ваши звезды уже мне не светят.
 Мы и встретились только в стихах,
 Нас друг к другу нёс мартовский ветер.
 Ни свиданий, ни тайных вестей,
 Ничего нас теперь не привяжет,
 Ни знакомств, ни друзей, ни гостей,
 Только то, что вам бабушка скажет.
 По ночам я на звезды гляжу –
 Вдруг засветит мне звездочка ваша?
 Да не бойтесь, уже не свяжу!
 И разбита небесная чаша...

Конечно, не все и христиане слушаются апостолов или блаженных, ложатся жить во гроб и распинают любовь и душу (не ограничиваясь распятием плоти) – но что самые праведные именно таковы, доказывает, что между светским человеком и верующим непреодолима пропасть; одни живут во имя того, что укоренено в жизни, другие же во имя того, что за нею.

Прощаюсь с стихосложением. Ветер,
 Вздымавший волны стиха, стихает.
 Оппадают листья октябрьского леса.
 Многое я потерял. Многое встретил...
 Но пусть пока ребро отдыхает...
 В ожидании нового беса.

Я неотделим от природы. Грустно
Чувствовать себя летящим долу.
И только философия и искусство
Не позволяют стать вовсе голым.
И все же я со стихами прощаюсь.
Ветер еще завтра не раз подует,
Новые взметнёт стихов волны.
И все же надо всё потерять, отчаясь
В жизни и в любви. Чтоб снова думать,
Сможет ли душа стать полной
В чувственном обретении слова?
Плоть ненасытима духом –
Вот зачем вернусь к вам уже скоро снова,
Пусть даже земля и станет пухом...

Жертва. С течением времени я словно бы отдаляюсь от нее, и досада, и раздражение и обида притупляются.

Нашел в дневнике строки, написанные о ней два месяца назад.

«*Я тебя люблю, я тебя полюбила, я тебя буду любить всегда, жить без тебя я не смогу...*» – и после этого мы жалуемся на несчастья и спрашиваем высшие силы, за что нас наказывают, разве мы так уж плохи?! Но наказания мы достойны всегда. А за что мне блаженство, не очень благонамеренному, тщеславному, самонадеянному, вспыльчивому, не всегда умному, не всегда сдержанному, не всегда доброму, не всегда заботливому?! Единственное оправдание, с которым могу придти на Страшный суд, состоит в том, что я соглашаюсь и на то, чтобы она меня не любила, я не стремлюсь завоевать ее, победить, не стремлюсь к тому, чтобы она мне принадлежала, телом или душою, даже не уверен, что согласился бы на близость, если бы она на нее согласилась первая – потому что боюсь причинить ей страдания. Я хочу одного, что и составляет мое счастье – хочу, чтобы она стала радостной и счастливой. Ради этого я даже согласен ее потерять.

Ее счастье мне не только дороже радости обладания, но только оно и является целью моих стремлений, ради ее спасения я в нее и влюбился: я понял, что дружба одной недостаточно, что надо ее любить *мучительно и неотвязно*, заботиться о ней, быть около ее изголовья в виде ли облака, мечты, сна и воображения, – чтобы она вернулась к жизни и смогла освободиться от всего, что мешает ей жить – и от наваждений, и от тягостного мучительного прошлого, освободиться даже и от меня. И когда к ней вернется душевное спокойствие, мы встретимся в последний раз, я поцелую ее пальчики, ее нежное ушко, и скажу ей, что счастлив, что смог ей помочь...

Иногда я думаю, что она в меня влюбилась, при встрече ее глаза сияют, она преобразается, в голосе звенят колокольчики... К чему мне еще стремиться? К той окончательной близости, которой она страшится? Зачем? Будем ли мы счастливее, чем теперь? Я обнимал ее за талию, гладил ее волосы, смотрел в головокружительный вырез кофточки... На прощание она прижалась ко мне и даже поцеловала мою руку...

Но хватит хвастаться и вызывать ревность муз! Почти ни за что дано было мне небесное блаженство... а если знать меня, как знаю я сам себя, то справедливее воскликнуть: небесное блаженство дано было мне вопреки моим действительным достоинствам.

Смысл жизни в любви и преображении мира. Я уже избегаю формул, описывающих смысл жизни, потому что сердце понимает это лучше ума, а когда ум пытается выразиться в словах, то получается не всегда хорошо. Но все же привожу формулу в тон своей книги, посвященной *любви*, в которой я и вижу смысл жизни, причем в любви всякой, хотя бы и леди Макбет, хотя бы и преподобного Игнатия. Но так как любовь разнообразна, и разные формы любви даже бывают противоположны друг другу, то я присоединяю *преображение мира* как метафору деятельности деятельного человека, движимого любовью. Любовь – это форма, в которую выливается энергия деятельности, без такой формы она может быть безцельна или направлена на неблагое, как не имеет опоры движение в мире, лишенном сил тяготения...

Смысл любви. Любовь, притягивающая мужчину к женщине, не нуждается в оправдании, она не бывает греховной, оправдывать необходимо только поступки и цели, намерения и побуждения. Не нуждается в оправдании ни *любовь* Анны к Вронскому, ни *любовь* Ондрия к прекрасной полячке, для которой он изменил Родине, отцу, товарищам и военному братству. Даже любовь, в основе которой только чувственность и инстинкт, не требует оправдания, как не станем же мы оправдывать то, что нам захотелось пить в знойный день – но если ради того, чтобы напиться, я пью грязную воду или разграбливаю город и увожу в полон его жителей, то в этом оправдаться надо.

Тяготение в материальном мире существует для того, чтобы было возможно движение, чтобы у каждого направления была точка опоры – таково же и притяжение в мире живом, это форма, в которой осуществляется воля и цель, побуждение, намерение, деятельность. И смысл любви в том, чтобы сама жизнь и деятельность человека и его цели имели точку опоры, находили оправдание. Но так как в любви индивидуальная жизнь достигает своей вершины, совершенства, расцвета (как показывает Владимир Соловьев), то ***любовь для жизни то же самое, что вдохновение и мастерство, талант и гениальность для творчества.***

Но она – лишь форма развития и совершенства, а нравственна ли жизнь, одухотворена ли, оправдана ли, определяется теми целями, которые ставит и осуществляет человек, движимый и вдохновленный любовью.

Но если любовь может стать *выше* и самой жизни, то в ней находится, следовательно, нечто такое, перед чем замолкает рациональное рассуждение, и о чем нам может сказать лишь поэзия, музыка, роман и трагедия.

Правда, речь идет о любви между мужчиной и женщиной, *любовь же материнская и любовь к Родине* (независимо от того, прав ли я, находя для них основание в любви естественной, или они определяются чем-то другим, только своим особым инстинктом) вовсе не нуждаются в оправдании, более того, отсутствие такой любви – глубочайший изъян в личности и большой грех, большая безнравственность, чем все остальные грехи вместе взятые.

Смысл христианства. У иудаизма и христианства Священное Писание включает Ветхий Завет (собственно Библию для иудеев), Закон (или правила, которыми надлежит руководствоваться праведному человеку), данный Богом, так называемые Заповеди Моисеевы, числом десять, – то общее, что лежит в основе обеих мифов. Все частные мифы, лежащие так же в основании обеих религий, миф о сотворении человека (Адама и Евы) и миф о грехопадении – одинаковы, но и весь остальной текст Ветхого завета входит в христианство, и псалмы Давидовы, и книги пророков, и предсказания о приходе Спасителя.

Что у христиан своего, чему они поклоняются?

Во-первых, вера в то, что Иисус Христос и есть тот долгожданный Спаситель и ради спасения человека было его Пришествие и предстоит еще Второе пришествие, Конец света и Страшный Суд.

Во-вторых, вера в Воскресение и в жизнь будущего века в Инойбытии.

Но эта вера в будущее Воскресение опирается на отрицание и этого мира, в котором мы появились на свет и живем, и отрицание тех привязанностей, тех человеческих отношений, той любви, которые скрепляют нашу жизнь, а прежде всего любви мужчины к женщине, стремления его к ней, низкого или возвышенного, это даже неважно, отрицания или пренебрежения к культуре, труду, творчеству, народности и патриотизму, «любви к отеческим гробам», следовательно, к сохранению памятников нашей истории и культуры... Более того, пропасть, которую созидает христианство в отношении ко всему, что дорого живому чувствующему человеку, можно сформулировать так:

Христианство проповедует и питается ненавистью к миру (князем которого, якобы, является дьявол), к естественной (не только плотской, но и душевной) любви, ненавистью к жизни, творчеству, созиданию и преобразению мира, ненавистью даже к рождению детей.

В обоснование этого вывода я привел сотни текстов, эта ненависть вдохновляет всю духовную литературу – прославление безбрачия, монашества, девства; сама жизнь апостолов, святых и отцов церкви (как и их Учителя) чужда любви к женщине, семье и детей. *У христианина нет родных* («Кто мои братья и сестры? Это ученики мои!») *и друзей, нет родины и народа* («отныне несть ни эллина ни иудея»). Христианские подвижники и святые – это не писатели и философы, деятели искусства, не ученые, воины и труженики, не матери семейств – а *другие*. Нет сострадания и милосердия, великодушия.

Но как же верующие? Во что они верят, чему поклоняются? Ведь они же верят в хорошее? Ведь Бог же любит людей? Ведь Христос пришел их спасти? Ведь *христианство – путь к любви и к праведной жизни?*

К жизни? К любви? *Жить надо аки не жить!* Любить надо только Бога! В человеке любить только образ божий, любить всякого... Хлеба и воды я дам всякому, всякого страдающего **пожалю**, но *в любви есть воля и притяжение*, я НЕ ХОЧУ *любить* Иуду, Торквемаду, Малюту Скуратова, Ленина, Сталина, Гитлера, не хочу *любить* ту власть, благодаря бездарности которой погиб мой отец, мучилась мать... А сам Христос *любит* Каиафу, Иуду, Торквемаду?.. Существует два христианства, два коммунизма, даже два нацизма, каждый миф двойствен, миллионы, приходящие в храм, доверяющие тому, что соткано из того, что им близко, и старушка, тащившая хворост на костер Яна Гуса, и дети,

участвовавшие в Крестовом походе детей – безгрешны, и Иероним Блаженный, преподобный Игнатий, вдохновенный Леонтьев, суровый Аввакум, блаженный Августин, апостол Павел, жаждущий распятия во имя Христа – они меня даже вдохновляют – но я НЕ ХОЧУ, чтобы мои дети и внуки шли в монастырь и в скит и в холодную сырую пещеру. Читаю дневники Ольги Берггольц... В тридцатые годы, когда Русь была распята, она оправдывала распятие. Потом, через собственные муки, прозрела... Так и все мы. И христианин может быть добрым, праведным и милосердным, влюбленным, талантливым, трудолюбивым и вдохновенным – но призывы к распятию «любви естественной, которая омерзительна», именование произведений искусства «изображениями идолов», безжизненная проповедь любви к ближнему и к Богу ВМЕСТО многообразных чувств, соединяющих и отталкивающих нас от тех, с кем нас сталкивает наша жизнь, проповедь небытия вместо деятельной жизни – мне чужды.

Миф существует на поверхности в форме, отвечающей нашим надеждам, а под ним существует его подлинность как магма в вулкане...

Сегодня во сне *моя милая* возмущалась, что я смею еще о ней думать, и я обещал *не приставать, не тяготить, не сердиться*. Я потерпел поражение... Но пусть у нее будут радость и свет, потому что она их достойна. Если я виноват, то более уже не смогу провиниться – *ибо обещал уже и не вспоминать о нашем знакомстве*, если оно ее так тяготит.

Чего я хочу для России, которая тоже безжалостна к тем, кто ее любит, и верна только силе и власти? – *Правды, справедливости и свободы*. Я не требую равенства, но на богатых надо возложить прогрессивный налог, поступления от которого должны идти на помощь бедным. Союзник ли мне церковь? Нет, она защищает власть имущих, бедных призывает к покорности и терпению, ожидая награды на небе. Не помогала она и тем, кто боролся за справедливость и свободу. Она не поддержала Дмитрия Донского, она не поддерживала Белое движение, она не выступала против бесчинств коммунистической власти.

С кем я останусь? *Останется со мною читатель, один или другой; родные, друзья... Останется мир, в котором я живу и страдаю* (впрочем, многим не лучше). Если нужна другая книга, более любящая и более убедительная – я ее напишу. *Мы преодолеем поражение, но надо любить более самозабвенно...* И помнить, что *человек – высшая ценность, как и любовь. Ибо нет без человека ни мира, ни мифа, ни Бога!* – или о них без нас никто не узнает...

7 октября. *Но время вернет нас вечности – а, значит, любви*, – это уже было последнее восклицание, которое написал я еще вчера. Но закончу я свою книгу не надеждой любви, не верой или разочарованием в ней, а *«Последним словом подсудимого»* – неожиданно я понял, что не столько уже изменял и дописывал книгу, сколько бушевала во мне буря отвергнутой любви, и страницы наполнял я отчаянием и раздражением. Но не *ее* мне обвинять в неверности, а себя в самолюбии. Та самая магма, которая в основании христианства, так что на поверхности умиление любви, а в глубине ненависть к миру, – она и во мне. А надо было сказать *ей* кротко: ты всегда и во всем права, *прости меня, нежный мой ангел, и спасибо, что, может быть, – пусть на мгновение, – ты даже меня любила...* **Но твоя жизнь и твой долг важнее моей любви!**

ПРОЩАНИЕ

Не последняя ли уже глава романа?

Вы отказались со мною встретиться и, вероятнее всего, не будете читать и мою книгу и эту завершающую ее главу – зачем же в таком случае я пишу?

Я прощаюсь с Вами. Я мог бы это сделать мысленно, но мне полезнее изложить мои размышления на бумаге, чтоб хотя бы отчасти понять то, что произошло, помочь себе преодолеть состояние отчаянья, которое со мною уже более двух месяцев. Так что я пишу прежде всего для себя, для собственного спасения. Но при этом ни в чем нельзя быть уверенным абсолютно – вот я был уверен, что мы нужны друг другу, что Вы мной дорожите и не будете меня унижать без причины и повода, и ошибся; так и в данном случае: вдруг Вы все же мою книгу прочтете? Но я уже не прошу о встрече, не прошу читать мои записки, или мне отвечать. Не прочтаете, не напишете, выбросите все на помойку вместе с воспоминаниями обо мне – ну и ладно. Теперь я уже не завишу от вас, это я даю вам последний шанс сохранить что-нибудь из того, что когда-то было вам дорого (как мне казалось. Женщина иногда ведет себя как стихия (и, возможно, всякая женщина), например, вы – дождь, а я прохожий. Вы вправе меня даже не замечать (как и дождь не замечает прохожих). Я сожалею об этом, но ничего не могу поделать. И единственное разумное, что я должен сделать, чтобы не промокнуть, не простудиться, и в конце концов не умереть от дождя, или несчастной любви, я должен бежать в укрытие (то есть, к *другой*). Но как вежливый человек, с которым, мне казалось, вы были когда-то знакомы, я должен с вами проститься на прощанье сказать: "Простите! Прощайте!"

Но слышите ли вы меня? Слушаете ли? Впрочем, не все ли равно? Сколько уже порывов души было растрчено напрасно... Может быть, и нет не только любви, но нет даже сочувствия, женщина живет настоящим, только тем, что происходит в данный момент. Но надо ли жалеть о заблуждениях? Я был живой, чувствующий, откликнулся на чужую боль, пытался помочь тому, кто страдает, даже если наградой мне было разбитое сердце... Прощайте, мой равнодушный дождь, я вас когда-то любил! Если вы все таки перелистаете эту книгу, не ищите в ней тождества с тем, что осталось в ваших воспоминаниях (книга хоть что-то осталось). Книга отчасти сама по себе...

10 октября 2015, утро в деревне. Вечером лег спать рано, снова начал о Вас думать, и побежали слезы, и промокла не только щека, но и подушка.

Пытался примириться и с прошлым, и с Вами, хотя бы с образом вашим, с представлением о вас в памяти и воображении, вспоминаю наши прошлые встречи, и столько нежного, яркого, светлого, радостного, столько чистого и восторженного блаженства – невозможно поверить, что все это было сном и заблуждением. Мы, мне казалось, пропитываемся друг другом, вы стали моею частью, и отделиться от вас, приказать себе стереть прошлое из памяти невозможно, как оставить в пустыне собственного ребенка, повернуться и уйти. Я ведь привязался к вам и как к подруге, со всей нежностью и тонкостью женской дружбы, и к ученице, и к сестре, и к возлюбленной – но в моей любви было притяжение не столько к женщине, сколько ко всему

остальному в женщине. Вы вмещали в себя молодость, красоту, привлекательность, милосердие, нежность, заботу о других, опасение причинить боль и страдание близким (и мне в том числе), ум, талант, нежное сердце, сознание долга, светлую материнскую любовь... И вдруг все рухнуло, словно никогда не бывало. В каждом человеке есть некоторое постоянство, некая устойчивость, что позволяет людям сближаться и идти рядом, *доверяя* друг другу, не бывает так, чтобы на взаимном пути один вдруг, без объяснения причин, ушел, исчез, отменил все, что было общего. Не бывает так, чтобы в человеке абсолютно все было временное, и ничего от вечного.

Но вы меня слишком внезапно выбросили из своей жизни, стерли и из души и из памяти. Словно сделали какой-то магический жест, и меня не стало.

Разве я занимал в вашей жизни так мало места, что меня можно было выбросить как окуроч, сделав две-три затяжки, разочаровавшись и бросив в канаву?

Разгромлены во мне и любовь и вера, и даже мое представление о женщине как о существе милосердном подверглось посрамлению. Мне больно думать, что и жизнь не стоит доверия, что и женщина по природе своей живет только случайными прихотями, сиюминутными увлечениями, что в ней нет сочувствия к тому, в чьи глаза она только что смотрела. У меня такое чувство, что теперь, даже когда я услышу «до свидания», «до завтра» – я буду думать: быть может, до завтра, если не придет прихоть забыть обо мне еще сегодня.

Кажется, что мы шли навстречу друг другу, распахнув объятия, и вдруг вы изо всей силы ударили меня по щеке и плюнули.

За что?

Возможно, произошла подмена личности, это уже не вы, а только пустая оболочка прежней доброй, нежной, сияющей. Эта меня уже не слышит, не понимает и не поймет.

Возможно, причина в той особенной религиозности, которая время от времени возникает в вас, а ей чаще всего сопутствует бездушие и жестокость, мир заполняется богом, человеку в нем места уже нет.

Если бы ваши поступки определялись непосредственной жизнью, вы бы со мной объяснились – и я бы все понял в вашем решении больше не встречаться. Я ведь пришел к вам с сочувствием и жадной помощи, но не с жадной подчинения и обладания. То, что вы меня притягивали, не противоречит моим словам, а только дополняет их. То, что я видел в вас женщину, вас возвышает, а не унижает. А теперь вы словно некий символ бесчувственности, набор пустых слов; бог, о котором вы говорите, столь же бездушен, как и ваша новая личность, словно наспех на гладкой доске, на которой не осталось человека, кто-то написал ничего не значащие слова о любви к Господу, которая теперь якобы стала смыслом вашей жизни. Вы для этого родили ребенка? Любите свою дочь, любите своего мужа и родителей, подруг, мир, окружающих, творчество, культуру, Россию, они нуждаются в вашей любви, но бог в вашей любви не нуждается, у него таких любовниц слишком много, он от них всех уже устал. Возможно, ему нужен умный собеседник, но ему давно уже не нужны кликуши.

Вместо той, которую я любил, умной, деликатной, отзывчивой, появилась совсем другая женщина, управляемая, нашедшая счастье в подчинении чужой воле – не было ли наше знакомство сном, жестокой насмешкой надо мною?

Нас пока еще кое что связывает: нужно послать вам вашу книгу, и я хочу одновременно послать и свою, которую писал вместе с влюблением в вас. Она вместо той прощальной встречи, от которой вы отказались, спеша растоптать прошлое – *зачем?*

Вы уверяете, что, отрекаясь от меня, вы стали счастливы, – но я не верю ни в вашу радость, ни в свет, ни в счастье, не говоря уж о возвышении души.

Я не верю теперь ни в вашу любовь к мужу, ни в вашу любовь к дочери. Ради них я был готов от вас отказаться, хотя и надеялся, что любовь нам обоим дана как чудо, а не как преступление – но вы любите только себя и своего бога.

Сомнительно, что вы мне ответите – да и что вы мне сможете объяснить? Что вы теперь во власти бога? Но с вашим богом мне разговаривать не о чем. А есть ли о чем разговаривать с вами? Если там, где был я, уже ничего нет. Словно вы меня и впрямь пристрелили, как когда-то сказали в шутку.

Ваше отношение ко мне изменилось внезапно и беспричинно, словно какая-то злая сила повернула в вашей душе выключатель и добро поменялось на зло. Я побежден – но не побеждены ли и вы, недавно живая, радостная, милая и нежная женщина? Помните ли вы ваш смех, ваши слезы, ваши улыбки и взгляды? Или вас пристрелили тоже, пристрелили вашу живую нежную душу – или я совсем ничего не понимаю в женщинах, и такие внезапные перемены пристрастий и предпочтений для них норма, и за словами о любви и дружбе у них нет подлинных чувств?

Но разве нас не связывала нежная и сияющая любовь, лучше которой мы уже не испытываем другой любви?

Нас победила какая-то бездушная сила... Или вас увлекло нечто новое, и порыв был так силен, что вы прошли сквозь меня, не заметив, и там, где вы прошли, теперь пролом... И меня уже нет в вашей жизни и словно никогда не было и не будет.

Но и я тоже когда-то забуду вас и теперь уже не пойму, что такое женская любовь, и существует ли она.

11.10.15. Рано утром проснулся и бедствовал, размышляя о вас.

Может быть, я пошел не по той дороге и попал в заколдованное царство. Ошибся дверью, номером телефона, имейлом, улыбкой, взглядом и намерением. Я был сном, меня не было, продолжайте спать...

Или вы перешли Стикс, ушли в другую жизнь, в которой меня нет и нет мне места, и в этой новой жизни не сохраняется даже память о прошлом. Но и мне новая ваша личность чужда и враждебна.

Возможно, в прежней жизни наша любовь отчасти была незаконна. Но любовь одновременно узаконивает себя тем, что она больше закона, и именно из нее исходит закон.

Но я соглашался на жертву. Я был готов подчиниться закону, и от всего отказаться. Готов уже был не встречаться с вами, не писать, не звонить, не думать о вас и не представлять.

Но вы мне все еще дороги, моя жизнь и дыхание, сестра, подруга, возлюбленная. И я еще Вас не забыл! Вероятно, всякая сильная любовь – это трагедия, и вот пришла пора расставания. Прощай, моя родная, любимая, привлекательная и притягательная девочка! Я не сожалею, что мы встретились. И ладно, не жалейте меня.

Женщина меня губит (как и было предсказано) и, вероятно, погубила бы и другая. Но, возможно, женщина и спасет.

Прощай, моё солнышко!

12 октября. Сегодня уезжаю из деревни до будущей весны.

Какие-то больные ночи, надо расставаться и с воспоминаниями. Но с удивлением вижу, что не за что зацепиться, *она* оказалась права, ничего не было, вспомнить нечего. На залив мы не посмотрели, по Павловску не погуляли, были короткие встречи и даже не было ни одного поцелуя...

Я пытался прорасти в ней, но сеял, как оказалось, по камню, не только не выросло, но ударил мороз, все погибло, ничего не взошло. И ей тоже нечего было бы вспомнить, если бы захотела.

Вера словно проваливает человека в зыбучий песок, исчезают и любовь, и мирские привязанности, и чем больше вера, тем меньше человеческого: восхищения, жалости, сострадания, нежности, дружбы...

Время колокольчиков должно наступить взамен.

Руками не могу дотянуться до твоих рук.

Правильные состоят из одних стен,

Ни свет через них не проходит, ни звук.

Но, говорят, бывает мгновение в ночной тиши,

Когда даже глухие слышат, как слезы бегут.

Ты тогда прочитай что-нибудь мое и мне напиши,

И это письмо я, может быть, сберегу.

А когда однажды прольется твоя слеза,

Прожжет она твердый камень и около меня упадет,

Увижу я, наконец, твой взгляд нежный из-за

Каменной завесы, вмерзающей в лед.

Любовь подобна музыке. Большинство ее не способно слышать, им кажется, что это просто беспорядочный набор звуков. Любовь делает человека слабым, сила в любви не нуждается, она сама забирает то, что считает своим. Но зато сила никогда не способна испытать отчаяние, бесконечную боль бессилия. Сила не знает самого прекрасного, что дает нам жизнь – нежности, восхищения, обожания женщины. И хотя мне больно от разочарования, унижения, предательства, но были когда-то мгновения, когда наши взгляды растворялись друг в друге – разве это не было небесным блаженством? Разве ты нашла очарование большее?

Прости меня за поражение. Я пытался вернуть тебе радость жизни, вместо этого страдаю сам. Ничего не могу тебе оставить на память такого, чем бы ты дорожила, все тебе неприятно, что связано со мной.

Но все же я написал, благодаря тебе, свою лучшую книгу.

Если ее не прочитаешь ты, то прочтает другая, нуждающаяся в любви.

И моя боль просто так не иссякнет. Я напишу еще, я найду и такие слова, которые услышат неслышащие. Тогда я вспомню и о тебе...

Может быть, однажды и ты меня вспомнишь... Неправда, что я любил тебя так, будто за это меня надо презирать. И неправда, что и в тебе не было ничего, что стоило бы любить. *В любви все становятся выше самих себя*, и я благословляю нашу первую встречу, когда сердце мое пронзило сострадание и я поклялся тебе помочь. Из сострадания родилась любовь.

Лучше было любить нельзя.

Прости, моя ласточка, что я не сумел удержать тебя, что ты улетела...

Еще несколько дней, и я отправлю тебе бандероль и письмо, не буду узнавать, вспоминать и плакать. Жаль, что время победит и воспоминания, и сожаление и боль. Ничего не останется...

Жаль, что мы ни разу не поцеловались. Этот поцелуй был бы словно камни погибшей Трои, он все таки существовал бы, хотя и в руинах... А так – одно *несуществование*...

18-00. Шел по шоссе с рюкзаком, сочинил еще романс, пел его, благо, никто не слышит... ..

Почему любовь так жестока?

Я замечал жестокость женщин по отношению к возлюбленным, которым только что они расточали нежность, и мне это казалось непостижимым.

Но разве не пишу и я, что жизнь – это трагедия, разве и христиане не называют ее *юдолью слез и печали*?

Разве не показывает и Вл. Соловьев, что и любовь почти всегда трагедия, и печально ее завершение, и если не обстоятельства виною, то достаточно женщине быть неверной, чтобы разрушить мироздание сильнее, чем его разрушила Ева, съев яблоко.

Следовательно, *она* меня бросила, чтобы я убедился подлинности своей любви – но что мне с того, что я знаю, что я люблю ее подлинно, если ей это уже неважно?

Сначала я себя уверял, что начну забывать ее после последней встречи, теперь – что начну забывать после того, как отошлю книгу...

А если она ее не станет читать? Все равно...

Как мне хочется помнить ее милой и доброй! Достаточно ей было встретиться со мною и объяснить, мы не будем встречаться – разве я не способен понять разные "почему"?.. Но что-то случилось еще, что превращает в ложь и нашу дружбу и несостоявшуюся любовь, и что прикрывается новою ложью...

Но надо ли мне об этом думать, анализировать и узнавать?

Разве я не любил ее больше себя? Разве я не был способен к жертве? Разве я ей не верил, как она верит в Бога? И неужели это только ложь? ...

На этом надо остановиться и стереть из памяти прошлое...

20-45. Нет, так невозможно жить, я все время в отчаянии... Пока был в деревне, ходил по дороге, пел романсы, пил вино, иногда тяжелая работа отвлекала от размышлений... Ночью я плакал...

Отчего же мне так мучительно больно?

Во-первых, конечно, оттого, что она меня не любит, притяжение неожиданно сменилось враждой, отталкиванием и даже ненавистью.

Но еще важнее, что я разочаровался в ней, что я увидел, что она такая же, как все, себялюбивая, неверная, не милосердная, холодная и жестокая. Это разочарование мучительнее, чем расставание.

На месте богини оказалась пустота...

Следовательно, не надо надеяться, предаваться мечтам, обвинять и сожалеть, мы как будто шли рядом, дорога неожиданно разделилась надвое и она перебежала на другую, отделенную от прежней каменной стеной, которую мне не перейти, да она и запретила.

Но, в то же время, что дает мне это спасительное рассуждение? Ибо *она* уже другая, которую любить не только невозможно, но и незачем. И не только незачем, но и оскорбительно.

Мы существуем в разных мирах, несовместимых друг с другом.

Надо ее забыть, стереть из памяти воспоминания о встречах, разговорах и письмах. А я их перечитываю, пытаюсь утешиться...

«Я Вас никогда не брошу и всегда буду любить.»

«Я Вас люблю и на самом деле полюбила очень давно.»

Но как эти слова лживы!

«Я не могу без Вас прожить и дня!» – и вот уже два с половиною месяца мы не виделись и до нее не достучаться...

«Ну напиши мне два словечка, миленький, я не могу уснуть, пожалуйста!»

Но хватит обольщать себя, это все было не о любви...

И не надо терзать себя сожалениями, и не надо приставать к холодной женщине, которую я заставлял играть роль влюбленной...

Ничего не было, ни дружбы, ни любви, ни притяжения, не было и тени той симпатии, которая возникает иногда между мужчиной и женщиной, – а потому не было и измены, не было и предательства, она просто выбросила меня как старую истрепанную надоевшую книжку, которую читала от скуки в трамвае.

Не любит. Не любила. Не нужен. И не был нужен прежде.

Не был дорог. Не был близок, хотя бы как бывает близка подруга.

И все же... отвечать враждой и негодованием еще унижительнее. Пусть было то что было. Пусть из этого ничего уже нет. Пусть ничего не было и раньше... Но надо просто простить прошлое. Разлюбить. Забыть. Перестать вспоминать. Простить мою несбывшуюся любовь!

И все же... Может быть, боль необходима, чтобы стать совершеннее?

Обращаюсь к прошлому за объяснением, ибо пока я ничего не объяснил, а, следовательно, не преодолел.

Когда-то, еще в юности, меня посадили в тюрьму, и мне показалось, что я погибну... Но прошли годы, и я понял, что страдания меня возвысили.

И когда десять лет назад продажная система меня посадила снова, то и эти страдания были необходимы мне и полезны.

Страдания в любви возвышают ее, оправдывают и искупают!

Так же и наша жизнь и мир в целом оправдываются и искупаются и возвышаются любовью, в которой мы страдаем.

Полгода назад я писал в дневнике: «Судьба меня столкнула с удивительной и красивой женщиной, и чтобы ее спасти, я решил в нее влюбиться – быть может, я ее таким образом спасу (если не погублю сам себя).»

Случилось так, что и ее не спас, и себя погубил.

Но нужно вытереть слезы и снова подняться.

Я подарю тебе печаль!

Моя печаль – шипы от розы.

Не повторяй так часто «Жаль!»,

Не вытирай напрасно слезы.

Я подарю тебе любовь,

Да, ту любовь, что невозвратна.

Быть может, ты полюбишь вновь –

Не возвращай ее обратно!

И я забвенью подарю.

Забудем все, что с нами было.

Не скажешь, я не повторю:

Однажды я тебя любила!..

13 октября, утро. И сон был мучителен. Да, уже не разрыв меня так давит и жжет, а то, что пошла отпрашиваться, как у стражника, у другого мужчины, можно ли со мною встретиться хотя бы на прощанье.

Да, я побежден. Любовь оказалась слабее бездушной веры.

Воистину, их мир не от человека. Пыталась культура прорасти сквозь их могильные своды, но не смогла.

Но ее больше нет... она от меня ушла...

Но разве я не найду спасения в своем мире? В природе, в деревне, в великолепном городе, в концертах старинной музыки, в литературе, дружбе, в друзьях и подругах, родных и знакомых?!

А она в горячем ветре их пустыни... И вдруг ей там плохо?..

Прощай, моя родная, покинувшая меня, но в последний раз еще дорогая...

Но она мне написала, еще соглашаясь на прощальную встречу: *Только не прикасайтесь ко мне, ваши прикосновения мне омерзительны.*

А мне стали неприятны прикосновения к тому бесплотному миру, который ее превратил в рабыню. Этот ее мир словно помешался на запрете чувств, все человеческое в человеке он ненавидит во имя самодержавного бога, стремясь превратить нас в безропотные листья на единственном дереве их вселенной.

Её я спасти не смог, бездушная сила меня растоптала, и она с наслаждением им помогала втоптать меня в прах земли, отринутой их небом – только небесны ли их извращенные чувства, небесна ли их ненависть к миру?

Так что же – бросить ее на растерзание? Предать?

Но разве в ней еще осталась она, та, которую я любил? Теперь она уже только часть их мира, и может ли нас что-нибудь связывать? Мне ее еще жаль... Но любить ее я уже не могу. Не могу восхищаться, испытывать нежность, мечтать и блаженствовать...

«Ну потерпи еще немного, время будет врачевать твою боль!

Не плачь, время высушит слезы!

Не оглядывайся на прошлое, даже в нем любви уже нет!

Стань пока хотя бы равнодушным.

Женщины любят только силу, но разве ты не сам отказался от их рабской любви? Ищи чудо! Если твоя Судьба тебя только испытывает, если и она не предала тебя тоже, то наступит новое бытие, чудо войдет в твою жизнь как Северное сияние, и в нем растворится всякая боль.»

Но не любил ли я ее слишком самолюбиво, только для себя? Готов ли был к жертве?

«Не укоряй себя без основания, ты не стремился ее завоевать. Ты был лучшим из всех. Может быть, не прав ты был только в том, что слишком от себя отказался. Вытри слезы и продолжи свой путь! Не думай о времени, оно тебе еще не враг, у тебя впереди вечность! Эта "незаконная" любовь – твоё испытание и твоё вдохновение, но и твоя трагедия. Ваши пути разошлись безвозвратно и сожалеть теперь об этом уже не надо. Она была тоже идеальна, но она была тебе дана для того, чтобы ты познал трагизм бытия. Большого она дать не могла. Забудь ее и прости!»

Да, теперь я все понял. Мне так больно только от того, что я не могу тебя простить. Но я не должен бездушную силу, с которой столкнулся, отождествлять с тобой, даже если ты помогаешь тащить хворост на мой костер. Ты маленькая наивная девочка, твоя жизнь только началась, еще ты не однажды изменишься, научишься любить так, как положено человеку, то есть *милосердно*. И по своей воле. Но это уже произойдет без меня.

И, значит, надо тебе улыбнуться и все простить, и даже то, что мои прикосновения тебе омерзительны. Вероятно, я нечаянно перешел границу между мирами, а в том мире, в который тебя утащили, и куда я так неосторожно шагнул, все не так, как у нас.

Прости меня, нежная и робкая девочка, которую так запутала жизнь. Я не справился с твоими путями. Прости еще раз. Я пытался тебя любить. Я любил тебя больше всех. Но больше у меня нет уже сил. Я все еще тебя люблю, оглядываясь на прощанье. Но все... Я уже уйду... больше не оглянусь...

21-00. «Сила и равнодушие – Вот ключ к успеху!» – так писал я в одном из старых стихотворений. Но если я стану равнодушным, зачем мне успех? Будет ли он меня радовать? А сила? Для чего она нужна? Для того, чтобы не страдать от ее нелюбви? То есть, иначе говоря, стать равнодушным? Но и ее любовь я приму почти так же равнодушно, и зачем тогда мне она?

13 октября, полночь. Если видеть в событиях некую цель, то уместно задуматься, за что меня судьба вдруг решила наказать и унижить.

Возможно, я чрезмерно увлекся собою, мне показалось, что чуть ли не весь мир вращается вокруг меня, почти все меня хвалили, никто не порицал, хвалили родные, друзья, городские и деревенские, и я уже почти считал себя небожителем. В таком самоупоении необходимо, чтобы произошло что-то нелепое и оскорбительно злое, например, нападают грабители или изменяет любимая женщина. Необходимо, чтобы мир рухнул и обвалилось самомнение, упало почти до нуля. Это залог последующего восстания из руин.

Итак, меня наказала судьба, а вы были орудием наказания.

Не так живу, не так дышу,
Не с теми, не за тем.
В потемках ночью я пишу,
А днем не пуще ль темь?
Я заблудился. Север, юг –
Запутались пути...
Не может быть, чтоб бросил друг! –
Зачем тогда идти?
Но если все же друг пойдет –
Я оставляю след:
Мешаясь вместе, кровь и пот
Сочатся много лет.
Мне хватит силы до конца?
Еще не скоро ночь...
Во имя сына и отца
Приди ко мне помочь!
Иди по следу. Для любви
Вернее знака нет.
Пока моя душа в крови –
Не оборвется след!

14 октября, 11-00. Снились ужасные сны. Во сне она возмущенно мне кричала: Да когда же вы, наконец, от меня отстанете? Разве вам еще не ясно, что вы мне давно противны? Уйдите, не мешайте мне жить по моему, я ничего о вас не помню и вспоминать не хочу, да вас никогда и не было в моей жизни!

И правда, какое право я имею на это прощание?

Но ведь она когда-то мне тоже писала, она ведь жаловалась, что ей плохо, я ведь ее жалел, страдал ее страданиями, я ведь не оттолкнул её?!

И все же, права на прощание у меня нет. У меня есть только право на забвение и равнодушие, и усмирение боли...

Если судьба меня схватила за шиворот и ударила о бетонную стену, то это для того, чтобы разрушить *самоупоение*. Слишком благополучна была моя жизнь. Родители меня родили по любви, не боясь прикасаться друг к другу, меня любили родные, учителя и одноклассники, красивые девушки, и даже следовательницы и конвоиры. Любила деревенская распутная Ева и ее

брошенные дочки, к которым я ездил в приют, и другие деревенские девочки, словно искупая свои будущие женские грехи, когда они вырастут и утратят способность любить. Что Христа тоже любили блудницы, мы это знаем, но любили ли его дети? Рассказов об этом не сохранилось, он слишком был суров и судителен, хотя других призывал никого не судить. Он слишком был НЕ семеен, хотя и проклял смоковницу, не уголившую его жажду плодами. Он слишком был против радостей жизни, слишком погружен в проповедь покаяния и подчинения небесным силам, а дети радостны и своевольны, только дети и свободны по настоящему – возможно, свободен и я как они, ведь за что-то они меня любят?

[Вы упрекнете меня в богохульстве – но разве иудеи отреклись от своего Каиафы? Разве современный раввин не обвинил самого Христа в богохульстве (вы об этом уже читали?), и это обвинение не входит ли в традицию иудаизма? А хуже ли я иудея? Хуже ли атеистов, разрушивших почти все храмы в России? Но все, кто поддерживает большевиков, поддержали и их войну с церковью и христианством, а, значит, и вы. (И в этой вашей двойственности я видел хотя бы некий просвет свободы, ибо слишком сильна в вас страсть к подчинению).]

Но мое *самоупоение* надо было разрушить и унизить, и та, которую я любил больше всех, и должна была надо мной посмеяться.

Не справедливее ли мне теперь и самому смеяться в ответ на любые слова о любви? И той, которая захочет поцеловать мне руку, не следует ли сразу сказать, что завтра она меня за это ударит? Не почти ли и сразу, как я сам поцелую её руку? Человек одинок, слова о равнодушии лживы, это просто «слова, слова, слова...». Бог чрезмерно жесток и обещает в будущем только *вар и скрежет зубовый*, а воскресение и райское блаженство только горстке избранных и покорных (да они уже все сосчитаны!). Но отнимает он у рабынь своих даже те радости жизни, которые есть у лилий и ласточек, то есть радость самого радования тем, что живешь! О, как угрюма христианская проповедь! И как безнравственна сама жизнь христианина, смиряющегося с тем, что «враги человеку домашние его», и «оставьте мертвым хоронить своих мертвецов»! Не поэтому ли вы и отказали мне в последней милости, в прощальной встрече? Но отныне, говоря кому-нибудь «Я тебя никогда не разлюблю!», вы вспомните, что эти слова уже говорили не раз другому, а потом дополнили их другими, что его любовь омерзительна, причем на следующий же день, причем не было ни встреч, ни писем, ни разговоров между аллилуйей и анафемой. Что же случилось?

Да, я знаю, что упрекать женщину в предательстве еще нелепее, чем предать ее самому, у ее любви как у птички крылья... и только...

Любить, как ни странно, может только Манон... Может быть, мне к ней и вернуться? Любить, как ни странно, с большим доверием можно распутную Юлю, она прозрачна как водка, которую мы с нею пили. Любить можно еще бесплотных девчушек, воистину бесплотной любовью, и только я и могу их любить: как и других, не таких бесплотных, ибо только моя любовь и чиста (ибо все проповедники духовной и беспорочной любви слишком уж подозри-

тельны, и чем с большей страстью они проповедуют *духовность*, тем больше в ней может оказаться похоти – разве вы не помните, доверчивые слушательницы проповедников, что даже Иероним по ночам бывал окружен толпою обнаженных развратных красавиц, что даже протопоп Аввакум однажды был принужден жечь себе руку, чтобы усмирить в себе плотский огонь, что это же был принужден сделать герой «Крейцеровой сонаты» Толстого... так что моя проповедь любви и «похоти очей» в миллион раз целомудреннее! Разве боялись девушки разделить со мною постель, когда она была лишь одна, и ночевать было больше негде – потому что без любви я был холоднее арктических льдов? Разве боялись мамы отпускать своих малолетних дочек со мною куда угодно? Так ведь и те, у кого я гостил, не запирали от меня деньги в сейф, потому что я был только человек, не праведник, не святой, не отшельник, не учитель святости. И я был человек не из-за страха Божия, как настаивал Конст. Леонтьев, а по рождению. *Богатство мое было слишком скромным: сочувствие к другому, в крайнем случае жалость, иногда милость, к избранным любовью.*

И этого было достаточно, чтобы мне доверяли мамы. Ну а дочки... Это вы уж спросите у них.

Мне кажется, что меня занесло... Не признак ли это выздоровления?

Осталось еще одно предположение: меня за всю жизнь ни разу не предали. Не для того ли и случилось все то, что случилось, чтобы я был как все, равен всякому, не возвышался, уж если вочеловечился я и стал человеком и поучаю других в истине, то воистину «ничто человеческое (должно быть) мне не чуждо», и слабости, и любовь, и страсть и грехи?! Но пока я стану воистину одинок. На некоторое время отойду и от учениц и поклонниц, не пойду к Анне есть суп, который она обещала мне сварить, не предложу себя ей в друзья, не буду слушать лживые женские слова «до свидания!», не поеду в деревню, не соглашусь на литературные встречи, мне посвященные, не буду знакомиться и ухаживать. *И лучше было бы мне совсем умереть, но это зависит не от меня...*

К кому она ушла? Религиозный миф существует в двух слоях: сверху слой культурный и житейский, словно бы почва, крестьянин разводит огород, выращивает урожай, по воскресеньям ходит в храм, ставит свечку, слушает проповедь, за ужином крестится и благословляет трапезу. Но жизнь течет своим чередом, храм существует не более, чем баня по субботам и рыбалка время от времени, и выпивка с соседом. В этой почве наставления жить хорошо и правильно, и не проклинается ни человек, ни его душа, ни любовь. Но под этой почвой, как в вулкане, магма подлинного мифа, и когда она вырывается наружу, то миф заявляет о себе несовместимостью с культурой, с человеком, с его жизненными заботами и устремлениями, с его любовью, работой и творчеством. Любовь – это мерзость, и человек мерзость, и его культура. Вот на днях мусульмане взорвали триумфальную арку в Пальмире, девятилетних девочек забирают в завоеванном городе в наложницы, пленным отрезают головы. Но не отговаривайтесь тем, что это, мол, мусульмане – христианская магма такова же, в Средние века христиане сожгли девять

миллионов ведьм (и вас сожгли бы тоже, сколько бы вы ни читали молитв), развязали Столетнюю войну в Европе, отстаивая правильность веры, и население сократилось вдвое – от войн, от болезней и голода. Преследовалась наука, свободная мысль, поэзия и театр. Крепостное право в России было благом в сравнении с тем, как относились к крестьянам в Англии и Франции, в середине девятнадцатого столетия от голода, развязанного англичанами, умерла половина ирландцев (так англиканы, протестанты, расправлялись с католиками-ирландцами. Те же погромы еще двадцать лет назад были в Ольстере – части Ирландии, присоединенной к Англии)...

Не идеализируйте Европу, *свобода, равенство и братство* провозгласила только Великая Французская революция, о подлинной жизни народа вам скажут Диккенс и Гюго, позже Маркс и Золя больше, чем жития святых.

Надежда на рай после смерти и вера в обмен на блаженство – разве не продажа убеждений за сладкую *манну* в раю?!

Как кратко сформулировать сущность христианства? Мир пал, жизнь – омерзительна, любовь еще хуже, жить надо аки во гробе, со смирением, терпением, умалением гордыни, кротостью, покаянием, опасением греха... не пожелай выпить, не посмотри с вожделием, не, не, не... Уважать такого мужчину невозможно, любить такую женщину невозможно тоже. И заполнены христианские сайты в Интернете призывами распять душу человека и «душевную любовь», тем же заполнены сочинения Игнатия Брянчанинова, Иеронима Блаженного, Августина, отцов церкви и им же несть числа...

Так ли верили Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Достоевский, Лев Толстой? Нет, они были полнокровные люди, писали стихи и романы о любви, разной любви, в том числе и порочной, и герои их творений не были негодьями и отродьями дьявола. Принимать христианскую доктрину всерьез и вполне – значит отказаться от всякой жизни.

Но отказывались ли от жизни те, кто проповедовал «спать во гробе», как апостол Павел? Нет, он тоже жил **действенной** жизнью, объездил с проповедью всю Европу и весь Восток, правда, не прикасался к женщине.

Протопоп Аввакум? Взбаламутил Россию, был в ссылке, имел миллионы последователей, писал антицерковные письма, написал житие, НЕ победил, был сожжен.

Лютер? Взбаламутил Германию, снял католическую сугану, женился на той, которую любил (не для того ли и расколол христианство?).

Их проповедь СМИРЕНИЯ и бездейтельности была обращена к рабам и рабским душам, сами они были далеко не смиренны, но ДЕРЗКО отстаивали свои убеждения, вплоть до плахи, как Томас Мор.

Ваше христианство, мой ангел, отравя, которою вы отравили собственную жизнь для счастья покорной рабыни у Бога. А нужны ли Ему рабыни? Вы у него спросили? Вы с ним разговаривали? Или все это вам объяснили ваши дерзкие духовные отцы, претензии которых на подчинение себе рабских душ покорных женщин больше похожи на ислам, а не на христианство?

Впрочем, говорить больше не о чем, вы меня не услышите...

Любите мужа, любите дочь, любите мир, любите культуру (если вы ее

еще не прокляли), – в этом для женщины гораздо больше религиозности, чем в слепой покорности сектантским проповедникам.

И можно было бы добавить: *будьте женщиной и будьте человеком!* – если бы именно это вас не ужасало больше всего.

Мы были знакомы, кажется, два года, вы были живой и очаровательной, теперь только как мантру буддист повторяете набор избитых и изжеванных слов о «жизни с Господом». *Больше вам не с кем жить?*

Нет, это не та женщина, которую я знал и любил. Погас светильник, светивший в вашей душе. Этот светильник не заменяет ни покорность, ни вера.

Способны ли вы еще писать стихи? Погружение в религиозную патоку убивает эту способность быстрее всего, как убивает и любовь и МИЛОСЕРДИЕ.

Я гордился вниманием той женщины, которую я когда-то знал, она беспокоилась о том, хорошо ли я себя чувствую, все ли благополучно в моей жизни, не обиделся ли я на какие-нибудь ее слова.

Та женщина умерла. И я ее оплакиваю, потому что я ее любил, даже в эту минуту, когда я пишу эти слова, из глаз у меня льются слезы. Куда вы ее дели? Вы ее распяли?

Как она была прекрасна, несмотря на некоторые свои слабости, может быть, и грехи – но кто из нас без греха?

Но ее больше нет, и я не знаю, куда ее унесли и спрятали...

Христианство и ислам одинаково противостоят культуре.

Исламисты взрывают античные памятники, христиане "взрывают" музеи (отбирая музеи у культуры и передавая их церкви).

Культура пыталась изменить христианство, превратить его в часть культуры, вводя в него песнопения, молитвы, музыку (в протестантизме), дополняя и светскую музыку на религиозные темы, которая исполнялась в концертных залах.

Но тщетно, У мифа инобщийное сознание, он не от мира сего, он противостоит и культуре, и творчеству, семье, любви, труду, деятельности, направленной на преобразование мира, на его улучшение (как крестьянин возделывает огород и пашню), а христианство возразило бы и внесению удобрений и агрохимии, и новым методам обработки почвы, как оно пытается возражать науке и медицине, лекарства заменяет на молитву.

Христианство жестоко и не утешительно. Главным в человеке оно пренебрегает, следовательно, оно обращено к тем, кто лишен почти всего существенно человеческого, оно не обращено к труженику, добывающему в поте лица хлеб насущный, но соединяющему с трудом множество житейских забот. Ничего не говорит о творчестве, но во множестве косвенных замечаний относится к нему неприязненно. Не обращено к актеру, писателю, художнику, зодчему, скульптору, философу, поэту и влюбленному – но в произведениях богословов и христианских писателей на любовь яростно ополчается. Не обращено к воину, защитнику отечества, да об отечестве не только не говорит, но порицает, ибо сначала разделяло мир (при становлении учения) только на два народа: на народ *богоизбранный*, иудеев (и Христос сказал, что

пришел только к ним), – и "братьев их меньших", инородцев и язычников; а затем разделило всех на христиан и иноверных. Следовательно, упразднились отечества, государства, границы, война и защита отечеств, справедливость и свобода – правда, многое упразднялось отчасти условно, как и неприкосанение к женщинам, и конец света (который отложился на неопределенное время).

Упразднялось созидание в себе совершенной личности, ибо та личность, которая отвечает наставлениям христианских учителей, уж очень унижительна для человека: кротость, смирение, послушание, умаление гордыни, страх божий, пронизывающий жизнь (что возможно скорее только кающемуся грешнику), чувство своей всегдашней греховности и сознание ничтожности воли и жизни... упразднились любовь, восторг от восприятия красоты и культуры, *вдохновение* (о нем в Священном Писании ни строчки), какой бы то ни было подвиг кроме подвига веры, семья, дружба (этого чувства в христианском учении тоже нет), честолюбие, гордость, чувство чести... *Упразднялись человек в мире и человеческий мир...*

Что предлагалось взамен?

Рай, райское блаженство, вечная жизнь в раю.

Но христианство запугивает отступников и сомневающихся, страшит их вечными муками, и сам Христос поминает через слово «плач и скрежет зубный» – и это не подтверждает ли, что христианство жестоко?

Два несовместимых пространства бытия.

Очевидно, что следует и из истории, и из частной жизни, жизнь в мире и в рамках мифа несовместимы. Мирская жизнь может включать или не включать миф и архаическое сознание, но она опирается на культуру, любовь и долг, и при всех противоречиях между ними и внутри них способна быть основанием каждого человека, существующего в ее рамках.

Жизнь религиозная, согласная с мифом, возможна только при сочетании с жизнью мирской. Монах или отшельник могут, казалось бы, исполнять все заповеди и повеления мифа, не касаться женщины, не рожать детей, не трудиться, не заниматься творчеством, обходиться без культуры, но и он существует только благодаря тому, что отвергает. Потому что он был рожден, воспитан и получил образование в семье и культуре и светских учреждениях, получает хлеб насыщенный и всякое для жизни благодаря мирянам, даже Книгу, которая для него Источник, даже храм, иконы, песнопения и общение с миром (которое не исключается полностью даже для затворника) он получает только из мира. Даже сама и проповедь *жить не живя* возможна только в мире, поэтому многие, исповедующие миф (как священники), живут обычной светской жизнью, сочетаются браком, рожают детей, работают, даже иногда участвуют в общественной и культурной жизни...

Но чаще жизнь их узка и скудна, слишком ограничена правилами и заповедями, когда они пытаются жить согласно Закону.

Особенная разновидность таких верующих – женщины. Но прежде чем объяснить, чем они отличаются от других, надо снова вернуться к тому, что они собой представляют в мирском море, чем живут и к чему стремятся.

Женщина. Цель женской любви.

Существует ли женская любовь? Судьба, которая, возможно, и замыслила эту мою книгу, придумала так, чтобы я не только читал чужие книги, но и сам влюбился, чтобы понять, что такое любовь, на собственном опыте. И все происходило почти в соответствии с хорошо поставленным экспериментом.

Сначала был период заочного знакомства, затем мы встретились, и я исполнился сострадания и вознамерился ей помочь. Так мы были знакомы около года, и этот период можно назвать дружбой (или влюбленной дружбой).

Затем волхвы уговорили меня в нее влюбиться – с этого началась любовь, которую можно было бы считать и взаимной, если бы не ее постоянные сомнения в том, что любовь не грех. Если бы я не сказал, что отныне буду ее любить, возможно, она бы меня и не бросила. (Следовательно, сознание того, что мужчина ее любит, женщине мешает любить, она должна чувствовать свою зависимость от мужчины, сомневаться в том, что она ему нужна, – иначе говоря, прав Пушкин, и чем меньше мы этих вертихвосток любим, увь, тем нам легче им нравиться. Но такие отношения вовсе не являются подлинной любовью, то есть *любовью взаимной*.)

Так, может быть, к подлинной любви женщина и не способна? А литературные примеры либо соответствуют только «действительности», данной в литературе, но не в жизни, либо относятся не совсем к тому, что я имел в виду, говоря о любви идеальной, предполагающей даже возвышение ее над жизнью и вечность существования.

Но если идеальная женская любовь и не существует, то существует еще любовь *чувственная*, как у Анны Карениной, *распутная*, как у Манон Леско, *любовь-страсть*, как у Джульетты, *любовь рабыни*, как у Настасьи Филипповны по отношению к ее богатому развратителю. Но чувства тех женщин, которые говорят о «верности» мужу, которому они были *отданы* не по своей воле, ничего не говорят о любви, и тем более о страсти.

Чего ищет женщина? Вероятно, она ищет исполнить свое предназначение, вытекающее из ее материнского инстинкта, и тогда она ищет достойного мужа и правильную семейную жизнь, и если при этом любовь и случается, то она носит характер тайного дополнения к семейной жизни.

Муж как отец детей – это глава семьи, *владелец* и всего, что с нею связано, то есть жены и детей. Следовательно, женщина прежде ищет, кому выгоднее себя продать, а поиски любви, если они бывают, вторичны. (И, следовательно, женщину вернее изучать и узнавать по Вейнингеру, а не по Вл. Соловьеву).

(Разумеется, говоря я о женской любви пунктиром, ибо если исследовать ее всерьез на литературных примерах, то пришлось бы писать еще одну книгу, а мне дай бог выжить после той, которую я теперь заканчиваю).

Итак, вполне вероятно, что женщина к *идеальной любви* не способна, и либо родовая любовь ее восполняет, либо любовь-трагедия.

Итак, женской любви нет. Но есть материнский инстинкт и поиски наилучшего мужа, или, после замужества, романы как чувственные авантюры, и только они и являются суррогатами женской любви.

Любовь к Богу как «идеальный» вариант женской любви.

Возвратимся к женщинам, в жизни которых вера играет не меньшую роль, чем семья, иногда даже большую, как у боярыни Морозовой, и женщина либо уходит в монастырь, либо становится "божьей любовницей". Можно было бы смотреть на такой тип семейных отношений даже как на своеобразный адюльтер, если бы он не был узаконен общественной моралью. При этом женщина в Боге находит идеального мужа, который одновременно является и господином (большим чем муж), и любовником.

Судьба преподнесла мне урок жестокий. Она наказала меня за отступление от долга, заставив испить чашу разочарования, ибо моя "Земфира" мне изменила (предположительно, с Богом, – в чем, впрочем, я не окончательно уверен, женская душа потемки), что ставит меня в положение исключительно унижительное, с Богом я состязаться не в силах.

Романы с Богом, хотя бы они и были суррогатами самой разнузданной чувственной любви (как ночные видения Блаженного Иеронима), женщина стремится прикрыть, выдать за нечто другое, так является миф о *духовной любви к Богу* (иногда к человеку, но тоже почти как к Богу, и тогда эта любовь является только духовной).

Примером женской *духовной любви* является уход женщины в секту или к "старцу" (скажем, к Распугину), где она может участвовать даже в коллективных оргиях (как у хлыстов), но будет верить, что эта любовь духовна.

Очевидно, что в полном согласии с рассуждениями Владимира Соловьева о провиденциальном вмешательстве сверхъестественных сил даже в семейные дела старцев в Ветхом Завете, волхвы повели себя по отношению ко мне так же, они заранее нашли Земфиру, которая должна была мне изменить, упрекая меня как злодея, домогавшегося ее своей *омерзительной* любовью, ее, трепетно чистую и покорную Богу, который единственный мог бы ее домогаться.

Итак, мне была приготовлена роль жертвенного агнца на эшафоте любви, любовь уже распята (как того и требовали христианки с христианского сайта), а мое распятие медленное, чтобы праведницы насладились вполне.

Но судьба (и подчиненные ей волхвы) не единственной целью имели мое наказание, все же в основе лежал замысел создания книги, посвященной любви между мужчиной и женщиной, и в частности, любви трагической. Земфиру заранее нашли среди изменного женского типа, подготовили, воспитали и, наконец, она исполнила свой сладострастный танец моего посрамления.

Итак, женщина переживает и те низкие формы любви, что и мужчины, то есть стремление к обладанию, наслаждению, сладострастию (и именно из этих гризетки, наложницы, шлюхи и "путаны" – но не следует думать, что только вот эти и есть продажные женщины. *Продажны*, как говорит Вейнингер, разочаровавшийся в одной из "Кармен", *все*, и благонамеренные жены также – но одни продаются оптом, другие – в розницу. Но мужчину, пользующегося "спросом", мы возвеличиваем как Дон-Жуана, а доступную женщину обзываем шлюхой, изредка сочувствуя ей в несчастье и посвящая романы и оперы, как "Даме с камелиями". Но женщина переживает и высокие формы любви, прежде всего любовь материнскую, которая иногда изливается и на мужчину, и во-вторых, любовь к богу, которому женщина верна более, чем мужчине.

Но не знает женщина *идеальной любви*, как Тристан или юный Вертер.

Дон-Кихот и Дульцинея.

Разумеется, понятный язык не видит за лесом деревьев, ибо и "женщина" не существует и "мужчина" тем более – что у меня общего с Анатодем Курагиным и даже с князем Мышкиным? Но не существуют, что более странно, даже Дульцинея и Настасья Филипповна, люди словно играют роли, на которые их назначает случай или судьба, а таковы ли они в самом деле, каковы роли, которые они исполняют?

Сколько их, разнообразных Дульциней, каждая почти подойдет на ее роль, но значительно меньше Дон-Кихотов, которые их на эту роль назначают.

Правда, и я не совсем Дон-Кихот, хотя не слишком от него отличаюсь – вероятно, я более подобен Сервантесу, чем его героям, именно поэтому я Дон-Кихот (и более Дон-Кихот, чем другие), но одновременно и Санчо-Пансо. Но кто же тогда моя Земфира? Отчасти *она* такова, какую я хотел ее видеть, отчасти сама по себе, и наша любовь оказалась несчастьем больше всего потому, что я не сумел ее возвысить до того положения, которое ей приготовил. *Она должна была меня полюбить.* Она была готова, ей надо было немного помочь – но у меня не хватило ни силы, ни страсти.

И вот теперь я стою на эшафоте, в рубище и с веревкой на шее, и толпа внизу предвкушает.

Мне плохо, болят и плоть и душа, я бы сказал, что болит и мой дух, если бы он не был бесчувствен к боли. (Вот она, природа проповедников *духовной любви*: *дух не болит*, и его любовь чужда страданию, и люди, уподобившись духам, уже почти демоны, неспособные ни к боли, ни к любви, в них почти нет ничего человеческого. Поэтому пьяница, лежащий в канаве, мне ближе Игнатия Брянчанинова и Блаженного Августина – будущих небожителей, купивших место в раю за отказ от трудностей жизни. *За чечевичную похлебку рая они отказались от человеческого права первородства.*)

Но отличаются ли мои слова от молчания, если те, к которым я обращаюсь, не слышат ни слов, ни молчания? Они ищут и находят *духовную любовь*, в которой *я не ощущаю* чувства и *не испытываю* мысли. Но ведь так же и те, кто не слышит музыку, думают, что ее нет, и разве возможно им доказать, что она есть? Вдруг и эти, *любящие духовно*, слышат музыку духа? И я спрашиваю их об этом, и читаю то, что они пишут об этом сами, – нет, не уверен, что они что-то слышат, они пишут о том, что, по их мнению, должен слышать такой человек, а слышат ли они сами – сомнительно.

О многом можно судить по выражению лиц и сиянию в глазах: «Я ж любовников счастливых узнаю по их глазам! – пишет Пушкин. – В них сияет пламень томный – Наслаждений знак нескромный.»

Но не убеждают меня лица христиан в том, что они испытывают эту странную любовь, о которой пишут, или хотя бы «любовь к ближнему»...

Сгущение.

Нигде нет мира, ни во мне, ни в мире,
Не утешает колокольный звон.
Я жил вразмах, чтоб небо стало шире,
Но победили паток и сон.

Тебе принес я, слышащий и зрячий,
 Сто двадцать тысяч раскаленных слов...
 Гонимый ветром пылкой неудачи,
 Без спутника, без мельницы, без клячи,
 Я – подлинность. Я – дерзость! Я – любовь!

«Слова, слова, слова...» Но ведь и у меня чрезмерно много слов, хотя и раскаленных, но целых сто двадцать тысяч! Неужели нельзя их количество уменьшить? И я пытался. Но такова особенность понятийной речи, что фраза выражает собою одну простую мысль, и только художественное изображение позволяет событие, воспоминание, чувство, движение души и воли вместить в образ и метафору в немногих словах. Эту книгу мне уже не изменить, не сделать более плотной, надо только не писать таких книг больше, а искать другой язык, и написать другую книгу, найти иную форму романа, разговаривающего с читателем иначе, чем я теперь в чрезмерности слов.

Что я ищу? Кажется, к несчастью, что ничего спасти уже нельзя, произошло кораблекрушение, мы налетели на камни и всё разбилось. Остается только мне, пока еще живому, уйти с места кораблекрушения.

Я жалуюсь на оскорбительность разрыва, но так ли важно, равнодушно она от меня отреклась или презрительно? И нельзя ли посмотреть на все случившееся иначе? Поведение наше часто определяется ценностью того, с чем мы сталкиваемся, мы можем почти машинально сломать ветку дерева и бросить ее, но если бы стояли деревья с золотыми и серебряными ветвями, мы бы их не стали ломать. Я перестал что-то значить в ее глазах, я обесценился, и это не меня она выбросила в канаву как окурок, а именно *окурок и выбросила, не видя во мне чего-либо большего*. Таинство любви возникает как сияние зари, как всполохи молний, и когда они вспыхивают на небе, не надо убеждать на них смотреть того, кто их видит. Нужно стать таким, чтобы и впрямь нельзя было и дня прожить без меня, как когда-то, быть может, и было. Но я обесценился, и никто в этом не виноват, кроме меня. Мучительно расставаться, но, возможно, смерть будет еще мучительнее, когда придет, но что я смогу с нею сделать?

Мне плохо, мне почти невыносимо, но это расплата за блаженство. Так страдают пьяница и наркоман. Теперь, разочарованный, я могу уподобить многое возвышенное более низкому, не боясь унижения: могу ли я пасть еще ниже после такого посрамления, которому она подвергла и меня, и нашу любовь, да не в большей ли степени и себя, посрамив, может быть, самое высокое, что связывает мужчину и женщину и что нас связывало? *Будет ли у нее когда-нибудь такой сумасшедший возлюбленный, такой восторженный друг, такой безропотный поклонник, каким был я?*

И все же... она ли меня предала или я ее потерял?

Каждая любовь существует только для двух, у других она уже другая, и тогда возможна ли философия любви?

Пьяница несет стакан, боясь расплескать капли, не надо его убеждать нести стакан осторожно. А меня оказалось возможным просто выплеснуть. Но не значит ли это, что пить меня было уже нельзя, или, по крайней мере, *невкусно*? Но изменять теперь что либо уже поздно, и не надо пытаться...

***Но изменить кое-что все таки и возможно и необходимо.
Я должен стать другим! И необходима новая жизнь!***

Бывали такие минуты, когда женщина слушала меня почти благоговейно, это бывало и очень давно и недавно, но во всех таких случаях я был вдохновенным. Тусклый и прозаический день не привлекает, не привлекает нытье побежденного. Даже если я побежден, убит, умер, я должен быть достойным того, что со мной происходит, я должен, словно приговоренный к расстрелу и стоящий у обрыва, не дрожать в ожидании пули, а смотреть на зарю или звезды, слушать ветер, слизывать со щеки капли дождя, если и плакать, то не от страха, а от восторга. Последние мгновения жизни могут стать больше всей жизни, время не равномерно, оно – величайшая тайна из тайн. ***Трагическая любовь – это не поражение, а победа.*** Только тем, кто к ней способен, кто ее может вместить, она и дается. И она дана мне!

И эта девочка, которую я оскорбительно и ненавидя сравниваю с Кармен и Земфирой, с побежденной Татьяной Лариной, с бесплотными монашками и блаженными, отрехшимися от жизни – даже если она теперь и такова как они – но эта девочка была моей Дульцинеей, она меня вдохновляла, она меня боялась расплескать, как *боится расплескать бурю море*, но она не побоялась быть для меня подругой, ученицей, музой... может быть, большего не замыслила судьба, и мы не виноваты оба в своем бессилии...

Да если даже она меня и предала – значит, я должен был, наконец, испытать и предательство, чтобы подняться в горы: *если бы я не выплакал лишние слезы бессилья, я бы не научился дышать разреженным воздухом гор.*

Ласточка от меня улетела...

Жизнь и любовь не закончились, рана хотя и болит, но сердце бьется и я стою на ногах. Не надо ни забывать, ни помнить, ни продолжать любить, ни ненавидеть, ни быть равнодушным. Я еще ничего не узнал и мне еще многое предстоит узнать, но только на том пути, на котором все определяется интуицией и вдохновением, как мой пеший поход в деревню, где жила Анна. *Не нужно усилий воли, все необходимое обретется легко и почти даром.*

Обида и ревность. Подвержено глению многое, и это спасает от чрезмерности постоянства. Истлевают осенние дожди, зимние морозы, осень и зима, истлевают даже затяжная обида, она оказывается всего лишь чрезмерным себялюбием и любящий в состоянии ее растворить в любви или в сочувствии к другому. Даже дети и жены бывают несправедливы, тем более друзья и подруги. Себя ли мы любим в нашей взаимности, или их прежде, а себя потом? Итак, обида уже истлевает, она скоро истлеет. Но *ревность* – заноза еще пуще, и когда она истлеет, никто предсказать не может. Правда, истлевают уже и любовь, и когда любовь истлеет, ревность уже будет недействительна.

Взаимность и присвоение. Женщина обладает жадной принадлежать другому, раствориться в другом, стать его частью. Она сама хочет, чтобы ею обладал ее избранник, а еще хуже, когда она хочет, чтобы ею обладал тот, кто ее избирает. Кривоногий Чингис приходит и забирает ее как свою вещь, и она с радостью ему отдается – это меня всегда возмущало и вызывало даже ненависть к женщине; возможно, в той или иной степени этим качеством

наделена всякая. Итак, женская любовь может сводиться к жажде принадлежать другому, такова и женская религиозность, жажда растворения в Боге, "возвыситься" до листьев на Его дереве, что ныне проповедуется на христианских сайтах. (И хотя и монахи и богословы и святые и отшельники тоже жаждут раствориться в Боге, все же я считаю эту жажду женской, и потому религиозность, веру и архаическое сознание воспринимаю как нечто женственное... Пока мне не приведут доводы против).

И все же желания *отдаться, принадлежать и раствориться* недостаточно для той идеальной любви, которую я хочу понять сначала как явление литературы, затем как часть «действительной» жизни.

Необходима взаимная принадлежность. Сначала она появляется как симпатия и притяжение, сочувствие, затем как желание: мужчина жаждет того, чтобы женщина ему принадлежала, но одновременно стремится стать ее собственностью тоже, это я называю *уроднением*, как у матери с ребенком. Когда Надя Т. увидела своего избранника с торчащими над ботинками штрипками от кальсон и сказала: «*Этот – мой!*», то сие явилось образом той любви, о которой я говорю. Еще не было симпатии. Еще не было притяжения. Еще не могло появиться эротического желания, жажды наслаждаться или подчиниться. Еще даже ПОЛ не возник ни в форме страсти ни в форме инстинкта. Возникла ЗАБОТА. Вот из нее и вырастает идеальная любовь, желание *присвоить и принадлежать*.

(А *духовную любовь* можно понять как некий суррогат несостоявшейся полноценной женской любви, в которой скрепляющей осью является материнское чувство. Подобием духовной любви является у пожилых женщин забота о кошках, когда кошки, как у Бриджит, заполняют дом).

Да и не является ли *духовная любовь* только подобием, извращением родовой любви, данной человеку так же двойственно, как он сам, состоящий из тела и духа, поскольку и она состоит и из природного и из душевного?

Кстати еще раз высказаться по поводу ненависти к *душе*, распространяющейся у христиан. Центральная идея христианской жизни состоит в необходимости *спасения души*. Эта *Идея* проходит сквозь всю историю христианства, наполняет собою церковное богослужение, христианскую жизнь и Священное писание и богословие и духовную литературу – и вдруг, как лавина с гор, – ненависть к душевной любви, к душе, призывы душу распять... Да не *антихристианство* ли как лавина с гор и сползает?

Забота. Итак, *забота, сочувствие* (которое во мне и причина и источник моей собственной любви) – это семя, из которого может вырасти женская любовь. И когда Анна воскликнула, увидев меня с посохом в своей деревне: «*Вас надо накормить, иду варить суп!*» – это уже было признание в любви. (Но она меня охладила вскоре же, сказав, что будет ли со мною встречаться, зависит от того, что «батюшка» скажет.)

Любовь как взаимопринадлежность. Между культурой и «жизнью в мире» с человеческими страстями и заботами, в которой существуют любовь, родовой инстинкт, семья, общество, народ и история, – и миром архаического сознания – непереходимая пропасть.

В архаическом мире почти пустыня, в нем нет НИЧЕГО, ни любви к Дульцинее, ни похоти Рогожина к Настасье Филипповне, ни честолюбия, ни увлеченной работы, ни страсти к творчеству и красоте, ни жажды улицы Афин «уоставить идолами», ни стремлений к богатству, власти, известности (пусть и не слишком они возвышенны), там нет ЧЕЛОВЕКА, там одно бесконечное НЕ, истребляющее всякую живую жизнь и заменяющее ее «жизнью с Господом», когда больше не с кем жить.

Любовь возникает или не возникает, повинуюсь *таинственному*, может быть, судьбе (не буду рассматривать тот ненавистный мне случай, когда самодовольная воля завоевателя просто приходит и забирает женщину и она с наслаждением подчиняется такой воле – если женщины все таковы, то лучше их совсем никогда НЕ любить!!!! Перед этой дьявольской волей бессилен даже гений!), может быть, повинуюсь внушению одного из встретившихся, что иногда является «любовью с первого взгляда», повинуюсь состраданию, заботе, родовому инстинкту, «похоти красоты», вожделению... и многому еще, о чем нам надо читать в романах, философия ничтожна пред *тайной*...

Я кое-что знаю и узнаю; учусь писать и в чем-то в этом отношении преуспел; может быть, мне будет возвращен дар художественного творчества, который во младенчестве у меня уже возникал; у меня есть милосердие, ум, талант, обаяние, остатки привлекательности; остатки молодости и силы... Нет, рано еще мне умирать, буду надеяться, что *еще многое я смогу совершить!!!*

Близость и отчуждение,
Милость и сладость встречи,
Странное наваждение
Необъяснимой речи.
Глаза твои чуть раскосы,
Встречи, увы, короче,
Только одни вопросы,
Точки и многоточья...
И в завершение смеха,
Всерьез или понарошку,
Падают капли эха
Бусинками в ладошку.
...Но убежало лето,
Смех отзвенел и замер.
Встреч уже больше нету.
С грозами и слезами...

Завершение любви. «Естественная любовь наша повреждена падением; ее нужно *умертвить* – повелевает это Христос – и почерпнуть из евангелия святую *любовь к ближнему*, любовь во Христе.» – пишет преподобный Игнатий.

Вы оказались слишком прилежной ученицей.

Закрываю глаза и вижу –
Будто ты идешь по аллее.
Прошлое к нам все ближе,
И я тебя вновь жалею.

Снова душа открыта,
И ты нашей встрече рада.
За что же любовь убита?
Или ей так и надо?

Свидание заканчивается. Тюремное свидание продолжается один час, заключенного отделяет от приходящих к нему стеклянная перегородка, разговор идет по телефону. Многие безжалостно в этом мире, не одно христианство.

Наша встреча почти такая же, только вы не пришли на нее, и перегородка прочнее стали. Может быть, вы думаете, что я уже умер? Нет еще. Или уже умерла любовь? Пока еще не совсем. Но я уже ухожу. У вас осталось несколько минут, чтобы меня окликнуть, взглянуть на меня, *услышать*...

Но чем успокоится сердце?

Прошло несколько дней, я напечатал свою книгу и послал ей по почте и ее книгу, и свою. И вскоре получил от нее записку.

«Прошу мне больше ничего не присылать. Я не прикоснулась к вашей книге, но и ее, и все предыдущие ваши книги отнесла на помойку. Зачем все это? Я даже не помню, как вас зовут.

Не пишите всякую чепуху, а читайте лучше *Игнатия Брянчанинова*:

"Не имеет цены пред Евангелием любовь от движения крови и чувствований плотских. ...Евангелие отвергает любовь, зависящую... от чувств плотского сердца. ...Ощутивший любовь духовную с омерзением будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви.

Смирение и преданность Богу *убивают* плотскую любовь."

Так на чем же *успокоится мое сердце*? Я еще этого пока не знаю. Но я отправляюсь в путь и я найду если не спокойствие (потому что его я не ищу), но *отпущение*. Сегодня долго бродил по осенней улице, впитывая "очей очарование", потом слушал музыку Гайдна, Шопена и Скрябина. Возможно, кто-то будет читать и мои книги, и это будет не худший читатель (или читательница). Она, быть может, меня пожалеет. И я напишу для нее другую книгу, и она будет лучшей из всех, посвященных *разделенности*. И тогда я преодолю пропасть, разделяющую два мира и отделяющую мужчину от женщины. И если муза придет еще раз, то ниже есть место для строк, которые она мне подарит.

...Прошло полгода. Пришла весна. В парке, примыкающем к клинике, пели соловьи не переставая. Цвела черемуха, зацветала сирень... Еще был не поздний вечер, и я пошел в последний раз побродить, утром мне предстояло новое испытание. Шансов на благополучный исход практически не было, меня об этом предупредили, ибо и иначе я мог протянуть не более месяца. В новой своей книге я приписал, что отправляюсь в длительное путешествие и пусть читатель не ждет окончания и удовлетворится тем что есть.

Уже я собирался вернуться, как услышал крик: "*Васенька, подожди меня, я за тобою не могу угнаться!*"

Она меня чуть не сшибла с ног и начала целовать. – "Вот видишь, сколько поцелуев, а ты жаловался, что мы с тобою ни разу не целовались... Да нафиг он мне нужен, этот Игнатий, пусть его читают монашки... Ты готов?"

– К чему?

– Помнишь, я как-то словно бы в шутку сказала, что я рожу от тебя ребенка? Мне кажется, настала пора. Только не думай, что это прощание. Во-первых, тебе надо будет убедиться, что все получилось, во-вторых, я не буду твоей любовницей, но тебе ведь надо будет иногда взглянуть на своего сына? Ну и на меня... Ты согласен? Впрочем, тебя никто и не спрашивает. Тут есть дыра в заборе, а там нас ждет машина, в три часа ночи я привезу тебя обратно, ты еще успеешь выспаться. И не вздумай завтра сбегать, впереди у нас вечность любви!!!! Глупый, как ты мог поверить, что я смогу жить без тебя?!!!"

Она долго плакала, но это были счастливые слезы – для двоих...

Любовь оправдывает всё, даже ненависть и расставание. Только мы уже не расстанемся, я существую в ней, а она во мне. **Ты меня слышишь? Я тебя люблю!!!**

19 октября. Начинается освобождение от любви, и я уже могу рассуждать о том, чем, наконец-то, уместно закончить Книгу. Чем уместно закончить любовь, я, напротив, знаю еще меньше, возможно, уместно застрелиться, уйти на войну или на дуэль, чтобы погибнуть, или исчахнуть от тоски.

На границе, отделяющей Бытие от Инобытия, иногда переживаются особенные предельные состояния (в "точке разрыва"), которые связаны с предельным переживанием или *любви*, или *веры*, или *пробуждения*, когда человек способен постигать нечто выходящее за пределы обыденности, как, например, герой Пушкинского «Пророка». Но поэт изображает это состояние, находясь по нашу сторону границы. Так и о любви я способен писать здраво, когда ее уже почти не переживаю (редкие капли дождя еще на меня попадают, но гроза уже миновала.)

Эх, волхвы, втянули меня в авантюру, которая меня чуть не погубила, в которой я ничего не узнал нового, потому что женщины уже не раз яростно меня втапывали в асфальт или в пыль дороги... зачем? Спросите у них! Только они этого не скажут или солгут, или не знают...

Но все проходит, пройдет и любовь.

Поэтому, проснувшись в мучительном разочаровании, я постепенно пытаюсь освободиться от любви, чтобы жить, ибо прав Лермонтов и "*вечно любить невозможно*" и даже более того, "*и жизнь, как помотришь с холодным вниманьем вокруг, такая пустая и глупая шутка!*"

Только женщина способна зажечь в нас таинственный и возвышенный и безумный огонь любви, но сама она не зажигается и не сгорает (поэтому, быть может, нас и пытается подпалить), но я плохо понимаю ее чувства, и чем сильнее люблю, тем меньше, и понимаю их отчасти, только когда разлюбляю.

Человек состоит из Души и Плоти (взаимообусловленных и проникающих друг друга и не существующих вне единства). Природу, по аналогии с человеком, можно считать плотью мира, а человека – душою мира.

По двойственности человека и Всемирное притяжение полов проявляется тоже двойственно, как притяжение душ и плоти, и в предельных состояниях только как нечто одно, но именно лишь в предельных состояниях.

Человек вместе и природен и надприроден, и любовь и *душевная* и *плотская* существуют тоже вместе. Но разве не верят и христиане в таинственную связь хлеба и вина с плотью и кровью в причастии?

Реквием. Она меня не любила, поэтому и любовь моя, которая нас словно бы связывала, была так мучительна. И что же я теперь буду делать:

Во-первых, я более не прошу у нее свидания. Я пошло ей на днях эту книгу, но уже не буду узнавать, сразу ли она ее выбросит на помойку, или вначале перелистает. Я уже не хочу знать, как она живет и будет жить. Мы не будем встречаться и она исчезнет и из моей жизни и из памяти, ибо мужчина не должен унижаться перед женщиной, которая его не любит и не жалеет.

Благородно любит Манон, она не лжет!

Она положила камень «в мою протянутую руку», и я ей его возвращаю. Упрекать меня не в чем, я принес ей нежность и любовь, ничего у нее не просил кроме одного: отвергнув, сказать просто: *Я вас не люблю, мы более 1й* сегодня «вы мне омерзительны». Женщина виновна не в том, что уходит к другому, а что уходит неблагородно, унижая того, от которого уходит.

Увы, идеальная любовь (то есть милосердная) не существует. ...И теперь уже уместно закончить книгу и поставить точку.

Правда, еще уместнее было бы все таки застрелиться, потому что не могут продолжиться и жизнь и любовь, но только что-то одно. Как жаль, что мы расстались, что мы не успели подойти друг к другу хотя бы на расстояние поцелуя! И как больно стирать из памяти даже то небольшое, что нас соединяло!

Честь и гордость выше, чем любовь, поэтому нельзя выпрашивать милость у женщины, которая тебя отвергла. Но уходя навсегда, стирая прошлое, уже отвергнув и всякое взаимное будущее, свободный от ненависти и презрения, я вправе сказать: *Я уношу с собою нежную и мучительную любовь к женщине, выше которой ничего нет, пусть даже все христиане мира ее проклинают!*

Преодоление эгоизма. Любовь, разочарование, ревность и ненависть, обида. Словно в бурю углую ладью било меня то об один берег, то о другой, и я то начинал молиться на нее, то ее проклинать, то любить, то ненавидеть.

Мы теперь в разных мирах, и они не соприкасаются друг с другом. В моем мире известные всем любовь, семья, измена и ревность, сострадание, восхищение, боль, радость, дружба, забота о близких, творчество и работа, рождение детей, литература и музыка. Её мир словно бы за гробом, там прокляты и распяты душа и плоть, любовь к женщине омерзительна, там «жизнь с Господом», бестелесная радость и ожидание воскресения.

Она как будто перешла Стикс, отвергла не только мою любовь как омерзительную, но и всякую земную любовь, отвергла наш живой мир во имя иллюзорного, который ей кажется истиной. А я? Когда-то я испытал чувство сильного к ней сострадания и пытался ей помочь, потом неожиданно в нее влюбился, и в этом, разумеется, нет вины. К тому же, так как в чувствах к женщине у меня преобладает восхищение ею, а не жажда обладания, женщина как музыка, с ее женственностью в походке, облике, голосе, взгляде, с ее нежностью и очарованием, а в особенности *сострадание* к ней, то и моя к ней любовь, ставшая моим мучением, могла бы вызывать восхищение – но христиане даже такую любовь прокляли. И я сосредоточился на своей боли, на оскорблении, обиде, уязвленной гордости, на ее предательстве, как христиане сосредоточены на своей *жизни с Господом* и духовной любви к Нему, так что мир и люди в нем для них умерли.

Вначале я думал только о ее спасении, отзывался на ее страдания, растворился в ней, как женщина может раствориться в ребенке, написал ей *сотни писем*, пытаясь ее утешить. Я и не знал, что это любовь, думая только о ней, но не о себе. А теперь я думаю только о себе, о своей боли и своей обиде. Да, мы уже не будем переписываться, встречаться, разговаривать. Но разве ветхозаветный отец проклял *блудного сына*, покинувшего его? Вероятнее всего, она ко мне никогда не вернется, мы уже не будем бродить, держась за руки, она меня стерла из памяти – но моё собственное прошлое и она, прекрасная и чарующая – разве должны предаваться поруганию?

И вдруг ей снова станет плохо, и некому будет помочь? И она обратится ко мне из своего загробного мира? Нет, можно забывать обиды, но нельзя забывать нежность и сострадание. Я не буду думать о том, хорошо или плохо она поступила, как и врач не думает, добродетелен ли больной, я просто приду ей на помощь, когда она будет в ней нуждаться. Я буду помнить, что я ее полюбил – нечаянно или по повелению волхвов или по собственному желанию – но я больше не буду ни сожалеть о любви. Сегодня мне больно. Вчера я был счастлив. Это счастье я не должен забывать и я его не забуду

И черт с ней, с моей гордостью, я ведь больше ничего не буду ждать от тебя, ни писем ни свиданий, ни даже перемены твоих мыслей и чувств. К сожалению, я еще я такой же как все, но я стану лучше, в том числе благодаря нашей несчастной любви.

Но я уже не буду ничего говорить тебе, тебе неприятно меня слушать. Скажу ветру в поле: *Хорошо, что я с нею встретился*. И хорошо, что это мне так плохо, а не ей! И она изумительна! Пусть все, что должно забыться, забудется само собой – потому что мне еще надо жить, и еще много долгов у меня перед нашим прекрасным миром, который, я еще надеюсь, мне удастся хоть в чем-то исправить, хотя бы взять лопату и вскопать огород. А душе всего – *полюбить женщину!* И быть к ней великодушным. Может быть, и сходить иногда с ума, но все же не только простить ей ее вину (вольную и невольную), но и попросить у нее прощения. Простите меня, милые женщины (которые еще до сих пор любят меня слушать и разговаривать и отвечают симпатией на мои пусть и скромные приставания). Прости меня и ты, моя недавняя ученица! Я уже не буду к тебе приставать, но буду помнить тебя как для меня присланное Северное сияние и Зарю на все небо!!!

Много было упреков... Но я ведь не ангел, не святой и отшельник. Я так к тебе привязался, что расставание переживал как мучительную болезнь. И хотя я не слишком слабый, но переносил наш разрыв совсем не стойко. Дело в том, что любовь делает слабым, она подчиняет. Она иногда придавливает как плита, и подняться выше удается не сразу. Сила возникает тогда, когда перестаешь желать для себя, и заботишься о другом.

Не сразу все пройдет... но теперь, прощаясь и прощая, я становлюсь свободным. Вижу тебя радостной и сияющей и слышу твой счастливый голос. Пусть тебе будет хорошо и в вашем мире!

Я тоже становлюсь счастливым, потому что *благословляю нашу встречу!*
И самое уместное, чем можно закончить роман о любви: **я тебя люблю!**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Человек, Мир, Бог

1. Вечерняя заря

29 октября 2015 года. Осень уже ничего не обещает... Не обещает и женщина (может быть, только докончить мое уничтожение). Но обещает Культура, которая меня не один раз спасала, поэтому я движим в своем новом творчестве в том числе жаждой собственного спасения – но это не единственная и не главная причина новой книги. Пока я писал Книгу о любви (под руководством волхвов) и думал, что наконец-то я пишу о том, что чувствую, переживаю, понимаю, что наконец-то сообщу и читателю много нового и необычного, неизвестного прежде, что любовь, которую я переживаю, открыла для меня горизонты мира, я одновременно медленно опутывался новой зависимостью, становился более несвободным, чем прежде. Но многие прежние пути одновременно ветшали, путь в тринадцать месяцев, от начала книги до ее условного завершения, был путем к новому духовному Освобождению. Так ли это, узнаем мы по окончании вот этой новой книги (потерпи, читатель, мое многословие, не один я такой, даже Пушкин, очень емкий, написал немало, если присоединить еще и его письма, которые подчас не менее важны, чем его стихи).

И все же я не смутно чувствую новую свободу, потребность и уверенность в том, что мы освободимся, и я, и тот, кто в меня поверит.

И поэтому дерзаю вновь осмотреться и рассказать, что я вижу хотя и не с самой высокой вершины, но все же достаточно высокой относительно прежнего.

2. Человек и мир

Мы воспринимаем внешний мир и свидетельства собственных чувств и мыслей, мы живем и переживаем состояния души и ума, события собственной жизни и мира, действуем в мире и в обществе, изменяясь под их влиянием и влияя на них – но и при этом, даже когда причина чего бы то ни было находится не в нашем я, а вне, она действует не непосредственно, а через нас самих. Мы испытываем страх или радость, инстинктивно или осознанно реагируем на воздействие (то есть отвечаем на него), принимаем воздействие безропотно или сопротивляясь. Почти все, что я знаю, я узнал не сам по себе, а извне, читая книги, слушая музыку, в живом общении с другими людьми – но и образование, приходя ко мне как будто извне, проходит через меня, я его узнаю, оно меня дополняет, а я дополняю им собственные мысли и чувства, сообщения заполняют мою память, но я их избираю, культивирую или изгоняю.

Само внешнее, прежде чем действовать, сначала мною осознается, становится содержащимся в уме и в языке. Внешнее воздействует и на камень – но знает ли камень об этом? Бог существует и для бессловесного животного

(казалось бы) – но *всё существует лишь настолько, насколько воспринимается* – существует ли музыка для неслышащих? Внешний мир существует, и мир в целом существует – но лишь настолько, насколько существует чувствующее и переживающее этот мир и мыслящее его Я. Мир неандертальца неизмеримо более узок, чем мир цивилизованного человека, даже в рамках одной культуры и одного народа человек с бедным языком обладает и бедным внешним миром. Следовательно, даже Бог всемогущий, воздействуя на меня, сначала начинает во мне существовать, мною переживаться, без этого переживания даже Он на меня не воздействует. Иногда ему приходится совершать необычайные поступки, чтобы достучаться до неслышащих, Христос совершал чудеса, некоторые из которых только призваны были пробудить внимание толпы и учеников (как чудесное насыщение или хождение по воде, как явление его Савлу по дороге в Дамаск). Знал ли Савл перед этим, что Иисус, недавно распятый, и есть Христос, то есть Спаситель? Нет. Но Чудо явления Христа воочию перед ним изменило мир Савла, и слова: «Ты что прешь против рожна? Встань и иди проповедовать слово мое!» изменило личность Савла и он стал Павлом.

Но в подавляющем большинстве случаев мир предстает человеку как инертное объективное бытие предметов и явлений, которые сначала преобразуются в мир представлений и образов и затем соединяются с волей, исходящей от человека – прежде всего предстоящего и принимающего, затем и от другого человека, вступающего с данным во взаимодействие.

Воля высших сил практически бездейственна, несмотря на заклинания христиан «Но да будет воля Бога, а потом моя!». Бог не снисходит до тупого обывателя, он только исключительно до него снисходит, он даже редко снисходит до гениев (посылая изредка к ним серафимов), не исключение в этом ряду священники, папа Римский, патриарх Московский, блаженные (включая Иеронима и Игнатия) и даже проповедники, пророки и святые. Жанна изменила европейскую историю более нежели кто-нибудь другой, однако после Парижского плена Бог ее оставил (возможно, ей надо было претерпеть свой путь силами своей немощи). Так как ее распяла Церковь, то очевидно, что в эти десятилетия Бога не было более нигде в Европе, и в католической церкви тоже – или кто-то осмелится сказать, что Бог присутствовал в церкви и в мире, распинающих Жанну, то есть был с ними и с ними ее распинал?

Непосредственное действие Бога на мир всегда чудо, а чудо почти всегда искушение, и чудеса Христа тоже. Он и сам сказал, что блажен кто не видел и уверовал.

И чудеса Христа искушение, и мы увидим это, перейдя к рассмотрению Легенды Достоевского, но будем смотреть и на мир, и на Бога, и на Культуру и на Миф и на церковь во все время повествования, а не только когда я объявлю ученикам новую тему для умозрения. Вся повседневная жизнь сообщает и учит того, кто открыт для научения, закрытого не научит и чудо.

Бог не является даже ко мне, поэтому мне смешно слышать, что он является чуть ли не ко всем, всеу треплющим имя его. А ко мне не является он в том числе потому, что мои отношения с человеком и миром должны быть свободны от искушения. Я не потому учу школьника математике, что я умнее его (не исключено, что многие из них умнее меня), а потому что я ее прежде уже изучил, читал у других, размышлял. И то я не столько сообщаю, сколько учу размышлять и чувствовать. Но в этой книге я буду не столько чему либо учить, сколько пытаться открыть окна и двери и снять духовные путы... или буду стучать в закрытые двери, чтобы спящий проснулся, открыл дверь или хотя бы окно и впустил меня. Но я еще буду и сам просыпаться и становиться свободнее, никогда ничто не является до конца сразу, человеку приходится карабкаться наверх самому. Бог не существует так действительно (актуально), как это проповедуется спиритическим сознанием. Но опосредованно бог существует и в мире и в человеке как образ Божий (если существует).

Что он такое, кто он такой, есть ли он и где если есть (уж если его даже нет со мною, "таким же как все", ибо я вочеловечился до конца) – вот об этом ниже и пойдет речь.

3. Природа и Бог природы. Пантеизм

Как я уже говорил, космические пространства и звезды в нем нам даны тоже только в представлениях и образах, и весь Космос не более чем звездное небо и светящиеся точки на нем, но в большей степени ночная луна и дневное солнце

И все же и луна и солнце составляют только Небо, которое не отделено от земли, а принадлежит ей как окаймляющая граница, как завершение Земли (как и атмосфера, облака и горы).

Вот чем является для нас внешний мир – он предстает как земная поверхность (слегка изрываемая нами) и как небо, дополняющее Землю, принадлежащее ей.

Все это внешнее называется Природой, живой и неживой, но поелику ничего не происходит просто так, ни почему и низачем, но имеет причину и цель, то противопоставление неживой природы, например, солнца, природе живой, например, растительному миру, – условно, растения не живут без солнца, и оно продолжает в них жить, да и не Божество ли оно само, как верили древние египтяне, то есть даже не больше ли природы?

Так же и с объектами геологии, горами и минералами, словно бы по верховному замыслу приготовленными в недрах земли для того, чтобы человек выжил и жил и созидал культуру и цивилизацию, и приготовлено уже ВСЁ, что ему нужно?! Так же с лесами, реками и озерами, морями и океанами.

Следовательно, человек имеет дело преимущественно с Природой, по отношению к которой все внешне существующее является или ею самою, либо ее телом. Человек же занимает двойственное по отношению к природе положение, он отчасти и входит в нее, словно бы является ее высшей частью, но он в еще большей степени сам по себе, ибо весь мир существует лишь

постольку, поскольку его существование удостоверяется природой. Знает ли Космос, что он есть? Лишь постольку, поскольку человек сначала назвал так все лежащее за границами небесного свода, а затем словно бы упразднил сие, превратив лишь в небесный полог.

И природа есть таковая через человека, без человека и его Представления и Образа и Воли (в которых природа начинает быть, обнаруживаться, проявляться) ее словно бы и нет.

Следовательно, существует прежде всего человек, который сначала обнаруживает, узнает и сознает сам себя, а затем и природу (как об этом пишет и Вл. Соловьев, которого я много цитировал в предыдущей вступительной книге.)

Но природа начинает наполняться, не только в переживании, но во взаимодействии, она входит в жизнь человека, доставляя ему матерьяльное бытие, предмет изучения и познания, основание для науки и логики, эстетическое (то есть красоту – и это важнейшее предназначение природы) и даже понятие о целесообразности и нравственных началах бытия.

Чем наполняется природа? Во-первых, всем перечисленным. Во-вторых, она обнаруживает в себе эманации высших сил, словно бы Инобытия, наполняется душою мира, то есть теми явлениями и сущностями, которые имеют общее с душою человека, во-первых, *стихии*, которые по проявлению и воле сходны с страстями человека, во-вторых, в ней обнаруживается для поэтического восприятия и то, что лежит выше природных существ и что Даниил Андреев называет *стихиялями*. Дух ветра. Духи гор. Духи рек и ручьев, озер, рощ, лугов и полей... Эллинские наяды и дриады. Богини и боги из их пантеона.

Природа предстает как одушевленная, таинственная, одухотворенная, величественная, прекрасная, имеющая словно бы волю и намерение... Ощущение такой двойственности природы, ее биологического тела и ее души приводит к представлению о высшей целесообразной, сознательной, волевой и творческой силе, лежащей в ее основании, о боге природы, Пане. Иногда такие представления приводят к обожествлению и всей природы и мира и называются *пантеизмом*.

Но поскольку природа ниже человека, то и Бог природы не удовлетворяет некую инстинктивную жажду поклонения высшему началу, не только вмещающему в себя Причину мира и человека, но и способного их защитить и утешить.

4. Мир как целое и Бог

Старый философский спор «что первично и что вторично», материя или сознание (дух) неразрешим в силу своей схоластической природы. Возвышая Материю над веществом, превращая ее в субстанцию, обнимающую все проявления бытия, в том числе и пространство и время, а Дух низводя до способности человека мыслить, мы самой конструкцией их взаимности отдаем предпочтение материи. Если же Дух наделить способностью творчества, проникания, воли, чувственности и сознания, способностью

созидать все формы бытия, в том числе логику, эстетику и этику, и низвести материю до вещества, то мы уже первенство сразу же передаем духу. Я же уподобляю мироздание человеку, являющемуся синтезом души и тела, не существующим порознь, и мой мир точно таков же. Поэтому философский спор о «первичности и вторичности» мне интересен в другой форме: Бог ли создал человека, как утверждается в религиозных мифах, или человек сотворил Бога по образу своему и подобию, как полагают атеисты?

Но не надо бездумно и бессмысленно отвечать на этот вопрос сразу, повинувшись внутреннему побуждению, у каждого своему, а следует рассмотреть историю человека. Боги существовали и у древних иудеев в Библейских сюжетах, и в эллинской и в римской культуре, в мифах, сказаниях, эпосах, драме и поэзии, и у человека Нового времени, в Европе, преимущественно в философии и литературе.

Книга (Библия), являющаяся Мифом, существовала у иудеев, существовала у древних египтян и шумер, в Индии и Китае. Книга появилась, очевидно, позже языка, в значительной степени они существовали вместе, созидая друг друга. Придуман язык человеком или дан ему богом, о чем я писал в предыдущих книгах? Это почти то же самое, что спросить: появился ли человек в результате эволюции или сотворен?

Но нужно пойти дальше в наших рассуждениях, не ожидая ответа на сей основополагающий вопрос, по крайней мере, сегодня мы видим, что человек (а точнее, его культура) и язык сосуществуют, влияя друг на друга и созидая друг друга, язык создает поэзию и эпос, а поэзия и эпос развивают языковые формы и создают Миф, Философию и Роман. Миф формулирует религиозный канон и образ божества, Философия и Роман развивают сознание и созидают Бога философов и поэтов, стоящего над древним божеством в том же отношении, в котором христианская Троица стоит над безжалостным богом ацтеков Кецалькоатлем (впрочем, мы далее увидим, что христианский Бог не менее безжалостен).

Эпос возник прежде суммы сакральных образов, представлений и обрядов, объединяемых под общим именем КУЛЬТ, *культура* возникла и развивалась вместе с легендами и сказаниями, вместе с наскальными рисунками древних охотников на мамонтов, представление о верховном божестве должно было стать завершением длинной цепи архаических представлений о всемогущих силах природы. Даже Книга древних евреев в такой же степени отвечала пустыне их обитания, в какой культура эллинов отвечала цветущим горам и долинам Эллады, а культура Египта – цветущему плодоносящему Нилу. Я не удивляюсь, что дитя пустыни (где только и мог сформулироваться лозунг всех времен и народов: *Блаженны нищие духом!*) эллинскую скульптуру не отличил от наскальной живописи шаманов, назвав ее идолами на улицах Афин. И не удивляюсь раболопному богословию, выводящему культуру из культа – очевидно, и математику Гипатии Александрийской, с которой тогдашние христиане содрали шкуру, и механику Галилея, и космогонию Коперника.

5 Любовь как согревание у случайного костра

Я, кажется, не объяснил, что такое Бог, каковы взаимоотношения его с культурой, но вот перехожу к новой главке, фантазогорически изменяющей мое правописание, отменяющей точки и вставляющей вместо них запяты.

Сначала в писательском Доме был семинар, посвященный поэзии, затем банкет, посвященный новому участнику Союза писателей, выстрадавшему им на соседней скамье на всех заседаниях нашего Союза.

Видимо, это была мечта его жизни, он пожертвовал на банкет всю свою пенсию за год.

И все напились (и я в их числе!).

Случайно я сидел рядом с самой юной, она была поэтессой и издавала поэтический журнал, мы пили только сухое вино и я рассказывал ей о своей несчастной любви и о разводе моем с христианством.

Потом вдруг один из уже пьяных участников всеобщего застольного блаженства объявил тост за меня и за то, чтобы я вернул свою соседку обществу из своего плена. И тогда только мы опомнились. И тут она призналась, что тоже переживает разлад и с миром и с мифом, и с несчастной любовью и с некогда счастливым долгом.

И поэтому хотя она со мною немножко и спорила, но теперь прочитает все-все мои книги и будет моей ученицей.

В разговоре еще я ей объявил, что каждая женщина красавица, она словно облако, которое ждет своего освещающего солнца, и вот уже когда она уходила, я вдруг увидел, что она и вправду красавица, и подарил ей свое сердце на сегодняшний вечер, и она меня поцеловала в щеку. Следовательно, любовь существует не только в том виде, который меня опалил и никак не заживут болезненные ожоги, но и как ветер, приносящий прохладу всем изнывающим от жара в знойный день и как солнечное тепло, согревающее в день холодный.

Так нелепо звучат евангельские слова о вожделеющих взглядах, которые предосудительно бросать на жен ближних наших, и так нелепо звучат призывы не прикасаться к женщине, когда нас прижимает друг к другу то в тесном автобусе, то на тесной скамье банкета!

Воистину, любовь – это всемирное притяжение, но мы достаточно прочно укреплены на житейских скамьях и не бросаемся друг к другу в объятия по каждому поводу, и не каждая Анна – Анна Каренина, и не каждый сладострастник – отец карамазовских братьев. Но, по-видимому, срывает нас эта притягивающая сила не часто, а в остальное время она наполняет трещины и пустоты в иных силах, связывающих нас всех воедино в общественных и семейных организмах. Эти силы суть половой инстинкт, служащий основой семьи и случайных союзов-приключений, которые, возможно, переживают большинство семей, а не только семья Болконских, в которой *все мешалось*, потому что интрига Стива стала известна жене; и эта сила меняет судьбы и мировоззрения легкомысленных философов, влюбляющихся "мучительно и неотвязно".

Но жизнь соединяет обе силы в причудливых сочетаниях...

6. Происхождение Человека и Бога

Из христианских философов меня более всех удивил Владимир Соловьев, не только не отрицающий половой инстинкт и половой отбор и теорию эволюции Дарвина, но и рассматривающий их в качестве основной силы, созидающей и семью, и род, и самого человека. Так же как человек двойствен, причин у него две, и дух и плоть, так двойственна и любовь и двойствен инстинкт, они и соединяются, и будучи разными по происхождению, существуют в синтезе по проявлению; они и разъединяются. Семья и рождение детей не нуждаются в любви, для них достаточно вождения, полового инстинкта, более того, Владимир Соловьев высмеивает Шопенгауэра и ясно показывает, что сила размножения обратно пропорциональна силе индивидуальной любви и в животном мире и у человека (повторять его рассуждения нет уже надобности), но не отрицает, что в любви присутствует в разной степени то же самое инстинктивное биологическое половое влечение, которое необходимо для оплодотворения и продолжения рода.

Любовь – влечение, притягивающее мужчину и женщину, в этом влечении участвуют и дух и плоть. Не существует любви между мужчиной и женщиной, если они НЕ хотят друг друга. Но и не является любовью сама только отдельная половая жажда, которую можно удовлетворить и за деньги, что мы любовью не называем.

Христиане, воспевающие бесполоую и бесплотную любовь, напоминают собою застенчивых гимназисток, словно бы и чувствующих смутное беспокойство, но краснеющих при всяком упоминании о нем. Но напоминают они и нечто худшее, ибо воспевая бесплотную любовь, по ночам в воспаленном и развращенном воображении окружают они себя толпами обнаженных развратниц – да они и сами не таковы же? Разве зря говорит пословица, что голодной курице просо снится? Вечно озабоченные проблемами пола, вечно голодные, а часто и поддающиеся, отвергая женщин, содомским порокам, как о том не только в газетах говорят и пишут, но и папа римский изгоняет замешанных в сем кардиналов, и совестливые дьяконы обличают православных епископов – к чему они хотят привести нас, природных людей, не рожденных только духовно и беспорочно, но как и все, и как они сами, во грехе (якобы) и в страсти?

Вернемся к Богу, который, казалось бы, не отвечает за своих приверженцев. Но заповеди и поучения, образцы праведной жизни, монастырский идеал, идеал отшельничества и беспорочности и юродства (что унижает, как я думаю, образ божий даже в самом никчемном человеке) – это ли идеалы, которые предлагаются Богом своим послушным рабам? А не рабы ли навязывают доступный им идеал своему рабовладельцу?

Потому что Бог ли созидает себе паству, а не паства созидает своего Пасителя? И как в пустыне произрастает ей соответствующая суровая культура одной священной книги, так в этой суровой и однообразной культуре создается соответствующий ей суровый и однообразный Бог.

7. Бог Мифа и Бог Культуры

Каждый Миф претендует на Истину, но претендует одновременно и на полноту Истины, вот эти претензии (а они подкрепляются всей мощью государственного и церковного насилия, пытками и кострами, тюрьмами, преследованием и изгнанием) я называю *Духовным подавлением*.

Споры об истине идут во многих областях жизни и культуры, идут они и в церкви, в результате чего христианская церковь раскололась на несколько церквей, и вместо одного цельного учения также несколько учений, каждое из которых считает только себя истинным, а своих противников лишает на истину всяких надежд – но если и в математике и в физике и в биологии идет столкновение и борьба мнений, но редко противники сжигают друг друга, то гонения *инаковерцев* сопровождают всю церковную историю, и инаковерующих и отклоняющихся в вере на самую малость почти повсеместно сжигают, развязываются кровавые религиозные войны, для отвоевания Гроба Господня организуются орды крестоносцев почти как у Чингис-хана и даже был учинен Крестовый поход детей. Молиться такому Богу можно либо закрывая глаза на сопровождающие молитву бесчинства и закрывая глаза на «нравственный закон внутри нас», либо не зная, не помня, не желая помнить, что, по существу, то же самое. То, что является истиной в науке, и то, что в ней является заблуждением, рано или поздно обнаруживает себя, существует в науке критерий истины, неотделимый от нее самой; но правы ли католики или протестанты, не обнаружится никогда, уверенность в правоте и в истинности мифа является его сердцевиной. Существует ли Бог и точно ли он таков, каким его нарисовало Священное Писание, нельзя ни доказать ни удостоверять опытом, даже апостолы говорили, что Бога никто никогда не видел – но сомневаться в том, что он только таков, никто не сомневался по очень весомой причине – пытки, костер, тюрьма.

Совсем другого Бога являет культура, и даже в благословенном девятнадцатом столетии, когда еще, казалось бы, христианство было все-ильно, главенствовала в обществе не церковная проповедь, а культура, и это хорошо видно по русской литературе, по тем упрекам, которые православный Леонтьев обильно высказывает по поводу поверхностного и слабого христианства Достоевского, о чем я писал в предыдущей книге и приведу оттуда отрывок:

Сначала он долго рассматривает православные мотивы в романах Достоевского и недоумевает, почему мотивы эти мало выразительны, ... в «Преступлении и наказании» кроме чтения Евангелий ... ни икон, ни службы в церкви, ни чтения «душеспасительных» книг; ... в «Бесах» наконец упоминаются иконы, а в «Братьях Карамазовых» даже появляется монастырь и старец Зосима, но... «и тут как-то мало говорится о богослужении, о монастырских послушаниях; ни одной церковной службы, ни одного молебна.. Отшельник и строгий постник, Ферапонт... почему-то изображен неблагоприятно и насмешливо»...

Образованный человек и в девятнадцатом столетии о христианстве судил по романам Достоевского и стихам Пушкина и Тютчева, или забывая

Священное писание, или даже не читая его, и на это тоже сетует Константин Леонтьев, ну а в наше время всё, из чего слагается образ Спасителя и понятие о его проповеди, почерпнуто либо из живописи Брюллова, Сурикова, Нестерова, Ге, либо из романов: «Преступление и наказание», «Идиот», «Воскресение», «Мастер и Маргарита», и большинство христиан полагает, что Христос – это или князь Мышкин или Иешуа.

Но *Бог культуры* совсем не равен даже синтетическому образу его в серии романов или философских сочинений, это *способ чувствовать и понимать мир*, ощущение *мироздания как целого, пронизанного светом и истиной* (вопреки христианскому отрицающему отношению к миру, призывающему мир возненавидеть, отряхнуть от обуви своей и жить аки во гробе, и надо быть уж совершенным невеждой, чтобы не прочесть ни строчки в евангелиях и сие отрицать, или быть воистину "нищим духом" и посему в худшем смысле этого слова *блаженным*).

Бог культуры – это сумма духовных усилий философов и писателей, ученых и воинов, строителей и крестьян, учителей и врачей, музыкантов и живописцев, всех "не праздно живущих", не только обуянных одной только верой и отрицающих жизнь, но и живущих, мыслящих, действующих в мире и преображающих мир, это и Вольтер, и Коперник, и Руссо, и Пушкин, и Лермонтов, и Достоевский, и Толстой и Розанов, и Колчак и Лосский, и Суворов и Владимир Соловьев, и Бетховен и Скрябин, и Тициан и... и несть им числа! Это и красочный и прекрасный и иногда ужасный мир, заполненный величественными памятниками зодчества, музеями, театрами, музыкой и литературой, встречами и расставаниями, всей многообразной жизнью *души*, плодами ее вдохновения и полетов, той души, которую новые христиане призывают возненавидеть и распять (вопреки даже собственным учителям, которые заявляли, что пришли в мир, чтобы *спасти душу* ближних своих). Это образованный, любящий и возвышенный человек, милосердный и заботящийся о мире, народе и тех, кого судьба посылает ему для заботы, не унижающий образа Божия в себе ни истязанием и умерщвлением плоти, ни распятием души, ни нищетою духа, не "смирennemудрый раб", и воистину достойная и богатая личность, а не лист на "Древе Господнем".

О чем говорить и спорить с христианами, если они органически не способны к обсуждению и диалогу? Когда они становятся государственной властью, "раб божий" не смеет поднять глаза к небу, не токмо вымолвить слова. Когда они не слишком всеильны, как пока еще в наше время, они не церемонятся тоже, и разве я не буду оскорблен и оплеван теми, кто клянется "возлюбить врагов своих", если они еще снизойдут до того, чтобы хоть что-нибудь у меня прочесть? Ибо это люди единственной книги, не только не нуждающиеся в культуре, но объявившие культуру своим главным врагом, а тех, кто хоть чуточку образован, ослабившие кличкой "книжников и фарисеев"?!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бог философов и ученых*1. Перед последним прощанием*

31 октября 2015 года. Осень обещает еще меньше, чем ничего... Сегодня последний день октября. И у меня наступила пора разрывов с тем, что было когда-то мне дорого, а то еще дорого и теперь....

Давно объявлял я о разводе с христианством, не то чтобы еще не развелся, но еще не хлопнул, уходя, дверью. Пора с христианами перестать спорить, надо закрыть их книги, ничего уже я там не найду нового, не заглядывать и на их сайты, не спорить на улице или при встречах. Да лучше бы с ними уже и не встречаться, но ведь не начинается знакомство с случайными встречными с вопроса: не христианка (не христианин) ли вы, а потом бывает и жалко расставаться, а иногда даже больно. Все мы люди, подверженные страстям и заблуждениям, даже и те, кои объявляют себя отряхнувшими прах мира с обуви своей, а еще более жаль тех, кои даже и не понимают, что христианство состоит в отвержении человеческих чувств, а потом, когда они начинают отвергать свои чувства, больно и нам, отвергнутым.

Лучше бы не встречаться, но... Это невозможно. И боль и любовь идут рука об руку, и кто еще больнее ударит, никогда не знаешь заранее. Их учитель даже считал, что "враги человеку домашние его", а как с домашними не встречаться? Впрочем, у меня врагов никогда до сих пор не было, и я еще не пытался врагов возлюбить, не было у меня, надо сказать, и *ближних*, потому что понятие ближнего запутано христианами донельзя. У иудеев *ближние* соплеменники или единоверцы, у христиан даже самарянин, оказавший милость попавшемуся разбойникам был тому ближним. Но тогда всякий милосердный человек, оказывающий милосердие, поступает в соответствии с заповедями, то есть словно бы "возлюбит нуждающегося", а тогда не значит ли это, что просто надо быть милосердным для тех, кто в этом нуждается, и тогда всякий нуждающийся есть ближний? И надо было бы не запутывать несчастных, живущих по заповедям (кои у иудеев значили буквально именно то, что значили, то есть *ближними* были соплеменники), а и призывать к милосердию, не разделяя всех на ближних и дальних.

Ну, следовательно, только я и живу согласно духу заповеданного, но не букве его, и не *узнаю* при встрече, кто этот встречный, христианин или иудей, ближний мне или дальний, а только то, не надо ли ему помочь. И если могу, то помогаю. (О, совсем не часто, совсем не значительно, но я и не претендую на праведность и тем паче на святость, я только претендую на то, что я человек, да притом образованный и книжный, да притом не нищий ни духом, ни умом, да притом с душою, развившейся немало за последние шесть тысяч лет от сотворения мира и от встречи Адама с Евою, да притом культурный, милосердный и добрый.)

2. Сотворение Мира, Человека и Бога

Кстати сказать, что в романе «Братья Карамазовы», прежде чем Иван Карамазов рассказал Алеше свою «поэмку» о Великом инквизиторе, уже зашел между братьями разговор о том, кто кого создал, Бог ли создал человека или человек создал бога по образу своему и подобию, и разговор этот шел, как всегда у запуганного Достоевского, когда он начинал речь о сакральных предметах, с ужимками, недомолвками и экивоками, и братья и сам автор очень напоминали мне Смердякова с его игрой на гитаре и пенъем пошлых частушек. Еще сразу же хотелось плюнуть на их разговор и захлопнуть книгу или перелистнуть по крайней мере страницы, но я сдержался, потому что всерьез о «Легенде о Великом инквизиторе» (как ее назвал Розанов) мне хочется высказаться, как я задумал, да тут еще есть и особенный замысел и мой интерес в связи с ними.

Но отвлекаться еще на несколько тем я боюсь, чтобы и эта книга не оказалась затянутой, поэтому попытаюсь я то, что необходимо сказать, говорить кратко, вскользь, пунктиром, между прочим, не приводя и тексты Ф.М. и длинные обоснования. О происхождении человека кратко замечу, что создался он двояко, и, разумеется, и в результате биологической и предшествующей ей мировой эволюции, потому что эволюцию в живом мире мы непосредственно наблюдаем, даже по окаменелым остаткам (хотя в ней не так все просто), и в результате ... тут я запнулся, тут еще сложнее. Дело ведь не в том, чтобы взять да и слепить из глины человека и научить его ходить или ползать, и научить говорить – но ведь нужен и язык, на котором он будет учиться, а он ли создал язык или язык его создал? Необходима и математика, а она же не сочинилась человеком, не человек вложил в мироздание его законы, хотя, быть может, сумел их открыть; необходимо было прежде создать и весь мир и вложить его в человека, да и мог ли мир сочинить математику, мир, состоящий, по представлению материалистов, из атомов.

Следовательно, человек создавался и так и этак, и вообще тройственно, он и результат длинного эволюционного пути, но не сами собою атомы соединились в столь дивную гармонию, а великий скульптор соединял их в целое, привлекая для того и стихии; но он и результат истории и культуры и саморазвития, то есть творцом человека можно считать и самого человека тоже. Так и природа в целом не только развивается, повинуюсь внутренним потенциям, но разве не являются и потенции не только ее имманентными свойствами, но и результатом воли творца? Художественно организованный ум видит в природе целесообразность, гармонию, волну и чудо, плоский ум – только хаос и случайность.

Видеть мир как предмет творческой воли и одновременно как самоорганизующееся целое сложнее, чем представлять себе инертную глину в руках единственного гончара – не так ли и дитя развивается одновременно повинуюсь врожденным способностям, и воздействию мира (объективной реальности), и сумме воспитательных усилий общества, школы, семьи.

Вот почему в такую ярость приводят меня поучения о человеках как

листьях на дереве, о повиновении воле родителей, начальников, Бога – отрицающие волю и труд и творчество самого человека. И это ли учение претендует выражать собою самостояние человека? Таковую ли свободу принес Христос? Такой ли свободе следует умиляться?

Если же человек, сотворенный совокупно, в том числе природою и самим собою, не исключая воли Творца, сознает свое сложное и глубокое созидание, то он и осуществляет в своей жизни, в труде и в творчестве природное, божественное и человеческое, а не истребляет ни дух, ни плоть, ни свободу, ни самость. И если он сознает, что в такой же степени, в которой он создан Богом и Природою, он создает и их тоже, то он воспринимает свою жизнь как долг и ответственность.

Представим себе ребенка. Существует ли мир вокруг него? Он только начинает существовать, и сначала очень смутно, туманно, по крохам. По мере того, как восприятие и познание мира расширяется, *мир становится*, начинает быть, заполняет собою внешнее и наконец предстает в своей величественной полноте. Еще сложнее отношения с Богом, ибо Бог не так видим, как мир вокруг, он становится не в мире, а в душе и в духе, он созируется неустанной работой культуры. И он становится словно скульптура под рукою ваятеля, сначала очень смутно, туманно, по крохам, постепенного все полнее. Он созируется, но не так произвольно, как герои художественного произведения, но как здание, очертания которого диктуются и творческой волей, и необходимостью, и замыслом, и матерьялом, и законами композиции, стиля, гармонии... Вот почему только этот Бог воистину человекен, в него человек вкладывает и свой образ и свои надежды, и свое представление о мире, и свою свободу и свою любовь. Он зависим от человека, потому что появляется словно под рукою пишущего, словно повинуюсь кисти и резцу. Но он и самодетелен, потому что не только создается, но уже и есть, и открывается, предстает как горы, к которым направляет свой посох путник, как золотое месторождение, открываемое в золотоносной реке, как поле, засеянное человеком, но произрастающее по энергии и плану, заключенных в посеянных семенах, как чудо, не повинующееся никому.

3. Бог философов и ученых

Только с этим Богом и возможно сотрудничество, взаимопонимание и приязнь.

Но я не буду о нем философствовать, так как он содержится и представлен в культуре в целом, по разному, в каждом произведении согласно мировоззрению художника и философа, противоречиво и неполно, но эти противоречия и неполнота не являются исключющими его бытие и сущность противоречиями и неполнотой, но приглашающими к взаимодействию и пониманию; так и ни в одном из романов не дан мир в целом, но лишь частично, но литература в целом дает целостный мир.

Но богословие не разъясняет и не восполняет противоречие и неполноту Священного Писания, и это мы увидим.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОЩАНИЕ*1. Переход через Стикс*

1 ноября 2015 года. Осень уже закончилась, пришли "последние дни". Сегодня завершился окончательный разрыв с иллюзиями любви, с тем, что было когда-то мне дорого, дорого и теперь.... Что уже давно больно, но сегодня еще больнее.

Мы наконец простились, состоялось то символическое прощание, о котором я ее умолял, о котором и в посвященном ей романе сказано «Назначь последнее, прошу, свидание! И я, безмолвствуя, к тебе приду...»

Нет, мне ее умолить не удалось, христиане безжалостны, человека им не жалко, им только образ божий в человеке что-нибудь, кажется, говорит, но я умолял ее как человек, а до человека она снизойти не могла.

И все же случилось почти чудо, я ей написал, что отправил бандероль с ее книгой, заодно послал и свой роман и прощальное письмо, уже без умоления о встрече. И в ответ она прислала несколько строк.

Мне и больно и страшно прикасаться и к прошлому, и к настоящему, я испытываю какой-то мистический ужас от того, что продолжаю еще разговор о нас двоих. Но все же надо окончательно объясниться, подвести черту и в некоем трансцендентном смысле. Эти мои слова она, правда, уже не прочтет, да они ей и ничего и не скажут. Она перешла через Стикс, нас разделяет даже логика, мы и чувствуем по разному. Человека в ее мире уже нет, там есть господь и блаженство от любви к нему (и пишу я слово «господь» с маленькой буквы не только потому, что я разошелся с христианством, но и потому, что сильно сомневаюсь в благодатном источнике их безобразно извращенного мира, отличающегося от нашего как неевклидова геометрия от евклидовой). Меня она не слышит и не услышит. Почему она слышит тот мир и тот бред, которым наполнен тот мир, а все то, что в нашем мире, ну, например, музыкальные концерты, радость от впечатлений природы, от дружеских встреч и разговоров, от семьи, от книг, от созерцания величественной архитектуры Петербурга, от собственного творчества, которое ее совсем недавно так занимало, даже от вкуса хорошего вина, от мечты, воображения, стихов (а ведь она и сама совсем недавно писала прелестные стихи) – я никогда не пойму. Она словно бы умерла, перешла в инобытие, доставляет ли ей удовольствие общение с другими людьми кроме товарищей по несчастью, тоже перешедшими через Стикс, я тоже не знаю. С ужасом чувствую, что ее блаженство сродни наркотическому опьянению, в нем нет подлинной свободной и легкой радости, оно поработительно, оно убило в ней и душу и сердце. Ее блаженство является окончательным разрывом не только со мной, но и с миром. Но я почему-то абсолютно бессилен что-либо изменить.

2. Последнее письмо

19 - 27 октября. Буря меня бьет о берега. Утром написал письмо ненавидящее, вечером слушал музыку, она меня единственная утешает, и письмо я переписал...

Пышляю Вам вашу книгу, заодно и свою. Так я словно бы подул на рану в сердце, вздохнул и помахал вам рукой.

Я не собираюсь вас ни преследовать, ни упрашивать, я примирился с вашим решением расстаться со мной, только задержался с прощанием, я тянул, ожидая, когда закончу свою злополучную книгу, чтобы вам ее передать вместе с вашей – не надеясь, что вы ее оставите.

Передать вам книгу и последнее письмо – это для меня символический жест. Как, например, мужчина признается женщине в любви, просит ее руки, спрашивает ее, любит ли она его. Пытается узнать, за что она его ненавидит и презирает. Это все символы. Говорит на прощанье, что ни на что больше сердиться не будет, согласен просто уйти и больше никогда о себе не напоминать... Но хотя бы вот эту фразу – «Простите, прощайте!» – позвольте все таки мужчине сказать?! Он же не каменный, у него болит то самое сердце, которое он вам когда-то подарил, и по которому вы со всей страстью топтались ... А разве к вам я был так же безжалостен?

Я и теперь вас жалею.

Кажется, я понимаю, почему вам так неприятно обо мне помнить. Нас притягивала та самая сила всемирного притяжения, о которой я написал книгу, и вы теперь уверяете себя, что я не стою симпатии, и не смею думать, будто я вам нравился! Я вас утешу: я не думаю, что нравился вам существенно, что вы мною дорожили. Было случайное знакомство, некоторая симпатия, пока вы не поняли, что симпатизировать мне не за что.

Ну так вот, я от вас ухожу и не думаю, и не смею думать, будто вы мною дорожили, и что я вам был нужен. Нет, не дорожили и не нужен.

У Натальи Ефремовой есть прекрасный роман о любви, в котором девочка влюбляется в одноклассника и потом десять лет умирает от иступленной ненависти к нему, представляя, что он смеет подумать, будто она в него была влюблена. Природа такой ненависти необъяснима.

Я вас утешу еще раз: у вас нет и ненависти ко мне, вы относились ко мне вполне заурядно, совершенно равнодушно, ну, быть может, был на мгновение некоторый интерес. Нашу переписку вы можете стереть из памяти компьютера, а я в нее не заглядываю. Зачем? Там нет ничего кроме лжи.

Правда, есть и другие причины, по которым вы со мной прервали всякое знакомство, я не мог вас разлюбить сразу, поэтому о многом думал бессонными ночами и даже плакал. Любовь делает мужчину слабым. Сильный никого не любит, кроме себя. Любящий переживает: и за ту, которую любит, и за ее чувства, и за связывающую их любовь. А не любящему переживать не за что, кроме себя самого – но он в себе уверен.

Вы отвергли меня совершенно справедливо, я не стал настолько значительным, чтобы обо мне можно было сожалеть.

Если бы я сумел подняться над обстоятельствами, если бы я сумел подняться выше, все произошедшее не смогло бы меня так опалить. Я тогда шел бы по горящей траве, но до сердца пламя бы не доставало.

Итак, вас ко мне почти ничто не привязывало. Это я к вам был привязан. **Состраданием. Заботой. Любовью.** Вы не знаете, что значат эти слова. Или даже думаете, что это что-то омерзительное. Христианское богословие призывает такие чувства ненавидеть и распинать.

Преподобный Игнатий Брянчанинов и почти все известные мне христианские философы (кроме Владимира Соловьева) прямо призывают *распать душу и душевную любовь*, потому что в душе и в любви есть *пристрастие*, и она предпочитает одного вместо другого.

Привожу из моей книги отрывок. Вот что пишет Игнатий:

«Пламеннойшая естественная любовь легко обращается в отвращение, в непримиримую ненависть.

.... Естественная любовь доставляет любимому своему одно земное; о небесном она не думает. [Плохо ты сам любил, Игнатий! Какова же любовь, таковы и плоды ее. Или человечество и в самом деле так омерзительно, как говорят христиане? Нет, это неправда, это вам надо исправить зрение, нужно сеять новые очи для ослепших!]

Она враждует против Неба и Духа Святого, потому что *Дух требует распятия плоти*. [А кто же будет пахать и сеять?!]

Она враждует против Неба и Духа Святого: потому что находится под управлением духа лукавого, духа нечистого и погибшего.» [Ах, Игнатий, Игнатий! Все то, что в нас с тобою несовершенно, проистекает из того, что человека мы любим слишком «самолюбиво». Любовь «находится под управлением духа лукавого, духа нечистого и погибшего»? А куда же мы смотрим, что нашей любовью руководит кто попало, то «дух нечистый», то «чрезмерно чистый» (коему канонически не положено вмешиваться в жизнь прихожанина, а только исповедовать грехи и отпускать их?)]

«В каких язвах – наша любовь естественная! Какая тяжкая на ней язва – **пристрастие!** Обладаемое пристрастием сердце способно ко всякой несправедливости, ко всякому беззаконию, лишь бы удовлетворить болезненной любви своей.»

Итак, по мнению христианского богословия, надо любить **беспристрастно** ...

Разлюбить женщину такому человеку как я, то есть НЕ бездушному, притягивающемуся и любящему пристрастно и сильно, – совсем не просто, сложнее, чем вам выбросить меня как окуроч.

Но приходится и мне делать усилия, чтобы вас забыть и стать равнодушным, ибо любить другого вопреки его желанию не следует. Я ведь в вас влюбился нечаянно, постепенно, и вы не были против того, чтобы я в вас влюбился. Кроме того, есть одно самое важное, что непостижимо для христиан: мною двигали сострадание и забота. Любовь была только следствием.

То, что я способен сочувствовать человеку, пожалеть его, когда ему плохо, и пытаюсь ему помочь, то, что *моя любовь проистекает из сострадания к человеку*, но не из любви к Богу, делает меня выше любого христианина. Человек мне дороже, чем Бог. Впрочем, апостол Петр со мною согласен. Он говорит: *как ты можешь любить Бога, которого не видишь, если не любишь брата своего, которого видишь?* Только из любви к человеку проистекает любовь и к Родине, и к Культуре, и к Миру, а, следовательно, к Богу, ибо Бог только в них и в душе человеческой, ибо Бог ведь не вещь, чтобы находиться вне человека, и Христос сказал: «царствие Божие внутри вас есть!» Христианин спасает только себя, даже если он спасается в пустыне, в мокрой пещере, в отказе от мира, от женщин (как Иероним Блаженный), от семьи и друзей. А я пытаюсь помочь тем, с кем меня соединяет судьба или случай. Христиане эгоисты, я не эгоист. Но, правда, мне даже и не надо заниматься своим спасением, я спасен еще при своем рождении, и апостол Павел говорил, что заранее определено, кому спастись, можете об этом найти в моей книге «Записки на пальме» или в посланиях апостола Павла.

Но приходится разлюбить вас, чтобы вас не терзало негодование против меня. И тогда, разлюбив, я стану и независимым от вас и сильным.

Но мне жаль, что я стану **не** зависим от вас, только когда разлюблю. Зачем же тогда я вас любил? Бесстрастно любить я не только не умею, но скажу всем таким умеющим любить бесстрастно: Лучше уж вы страстно ненавидьте, потому что тогда будете больше угодны Богу, ибо он «холодного и горячего приемлет, а теплого изблюет из уст своих!»

Так **зачем** же я вас любил? – Чтобы вам помочь.

Но не смел я помочь и вам и себя погубил...

Итак, вам можно утешиться: вы не были ко мне привязаны и не дорожили мною. Это только я был к вам привязан, дорожил вами и в вас нуждался.

Я вами дорожу и теперь. Оглядываясь на прошлое, я думаю, что стереть его из памяти несправедливо. Женщина вправе предавать старых друзей, у мужчины такого права по отношению к женщине нет, потому что любовь – прежде всего – это любовь к женщине. Пусть лучше останется в прошлом мучительная любовь, чем пустота. К тому же ваша ненависть, нелепое и безумное расставание, презрение, предательство – все же не самая большая плата за несколько чудных мгновений. А я еще поднимусь, и боль пройдет, Принимаю то, что есть. И вас буду помнить прекрасной и нежной.

Выбрасывая меня из памяти, презирая меня, вы ничего не приобретаете лучшего.

Потому что наше знакомство было лучше всего, что вы получаете вместо меня.

Влюбился я только в вас. Но что нас связывает и развязывает, я понимаю не больше, чем тогда, и потому не буду уже комментировать.

Добавлю только, что любовь – это не просто мимолетное чувство, это *стихия*, захватывающая всего человека и не меньшая, чем человек.

Я передаю вам две книги, вашу и свою, это письмо, обещание не прикасаться ни к вам, ни к вашей жизни, воспоминание о наших встречах, в которых, несмотря на ваше презрение и ненависть, вы были чудесной женщиной с прекрасными зелеными глазами, милой и милосердной!..

Передаю вам свои сожаления о расставании, некоторое напоминание о том, что мне еще очень больно, но ничего уже не прошу и не ожидаю, передаю примирение с тою жизнью и тою действительностью, которые наступили, напоминание о том, что я не гожусь для вашего фальшивого и извращенного христианского мира, не гожусь для смирения, кротости, покаяния, отторжения мира и отторжения подлинных чувств, ... в общем, ни для чего из вашего мира я не гожусь...

Но я вас нежно и сильно любил – как дочь, подругу, возлюбленную.

Мне казалось, что и вы испытывали вполне человеческие чувства ...

Но я не смог оказаться для вас тем пусть и смешным рыцарем, как Дон-Кихот, который мог бы увлечь ваше холодное сердце. Простите, что я не смог стать тем, кем дорожат.

Не знаю, смогу ли я еще так полюбить кого-нибудь, как вас. Я не смог растопить ваше сердце (если это не удалось кому-то другому).

Но моя любовь была той, которая воистину «всего терпела и ничего не искала своего.»

Чтобы жить дальше, мне нужно было от этой любви освободиться, распять ее или умертвить, как об этом говорит преподобный Игнатий Брянчанинов. Это и было причиной моих страданий в последние два месяца.

Но судьба ко мне благосклонна, она помогает мне понять прежде непостижимое и найти более верный исход. Любовь прекращается в двух формах, во-первых, *растворяясь* в личности и в продолжении жизни, становясь основой для творчества и изменения чувств, даже для возвышения, во-вторых, если и своеобразно умирая, то так, как об этом говорится в притче о пшеничном зерне, которое «если не умрет, то останется одно, а если умрет, то оставит после себя много плода». Синтез этих двух форм, в которые выливается любовь, ставшая невзаимной, своего рода ее инобытие.

Я думаю, что я был обречен изначально на то, чтобы остаться страдающим. Если бы вы меня не оттолкнули, то пришлось бы когда-то страдать и вам, поэтому все случилось так, чтобы вы, наконец, «нашли то, что искали». Я не знаю, что именно, но мы теперь далеки друг от друга, я не прикасаюсь ни к вам, ни к вашей судьбе.

Но чаще любовь – это любовь по Шопенгауэру, повинующаяся инстинкту, та, о которой пишет философ (и образцы ее в «Войне и мире «Толстого»), либо несчастная любовь Анны Карениной, либо никакая любовь как у всех, в ту или другую сторону, то есть либо только чувственная, либо воображаемая.

Надо быть готовым изначально к тому, что взаимопонимание почти невозможно, идеальные чувства не могут связывать мужчину и женщину, и

одна сторона непременно будет страдать. Страдать принужден я, и это счастье, потому что я и движим был только состраданием и заботой о вас, в этом и состояла моя к вам *любовь*.

И что же в остатке?

Разочарование, душевная боль...

Но пройдет некоторое время, и книгу и последнее письмо я вам передам (независимо от того, прочитаете ли вы их или выбросите), прорастет погибшее «пшеничное зерно», и будет новая личность и новая книга (и сегодня ночью я в это поверил, уже не оплакивал ни вас ни нашу незаконную любовь). Я словно бы поднимаюсь на новую высоту, с которой становится виднее мир вокруг, и я от него менее зависим...

Но жаль, что, вероятно, ни одного слова из того, что я пишу, вы уже не в состоянии воспринять, словно мы всегда были только чужими

Или и в самом деле не было ничего, кроме моих иллюзий и моих подлинных чувств, и вашего эгоизма, равнодушия и себялюбия? Но это уже мои последние слова, и я не спрашиваю вас ни о чем, скорее ветер на улице мне способен ответить, нежели вы...

Перебирал в памяти прошлые встречи, думал выбрать одну из них и сохранить как символ нашей прошлой дружбы, как доброе и утешающее мгновение... и вот странность – словно песок, высыпается все из пальцев, будто бы и никогда не было ни одного безусловного мгновения, в котором мы были бы точно вместе, хоть чуть-чуть... Неужели нечего запомнить, ничто из прошлого и впрямь не принадлежит мне?

Вы внушили себе, что я соблазнял вас... Увы, я этого бы не стыдился – но нет, я был робким и нерешительным, и, увы, мысли мои и чувства были робкими и безгрешными. За полгода «приставаний» я даже не решился поцеловать вас – и нечего запомнить на прощанье...

Но, возможно, когда все забудется, мы оба станем мягче друг к другу, тогда что-нибудь и вспомнится нежное и милое...

... Но нет, уже ничего не вспомнится и ничего не будет...

Зябкое утро. Октябрь на исходе.

Будет ли радость? Нет, больше не будет.

Бес по страницам и кружит и водит.

Ангел безжалостный судит и судит...

И никогда я уже не узнаю,

Было ли что-нибудь в сердце бесплотном,

Каменной деве шептал я: *Родная!*?

Призрак ли слушал меня беззаботно?..

С христианской точки зрения всякое прикосновение к женщине предосудительно, и всякий взгляд на нее, и только по слабости человека снисходит Бог до разрешения соединиться в браке для рождения детей, да и то Блаженный Августин предписывает им в назидание такую мерзость, что я и повторить не могу. Любовь же к женщине всеми, следующими за Христом не понарошку, осуждается безусловно и требуется любовь умерщвлять.

Через мои письма, которые я пишу и стираю, сквозит раздражение, обида и негодование – но разве я имею право негодовать на нее только за то, что она потребовала «отвалить» от нее и не подходить более, увидев, что мои притязания становятся чрезмерными?

Оправдана только любовь взаимная, да и то лишь потому, что ее оправдала культура и история, напишу и я еще Книгу в ее оправдание и в восхваление, и никто из христианских святош не посмеет бросить в влюбленных камень, на какой бы суд ни пришли они, держась за руки. Но я, отвергнутый, чувствую, что горят мои щеки, я оплеван и побит камнями, и всякий желающий имеет право бросить в меня свой камень.

Единственное, что я обязан был сделать – сразу же по ее отповеди отойти от нее, не писать писем, не писать стихов, не просить о встрече, не предполагать и не пытаться даже и по почте передать ей хоть что-нибудь кроме ее книги.

И даже не пытаться ее вспоминать.

Все не только закончилось, но ничто и не начиналось.

Кому повеет печали моя? И кого призову ко рыданию?

Никто не придет.

Но все неважно, если ее нет, не было и не будет...

И надо закончить свой разговор с уличным ветром, примириться с поражением, как примирюсь я когда-нибудь и со смертью, и хотя бы надеяться на то, что еще не все окончились иллюзии, что я еще напишу другую книгу, более удачную, что я еще встречу *другую*, более нуждающуюся во мне, более отзывчивую, более вмещающую земные чувства, более женщину и менее рабу божью...

И все же... Не может быть, чтобы даже из воспоминаний ничто мне не принадлежало? Однажды, когда я смотрел в ее глаза, они сияли радостью и восторгом... Неужели этого не было даже однажды?!

27 октября. Перечитал предыдущее послание, переписывать уже не буду, но, кажется, понял, наконец, самое важное, что в эти три месяца пытался понять, и что теперь мне предстоит изменить. Письмо мое производит впечатление, словно я стою на коленях, кричу о любви, о преклонении и восхищении, и тут же проклинаю, изливаю негодование, ненависть, презрение. Я – бунтующий раб.

Уж если мужчина влюбляется, любить надо сколько есть у него сил, и такая открытая любовь благородна. В рабство мы переходим не потому, что любим, но потому, что оказываемся зависимы от женщины, а зависимость не связана впрямую с любовью, но с характером, волей и достоинством. Мужчина не должен становиться рабом женщины ни при каких обстоятельствах, ибо к несчастью, женщина не способна выдержать такую ношу. Она должна быть уверена – если она любит – что любит взаимно, он принадлежит ей так же, как она ему, при этом должна ясно сознавать, что зависимости от нее мужчина не потерпит, он согласен погибнуть, покончить с собой или пойти на дуэль, которая отчасти самоубийство – но он может и преодолеть любовь, и остаться свободным.

Способность подняться выше страха смерти и выше любви делает мужчину мужчиной и делает его благородным. На что я имею право, решаю я сам. И я решаю, оставить ли мне любовь или преодолеть ее, потому что и женщина должна быть ее достойна. И поэтому хватит униженного расставания, хватит упреков! Я вас любил, еще люблю, наконец-то прощаюсь, ни о чем не жалею... И это мои последние слова, обращенные к вам...

Память обо мне – словно листок бумаги, который вы зачеркнули и выбросили. Но вы выбросили и часть собственной жизни.

Никогда не представлял, что так все закончится. Плакал из-за вас почти каждую ночь вот уже три месяца. Даже если я когда-то провинился перед женщинами, сторицей искупил я все свои вины.

В. говорит мне, что я сильный, что я все преодолею... нет, я не сильный. Разочарование и предательство преодолеть труднее всего.

Конечно, когда-то умрет и боль и любовь... Когда-то забудется все, даже, может быть, очень скоро. Но меня и это не радует.

Трудно вас понять. Во имя любви к Богу и собственного спасения вы способны пройти прямо по сердцу человека, который вас так жалел и любил...

Она мне ответила.

...Я вас никогда не любила, вы меня неправильно поняли.

...Христианство есть настоящая жизнь, только в приближении к Богу человек познает истинную радость и любовь... Теперь мне очень хорошо, я простила всех своих обидчиков и приближаюсь к Господу.

... Бог Творец и дал нам заповеди, чтобы мы были счастливы.

...Больше отвечать на следующие письма не буду, нет сил и времени на споры, истину нужно понимать сердцем, а не доказывать логически и интеллектуально.

Вот все и закончилось.

И больше мы никак не будем связаны, не будем писать друг другу, и я не узнаю, как она живет, и постараюсь о ней не думать.

Она словно перешла через Стикс и живет в инобытии или царстве мертвых. Всякий разговор, даже мысленный, с нею бессмыслен.

Вероятнее всего, это навсегда. Это то же самое, что уход к ДРУГОМУ или в Монастырь. Оттуда не возвращаются.

Нет у нас ничего общего ни в настроении, ни в мировоззрении, и нелепо даже надеяться на сближение, да оно было бы и нелепо

Что было в прошлом, что она ко мне чувствовала? Этого я не узнаю. А вероятнее всего, и ИЗ прошлого она ушла, перейдя через Стикс. У нее нет теперь ничего общего даже с собственным прошлым.

Вот все и закончилось. Надо просто забыть о ней и разлюбить ее, даже в воспоминании.

3. Неужели ничего не было?

То люблю, то ненавижу...

Что же делать?

Нет, делать ничего нельзя, надо продолжать жить, писать новую книгу, *преодолеть зависимость и боль*. Преодолеть прошлое. Хорошо ли, что мы встретились, достойна ли она была того, чтобы ее полюбить, что с нею случилось – даже об этом думать не стоит.

Она написала: «Бог Творец и дал нам заповеди, чтобы мы были счастливы. Истину нужно понимать сердцем».

Так ли это? Об этом я буду писать в следующих главах, потому что в этих словах глубинная ложь карамельного христианства, подменяющего и действительную жизнь с ее действительными радостями, и подлинное христианство с его унижающим и раздавливающим человека подлинным страданием, но никак не радостью.

Будет ли она счастлива, вернется ли она в мир и к жизни, к людям, я не знаю. Мне ее снова до слез жалко, она жертва бездушных людей, выступающих от имени Бога.

Может быть, обида и боль мне тоже заслоняют истинное понимание того, что случилось, но несомненно, что она живет в иллюзорном мире, душа ее словно ослепла, навсегда ли, никто не скажет, и я не узнаю тоже, да к тому же наша встреча была бы трагедией для обоих.

Потому что очень возможно, что все было так, как я тогда видел, мы полюбили друг друга, нас притянула та сила любви, которая никогда не думает о последствиях, она и в самом деле сопротивлялась этому притяжению и, наконец, оборвала все то, что нас связывало друг с другом. Не совсем сама. Не для счастья. Только для страдания, которое наступит, если ее душа не до конца умерла, если она оживет.

Разве дело только в словах или письмах, которые можно перечеркнуть, говоря, что я ее неправильно понял? Но разве не было встреч? Не было нежных взглядов, не было долгих разговоров по телефону?

Как возможно вычеркнуть из памяти восхищение?.. всё кончено...

4. Пора расставаний

Она меня бросила в августе...

Но в этом же месяце меня бросили еще две, которым, правда, я и не принадлежал, с которыми мы не успели притянуться друг к другу, в которых я не влюблялся, и они в меня, и мы и не влюбились бы друг в друга, даже если бы они меня не бросили. Но и *влюбленная дружба* с женщиной, *дружба*, которую я прославлял, почти невозможна, и из-за нее могут пролиться слезы.

Одна из двух познакомилась со мною семь лет назад, ей было шестнадцать лет, она училась в десятом классе и написала мне восторженное письмо, восхваляющее мои стихи. Мы стали переписываться, я сочинил для нее еще множество стихов, весною с компанией своих "пернатых братьев"

приехал в их школу, мы подъехали на автомобиле, в дороге пробыли семь часов, останавливались, выпили по чуть-чуть, и вот у крыльца школы на пронизывающем ветре стоит маленькая очаровательная девочка, ждущая нас. В восторге я схватил ее в объятия и поцеловал. «Только воспитание не позволило мне врезаться вам как следует!» – написала она мне потом в письме. И так это покатило и дальше.

Встречались мы в школе по разным поводам один-два раза в год, в школе учительский коллектив в меня был влюблен, как и я в них, мы пили коньяк и водку, девочка постепенно выросла, но кроме чаю ей ничего не наливали, заедала она его конфетами, которые я привозил. В меня словно вселился какой-то смешливый античный бог и я изображал влюбленного, она мне писала письма-ответы, укоряя, что я смею приставать к детям! И тогда я многое понял в самом себе. Дело в том, что я взрослых всегда боялся, легко мне было с детьми, дружил я с ними и шестилетними, и они в меня влюблялись, и с шестнадцатилетними, и с девушками и женщинами постарше, но детками по характеру или по разнице в возрасте со мною. И они в меня тоже влюблялись. И я в них... Но, конечно, наша любовь была такою, что от нее, как правильно пишет Владимир Соловьев, не могли родиться дети, и я и не пытался их обнимать и целовать, кроме как в пылу восторга, но совершенно невинно, не думая "о чем-то *таким*", а так же, как мамочка подбрасывает своего ребенка в воздух и мнет и целует как мячик – в умилении!

Девушка К. продолжала со мной переписываться и меня обличать, однажды на очередной встрече в школе она вдруг вскочила от своего самовара, подбоченилась и выпалила: «Торжественно заявляю, что никогда-никогда-никогда больше не встречусь я с этим человеком!!!» Хлопнула дверью, чуть школа не рухнула, и выбежала. Меня послали ее догонять. Я ее догнал, мы немного прошлись, она мне объявила, что теперь у нее есть друг, которого я даже подметки не стою. Я ее поздравил и хотел поцеловать в щеку. Она помахала кулаком перед моим носом и заявила, что если еще раз...

Год назад она мне написала, что читала старые письма и они ее умилили, и что неужели это ей я посвятил свои замечательные стихи?

И вдруг в августе она приехала в Питер, мы встретились и пошли по городу, сначала зашли в Михайловский замок, где была книжная выставка и где меня пригласили выступить, потом к знакомому художнику, чтобы выпить чаю, потом в издательство... потом я проводил ее назад. Прогуляли мы семь часов кряду.

Я уже к ней не приставал и она вдруг загрустила, и на прощанье сказала, что у нее новый друг и он обещает о ней заботиться. Мы постояли, даже нечаянно держась за руки, она сказала, что еще позвонит, и вдруг порывисто обняла меня и убежала. И уже не звонит...

Может быть, я в чем-нибудь виноват? Может быть, и за нее меня мучает христианский Бог?

Другая, которая меня бросила, не успев еще подобрать, это Анна. Анне 37 лет, у нее трое прелестных детей, в которых я влюбился с первого взгляда по их очаровательному поведению, по их скромной и кроткой игре в своем купе почти неслышно для окружающих, по их нежному повиновению маме. Но Анна произвела и сама впечатление кроткого и скромного ребенка, и хотя я женщины боюсь, но ее не боялся с первого взгляда, но воспринимал почти как четвертого ребенка в ее семействе, да и меня она как будто произвела в свои детки, во всяком случае, когда я приперся с посохом в их деревню и женщины у ее дома стали меня немного журить, она бросилась тигрицей на мои защиту: *Вы ничего не понимаете! Он поэт, а поэтов нельзя мерить по общим меркам.*

Но и Анна меня бросила, я спросил ее, будет ли она со мною дружить, если батюшка скажет, чтобы она не дружила.

– Я буду поступать так, как батюшка скажет! – ответила она.

К счастью, я с самого начала решил в нее не влюбляться, о чем предупредил и ее, поэтому перенес наше расставание (впрочем, она меня обняла на прощание, и это я буду помнить как самый милый подарок в последнее печальное для меня время).

Бросили меня и другие.

О, Манон! Только ты вернулась ко мне после полугодового расставания и объявила, что я *лучший!* Но разве ты меня любишь?

5.

Я больше не буду писать о любви ни философских романов, ни стихов, ни рассказов... Я не смогу не любезничать с девушками, когда меня с ними столкнет тесная скамейка банкета, электричка или толпа в метро, но сила всемирного притяжения будет напрасно пытаться меня подвинуть к ним ближе, чем для пожатия руки.

Правда, несколько итоговых слов о любви мне надо будет еще написать, своего рода выводы из исследования; я писал свою книгу так, что в ней смешалось все почти как в доме Облонских: но какие роды любви существуют, чем они различаются, что есть любовь среди них и что такое любовь – об этом хотя и надо бы еще написать, но теперь я о любви знаю еще меньше, чем когда о ней впервые задумался... Тогда я *чувствовал*, и мне всё в ней было понятно, теперь я *мыслю*, и любовь рассыпается, увы, на отдельные слова...

На любое явление, чтобы его рассмотреть, надо глядеть извне, и тем более это относится к страсти, вот почему, перечитывая написанное, я вижу, что чуть ли не каждый день я меняю свои взгляды и на женщину и на любовь, то я их проклинаю, то я ими восхищаюсь. Буря должна успокоиться, корабль перестать раскачиваться, перо в руке успокоиться – только тогда я смогу писать вразумительно... А пока я и сам не знаю, можно ли мне доверять...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ФОРМЫ ЛЮБВИ

1. Любовь как всемирное притяжение

Мужчина и женщина притягиваются друг к другу той силой, в которой есть все то же, что и в самом человеке, силой, сродной и тождественной человеческому Я, и как в человеке есть и душа и плоть, биологическое (природное) и метафизическое (существующее в бесчисленных проявлениях души, в восхищении, сострадании, нежности, потребности в утешении и так далее), так и любовь включает в себя и *желание обладания, наслаждения*, и все остальные проявления душевной деятельности тоже.

2. Любовь по христиански

Мтф., 19,12: «ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и *есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного.*»

Мтф., 19,29: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную.»

Игнатий Брянчанинов: «Естественная любовь наша повреждена падением; ее нужно умертвить.

В каких язвах – наша любовь естественная! Какая тяжкая на ней язва – пристрастие!

Взгляни на предметы твоей любви: они очень тебе нравятся? К ним очень привязано твое сердце? – Отрекись от них.

Ощувший любовь духовную с омерзением будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви.»

Христиане меня уже запугали так, что о *духовном*, входящем в человека и его любовь, я уже боюсь говорить, ибо если чувства относятся к психической деятельности человека, то есть к душевной (*психея* – душа), то относится ли *жажда наслаждения* к плоти? Она ведь тоже чувство, а, следовательно, вид душевной деятельности, и точно так же и ощущения, и переживания, и проявления воли, и представления, и все остальные формы сознания. Понятие о *плотском* возникло как своего рода художественный и философский образ, своего рода метафора, в которой мы одни виды душевной деятельности противопоставляем другим, а в крайнем случае плотскими можно было бы считать самые примитивные физиологические ощущения, например, изжогу, чувство голода и жажды, ощущения тепла и холода...

Точно так же *духовное* – это метафора, с помощью которой мы хотим некоторые одни чувства возвысить над другими. Но при этом идет противопоставление в богословских рассуждениях того, что связано с психеей, опирается на чувство, содержит в себе чувство, – всему

бесчувственному, чистой мысли, и к духовному относят бесчувственное, связанное с интеллектуальными представлениями о Боге. Но при этом Бога требуется любить, а любовь трудно представить без чувства, поэтому либо к духовному относят только чистую сознательную деятельность, направленную на божественное, либо состояние, в котором кроме мысли содержится некоторый особый тип бесчувственного чувства, связанного с божеством, либо чистую форму без всякого содержания, вроде сна без сновидения, форму, которая, возможно, переживается в наркотическом опьянении. Есть аналог такого наркотического опьянения в состоянии, которого человек пытается достигнуть в некоторых медитативных практиках, освобождая свой ум и душу от всего, и вот в итоге возникает забытие, окрашенное тонкой радостью... Но радость, впрочем, тоже чувство, и когда йог, буддист, медитирующий христианин говорят о блаженстве и о божьей благодати, то сколько бы они ни проклинали душу, сколько бы ни требовали ее распять на кресте и умертвить, но когда они радуются, то радость испытывает его еще не до конца умерщвленная душа.

Итак, *любовь как всемирное притяжение* включает в себя *половой инстинкт* (желание наслаждения, *вожделение, похоть*), которая так или иначе является формой *психической* деятельности, и многие другие чувства, которые и делают эту любовь любовью, входящей сердцевинной в поэзию, музыку и литературу – сострадание, жалость, заботу, восхищение красотой, нежность, очарование, восторг, чувство родства, единения, взаимопонимания, общности интересов, симпатии, милости, ревности и многого другого. *Вожделение и похоть* осуждены христианством, поэтому и любовь осуждена, и на какое же чувство благословляет священник молодых в браке? Но душевные чувства, то есть и восхищение красотой и нежность и очарование еще более осуждены христианством, их требуется распять, поэтому тем более любовь осуждена, и на какое же чувство благословляет священник молодых в браке, исключаящее и вожделение, и сострадание, и нежность? Но в действительности многие из таких осуждений – отвратительное лицемерие. Девятнадцать веков подряд девушек выдавали замуж родители за того, кто им был более полезен, о браке сговаривались часто даже не спрашивая и жениха, следовательно предполагалось, что дети у них появятся только благодаря вождению хотя бы одной из сторон – жениха, и следовательно этого для брака достаточно, и только такой брак и благословлялся. Да будь же проклято такое благословление, которое девятнадцать столетий распинало чувства молодых людей, особенно девиц, и то, что навязывалось церковью как единственно приемлемая форма соединения мужчины и женщины богословие смеет называть любовью? И смеет сказать, что апостолы призывали мужей любить своих жен? Да как они могли призывать к этому, сами никогда не испытывавшие того чувства *любви* (и даже хотя бы *вожделения*), к которому якобы призывали мужей? Ибо разве они не *«сделали сами себя скопцами для Царства Небесного»*?

3. Любовь как всемирное притяжение

Но любовь существовала во все времена, сколько бы христианство с ней ни боролось (подлинная «преступная» любовь, происходящая от разгорячения крови, о которой преподобный Игнатий говорит «Евангелие *отвергает* любовь, зависящую от движения крови, от чувств плотского сердца» – так благословляла ли церковь брак и любовь? И какую же любовь призывали мужей апостолы любить своих жен? О, лицемеры! Когда священник говорит молодым: Любите друг друга, то он «отвергает ли любовь, зависящую от движения крови» или благословляет ее, вопреки Евангелию?

Нет, церковное благословение хуже проклятия, но любовь существовала во все времена, сколько бы христианство с ней ни боролось.

4. Семья и родовая любовь, Патриотизм

«Лучше не прикасаться к женщине», велит апостол Павел, следовательно, не рожать с нею и детей, или уж в крайнем случае, ложась с нею в одну постель, стараться «не совершать *непристойных* движений», повелевает Блаженный Августин, ибо «Евангелие *отвергает* любовь, зависящую от движения крови» (следовательно, и плотскую страсть), как вторит им преподобный Игнатий – но человечество не прекратилось, и дети рождаются.

Что же вызывает у христианских проповедников наибольшую ярость – соединение, когда двое становятся единою плотью, или «любовь от разгорячения крови»? Судя по неистовым призывам на христианском сайте недавних пламенных комсомолок умертвить и душевную любовь и саму душу, и судя по повелению преподобного Игнатия, что так как «естественная любовь наша повреждена падением; то ее нужно *умертвить* – повелевает это Христос – и почерпнуть из Евангелия святую *любовь к ближнему*» – главный враг у христиан именно *любовь к женщине*, а не *вождеделение* к ней. И так как чувство родства, сознание народного единства, ощущение себя частью народа, патриотизм, национализм (и любовь к отеческим гробам по Пушкину) – проистекают именно из *любви* между мужчиной и женщиной, продолжают *любовь*, но не *вождеделение*, продолжают и материнскую любовь, то вторым врагом христиан является любовь к отечеству.

Вчера я был в гостях, хозяин читал вслух статью Льва Толстого 1896 года о патриотизме, где главной мыслью был призыв желать всяческого ослабления своего отечества во имя всечеловечества (вспомните Владимира Соловьева!) – и это после «Войны и мира»...

5. Любовь материнская

Казалось бы, в христианстве прославляется и богоматерь, и рождение ею младенца Иисуса – но дева Мария не ставится таким образом в ряд с другими матерями, ибо она родила младенца безгрешно, непорочно, стала ли она женою Иосифу, об этом учение умалчивает, и мы не знаем, уподобилась ли она природным женщинам, нашим матерям.

Из девства Марии при рождении Христа, из благословения девства

(помимо монашеского целомудрия у мужчин и безбрачия у католических священников), проходящего через христианскую историю, ясно следует, что соединение мужчины и женщины греховно и является продолжением того первородного греха, в коем виновны Адам и Ева, повредившие мир и ввергшие его в осквернение, и в коем виновны теперь и все мы, дети праматери Евы, независимо от того, прикасаемся ли мы к мужчинам и женщинам или нет.

А значит и дети рождаются во грехе (как о том и говорится в христианском учении) и они суть *дети греха* и на них лежит то же проклятие, что и на рождающих их.

И, следовательно, и любовь материнская несет на себе отблеск греховного пламени, да еще вдвойне, поелику и мать согрешила, зачав их, и они грешны по рождению. Но нет, любовь эта греховна трижды, разве она не «зависит еще от движения крови, от *чувств плотского сердца*», которые *отвергаются* Евангелием,

На христианском сайте, на котором требуется умертвить и душу и душевную любовь, проклятие на материнскую любовь не призывается, но я не сомневаюсь в том, что ***чем более ревностна женщина как христианка, тем она хуже как жена или мать.***

И несомненно, что призыв Христа «оставить дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, ...ради имени Его», чтобы наследовать жизнь вечную, хотя по форме обращен словно бы к мужчинам, но точно также обращен и к женщинам – нет, я не хочу любить такую женщину и иметь от нее детей... другие же пусть сами решают, благословлять ли тех, кто предает любовь за веру (но какую же тогда любовь апостол Павел возвысил над верой?)

6. Любовь к ближнему

Если вспомнить «Путешествие на Афон» Страхова, где идеалом любви выставляется любовь без предпочтения, равно изливаемая на всех, бесстрастная и *равнодушная*, если вспомнить проклятия Игнатия на *пристрастия*, то становится несомненно, что все народное, связанное с традициями народа, с его преданиями, с его образом жизни, с его любовью, с его милосердием и состраданием, которые всякий раз изливаются *по избранию* (как и Христос сам был избирателен и предпочитал одних и презирал других и не случайно говорил: "много званых, но мало избранных"), то очевидно, что христианские *заветные* чувства не только не народные, но прямо антинародны, и кое-как за два тысячелетия приспособлены к мирочувствию русского человека – а тут вдруг обрушились на нас снова сектантские проповеди под видом православия, к которому еще как-то притерпелся человек, и житья вновь не стало от иступления веры, которого не было на Руси со времен иступленной боярыни (которую, впрочем, мне жалко, я вспомнил, как она просила у стрельца разрешения постирать исподнее, а потом корочку хлеба – это одни христиане истязали других!).

Как я уже говорил, проповедь любить *единоплеменников* у евреев (то есть их *ближних*), которая была оправдана и понятна, превратилась у христиан в мучительную нелепую догму, которой и сам Христос не придерживался никогда – разве не он страшал своих ближних плачем и скрежетом зубным – это ли любовь? – разве не он призывал возмездие на селения и города, где плохо примут учеников его? – разве не он обещал спасение только горстке, "малому остатку" праведников, и не его апостол повторял не раз ветхозаветные слова: нет праведных, все негодные, все до одного?!

Верует большинство из страха за свою дрожащую душу, боясь возмездия и терпя несносную жизнь в надежде на райское блаженство – но почему они ленятся почитать евангелие и узнать, что блаженство обещано в лучшем случае одному на тысячу, а остальным вечные муки?

Все это я уже повторяю в десятый раз, но я повторил бы и десять тысяч раз, если бы надеялся, что повторы мои принесут пользу.

[Я уже давно почти ни на что не надеюсь, даже на литературу, книги не только не читают читатели, но и писателям они не нужны, вчера с удивлением узнал, что если бы издавался журнал критики, подобный Современнику в 19-м веке, то ни один бы писатель его не купил, потому что не заказывают напечатать хоть один экземпляр для себя даже собственных сочинений, выставляемых в электронном виде. Может быть, существует Чудо? – горестно спрашиваю я сам себя... А жизнь после смерти меня не утешает. Я совсем не сильный человек, но предпочитаю умереть достойно, как мой отец и миллионы моих сородичей, но не стоять на коленях в молитве о милости... Но, может быть, существует чудо? Не одно же христианство печется о вечности, есть Бог и у философов и ученых...]

Вернусь к *ближним*, любовью к которым меня уже "заколебал" Игнатий. «Воздавай почтение ближнему как образу Божию, – почтение в душе твоей, невидимое для других. ... Если образ Божий будет ввергнут в пламя страшное ада, и там я должен почитать его.

Что мне за дело до пламени, до ада! Туда ввергнут образ Божий по суду Божию: мое дело сохранить почтение к образу Божию, и тем сохранить себя от ада. И слепому, и прокаженному, и поврежденному рассудком, и грудному младенцу, и уголовному преступнику, и язычнику окажу почтение, как образу Божию.»

Преподобный Игнатий был епископом, заботился об устройении епархии, имел множество помощников и слуг, носил роскошные одежды, вкушал изысканную пищу, сочинения его были изданы и он успел поддержать их в руках, и сегодня бывшие пламенные комсомолки на ночь со слезой их читают. Носил ли Игнатий вещи бедным детям как я? Ходил ли к нему в издательство нищий профессор в девяностые годы, чтобы поесть? Впрямь ли устремлялся он в ад сквозь пламя его, чтобы омыть своими слезами образ Божий в поврежденном рассудком? А я два с половиною года провел среди них почти что в аду, и когда меня отпустили на землю, в "чистилище", охранник сказал: «се человек, о котором никто за эти годы не сказал ни одного дурного слова». А я не любил сидящих и одесную и ошуюю меня, но

иногда жалел. Как и сидя на пальме, жалел опущенных, хотя их воспрещалось жалеть.

Какая безумная схоластическая любовь, противостоящая естественному милосердию! Но отчего-то надо, как пишет Леонтьев, чтобы именно эту любовь человек и искал, даже через мучения, потому что «без страданий не будет ни веры, ни **на вере в Бога основанной любви к людям**». И почему-то надо, чтобы во имя этой любви человек отверг всякую другую любовь, которая скрепляет и семьи и народы.

Может быть, я живу в безумном мире? Может быть безумие царствует, и воцарилась на земле неевклидова геометрия и параллельные линии пересекаются, а непараллельные не могут друг с другом встретиться?

Но я живу уже давно, и меня трудно удивить даже безумием. Вот ныне проклинают любовь и прославляют Игнатия Брянчанинова. А давно ли смеялись над попами и прославляли Маркса и Сталина, и любовь основывалась не на страхе Божиим, а на страхе перед тираном, по смерти которого народ, который он чуть не весь уничтожил, рыдал

Так что я уже не надеюсь на понимание, и на здравомыслие, и во имя любви к ближнему если христиане ринутся меня распинать, я не удивлюсь. И мы еще последуем еще за одним примерным христианином, Торквемадой, и узнаем, как он, подобно Игнатию, за образом Божиим в человеке пускался за ним тоже в ад...

7. И вновь о любви к женщине

Как мы уже не раз услышали, в этой любви соединяются и половой инстинкт и некое метафизическое влечение, и сострадание, и многое другое еще... Но по литературе мы видим, что существуют и в любви к женщине два вида любви, которая их соединяет, и одна именно такова, но она не становится трагедией, и не бросаются из-за нее в омут и под поезд, и не травятся, и не сходят с ума, а мирно живут и рожают детей и испытывают уютное "мещанское" счастье; а с другой все как-то не так, и чем эти две любви различаются, какая пропасть между ними, я так и не сумел не только читателю объяснить, но и самому себе. И вот я хожу по осенней улице и пою свой романс, когда меня не слышат прохожие: «Нет ни причины, ни оправдания, Я словно дерево в твоём саду...» – и заливаюсь слезами.

И только то меня еще спасает, что я пишу новую книгу и вновь и вновь пытаюсь понять непостижимое...

И еще то спасает, что несмотря на безжалостное время, случайные встречные девушки еще слушают меня и жалеют и начинают мне тоже жаловаться на свою жизнь, и я жалею их. А причины наших несчастий многообразны, столкновение страсти и долга – из них самая простая.

И еще меня В. жалеет, называет миленьким, призывает держаться и утешает, хотя и у нее не все сладко в жизни. И я держусь, и еще уповаю на чудо, и вдруг поднимусь еще выше и что-то сумею переменить...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пока боль не ушла

1. Ночные страхи и дневные споры

Вспомнил рассказ Александра Грина «Возвращенный ад»: страдающий интеллигент после дуэли и ранения в голову становится вдруг счастливым, все в мире становится просто и ясно, светло и радостно, он расстается с любимой, с друзьями, заводит новых любимых и новых друзей и с ужасом вспоминает прежнюю несчастную жизнь. Пока его снова не ранили в голову и он не вернулся к самому себе.

Ночью я снова спал плохо и снова плакал, вспоминал, как мы гуляли, держась за руки, по парку, как сидели вдвоем на скамеечке, я целовал ее руки и ушко, наслаждался сиянием ее зеленых глаз и она повторяла одно только слово: ЛЮБЛЮ!

И не было рядом ни апостола Павла, ни Блаженного Августина, ни Иеронима Блаженного, ни Игнатия Брянчанинова, ни ненависти к душе и любви одного человека к другому, любви, в которой каждый третий уже лишний, включая и самого Бога; вспомнил, как мы были счастливы, каким светом мы были наполнены, светом, который источал и мир вокруг нас, пусть даже и падший и проклятый и ужасный; и народ, среди которого мы живем, разный, но в котором столько нелепого, смешного, трогательного, нежного, доброго, столько желания иногда посочувствовать, придти на помощь из самого простого, ПРИРОДНО вкорененного в нас сострадания; и наша великая и почти необъятная культура, безмерно превосходящая одну эту хотя и великую, и глубокую, но бесконечно меньшую культуру Книгу; и с ужасом я понял, что это не она выбросила меня как окурок, но выбросили какие-то безумные и ужасные силы ее саму как окурок, вместе с ее воспоминаниями, вместе с ее счастьем и страданием, вместе с ее талантом и широтой и способностью любить, оставив плоскую тень недавно только живого и нежного человека, обаятельной женщины, любящей матери, может быть и не идеальной жены, но не совершившей ничего осудительного – мы ведь даже ни разу не поцеловались, а целовали только руки друг друга и смотрели в глаза!

Кто-нибудь из самых кротких, из самых ко мне расположенных из этого нахлынувшего на нас вновь океана "духовного мракобесия", способный прежде чем схватиться за камень, чтобы побивать меня, или схватиться за хворост, чтобы подбросить его в костер для моего сожжения, сначала со мною поговорить, пусть меня выслушает.

Кажется, совсем недавно было то же самое, другая единственная книга заполняла все пространство бытия, "Капитал" Маркса, почти все книги, которые мы читали, были только отростками или ветвями из этой книги, она заполняла, объясняла, царствовала, она сама была всем миром, и если Библия обещает сомнительное блаженство после смерти и то очень нескоро, день же и час не знает никто кроме Отца небесного (да и обещает ли, и в чем это

блаженство состоит, сказано в ней так смутно, что словно бы ничего и не сказано), то Капитал обещал блаженство вот-вот, у порога, и даже "нынешнее поколение должно было уже жить при коммунизме", и марксизм-ленинизм уже почти всему человечеству все-все объяснял, и все были счастливы несмотря на "отдельные недостатки" – и вдруг все схлынуло! – и ни одной страницы из этой книги ни в одном уме! – то не может ли показаться, что это все накатывающиеся валы одной всеобщей болезни, заключающейся в том, что личность, не способная хотя бы отчасти вмещать Историю и Культуру, возненавидивает их, отвергает, растворяется в какой-то одной простой идее и начинает ненавидеть всех, способных воспринимать и окружающий мир, и читать другие книги, и мечтать, воображать, творить нечто новое, влюбляться по своему, не так как предписано и указано в всеобщих учениях?! Жаль, что я не так талантлив, не так гениален, чтобы это было бесспорно, и это нас разделяет, вы не слышите мой не слишком громкий голос, не понимаете моих банальных слов, что так же как грипп вал этот схлынет, вы просохнете на солнце и начнете поклоняться новой Абсолютной истине, не смея усомниться в ней ни на капельку.

Я говорю вам, что только что все сходили с ума от величайшей Истины Маркса (или Ленина, или Сталина – но они были словно бог-отец, бог-духвятой и бог-сын едины), и вы тоже сходили с ума, и собирали кресты и колокола на металлом (или ваши отцы и матери), и смеялись над попами и темными верующими старушками в платочках, не способными понимать науку, а меня либо ненавидели, монтировали в стену микрофон, чтобы вывести на чистую воду, сажали в тюрьму и в сумасшедший дом – и вдруг куда то исчезла прежняя священная троица и вы сходите с ума от того что багюшка скажет. Но и тогда и теперь в каком-то ужасе слушаете вы мои слова, вчера думая, что это говорит «Враг народа и самой передовой истины и наймит чуждых сил», а сегодня думая, что я или ученик дьявола или сам сатана. Но вы сегодня спите. Вчера вы проснулись от позавчерашнего сна и забыли, что в том сне вы сходили с ума и верили только комсоргам, сегодня вы во вчерашнем сне и верите только батюшкам, у которых хлеб **пресуществляется** в плоть а вино в кровь, и они будто бы чувствуют во рту вкус крови, и вы даже не помните, что об этом спорят богословы и спорил Лютер (которые законодатели ваших умов все до единого) уже двадцать веков, но хотя бы вспомните о том, что и евреям запрещено употреблять в пищу кровь, и на первом христианском соборе было постановлено даже язычникам не употреблять в пищу кровь.

[Согласно истории христианства, учение о *пресуществлении* хлеба и вина в Тело и Кровь Иисуса Христа окончательно сформировалось в трудах Фомы Аквинского, и согласно этому учению во время Евхаристической молитвы сущность хлеба и вина *пресуществляется* в сущность Тела и Крови Христовых, в то время как доступные для органов чувств свойства хлеба и вина *остаются неизменными*, откуда следует, что вкус крови причастник чувствовать не должен, это опасный соблазн и ересь.]

Итак, люди моего поколения испытали уже два вала всеобщей

абсолютной истины, и вчера им казалось, что я столь святотатствен по отношению к святыням всего *прогрессивного* человечества (то есть марксизму), что меня надо если не заключить в клетку, то сторониться, а сегодня им кажется, что я еще более святотатствен по отношению к абсолютной истине всего христианского мира и меня надо если не сжечь, то отвергнуть от общения. Но ведь половина нашего народа поклоняется Сталину и только половина Христу, почему же они не сторонятся друг друга? Потому, что они ветви чуть ли не единого древа, несмотря на столь многие различия, и кровь человеческая, а не только Христова, изливалась реками в эпохи всевластия каждого из этих учений, о чем мы еще вспомним, если вы всё уже позабыли.

Но отчего я так плохо слышим, отчего ни тогда ни теперь мне не внимали? Оттого, что я вочеловечился до конца, я стал такой же как все, для подтверждения истинности своих слов я не прибегаю ни к Чуду ни к Авторитету (о коих мы долго еще будем говорить в следующих частях этой книги), ни к Страху, ни к Тайне, а на этих основаниях и зиждутся и христианство и большевизм [и не потому ли моя несчастная возлюбленная одновременно и большевичка и христианка, что она чувствует их неразрывную связь?!]

Увы, чтобы обращаться к слушающему от того мира, который внятен и для него, чтобы не вещать ему ни как оракул ни как ангел ни как самый мудрый философ (Сократ), я и по способностям и по знаниям вочеловечился до конца, и многие знают и разумеют гораздо более моего, не зря же Зальгин сказал, что слова мои, обращенные к читателю, словно детский лепет (не оттого ли только дети меня и слушают внимательней всех?)

Вот в чем дело: я не воскресну, когда меня расстреляют или сожгут. Я не обращу камни в хлебы и воду в вино, а затем хлеб не обращу в плоть а вино в кровь. И я не могу сказать, что меня послал к человеку Отец небесный (да мне никто не поверит), я сам от себя, от моих крестьян в заброшенной деревушке, которые единственные в меня поверили.

Я человек и по плоти и по крови и по душе и по духу, именно поэтому я вправе из всех, объявляющих себя пророками (а я себя им и не объявляю) говорить от человека и для человека. Я способен любить как любят и другие люди, то есть отчасти безгрешно, отчасти грешно. Я не всегда сильный, ибо вместил все слабости. Я не святой, ибо и рожден порочно, и так же порочно родила от меня жена, и многое меня касается отчасти и предосудительное, но не думаю, что слишком уж стоит то осуждать, без чего жизнь всех нас станет совсем уж невыносима. Бывает, что выпиваю. Смотрю нескромно на милых красоток. Даже влюбился. Но как сказала одна старушка, которую я накормил, когда она была голодной, в любви нет греха, а если и есть, то она Ему скажет, когда умрет, чтоб он на этом не настаивал слишком, ибо нам без нашей особенной любви (которую ему не понять) не прожить! Но я и не гений, потому я что должен был стать почти как все – а это делает мою миссию невыполнимой.

2. Дневные страхи и ночные споры

Но с кем я спорю? Если я спорю и с сторонниками коммунизма, то есть царствия Божия на земле, и с христианами, то есть сторонниками царствия Божия на небе, то незавидна моя участь, чуть ли не каждый человек находится либо среди тех, либо среди других, и могу ли я один переспорить их вместе? Но они представляют собою чуть ли не одно учение, в главном единое, и это главное мне так неприятно, что если я даже останусь один против всех, то пусть я лучше буду один, чем вместе со всеми.

Эти споры разгоряются ночью, а днем возвращается жизнь и ее заботы, по большей части безрадостные, и не скажу, что они меня доводят до страха, но все же, несмотря на споры и слезы, ночью я счастливее. Ночью я думаю о *ней*, плачу и проклиная, вспоминаю и радуюсь, то вдруг начинаю надеяться... ночью меня никто не отвлекает от моих надежд... а днем мне жить труднее. Не знаю, смогу ли о моих трудностях сказать несколько слов так, чтобы никому их не открыть, не пустить посторонний циничный взгляд в мою жизнь. Нас в квартире живет четверо, четверо еще снимают жилье на стороне, потому что всем не втиснуться. Один из четверых болен, сам жить не хочет, но больше мешает жить другим, но мы о нем забудемся больше, чем о себе. Я сплю в проходной комнате на раскладушке, через меня перешагивают, но я сплю часто крепко, а если не крепко, то либо потому, что ко мне приходят волхвы или музы, либо из-за несчастной любви, о которой я думаю и плачу.

Одиннадцать лет назад я жил на "пальме", слева от меня жил апостол Павел, справа Бердяев, я писал «Записки на пальме», нас было 15 человек, по ночам они из жженой бумаги делали наркотики, работали три телевизора и два приемника, они хохотали и дрались, потом обнимались. Но я был счастлив.

Сегодня я плачу по ночам, но, возможно, все это из-за несчастной любви... но, впрочем, возможно, я и сегодня счастлив...

Но с кем я спорю и спорю ли я с христианами? И кто такие христиане и что такое христианство? Вот уже прошло двадцать столетий, как они возникли, а я задаю вопрос, на который, казалось бы, надо было ответить еще тогда... Хотя, возможно, и сегодня не поздно.

3. Общее формальное сходство

Во-первых, и те и другие нашли Истину, а так как истина одна, не может быть двух истин, но человек все время норовит в истине сомневаться, то чтобы уберечь свою истину от коррозии, и те и другие объявили войну всем инакомыслящим. В инакомыслящие попадало очень много совершенно случайных людей, часто мыслящих вполне правомерно, но не угодивших в чем либо соседям, которые *стучали* о подозрительных куда надо. Из двадцати столетий выпало одно сравнительно мягкое, и хотя и тогда сажали и вешали, но для сравнения: в двадцатом столетии в России было *расстреляно и разными другими способами уничтожено*, от голода, холода и непосильной работы в *десять тысяч раз* больше народу, чем в столетии девятнадцатом.

Правда, я народ уже совершенно перестаю уважать, может быть, он и заслуживает того, чтобы его расстреливать и разными другими способами уничтожать, потому что защитники той или иной системы жизни совершенно не принимают во внимание, сколько народу было при этом уничтожено, хоть тысяча миллионов, хоть только одна тысяча.

(Кстати, девятнадцатое столетие отличается от нашего времени существенно по культурному уровню, тогда существовали писатели и издатели и даже читатели, читали и Толстого и Достоевского и менее знаменитых, читателей были МИЛЛИОНЫ, несмотря не на сплошную грамотность, работали первоклассные театры, строились великолепные здания, которые ныне называются памятниками архитектуры, леса были ухоженными, луга заливными и сочными, околицы чистыми, девушки красивыми, офицеры благородными... Правда, в том веке сначала было Крепостное право, не разрешавшее крестьянам много пьянствовать и НЕ работать, но крепостные составляли сорок процентов всех крестьян и половина из них принадлежала духовенству, то есть божьим слугам. Но я смотрю на нынешних крестьян и вижу, что введение их в крепостное состояние было бы для них благом.)

И все же в двадцатом столетии всех крестьян, уже освобожденных от крепостной зависимости, прогнали сквозь строй тюрем и лагерей и великих голодоморов, так что количество их сократилось на ТРЕТЬ, а оставшихся снова лишили всякой свободы, запретив покидать свои места проживания, и барщина в колхозах была вдвое продолжительнее, чем в девятнадцатом веке.

Во-вторых, в дополнение к борьбе с инакомыслием, под которым понималось исповедание другой истины, противоположной или во многом несогласной, была объявлена война и тем, кто, возможно, даже и не мыслил, но недостаточно ревностно помогал господствующей точке зрения, был словно бы сам по себе, и большевики провозгласили *«Кто не с нами, тот против нас»*, и этих было назначено искоренить тоже, и их искоренили.

Но еще задолго до большевиков искоренялись несогласные и с христианами. Учитель сказал (еванг. от Матф.): «А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому.»

И далее: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и [не] следует за Мною, тот не достоин Меня.» – Торквемада им потом всё припомнит!

И, наконец, то, что большевики и заимствовали: *«Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает.»*

Оба учения отвергали *инакомыслие* – можно ли в здравом уме утверждать, что они принесли свободу?

В семидесятом году следовательно по отечески меня увещевал: «каждый

может усомниться, не диво, что усомнился и ты. Ну пошел бы к старшим товарищам, в комитет партии, в комитет комсомола, пришел бы к нам в «Органы» и рассказал бы о своих сомнениях, мы бы помогли их преодолеть!» Вот благодать бы наступила, и соседям не надо было бы стучать, и микрофоны в стену не надо было бы вкручивать, сами бы все приходили в органы и рассказывали, что тем знать надо, так сказать, явка с повинной – может быть, и срок малость могли уменьшить?

Приходили ли к Торквемаде каяться грешники, то есть те, кто усомнился в истине католичества?

Итак, общим в христианстве и большевизме является убеждение, что они обладают полнотою Истины, что неистина – это зло, и так как с злом надо бороться, то бороться надо и с неистинной; то есть, их общее убеждение состоит в том, что все люди должны иметь общую веру, общее убеждение, общую точку зрения и общую частную и общественную цель. При большевизме дети становились сначала октябрятами, потом пионерами, потом комсомольцами, и хотя прием в партию частично ограничивался, но взрослые все поголовно входили во всенародный блок беспартийных и коммунистов. При христианстве младенцев крестили, все принадлежали к одной церкви и должны были исполнять необходимые обряды. Иноверческие церкви в России были разрешены, но не разрешалось христианам высказывать устно и письменно суждения, противоречащие узаконенным, для этого над печатными изданиями была учреждена духовная цензура, а в необходимых случаях цензуре, исследованию и суду подвергались и рукописные матерьялы, так, по обвинению в распространении копий Гавриилиады пострадали несколько человек, а сам Пушкин держал на этот счет ответ перед Николаем Первым. Доносы по обвинению в совершении действий и в крамольных высказываниях в христианскую эпоху процветали не менее, чем при советской власти, но, кажется, советская власть была еще свирепее, нежели Инквизиция.

Итак, истина одна, несовпадение с нею, даже в оттенках, – крамола и должно караться – вот отличительная черта власти двух идеологий, христианской и коммунистической, которые одновременно находились в оппозиции друг к другу, так что за социалистические взгляды в 1849 году члены кружка петрашевцев, 21 человек, вместе с Достоевским, были приговорены к смертной казни (а всего арестовано было сорок человек). После произнесения приговора и инсценировки расстрела было объявлено о замене казни бессрочной каторгой. (Гумилев был расстрелян в 1921 году за фиктивное участие в организации, которой НЕ было, при этом было арестовано и пострадали в разной мере две тысячи человек, а на Левашевской пустоши расстреляно более ста тысяч человек, и все они реабилитированы ныне за ОТСУТСТВИЕМ состава преступления – почувствуй разницу, читатель!)

И все же многие исследователи приходят к выводу о совпадении в значительной степени христианских и социалистических идей, но я не буду теперь на этом останавливаться, публикаций на эту тему множество.

Афористически их общность я высказываю в форме: *«Шаг влево, шаг вправо – побег, конвой стреляет без предупреждения!»*

Казалось бы, их разделяет то, что у христиан в центре всего учения (мифа) сверхличность троичного Божества, которому они поклоняются как Творцу, Вседержителю, Источнику смысла, направления жизни и форм ее, и к которому они испытывают особые чувства Любви и Веры, (хотя реальная власть над людьми передована его ответственным представителям от монарха до помещичьего приказчика); но место Божества в социалистическом мифе занимает не менее значительный сверхчеловек, «Гений всех времен и народов», – Сталин, Мао, Ким Ир Сен, Пол Пот и так далее... Жизнь, быт, поведение регламентированы при обоих формах общественной жизни, но при власти христианских святош сильнее (если не считать маоизма в Китае, где дело было даже еще «круче») – взгляд скорбный, настроение кроткое и смиренное, очи долу, мина постная (при этом Блаженный Августин подробно расписывал, какие телодвижения уместно совершать супругам в постели).

4. Общность общественной и индивидуальной цели

Исходя из «Морального кодекса строителя коммунизма», можно сказать, что при социалистической власти имелся некий идеал личности, которым надлежало руководствоваться каждому «строителю» (а строителем должен был быть каждый), но этот идеал ближе был к аристотелевскому представлению о добродетельном человеке и у меня особого отторжения не вызывал. Правда, Платон и первые большевики проповедовали общность жен (склонялся, кажется, к такой точке зрения и Маркс), а Моральный кодекс предписывал с чужими женами романов не затевать, это грозило санкциями.

Идеал личности, проповеданный христианскими учителями, был, пожалуй, даже недостижим для смертных, там нельзя было даже смотреть на этих жен с вожделием, поэтому даже Иероним, окруженный по ночам толпами голых развратниц, был от идеала далек.

Общественный идеал коммунистов состоял в строительстве Царствия Божия на земле, которое должно было реально строиться участниками строительства, и впускались в него все, предполагалось, что лиц с крамольными взглядами к тому времени не останется, истреблены будут такие все до одного. У христиан же в Царствие Божие на небе могли войти только те, кто успел СПАСТИ ДУШУ (ту самую, которую сегодняшние еще более ревностные христиане призывают распять на кресте или хотя бы освободить от всего человеческого, прежде всего от *пристрастной* человеческой любви). Правда, в противоречие с тем, что *спасение души* позволяет туда войти, апостол Павел утверждает, что уже определено, кто туда войдет, во что верят и нынешние его последователи, протестанты, а в Апокалипсисе говорится так: «И взглянул я, и вот, Агнец стоит на горе Сионе, и с Ним *сто сорок четыре тысячи*, у которых имя Отца Его написано на челах. Это те, которые *не осквернились с женами*, ибо они *девственники*;

это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Они искуплены из людей, как первенцу Богу и Агнцу, и в устах их нет лукавства; они непорочны пред престолом Божиим.» [И из этих слов следует, что представление о том, что брак якобы благословлен в христианстве (или оно благословило *осквернение с женами?*), есть ложь и клевета! В евангелиях о любви не говорится вовсе, а в посланиях апостола Павла говорится так, что это мало похоже на ту любовь, которая притягивала во все времена мужчину и женщину: «Хорошо человеку не касаться женщины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа.

Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. ...обращайтесь благоразумно с женами, как с *немогущейшим сосудом...*

Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям...»]

Христианство от начала века, от первого яблока, которое съела Ева, помешано на ненависти к соединению мужчины и женщины, на ненависти к их любви и даже к их плотской жажде, на ненависти к продолжению рода, к семье и народу, к миру, в котором живет человек, к плодам его души и творчества, то есть к культуре. Социализму тоже народ ненавистен, ненавистен даже отдельный человек, идеалом являются аморфные *народные массы*, объединенный *пролетариат*, лишенный истории и культуры и национальных корней, мило *всечеловечество* и отчасти Человек с большой буквы (и только чукча видел этого человека, оказавшись на съезде в Кремле).

Вот эта ненависть тоже соединяет социализм с христианством, но в чем исток этой ненависти, я еще понять не могу.

5. Смиреномудрие

Прежде чем они достигли власти, большевики по своему переворачивали скамьи в Храме, то есть бросали бомбы, устраивали баррикады, развязали кровавую гражданскую войну, а для упрочения своей власти уничтожили всех инаких: инакомыслящих, инакочувствующих, даже и тех, кто еще не успел *обузиться* (по мечтанию Достоевского).

И все таки они ведь сами дерзали, не уперяли взор свой в пол и не одевали постную мину? Так не были ли они противоположны христианам в своем дерзании?

Увы, нет.

Сущность мифа заключается в том, что мифологическое сознание становится единственным способом видения мира, способом не только мыслить и чувствовать, но и жить. Представим себе, что мы увидели во сне, будто превратились в камень. Мы и будем камнем и таким же станет мир вокруг нас, который всегда соответствует тому, как он воспринимается.

Так однообразно видел мир советский человек, «человек одномерный», как о нем написал Герберт Маркузе. Так же видит мир человек религиозного мифа.

Что такое *смиреномудрие*? Это не только смирение ума и восприятия, но

смотрение на мир сквозь единственную Истину, которая не только объясняет мир, но становится способом его видеть, способом его логического, этического и эстетического обоснования, его онтологией и эсхатологией. Таково христианское *смирennemудрие*, таково же *смирennemудрие* советского человека. Как ни прискорбно, хотя бы мне и хотелось попытаться объяснить отличие мировоззрения одномерного человека от мировоззрения человека не одномерного тем, что это иной способ видения, имеющий столько же прав на существование, как разнообразные способы видеть, присущие нам, но все же его мир не в ряду наших миров, он напоминает восприятие человека психически больного, перетолковывающего частности мира только символически.

Недостаточно одномерного человека пытаться изменить с помощью образования и чтения книг, должны произойти геологические сдвиги в обществе, в которое он встроен, чтобы он начал видеть несколько иначе, в либералах и демократах перестал видеть «пятую колонну», в диссидентах – наймитов запада и врагов народа, в философах и математиках – людей, обольщенных дьяволом или уже продавших ему свою душу.

6. На берегу Стикса

3 ноября. Надо уже и отвязаться, освободиться, но не происходит освобождение по усилению воли. Ночью просыпаюсь и думаю о *ней*, и слезы мешают и жить и спать...

Не надо на нее сердиться и негодовать, она не виновата ни в чем... Юная женщина шла мимо, остановилась, попросила помочь завязать шнурки на ее ботинках. Я помог. Она постояла еще около меня, сказала несколько слов и пошла дальше.

За что на нее сердиться? За то, что не осталась со мною? Но у нее своя жизнь, я случайный незначительный встречный...

Любила ли она меня? Может быть, и любила. Но она уже забыла об этом. Она не помнит ни меня, ни саму себя. Часть ее жизни провалилась в небытие... Она уже перешла через Стикс, а я остался на берегу, мне за ней не пойти, да я и не смогу уже ей помочь. Что делать?

Самое трудное – согласиться с тем, что сделать ничего нельзя...

Мне могло бы помочь только чудо, но, возможно, все чудеса истрачены на христиан...

Многие воспоминания наполняют меня болью, вспоминать надо что-то другое. Или уже ничего не вспоминать, все забыть. Но не сердиться на нее, не негодовать, не обвинять в измене... Возможно, теперь она стала счастлива. Возможно, теперь она уже умерла. Хотя она думает, что уже взнеслась на небо, достигла блаженства, только теперь начала жить подлинной жизнью, с «Господом», на небе, отказавшись от всей и всякой жизни на грешной земле. Я не знаю, остались ли у нее подруги, счастлив ли ее муж, ее дочурка, ее родители – разве они тоже перешли вслед за нею безжалостный Стикс?

Мне нужно написать эту книгу. Кажется, я захочу написать еще и другую.

Есть множество обязательств перед авторами, которых я редактирую, перед близкими, перед издательством, перед литературой, перед этим миром, равнодушно взирающим теперь на меня. Поэтому, даже если я и сижу на камне посреди пустыни, я должен встать и пойти. Поэтому, даже если мне уже и не хочется жить, я должен... должен... должен... Хотя, конечно, лучше было бы, если бы я застрелился. Или бы меня застрелили. Или посадили в тюрьму...

Я боюсь написать несколько слов так, словно это я к ней обращаюсь. Я уже боюсь ей писать. Я боюсь с нею разговаривать даже мысленно, отваживаюсь о ней писать в третьем лице. Не знаю, что я мог бы сказать ей, если бы она согласилась со мною встретиться.

Возможно, я виноват, я оказался недостаточно нужным, недостаточно привлекательным... Она писала, что не сможет жить без меня, но вот, выходит, смогла... А я должен был стать таким, чтобы ей без меня было жить невозможно так же, как теперь мне без нее. Я ее все еще люблю и мне без нее НЕВЫНОСИМО. Вот так же должно было стать и ей. Только такая любовь и является любовью, все остальное мираж...

7.

Я жалуюсь на то, что мне плохо, своим подругам, с которыми переписываюсь. Написал письмо Наташе, подписался: «Ваш В.И., несчастный редактор, претендовавший редактировать мир, но не сумевший отредактировать даже одно женское сердце.» От нее получил письмо: «Итак. В. И., никогда, никогда, никогда не пытайтесь понять женщину, тем более не пытайтесь *отредактировать* ее сердце. Не выйдет. Ни у Вас, ни у кого бы то ни было еще, начиная с самой женщины, кем бы она ни была и какою бы она ни была. Просто поверьте. И Вам станет легче. И тогда, быть может, будет новая книга, иная.»

Да, так, как я теперь живу, жить больше нельзя. Мне нужно стать свободным, а я погружаюсь в трясины. Надо отвернуться – от нее, от Стикса – и уйти! Перестать вспоминать ее, перестать ждать чуда и надеяться – и, быть может, когда закончатся всякие надежды, и я уже ничего не буду ждать, чудо и произойдет. Не знаю, в чем оно будет состоять, возможно, только в том, что я ее, наконец, забуду. Что я не буду ее вспоминать, что *мне станет безразлично, больно ли ей*. И только тогда окончится моя собственная боль.

Эта книга может помочь мне ее забыть, но я должен изменить тему, хватит писать о несчастной любви, надо продолжить разговор о несчастном человеке, который пытается вырваться хотя бы из трясины мифологии, потому что из трясины любви можно вырваться только со смертью, хотя бы со смертью души, если еще не тела...

ГЛАВА ШЕСТАЯ
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ
(последние рассуждения о любви)

1. Смысл любви как всемирного притяжения

Любовь – и таинство и тайна,
Она скрепляет узы мира.
В ней и блаженство и отчаянье,
И нищета и роскошь пира.
Хотя в ней ужас близкой смерти, –
В ее паденьи вечность скрыта.
И жалобам ее не верьте! –
Она жива, когда убита.

Но перед этим ко мне приходили волхвы и я понял, что написал книгу почти в потемках, ничего не понимая и во всем ошибаясь.

Исправить ее уже невозможно, поэтому я попытаюсь в новой книге (вот в этой самой), написать еще и о новом, добавив несколько страниц к прежним рассуждениям вроде «Работы над ошибками».

Основная моя ошибка состоит в том, что результатом всемирного притяжения, соединяющего мужчину и женщину, являются два рода любви, возможно, противоположные друг другу, хотя в каждой из них одинаковые притягивающие силы: *Половой инстинкт* (или сила полового влечения) и *Метафизическое притяжение душ*. Различие состоит только в том, что является основным источником любви – любовь, подчиняющаяся инстинкту, имеет целью рождение детей и последующую материнскую любовь к ним, хотя средством является у женщин инстинкт материнства и во вторую очередь жажда наслаждения, у мужчин – жажда обладания и наслаждения и в некоторой степени, но лишь после обладания, появляется стремление иметь детей. Это любовь природная, биологическая, притяжение душ соединено с инстинктом обладания, но определяет смысл, содержание и цель любви именно инстинкт. Любовь метафизическая содержит в себе в качестве причины и побуждения и *половой инстинкт* тоже, но целью ее является сама любовь, или нечто неведомое, или такое преодоление эгоизма, о котором Вл. Соловьев пишет так: «Истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих. Осуществить это единство, или создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение, – это и есть собственная ближайшая задача любви.» Но смысл и цель этой «любви второго рода», той, которой посвящена Культура, той, которая является ее источником и сердцевиной – не биологический инстинкт и не воспроизведение рода, а нечто другое, о чем Вл. Соловьев так же пишет точно и исчерпывающе, но уже не говоря о

необходимости преодоления розни и противоположности мужчины и женщины, необходимости, внушенной ему христианством: «Какое значение имеет слово для образования человеческой общественности и культуры, такое же и еще большее имеет *любовь для создания истинной человеческой индивидуальности.*» (И часто я недоумеваю, как под именем христианина могут скрываться люди совершенно разных миропониманий и отношений к личности: *во-первых*, отношения, которое личное начало ненавидит и пытается человека унижить, растоптать и растворить в «высшем существе» – и после этого Бердяев с компанией подобострастно говорят о том, что религия принесла человеку свободу; *во-вторых*, отношения, которое смысл человеческой жизни хотя бы частично видит в развитии индивидуальности, как Вл. Соловьев.)

Вот эта любовь, в которой личность достигает своего наивысшего развития, и есть результат того всемирного не-биологического притяжения, которое я ощутил как мировой закон, как основную духовно-душевную скрепу общества. Она является отличительной особенностью человека, хотя, возможно, существует отчасти и в животном мире, именно эту любовь и ненавидит христианство, с содроганием соглашаясь, в крайнем случае, на брак по половому влечению, но не по влечению душ, именно на эту любовь блаженные христиане и нападают: *«Естественная любовь наша повреждена падением; ее нужно умертвить!»* (преподобный Игнатий). «Очень важно понимать, что приговор душевной любви только один – смерть, как и всему нашему ветхому человеку... Сам орган, излучающий душевную любовь – душа человека – должен умереть на Кресте.» (Христианский сайт о *душевной любви*).

2. Бог против человека

Встречали ли вы женщину, которая бы встречным и поперечным рассказывала о том, что ее дочь стерва и шлюха, что сыновья ее разбойники и воры, а муж пропойца, лентяй и бабник?

Нет, не встречали...

В то же время, на протяжении столетий и даже тысячелетий человеку внушается, что он растленное существо, дитя грехопадения, слуга дьявола и темных сил. Странно при этом, что человек еще ходит и даже летает, а нее только ползает, придавленный ощущением собственной мерзости. Приведу цитату из «Записок на пальме», а гораздо большее в «Священном писании»..

К римлянам послание Св. Апостола Павла: «...мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, все под грехом, как написано: нет праведного ни одного; нет понимающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного.» «Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их.» «Уста их полны злословия и горечи. Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их; они не знают пути мира. Нет страха Божия перед глазами их.»

«Но мы знаем, что... весь мир виновен пред Богом...»

3. *Человек против Бога*

ЗВАНЫЙ УЖИН

Ксения Александровна была среднего роста, темно-русая, с круглым миловидным лицом и хорошей фигурой, со вкусом одевалась, была скромна и вежлива, культурна и обладала добрым сердцем. Учитывая, что ей еще было только 39 лет, можно было сказать, что она идеальная женщина. Но при этом она жила одна в однокомнатной квартире, без детей, замуж хотя выходила даже два раза, но очень быстро разводилась и не успевала забеременеть.

Одиночеством она тяготилась, но ничего не могла поделать, она была очень застенчива, при взгляде на нее мужчин или краснела и опускала голову, или начинала смотреть в сторону, мужчина тушевался и не пытался приставать.

Однажды у нее появилась подруга, они напились вина, и легли спать вместе, после этого Ксения Александровна со страхом смотрела и на мужчин и на женщин, хотя не могла с уверенностью сказать, что у них тогда что-то было, так ей было плохо от вина.

Итак, наступило время, когда ей исполнилось уже 39 лет, по-прежнему не было мужа, детей и даже близких друзей.

В сентябре, теплым вечером, около шести часов, она ехала автобусом домой после работы, водитель вдруг резко затормозил, она схватилась за поручень, но ударилась коленкой о край сидения, сумка выпала у нее из рук, из сумки выпала капуста, пакет с овощами и свекла. Стоявший рядом мужчина нагнулся, помог ей собрать рассыпавшееся, а тут уже надо было и выходить. Они вышли вместе. Увидев, что она прихрамывает, он предложил ей помощь и взял одной рукой сумку, а другою взял ее под руку.

– Вы, вероятно, борщ собираетесь варить? – спросил он ее.

– Да, борщ.

– Я уже тысячу лет его не ел. А когда-то очень любил. Жена моя его хорошо готовила.

– А теперь что же?

– Она умерла... – со вздохом ответил мужчина.

– Простите! А вы далеко живете?

– Нет, рядом, в гостинице на углу.

– Так приходите на борщ, я одна, мне его не с кем делить! – неожиданно для себя самой пролепетала Ксения Александровна, покраснела и опустила голову.

– Вы не шутите? А что ж? Я в гостинице, сегодня ни с кем не встречаюсь, человек я деликатный, в тягость не буду, как погоните, так сразу и уйду... Если не передумаете, я согласен.

Ксения Александровна написала на бумажке ему адрес и телефон, Юрий Иванович побежал почти вприпрыжку в гостиницу, а она полетела почти на крыльях сначала домой, отнести сумку, потом в магазин еще кое-чего купить. Купила она хорошего вина, две бутылки пива (вдруг он любит пиво?), и

сладкого к чаю. Все остальное уже у нее было, она ринулась на кухню и захлопотала. В половине восьмого борщ был готов, Ксения застелила стол и стала расставлять посуду, чуть ли не все, что у нее было.

Без четверти раздался телефонный звонок.

Запинающийся неуверенный голос стал мучительно объяснять, что, к сожалению, что-то случилось, о чем он забыл, ему срочно куда-то надо, ради бога, простите, виноват, но очень признателен за приглашение, если позволите, я вам когда-нибудь позвоню.

С горящими от стыда щеками Ксения повесила трубку.

Посидела тихонько на диване, поплакала, пошла в ванную, умылась, причесалась, подкрасила глаза и губы и вернулась к столу.

На плите благоухал борщ, красивой этикеткой сияла бутылка с вином, два хрустальных бокала смотрели на нее с укоризной.

– А, разве уже конец света? Вот возьму и напьюсь, а завтра начну новую жизнь, хватит краснеть по каждому поводу, надо стать решительной и деловой! – вслух сказала она самой себе и открыла бутылку. Налив оба бокала, она взяла один из них в руки, встала у стола и начала речь.

– Дорогие товарищи, дорогой Юрий Иванович! Разрешите мне на правах хозяйки произнести тост!

Итак, жизнь наша состоит или слагается из событий двоякого рода: одни из них вполне ожидаемые, рутинные, обусловленные привычным порядком вещей, например, происходит суббота или воскресенье, или День рождения, или даже общественный праздник, когда кто-нибудь даже может придти в гости. Другие события происходят без всякой причины, или она нам не известна, они бывают внезапные, удивительные, ожидаемые или неожиданные, вот они-то чаще всего и взрывают привычную жизнь, как, например... – Ксения Александровна запнулась... – идешь по улице и вдруг находишь сто рублей! Нет, впрочем, это ерунда, я не то хотела сказать... Падает кирпич... Нет, это тоже не то, погодите, я сейчас соберусь с мыслями...

Слезы полились из глаз Ксении Александровны.

И в этот момент зазвенел звонок у двери. Она повернулась к прихожей, на пороге стоял мужчина, не Юрий Иванович, но еще, пожалуй, симпатичнее, с сумкой через плечо.

– Простите, у вас открыта настежь дверь, и я невольно увидел, что у стола стоит женщина и говорит тост, а больше никого нет. Я решил сказать, чтобы вы закрылись, а то мало ли кто может идти мимо...

– Войдите! – решительно сказала Ксения Александровна. – Я хотела с завтрашнего дня начать новую жизнь, но зачем откладывать такое хорошее дело на завтра? Начну новую жизнь сегодня. К тому же, у меня только что сварился борщ. Если вы торопитесь, то можете даже не раздеваться, съедите тарелку борща и выпьете бокал хорошего вина. Или два бокала. А пиво я вам дам с собой.

– Я не тороплюсь, меня никто не ждет! – спокойно ответил мужчина. – Кстати, меня зовут Николай, даже можно звать Ник, так меня называют мои

английские коллеги. Я согласен зайти к вам в гости, борщ я очень люблю. А как только стану вам в тягость, я сразу уйду.

Ксения отвела его в ванную, дала полотенце, он помылся, причесал бороду и сел за стол.

Она протянула ему бокал с вином и налила борщу.

– Вы уже тост попытались сказать, я его внимательно выслушал, – начал Ник. – Если позволите, я его закончу.

Он встал и весьма остроумно отмел предположение о ста рублях и упавшем сверху кирпиче, но высказал другое предположение, что все неожиданное заключается в поворотах судьбы и новых знакомствах.

– Увы, – добавил он, – жизнь нас балует редко, Богу некогда следить за нами и делать нам подарки, выпьем за то, чтобы, по возможности, люди были внимательными и делали подарки друг другу.

Тут он вытащил большую разноцветную юлу и вручил ее хозяйке. – Меня пригласили в гости, но я забыл адрес, искал нужную квартиру уже сорок минут и уже отправился домой, как вдруг увидел открытую дверь...

Через полтора часа вино было выпито, борщ съеден, гость встал и начал откланиваться.

– Не буду вас обманывать, завтра в полдень я улетаю, в Москве у меня жена и двое детей, хотя вы мне очень понравились. Вы идеальная женщина, мне остается только пожелать вам стать более решительной, и счастье само придет к вам в руки.

Ксения Александровна вдруг заплакала и залепетала: Если я вас не оскорблю своим предложением, вы можете остаться у меня до утра, у меня тепло, еще есть диван, я ничего не имею в виду, что захотите, у меня никого нет, я одна... мужчины ведь часто считают некоторые вещи условностями, а я закрываю глаза. Я устала держать их открытыми.

4. Нейролингвистическое программирование

Духовное подавление, *манипулирование* личностью и *сознанием*, психологическое воздействие, внушение и гипноз...

Большинство людей таковы, что совершенно не способны воспринимать убедительные доводы в пользу ясных и почти очевидных истин, но при этом принимают на веру почти мгновенно самые дикие положения, например, что Чингис-хан – это переодетый Тарас Бульба, русские раньше жили в Италии и назывались эт-русскими, они же построили Египетские пирамиды, варяги родом с Поволжья и это они основали Киев и Новгород, железо впервые появилось в восемнадцатом веке... Читатель, я не шучу, все это я слышал от весьма солидных людей, когда-то кончавших университеты и академии...

При этом наш народ очень любит нашу власть и тех царей, которые им правят, живет за счет полезных ископаемых и леса, высасывая все соки из многострадальной земли, и если через сто лет Россия еще сохранится, то правнуки проклянут своих прадедов, потому что придется им жить на выжженной земле, возможно, уже оккупированной.

Я устал. Но только для того, чтобы присутствовать при проклятии, попробую еще подольше пожить. Этим мне ничего не удастся объяснить, те уже будут способны слушать, ибо хоть бедствия чему-то научают тупого и упрямого человека.

Но, быть может, современный человек виноват не так сильно? Только что я скачал в Интернете книгу о духовном и интеллектуально-психологическом воздействии, при котором человек становится неотличим от душевно-больного, в частности, больного шизофренией, не способен критически мыслить и определить, чему равняется дважды два. Любовь к власти и примитивное восприятие мира того же рода.

Существует множество сект, попадая в которые, человек как личность почти погибает, сект самых разнuzданных, скопцы, хлысты, молокане, большевики, меньшевики, троцкисты, марксисты, штундисты, последователи Яхве, Иеговы, Индры, Мантры, Ра, Ры, Ро.

И христиане не все благопристойны, терпимы и обходительны, среди них и Савонарола, и Иероним, и папы римские, среди которых была даже одна женщина. А человек легковверен и послушен, и только лютеране призвали и согласились с тем, чтобы каждый сам прочитал евангелие и составил о нем свое собственное особенное мнение. Лютер и впрямь человек великий, он был католическим священником, влюбился и попал в безвыходное положение, потому что целибат (безбрачие) не позволял ему жениться. Вероятно и из-за этого он объявил войну Риму и победил в этой войне, церковь разделилась надвое, он женился, а Германия была спасена из-под растлившейся папской власти и немецкий народ совершил духовное восхождение, отринув «очи долу» и «голос скорбный и взгляд покорный».

Сколь многое, оказывается, способен совершить человек, которому уже две тысячи лет внушают, что он сатанинская мерзость, а женщина – сосуд дьявола – но нет, не всех удалось запрограммировать!!!

И все же, привычная нам церковь, католическая и православная, не пыталась превратить каждого человека в полностью управляемое существо, сегодня же самое опасное время, воздействие новых проповедников неизмеримо сильнее, у них на службе новые техники психологического управления людьми, а наш легковверенный человек – особенно женщина – представляет собою текучую субстанцию, которая принимает форму того сосуда, в который эту субстанцию наливают.

Если бы я не видел этого уже раньше, если бы я о таком не слышал, о таком не читал! Уходят девушки и молодые женщины из дома и становятся счастливы, ими вдруг овладевают тысяча четыреста гормонов счастья (как она мне о том написала), и они становятся счастливые изо дня на день, некоторые приходят в себя в вертепах, некоторые в гаремах, иные уже под забором... И что я могу сделать, как я могу противостоять Авторитету всевластного мифа, кроме того что напишу свою книгу?!

5. *Стать человеком!*

В России иногда злему в сердцах говорили: *Да будь же ты человеком!*

И казалось, что этого достаточно, что злые и жестокие «не по людскі» поступают, что восхождение человека ввысь по лестнице добродетели – это восхождение от зверя к человеку, поведение в России *русского* определялось нашими национальными традициями, нашими поговорками, пословицами, родовой памятью, оглядкой на предков, песнями и сказаниями, нашими героями, среди которых и Добрыня Никитич, и Илья Муромец, и Суворов, и Кутузов, и стойкость Рязани перед Батыем, и стойкость перед нашествием Наполеона, и перед немецким нашествием... все смешалось в доме Облонских, ничего своего, родового, русского, национального, крестьянского, воинского, песенного, гордого, стойкого, «душа горé!», ничего семейного, восхищения отцом и матерью, братьями и сестрами, восхищения русской землей, трудом, творчеством, талантом, гениальностью – нет, проклят мир, проклят человек, проклята культура, любовь, душа!.. какая-то сатанинская сила оценила русскую землю, хуже татарского ига, и придавила русского человека, так что ему ни вздохнуть, ни засмеяться, ни запеть песню, даже не напиток с кручины, если уж распрямиться нельзя!..

Вот что они проповедают, завлекая неокрепшие души, смущая их высокопарными словами: «**ЛЮБОВЬ ДУШЕВНАЯ** ...ставит объект любви выше Бога (то есть супруга, **ребенка**, самого себя, работу и пр.)... не хочет умирать, боится проходить через крест; несет в себе смерть, потому что происходит из падшей природы человека.» Но **«подлинная духовная любовь проявляется только через смерть душевной любви!»**

Вот в чем самое страшное преступление женщины: «для нее ее ребенок выше Бога, и муж выше Бога!»

И что бы я сказал такой женщине, которая громогласно бы мне объявила, что ей ее Бог дороже ее ребенка?!

Да не смеются ли надо мною христианские философы и писатели, которые в следующих главах будут благоговейно рассуждать о *слезинке ребенка* (вслед за Достоевским), на которой якобы нельзя строить царствие Божие? Когда над этим противопоставлением любви матери к своему ребенку – ее любви к Богу – хохочет сам сатана? Неужели когда-нибудь Бог спросил бы мать, любит ли она Его больше, чем свое дитя? И не надо ли было бы Ему пояснить ей, что в этом разумеется – готова ли она пожертвовать своим ребенком ради Него?

Или это их бог таков, а не мой, в котором я надеюсь на нечто еще человеческое?! Надеюсь, что он будет еще по людскі поступать, а не требовать от нас отринуть все человеческое, словно мы можем уподобиться ангелам Божиим, словно бы и сам апостол Павел уже утерял человеческую природу, и Петр, и Игнатий?

И не сказано ли апостолом: *«Кто говорит: "я люблю Бога", а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?»*

6. Нейролингвистическое программирование

В семидесятом году большевики сначала посадили меня в Тюрьму Большого дома (ту тюрьму, в 193-й камере которой Ильич писал молоком записки подпольщикам), а потом в Сумасшедший дом. Было мне там не весело, но не одни изверги там работали, а в большинстве милосердные русские люди, иные из которых были даже «партийными». Они мне сочувствовали, защищали меня от давящей советской системы, они меня – по крайней мере, некоторые из них – даже любили, но не любовью к ближнему, ища сначала во мне образ божий, как преподобный Игнатий, а любили по человечески, именно сочувствуя мне. Ни один из них не был христианином, не распинал свою душевную любовь, со мною там даже одна девица (из числа медсестер) целовалась и передавала письма мои моей жене (рискуя своей свободой!!!)

Но сидели там больные, сумасшедшие, большинство из которых кого-то убили, часто родную мать, один безменом убил нескольких девиц, которых перед тем изнасиловал. Разумеется, никого из них я не любил, ни как ближнего, ни как дальнего, некоторых мне было жалко (наряду с чувством иногда отвращения), но сидел я с ними за одним обеденным столом, разговаривал... Надо сказать, что ко мне они относились с большим уважением – как через тридцать пять лет наркоманы в тюрьме на Лебедева, куда большевики меня посадили во второй раз (если не считать месячное пребывание в сумасшедшем Доме в 2002-м году на экспертизе).

Сумасшедший дом я вспоминаю потому, что писания этих душевнобольных молокан (или штундистов, или скопцов... или черт его знает, кто они такие, но они клянутся, что они истинные христиане!) напоминают мне мое пребывание в сумасшедшем доме, там были все те же образцы нечеловеческой извращенной логики, когда невозможно возражать ни мысли, ни чувству, ни образу ни метафоре, потому что ложь у них содержится в каждом слове, в каждой букве, и в каждой их запятой! И даже, может быть, ложь содержится в пропусках между словами!!!

Я только еще не понял, они механики этого программирования, или жертвы его?

Но зачем я ворошу эту муравьиную кучу? Я хочу понять, куда завели моего ребенка, которого мне до сих пор жалко, несмотря ни на что...

7. Бог против человека или человек против Бога?

Человек против Бога... Я пытаюсь высказаться и от имени женщины, которую проповедники наливают в безжалостное нечто, придавая ей совсем не женскую форму – но она отстаивает свою природу хотя бы в попытке любить *по человечески* и испытать счастье, хотя бы небольшое, счастье по-женски. Испытать мужскую ласку, забеременеть, родить ребенка. Излить на него свою нерастрченную любовь, в ожидании еще и иной любви... Потом, в старости, если у нее не будет внуков, она пойдет в церковь. Теперь ей некогда, ей надо *любить*.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Христиане и христианство

1. С кем я спорю? Кто из них христиане?

Не знаю, будут ли мою книгу читать христиане, но они могут услышать о том, что я христиан ругаю, и на меня обидеться. И те, которые думают, что они христиане, хотя христианами не являются. На меня могут обидеться и некоторые не христиане, сочувствующие христианству или христианской церкви, как, например, мой товарищ С., с которым мы неоднократно распивали в общественных местах славного Питера, но за тридцать лет товарищества я ни разу не видел, чтобы он заходил в храм, хотя около храма мы распивали, который обиделся на Пусек, думая, что они оскорбили чувства верующих.

Я спорю, все же, именно с христианами, на тех, которые думают о себе превратно, я не нападаю, поэтому мне надо им объяснить, что они ошибаются, для этого надо определить, кто такие христиане, а кто к ним не принадлежит (хотя, правда, и тем, которые думают о себе превратно, я не советую читать мою книгу, достаточно того, если ее прочитает кто-то из атеистов, марксистов, кто-то из тех, которые вне сект и мифов, а сами по себе – этих я призываю полистать мою книгу прежде других.)

Итак, кто такие христиане? (К счастью, на этот вопрос ответить неизмеримо проще, чем достаточно полно объяснить, что такое христианство).

Но начну издаലെка. Положим, познакомились два человека, иногда встречаются, для выпивки или разговоров или других каких-либо общих интересов, испытывают удовольствие от таких встреч и стремятся к ним. Не обязательно, чтобы они торжественно задали друг другу вопрос, не являются ли они товарищами, достаточно того, чтобы они чувствовали взаимную симпатию – при этом они являются товарищами.

Влюбленные могут отнести себя к влюбленным таким же образом, как и к товарищам, но чтобы они стали возлюбленными, пожалуй, им необходимо объясниться друг с другом, признаться в любви и хотя бы поцеловаться или обнять друг друга, или ходить по городу, держась за руки. (Да, с моей миленькой мы и объяснялись, и я целовал ее руки, и мы обнимались и ходили по городу, держась за руки). [Я вдруг почувствовал, что во мне происходит переворот. Я словно бы отдаляюсь от нее, перестаю так сильно притягиваться и стремиться к ней, и мечтать о взаимности, но при этом уже могу вспоминать ее и говорить о ней без горячности и упреков, испытывая более спокойное чувство симпатии и благодарности за то, что она была, почти не думая о том, что она от меня сбежала. Ну, еще вскипает иногда кровь, но ... скоро кипеть, кажется, перестанет...]

Как становятся мужем и женой? Одна из сторон делает другой стороне

предложение, та сторона соглашается, они идут в соответствующее учреждение или просто начинают жить вместе.

Как становятся коммунистом? Надо написать заявление, потом тебя принимают в организацию и выдают справку о принадлежности к партии. Есть еще «беспартийные большевики», такие предполагают, что достаточно иметь некоторое представление о сумме убеждений «партийных большевиков» и считать про себя, что разделяешь эти убеждения, живя обычной жизнью, такою же, как и те, кто ничего подобного про себя не думает. Так жили и партийные и беспартийные во времена моего поколения.

Так думают и большинство тех, кто сегодня считают себя христианами, внешне они ничем не отличаются от других, не лупят себя хлыстами, как хлысты, не отрезают ни того, ни другого, как скопцы, не заводят по несколько жен, как мормоны, не ходят по улицам с «цитатником Мао», как евангелисты, не громят православные храмы, как униаты, не ходят с хоругвями с черной сотней и не громят жидовские булочные как православные, не мечутся на отвоевание «Гроба Господня» с крестом в левой руке и мечом в правой на сарацинский Восток как католики, не бегут из объятых пламенем Парижа в Варфоломеевскую ночь как гугеноты, не взрывают бомб в англиканском Ольстере как ирландские католики, не проклинают жен и детей во имя любви к Богу как современные духоборы, одержимые божественною духовностью, не гоняются за пуськами с нагайкой в руке как православные казаки и не выбрасывают на помойку книг Даниила Андреева, В.И. и «русских религиозных философов», как вчерашние марксисты, ставшие вдруг новыми христианами. Даже не сжигают староверов как никониане и не сожигаются сами как староверы.

И все таки точно ли они христиане только потому, что сами себя так называли, крестились по убеждению и иногда посещают воскресную службу (о более прилежных чуть позже)?

2. Кьеркегор как судья

Этого философа я знал понаслышке и вдруг им заинтересовался.

Мое внимание к нему определяется во-первых, тем, что он неожиданно разорвал свою помолвку с Региной, которую как будто любил, и на другой не женился; во-вторых, тем, что он был христианином и объяснил, что это значит. Он выделял в жизни человека три стадии – эстетическую, с привязанностью к удовольствиям, этическую, посвященную долгу, и религиозную, посвященную Богу.

«Что значит быть христианином? – спрашивает философ. – Это значит посвятить свою жизнь Христу (Богу), отвергнуть все земное, взять Его крест на себя, пойти за Ним... и самое главное: избрать страдания как содержание жизни вместо благополучия и счастья.»

Обоснованию страданий как смысла жизни посвящена его работа «Евангелие страданий».

Сначала я сформулирую несколько положений, следующих их учений признанных христиан, но в моем собственном представлении о христианстве.

Христианство заключается в отрицании мира и ненависти к нему, в отрицании жизни как такого способа существования, в котором цели его следуют из самой жизни (ну, например, самоубийца долго занимается поисками и покупкой пистолета и самой процедурой самоубийства. Следует ли это все из жизни, входит ли в жизнь как своеобразная предельная точка ее? Можно полагать и так и этак, но я считаю, что само-убийство не относится к жизни, а к ее отрицанию). Философия отрицания кратко изложена (помимо евангелий) у апостола Павла: **«Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек.»** Согласно апостола Павлу, *спать во гробе, и жить аки умереть* – вот в чем *преодоление* греха.

Не любя мир, надо не любить и удовольствий мира и раздать все свое имущество нищим. Но это только начало, затем надо взять крест свой и пойти за Христом.

Но что значит взять крест и пойти за Христом?

Кьеркегор отвечает на этот вопрос так: надо отказаться от удовольствий жизни, отказаться от счастья, избрать страдания как содержание жизни.

Из тех, кого я весьма высоко ставлю, Варлам Шаламов и Олег Волков, просидевшие по двадцать лет в тюрьмах и лагерях строящегося социализма, хотя и не раздавали свое имущество нищим, но были лишены его буквально до нитки. Страдания стали содержанием их жизни. Можно ли на этом основании причислять их к христианам? (Хотя они, кроме того, ходили и на церковную службу и были крещеными).

Нет, они не сделали внутреннего выбора в пользу страданий, их выбор был другой, *противоположный*: Надо жить честно, быть гордым, справедливым, дорожить чувством собственного достоинства, читать книги, стать образованным и культурным, быть милосердным, помогать близким, не унижаться прежде крайней необходимости, не покоряться силе насколько возможно, защищать слабых, сопротивляться неправде и злу (насколько это возможно), быть верным друзьям и долгу,

Страданиями они вознаграждались за свой выбор, но их выбором не были страдания и отрицание жизни. Они любили женщин и женщины их любили. Дорожили искусством. Дорожили радостями жизни, и дружбой, и общением с людьми, любили природу, музыку, не пренебрегали и мирским признанием...

Нет, нельзя сказать, что когда-то они возлагали на плечи свои Крест и отправлялись вслед за Христом. И кто это может сказать о себе из тех, кто жил во времена благополучного христианства, может ли сказать о себе это и сам философ, проповедующий страдания? Сделавший несчастной прекрасную девушку, доведя ее до отчаяния?

Многие отвергали семью и близких во имя Христа, но мистическая пропасть отделяет от них тех, кто во имя долга претерпел муки и даже лишился жизни, и чьи близкие пострадали из-за их добродетелей тоже, но кто не отвергал близких и заботу о них, ставя такое отвержение самим источником их жизни, посвященной смерти. Так и мой отец, вместе с миллионами других, погиб, защищая Родину, успев, однако, родить и меня, оставив любящую жену, оплакивающую его, но не отвергнутую. Кого защитил Сёрен Кьеркегор? Христа? Но Христос не был гоним. Но, действительно, он выполнил христианский завет, во имя Христа оставил мир и любимую женщину, сделав ее несчастной (правда, что сетовать на сие, они и никогда не ставили чье бы то ни было счастье целью своих усилий, скорее, наоборот. Они и всегда были *жестокосердыми* – разве не провозгласили они распятие того, что истекает из сердца, целью своего христианства?). И, однако, глубокое противоречие, как язва, пронизает всю их и жизнь, и проповедь, и деяния. Надо отряхнуть мир от обуви своей, учили они с самого начала, учил этому и апостол Павел. Но жили они деятельной жизнью, и достигли при ней же признания. И наш философ писал книги, стал знаменит, увидел их все изданными и признанными, и жил благополучнейшей жизнью, родившись в дворянской семье и не утерев ее привилегий. И какие страдания он избрал? Может быть, его посадили в сумасшедший дом за верность своим убеждениям, как меня? Нет, он только лишил счастья невинную девушку, а сам был не слишком несчастным...

Стать христианином значит только одно – последовать за Христом в Его страдальческом пути на Голгофу. Если же мир христиан не гонит, а они, напротив, гонят других, и власть и почет и уважение принадлежат только им, как было почти во все века христианской веры кроме небольшой поры, то никто НЕ является христианином кроме, быть может, юродивых, добровольно отказавшихся от жизни, ходящих нагими и босыми в стужу, живущими в мокрых пещерах и на столпах, в скитах и в диком лесу. Но я их не одобряю, хотя мне и жаль их.

Я не христианин, хотя и несчастлив. Я не стремился к страданиям, увы, они стремились ко мне. Даже и женщины, которых я всю жизнь люблю, вначале сами меня избирали, чтобы потом меня мучить (кроме одной). Впрочем, некоторые одумывались и дружили со мною, когда мое сердце уже охладевало как у того, в ком новые христианки призывают распять все сердечное.

3.

За что бросила меня моя ласточка? Что я ей сделал плохого? Она пришла ко мне первая, и это она вначале сказала, что любит меня, за что я ей благодарен. Возможно, слишком мало любила. Возможно, любила не так. Да и кто знает тайны женского сердца, знает ли она их сама? Теперь она уверяет, что моя прошлая любовь ей ненавистна (она сказала еще хуже, но я не хочу унижать то, что когда-то принадлежало нам обоим). Что только теперь она счастлива и посвящает жизнь свою Богу. А как же ее муж? И ее маленькая дочь? Или они для нее не так уже дороги?

Но не пришла ли, наконец, пора и мне подвести черту под *моей* (или *нашей*)? Хотя не вскинется ли она в негодовании на меня за эти слова – но разве она их когда-нибудь прочитает?) несчастной любовью? Я тоже сижу посреди пустыни, как отшельник, пустыня моя среди людского муравейника, но он не так уж и плох, многие в нем мне милы, ненавижу я только власть, страдаю от того, что уничтожена природа, что попирается достоинство человека (чему христиане только радуются), но существует еще великая русская и европейская культура, и я ими отчасти утешен. Самое трудное – найти утешение от несчастной любви. Его нет.

Надо постепенно ее забыть, ее разлюбить, даже перестать жалеть, возможно, ей и так хорошо, за Стиксом, вдаль от культуры, от подлинной жизни, от российских проблем, к которым она была всегда безучастна, не любя Россию. Впрочем, из христиан Россию никто не любит и никогда не любил, никто из них не любит и человека, и его дела, и культуру. Они любят Бога и свою душу, которую они надеются спасти (не знаю, до распятия, к которому их призывают правоверные, или после).

Миф облакает человека не только в отпадение от мира, но и в отпадение от человека, от всего человеческого, сосредоточивает на себе, не случайно о чем бы ни заговорить, что вот хорошо бы чиновников прижать и воров, и свалки очистить, ответ один: Начни с себя!

Да я с себя начал уже раньше вас, пора бы наконец что-то сделать и вне меня, мне дорого многое! Но эгоизм и эгоцентризм – вот форма, в которой проявляется христианин, кроме любви к Господу и жизни с ним, о которой, что это значит, никто ничего внятного не сказал, кроме апостола Петра, призвавшего сначала полюбить брата своего.

Но не буду отвлекаться.

Надо перестать ее укорять, не раздражаться на ее измену и равнодушие, или совсем ничего не помнить, или помнить только хорошее, возможно, позабыть даже то, что я ее когда-то любил.

Надо отойти и от споров с мифами, которые уже меня иссушили. Я, кажется, уже сказал все, что хотел. Ну и хватит. Душно мне в их невероятно суженном мире, как во гробе, где только любовь к Богу и к образу божьему в ближнем, даже о природе ничего не говорится, о культуре, о любви и рождении детей (ну, кажется, иногда проскальзывали между прочим какие-то слова), о революциях, истории, культуре, трансцендентной, мучительной Любви к женщине, из-за которой все еще закипают слезы...

Она написала в последнем письме: «отвечать на следующие письма не буду, нет сил и времени на споры, *истину нужно понимать сердцем*, а не доказывать логически и интеллектуально.»

А христиане пишут на своем сайте: «*Бог не желает, чтобы наше сердце было к чему-либо привязано, кроме Него.*» Но такое сердце, привязанное только к Богу, способно ли что-либо понять? Способно ли оно кого-нибудь любить кроме Него?

А преподобный Игнатий добавляет: «заповедь (любви к ближнему) – духовна, а нашим сердцем овладели плоть и кровь; заповедь – новая, а сердце

наше – ветхое.» И далее: «Евангелие отвергает любовь, зависящую от движения крови, от чувств плотского сердца... Обладанное пристрастием сердце способно ко всякой несправедливости.»

Нет, мое бывшее солнышко, с помощью сердца вы не узнаете вашу христианскую истину, она понимается, якобы, только теми, кто отказался от сердца, от сердечных привязанностей (как Кьеркегор, последний истинный христианин в девятнадцатом веке), и от всяких привязанностей, от всякого жара в крови. Холодная рыба – вот отныне идеал женщины, который вас пленил. Вот кем вам стать предстоит.

Ах, но я опять ругаюсь... Кипит моя кровь, трепещет сердце, вскипают даже слезы... Зачем я влюбился в вас, будущую русалку, зачем я отдал вам свое живое сердце, в ваше царство воды и холода? Зачем я исполнился к вам сострадания, захотел вам помочь? Или вы уже ничего не помните? Да, ничего не помните... Зачем вы писали мне по ночам, и вам было страшно, пока я не присылал весточку хотя из нескольких слов? Зачем вы даже начали писать книгу, в которой хотели представить меня? Зачем вы плакали, на что-то обидевшись? Зачем вы даже меня ревновали? Зачем обнимали меня, пусть на мгновение? Неужели такова всякая женская память?

Да, еще трепещет сердце, отказывающееся понимать истину вашего царства, опутанного *кабалами святош*. Куда ушли три века духовного освобождения? Куда ушла великая французская литература, музыка, революция? Куда ушла немецкая философия? Зачем была русская литература, русское освободительное движение, русская революция и вековой разброд в душах – в тех самых душах, которые дурочки вознамерились распинать (и с чем они собираются оставить человека, ненавидя в нем и душу и плоть, умерщвляя одно и распиная другое?!)

Приходили волхвы и ругали меня. Разве ты не читал у Розанова, что "*христианство – это религия, в центре которой гроб, религия мертвого Бога*"? Оставь же мертвых увещивать своих мертвецов! Ты не помещаешься в их тесном гробу, и им с тобой говорить не о чем, выплакай последние слезы и забудь обо всем, что с тобою случилось! Разве больше нету живых? Пусть даже неверных, но хотя бы живых?! Чувствующих, страдающих от движения крови, а не от того, что она в них застыла! И будь милосерднее к ней, она только что успокоилась, пусть и в христианском гробу, она в блаженстве заснула – зачем ты будишь её? Что ты ей можешь дать: Свой интеллигентский «возвращенный ад»? Она уже не способна к страдающей жизни, это только Кьеркегор призывает страдание, надеясь, что он еще не совсем умер. Но умер и он.

Придет Бог, Судия верующих и неверующих, безразличный к патоке подобострастной любви, от которой его давно тошнит. Неужели этот Бог, сотворивший и мир и человека в мире, захочет разговаривать с теми, кто ничего не предьявит ему, кроме веры? Кто не держал ни топора, ни лопаты в руках, не умел ни пахать ни сеять, ни даже учить и лечить людей? Кто и женщину не обнял ни разу, внушив себе, что они все принадлежат только Богу – как пишет преподобный Игнатий: «Они и не были по самой вещи

моими; было какое-то отношение между мною и ими; обманываясь этим отношением, я называл, признавал их моими, *Если б они были точно мои, – навсегда остались бы принадлежать мне.*

...Твое, Господь мой, отдаю Тебе: себе присвоил я их неправильно и напрасно».

Нет, я уже не сомневаюсь, что в истоках его христианства – несчастная любовь. Эх, Игнатий! Только потому, что ты математик, я еще разговариваю с тобою, тебя мне жалко, загубил ты себя! Нашел куда спастись от любви – в монастырь... надо было бежать на Кавказ, было б вернее!

(Кто-то, быть может, скажет: Да как ты смеешь нападать на святого человека, он вот даже в ад последовал за ближним своим! Ибо он пишет: «Если образ Божий будет ввергнут в пламя страшное ада, и там я должен почитать его. Что мне за дело до пламени, до ада!» Но разве он следовал в ад за кем-то? Это ведь только *фигура речи*, как и сама «любовь к ближнему». Он был епископом и жил гораздо лучше меня, не раз опалявшемуся этим пламенем. И я могу гордиться не тем, что пламя меня опалило, но что более слабых, чем я, мне удалось и там поддержать. А что меня охранило и придавало сил в удержании на краю? *Жалость!* Иных я и там жалел, хотя и не видел я образа божьего в них, ибо какое-то все это несусветное вранье в слащавых христианских речах! Еще меня поддерживала любовь, но не бесплотная и бездушная к отвлеченным символам, придуманным богословами, а к живым и чувствующим людям, страдающим и нуждающимся в утешении как и я. Я мечтал о том, что вернусь в мир (ах, посидеть бы христианам в тюрьме и в сумасшедшем доме, чтобы перестать проклинать МИР!!!), к жене и сыну, к друзьям... Однажды меня привязали к какой-то колеснице и повезли в операционную, чтобы пронзить скальпелем мозг и вернуть меня к тем, кто как все, смиренным и покорным, чтобы я больше не спорил с авторитетами и властями. И тогда я начал молиться! Я молился о смерти! Ибо мое человеческое достояние и достоинство дороже мне вечной жизни в облике покорного и смиренного раба, "повинующегося господам своим *по плоти, не в глазах только служба им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога..*» Разве я не побывал на Голгофе? Но случилось чудо, пробыв там полтора часа, был я возвращен назад, а со временем вернулся и в мир, который христиане призывают отряхнуть от обуви своей.)

О, Боже! Как мне уже надоело спорить с ними!

Моя ласточка! Волхвы ушли, никто меня не слышит, несколько минут я еще посмотрю на тебя и что-нибудь тебе скажу. Не спрашиваю позволения, не оправдываюсь, не прощаю, но и не каюсь ни в чем сам. Любовь – та, которой болеют живые люди – иногда выздоравливая, иногда нет – ни перед кем не отчитывается, ни у кого не спрашивает разрешения. Она и сама приходит без спросу. И большего, чем она, ничего нет. Прости меня, любовь моя, что я принужден уйти от тебя. Я еще зачем-то нужен жизни, а продолжая любить тебя, я умру...

4. Срединное христианство

Из Кьеркегора: «последовать за Христом означает взять свой крест или, как произнесено в прочитанном нами тексте: нести свой крест. Нести собственный крест означает отвергаться себя; Христос разъясняет это, говоря: *если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и бери крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16: 24).»

Что значит отвергнуться себя? Объяснений этого много, но они меня не удовлетворяют, потому что я не совсем понимаю эти объяснения.

Но, может быть, мы сумеем понять отвержение себя (или самоотверженность), если сначала спросим, что значит НЕ отвергнуть себя?

Представим себе человека, который однажды вдруг решил стать христианином, начал ходить в храм, причащаться, а в остальном в его жизни ничего не изменилось, он живет в семье, ходит на работу, имеет друзей... все в его жизни осталось по прежнему, кроме того, что по воскресеньям он стал ходить в церковь.

Отверг ли он себя, взял ли он свой крест и пошел ли за Христом?

В притче о богатом юноше Христос говорит: «пойди, продай всё, что имеешь, и раздай это нищим, и приходи, последуй за Мною, взяв крест».

Таковы ли те, кто решил стать христианином и для этого изредка ходить на церковную службу и причащаться?

Кьеркегор говорит, что они идут или *широким путем*, или *средним путем*, но не идут *узким путем веры*. А этот узкий путь заключается в том, что надо себя отвергнуть и пойти за Христом, взяв крест.

Но похоже на то, что это и значит, что надо перестать жить.

А о тех, кто остался жить как прежде, и жизнь которых не переменялась после того, как они назвали себя христианами, Кьеркегор говорит, что они **не** христиане.

И вот теперь я смогу сказать, с кем я спорю, а с кем не спорю. Я спорю с теми, которые отвергли самих себя и отвергли жизнь. И таких очень мало, и мне их жалко, и им не до меня, поэтому, пожалуй, я и с ними не спорю тоже. Они живут в пещерах, босиком ходят в стужу, ушли от семьи и друзей. Во всяком случае, они перешли через Стикс, они в инобытии, поэтому, даже если бы я и хотел с ними спорить, они меня не услышат и не поймут.

Других Кьеркегор не относит к христианам, поэтому мне не о чем с ними спорить.

Но есть и третьи, те, которые не перешли через Стикс, но учат о таком переходе, призывают распять душу и душевную любовь и облечься в любовь к ближнему.

Я думаю, что эти как были до того, как начали свое учение, такими и остались, и даже любовь им не удалось распять, потому что они не любили, ни душевно, ни духовно, никак.

Поэтому, читатель, если ты ходишь в церковь и считаешь себя христианином, но не перешел через Стикс, можешь даже взять мою книгу в руки, я тебя ни в чем не уличаю. Я спорю не с тобою.

5. Так с кем же я спорю?

5 ноября 2015 г. Сначала я намеревался в ответ на «Евангелие страданий» Кьеркегора написать главу, называющуюся «Ярость и боль». Но усталость и отчаяние меня одолевают. Предо мною либо «Королевство кривых зеркал», либо какое угодно другое королевство, но в котором геометрия бытия совершенно другая. Это ведь даже не Розановские «люди лунного света», которые могли бы жить похожей на нас жизнью, но иметь иные ночные отношения, когда всходит луна, становиться бесполоыми как *скопцы* или однополыми как *голубые* или *лесбиянки*. Отличительная особенность их мира в том, что не все акциденции человеческого мира им присущи, они не могут существовать сами по себе. Они не стремятся иметь детей и не имеют. Они ничего не производят кроме деклараций и текстов. У них нет лугов и лесов, животного мира, гор и рек, то есть нет природы, даже той, которая дана нам при рождении. У них нет и той природы, которую мы создаем для того чтобы жить, нет дорог, пашни, строительства зданий, речных пароходов и морских, даже тот хлеб, который потом претворяется якобы в плоть их учителя, выпекают не они сами. Они построили Театр (или поселились в театре, построенном другими), живут только за счет чужого труда, мысли и чувства их содержатся всецело среди героев той единственной драмы, в которой они поселились (не ограничившись тем, что они живут в искусственном здании театра, предназначенного для представления единственной драмы, они уподобились и сами фантомам этой драмы, перешли жить в ее текст).

Споря с ними извне их мира, я создаю для них иллюзию некоторой подлинности существования, так как принимаю их всерьез. А принимаю их словно бы всерьез и спорю с ними я по единственной причине – они похитили женщину, в которую я влюбился, и превратили ее в такую же марионетку, как они сами. Я словно бы Кая, отправившаяся на поиски своего возлюбленного в царство вечного холода, где нет ничего от движения крови, где все, что происходит от движения крови, ими проклято и заморожено. Я опоздал, моя любимая уже перешла через Стикс и ее кровь замерзла и нет у нее более ни одного чувства от движения крови.

Их мир не подобен миру обычного театра, куда актеры приходят ежедневно на работу из нашего мира, и разыгрывают сотни разнообразных пьес с разными представлениями о жизни, а не с одним, как у них. Притом актер может поменять профессию, мужа или жену, один театр заменить на другой (у них же на это решился только Лютер), читать книги, переходить от одной философской системы к другой...

Почему в их мир приходят живые люди и соглашаются стать у них куклами, подчиняясь тому, *что батюшка скажет*, непостижимо – в девятнадцатом столетии этого не было, в «Братьях Карамазовых» Достоевский изобразил первый опыт такой жизни, но очень условный, Алеша даже был отпущен в мир, а старец, по слову которого он намеревался жить и чувствовать и мыслить, вдруг умер.

Кьеркегора отставлю я в сторону, и по поводу текстов Священного

писания постараюсь рассуждать лишь постольку, поскольку это будет необходимо для литературно-философских задач.

А задачи эти состоят в том, что я собираюсь подвергнуть критическому анализу некоторые идеи Достоевского, в основном изложенные в главе «Великий инквизитор», и идеи тех философов, которые об этой главе написали свои философские эссе. Так как читающая публика в России давно уже НЕ читающая, то воспользовавшись своим намерением с христианами «друзаться», я решил в этой книге собрать вместе их тексты, что вроде бы и не положено, никто не цитирует целую чужую книгу или главу из книги, – но собрать эти тексты вместе, чтобы ленивый читатель, нечаянно наткнувшись на этот мой сборник (а сборники, состоящие из текстов нескольких авторов, ведь позволительно же представлять?!) – смог наконец их перечитать или прочитать впервые.

Быть может, такую мою книгу полезно будет прочитать учителю русской словесности, желающему познакомить своих школьников с существом литературно-философских споров девятнадцатого столетия, полезно будет прочитать школьнику, еще не успевшему перестать читать и не успевшему влезть на дерево, чтобы вновь отрастить хвост, как у обезьяны, или отрастить крылья, как у ангела, или превратиться в листочек *Дерева жизни* и замереть блаженно без индивидуальности и любви, без жены и детей, без друзей и любовницы, окунувшись в вечность.

Есть у моего замысла еще одна цель, кроме чисто культурной и просветительской, но не сообщить ли о ней уже в самом конце, чтобы сообщить нашему «Философскому семинару», посвященному роману великого писателя, некоторую детективную интригу?

И писать ли мне еще о любви?

Волхвы высказали мне свое возмущение и ушли, причем, кажется, насовсем. Музам я надоел тоже.

Что такое любовь (живая, от волнения живой крови, а не суррогат духовной любви!), я не узнал, представляю отчасти, что это особенное метафизическое явление, отчасти похожее на пожар, на наводнение, океанскую бурю, степную метель, в которой погибают возлюбленные, что это особенное состояние личности, кривая разрыва бытия, катарсис, самадхи, пробуждение – но не знаю я, как при этом жить, спастись, что делать, жить или не жить, бежать на Кавказ, в монастырь (только не мне!), в бунт или в капитуляцию...

Дни идут один за другим, мне уже казалось, что рана на сердце затягивается, что я уже *её* забываю и разлюбляю, что новая книга поможет от *неё* отстать – но вот почему-то хорошо укрепленная дамба рухнула и морская волна хлынула на меня вновь.

Я понял, что Кьеркегор мне не поможет, так поможет ли философский семинар? Или надо махнуть рукою на всё и призвать время на помощь, или влюбиться еще в другую – теперь уже все равно, хуже не станет... или пойти за утешеньем к Манон, еще все равнее, с нее не убудет...

6. С кем же я спорю? Кто из них христиане?

5 ноября 15. Так пред кем я и с кем? Наедине ли с собою, наедине ли с миром, или наедине с Богом? Или наедине с Истиной?

Правда, *истина* давно "приватизирована", то философами, то учеными, а после них ее присвоили марксисты и их "гении всех времен и народов", оправдывающие свое присвоение наукой.

Бог приватизирован еще раньше, начиная от строительства Вавилонской башни, в особенности создателями всемирных религий, Буддой, Яхве, Христом, Магометом.

Мое Я может быть приватизировано только мною, хотя и пытаются его объяснить то те, то другие, поэтому наедине с собою побыть иногда удастся, – ночью, перед утром, в состоянии опьянения.

Наедине с *миром* побыть еще удастся всегда, сколько бы образов мира ни создавалось, но или вдали от людей, или от них отрешаясь, даже в толпе удастся иногда не слышать людского гомона, глядя на здания, на облака, на природу, даже и на толпу, когда удастся ее воспринимать как стихию, подобную ветру, дождю, туману...

Вот с таким миром, лишенным частностей, предстоящим мне как всеобщее, безличное, как мой собственный образ того, что вне меня, я и пытаюсь остаться *наедине*. И, следовательно, ни Истина ни Бог мне не предстоят, к ним я уже обращаться не буду...

7. Любовь и Вера

6 ноября. Сегодня утром пришли волхвы, я думал, что они покинули меня навсегда, разочаровавшись во мне.

– Мы сами не знаем, что нам с тобой делать, и что тебе делать самому по себе. Но и у нас есть сердце, не только у В., и мы уже готовы заплакать вместе с тобою над твоей несчастной любовью. Если бы ты оказался решительнее, и приказал себе о ней не думать, не вспоминать, когда уже понял, что она перешла через Стикс, возможно, уже бы сегодня ты больше не плакал. Но ты все еще стоишь на его берегу и вперяешь взор в его мертвые воды. Она тебя не слышит, она не услышит и не поймет ни одного твоего слова, даже если оно до нее долетит, там уже нет дверей, в которые надо стучаться, она по инерции говорит о том, что истина познается сердцем, но у них нет ни сердца ни крови.

Ты побежден окончательно и бесповоротно, и когда твое поражение станет для тебя несомненно, когда у тебя не останется иллюзий, когда никакой самой малой надежды на изменение того, что случилось, у тебя не останется тоже, и ты вздохнешь печально, прощаясь с ней навсегда, и повернешься, чтобы уйти, и бросишь последний прощальный взгляд на свинцовые воды реки и на тот берег, на котором нет ни природы ни людей, но только символы, кто знает... После отчаяния, за его границей, иногда что-то случается. Но не надо на это надеяться...

А пока напиши свою последнюю книгу, посвященную еще твоему Прощанию. Вот тебе ее план, почти то, что ты и задумывал. Пиши...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Миф, Бог, Истина

1. Утренняя заря и вечерняя

6 ноября, полночь. Осень сменила милость на гнев, мокрый туман и холод, и заря мне только снится...

Да, мне надо расстаться с иллюзиями, не надеяться уже на то, что моя ласточка ко мне вернется, она улетела навсегда. Та ничтожная надежда, которую обещают волхвы – надежда на чудо, которое может произойти тогда, когда всякая надежда меня оставит – утешает мало, но в ней есть соломинка, которая не дает утонуть. Я и сам барахтаюсь, стащило ли меня с берега уже в свинцовую воду, мокрый ли песок на берегу меня втягивает в бездну, но я не чувствую тверди под ногами и пытаюсь от берега отходить все дальше. Сначала я надеялся на то, что не буду ее совсем вспоминать, потом, что избавлюсь от тех мыслей и чувств и воспоминаний, которые меня угнетают, буду представлять ее в лучшие мгновения нашей дружбы – и это лучше, чем негодовать на нее, чем ревновать и лелеять обиды – но, по-видимому, наилучший путь освобождения от наваждений любви – философское умозрение, страницы книги, которую я пишу, освобождение от всяких усилий. Не буду стараться ни о чем...

Я вспоминаю тягостный месяц в июле 2002-го года в тюрьме-больнице, в которую я был помещен для проведения психиатрической экспертизы. Представим время от трех часов дня до семи, от обеда до ужина, 14400 секунд. Я ходил по коридору от одного края его к другому и считал шаги, поворачивался, считал снова. Когда я досчитал до тысячи, прошло около 17 минут, чуть менее трети часа. Чтобы прошел час, надо было эту тысячу просчитать трижды и еще половину. И эту процедуру надо было повторить четыре раза. Читатель должен заметить, что ему утомительно даже прочитать эту мою галиматью, а каково было бы, если бы я начал теперь подсчет тех секунд, которые я считал тогда, и писал бы на бумаге: один, два, три... Я продолжил ходить по коридору, но считать перестал, время побежало как будто быстрее.

Вернувшись в «палату» (все же это была больше больница, чем тюрьма, потому что это была «палата», но не камера, хотя за пределы коридора выйти было нельзя и на окнах были стальные решетки) – я взялся за учебник математики, который в тоске уже было отставил, махнул рукою на ожиданье свободы и углубился в числа, формулы и теоремы. Увы, время бежит быстрее всего, когда *живешь*, когда пробегание его огорчительно. *Ожидание* замедляет бег времени, следовательно, больше ничего я не буду ждать, ни чуда ее возвращения, ни чуда окончательного освобождения, когда отблеск чуда растает.

Итак, буду писать книгу, ложиться спать, когда наступает полночь, просыпаться, когда пройдет ночь, исполнять часто нудные обязанности

редактирования чужих текстов, встречаться, расставаться, завтракать, обедать и ужинать, пить больше не буду (шел утром на барк Крузенштерн с хирургом, говорили о болезнях, он обещал мне написать листок с семью НЕ – к счастью, мы про него забыли, но пить он мне категорически запретил).

Я не знаю, почему она так неожиданно и презрительно оттолкнула меня в начале августа, даже отказав в минутном свидании, почему она отшвырнула меня как окуроч в канаву, даже выкинула воспоминания о том, что нас связывало – ну пусть хотя бы не любовь, так симпатия! – и никогда не узнаю – но не надо и узнавать. Не знаю, куда она ушла от меня, на какой берег какого Стикса – и это мне не надо пытаться узнать тоже, не надо толочь в ступе песок наших встреч и разговоров, взглядов и прикосновений – если они превратились в песок, пусть унесет его ветер. Не надо знать, как и чем она живет. Что чувствует, чем озабочена, о ком заботится. Счастлива или страдает. Помнит хоть малое и вспоминает хоть изредка...

Нужно *безучастие, безпристрастие*, то безучастие, которое для христиан цель и смысл жизни, а для меня должно стать средством спасения.

Если она вдруг напишет, что обо мне иногда вспоминает, что ей без меня скучно, я не отвечу (но она НЕ напишет).

Если она вдруг напишет, что ей без меня плохо, что она *страдает* – я ей отвечу, я соглашусь ей помочь. Но об этом она НЕ напишет тоже, потому что, к сожалению, *облеченные в миф* более счастливы, чем *свободные, облеченные в миф* сужают и жизнь и сознание, они не поднимаются в прозрении, вдохновении, пробуждении, они часто становятся похожи на самых простых обывателей, удовлетворяющихся простейшей жизнью вроде кухни, сплетен, разговоров с соседями, магазина и повседневной работы. Многомерное пространство бытия сменяется одномерным, многомерный человек на одномерного, и *молитва, служба, причастие* – такая же *прямая линия*, как и быт обывателя, как блюдо с молоком у котенка.

Я сталкивался с женщинами, у которых не ладилась семейная жизнь и они шли в церковь, и метафора жизни «муж меня не любит» сменялась на «Бог нас любит» и они становились счастливыми – но действительно ли их духовный мир становился сложней и богаче? Нет, они читали еще меньше, меньше слушали музыки, меньше размышляли.

Может быть, и я тоже – всего лишь лягушка, занесенная бурей в горы – но я не променяю свое новое беспокойство на блаженство болота.

2. Жизнь как внутреннее движение

Сравнения высшего и низшего не убедительны для всех, богатый уверен, что он успешнее и его жизнь состоялась; образованный и талантливый понимает (но не убедит в этом богатого), что образование и талант выше богатства; влюбленный знает лучше всех, что нет ничего выше, чем блаженство любви. Возможно, не все способны переживать это особенное чувство – любви к женщине (или мужчине), при этом влюбленный так наполнен своим чувством, так им занят (а чаще всего переживается это чувство и состояние в юности, когда и без того забот хватает), что он не

подозревает и случай не дает ему узнать, что есть люди, призывающие «распяты» это чувство любви, и успешно его распинающие в других, и пишущие молитвы и статьи и даже книги в защиту распятия. Вероятнее всего, они бы расхохотались, но, может быть, и заплакали от жалости.

Большинство людей живут той жизнью, которая в общих чертах напоминает жизнь героев «Анны Карениной» – работа, любовь, брак, семья и дети и семейные коллизии, счастливые и несчастливые, страсть, надежды, страдания... Даже культура мало значима для большинства, мало значима судьба России, смысл жизни, несправедность власти, вера и воскресение; я этот роман читал дважды, но не помню, ходили ли герои в церковь и спорили ли о Боге. Боюсь, обиденный читатель и мне не поверит, что все те проблемы, о которых я пишу в своих толстых книгах, кого-то всерьез волнуют...

Но человек находится одновременно в двух пространствах, которые составляют вместе, при своем наложении, пространство жизни; одно из них – привычное пространство повседневности, тех происшествий, поступков, событий, которые непосредственно перед нашим взором или переживаются нами так же непосредственно, другое – иногда даже и невидимо, но мы его воспринимаем и понимаем при оценке всей нашей жизни в целом. В этом втором пространстве иногда совершается движение более важное, чем в первом, это движение связано с *развитием характера, возвышением* или понижением *личности*, уровнем образованности и ума, «*гостеприимством чувств*», переменами, некоторые из которых видны всем (например, девушка расцвела под влиянием любви или поникла, когда ее бросили), иные из них чисто внутренние и не всем видимы («вдруг у разбойника лютого совесть Господь пробудил!»)...

Любовь и Вера (то есть сильная любовь к женщине и вера в Бога) – события из этого второго пространства бытия...

[И я вдруг вспомнил, как изменилась моя ласточка к началу лета, когда и подруги и знакомые ей говорили, что она словно бы расцвела...

И вдруг мне стало стыдно: разве в том только дело, что она меня бросила, что я стал несчастлив? Мною двигало особенное чувство, которое я переживал как любовь, но в центре которого было стремление помочь ей, спасти ее от той боли, которая постоянно терзала ей душу, и я был удивительно счастлив, чувствуя, что она *преображается*!! И затем только был счастлив от того, что она говорила мне, что она меня любит. Во имя кого или чего она меня бросила, я не знаю – но поднялась ли она вот в этом своем состоянии освобождения, которое ее вдохновляло? Что теперь делает ее счастливой – если она счастлива? И действительно ли она нашла более вдохновенное счастье, чем в дружбе со мною?

Но мне снова стало больно. Не стоит думать о том, что случилось с нею. Приказали волхвы размышлять о любви и вере как общих состояниях личности и бытия, и не надо мне возвращаться к моим собственным переменам судьбы.]

3. Символ моей любви

Она была нежная, очаровательная, возвышенная и несчастная и пришла ко мне, чтобы я ей помог воскреснуть, и в меня влюбилась.

Я исполнился к ней сострадания, из которого и проистекла моя любовь к ней, и мы были счастливы, невинно встречаясь, приходя на концерты и держась за руки.

Темная сила ее у меня похитила, лишив ее воли и духовной свободы.

И любовь моя стала любовью страдания, отчаяния и падения.

Из этой любви проистекает более глубокое понимание жизни, любви и веры, и новая Книга.

Но на чем успокоится сердце, и успокоится ли оно, никому не ведомо, быть может, случится новое чудо, не меньшее, чем наша первая встреча, но и его не следует ожидать, освобождаясь от власти страдания и от воспоминаний об общем прошлом, и тогда истлеет то, что уже умерло.

А теперь надо вновь и еще более полно и глубоко жить, стремясь к возвышению и возвышаясь, преображая мир и помогая тем, кто в нем страдает. И тогда обретется то, что мне предназначено.

4. Символы моего постижения мира

В центре постижения находятся вопросы, которые всегда перед нами: Что такое *духовное подавление* – это подчинение власти одного учения (идеи), объявляющего монополию на истину. В отношении христианства и марксизма подчиниться им значит «облечься в миф», сбросить ветхого (то есть традиционного) человека и стать во всем новым (христианином и большевиком).

В чем сущность христианства и что значит стать и быть христианином?

Почему надо отвергнуть женщину и любовь к ней, почему надо стремиться к страданию и смерти?

Почему христианство и большевизм так невероятно жестоки, античеловечны? Оба они отрицают мир, в который пришли «разрушить его до основания, а затем построить новый мир, в котором кто был никем, тот станет всем» – и это христианство, переложенное на большевистскую мелодию. Царствие Божие на небе для верующих в него после апокалипсиса (конца света) и уничтожения все неверных или на земле после мировой революции и уничтожения всех инакомыслящих.

Почему такая жестокость? Потому что и исходные учения наполнены ненавистью к человеку и миру.

И в чем тогда смысл жизни, к какому берегу плыть, если нас унесло так далеко в море?

Вот о чем я буду размышлять и писать, и тогда начнется рассвет после жестокой и темной ночи, полной слез и обиды. Это не она виновата в том, что случилось, она сама жертва, ее подчинила темная сила и внушила ненависть и презрение к нашей любви. Что делать? Осушить слезы, взять посох и подниматься в горы. *Чем выше я поднимусь, тем ближе чудо.*

5. Силы Духовного подавления

Духовное подавление – это подчинение власти одного учения (идеи), объявляющего монополию на истину. Можно было бы предположить, что если мой читатель отвергнет все другие учения, не будет смотреть телевизор, ходить в театр и в филармонию, не будет читать газеты и новости в Интернете, и перестанет читать все книги кроме моих, то он находится в состоянии духовного подавления – но это не совсем так, необходимо еще давление и подчинение, лишаящее человека сравнения и выбора. На протяжении столетий христианство боролось против ересей, то есть других точек зрения и даже ничтожных отклонений от единственно верного учения, всеми силами духовной и государственной и общественной власти пространство жизни было очищено от других точек зрения, культура была ограничена в своих проявлениях и поставлена на службу церкви, наука была гонима, общественный и личный быт был пронизан всеми возможными христианскими частностями, завтрак начинался с молитвы, перед сном молитва читалась тоже, праздники были только церковными, не праздновался Новый год, гонима была рождественская елка, детские игрушки, детские игры, Дни рождения и важные события в личной жизни не отмечались, даже имя давалось по имени святого, приходящегося на рождение, жизнь начиналась в церкви (с крещения), продолжалась в церкви (конфирмация и венчание) и в ней заканчивалась (отпевание).

Но еще важнее было то, что церковь следила за каждым шагом христианина и при подозрительных словах его и поступках с него сдирали шкуру (как с Гипатии Александрийской), сажали в тюрьму или яму (как боярыню Морозову), пытали (как инквизиция) и сжигали, как Жанну и Аввакума.

Сегодня пока еще верующих и неверующих не сжигают, хотя и сажают в тюрьму как Толоконникову с подругами, но существуют многие способы общественного влияния и психологического подчинения личности, известные под именем нейро-лингвистического программирования и манипулирования сознанием. Все исторически известные способы воздействия были задействованы в СССР во времена коммунистической тирании, миллионы людей были уничтожены, остальные подвергнуты такому мощному давлению пропаганды и урезанной и ужатой культуры, что не только удивительно, что кто-то еще мыслил по своему, но что кто-то еще умел мыслить. Подобное же было в нацистской Германии.

Но эти тирании были кратковременны, но как европейские народы смогли выжить под прессом и катком христианства, непостижимо.

Поэтому, если читатель читает того или иного писателя преимущественно и на него ссылается, то можно сказать, что находится под его влиянием, но не подавлен духовно. Представить себе, что читатель перестал читать всех, кроме меня, невозможно, но на всякий случай такому Читателю я замечу: мне ваше внимание лестно, но образованный человек обязан прочитать многих, в том числе несогласных с тем, кого вы предпочли.

6. От марксизма к христианству

В детстве я застал сталинизм, в отрочестве его агонию, в юности – хрущевскую «оттепель» – пора моего становления пришлось на самую благоприятную для развития эпоху. Но после свержения Хрущева начался психологический поворот к сталинизму, я в это время очень остро чувствовал всякое духовное подавление, но симпатии мои обратились на гонимое христианство, к тому же тогда среди его священства было много романтиков, притом православие вело себя духовно демократично, торжествовала такая точка зрения, что для того, чтобы считать себя православным, достаточно было исповедовать символ веры, то есть веровать в приход Сына Божия «нашего ради спасения» и в пресвятую Троицу. Дикостью тогда показалось бы поступать так «как батюшка скажет», и даже испрашивать у него позволения на поступок, тем большей дикостью было *манипулирование* сознанием.

Итак, от марксизма я бежал к христианству, как после падения коммунистического ига побежали другие, и хотя всерьез христианином я не стал, но ему я отдал свои эстетические симпатии и ему сострадал, памятуя коммунистические гонения. О том, что восемнадцать веков христианство гнало свободную мысль и занималось селекцией европейского человечества, культивируя рабов и призывая их к покорности и смирению, я не думал. Но я и говорю, что был я как все, в детстве завязал пионерский галстук, по счастливой случайности, потому что вдруг колосс сталинизма рухнул, я не стал комсомольцем, а потом уже действовала инерция духовного освобождения.

Иногда, глядя на рабов, счастливых своим рабством, я думаю: а надо ли мне столь много усилий прилагать к их духовной свободе? Не надо ли их презирать, по слову Пушкина «Паситесь, мирные народы! Вам недоступен чести клич! Наследство вас из рода в роды – ярмо с гремучками да бич!»?

Человек отвечает за себя не перед богом рабов и хозяев, не перед богом Лойолы, Савонаролы, Иеронима, Торквемады; Кошона, судившего Жанну; Игнатия Брянчанинова, которого «на ночь со слезой» читают вчерашние пламенные комсомолки, вдохновляясь призывом умертвить душевную любовь, но он отвечает перед Богом философов и ученых, перед «Богом живых, а не мертвых», как сказал и сам Иисус Христос, возвестивший однако «Религию мертвого человека»!

Человек отвечает и перед своей совестью, он отвечает перед теми, благодаря которым он стал личностью, отвечает перед классической музыкой, которая одна превосходит все мифы всех времен и народов, он отвечает перед философией, научившей его рассуждать, перед литературой, научившей его чувствовать, перед наукой, объяснившей ему землю и звезды и строение вещества и давшей ему те преимущества, которыми он пользуется, их презирая во имя бога, он отвечает и перед теми, а перед ними прежде всего, кому судьба дала ему в качестве единоплеменников, родных, друзей и любимых. Их, к несчастью, он предает чаще всего...

Какова природа такого предательства? Так ли человек запуган смертью, так ли он жаждет вечного блаженства, что готов во имя него отречься от родины, культуры, семьи? А получил ли он от Бога гарантии вечной жизни – или только от елейных слуг господина? Но кто из них вправе утверждать, что именно он Бога знает лучше всех и Бог доверил ему за него предстать пред человеком?

7. От марксизма и христианства – к свободе

В конечном счете, решает всё сам человек, даже самый запуганный и безвольный, именно он решает, кого ему предать и с кем оставаться.

И христианство и марксизм лишают человека народа и родины, для христианина «несть ни иудея ни еллина», и родина тленна и ненавистна, и весь мир. Христианство лишает человека семьи, многих лишает радости взаимной любви и материнства, ибо «если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником». Христианство противопоставляет человека обществу, в котором он возрос, окружающим людям, многие из которых достойны не менее христиан, ибо якобы должны быть «блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого.» Чем тут похвалиться? Даже когда почти все наше советское общество было «все как один», и «партия и народ были едины», не поносили меня и не пронесли имя мое как бесчестное, но даже надзиратель, отрывающий мне дверь на свободу, сказал моей жене: «вот человек, о котором за три года никто не сказал ни одного худого слова». И я горжусь этим больше, чем орденами, чем признанием читателей, чем даже признанием Бога.

И сам человек решает, предать ли ему того, кого он любил, и уйти к другому, понося не только прежде любимого, но и саму любовь называя омерзительной. Никому это приказать невозможно, никого невозможно настолько запрограммировать... хотя, впрочем, среди христиан и революционеров встречались женщины (а иногда и мужчины), отказывающиеся от любимых. Один – это Кьеркегор (и о нем мы будем еще говорить немало), другая – пламенная большевичка, убившая сорок белых офицеров, а сорок первым убившая того, кого поллюбила.

Если бы ее не было, мир мифа был бы мне навек не понятен.

Впрочем, он не понятен и с нею...

Потому что прежде, чем ответить на вопрос, в чем сущность христианства, надо выяснить, что значит быть христианином – или, по крайней мере, на оба эти вопроса надо ответить вместе. Но надо отбросить предвзятые мнения на этот счет, позволяющие отнести к христианам всех, кто думает про себя, что он христианин. В этом отношении мы оказываемся совсем в другом положении, чем спрашивая себя о принадлежности к народу: все, кто считает себя русским, им и является, но как в «партию» не всех принимали, так и в христиан надо сначала вступить.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Последнее прощание...

7-8 ноября, вечер, ночь, утро. Осень сменила милость на гнев, мокрый туман и холод, и зоря только снится... Плохо, все плохо. Так, как я живу, жить нельзя, нельзя даже выжить.

В моем мире тоже собеседников мало, мало сочувствующих, не с кем разделить «печали моя», а в ее воображаемом, в котором вектор бытия направлен к преодолению жизни, даже не стоит ни с кем ни говорить, ни прикасаться к проходящим теням когда-то живших, даже мысленно.

Поэтому и последнее прощание воображаемо, и разговор мой – с самим собой, но даже с собой не о чем мне говорить, все давно сказано.

Кипение никак не остановить, где-то еще в душе что-то раскалено, жар идет из глубин...

Я представляю, будто пришел в парк, где мы встречались и сидели на скамеечке, сел на другую, подальше, куда мы не доходили, чтобы побыть в одиночестве, и задумался...

Осуждать ее, изливать на нее обиду и упреки я не хочу, прежде всего потому, что она не способна меня понять, и другого не поняла бы тоже, даже если бы она разошлась с подругой, она так же слушала бы ее безучастно. Душа ее *умерщвлена* для нас, бывших в ее круте когда-то.

Мы – чужие. Нас словно бы и не было. Ее разрыв со мною нелеп, потому что беспричинен и в нем нет внутреннего движения чувства. Сначала она написала мне (кажется, 2 августа), «люблю, люблю, люблю!». Потом, 4 августа, «больше мы встречаться не будем, принесите мою книгу, но не прикасайтесь ко мне!», 5 августа: «Книгу пришлите по почте, ваша любовь мне омерзительна, не подходите ко мне больше никогда, не пишите и не звоните по телефону».

На Последнее письмо, в котором я писал, что бандероль отправил, но еще писал про любовь и обиду, она ответила, что больше не будет отвечать на мои письма и чтобы я не писал тоже, это бессмысленно, на разговор со мною у нее нет ни сил ни времени.

Сколько же записок и писем я написал ей, когда она жаловалась мне, что ей плохо и она не может уснуть, пока я не напишу ей хотя бы два слова? *Около четырехсот.* И это не потому, что я был влюблен, вначале я не был в нее влюблен, мною двигало только сочувствие.

Вот эта, которая не захотела со мною встретиться в последний раз на несколько минут, и грубо и безжалостно оттолкнула вместо того, чтобы сказать только, что мы встречаться не будем, потому что наши встречи грешны (по ее мнению), и я попрощался бы с нею и ушел (и она не сомневалась же в этом), и сохранил бы память о ней как о прекрасной страдающей девочке, как о северном сиянии и вечерней заре, как о волшебном сне и несбывшейся мечте – вот эта новая и жестокая – это та самая, с которой я был знаком и встречался и которую жалел и любил – или это совсем другая, две разные женщины? Можно ли отгородить ту прежнюю

от этой настоящей? Помнить ту и никогда больше не думать об этой? И с ужасом я увидел, что они не разделимы, и поэтому даже то чудо, которое может случиться после последнего отчаяния, но может и не случиться – даже это чудо не нужно, оно даже унижительно, если бы она вдруг вернулась – куда она денет ту, которая сегодня? А вместе они невозможны. Мною иногда овладевает какой-то мистический ужас при мысли, что я разговариваю с тою, которою она стала.

Или она была ею всегда, а я не видел?

Мне плохо уже не потому, что она меня отвергла, что она меня не любит, что я ей не нужен, а из-за ужасного преобразования одной в другую. Я был бы счастлив, если бы чудо ее вернуло в саму себя, и пусть бы мы после этого уже никогда не встречались, я страдаю из-за нее, а не из-за себя, какой-то злой магией в ней произошло замещение сердца и крови и осуществилась мечта идиотов, сдвинувшихся на противопоставлении души и духа, и прекратилась любовь, происходящая "от движения крови и чувствований плотских", "погасился огонь любви естественной, плотской, поврежденной грехопадением", и вместо того чтобы любить и обожать милого друга, без которого только что невозможно было жить, она начала "молиться за врагов, благословлять клянущих, творить добро ненавидящим", но ее "естественная любовь обратилась в отвращение, в непримиримую ненависть".

Зачем мне чудо ее возвращения, зачем мне женщина, живущая по законам Гауссовой геометрии, зачем мне русалка, в которой горячее кипение человеческих чувств заменилось на духовное бесчувствие холодной рыбьей крови?

Итак, надо проститься с прошлым, с той любовью, которая только что была живой, а теперь истлевает. Быть может, я не все понимаю верно, и в ней сохранились и живые чувства, но я сужу по ее последним двум письмам – если живые чувства в ней сохранились (по отношению к другим, мне неведомым), то эти письма лживы, а если они не лживы, то ложью пропитана ее неведомая мне жизнь. В женщине возможно все, она может уподобиться и боярыне Морозовой, и Игнатию Брянчанинову, и стать святой Марией Египетской, сначала насладившись жизнью Манон.

Я продолжу писать эту книгу, но более уже никогда о ней не напишу ни слова. Она умерла. Она в другом мире, в котором все не так, как у нас, в котором параллельные пересекаются, а непараллельные – нет, в котором трансцендентное противоречие раздирает всю их жизнь и их веру, в котором вода превратилась однажды в вино, а вино превращается в кровь, но живы они тем, что проклинают все чувства, проистекающие от движения крови; в котором камни НЕ превратились в хлебы, но хлеб превращается в плоть, хотя и не хлебом единым жив человек, и плоть проклята от начала грехопадения. Она в другом мире, в котором они уже не умеют любить, в котором *человеческая любовь*, та, на которой стоит наш мир, в котором родились и они сами, проклята – что же тогда еще может нас связывать? Поэтому я отвязываюсь от них, с ними мне невыносимо, с ними я даже воскресать не хочу, они бесчувственны, лишены красоты, пристрастия и предпочтения, сострадания и милости... Я УХОЖУ.

2. Кризис в душе и разгром

Буря на солнце, в душе беспорядок,
Даже земная кора не без складок.
Тягостно ночью, и день бестолков.

8 ноября, вечер. Каждый человек, по всей видимости, переживает неровные периоды жизни, вроде хотя бы перемен во времени года и в погоде. Если, оглядываясь назад, отметить только самые сильные неровности, которые обыкновенно называются внутренними кризисами, то они следующие.

Мне двадцать лет, я влюблен, прочитал только что Библию, марксизм воспринимаю как духовное подавление (и тогда я и создал сами эти понятия *духовного подавления* и *противостоящего ему духовного освобождения*), в Библии вдохновляюсь преимущественно идеями верховного Источника человеческого сознания и сотворения мира и человека Богом, читаю Аристотеля, Гегеля, Фихте, Маркса, хожу по общежитию и проповедую, что человек создан Богом, и в конце концов отправляюсь в почетную ссылку – в астрономическую экспедицию на Кольский полу-остров, по возвращении восстанавливаюсь в университете, влюбляюсь в другую, потом в третью, отправляюсь во вторую ссылку – учителем в школу на берегу Ладожского моря, возвращаясь, женюсь и возвращаюсь в университет. Кризис продолжается три года, ничего существенного мне не дает, кроме перерыва в образовании и жены..

Далее следуют четыре года сравнительно благополучной жизни, я преподаю математику в Институте, в меня влюбляются девушки, что меня в моих глазах неимоверно возвышает, но так как я по складу души всегда был романтиком, то все эти влюбленности выражаются в стихах, вздохах, иногда прогулках, и не возникает даже намерения предпринять какие-то действия по сближению с такими же романтическими возлюбленными.

Но снова вспыхивает кризис, христианство меня не утешает, окружающая брежневская унылая действительность переживается как ложь, фальшь и растрение, я пишу критическое сочинение против марксизма и советской власти, читаю его на литературно-философских вечерах в домашнем кругу, мы много пьем, мечтаем о свержении большевистской тирании, наконец эта тирания, которой надоели мои разглагольствования, сажает меня в тюрьму и затем в сумасшедший дом.

Трехлетнее заточение я уже не знаю, к чему отнести, не то к продолжению кризиса, не то к его преодолению, все же меня отпускают и я начинаю благополучную жизнь обывателя, от тридцати одного года до тридцати девяти, регулярно провожу на квартире музыкальные и литературные вечера, пишу слабые стихи, продолжаю пьянствовать, путешествую с женой и сыном по России, счастлив и несчастлив одновременно и наконец влюбляюсь в тринадцатилетнюю девочку.

Сначала я счастлив, стихи удаются лучше, потом она меня отвергает (как то бывало и раньше с другими), и я полной мерой переживаю трагедию несчастной любви.

Но мне удастся осушить мои слезы, возобновляются литературные вечера (которые многие посчитали лучшими страницами своей жизни), и я был счастлив тоже, внешне продолжая жизнь обывателя. Кажется, влюбился, она в меня тоже, но, наконец, я понял, что мне на роду написано стремиться к страданию, поэтому я предпочел страдать.

И так прошли десять лет, которые я не заметил.

Но пала коммунистическая тирания, стало еще хуже, то есть пошло, безобразно, по воровски нагло и по наглому воровато, я вообразил, что теперь уже достаточно развился, чтобы учить других, совместно с сыном создал издательство, издал немало отличных книг (в их числе «Россию и Европу» Данилевского и «Радзивиловскую летопись») и начал издавать журнал Мъра (через ять), одновременно влюбившись. Разумеется, любовь окончилась печалью.

Отчаянье теперь ликует!
Насмешливо и лениво
Взгляд твой, как крапива,
Сердце мое целует.

Девяностые годы были пронизаны тоскою, разочарованиями, неудачами в бизнесе и политике, и я почувствовал, что сползаю в бездну. Снова влюбился, и она в меня влюбилась тоже, но тут я опомнился и расстался с нею до того, как мы могли бы опалить друг друга.

Лучше мне не стало, и я врзался во встречную фуру, потом ночью по дороге в деревню мне показалось, что я умираю (всего-то на всего от приступа аритмии), и, наконец, я еще пуще заболел и начал сползать с краю даже и неудачной жизни, но все же по эту ее сторону...

В это время мне привиделся ночью в бреду мой первый роман «Боль и любовь», и болезнь и роман оказались преодолением кризиса. Но судьба решила испытывать меня дальше, поэтому в 2004-м году я оказался на «Пальме», где и написал свои «Записки».

Потом написал еще три книги, не помню о чем (скорее всего, их надо изъять из собрания сочинений, и собрание станет короче и удобочитаемее).

Жизнь моя с тех пор опять была благополучной, я издавал альманах и журнал, литературный и философский, ходил на философские встречи, кажется, снова влюбился, наконец, получил высшую литературную награду – стал Редактором.

Но Бог и ангелы его не дремлют, и на меня напустились болезни, то на меня упал сарай и размозжил плечо, которое мне благополучно сшили стальными нитями, то от чувства горести жизни или, напротив, «чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано было мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» (повторяю апостола Павел), то, наконец, волхвы (после того, как прорвало во мне шлюзы и я начал писать неостановимо и написал «Призвание литературы» и еще две вдогонку неизвестно о чем и стал испытывать блаженство, радуясь такой жизни), уговорили меня влюбиться во имя спасения прекрасной ученицы. А далее судьба велела мне выпить сей любовный напиток сполна и я постиг всю трагедию любви также сполна.

Но не буду повторять, что со мною случилось, и почему я впал в неистовство и пишу теперь нечто под названием «боль и ярость».

Кто-то из христианских богословов и цензоров, а может быть из подручных тех прежних инквизиторов, которым недавно принадлежали и души наши и тела, вдруг вскрикнет, что я уже перешел меру терпения, что я богохульствую, что я уже зарвался в своей ярости – но я возражу, что, напротив, весь тот океан оскорблений человека, его мира и его жизни, который излит богословием, вся та мерзость, которую поносят нашу любовь, наших женщин, наших детей, наши души и все то, благодаря чему существует сегодня даже самый жалкий обличитель человеческого и мирского, весь тот океан лжи и оскорблений в адрес культуры, искусства, лирической поэзии, романсов, призывы к распятию нашей душевной и плотской любви, все то отвратительное негодование, которое они себе позволяют, унижая «похоть плоти, похоть очей» и превознося «скопчество во имя Бога» – безмерно превосходит мою праведную ярость в защиту человека.

Они размещают на своих нелепых сайтах призывы к **умерщвлению душ** – да разве они не террористы, не похитители нашего блаженства, нашей радости, нашего вдохновения, так грубо и пошло напускаясь на все то, что является душою и плотью нашей культуры??!

Читаю откровения хорошенькой актрисы, что она уже давно воцерковлена, и без благословения батюшки ничего не сделает, и только то и делает, *что батюшка скажет...* глупышка, а разве у нее и мальчиков нет? Или она про них ему не рассказывает?

И она разве не знает, что апостол Павел сказал, что *лучше* человеку не прикасаться к женщине, а православные батюшки не исполнили его завета, и они, значит, отнюдь *не лучшие*, в сравнении с ксёндзами? И она разве не читала, что преподобный Игнатий даже брату своему не советовал слишком близко общаться с духовными, а лучше читать евангелие?

Но ярость моя от печали и огорчения, но не от ярости, как часто бывает у смиренномудрых, которые даже за чтение непозволительных книг предавали ближних своим огню, как то сказано в Грамоте об учреждении Славяно-греко-латинской академии за **1687 год**: «всяких от церкви возбраняемых и богохульных и богоненавистных книг и писаний у себя никому весьма не держати..., и иных тому не учти... таковый человек за достоверным свидетельством без всякого милосердия да сожжется!»

3. Последние заметки о прощании

Может быть, вам жаль, моя 19-тилетняя красавица, что я не живу в то славное время и потому еще не сожжен, но боюсь, что нас с вами сожгли бы вместе, потому что красоток тогда сжигали прежде других, а особенно актрис. И не исключено, что представляли бы вы на сцене мою пьесу под названием «Неверная любовь», вот за эту пьесу на костер поволокли бы меня, а за ее представление – вас.

И еще тогда часто любили сжигать ведуний и знахарок, и всяких женщин, пользующих болящих травами, и нынешние лекарки точно не дожили бы до сегодня, если бы попали в руки благоверных.

Но я отвлекся. Про то славное время я еще буду писать большую статью, ибо самый славный из всех – неистовый Торквемада, *Врата Христовы*, как он называл себя, *на пути нечестивых*.

А теперь я скорблю и плачу, это последнее прощание с той, которой я отдал сердце свое и свободу, а взамен узнал, что значит трагическая любовь. Плохо то, что я не удерживаюсь на должной высоте, что я жалуясь и стенаю, то взываю к ее милосердию, как будто не помню, что «Немилосердны все в любви / земной», то ее проклиная. Пошлю ей на прощание свое старое стихотворение, я ей его дарю.

О, Муза милая моя!
 Я вдохновеньем Вам обязан.
 Я Вас люблю. Я к Вам привязан
 Прочней, чем к солнцу. Не тая
 Своих признаний от бумаги,
 Набрался я еще отваги
 И посылаю кружева
 Из пылких слов и междометий.
 Я прислан к Вам из тех столетий,
 Где были ценными слова,
 И где порой платили кровью
 За возвышенье над любовью.
 Вот отчего *моя печаль*
Светла. И все-таки как жаль,
 Что я пришел к Вам слишком поздно!
 И укоризненно и грозно
 Взирает время на меня.
 И Вы и время слишком правы.
 Вы так божественно лукавы,
 Что мне уже не нужно славы...
Без Вас не мыслю даже дня.
 В Вас страсть и нежность – и коварство!
 Вы совместили оба царства –
 Земное, с тяготами уз,
 С тоской трудов, с томленьем, в поте...
 И то, где слишком мало плоти.
 Вы – совершенная из муз!
 О, время! Цéну назови!
 И к Вам, мой ангел, я взываю –
 Не к милосердию – я ль не знаю? –
 Немилосердны все в любви
 Земной. Взываю к восхищенью.
 Вам я несущу лишь то, что тленью
 Не подлежит. Седьмого дня
 Мы часть. Мы призваны к творенью.
 Так не предай меня презренью!
 В последний раз – Люби меня!

4. Пробуждение

9 ноября. И снова тени былого, в прихожей слышались легкие и тяжелые шаги, ходили волхвы и музы; дождь стучал в стекло и ветер обнимал стены. Я был посередине между сном и бодрствованием, когда мысль и воображение легко проходит сквозь ткань бытия.

Больше не будем гулять по аллеям,
Даже забудутся прошлые встречи...
Может, друг друга теперь пожалеем?
Пусть нас забвенье утешит и лечит!

Но я уже изменился и со вчерашнего дня: каждый забудет то, что ему хочется забыть, пусть даже истлеет все, что было, так что покажется, что все только показалось, что вы неправильно поняли саму себя. Я оказался случайным прохожим, лишним человеком в вашей жизни – и я уже с этим не спорю.

Если забыть, что мы держались за руки, и смотрели в глаза друг другу, и ваши глаза сияли светом зари, то исчезнет все, потому что все остальное было не так значительно, письма можно стереть из памяти компьютера, разговоры – из собственной памяти, а новых встреч и писем уже не будет.

Мы шли по саду, держась за руки, потом вы вдруг вырвали свою руку и побежали, и крикнули, не оборачиваясь, что ушли навсегда и чтобы я больше не пытался вас искать.

И с тех пор идет уже четвертый месяц, я уговариваю себя забыть обо всем и больше вас не любить, но уговорам плохо поддается сердце, а ум и память только подливают масла в костер.

Меня сжигали обида и ревность, нежелание смириться с поражением, даже уже почти ненависть и к вам и к вашему миру...

Но время мне помогает преодолеть себя временного во имя себя подлинного.

Я говорю себе: У нее собственная жизнь, ты был случайным гостем в ней, не мучай себя иллюзиями, не пытайся удержать мираж, он уже растаял. Вы растались безвозвратно, вспоминай все что хочешь из прошлого, но ее ПРОСТИ и не пытайся вернуть. Живи дальше!

И я снова стал верить, что жизнь моя не прервалась и течет как должно, хотя я еще и не знаю, куда...

5. Познай самого себя

Оглядываюсь на прошлое. Я писал о кризисах, из которых состояла моя жизнь, об их трагических преодолениях – но и то и другое было временным. А что было постоянным?

Семья, друзья, литературные вечера, культура и моя Россия.

Литературные и музыкальные вечера продолжались двадцать пять лет, на них перебивало множество разнообразных участников, многие из которых были выдающимися личностями в русской культуре: ученый, поэт, и переводчик Корана Т. А. Шумовский, похороненный на Литераторских мостках около храма и рядом с могилой своего учителя академика Крачковского;

Ю. Б. Перепелкин, знаменитый собиратель граммофонных записей и матерьялов по истории русского вокала; М. А. Гневушев, собиратель русской живописи первой трети 20-го столетия; мой товарищ Казимир Л., написавший бесценные книги по истории Восточной Пруссии, В. Г. Горбачкий, известный астроном, похороненный на Пулковском кладбище рядом со всеми нашими астрономическими учителями, меня и моих товарищей, с которыми я учился; музыканты, фокусники, поэты, критики и редакторы и красивые девушки, в которых я влюблялся.

Все они вспоминали наши вечера как лучшие страницы своей жизни. В отличие от кризисов и отдыхов от них на тюремных нарах, носящих временный характер, вечера эти в моей жизни составляли вечность.

Однако, не так уж безынтересна и остальная моя жизнь, и чтобы ее понять и представить в виде краткой формулы, придется мне взглянуть на себя и под странным углом зрения. Составлял ли я цельную личность? Нет. Отчасти правы были советские психиатры, определявшие меня как неисправимого шизофреника, человека, соединявшего в себе две личности, одна из которых бродила по миру, как Одиссей, от Байкала и Мурмана до Праги и Берлина, в поисках Истины и Красоты (в виде прекрасных девушек), другая неизменно возвращалась на родину, к друзьям и родным и своей верной Пенелопе, ждавшей меня и прощавшей мое бродяжничество.

Однако я был разделен и в своем творчестве, я был математиком и литератором, литература была возлюбленной, математика – женой, которая давала мне приют и средства на пропитание (хотя, впрочем, я доказал одну важную теорему, которая когда-то войдет в учебники, когда схлынет временное и новое поколение будет собирать крохи вечности, оставшейся от нас).

Но я был не только разделением, но я был синтезом, объединяя отчасти с литературой и математику, и философию, и даже миф.

В наше безумное время последних ста лет, когда почти все здраво-мыслящие или были уничтожены, или покорились, или затаились в темном углу, или впали в детство, я чуть ли не один остаюсь безукоризненной нормой в восприятии, размышлении и понимании.

Что важного я написал, спрашиваю я себя, вглядываясь в уже целую грудку написанных мною книг, в которую я и так не поместил три самых слабых? Но прежде чем их перечислить, и раз уж пришла пора пробуждения от запутавшего меня сна, я вдруг увидел необходимость и из этой грудки отложить несколько штук. Если когда-нибудь стану знаменитым, их к моим сочинениям присоединят в Приложении.

Итак, что же составляет мое нынешнее Собрание сочинений (не считая Азбуки Математики)?

Метафизика любви. Боль и любовь. Записки на пальме. Призвание литературы. Любовь как всемирное притяжение. Чудо, тайна и авторитет (ее я как раз и пишу, и название еще условно). Итак, считая будущую книгу «Отбеливание льна», всего семь, а пять уже изданных я убираю.

6. Примирение

На Прошлое я подул, как дуешь на рану или на книгу, чтобы очистить ее от пыли, и складываю на стол перед собою.

Недавнее прошлое стоит впереди и я в него всматриваюсь уже почти спокойно. В нем все достойно. Знакомство, затем уже встреча, сочувствие, влюбление, забота, разрыв, страдание.

Если я не обижаюсь на судьбу за то, что сидел, то за что я так долго и упорно обижен на мою милую ласточку? За то, что предпочла в конце концов мне других?

Ну так надо обвинять в этом самого себя, значит, я любил ее недостаточно сильно, и не сумел ее к себе привязать.

Все, кого мы любим, достойны нашей любви.

Если же корабль, на котором мы плывем, врежется в скалы или садится на мель, то мы должны винить в этом только себя – плохо мы правили кораблем, который доверила нам судьба,

Меня доводила до ярости мысль, что *она* предпочла мне других, что я оказался хуже – так неужели оскорбленное самолюбие больше для меня, чем любовь?

7. Последнее прощание

Не схожу ведь я с ума оттого, что когда-то В. меня бросила, а еще ранее бросила другая? Так и теперь надо успокоиться на философии и книге, на творчестве и работе, на деятельной жизни в мире и любви к человеку и миру (не *лживой любви к ближнему* как образу божьему, а любви многообразной и представляющей собою множество разных Любостей – и чувственную страсть, и нежность, и сострадание, и заботу, и дружбу, и любовь к родным и близким).

Кто стремится возненавидеть наш мир и отряхнуть его от обуви своей, пусть пытается жить только с Богом и его слугами, но не оскорбляйте нашу культуру и наши чувства к женщине своими проклятиями и не пытайтесь снова захватить власть в государстве, чтобы запалить костры. Вновь остановить свободную мысль вам не удастся, не потащите вы на растерзание Гипатию, Яна Гуса, Джордано, Томаса Мора, Жанну, боярыню Морозову, протопопа Аввакума, Гумилева, Есенина, Клюева, Павла Васильева, Ольгу Берггольц, Олега Волкова и Варлама Шаламова... я перечислил нескольких только жертв среди миллионов, уничтоженных безумной толпой, руководимой истгупленными жертвами Мифа – того или другого. Только любовь к женщине, которою награждает Бог избранных, наполняет душу восторгом и воистину божественной благодатью, и если приводит к безумию, самоубийству, иногда, в крайнем случае, к убийству, никогда не приводит к массовым гонениям, пыткам и казням. Она выше всех человеческих *чувств*, включая и *веру* (которая является чувством и состоянием души, гонимой ослепленными верующими).

Я тебе простил все. Обида моя истлеет. Все самое лучшее я сохранил в своей памяти и в книге. Прости и ты меня за то, что я не сумел тебя удержать. Ты – моя ласточка... Я больше не сержусь на тебя...

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

**НАЕДИНЕ
С МИРОМ**

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КЪРКЕГОР*1. Любовь и вера*

9 ноября, вечер. Не один я потерпел поражение при столкновении любви и веры, хотя и написал апостол Павел вдохновенные строки, воспевающие любовь, и написал, что любовь выше веры, что она "долготерпит, милосердствует, ...не завидует, ...не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит". Но относится ли его любовь к Богу? К ближнему? Строки эти таковы, что их нельзя с уверенностью отнести ни к тому, ни к другому, так не любят ни Бога, ни ближнего. Кого же он тогда любит?

Что такое любовь и вера, невозможно понять и объяснить ни из рассуждения, ни из исследования, только собственный опыт дает понимание. Но в двадцать лет у меня совместились и мое открытие Бога и любовь к женщине, и то состояние, в котором словно открылась дверь в сверхбытие, было одновременно и переживанием вдохновения любви, и ощущением близости божественных эманаций. Мне казалось, что достигнута вершина жизни, и даже если прервется жизнь, то она вся в меня уже вмещена и большего не будет. Но передать в словах, что я испытывал, я не мог, и вскоре даже самые простые вещи описать не мог, будто бы я стал "безъязыкий".

Однако часто бывает так, что человек способен слышать и понимать и любить музыку, но играть на фортепьяно или скрипке не может, и так же понимает поэтический текст, хотя сам не пишет стихи – более того, способность слышать и понимать стихи и музыку чаще всего в слушателе и читателе более развита, чем в творце, иначе бы писатели писали только друг для друга, и музыканты друг для друга играли, и боги на небесах переговаривались бы между собою, но человек не слышал бы гармонию сфер. Те безумные, которые приравнивают человека к амебе, когда сравнивают его с Богом, унижают смысл творения: все что нужно было Божеству, вложено Им в человека, так же как в музыкальном инструменте содержится все, что необходимо, чтобы музыка звучала вовне, а не только в душе человека. Кстати уж, произнеся это слово "душа", вновь скажу несколько слов в ее защиту от идиотов, призывающих к умерщвлению плоти и души. Скрипка сделана из дерева, и именно дерево является плотью ее, и она сама даже не слышит тех звуков, которые она исторгает. Разобьем скрипку, уничтожим ее, что же станет лучшего? Что мы умерщвляем, умерщвляя плоть и душу? Душа – это орган для производства чувств и мыслей и побуждений, метафорическое обозначение того, что мы не совсем точно понимаем, что иногда называем сердцем, умом, сознанием, имея в виду, что "сердце" чувствует, а "ум" мыслит, но чувствует ли то физическое сердце, которое в нашей груди стучит, что-нибудь кроме боли, и где находится "ум", который производит как будто мысли, мы не знаем.

Термин Душа – метафора для органа, который в синтезе с плотью или телом составляет человека. Но что символизирует дух в применении к человеку? Составит ли дух вместе с плотью после умерщвления души обновленного человека? И будет ли чувствовать этот дух и этот человек? Хотя не совсем понятно, что такое дух, особенно тем, которые так восторженно противопоставляют его душе – а что они имеют в виду? – но из всех текстов, на которые они опираются сами и которые сочиняют, следует, что дух отличается от души тем, что он НЕ чувствует, то есть либо он производит чистые мысли, либо эманации состояний, которые во всяком случае *бесчувственны*.

Игнатий Брянчанинов: «Евангелие отвергает любовь, зависящую от движения крови, от *чувств* плотского сердца.»

«Если же любовь твоя – *пристрастие* противозаконное, то отвергни ее, как *мерзость*.» [Вот кто её учитель! И вот в чем корень зла – в *пристрастии*.]

«Когда сердце твое не свободно, – это знак *пристрастия*.»

«Гордость приводит нервы в движение, разгорячает кровь, возбуждает мечтательность, оживляет жизнь падения; смирение успокаивает нервы, укрощает движение крови, уничтожает мечтательность, умерщвляет жизнь падения...» – очень похоже на технику освобождения от чувств в восточных практиках. Следовательно, эманации духа – *бесчувственны* (или *внечувственны*). Следовательно, умерщвление души и стремление к духовным проявлениям, к жизни духа – это освобождение от чувств. Но это, в конечном счете, освобождение и от жизни. Так называемые духовные состояния не только *бесчувственны*, они и *безмысленны* (если не сказать, что они и *безмысленны*).

Но вернемся к вере. Во всяком случае по форме, если отвлечься от содержания, она похожа на любовь как на тот восторг и взлет души, в котором человек ощущает, как словно бы открывается дверь в сверхбытие. Состояние, переживаемое человеком, двойко, он изливает свою любовь на ту, которую любит, помнит о ней, сливается с нею, обращен именно к ней, растворяется в ней – и одновременно он переживает восторг как таковой, который переживается иногда и по другим поводам, например в чувстве прекрасного, в созерцании заката, Северного сияния, глубокого неба, морской дали. Восторг, направленный на предмет любви – и восторг взлета, вдохновения.

По-видимому, вот этот восторг взлета, вдохновения, сам по себе, без предмета любви, сообщающего ему направление, и называется в религиозных объяснениях *любовью к Богу*, потому что Бог не может переживаться как некий предмет, как нечто определенное, обособленное, – а только как всеобщее.

И я заключаю, что квинтэссенция возвышенной любви не меньше того, что для верующих вера и любовь к Богу (когда вера и любовь – суть только разные обозначения экстатического состояния.) Но *вера* как утверждение доверия,

принадлежности, лишенная чувственного – или сверхчувственного – порыва – это всего лишь гражданский брак с Богом, но не любовь).

Итак, источник размышлений и объяснений (в том числе и в новом Завете, в особенности в Посланиях апостолов, и в значительной части богословской литературы) – это особенные состояния сознания (или души), переживаемые сходным образом и в любви, и в вере, и в Пробуждении, и в вдохновении. Следовательно, в Культуре содержится все то же, что и в Мифе, и это объясняет ту ревность, которая сопровождает взаимоотношения Мифа и Культуры, и ту ожесточенную вражду, которая часто при этом вспыхивает от мифа к культуре.

И чем отличается культура от мифа? Художественные и философские произведения создает автор в состоянии вдохновения, а авторы евангельских текстов, как постановлено на Всемирном соборе (не помню, каком), писали свои тексты не в состоянии вдохновения, но под прямым воздействием Духа Святого (о чем в Евангелиях не говорится), то есть тексты их *духовенны*, в них непосредственно изливался Дух святой (если в это верить), что можно утверждать и по поводу многих «страниц великой книги культуры», если и в это поверить.

Я попробую взять на себя роль третейского судьи, и я утверждаю, что существуют одинаково сильные прозрения и в мифе и в культуре, и никто не может доказать, чьи прозрения точно подлинны, при том, что прозрения противной стороны заведомо ложные. Давно ли – и мамы и бабушки современных христианских комсомолок это должны хорошо помнить – истинными были только прозрения комсомолок марксистских, и в этих прозрениях отвергалось рабство у Бога и распевалась радостная песнь: «*мы не рабы, рабы НЕМЫ*», а сегодня радостной является песнь, воспевающая рабство?! Хотя, впрочем, и те и эти были рабами, и бабушки и внучки, и счастлива женщина только в состоянии рабства?!

С теми, рабынями-бабушками, я учился в одном классе и даже сидел за одной партией, мы читали вместе Фейербаха и Вольтера, Ницше и Плеханова, и мы не верили в Бога, но верили в добро и справедливость, в счастье и в любовь. И мы читали стихи и романы, гуляли по городу, смотрели на звезды, и не знали о том, что *любовь омерзительна*, но зато хорошо понимали, что религия – опиум для народа.

С этими, рабынями-внучками, я встречаюсь в аудитории, объясняя им производные, они уже воцерковлены, уже начинают думать, что математика внушена бесами, что стихи Пушкина о любви – мерзость, и любить надо только духовно. Что это значит, они не знают, и не знают также, можно ли рожать детей, но спросят у багюшки, и как багюшка скажет... Вспомнил я то старое счастливое время юности, они тоже не были уверены, что можно рожать детей, пока не построен коммунизм, и собирались спросить об этом на комсомольском собрании, и как *комсорг скажет*.

Ну почему такая страсть к рабству и у тех и у других?

И все же, когда уже перестали расстреливать, и когда даже стало можно, хотя бы тайно, заходить в церковь, это было самое благодатное время.

Неужели, когда властвует дьявол, жить опасно, хотя есть и соль и горчица, а когда властвует Бог, жить тоже опасно, но еще и тошно, и нет ни горчицы ни соли? И только когда они оба в мире, жить сносно?

Тогда мы собирали металлом и сажали цветы на газонах в конце апреля, теперь мы собираем деньги на восстановление храма, и они не замечают, как при жизни одного поколения или вели на костер свободомыслящих, или инаковерующих, или вовсе не верующих ни в то ни в другое? Вот отчего я презираю и их веру и их неверие, я не вижу ни в том ни в другом ничего кроме балагана, мне кажется, что они не читают книг и не ходят на концерты, не слушают пение соловьев и рыдание скрипки, не смотрят на звезды и цветы, голова их опущена долу, то в Библию, то в Капитал, и они слишком усердно молятся и слишком усердно учат наизусть молитвы, или «весь мир насилия мы разрушим», или «кто не с нами, тот против нас»... Не знаю уже, что им возразить, я уже совсем перестал их понимать, успевают ли они осознать хоть что-нибудь между рождением и смертью, способны ли они любить кого-то искренно и страстно, кроме Маркса и Иеговы?

Может быть, эта, которая меня застрелила во имя мирового коммунизма, была не так уж плоха, лучше тех, которые кружились вокруг костра в хороводе, когда меня привязывали к столбу полуголого (по дороге исступленные срывали с меня одежды), шел уже мелкий снег и было страшно холодно, и я надеялся, что по крайней мере успею согреться, прежде чем стану гореть и мне станет слишком больно...

Правда, это не значит, что их «комсорги» лучше их, и что так уж хороши Швинский, Ягба, Торквемада и Кальтенбруннер.

У этих комсомолок есть тайный порок – они не способны хранить верность, словно бы они ученицы апостола Павла, который так же страстно тащил христиан на казни, пока не сменил веру: «А Савл терзал церковь, входя в дома, и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу».

А эти предают тех, кого только что любили, и сильнее всех предают те, которые уходят от любимого к Богу. Эти уже не оставляют надежд. Попробуй отбить их назад у такого соперника! (И иногда я думаю: Неужели он так уж жесток? Неужели они нужны ему все? Однажды за мной увязалась девчушка, воспламененная моими речами, она шла к подружке в летнем платьице, и я ее спросил, не может ли она пойти за мною? Она заплакала и пошла, оставив и подружку и маму с папой, как была, только в летнем платьице. Возможно, она так поступила, потому что еще не утратила романтизм отрочества, она еще была слишком юной. И это был единственный грех, который я мог совершить в своей жизни, но я опомнился, и вернул ее родителям. Если бы я был Богом, я бы сказал тем, которые предают человека во имя Бога: дурочки! Возвращайтесь к тем, кто вас любит. Разве я настолько тщеславен, чтобы постоянно заставлять вас совершить выбор: Бог или Человек? Такой выбор жив. Выбирать надо в мире людей между добром и злом, между верностью и изменой. Заботясь о близких, мы и приближаемся к Богу, других путей нет.»

Бесполезно, они не слышат, да и костер разгорается...

2. Разрыв

Иногда женщина отталкивает мужчину, которого как будто любила, словно бы внезапно и беспричинно, переходя от нежной любви к какой-то яростной ненависти и презрению. В юности я пережил короткий роман с такой девушкой, которая даже предлагала сначала стать моей любовницей, потом вдруг перестала со мной встречаться и не хотела встретиться даже на несколько минут на прощанье (как через 20 лет после этого В.). Все таки я подкараулил ее после лекции, она была смущена: «Ну что ж, можешь ударить меня, назвать меня дрянью!» – сказала она.

– Нет, я ждал тебя не для этого, я хотел в последний раз посмотреть на тебя, насладиться мгновением обожания. Я благодарен тебе за встречу, за наше знакомство, за радость, которую ты мне подарила, я всегда тебя буду помнить, – ответил я ей.

Беспричинный разрыв чаще случается по инициативе женщины, возможно, потому, что она иррациональна и непредсказуема, но в ней совмещены две противоположные личности: любопытная дерзкая Ева, положившая начало человеческой любви и Истории, противоположных тому, что было предназначено людям как листьям на Божественном Древе, и покорная самка, исполняющая волю родителей, выбирающих для нее мужа (как Татьяна Ларина, «отданная другому и обещающая быть ему навеки верной»), поэтому она не в состоянии объяснить, почему она поступила так или иначе, как и героиня романа Ефремовой. В женщине жажда и воля подчинения и нежелание свободы, в ней же и бунт против того любящего человека, который ей эту свободу навязывает, и необъяснимая яростная ненависть к нему. Ева взбунтовалась против Бога, правнучки ее бьют Ему поклоны и умоляют простить, особенно те, кто «смолоду был молод».

Читаю в "Осколках памяти": "Она подняла голову и в упор посмотрела на Ника, как на мусор под ногами, – отвратительный, грязный, липнувший к новым дорогим туфлям мусор." – Что же это такое? И что с этим делать?

Так на меня смотрит моя недавняя ласточка. Невозможно с этим смириться, но сделать с этим ничего нельзя.

3. Помолвка Сёрена Кьеркегора с Региной Ольсен

Она родилась 23 января 1822 г. в Копенгагене и впервые встретилась с Кьеркегором в весенний день, в 1837 г., когда ей было 15 лет.

Регина произвела сильное впечатление на Кьеркегора, и через три года, 8 сентября 1840 г. он открыл ей свои чувства к ней, в то время, когда она играла для него на пианино в доме её семьи. Он так писал об этом в своём дневнике: «О! А мне-то разве музыка, это вы мне нужны, я люблю вас уже два года. Она молчала». После этого Кьеркегор начал умолять её отца дать согласие на их брак. Через несколько дней отец согласился и была назначена их помолвка.

И вдруг, почти через год, 11 августа 1841 г. Кьеркегор расторг помолвку, и отправил Регине прощальное письмо вместе со своим обручальным

кольцом. Регина сразу же направилась к его дому, и когда дома его не оказалось, оставила ему записку, умоляя не оставлять её.

Она была потрясена разрывом и не хотела давать согласия на расторжение помолвки, угрожая убить себя, если он не вернется к ней.

Он писал ей холодные, сухие письма, а Регина умоляла его принять её обратно. Её отец тоже писал ему, что «это будет её смерть; она находится в полном отчаянии». Кьеркегор пришёл к ним и говорил с Региной. На её вопрос, собирается ли он когда-нибудь жениться, Кьеркегор ледяным тоном ответил: «Ну, да, я начал угасать, и мне нужна сильная молодая девушка, чтобы омолодить меня».

Бесполезно читать исследования биографов, мы ничего не узнаем кроме того, что заключено в его сочинениях, и из чего видно, что от женщины он ушел к Богу.

Брошенные мужья и любовники, которыми женщина пренебрегла во имя другого мужчины, не в худшем положении. Что же это за любовь, «возжженная, питаемая Святым Духом *огнь*»? Что же это за *огнь*, которым «погашается огонь любви естественной, плотской, поврежденной грехопадением (Иоанн Лествичник, Лествица)»? Понять его невозможно, пока не опалишься им. Мы, способные *любить женщину*, падшие для них, отпавших от мира. Есть еще те, кто ушел в наркотическое безумие, с ними я лежал рядом, так что справа у меня был апостол Павел, а слева они. Есть еще и те, кто ушел в запой, эти понятны отчасти тому, кто не может освободиться от несчастной любви.

И все же, влюбляясь, мы не уходим от мира, мы поднимаемся на его вершину, и доказательством этого являются либо дети (как сказала Анна, обведя рукою своих детей на вопрос о смысле любви), либо книги, как говорю я, пишущий книгу (поелику женщина меня отвергла). В их мир, где растет дерево, листьями которого они надеются стать, нам не войти, быть может, там их ожидает блаженство за все муки и разочарования нашего мира, за все муки их предательства (разве они наш мир не предали, возненавидя его?), но они обречены на холод вечного одиночества. Они *спасают свою душу* (распиная ее?), ибо именно *спасение души* и провозглашено христианством как смысл "бремени и креста", но они противоположны нам в самом важном, самом возвышенном, самом великом, в самой центральной точке *любви, жертвенности и милосердия*: они начинают с себя и кончают собою, заботясь о своей душе и зарабатывая рай для себя, а наша любовь, даже если она и начинается с обладания и наслаждения, заканчивается заботой и самоотверженностью: у *мужчины женщина*, у *женщины дети*.

Спорить по существу с женщиной, оставившей нас для Бога, и отомстить ей я не могу, сколько бы я ни кипел на нее негодованием, я не могу разлюбить ее до конца, я не могу не жалеть ее. Но я отомщу мужчине, оставившему женщину во имя Бога.

4. *Творческий путь христианского философа*

Философия – общее, абстрактное повествование о мире и культуре (в философии последних двух столетий уже не мир, но человек и культура являются предметом умозрения), лишенное действительности и индивидуальности. Богословие – такое же общее и схоластическое повествование о мифе, Боге и человеке. В мифе человек индивидуален, там Ева и Адам, Христос и ученики Его, общее же повествование о той иллюзорной (относительно мира) действительности, которая присутствует в Священном писании, в еще большей степени лишена действительного содержания, нежели философия.

Бессодержательность схоластического умозрения я пытаюсь преодолеть тем, что я ввожу в свои "схологии" героя, свою собственную личность, и пишу роман о себе и еще о тех, в кого влюбляюсь, так появились в моем романе "она" и "Анна", да еще где-то на горизонте, как всполохи отдаленной грозы, мои полумифические подруги В. и "Манон", да еще как доносящиеся капли дождя и другие из тех, кто пересекался со мною.

Но чем преодолевается бессодержательность богословия? Отчасти тем, что оно пытается подменить себя текстами "Житий", жизнеописаний святых и подвижников (как протопоп Аввакум в Житии); отчасти тем, что пытается подменить себя философией, надеясь на подлинность, как Дионисий Ареопагит, последний из классических античных философов на заре христианского заката культуры; отчасти тем, что пытается подменить себя поэзией, надеясь на впечатление (так надеется и на философию и на поэзию Кьеркегора).

Читая труд современного русского философа И. И. Евлампиева об Истории русской метафизики 19-20 веков, обратил внимание на его замечание о поверхностности Павла Флоренского, о том, что «в основе его творчества не "воля к истине", а "воля к власти", к интеллектуальному господству..., и обуславливается она невероятной личной гордыней, самомнением, убеждением в своей избранности.» По содержанию же его творчество представляется мне вдохновенной речью *обо всем и ни о чем* (в чем и меня самого многие упрекают), что характерно для метафизики богословских рассуждений, в которых метафизики не должно быть.

Я решил избрать *убеждение Кьеркегора в своей избранности* ключом к пониманию его творчества со стороны его личных причин и тенденций.

С этой целью, вдохновляемый при том мезью, собрал я его сочинения и приступаю к чтению.

Принято выделять пять периодов творчества Кьеркегора:

1. 1838–1841. («Из записок ещё живущего», 1838; «О понятии иронии», 1841)

2. 1842–1846. («Поучительные речи», 1842; «Или-или», 1843; «Страх и трепет», 1843; «Повторение», 1843; «Философские крохи», 1844; «Понятие страха», 1844; «Стадии на жизненном пути», 1845; «Заключительное ненаучное послесловие», 1846)

3. 1845–1846. Poleмика с Мёллером и Гольдшмидтом

4. 1847–1850. («Дело любви», 1847; «Христианские речи», 1848; *«Болезнь к смерти»*, 1849; «Введение в христианство», 1850)

5. 1851–1855. – период молчания вплоть до «церковной полемики» 1855 года (публикация статей в журнале «Мгновения» с критикой грубых смысловых подмен в церковной жизни современной ему Дании).

Прежде чем начать чтение, сделаю небольшое замечание.

Как мне уже приходилось говорить, математика не может быть ни социалистической, ни капиталистической; точно так же философия хотя и делится по периодам, по странам, относится к классической, античной, современной, но не может быть ни буддистской, ни христианской, ни даже марксистской. Под именем марксистской известна философия советского периода, но она философией не является. С этой точки зрения можно ли говорить о христианской философии (как и об антихристианской)? И можно ли среди философов выделять философов христианских? И так же «русских религиозных философов»?

Возможно, мы вскоре и увидим, что перед нами известный богослов первой половины девятнадцатого столетия, но отнюдь не философ. Возможно, вы также вскоре увидите, что перед вами неизвестный отвергнутый влюбленный, но отнюдь не писатель и не философ, тем паче не богослов.

5. Философские Чтения. Болезнь к смерти

"Господи! Дай нам ослепнуть для вещей,
которые не научают добродетели, и ясные глаза для
всей Твоей истины."

Сначала еще несколько слов о судьбе Кьеркегора. Это был человек, не слишком обращенный к миру. Учился он в классической гимназии в Копенгагене, там же окончил университет, защитил диссертацию, был пастором, недолго (с октября 1841 по март 1842) посещал в Берлине лекции Фридриха Шеллинга.

Теперь можно начать чтение и исследование... Хотя бы с сочинения 1849 года «Воля к смерти». Философу 36 лет, он в расцвете сил и творчества, до смерти (случайной) еще шесть лет (он родился 5 мая 1813, в Копенгагене, умер там же 11 ноября 1855), тем не менее, что знаменательно, он пишет о смерти.

Исследование же я начну с многозначительного эпитафия Кьеркегора к его книге, по поводу которого можно было бы также написать целую книгу и закончить ее пожеланием не учиться больше никакой добродетели. Ибо философ должен начинать свой путь с поисков Истины, и только богослов и революционер нашли ее прежде всяких поисков, они обрели ее сразу и всю целиком, а затем их жизнь состоит либо в том, что они поучают и воспитывают внешний мир, либо стремятся его разрушить; значительно реже – изменить, и никогда – улучшить.

Что бы вы сказали о ребенке, которому не сообщают ничего о том, что жжется, что замораживает, ничего о злом и жестоком, безобразном, ничего о лжи и предательстве, верности и измене, но одели на его глаза волшебные очки, в которых видимы лишь райские кущи, и не видим весь остальной мир. Но, как известно, и в раю встречаются искушения и искушители, о чем мы знаем по печальной (или счастливой) судьбе нашей наивной прабабушки.

Допуская, что Кьеркегор умел видеть истину, для чего Господь дал ему ясные глаза, я не сомневаюсь, что во всем остальном он был слеп, даже не только для вещей, таящих в себе зло и опасность, но и для вещей нейтральных, всего лишь таких, "которые не научают добродетели".

Вы, мои читатели, догадываетесь, что сам я не был образцом добродетели, я был всего лишь "гениальным преподавателем", как меня аттестовали даже мои собственные учителя, но мамы доверяли мне воспитание собственных малолетних дочек, именно надеясь на мой профессиональный учительский дар. Учить я должен был прежде, а соблазнять потом. Также и работа была для меня первой развлечением, и творчество важнее признания. (И это были мои врожденные добродетели, и их достаточно было для спасенья души, вот почему я безгрешен и вот почему я не христианин).

[Любопытно вспомнить, что одиннадцатилетняя Кристина, *дитя улицы*, в разговоре со мной, не стеснясь народных уличных выражений, красочно рассказывала о девчонках постарше, что они делают и с кем – будучи совершенно целомудренной (как, я неоднократно замечал, крестьянка остается в чистой и нарядной одежде в воскресный день, если ей приходится отвлекаться даже на грязную домашнюю работу) – а закончила свой рассказ восклицанием: "Ну, Иваныч, ты даешь, да ты больший ребенок чем я!"]

Вот почему, не имея волшебных очков, зрячий на все, что есть в мире, способный зло и обман видеть даже отчетливее чем добродетель, я еще надеюсь на отыскание истины, и отрицаю способность к ее поиску в богословии. Разве что-нибудь найдет тот, кто отправился из дому на поиски, убежденный, что все, что ему надо, у него уже есть? И для чего писал Кьеркегор? Чтобы найти и убедиться? Нет, все уже найдено и во всем он уже убежден. Так же убежден был и советский народ в неотвратимости коммунизма – и с чем он сегодня?! Но поделом!!! Самомнение и самодовольство, узость и глупость, предвзятость, нежелание слышать и видеть другого, обольщенность и подобострашие, упоение подчиненностью – это грехи худшие, чем гордость (что даже не грех, а добродетель!), чем честолюбие, тщеславие, стремление к наслаждению, богатству и власти!

Далее можно было бы уже и не читать: чему научит человек, закрывающий глаза и затыкающий уши, выходя на улицу? Только тому, как с наибольшей жестокостью унижить любимую во имя Бога? Только тому, что все понятия о добре, данные человеку с младенчества, ничтожны, что родители, семья, народные традиции (с которыми порывает христианство) ничего не значат, как и человек в сравнении с любовью к Богу?

6. Сон без пробуждения

12 ноября. Нет, надо изменить жизнь. Лег в полночь и сразу же начал плакать, сначала думал о том, что все неизменно, что я ее больше никогда не увижу, потом пытался примириться с неотвратимостью крушения надежд и иллюзий, пытался убедить себя в том, что надо стремиться помнить о ней только хорошее, потом, что ни к чему не стремиться, пусть все истлеет... Неужели и Творец так же страдал, когда Ева от него убежала к другому? И до сих пор не может ее простить?

Моя Ева от меня убежала стремительно и бесповоротно. Это произошло или за три дня, или даже за день, только что писала, что любит, и вдруг – что мы не должны встречаться, что это грех, а на следующий день, что моя любовь омерзительна. А мы и не виделись три недели и даже ни о чем не поговорили, кажется, были только короткие записки по почте и смс-ки.

К кому же она от меня убежала так стремительно, что не хотела ни встретиться на прощание, ни поговорить?

К мужу, священнику, Богу?!

К мужу, любовнику, Богу?!

Плакал и думал, что надо попытаться увидеться хотя бы перед Новым Годом, когда допишу вот эту книгу, чтобы ей передать. Хотя бы увидеться, если она откажется разговаривать...

Или продолжать забывать?

7. Болезнь, Любовь и Забота

Разумеется, что бы ни происходило с нами, все это в нас и с нами, или через нас. И все же в последнее время я все сильнее чувствую пропасть между своим умонастроением, своим восприятием мира и человека и отношением к нему – и христианством. И хотя меня назвала Натали «самовлюбленным эгоцентристом», но ничто и никто так не сосредоточено на себе, на своей душе, как христианство. И "царство Божие внутри нас есть", и "познай самого себя" (хотя Сократ и не христианин, но не случайно его сказитель Платон среди христианских любимцев, эгоизм роднит и тех и других), и "жизнь с Господом" (но не с семьей и обществом), и отвращение к миру (а чтобы вместо себя заботиться о мире, нужно *любить не себя а мир* – и хотя пропитаны все их проповеди тоже отвращением и к себе, но как лживо это отвращение!)

Я болен – и пытаюсь себе помочь, голоден – вкушаю, жажду – припадаю к источнику утоления, скучаю о музыке – иду ее слушать... И хотя это тоже все я, но это мое личное я не является центром моих устремлений, моей заботы, моей любви. Я люблю другую, а не себя! И я не стремлюсь ею обладать, я хочу лишь излить на нее нежность и заботу. Я словно мать, радующаяся только тем, что может любить другое существо и изливать на нее свою любовь. Лишить мать радости материнства – это грех неизмеримо больший греха первородного, а проповедь безбрачия состоит только в этом – Бог требует, чтобы любил человек только его!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ТВОРЧЕСТВО КЪРКЕГОРА. БОЛЕЗНЬ К СМЕРТИ*1. Болезнь к смерти. Предисловие*

В предыдущей главе мы остановились на эпитафии и отметили принципиальное отличие христианского подхода к исследованию от философского, научного и художественного. Какова цель науки, философии, литературы и искусства? Какова цель жизни? Очевидно, между этими целями и целью христианства пропасть, это смутно ощущает даже самый невежественный человек, это отчетливо выражается в творчестве и в жизни Кьеркегора. Мы уже увидели, что протестантский богослов и священник не сомневается в том, что во имя Бога можно сделать несчастной любимую девушку (которую, как кажется, он искренне любил), мы позже увидим и сходство его умонастроения с умонастроением Инквизиции и Великого инквизитора Торквемады (как совпадает оно и с умонастроением большевизма и нацизма, также оставивших после себя гекатомбы трупов.) Точно также, когда наступит Апокалипсис, последний день Помпеи окажется детской грезой.

Разницу мы еще отчетливее почувствуем по мере исследования книг знаменитого богослова.

Уже во Введении он снова ее подчеркивает:

«Христианские правила, по сути, требуют, чтобы *абсолютно всё служило наставлению*. Спекулятивное рассуждение, которое не приводит к наставлению, тотчас же становится нехристианским. Христианское изложение всегда должно напоминать советы врача у постели больного...»

Так как я работал учителем математики в школе, а потом и преподавателем в вузе, в советское время, психологически очень похожее на эпоху христианского властвования, то мне приходилось спорить с начальством по этому поводу, причем я даже уклонялся чрезмерно в сторону от необходимости воспитательного влияния на учащегося. Я говорил так: Образованный и культурный человек обладает всеми теми качествами, которые предполагает воспитатель. Я совершенствую в личности математическое, способность рассуждения и понимания и оценки, отличия верного от неверного, то есть истины от лжи, преподаватель истории и словесности еще усиливает эти способности, сама школа и ее дух, приобщая учащегося к культуре, заряжая его личным обаянием и достоинством преподавательского сообщества, довершает дело созидания, а большая часть чисто воспитательных функций принадлежит семье, театру, литературе, искусству (в частности, что касается эстетического воспитания, которым церковь пренебрегает, а без которого личность ущербна, то оно принадлежит культуре улицы и природы, то есть архитектуре, садово-парковому искусству, природе полей и лесов, рек и озер. Как воспитывают сегодня человека свалки вокруг деревень и городов, затопленные водохранилищами древние города, порубленные рощи и грязные до невозможности реки?)

Вот о чем надо заботиться *достойному человеку*, а не о жизни с Господом! Что мы оставим нашим детям? Какую природу, какие здания в городах, памятники архитектуры, сохраним ли парки и сады? Если целью человека является жизнь ТАМ, и к подлинной жизни он относится только как ко времени ожидания поезда на вокзале, поезда, который унесет его в райские кущи, то ничего кроме *мерзости запустения*, реченной не только пророком Даниилом, но и каждым культурным человеком, не останется в нашем мире! А если Бог важнее для матери, чем ее ребенок, то эта мать не воспитает дитя, да и опасно позволить ей его рожать. Я не призываю отвернуться от Бога, только схоластической античеловеческой религиозности, по которой все содержится в Боге, и ничто в человеке, по которой даже более того, человек – это мерзость и зло, и его чувства и его душа омерзительны, и тем более омерзительна его любовь к женщине, то будет лишь то что есть: ненависть друг к другу, к культуре, к природе, к жизни – во имя загробной жизни, во имя смерти и гроба.

Бог не предмет и не личность, Он вне времени и пространства, хотя и содержит их в себе, но не существует вне человека и вне его веры, следовательно, оскорбляя и унижая человека, мы восславляем такого же оскорбленного Бога вместе с царствием Его, которое *внутри нас есть*. И как такой Бог оценивает нас, учитывает ли он достоинство жизни или только веру?

Но как странно многое в нашем времени! – и вот я, критически мыслящий человек, скорее христианин даже с точки зрения Кьеркегора, потому что, защищая человека и его достоинство, я защищаю и достоинство его веры перед темным религиозным обскурантизмом. Так согласятся со мною и протестанты, что Лютер, обвиняя католицизм в предательстве священных традиций веры и приведя в конце концов к Реформации и церковному расколу, больше римских пап послужил очищению церкви от гниения и спас Германию. Так Пражская весна 68-го года могла привести к «социализму с человеческим лицом», как его называли пражские реформаторы и, быть может, спасти социалистическую идею от гибели, если бы тупой казарменный советский социализм не разгромил саму даже мысль о человечности социализма, защищая догму незыблемой пролетарской диктатуры. Но, впрочем, не придерживается ли и сам Кьеркегор «буквы против духа»? «Христианское изложение всегда должно напоминать советы врача у постели больного» – что же скажет читатель, – чье изложение больше похоже на "советы врача"?

«Внутреннее *родство всякой христианской мысли с жизнью* (в отличие от дистанции, которую всегда сохраняет спекуляция), ... как раз предполагают такое наставление.»

Сравнивая *христианскую мысль* с наукой, литературой, трудом (который без сомнения связан с наукой, но не связан с *христианской мыслью*, хотя бы потому, что труд не упоминается в Священном писании и в проповедях Христа, если только не считать таким упоминанием совет *не заботиться о*

завтрашнем дне, мы, если будем смотреть не предвзято, увидим, что с жизнью связано все что угодно, но только НЕ христианство (которое, быть может, связано с вечной жизнью, а не с нашей обычной, временной). С жизнью связана медицина, футбол, газета и поезд, чиновники и больница, дороги, налоги, тюрьма и война, армия и детские игры (а в христианских странах до реформации не было ни детских игрушек ни игр, и какое унылое детство было в Англии в традиционной христианской семье, можно прочитать у Диккенса) – с жизнью без сомнения связана любовь между мужчиной и женщиной, любовь, которую воспевают Шекспир и Диккенс, Достоевский и Тургенев и вся художественная литература – но как с этой любовью связано христианство? Только через призывы ее распять вместе с гнездилищем всех пороков – душой?! Ибо:

«ЛЮБОВЬ ДУШЕВНАЯ проистекает из человеческой души, а не из духа. Направлена на удовлетворение «я», эгоистична. Ставит объект любви выше Бога (супруга, ребенка, самого себя, работу и пр.). Противится Божьему Духу, Божьей любви. Не хочет умирать, боится проходить через крест. Несет в себе смерть, потому что происходит из падшей природы человека. ... приговор душевной любви только один – смерть!»

Приведа эти обширные цитаты, я не ставил целью оспаривать христианского богослова (или философа?), пытаться доказать его неправоту. Надо ли любить женщину, лучше ли любовь чем равнодушие? Можно ли жить без романов Толстого и без музыки Моцарта и Бетховена? По крайней мере девять десятых европейского человечества (а тех стран, которые живут в рамках других традиций, я касаться не буду) живут и без музыки и без романов, да половина народу и в России не ходят в церковь, а в филармонию ходят один из тысячи... Можно жить даже на деревьях, и наши предки неплохо на них живут (если верить Дарвину, что мы произошли от обезьяны – а многие из тех, кто ходит в церковь, верят одновременно и в то, что человек создан Богом, и в то, что он произошел в результате эволюции, по крайней мере так считал гениальный христианский философ Владимир Соловьев) – я не пытаюсь доказать неправоту богослова, тем более, что спор Культуры с Мифом бесперспективен, Миф многое заимствовал из культуры, и наоборот... Я хочу и себе и читателю уяснить точку зрения Кьеркегора, его способ мыслить и жить, его способ писать свои тексты так, чтобы "абсолютно всё служило наставлению." И у него это неплохо получается, для тех, кто способен его понимать, а способны его понимать те, кто мыслит так же, как он, и смотрит на мир так же.

Какая *христианская мысль* связана с жизнью Кьеркегора, очевидно: «Лучше человеку не прикасаться к женщине!» Правда, Священное писание не наставляло придти к недавней любимой и влечь ей пощечину (а как иначе назвать нелепый беспричинный разрыв помолвки?)

Но сам разрыв согласен и с духом и буквой учения.

Однако, КАК же наставляет Кьеркегор в христианстве своего читателя?

Сравнивая философское умозрение с христианским, Кьеркегор пишет: «радикальный разрыв, различие природы, отделяет [христианское] изложение ... от спекуляции, которая считает себя "беспристрастной" и чей провозглашаемый высокий героизм вовсе не является таковым, но представляется христианину неким бесчеловечным любопытством.»

«Спекуляция», то есть философское рассуждение, бывает всякой, в зависимости от философской школы, как правило, она стремится к беспристрастности, но, скажем, марксистское умозрение беспристрастностью никогда не отличалось, и марксисты сами это признавали. Если «христианские правила, по сути, требуют, чтобы абсолютно все служило [христианскому] наставлению», то о какой беспристрастности такой проповеди можно говорить? Почему же Кьеркегор противопоставляет свою проповедь философии, явно безосновательно унижая философию, «*чей провозглашаемый высокий героизм вовсе не является таковым?*»

Какая философия провозглашала свой *высокий героизм*? И если провозглашала, то почему он не таков в самом деле? И какому христианину представляется [философия] неким бесчеловечным любопытством?

Нет, если оратор (или писатель) в одной фразе соединяет несколько неочевидных утверждений, принижающих сторону, с которой он спорит, и эти неочевидные утверждения никак НЕ доказывает, то вывод один: спорить с ним бессмысленно. Его можно только формально анализировать, скажем, на предмет пылкости или сухости изложения (у Кьеркегора оно пылкое, как и у меня самого), не останавливаясь на его важнейшем приеме – нагромождать все что угодно, так чтобы это нагромождение убеждало сочувствующего и подавляло несогласного.

Потому не будем спорить. Так же было бессмысленно спорить с «пролетарским философом», который всех несогласных философов объявлял попами и всячески оскорблял.

По поводу того, что "спекулятивное рассуждение, которое не приводит к наставлению, тотчас же становится нехристианским" (что я понимаю как пожелание быть наставительным), то уместно привести по этому поводу стихи Пушкина. Спорили в его время (а он был почти современником Кьеркегора) о том, чтобы искусство приносило пользу (как спорили во времена Оскара Уайльда, который высказался кратко: Всякое искусство совершенно бесполезно!)

Пожелание христианства быть наставительным и представление о своей неразрывной связи с жизнью приводят мне на ум следующие слова Пушкина: «*Ему бы пользы всё! На вес Кумир он ценит Бельведерский!*» Христианство только серьезно, оно не может быть легкомысленным (откуда я заключаю, что истинный широкий художник не может быть христианином, как и Пушкин), оно печется только о пользе – правда, не о дешевой, а о потусторонней.

«Всякое христианское познание... является беспокойством ... но даже само это беспокойство наставляет. ...для христианина оно крайне серьезно; тогда как *высота беспристрастных наук*, вовсе не являясь еще более серьезной, для него выступает всего лишь как фарс тщеславия.

Кстати сказать, многие ученые были одновременно христианами, о чем я сам в пылу полемики иногда забываю. Христианами были Галилей, *Джордано*, Коперник, Паскаль, *Гарвей*, Ухтомский, Ньютон и Лейбниц... И не всех ученых *сожгли*. Но действительно ли «для христианина *высота безпристрастных наук... выступает всего лишь как фарс*»?

Можно привести *фигуры речи* пылкого богослова до бесконечности, запинаясь почти у каждого слова с вопросом – на чем это основано, из чего вытекает, чем подтверждено?

«Осмелиться по сути быть самим собой, осмелиться реализовать индивида – не того или другого, но именно этого, *одинокого перед Богом, одинокого в огромности своего усилия и своей ответственности*, – вот в чем состоит христианский героизм!..»

Итак: 1. *осмелиться быть самим собой – героизм.*

Долго я сидел в раздумье, не зная, что сказать. Кто такой Я, которым я не являюсь, и которым мне даже страшно стать, до такой степени, что если осмелюсь им стать, то это будет беспримерным героизмом?

Этот мой подлинный Я, которым мне страшно стать, хотя при этом я стану самим собой, он лучше или хуже того, каков я в силу своей несмелости? Которым я являюсь притворно, случайно... Меня будут бить и гнать, когда я им стану или, напротив, прославят? Как прославили Кьеркегора, когда он осмелился опозорить свою невесту?

2. Почему же этот индивид одинок перед Богом?

Когда меня посадили в сумасшедший дом за то, что я осмеливался отчасти быть самим собой (но мне легко и просто объяснить, почему *быть самим собой* требовало смелости – потому что условия общественной жизни требовали притворства), я отчасти был одинок, потому что кроме семи или восьми диссидентов, вышедших на Красную Площадь с протестом против оккупации Чехословакии, весь остальной советский народ был весь как один – должны ли были посадить Кьеркегора за то, что он собирался стать собой?

3. «одинокого в огромности своего усилия и своей ответственности» – *стать собой* – неужели больше никто в целой благополучной Дании на это не решался (кроме, быть может, Гамлета, что было давно)?

Кстати, именно Гамлет сказал по поводу Кьеркегора: «все это, знаете ль, *слова, слова, слова...*»

2. *Болезнь к смерти. Предисловие*

Читая это сочинение Кьеркегора, я ничего сначала не понял, ни почти единого слова. Я вернулся к началу, читал комментарии философов, возможно, что-нибудь я стал понимать. Правда, я не понимаю не только его, я не понимаю почти ни одного философа, поэтому думаю, не оставить ли мне это занятие? Но нас всех часто влечет к непонятному.

Нет ничего более непонятного, чем женщина, однако нас всех она привлекает, возможно, кроме апостолов. Даже Иероним Блаженный, как бы он ни был блажен, к женщинам привлекался, и каких мук ему стоило устоять перед ними и от них отвлекаться!

Вот и меня кроме женщин влечет философия, хотя ни в женщинах я ничего понять не могу, ни в философии. Возможно, дело здесь в языке. Философский язык еще более изощрен и запутан, чем язык математики (который, как ни странно, мне временами понятен), а Хайдеггер настаивал, что его надо сделать еще более непонятным, чтобы отвести от философии профанов, и чтобы философы разговаривали только в своем кругу.

Усугубляет непонятность языка Диалектика, с помощью которой То, о чем говоришь, одновременно Иное, а Иное, в свою очередь, То, и измена становится дорогой к любви, а любовь всего лишь незавершенной изменой.

В конце концов мне стало смутно понятно, что речь в сочинении идет об *отчаянии*, а вернувшись к предисловию, я прочитал, что *«такое отчаяние, каким оно представлено на всех последующих страницах; как указывает заглавие, это болезнь, а не лекарство.»* И, значит, возможно, именно это отчаяние ведет к смерти, если верить названию книги, ибо смерть, если она не внезапна и не беспричинна, имеет начало в болезни, а отчаяние, о котором пишет философ, болезнь.

Но не спешите думать, что теперь все понятно.

3. Болезнь НЕ к смерти. Другое отношение к жизни и смерти

«Лазарь умер, но тем не менее это не была смертельная болезнь; он действительно умер, но, однако же, не был болен к смерти.»

Ибо «какой толк [был бы] для Лазаря быть воскрешенным, если [бы] он должен [был] в конце концов умереть! Какой толк, без существования Того, кто есть Воскресение и Жизнь, для всякого человека, который в Него верует! Нет, вовсе не благодаря воскрешению Лазаря эта болезнь – не болезнь к смерти, но лишь постольку, поскольку Он есть, через Него. ... для христианина смерть – вовсе не конец всего, и не простой эпизод в *единственной реальности, каковой является вечная жизнь*; и она вмещает бесконечно больше надежды, чем несет нам жизнь, даже наполненная здоровьем и силой. Таким образом, для христианина даже смерть не выступает "смертельной болезнью", а уж тем более не выступает таким все, что вытекает из временных страданий: боль, болезнь, нищета, горе, враждебность, недуги телесные или душевные, огорчения и траур. И из всего удела, выпадающего человеку, каким бы суровым он ни был, ...для христианина ничто не выступает смертельной болезнью.»

Пока понятно и это. Для кого жизнь – единственная реальность, для того смерть – ее завершение. Для кого подлинной реальностью является воскресение и «жизнь после смерти», для того смерть – только начало.

«Христианин ...черпает из христианства храбрость, ...получаемую вместе со страхом от крайней степени ужасного»; этот «страх перед единственной опасностью делает все прочие несуществующими».

«ужасный урок христианина – это то, что он научается распознавать "смертельную болезнь"»

«... ОТЧАЯНИЕ – ЭТО СМЕРТЕЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ».

4. Конечное перед лицом бесконечности, временное перед вечным

Возможно, что смерть – это лишь граница, разделяющая два мира, то есть нашу жизнь и историю, отчасти известное нам бытие, а с другой стороны – *инобытие* или *сверхбытие*, о котором даже апостол Павел сказал: «Знаю человека во Христе, который ...был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать.» Мы не знаем о том, что за границей нашей жизни, почти ничего, и попытки рассуждений, опирающиеся на смутные предположения, вводят других, более честных, в заблуждение.

Что же тогда меняет в нашей здешней жизни предположение или даже смутная надежда или даже сильная вера в существование того другого мира? Может ли кардинально эта вера менять нас, менять нашу логику, этику, эстетику, оценки должного и недолжного, представление о добре и зле?

Я верю в справедливость слов Гермеса Трисмегиста: «Что посеешь на земле, то пожнешь на небе». Эта вера оправдывает мою здешнюю жизнь и не отменяет надежду на жизнь за ее границей. Но она не отменяет и не извращает то понимание и чувство красоты и добра, истины и лжи, которые мы получаем здесь в виде родовой памяти, связывающей нас с нашими предками. И самое главное, не отменяется родовая любовь во всех ее формах, та любовь, которая соединяет мужчину и женщину, и та, что соединяет мать и дитя, и любых двух человек через сострадание и заботу. Но в любви, связывающей мать и дитя, содержатся все оттенки чувств родства, созидающие в конечном счете и народ. В любви, соединяющей мужчину и женщину, содержится жажда наслаждения и обладания, как низшая, «плотская» форма этой любви (но не обязательно низкая и порочная), чувство красоты и восхищения, поклонения и умиления, чувство сострадания и заботы, и нечто непостижимое, трансцендентное, та форма этой любви, через которую мы приоткрываем дверь или окно в инобытие.

Наша жизнь в той форме, которая нам чувственно открыта, – конечна, но это не основание для умаления жизни, только этот мир и жизнь в нем, любовь, сострадание и забота – путь к совершенству и спасению души.

Конечно все, что в этой жизни, конечна даже молитва в храме, но может ли верующий презирать свою молитву из-за ее конечности? Конечны все чувства (вместе с жизнью) и сама любовь, конечна даже вера, которую испытывает человек в этой жизни (а он испытывает ее в той форме, которая для него доступна), но то, что, быть может, наступит после, многое изменит, ибо, как сказал апостол Павел, теперь «мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится.»

«Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.»

И когда мы приходим на музыкальный концерт (а иногда он происходит и в храме), то ведем себя так, как вели бы себя и в вечности, и когда мы любим, то не говорим, что не надо к любви относиться серьезно, потому что, возможно, завтра полюбим другую – нет, все, что мы делаем, мы должны делать наилучшим образом, глубоко и достойно, так чтобы в каждой вещи и в каждом состоянии логическое, эстетическое и нравственное соединились в нерасторжимое единство. Туда мы принесем все то, что делаем здесь, и сколь бы истинные книги ни написал Кьеркегор, он принесет с собою не только книги, но и то, как он дружил, как любил, сколько радости доставил другим и сколько слез.

Там встретит его Регина, и будет ли он принят туда, как он надеется, зависит от того, простит ли она его, а вовсе не а связи с книгами.

5. Несчастливая любовь

Во всяком горе, во всяком и телесном и душевном сокрушении мы испытываемся, и либо падаем духом настолько, что черствеем, переполняемся ненавистью и чрезмерной обидой (а и ненависть, и обида естественны, мы и не должны быть ангелами, а то уже и забрали бы нас живыми на небо), так и я, как маятник, перехожу от чрезмерной обиды к примирению и прощению.

Плакал прошедшей ночью, вот уже три с половиною месяца прошло, как она меня бросила, а я не могу успокоиться и ее забыть.

И все же, я пытаюсь достигнуть состояния, в котором я буду способен ее если не любить, то жалеть... да я и так ее и люблю и жалею, но теперь горечь, обида, раздражение отравляют мою привязанность к ней, а надо, чтобы я относился к ней так же, как когда-то, до того как влюбился, но уже жалел и стремился о ней заботиться. Быть может, я напрасно влюбился... Или смогу когда-то утешиться, и тогда скажу, что и полюбил не напрасно, пусть и мучительно?

Нужно простить ей ее саму. Она ведь не только часть меня, как мне показалось (а, возможно, так отчасти и было), но и сама по себе. Принимая ее такой, как мы принимаем друга, мы не должны требовать принадлежности, но можно ли любить и ничего не требовать? Пока мне это не удается...

И все же я хочу примириться с нею, не сердиться больше, оставить ее в памяти как имеющую право на все, даже на то, чтобы меня бросить, даже на то, чтобы «выбросить меня как окурок» – и в этом виноват только я!

Да, скоро я уже не буду страдать, по крайней мере, когда закончу эту книгу. И ее я ей посвящаю. И хорошо, что я в нее влюбился!

Если бы не было зимы, не радовались бы мы весне. Разве я не был счастлив, когда мы встречались у метро и бежали друг другу навстречу?

Пусть она даже меня забыла – она имеет право радоваться другому, и меня не помнить...

Кажется, я начинаю выздоравливать – не от любви, а от того, что любил ее лишь в присвоении, а надо любить и ее отдельно от меня.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
БОЛЕЗНЬ К СМЕРТИ. ОТЧАЯНЬЕ

1. Любовь

Не сразу вернусь к Кьеркегору, погружаясь в себя...

Я не умею жить без наших встреч,
 Без писем, разговоров, сострадания.
 Я так хотел любить тебя, беречь,
 И вот ни слез, ни смеха, ни свиданья,
 Ни снов таинственных, ни долга, ни мечты.
 Унылый день, безгрешный, пресный, хмурый...
 Мне нужен мир, в котором только ты, –
 Рыданием, тоской, колоратурой!
 Зачем мне сны, в которых нет тебя?
 Любой строкой хочу тебя касаться!
 Но замыслы, как ноги жеребят,
 Умеют лишь бежать и спотыкаться...

2. Отмщение

Мне отмщение и Азъ воздам!

В тюрьму сажают всех, и христиан и нехристиан, и государство не отдает только Богу *дело воздаяния*, но в этой жизни присваивает его себе; и *отдельные* не всегда ждут от государства последней справедливости, и воздают как могут и сколько могут. Потом, на небе, Господь либо довершает, либо отменяет земные приговоры. Даже стихи, даже исторические исследования, даже художественные произведения часто несут функции суда и возмездия, как, например, Лермонтовские строки: *А вы, презренные потомки Известной подлостью прославленных родов!*.

Поэтому и я не буду ждать, пока мое дело сделают за меня другие. Я не боюсь ни суда ни осуждения, я не прячусь за трусливую формулу лиса, у которого рыльце в пушку «Не судите и не судимы будете!», я спешу судить, рассудить и воззвать к справедливости и воздаянию, пусть даже меня самого осудят несправедливо, как это уже не раз бывало. Если на небе судят хоть чуть-чуть человечнее, чем на земле, то все будет хорошо, грехов у меня нет, мой Бог (который и Бог философов и поэтов) меня ни за что не накажет, сколько бы я с ним ни ругался, и сколько бы я ни бегал за вертихвостками и сколько бы я из-за них ни плакал. Они меня истерзали, втерли меня в грязь под ногами, унизили перед своими любовниками, то обвиняя в том, что я идеалист и неспособен быть сильным и страстным, то одновременно негодую на мои низкие чувства.

Всё лучше меня. Но проходит время, и оказывается, что лучше меня нет никого – когда эти признания меня уже не утешают.

Так «любить ли?» Нет, не в том дело, что *не стоит труда любить на время*. Но способна ли женщина даже на временную любовь?

Не изменит ли она по дороге, идя к тебе на свидание? Спрашивать надо не у нее, спрашивать надо у великих писателей, и Бальзак в новелле «Двадцать четыре часа из жизни женщины» доказал, что изменит, притом всякая, даже самая благонамеренная, юноша Вейнингер в своей предсмертной книге «Пол и характер» тоже почти доказал, что всякая женщина (чему я отказываюсь поверить) порочна и даже хуже, и даже Пушкин, совсем не ругая женщину, подчеркнул, что любит она нелепо, то есть любить по существу неспособна, и чем меньше мы ее любим, тем легче ей нравимся – а тогда стоит ли любить? Зачем? И кого?

Итак, попробую пока себя на другом поприще.

Как бы то ни было, даже несмотря на безжалостную любовь ко мне женщин, которая меня скоро уже совсем доконает, я их тоже люблю, притом не безжалостно, а сочувствуя, и за одну решил вступить и отомстить ее обидчику, пытаясь доказать, что философ он посредственный, а какой богослов, мне даже и неинтересно.

Надеюсь, что после этого отношение к нему *там* пересмотрят и его отгадут Регине на "поруки", с тем чтобы она сама отвела его туда, куда ему следует, во всяком случае не на Олимп к богам, небожителям и великим писателям и философам, куда, быть может, он по ошибке попал.

Именно с этой целью – помочь Регине восстановить справедливость по отношению к ней, я и предпринимаю исследование его сочинений (ибо спросил её кто-то из биографов прославившегося богослова, понимает ли она, что он привел ее в Историю? Но спрашивали ее не корректно – она и сама была достойна истории, тогда как он туда попал по ошибке!)

3. Расстояние от естественного человека до христианина

Основная тема исследуемого сочинения – *отчаянье*. Но очевидно, что фундаментальные чувства переживаются по разному в разном возрасте, по разному у мужчин и женщин, и тем более "не так как у людей" переживаются чувства христианами. Меня самого волнует сегодня и то, что означает быть христианином, и в чем сущность христианства, и, независимо от этого, что составляет чувство отчаяния, – каковы его виды, как с ним справиться, так как я погрузился в отчаянье из-за несчастной любви.

Но оказывается, что *отчаянье* имеет принципиально различную природу у *христианина* и у всякого другого, не христианина, или, как называет его Кьеркегор, *естественного* человека. И прежде чем разговаривать об отчаянии, надо выяснить, в чем разница этих двух типов людей, потому что они по разному переживают все человеческие чувства, не только отчаянье, но и любовь, и, быть может, более по разному, чем, например, человек и сова. Поэтому именно с различия этих двух почти пропастью разделенных типов людей и начинает Кьеркегор разговор об отчаянии.

И он утверждает, что расстояние от естественного человека до христианина подобно расстоянию, разделяющему ребенка и взрослого.

Аналогично этому «язычник в своем отношении к божественному, – не только не знает истинного Бога, но и поклоняется идолу как Богу.» (И, вероятно, к таким язычникам Кьеркегор относит и приверженцев других

религий, например, иудеев и мусульман, и таким образом то, что еще нуждается в обосновании, философ просто утверждает как очевидное, следовательно, его метод чисто аксиоматический, он начинает с аксиомы, и опираясь на нее, ее доказывает).

Итак, естественный человек – ребенок, христианин – взрослый; язычник (как естественный человек и потому ребенок) не знает истинного Бога, христианин поклоняется истинному Богу. Но знает ли истинного Бога иудей? Ибо тождество и противостояние не между язычником и христианином, но между язычником и иудеем, и преодолению противостояния посвящены Послания апостола Павла, о которых уже все было сказано в «Записках на пальме». Расстояние же от язычника до христианина апостол преодолевает только одной фразой: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан».

4. Отчаянье

«Существуют два вида настоящего отчаяния... нежелание быть самим собой ... и стремление быть самим собой.»

«Превосходство человека над животным состоит в том, что мы подвержены отчаянию; превосходство христианина над естественным человеком – в том, что он это сознает, а блаженство христианина – в возможности исцеления от отчаяния.»

«Во всякое мгновение, когда человек отчаивается, он подкрепляет отчаяние; и всякий раз настоящее исчезает в реальном прошлом, во всякое реальное мгновение отчаяния отчаявшийся несет в себе все возможное прошлое в качестве настоящего. Это происходит так, потому что отчаяние – категория духа, и она применима к человеку в его вечности. Однако от этой вечности мы не можем избавиться вечно; мы не можем отбросить ее одним махом; во всякое мгновение, когда мы лишены ее, то есть когда мы ее отбросили или отбрасываем, она возвращается, иначе говоря, во всякое мгновение, когда мы отчаиваемся, мы заново заражаемся отчаянием. Ибо отчаяние – это не последовательность несоответствий, но отношение, которое ориентировано на самое себя. И от этого отношения к самому себе человек может освободиться не более, чем от собственного Я, и это в конечном счете именно одно и то же, ибо само это Я есть возвращение отношения к себе самому.»

Итак, *и не желая быть самим собой ... и стремясь быть самим собой, человек впадает в отчаянье*. Возможно, это справедливо – настолько, что Ибсен через пятьдесят лет пишет на эту тему драму «Пер Гюнт», и коллизия ее в том, что желая *стать собой*, он *становится собой доволен*.

Но существует ли стремление быть самим собой?

Предположим, я заявляю, что хочу быть французом. Очевидно, что я не француз, и это мое пожелание можно попытаться понять, например, я изучаю

французский язык и начинаю разговаривать по французски, читаю французские романы, переезжаю во Францию, получаю гражданство и женюсь на француженке...

Ну а если я, русский, заявлю, что хочу стать русским?

Можно ли это понять? Возможно, я считаю, что я ненастоящий русский, а хочу стать настоящим – но я должен создать в воображении некий образ, отличающийся от того, каков я теперь, и попытаться меняться в направлении этого образа, и гарантировать, что не будучи русским (почему-то, родившись от русских родителей, и живя в России, я – не русский...), я имею правильное представление о том, что значит быть русским... Скорее всего, дело предстоит таким образом, что я недостаточный русский и буду себя менять в направлении достаточности – но не значит ли это, что все же и в начале и в конце эпопеи изменения я все же русский, но как человек вначале не слишком хороший, а потом становилось лучше...

Можно ли также мыслить об изменении от «меня НЕ меня» в направлении «меня как меня», от НЕСЕБЯ в направлении «ставшего собой»?

Если я от плохого человека меняюсь к хорошему, то это можно понять, но в обоих случаях я остаюсь собой, даже когда я сплю, и те, кто меня знает, безошибочно разбудят при нужде именно меня.

Человек всю жизнь меняется в ту или иную сторону, то становясь хуже, то лучше, но всегда он тождествен себе, всегда он для себя самого только Я, и только для нас ОН. Он не может быть более Я и менее Я.

Он может желать и меняться стать лучше и назвать этот воображаемый образ более подлинным Я, но и тот, которого он отрицает, именно ОН, и никто другой.

Таким образом, не может существовать ни желания стать собой, ни нежелания стать собой (хотя в студенческие годы мы много фантазировали на эту надуманную тему), а, следовательно, не может существовать и отчаянья ни от желания ни от нежелания.

(Для сомневающихся. Тожество $A = A$ является символом неизменности, однако все в мире меняется, и изменение и движение это всегда изменение от A к B . Изменение от A к A невозможно. Однако Я меняется, хотя в каждое мгновение мы удостоверяемся и удостоверяем, что $Я = Я$? Так не значит ли это, что мы можем от A двигаться к A ? Казалось бы, нет, однако ведь Я меняется, то есть движется, хотя и остается собою?)

Решение здесь, если иметь в виду только мое желание отомстить Кьеркегору, состоит в том, что пока я должен осмотреться на подступах к твердыне, которую представляет его метафизика. Повествует он для христиан и о христианах, но христианами он называет только тех, кто перешел через Стикс, и изменился настолько, что это уже не тот, которые мы, остающиеся по сю сторону Стикса. И повествует он иррационально, и методом его философствования является диалектика.

Новый Завет изложен для нас, находящихся по эту сторону, то есть рационально, и диалектика в нем отсутствует, кроме нескольких только мест, стоящих на грани – и только за них и зацепляется Кьеркегор, как, например,

за слова Христа «Возьмите крест и идите за мною!» и других: «Бремя мое легко!».

Об отчаянии же Новый Завет не повествует.

И вот, я осматриваюсь. Философ-богослов пишет о «христианах» для «христиан», то есть, быть может, не для младенцев и не для язычников, кои мы, а для тех, кои *стали собою* (то есть, остались и собой, разумеется, и перешли через Стикс, то есть стали *другими* (и, следовательно, существует все же разрыв между нашим Я и *другим*, но становится ли в этом *другом* человек собою, или, напротив, уходит – и от нас и от себя?)) Становясь *другим*, человек словно только становится наконец христианином – а кто же тогда мы? И не только я, отпавший от христианства, но и вы, к нему еще не припадавшие даже ни разу, даже еще никогда, даже еще и на миллиметр, даже и вместе с вашими Иеронимом, Савонаролой, Торквемадой и преподобным Игнатием, ибо мы всё еще по эту сторону Стикса, а если потом когда-нибудь через него перейдем, то скорее всего расстанемся: я пойду искать тот дуб, под которым спит Михаил Юрьевич, а вы отправитесь в ад. Почему я так думаю? Потому что вы слишком боитесь жить, и ваше желание спрашивать у *батюшки*, не боявшегося прикасаться к женщине и нарожавшего десять детей, кого любить и с кем спать, намекает на то, что ваши грехи уже неподъемны... или это вы себя запугали сами? А потому освободитесь от страха, читайте сочинения мои, самодельного философа, которому уже обещано отпущение грехов, и я вам объясню даже и Кьеркегора (если удастся вам покаяться за Торквемаду, за которого никто из христиан каяться не желает, словно бы он не имеет к ним отношения).

Итак, я пока отхожу от твердыни Кьеркегорова христианства, и от его Стикса, и от его диалектики, и пока, мой читатель, будем говорить на человеческом языке, собираясь с силами, чтобы потом вновь пойти на штурм его метода и «*ни о чём*»-ного содержания его сочинений.

5. Нужда и Збота. Сострадание и любовь

14 ноября, суббота. Я еще не иудей, хотя уже и не христианин. Я еще надеюсь, хотя и хожу вдоль берега Стикса. Я еще несвободный, хотя уже любовь истлевает. Лучше, быть может, чтобы она стала огоньком, который горит перед моею лампадой в честь любви к женщине, а за лампадой мои собственные образы женщин, которых я все еще люблю, и которые не заставляют меня страдать.

Но что же мне делать с *нею*, из-за которой сегодня ночью я снова проливал безутешные слезы?

С *нею* придется расстаться, но все случится само собой, она и теперь уже отошла от меня далеко, почти в бесконечность, и что случилось в начале августа, когда она меня вдруг оттолкнула, уже никогда не расскажет... но насколько мне это надо понять, я все равно пойму. Так и Регина никогда не узнала, почему Кьеркегор сбежал от нее за Стикс, но она нашла в себе достаточно сил, чтобы его забыть и жить полноценной жизнью, более полноценной, чем он.

И вот это единственное, что мне предстоит сделать для себя. Отрекаясь от жизни, женщина (и редко мужчина) отрекается от лучшего, что было даровано ей Богом, и что мы имеем здесь, по эту сторону Стикса. А что получаем мы там, переходя иллюзорно туда, ибо мы еще живы, а потому остаемся и здесь словно бы тени, и продолжаемся там, словно бы тени, и нигде по настоящему, а только наполовину, или на треть, или совсем почти никак...

Любовь к женщине, как мы, надеюсь, уже выучили, наконец, наизусть, это – в ее полноте – сложное чувство, и отдельные ее формы часто выглядят чуть ли не противоположными ее целостности. Это и родовая (половая) любовь, *желание её присвоить*, сделать *своею*, почти неотделимое от *похоти плоти* и *вожделения* (хотя все же вождление является крайней, грубой формой *присвоения*); это и *сострадание*, вызываемое ее страданием или печалью или тяготами ее жизни; это и жажда заботы, сродни материнскому чувству заботы о детях.

Любовь к женщине существует еще и в своей вневременной и наджитойской форме (то есть словно бы поднимаясь над жизнью), это *откровение*, связывающее мужчину и женщину в полном понимании и соединении, когда каждый становится еще и другим, или частью *другого*.

Потребность заботиться о другом больше присуща женщине, когда она относится к мужчине как к своему ребенку, это наиболее счастливая форма женской любви, стоящая над распутной жаждой Кармен и Манон; *так любила Сонечка Мармеладова Раскольников*. [И вдруг меня словно пронзило отвлечение к проповеди евангельского сайта, призывающего душу и душевную любовь распять и умертвить, проповеди, которая стремится обокрасть и так несчастную женщину, много пострадавшую, получившую надежду на семейную жизнь, на любовь мужчины, пусть и преступного, но кающегося, на рождение детей. За всей этой ненавистью к семейной жизни в христианстве не только ненависть к женщине и плотскому соединению с нею, но и ненависть к семье, роду и народу, ненависть к счастью посюстороннего человека, не перешедшего еще через Стикс, ненависть к жизни в ее целом. Такой христианин не может воскликнуть: «*Благословляю вас, леса!*», он должен проклинать все живущее, как у Маяковского: «*Мне темно – так ничто не гори!*»]

Но мужская забота выражается во множестве форм, и в том, что мужчина подает женщине руку, пропускает вперед, открывает дверь, носит ее школьный портфель (и американские феминистки, подающие за оскорбление в суд на мужчину, посмевшего женщине помочь выйти из автобуса, не такие же сумасшедшие фурии, что и наши евангелистки?)

Мужская забота выражается также в стремлении дарить женщине цветы и подарки. Я моей миленькой мало чего подарил, но я писал ей утешающие письма, пока ей было плохо, и в любое время дня и ночи, и мне хотелось ее пронести на руках, но так и не осуществилось это мое желание, имеющее для меня мистическое значение.

Внезапно она перестала нуждаться в моей заботе.

Она мне написала, что «Христианство есть настоящая жизнь, только в приближении к Богу человек познаёт истинную радость и любовь».

Теперь мне очень хорошо, я ... приближаюсь к Господу, Господь дает мне радость и благодать, ... человек обретает Царство Божие на земле, часто причащаясь, ... возжигая костер души. Господь нас бесконечно любит, гораздо более, чем мать собственное дитя. ...Желаю Вам обратиться к Господу. Господь изменяет судьбу человека.»

Зачем же ей моя забота, если теперь о ней заботится сам Господь? И зачем им, воспринимающим Божественную любовь, какой бы то ни было человек с его любовью? И зачем этим людям любить друг друга, если теперь они купаются в бесконечной божественной любви, "большей, чем мать любит собственное дитя"?

Внезапно она перестала нуждаться в сострадании.

Перестала нуждаться в моей любви.

Вместе с тем она меня и сама разлюбила. Даже если ее чувство ко мне и не было серьезной любовью, все же она испытывала ко мне симпатию, и теперь она от нее отреклась. Ледяным холодом веет от ее призыва ко мне обратиться к Богу – вместо всей жизни.

6. Отчаянье и Эйфория

Вспоминаю рассказ Грина «Возвращенный ад».

Разверзлась пропасть между нами.

Для одних "Земная жизнь есть юдоль слез и печали" и несение креста на Голгофу, для других – "радость и благодать". Но ей теперь хорошо – почему же я не радуюсь?

Перечитываю наши письма. Вот что мы писали друг другу совсем недавно.

«Ты можешь и отвергнуть всю мою философию, мы можем друг друга любить и просто как дети, в лепете которых содержится все, даже «жених и невеста», и которые не нуждаются в оправданиях. А разве мы любим не так, как дети? Почти так... И поэтому нас упрекнуть не в чем...»

Я радуюсь, я счастлив, у меня голова кружится от одной мысли, что ты меня любишь – но еще больше я хочу, чтобы радовалась и счастлива была ты – и это такое блаженство – любить для *другого*, что словно бы я прежде такого настоящего, полного, несамовлюбленного блаженства и не испытывал.

Ты подарила мне *другого* меня, который где-то внутри меня существовал на вторых ролях – как я люблю тебя и за это! – любовью преображенною!»

«Я тебе бесконечно благодарна, я счастлива!!!! Люблю люблю люблю!!! Я недостойна тебя!»

«Я так благодарна тебе за все, но если ты встретишь другую или я тебе надоем, я тоже тебя не удерживаю, ведь мы не связаны никакими обязательствами, я это пойму. Я буду всю жизнь тебе благодарна. Никто кроме тебя не мог мне помочь.»

«Ну напиши мне два словечка, миленький, я не могу уснуть, пожалуйста, ... стою на коленях, ... я не могу без тебя жить!»

«Миленький хорошенький прости меня за все, я тебе бесконечно благодарна.»

«Я так благодарна Тебе за все, только не бросай меня, я буду стараться стать человеком более образованным и разносторонним и глубоким, чтобы тебе было действительно интересно со мной общаться. ... Вот бы все люди были соединены любовью и добротой, тогда было бы не страшно жить... Доброй ночи!»

7. Энтропия и Чудо

Сразу умереть, чтобы не мучиться, удается не всем. Многим приходится жить, иногда даже долго. При этом приходится пахать и сеять, собирать урожай, строить дома.

Жизнь усложнилась, даже ближайшая пустыня далеко, и прежде, чем пахать и сеять, приходится ходить в школу, изучать многое, читать книги.

Жизнь усложнилась так, что она не может преобразиться вдруг вся в результате одного слова, магического жеста, не отменяются утро и вечер, ночь, семья, работа, творчество.

Правда, существует нечто такое, в чем возможны почти сверхъестественные перемены жизни – это Сон и Наркотическое опьянение.

В фантазмагорическом сне иногда видишь, что идешь, держа собственную голову в руках. Во сне иногда видишь, что все хорошо.

А все ли хорошо в мире? Все ли хорошо даже в чуде?

И в чем смысл религии? В том ли, чтобы все стало хорошо? Но чем же тогда совокупное религиозное действие отличается от действия опиума или алкоголя?

Религиозно мыслящий писатель почти всегда пессимист, как Константин Леонтьев, которого я много цитировал, и который говорил, что Христос не обещал, что «все будет хорошо», но что все будет еще хуже...

В одном замечательном анекдоте человека уволили с работы, от него ушла жена и у него украли деньги. Придя домой, он решил повеситься, вбил крюк в потолок, приладил веревку и, стоя на стуле на столе, огляделся.

Тут он на шкафу увидел бутылку водки. Я сдохну, подумал он, а другой выпьет мою бутылку?

Он слез, налил стакан и выпил. Стало лучше. Выпил еще. Вдохнул, подождал, по телу разлилось тепло.

– А что, жизнь-то налаживается! – воскликнул он удовлетворенно.

В житейском смысле *энтропия* означает меру *хаоса* системы – чем больше усилий надо приложить, чтобы навести *порядок*, тем выше энтропия. Чудо, насколько мы о нем читаем, – в Новом Завете, в житиях, у многих русских писателей, например, у Лескова, – это всегда восстановление гармонии, противостояние хаосу или уничтожение хаоса.

Чудо противостоит Энтропии, оно – её противоположность.

А что такое счастье и что горе и трагедия, удовольствие и страдание в жизни и в житии, в религиозном инобытии?

Христианство – это религия страдания!

Я страдаю, когда другому плохо, я изо всех сил пытаюсь противостоять страданию, но я противостояю и пошлости, в которую часто вырождается удовольствие, наслаждение и счастье.

Современная наука открыла центр удовольствия, можно сделать человека счастливым с помощью электричества, он, как котенок, будет припадать время от времени к блюдечку с молоком и мурлыкать.

Но и с помощью христианского чуда человека можно сделать счастливым; «Господь дает нам радость и благодать, радость преумножается ежедневно, в мозгу человека вырабатывается более 1500 гормонов радости, и человек обретает Царство Божие на земле...»

Вот, оказывается, для чего приходил Христос на землю, не надо и электричества, с помощью чуда сразу у всех возбуждается центр удовольствия, начинают *"вырабатываться гормоны радости, и человек обретает Царство Божие на земле"*.

Но не все христианские сайты проповедуют *смерть душевной любви* и вместо нее *гормоны радости*, встречаются и, к счастью, и посясторонние богословы: «Нельзя определять истину по чудесным явлениям, в нашем падшем мире нет такого чуда, которого не мог бы подделывать сатана...», «православный христианин должен занимать, так сказать, нейтральную позицию по отношению ко всем необычным сверхъестественным явлениям. Не чудесами спасается человек, но своей жизнью... [я намеренно не закончил цитату, ибо о церкви у нас еще спор впереди]. Главное – чтобы *мироточили и обновлялись души людей*.»

«Чудеса Божии имеют очевидную благую цель – *ободрить, исцелить, вразумить*. Смысл чуда – в раскрытии человеку внутренней духовной стороны жизни» – писал А. Б. Салтыков.

Что-то случилось... Произошла подмена. Не бывает так, чтобы вдруг совершенно невозможно стало понять поступки, мысли и чувства другого человека. И я начинаю подозревать, что рассуждения Кьеркегора об обретении и становлении Я, о том, чтобы *«осмелиться стать самим собой»* (в чем и *«состоит христианский героизм»*), вместо того, чтобы *«замыкаться в чистой человечности* или же играть в того, кто восхищается всеобщей историей» – не лишены смысла. С человеком иногда происходит нечто ужасное, он действительно способен потерять свое человеческое Я и стать *другим* (думая, что таким образом он *стал самим собой*). После этого диалог почти невозможен. Регина навеки потеряла своего жениха, *я потерял свою подругу, свое дитя*. Вероятно, тоже навеки...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Одиночество и отчаянье несчастной любви*1. Не знаю, куда ее увели, но в нашем мире ее уже нет*

Человек словно бы идет по минному полю, и вокруг его подстерегают опасности, начиная с младенчества, то он обожжется, то ударится, то обожжет свое сердце несчастной любовью, и никакой ангел-хранитель не успеет *соломку подстелить* под всякое падение.

То человек становится несчастным, проливая слезы по всякому поводу, и в некоторых случаях, не находя убедительной причины слез, мы говорим о *депрессии* (которую Пушкин называл *хандрой*); то человек становится слишком счастливым, и *радость его умножается с каждым днем*, и естественно подозревать *эйфорию* и экзотические состояния.

Благодатные состояния радости человек переживает во многих случаях, возносит в блаженство любовь, в том числе и та, которую я называю "всемирным притяжением", радуется пьяница и наркоман, припадая к источнику грез, особое блаженство приносит "благодать Божия" (и вот удивительно: в Средневековье были подозрения, что не всякие духи от Бога, и было даже искусство *распознавания духов*, и о благодати часто подозревали, что она бывает от дьявола, якобы человек не должен знать, что он пребывает под действием *Благодати Божией*, почему на суде Жанну об этом пристрасно допрашивали, и она ответила, что если *благодать* ниспослана ей, то она благодарит Бога, а если нет, то просит о ней у Бога). Современную эпоху в пору назвать эпохой невиданных искушений. Три мифа соревновались друг с другом по силе воздействия на человека, я видел многотысячную процессию в Польше к святым мощам, и радость сияла на ликах кликуш и *преумножалась* ежеминутно, я видел (в записи) миллионную толпу на площади в Пекине перед портретом вождя, и не сомневался, что по одному его слову они сметут любую преграду к счастью всего человечества, я видел в тюремной камере пятнадцать придурков, впавших в *эйфорию*, вдыхая жженую бумагу... а ныне и *наука* вносит свою лепту в осчастливливание человека, то изобретая *центр удовольствия*, то открывая *гормоны радости*...

Давно ли и в Берлине и в Москве ликующие миллионные толпы сходили с ума? Давно ли полтора миллиона человек стояли на коленях перед царем с началом Первой Отчужденной, благословляя его на войну (а через четыре года сбросив его в шахту вместе с детьми)? Давно ли детей отправляли на отвоевание Гроба Господня в Крестовый поход? Давно ли строили «город-сад» во имя всеобщего счастья?

Противостоять психическим воздействиям на людей невозможно, и психология, психиатрия, религия, психотехники (вроде нейро-лингвистического программирования), реклама и политология соревнуются друг с другом в силе воздействия. Только *культура, любовь и вдохновение*, пленяя и воспламеняя, индивидуальны, и музыка в филармонии, и игра в театре обращены к каждому *отдельному*, а в особенности поэзия. Говоря о любви, я

имею в виду только ту любовь, которую и я прославляю в своей книге, то есть любовь, притягивающую двоих, даже если это любовь материнская, и дитя не одно, мать гладит и целует каждого. Та любовь, которую прославляют духоборы, так называемая *духовная любовь*, тоже опасна, она восстает против личности, она проповедует растворение человека в едином божестве, стремится к тому, чтобы мы стали словно листья на его древе, утратив индивидуальность.

Опасны и эйфория, и опьянение чудом, и ныне умножившиеся чудеса мироточенья икон, и самопроизвольного возжжения свечей, и словно бы поставленное на поток производство целителей, экстрасенсов, проповедников всевозможных сект и религий, и поставленное на поток производство *кликши*, несущих новоявленным мессиям свои деньги, квартиры, и даже свою плоть во имя якобы славы Господней, в сомнительных *радениях* достигая *неземного блаженства*.

Множащиеся чудеса не умножают гармонию мира, они, как ни странно, умножают энтропию. И то ликование, которое охватывает новообращенных христианок, вселяет в меня ужас. Даже то отчаянье, о котором пишет Кьеркегор, если оно приводит в конце концов к преодолению отчаянья и к просветлению, благотворно. Но массовое ликование в *секте* напоминает мне ликование наркоманов в той тюремной камере, в которой я сидел десять лет назад.

С сомнением и сожалением я вглядываюсь в те чудеса, когда Христос накормил толпы голодных, последовавших за ним, когда он проповедовал. Зря ли он отказался от предложения сатаны обратить камни в хлебы, возразив сатане, что *не хлебом единым жив человек*? Он отклонил тогда *искушение*, одно из искушений, служащих словно бы для счастья человечества, когда без труда достигается счастье – но позже Сам же накормил без труда тысячи... Об этом мы еще будем говорить по поводу "Легенды о великом инквизиторе"...

Да, мы идем словно бы по минному полю, идем иногда по дорогам, вымощенным благими пожеланиями, и попадаем в ад, когда взрываются мины, которых мы не замечаем (или не хотим замечать). Чудесное исцеление моей недавней подруги меня ошеломило. Меня наполнили страх и горе, я услышал музыку обрушивающегося неба. Почему я не радовался, что она наконец стала счастлива? Потому что я не верю в истину и радость, немилосердные к человеку.

Почему-то дело любви достигается трудно, трудно даже вырастить хлеб и накормить голодного, но легко голодному положить камень в ладонь, внушив ему, что это хлеб. Вы не задумывались, почему так легко действует всякий соблазн, даже тот, самый первый, когда дьявол нашептал Еве съесть злуполучный плод? А сколько я пытаюсь объяснить человеку его заблуждения, отвратить его от любви, например, к недавнему вождю всего человечества, и мне это никогда не удается?

В ужасном последнем письме, в котором она написала, что ее блаженство преумножается ежедневно, она еще написала, что моя любовь к ней была от

дьявола. И за что же она меня так возненавидела? И так внезапно? Не потому ли, что так называемая *духовная любовь* в человеке часто и сопряжена с ненавистью, и никто не испытывает духов, и не спрашивает себя, когда отталкивает тех, кто его любит, силою благого ли духа отталкивается и передается человек и его любовь?

Мне показалось, что она умерла.

Ах, как нуждаюсь я в чуде, потому что пробуждение ее души от нелепого блаженного сна уже невозможно без чуда! Но будет ли оно, возможно ли оно? А без помощи чуда уже обращаться мне к ней нельзя, мои слова вызовут в ней только отторжение и, может быть, ярость.

Поможет ли мне Бог философов и ученых, поможет ли античный Амур, помогут ли музы? Поможет ли мне моя культура, музыка и стихи? Поможет ли какой-нибудь человек, который мне посочувствует и попытается отчасти помочь? Нет, никто не поможет.

2. *Одиночество*

Как я ни пытаюсь ее забыть, но одновременно пытаюсь понять, что с нею случилось, поэтому не могу и забыть. Мне часто страшно, что ее словно бы подчинили психическому воздействию, в котором человек и мыслит и чувствует не так, как он обычно мыслит и чувствовал – ведь те женщины, которые отдают все, что у них есть, руководителям сект, разве понимают, что они делают? Они становятся рабынями, и часто уже не возвращаются к нормальной жизни. Вот почему я не могу ее забыть – точно ли это она, та, которая не захотела со мною встретиться, не подвластная ли это только тень недавно живой женщины?

Что-то с нею сделали злые силы, такое поразительное изменение личности и поведения возможно лишь в результате дьявольского вмешательства в ее личность, подобного хирургическому вмешательству в мозг или воздействию на психику психотропными средствами.

Иногда я пытаюсь о ней поговорить с кем-нибудь из знакомых – но никто меня не хочет понять и мне не сочувствует, все только меня осуждают, словно я злоумышленник, пытающийся похитить ее у мужа.

Но ведь я не с дурною целью в нее влюбился, да и так ли уж я виноват в этой любви? Я не стремился к тому, чтобы она стала моею любовницей, мне даже не хотелось с ней целоваться, и мы не переступили бы границу, которую провели между нами.

С самой первой встречи, в то самое мгновение, когда я ее увидел и мы поздоровались, и она подняла голову, которая была опущена вниз, словно что-то острое ударило мне в сердце, я готов был заплакать, такая боль сочувствия его пронзила. И все время, пока мы встречались «невинно», то есть около года (и в это время почти ежедневно писали друг другу), я словно держал ее за руку как своего ребенка и думал, как ей помочь. Может быть, я уже и влюбился в нее, не зная об этом, потому так обрадовался сумасшедшей идее влюбиться для того, чтобы помощь моя и влияние на нее были более действенными. «Надо в нее влюбиться! – сказал я себе, тогда я сумею

перелить в нее свою радость и свою нежность. Мы сидели в кафе я взял ее за руку и сказал ей о своем намерении в нее влюбиться...

Смешно было бы об этом писать, тем более что я подумал уже в следующее мгновение, что да, вот я уже и влюбился – если бы и не было в самом деле так, что я уже был влюблен в нее и словно во сне затеял игру с самим собою...

Чего же я хочу теперь?

Я хочу ее увидеть и убедиться в том, что она не превращена в марионетку, что она отдает отчет в том, что чувствует и как мыслит.

Пусть она возвращается к мужу, пусть она будет с ним счастлива, и тогда я успокоюсь и освобожусь от своей несчастной любви. Ибо я люблю ее не столько как женщину, почти только как сестру или дочь.

3. Боль и беспокойство

«Ночью мне было плохо с сердцем, и страшное беспокойство за Вас меня охватило, я решился Вам коротко написать. Что с Вами теперь, находитесь ли Вы в гармонии с собою и с миром? Все ли хорошо у Вас с работой, с Ф., с родителями, как Ваша дочурка, встречаетесь ли Вы с подругами, слушаете ли музыку, читаете ли книги? Напишите несколько слов.

Возможно, Вам тоже плохо, и я бессилён хоть что-нибудь изменить в Вашей судьбе, любовь не может влиять на внешние силы и обстоятельства, которые на Вас влияют.

Прошлое постепенно тает, я не пытаюсь его возвращать, но сочувствие и беспокойство держатся дольше всего.

Я по ночам вспоминал о Вас и плакал, но продолжал сердиться на Вас, упрекал Вас в жестокости, поэтому мне и не удавалось освободиться от прошлого. Но лучше, чем было, и не могло быть, вероятно, мне необходимо было переболеть Вами и перестрадать Вас и, наконец, все простить. Простите и Вы меня, если Вам кажется, что я виноват в том, что я Вас любил. Теперь я желаю только того, чтобы Вы были счастливы и больше не плакали. Ваш недавний друг В.»

Пошло ли я ей это письмо, я не знаю, никогда я не чувствовал себя настолько побежденным и настолько зависимым от того, что не только мне не подвластно, но с чем невозможно никакое взаимопонимание.

Судьба отдельного человека находится во власти некоторых почти неизменяемых состояний, которые охватывают или человека, или общества, или народа, иногда проходят целые столетия в рамках таких состояний. Вот, например, Россия в двадцатом столетии была полвека словно придавлена могильной плитой, общество искало врагов и их уничтожало – миллионы людей. Потом вдруг словно подвинулась земная кора и плита отвалилась. Такою же была эпоха тотальной власти христианства. Власти нацизма в Германии. Татаро-монгольское иго. Возможно, Европейские правительства подводят сегодня Европу под власть Ислама. Зачем? Никто не скажет, это как чума – разве объяснит кто, ЗАЧЕМ мы ею болели?

От меня отчасти зависит, скоро ли я ее забуду, но ее чувства от меня не

зависят... Они не зависят от меня, и от всякого, кто любит – но почему-то охотно многие подчиняются тем, кто НЕ любит. Зачем вдруг десятки женщин несут имущество и свое тело в безумные пустопорожние секты и даже бросаются в их радения? Все это похоже на порывы психических заболеваний, неподвластных ни убеждению ни пониманию. Но никто не несет свою волю и желание подчиниться в искусство, в науку, в философию, никто не приходит в Павловский парк, чтобы остаться в нем жить рядом с музами. Культура НЕИЗМЕРИМО шире всякого мифа, она НЕ менее понятна, чем миф, но миф притягивает и растворяет в себе, и храмы наполняются прихожанами, а театры пустеют. Даже я объяснить это не в силах. Моя ласточка стремилась ко мне, писала мне ночью, что не может заснуть, пока я не напишу ей хоть несколько слов, обнимала меня, целовала мне руки, которые я прижимал к своему сердцу, звонила по телефону и радостно смеялась, слушая мои слова о любви – и вдруг за два дня... всего только за два дня священник ее убедил, что меня надо ненавидеть, и она меня возненавидела.

И что может изменить в нашем мире «Война и мир», «Анна Каренина», «Братья Карамазовы» и музыка Скрябина и Рахманинова, поэзия Пушкина и Тютчева, если вдруг также ни с того ни с сего великий писатель, написавший величайшие в мире романы, приходит к выводу, что культура вредна и с нею надо бороться, что любовь – это пошлость и похоть, что и красоты даже нет, а есть «кому что нравится»? И при этом он пишет по-прежнему хорошо и убедительно?

Для чего же тогда я пишу? Разве я смогу ее вернуть – пусть не ко мне даже – но смогу ли я вернуть ее к себе самой? Наши встречи и наша странная «влюбленная дружба» были прекрасными страницами той Книги, которую писали о нас маги, волхвы и музы – но безумная сила изорвала эту книгу и выбросила ее на помойку!

4. Противостояние побежденного

Я ничего не могу изменить в мире. И «Война и мир» в нем ничего не изменила, и ни южная Пальмира, которую взорвали религиозные фанатики, ни северная, которую медленно разрушают, ни Лувр, ни Версаль, ни Эрмитаж, ни Русский музей, и подавляющее большинство людей увлечены любовью не к ним, и не спешат слушать пластинки Шаляпина и фортепьянную игру божественной Полины, а слушают попсу и саксофон, и не спешат ходить в оперу и на балет, но на футбол и корриду – так что же могу сделать я?

Я могу только старательно и вдохновенно, поливая слезами, дописывать свою Книгу о "Всемирном притяжении", и если волхвы и музы помогут, то будет эта книга лучше всех других философских книг, посвященных любви.

В мире ничего не изменится, даже читать меня будут, быть может, лишь трое – но и стихи ничего не меняли, но тем немногим, которые не могли жить без музыки и стихов, жить было поэтичнее и легче.

Миф отвечает каким-то неведомым потребностям большинства, которому не понятна культура. Пока общество устраивало свою жизнь так, что

аристократия и главенствовала в обществе и опекала поэтов и музыкантов, процветала культура, а миф удовлетворял тех, кому было достаточно "хлеба и зрелищ". Демократия не нуждается в культуре, ей достаточно мифа и его институтов. Но и привлекательность мифа не так объяснима, как следует даже из этих моих слов. Конечно, только избранные "причащаются" музыкой Бетховена, Гайдна, Вагнера и Шопена – но и "причащение" в мифе не проще, не притягательнее, не так профанно, как можно было бы подумать, как и Миф в целом. Вот почему и христианство существует в двух ипостасях: христианство Христа и его учеников и последователей, и христианство "для всех", которое называют или *средним*, или *посюсторонним*, и если диалог почти невозможен с одними, то других и правверные христиане относят к тем самым, что я, не отмечая между нами различий. Следовательно, с *посюсторонними* возможно поговорить, быть может, они меня даже поймут. А я попытаюсь поговорить и с теми, которые перешли через Стикс, и куда отвели мою любимую – быть может, услышит что-нибудь из моих слов и она.

Тех, подлинных, пошедших "до конца" за Христом, я как будто понимаю даже больше – не то чтобы их слова, но почему они пошли и что с ними случилось. Они подобны страстно влюбленным, которые производят впечатление безумцев (не зря же говорят "безумная любовь"), их невозможно переубедить в нелепости или опасности их любви для них самих и для возлюбленных, или убедить в том, что эта любовь противоположна самой жизни) – но не так же ли сошли с ума и те, кто стал "истинным христианином"?

Итак, "истинных христиан" я словно бы понимаю, сам почти в родстве с ними по безумию любви – но что ищут и находят в мифе христиане *посюсторонние*, живущие почти тою же жизнью, что и я, но заменяющие культуру своим христианством?

Но этот разговор впереди, продолжим читать Кьеркегора, откроем Достоевского, Розанова, Бердяева и Лосского, может быть, и Владимира Соловьева. А пока еще немного слов о моей любви...

5. Почему я все еще стою у ее ограды, откуда меня изгнали?

Конечно, прежде всего потому, что во мне не иссякла жалость к ней, мне страшно, что она в плену духовных воздействий или в плену собственных химер (то есть, даже сошла с ума под давлением ее безжалостных совладельцев, к коим принадлежат подруги, родители, муж, священник и Бог). Моя подруга меня ругает: оставь ее в покое, не тормози, если она умерла или заснула тем сном, о котором и апостол говорит, что *надо жить аки умереть*, то ей уже ничто не поможет, но может вызвать боль, как вызываем мы боль, переворачивая больного.

Но меня тащит куда-то вбок сильный ветер, как тащит в кювет автомобиль слякотная дорога, то вспоминаю я утраченную нежность наших встреч, которая никогда не вернется, то обиды гложет меня – разве я не нес ее на руках как ребенка, пытаюсь помочь, разве не обхватывала она меня за шею, разве не писала, что застрелится, если я умру?

6. Ненависть

Ну и что? – восклицает подруга. – Это мужчина часто живет прошлым, женщина живет настоящим, вчерашний день для нее словно умер.

Мне становится горько и больно, и даже ненавистно. Значит, вас не надо любить, не надо жалеть, правы те, которые стремятся к вам только по хамски, только к вашей плоти, значит, в вас нет души и не было никогда, и не случайно бывшие комсомолки, перешедшие в христианство, требуют душу распять на кресте – они всматриваются сами в себя, и кроме мерзости ничего не находят. Но что находят те, как Игнатий, которые вас отвергли?

Я не был знаком с ним, как и с датским "апостолом", поэтому узнать их могу только по их сочинениям – и не с целью опровержения, а только чтобы понять и оценить – и хотя давно уже весь их мир, начиная с проповедей апостола Павла, производит на меня впечатление мертвого кладбища, на котором не поют даже птицы, но – в последний раз осмотрюсь вокруг, брошу взгляд на кресты и ограду, и уйду безропотно и молчаливо. Так же я уйду от моей невозможной любви...

7. Чудо

Мир превратился в хаос. Сгорело все, что могло гореть, догорает любовь, догорает ненависть, обида, тоска; горит и догорает даже боль, самое несгорающее чувство из всех. Разве все это не доказывает, что в том мире, в котором мы встречались, который в какой-то степени был общим, *энтропия уже победила*, и мне надо уйти за ограду этого нашего бывшего общего мира?

Пора бы уж умереть стоя,
Пока еще носят ноги,
Пока хоть немного стою,
Хотя и не ценят боги.

Может быть, любят девы,
Наверное, любят дети,
И даже, уверен, слева
Нашепывающие... ну, эти...

Надо бы попрощаться со всеми,
Кто меня хоть немного любит,
Пока еще не вытекло время,
Которое меня же и губит.

...Крошки на полях писем,
Почерк неуклюж и тесен.
Последняя игра в бисер,
Последняя из моих песен.

Но разве не существует чудо?

Не может ли оно прийти нам на помощь?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Гнев и ярость и боль

1. Ее перевели через Стикс

Что случилось, почему она вдруг оттолкнула меня и бросилась искать спасения в химере – я уже почти знаю. Но я не могу представить то, что мне ясно, на туманных в значительной степени страницах этой книги, в которой переплетены правда и вымысел, так как о многом я хочу умолчать.

Правда меня ужасает, но я ничего не могу изменить в мире, в котором зло властвует над добром – почти всегда! Причина этого в том, что многие злы по природе (но поскольку природа у всех различна, и одни рождаются жестокими, а другие милосердными, то Ева не виновна в наших несчастьях, ее миссия состояла лишь в том, чтобы человек спустился с дерева и из листочка на его ветвях стал независимой и свободной и мыслящей и волящей личностью!)

Причина этого также в том, что многие жаждут удовольствий и *власти* (которая является ключом к удовольствиям и сама является удовольствием), и уже в силу этого являются либо причиной, либо орудием зла и жестокости.

Причины этого многообразны, но еще состоят они и в том, что одни жестоки бесцельно, другие ленивы, третьи глупы или доверчивы, одни стремятся подчинять (как мужчины), другие (женщины) стремятся подчиниться, одни хотят *познавать* и знать правду, другие от нее сторонятся, одни свободны, другие верноподданны, и над человеком властвуют *род, пол и характер*, случай и судьба, свобода и власть (в том числе сила духовного подавления, самая страшная сила из всех), жажда жить и страх смерти, тщеславие, честолюбие, страсть, гнев и зависть...

Властвуют тление и смерть, *половой инстинкт* в его широте, то есть не только как жажда наслаждения, но и сила материнства, властвуют голод и жажда, усталость, болезнь и боль... О, как много властителей!

Большинство стоит в растерянности перед безмерностью причин и следствий, они чувствуют себя словно в темном лесу, ищут иногда объяснений, но не могут найти, хватаются за чужие объяснения, но не в силах их понять, да большинство объяснений лживы, или темны, или неудовлетворительны...

Наука, философия и литература (оставляю за скобками музыку, зодчество, живопись, ваяние и театр) пытаются объяснить мир – а вместе с тем изменить, преобразить, улучшить его, но наука исследует *плоть мира*, философия упускает частное и индивидуальное (то есть живую личность, которая только и существует в этом мире, потому что в известном смысле – хотя тоже не совсем всеобъемлющем и полном – есть не лес а только деревья в лесу), а литература слишком обширна, уровень ее составляющих слишком разнится от глубокого до поверхностного, толпа же почти никогда не способна воспринять высокое – вот почему Миф часто получает власть над умами, затем над душами и, наконец, даже над телами людей.

Миф выражает *собую особую форму сознания* – архаическую, слитную из многих форм (*синкретизм* МИФа обусловлен тем, что он не только

мировоззрение, но и повествование), миф двойствен: во-первых, он примитивен, отвечает стремлению к простоте, узости, прямолинейности объяснения, и дает ключ казалась бы, ко всем вопросам бытия, и таким образом вытесняет философию, литературу и житейский здравый смысл. Человек, подпадающий под власть мифа, получает простое, ясное и исчерпывающее объяснение бытия и инобытия, жизни и смерти – но, самое страшное, вместе с объяснением суженного, упрощенного мира он получает такой же примитивный набор целей, которыми и пытается руководствоваться в жизни.

В рамках христианства человек, принимающий ПРОСТОЙ набор ценностей и объяснительных формул, становится христианином и считает себя им, и тот путь христианского мировоззрения и христианской жизни, который он избирает, называется в богословии *срединным* или *посюсторонним* христианством. Такие христиане ни в чем подлинно существенном НЕ отличаются от других, от таких же посюсторонних мусульман или атеистов или нехристиан вроде меня, не-атеистов.

Но есть и вторая форма христианского мифа, ее усвоение (часто частичное и под влиянием сил духовного подавления или религиозных экстатических состояний) приводит к отпадению от мира и его обыденного сознания и к «переходу через Стикс». Там происходит то, о чем Данте сказал: *Оставь надежду всяк сюда входящий!*

Мою любимую увели за Стикс.

Вступая в его свинцовые воды, я чувствую, что умираю. Человеку живому туда не попасть. Это мир загробных теней и *иллюзорного существования*.

Итак, *Миф убедителен и поработает* тех, кто подпадает под его власть или под власть сил духовного подавления. Марксизм и нацизм – точно так же типы мифологического сознания.

Философия неубедительна и большинству непонятна, да малопонятна даже меньшинству. Она похожа на математику в своей запутанности и трудности понимания и усвоения (и как от математики я плакал и взялся писать и написал «Азбуку высшей математики» только для того, чтобы облегчить ее усвоение очаровашками, так я временами вхожу в оцепенение от философии – но времени уже нет писать «Азбуку высшей философии», приходится продирается сквозь ее лес без компаса).

Но все же я рискую в чем-то пытаться убедить своего читателя, что же нового я ему даю сравнительно с другими?

Да, нового не так мало, и я его изложил в перечне того, почему в мире все так плохо. До этого перечня я шел по дорогам житейского мучительного познания пятьдесят лет.

Но что же я сообщаю?

Что человек часто глуп и труслив и так далее... Но почему? Этого я не сообщаю и не знаю.

Во-первых, потому что я почти так же умен, как Сократ. Во-вторых, я даже честнее, чем он, он был тщеславен, пытался производить на других впечатление умника и знающего человека, а со мною не боятся говорить даже дети – о чем угодно, и о добре и зле и о прочем...

Но миф, во-вторых, и НЕ примитивен, в нем существует второй уровень его содержания, в котором связано магическое, художественное и архаическое (вероятно, как особая форма *символических* представлений, так что некоторые высказывания имеют характер двусмысленного, многосмысленного и иногда бесконечномысленного). [Не так же ли и я иногда формулирую важные для меня идеи, например, что **Чудо** – противоположность **Энтропии!**?]

Миф одновременно соединяет в себе в символической форме различные уровни философского объяснения: как онтологию ("откуда есть"), эсхатологию ("камо грядеши?"), этику ("что такое хорошо?") и эстетику (очарование очаровашек... впрочем, миф их очарование принижает). Вот этот уровень Мифа воздействует на человека и в его эмоциональной сфере, и в интеллектуальной, и в волевой (как побуждение к действию), он и утешает и воздействует как театр и музыка. (Вот почему так подпадает под власть мифа женщина!)

Растворяясь в неординарности мифа, человек переходит через Стикс – как Василий Блаженный, Блаженный Иероним, Мария Египетская (перешедшая через Иордан), Ксения Блаженная, Серафим Саровский... да, вероятно, и все святые. Отличить *блаженного* от безумного, по-видимому, невозможно, не одно ли и то же в них действие некой силы, только в случае с блаженными принимающее религиозную форму?

2. Власть Мифа

Если власть мифа не затрагивает наших близких, то его действие мы можем воспринимать так же эмоционально приподнято, как Бой гладиаторов на сцене Колизея или рискованное выступление тореадора против быка в опере Кармен – так же красиво шествие юных монашек в крестном ходе, величественно зрелище костра, на котором сжигают ведьму, восторгает изгнание бесов из бесноватых, воодушевляют проделки Мефистофеля или Воланда и его чародеев в романе Булгакова... Но хотим ли мы, чтобы через Стикс перешла наша возлюбленная, сестра, дочь, отказалась от венца, от поцелуев, объятий, от подлинной жизни рядом с живыми людьми и затворилась в монастыре или впала в "сон разума, порождающий чудовищ", когда она живет и чувствует, "как бабушка скажет", когда ею овладевают 1500 гормонов радости и ее "радость ежеминутно возрастает", а прежний ее друг вдруг становится другом дьявола, и все это происходит под влиянием "гуру", на службе которого современные психотехники, древние ритуалы и наука с ее "нейро-лингвистическим программированием"?

Я и сам с замиранием сердца смотрел на Крестный ход и с замиранием слуха слушал пение церковного хора – но это традиционное богослужение, в котором привычная проповедь скороговоркой, успокаивающее зрелище литургии, иногда покаяние и молитва, возжжение свеч у икон, торжественные ритуалы вроде Крещения или водосвятия – и разве прихожане такой традиционной церкви отличаются от меня? Если только тем, что я еще хожу в протестантский храм или в костел слушать орган или игру Машеньки на флейте в Ансамбле старинных инструментов (хотя это мистически существенно, ибо обозначает мою принадлежность не к мифу, но к культуре).

Но периоды *вялой религиозности* в обществе сменяются религиозным энтузиазмом, музеи отдают под богослужение, иконы возвращают из музеев в храмы (и все это как будто бы и справедливо) – но одновременно происходит опустевание театров и опустевание душ, потому что *энтузиазм веры* резко направлен против культуры – так было начиная с апостола Павла, писавшего об "идолах на улицах Афин", так было даже в девятнадцатом столетии, самом просвещенном и религиозно-терпимом в истории русской культуры, и особенно явно сегодня, когда культура одевает платок смиренной прихожанки, сюсюкая о смирении, терпении и *духовной любви*...

Да, все в мире плохо, техника духовного пленения и уловления душ доведена до совершенства, и что же ей можно противопоставить?

Только любовь, ту любовь, которой я посвятил свою книгу...

Вероятно, мы все, люди мира, бессильны перед властью, которую приобрела "нетрадиционная религиозность", соединяющая богослужение с психологическим воздействием всех других форм воздействия, от воскресных школ, уроков "Закона Божьего", телевизионных проповедей, православных фестивалей, конкурсов, премий за прославление, молитвенных собраний, каждений, всевозможных православных групп совместного исцеления от вина, от сглаза, от порчи, от дьявола, от плоти и от души (которую на их собраниях распинают и подвергают умерщвлению). Работает конвейер создания нового православного человека, и на выходе из конвейера мы получаем не людей, у которых по 1500 *гормонов радости* и ежедневное вкушение священных облаток...

Как бы критически я ни относился к путям духовного просветления и возвышения и приближения к святости, на которых подвизались святые вчера, изнуряя тело постом и душу молитвой, отказываясь от женщин, вина и удовольствий, заключая себя в скиты и темницы, отказываясь от суетных разговоров и замолкая иногда на годы – но современные скороспелые духовные преобразования меня ужасают, они противоположны всякому христианству, даже христианству Кьеркегора. Как правило, это коллективные ритуалы, на которых проповедник силой умелого словесного внушения доводит своих подопечных до экстаза, после чего они общаются с Богом и безгранично к нему приближаются, отказываясь от *греховной любви*, от дружбы, от чтения книг, от театра, от суетного общения, от плоти и души. Если же душа у них еще остается, она становится чистым листом, на котором божеественный проповедник, посланник небес, пишет свои письмена...

Да и власть *батюшки, решающего* за своих прихожанок, как *им теперь жить* и с кем встречаться и что читать, в этом же ряду религиозного мракобесия. Нет, лучше раскрыть сочинения Кьеркегора, в них, кажется, больше души и меньше "духовной акупунктуры".

К кому обращаться, кому кричать, на каком языке, какому Богу молиться? Сложный человек, еще вчера ходивший на концерты и писавший романы, глаза которого горели вдохновением, через неделю благостных ритуалов "приобщения к благодати" становится почти растением, трехлетним ребенком по уровню мысли. Этого ли хотел Христос, восклицая "блаженны нищие духом"! И вот теперь моя милая и обнищала, и стала блаженной – радоваться или огорчаться? – мне, ее подругам, мужу, родителям, христианской церкви?!

3. Психоделические воздействия

Всевозможные воздействия на личность, имеющие целью ее изменения, напоминающие изменения под влиянием психоактивных веществ (в том числе наркотиков, алкоголя, галлюциногенов, психоделиков) уместно называть *психоделическими*.

Цитирую статью «Психоделия» из Интернета. (Автор неизвестен).

«Описания пациентами содержания их переживаний во время кетаминовой психоделической сессии имели между собой достаточно много общего: стремительное движение в различного рода тоннелях и коридорах, ощущение разделения души и тела, переживание в символической форме собственной смерти и возрождения, идентификации с неживыми предметами, страх надвигающейся глобальной катастрофы, чувство потери своего "Я", переживание своего одиночества, угрозы разрыва с близкими, чувство затерянности в огромной и безграничной Вселенной, ощущение невозможности управлять собой, чувство подчиненности страшному хаотическому стремительному движению, падению, ужас ... отсутствия выхода и вдруг – внезапное появление выхода и связанное с этим духовное обновление, ... чувство растворенности и единения с Универсумом, с Космосом, чувство причастности к Высшей Силе, Богу, ощущение реальности существования иных измерений и миров (не менее реальных, чем обычный мир) и т. п. Все эти переживания были необычайно острыми, интенсивными, очень необычными. Многие пациенты отмечали трудность передачи пережитого словами. Все увиденное пациентами всегда происходило в ярком, красочном, сложно топологически оформленном, каком-то "объемно-голографическом" мире. Таким образом, кетамин вызывал разнообразные по характеру переживания, от страха и ужаса до духовного возрождения и обновления.

То, что порождает столь широкий спектр переживаний с эмоциональной окраской от самой негативной до самой позитивной, просто не может приносить только "позитивные" изменения в личности... На самом деле эффект разрушения жизненного опыта не сводится к конкретно негативным или позитивным последствиям ..., а является результатом нарушения ранее выработанного этим опытом баланса с реальностью.»

Такие изменения психики возможны не только под влиянием химических веществ, но и особого способа дыхания, медитации, разных техник психологического программирования, гипноза, техник йоги, голодания, поста, молитвы, позы, сосредоточения, ухода в скит, пустыню, на столп и т.п. Отсюда следует, что необходимо осторожно относиться к подобного рода воздействиям. «Этого не скажешь, однако, в отношении множества "транс-персональных психологов", которые не только к научной психологии, но и вообще к науке не имеют никакого отношения, пребывая в своей транс-персональной мистике и которые так рьяно занимаются продвижением всевозможных опасных практик, прикрываясь гуманными целями.»

Человека изменяют *ВЛИЯНИЯ культуры, воспитания, образования, труда, творчества, любви, веры, сострадания, заботы*. В более общем виде можно сказать так: человека изменяет *культура* и жизнь.

Переживание эманаций инобытия и сверхъестественного мира (Бога, высших сил, "неба", космоса) и их восприятия и интерпретации в Культуре и Мифе также относится к указанным влияниям, которые составляют часть жизни.

Связь культуры и мифа, действительной жизни и института церкви носит сложный и неоднозначный характер: в благополучные времена взаимодействия, в смутные – ненависти и вражды. Способ, которым воздействует на человека жизнь и культура с одной стороны, и церковь – с другой, позволяет отчасти относить их к духовным феноменам одного пространства, с другой – разного.

Это я показывал и в своих прежних книгах, и в новой книге, это в еще более драматической форме показывает моя собственная жизнь и драма моей незаконной любви.

На благонамеренном (как я понимаю) христианском сайте говорится: «Не чудесами спасается человек, но своей жизнью **в церкви**. Главное – чтобы *мироточили и обновлялись души людей.*»

И с этим "главным" я согласен. Но вот почему мы никогда не найдем истину совместными усилиями, но либо только они, либо только мы: Мы пытаемся найти место церкви в современной жизни, несмотря на уничтожение античной культуры, духовное рабство, войну против культуры и науки во все столетия христианского господства и костры инквизиции, а они даже дело спасения человека замыкают церковью, так что в самой жизни, ВНЕ церкви, никто не спасется, никто не спасется даже в какой либо другой церкви, то есть православным несомненно, что все католики будут гореть в аду, а католикам – что в аду будут гореть и православные и протестанты.

Ну как с такими можно вместе "ходить в разведку", вместе рожать детей, и как они могут отнестись к нам (ко мне и моей бывшей подруге) по человечески, а не внушить ей зловещую мысль, что я безгранично приближаюсь к дьяволу и свести ее в конце концов с ума?! Так не служат ли дьяволу такие слуги Господни? И если чудеса еще возможны в нашу эпоху зловещих **подмен**, когда ложь выдается за правду, а зло за добро, то я еще смутно надеюсь, что Бог поможет спастись от этих дьявольских козней хотя бы ей, пусть хоть их Бог, пусть хоть мой, пусть только ей...

Вернемся, однако, к воздействиям на человека. Помимо зловещих воздействий, имеющих целью порабощение личности (что и используется в тех сектах, в которые попадают несчастные женщины, как она), имеется множество воздействий, причина которых в благих побуждениях стремления к духовности, святости, Богу, духовному возвышению и просветлению. С этой целью человек может уйти в пустыню, отказавшись от пищи (и я не исключаю благотворное влияние такого воздержания, о котором говорится в Евангелии), залезть в бочку (как мой товарищ Вадим С., проповедующий идею Пробуждения, оказавшую в юности на меня большое влияние), уйти в скит или в мокрую пещеру на Афоне, водрузить себя на столп или камень, как Серафим Саровский, замуровать (как на Тибете) и перестать говорить...

Есть ли причинная связь между *возвышением души* и сидением на камне? Я ее не вижу, причину *духовного преображения* человека я вижу в любви, вдохновении, труде, творчестве, сострадании и Заботе.

4. Противопоставление временного и вечного

Всё, что думают и чувствуют подлинные христиане, то есть те, кто пошел за Христом, то, как они живут и к чему стремятся, определяется двумя событиями в Метаистории: Пришествием Христа и данным им через учеников и апостолов Новым Заветом, во-первых, и мистической Встречей с Словом Божиим и решимостью взять Крест и пойти за Ним, во-вторых.

По учению Кьеркегора истинный христианин только тот, кто за Христом пошел, то есть пошел до конца. И что это значит, философ разъясняет. По его учению, нельзя быть христианином наполовину или на четверть, срединный путь, то есть посюстороннее христианство, христианством не является вовсе.

Но взять Крест и пойти за Христом означает не то чтобы пойти за Ним, а прежде всего означает подлинный и полный переворот не только в отношении к миру, но к положению в мире.

«для христианина смерть – вовсе не конец всего, и не простой эпизод в *единственной реальности, каковой является вечная жизнь*; и она вмещает бесконечно больше надежды, чем несет нам жизнь, даже наполненная здоровьем и силой.»

Итак, существует наш мир, который заканчивается смертью, но он не более чем иллюзия или сон, потому что смерть оказывается началом подлинной и *единственной реальности, которой является вечная жизнь*.

Усвоение такой точки зрения, такого видения взаимоотношений этого мира и того нашу здешнюю жизнь по существу зачеркивает, и всякое наполнение этого мира оказывается ничемным, надо в нетерпении ждать утра и пробуждения, которым является смерть, чтобы начать подлинную жизнь с начала. И тогда повеление не прикасаться к женщине и не жениться следует даже не из греховности сего, а из того, чтобы не наполнять иллюзию излишними подробностями, ненужными в пробуждении, и повеление, чтобы "мертвые погребали своих мертвецов", означает, что не после смерти мертвые, а до нее, те уже в преддверии воскресения и вечной жизни, а эти еще в состоянии падшести, изгнанности из рая за первородный грех, ибо обетование спасения, то есть воскресения, наступает после смерти..

Лучше было бы умирать сразу же по рождении, чтобы не слишком долго спать.

Но эта странная точка зрения, формально не противоречащая Евангелию и словно бы даже более всего следующая из него, задает гигантское метафизическое (а не логическое) противоречие, впрочем, заключенное во всей конструкции противопоставления временной жизни здесь и вечной жизни там, состоящее и в представлении об иллюзорности здешней жизни, и ее ничемности, и ее словно бы ненужности. ЗДЕСЬ ничего *важного* быть не может, здесь только мертвые, здесь и любовь к женщине омерзительна – но при этом ЗДЕСЬ и праотцы, и дева Мария, и Рождество самого Сына Божия, и Его земной учительский путь, и Его ученики, и Его Распятие, являющееся смыслом и целью Его вочеловечения и земной Его жизни, ЗДЕСЬ и Откровение и Священное писание и подвиг апостолов, здесь и церковь, и тысячелетия до Второго пришествия, которое неизвестно когда будет – его нет и нет, а история длится, и всерьез как будто ничего делать не надо, тем

более влюбляться – но ведь и Мария Магдалина Его любила, и ученики, и бесчисленное количество христиан, и нас, здешних, несчастных влюбленных (в женщину), отвергают наши женщины с нашей омерзительной любовью, нашими стихами, романсами, романами, рождением детей, религиозными войнами (кстати сказать) – во имя Его... Все здесь страшно несерьезно, временно, ничемно, и **жить надо аки спать во гробе в ожидании смерти** – но и Инквизиция пытается и сжигает всерьез и плоть мучается нестерпимой болью – во имя чего, если здесь только ожидание?

И так ли уж неопровержима вся эта галиматья, чтобы ради нее отречься и от меня и от себя и от волшебных мгновений нашей любви?!

Если все здешнее ничего не стоит, то проповедникам такого безумного взгляда на жизнь лучше бы уж самим застрелиться, а не мучить нас своей проповедью и требованием никого не любить (по человечески).

Я эти противоречия разрешать не хочу. Я только спрошу нашего знаменитого философа, точно ли он отдавал отчет в том, во имя чего вернул обручальное кольцо Регине?

5. Что же такое смертельная болезнь?

«Таким образом, для христианина даже смерть не выступает "смертельной болезнью", а уж тем более не выступает таким все, что вытекает из временных страданий: боль, болезнь, нищета, горе, враждебность, недуги телесные или душевные, огорчения и траур. И из всего удела, выпадающего человеку, каким бы суровым он ни был, по крайней мере к тем, кто страдает, к тем, кто говорит: "Смерть не может быть хуже этого", – из всего этого удела, подобного болезни, даже когда он такой не является, для христианина ничто не выступает смертельной болезнью.»

Но, однако, она существует? Она почему-то называется и является смертельной, хотя это и НЕ смерть и НЕ болезнь в обыденном смысле слова.

Что же это такое? Об этом «продолжим после рекламы»...

6. Взаимоотношения этой и "той" жизни

Моей рекламой будут рассуждения о двух мирах бытия или, точнее, бытия и "другого" – если это *другое* существует как инобытие, как-то существует даже здесь, у нас (ибо иначе не о чем рассуждать) и во все небо существует потом, когда здешнее, напротив, скуксится.

Насколько я понял Новый Завет, здешняя жизнь хотя и отрицается, так что надо спать во гробе, однако споры идут только о здешней жизни. Не от нее ли зависит Спасение и Жизнь будущего века? Лютеране и кальвинисты полагают, что спасение предопределено уже заранее, но хитроумно доказывают, что тем более надо стараться – хотя, казалось бы, зачем? И приглашенный билет уже дан и чуть ли не обручальное кольцо?

Другие (апостол Павел) уверяют, что спасение надо заслужить и заслуживается оно Верой (так что гроб гробом, но как бы не проспать в нем еще не предопределенное спасение, которое еще надо заслужить, а вера тоже работа... Третьи, которые мне ближе всего (апостол Петр и Иоанн) возражают, что Благие дела еще важнее, не отрицая веру. Более того, в скобках у них

постоянно подразумевается еще и любовь, причем они не слишком настаивают на том, что это ТОЛЬКО любовь к Богу или если и к ближнему, то только во имя Бога. Нет, явно нет окрика не подходить близко к друзьям, родным и женщине.

Надо ли БЫТЬ – вот главный вопрос всего христианства, и его задал еще Гамлет: *быть или НЕ быть?*

И хотя по Кьеркегору выходит, что быть НЕ надо (а это нам предстоит разобрать впереди, пройдя чрез завалы его диалектики – и удивительно то, что Новый Завет, повествующий казалось бы, о том же – понятен, но богословские философствования философов-богословов теснее дремучей чащи – ни одного словечка в их рассуждениях я понять не могу, пытаюсь к ним приоткрыть тяжелую дверь.)

Но жизнь – в дополнение к Новому завету – внесла коррективы и в этот спор, как вы уже знаете, добавилось новое положение: «Не чудесами спасается человек, но своей жизнью **в церкви.**»

В этой реальности, в которой мы находимся, ВСЕ, и верующие и неверующие, и христиане и нехристиане (хотя многие, скорее всего, НЕ ВИДЯТ в этой реальности многого существенного, не замечают, не ощущают, не мыслят), и которая, я допускаю, пронизана эманациями ТОГО мира (не все, правда, допускают и это, но надо представить наиболее полный возможный образ мира, в котором мы все пребываем и в котором развертывается теперь наш спор или наше обсуждение) **находится всё**, и добро и зло, в ней же находится и церковь, словно Врата в другой мир (и это я допускаю, хотя по Флоренскому граница двух бытий проходит через Иконостас, находящийся в церкви).

В этой реальности находится церковь, и жизнь в церкви, как мне казалось, только возможная ЧАСТЬ той полноты жизни, которая предстоит нам всем.

В полноте жизни Любовь (во всей ее полноте, то есть и к женщине, и к семье, и к народу), и Культура, и Труд, и Творчество, и Милосердие и Забота, и Церковь. Но говорится только о жизни в церкви, словно вся остальная жизнь к спасению не относится. Но относится ли к жизни в церкви труд, доставляющий хлеб (хотя и не хлебом единым жив человек, но и живущие в церкви живы в том числе хлебом).

Я допускаю, что священник или свечница или уборщица могут даже всю жизнь проводить в церкви – но если это так, то жизнь их скучна. Более того, я с ужасом отмечаю, что с человеком, погрузившимся в христианство чрезмерно, не о чем разговаривать. Им нечего мне сказать. Так, пробовали ли вы поговорить с юродивым? Попытайтесь ли написать о нем роман? Более того, внутренняя жизнь даже Кьеркегора НЕПОСТИЖИМА. Содержание того, что я пытаюсь расшифровать в его сочинениях, тоже неизмеримо более скучно, чем жизнь хотя бы и пахаря и лесника.

Но бог с ним... Мы уже не узнаем, почему он швырнул обручальное кольцо Регине, и в его сочинениях ответ только косвенный. И из-за него я не страдаю. Но как опустела жизнь моей подруги! Кроме блаженства от причастия и покаянной молитвы, в ее душе больше ничего нет.

7. Блаженны ли нищие духом?

Да, только они и блаженны!

Словно поворачивается в их душе выключатель, выключается наша земная непостижимая жизнь, с ее сложностью, горестями, радостями, любовью и изменой, любовью и ненавистью, поисками и находками, вдохновением, с ее неизмеримым страданием – и обретается новая жизнь, неотличимая по содержанию того что в душе от жизни блаженного котенка у молочного блюдца.

Я не случайно погрузился в литературу, повествующую о поисках нового сознания в шестидесятые годы, когда интеллигентная молодежь захотела с помощью наркотика обрести царствие Божие. Их галлюцинации были красочны и сложны, им казалось, что мир их расширился, но творчество их выродилось в примитив, чувства огрубели, способ, которым они воспринимали мир, стал напоминать восприятие низших существ (и это говорят бесчисленные научные исследования ученых и практика врачей – ассоциации стали широки, беспорядочны и поверхностны, мысль перестала освещать и обильявать ощущение, которое стало элементарнее.

Верующий человек не всегда сужает свой мир, многие из них живут полноценной жизнью, работают и размышляют, таков был великий физиолог Ухтомский, от которого остались, в том числе, дневники, письма, беседы, составившие три тома «В поисках достойного собеседника». У него был и опыт монастырской жизни, и заключение его сурово: Их жизнь пуста и бесплодна.

В церковь хлынули тысячи новоявленных гуру, от следователей до психиатров, от рекламных агентов до экскурсоводов, и каждый из них надеется быстро и легко достигнуть близости к божеству, своей пастве они обещают то же самое. Подвижники и праведники, блаженные, юридические и святые, страдальцы за веру и просто Дон-Кихоты, ищущие Истину и Благодать, от Владимира Соловьева и Александра Блока до матери Марии и святой Терезы вступали на узкий путь веры, неустанного труда и Заботы о других, они десятилетиями иногда искали, страдали, сомневались и обретали – но новые продавцы небесного счастья в блестящей целлофановой упаковке предлагают им благодать всего за неделю, а то и за три дня. Как правило, для этого словно доску в классе мокрой тряпкой стирают человеческую личность и на чистой пустой доске пишут новые письма. Человек перестает страдать и искать, вкушая причастие, он уже вкушает с ним Истину, и чем чаще вкушает, тем к большей истине приближается. Некоторым дано даже чувствовать вкус крови, причащаясь вином. Не дана ли им тоже способность к чуду, даже большему, чем у Христа, который воду претворял в вино – эти же вино претворяют в кровь?!

Мне кажется, что наступает последний день Помпеи. Несмотря на многие разногласия с христианством, я многое в нем ценил – так, я встречал и иудеев и мусульман, которые к христианству относились с сочувствием. Высокомерный и презрительный взгляд на «этих», как и на меня, обличает в таких самодовольных слугителях «истинного Бога» людей пустых и порочных.

8. Страшный Суд

Я очнулся. Я стоял посередине пустыни, ноги увязали в мокром песке, шел осенний холодный морозящий дождь, я был босиком, в изорванной какой-то хламиде, без кепки, вода стекала ручейками по телу. Недалеко от меня стоял стол со стульями, Председателем был некто невидимый, голос раздавался с неба, за столом же сидели секретарь, неизвестный мне ангел с крыльями, народный судья, похоже, что Торквемада, и три стула было для заседателей или присяжных.

– Присяжных можно избрать самому, развяжите ему руки.

Руки мне развязали, я утер мокрой рукою глаза, и словно бы стало глазам моим суше.

– Ну, хорошо, избираю. Во-первых, Кьеркегора с Региной.

– Так, принято, Регину привяжите к столбу.

Возник откуда-то столб, привязанная к нему женщина с зонтиком, нарядно одетая.

«Однако, к ней здесь относятся хорошо! – подумал я. Сверху свалился мужчина в пиджаке, проповеднического вида, как ходят по улице с библией в руках, книжник или фарисей. Он встал перед Региной на колени и сложил руки, с мольбой обращаясь к ней.

– Ну а третьим пусть будет отец Авраамий, из Святодухова монастыря в Вильнюсе.

Возник тут же отец Авраамий с бутылкою конька в левой руке и с мокрой книгой в правой. Он бросился к мне, обнял как мог и воскликнул: Не бойся, в обиду тебя я не дам, а будут злодействовать, пригрожу, что из монастыря выйду и вернусь на Землю, а там еще и женюсь!

Ну-тка выпей пока для сугреву, а я найду в твоей книге, где сказано про меня.

Я отхлебнул чуть не четверть бутылки, так как продрог, отец Авраамий (получивший, кстати, на столетие сан архимандрита), тоже глотнул и протянул мне открытую книгу. Там было написано так:

«Вместе с К., с которым дружили всю жизнь, мы познакомились в Вильнюсе с игуменом Авраамием – тому уже было девяносто три года! Это он говорил: "Я каждый день спорю с Богом. Я доказываю Ему, что Он есть, а Он доказывает мне, что Его нет!"

При последней встрече (ему было девяносто восемь лет) мы тоже говорили и о вере и о любви (ибо ничто человеческое не было чуждо этому великому мужу), и пили водку, а он сетовал, что *теперь уже поздно жениться...*»

Коньяк ли так на меня подействовал, но я вновь потерял сознание, и очнулся от своих слов... я произносил защитную речь...

«Прав ли священник, берущий на себя в самомнении миссию наставника, от которого прихожанка (как правило, это безвольные женщины), зависит так, что она начинает жить только с его разрешения: *«как батюшка скажет?!»*

Этого не было в 19-м столетии, этого не было и в 20-м столетии, и вообще, как свидетельствует История церкви, такие отношения существовали только в монастыре.

Происходит профанация церковной жизни, чадолюбивый священник, имеющий попадью и детей, решает, может ли смотреть на мужчин прихожанка и как ей жить! Или уже только то, что он священник, ставит его в особую близость к Богу, обычным смертным недостижимую?

Но это не так, и в правилах церковной жизни этого не записано!

Но, впрочем, даже претензии церкви на то, что только от «жизни в церкви» зависит спасение человека, меня не вводят в такую печаль, как новое тотальное господство над душами, существующее «без претензий».

Зачем же была Реформация?

Зачем было Просвещение?

Зачем была Великая Французская революция?

И зачем были наши злосчастные Февраль и Октябрь, и моря крови, и неистовые Мировые войны, сломавшие хребет Русского народа, зачем была литература, музыка, математика?

Великие, на плечах которых мы поднимаемся ввысь, и не только поднялся Коперник, но и Пушкин, и Лобачевский, и Ньютон, и Лейбниц, Достоевский и Толстой – они все ничто перед церковью, хотя она при этом всего лишь Собрание верующих людей – но она отождествила себя с Небом и унизила Народ и Культуру и Историческую жизнь.

И неловко и стыдно мне спорить с людьми, которым дан Язык, Философия, способность рассуждать и находить, которые учились в школе и учили наизусть множество стихов наших божественных поэтов, которые учились в Институтах или в Университете, посещали Музей и Театр, то есть были когда-то людьми просвещенными, – и доказывать им азбучные истины – Авторитет церкви заменил им Истину и Просвещение. Зачем им Толстой и Достоевский и их споры? Они уже не умеют спорить! Они уже не умеют мыслить! Они уже не умеют даже читать. И не хотят. Вселенский Начальник, в которого они превратили Бога, призывает их к беспрекословному подчинению и поклонению! А не так же ли вчера вы подчинялись слепо и без размышлений Ленину, Сталину, Гитлеру? – если не вы, то ваши родители! – или родители их?!

Но и бог с ними, с вами, со всеми! Если у меня болен ребенок, то я скорблю лишь о нем! И к Богу я обращусь только за помощью, как к любому прохожему, если поможет, и Бог, который не поможет моему ребенку, мне НЕ нужен! Если мать рассуждает иначе, если Бог ей дороже ее ребенка, любимого, матери – то и она не мать, и я не хотел бы иметь от нее детей.

Вот такой же мой ребенок та женщина, которую у меня отняли. И пусть она уйдет от меня, пусть позабудет, пусть не любит, не вспомнит и возненавидит – это еще не самая большая мука. Мы с ней встречались, ходили на концерты, в театр, она читала книги, я держал ее за руку – этого было достаточно мне для блаженства и счастья. Она была *живой*! И вот вместо сияющих глаз, счастливого смеха, радости от музыки и книг, сложной душевной жизни – убогая пустыня небытия. Как бывает бред ревности вместо сомнений, бред ненависти и любви вместо подлинной страсти, так бывает *Бред веры*.

Вероятно, наука или теология, что-то из них достигло высот, и вместо живого человека может нам предстать говорящая кукла – но разве я не могу

отличить? Или вспомним, что говорил Иоанн Креститель: «кто внушил вам бежать от будущего гнева? ...не думайте говорить в себе: "отец у нас Авраам", ибо говорю вам, что *Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму!*» – и я показал рукою на женщину, застывшую как изваяние.

Так вот в чем дело, ее уже нет, она умерла, уведена через Стикс, а сия из камней в пустыне сотворена "среди детей Авраама", и сотворили известные умельцы, о которых давно уже сказано: «...восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных.» И что им стоило воздвигнуть одну мертвую каменную бабу вместо прекрасной женщины?!»

Я заплакал, и обращаясь к ней, сказал:

«Хотя под лопаткой ноет,
Я знаю – пройдет и это.
Возможно, уже не стоит
Надеяться и на лето?
Но все таки благотворны
Дожди проливные, грозы!
Поэтому ль так упорно
Все льются и льются слезы?»

Мне показалось, что она пошевелилась. Издалека раздался глас председателя:

– Пусть Философ задаст свои вопросы.

– В.И., вы хотели ее совратить?

– Я смотрел на нее восхищаясь, умиляясь, любя – но я ее «не хотел». Мне достаточно было вот такого словно бесплотного соединения... точнее сказать, как соединены мы с цветами, ветром, сном, музыкой... да – *она была моей музыкой* – но христианство лишено музыкальной стихии и меня никогда не поймет. Прежде всего – я хотел освободить ее от грусти, от тоски, от внутренней боли, которая ее терзала, вот что было моей главной целью.

Спросила Регина:

– И если бы вам свыше предложили ее исцеление, с тем чтобы вы больше ее не увидели, согласились ли бы вы на это?

– При условии, что она оставалась бы собою, живой и любящей, все помнила бы и была как и прежде неотделима от меня в воображении, чувстве, воспоминании, была бы той же сияющей и глубокой, как всегда. Но ее сделали счастливой, **убив ее душу**. Большого преступления у нас, на земле, не бывает. Ф.М. полагает, что человеку дана была свобода а не чудо – но у нее отнята свобода чувствовать и выбирать, ее даже запугали вечными муками, внушили ей, что я дьявол...

– И все же, В.И., *другая* отвергла чужие внушения, а эта, в которую вы перелили себя в наибольшей степени, чем в других, от вас отказалась.

– Я ей прощаю всё!

– Регина! – кричал Кьеркегор. – Он ей простил, прости же и ты меня!

Я очнулся. Пустыня, дождь, одиночество! «Крепка как смерть любовь!» Нет, это неправда, человек – только глина, из которой можно вылепить все что угодно, и ЛЮБВИ нет! Любит Дон-Кихот, но нельзя верить женщине!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Человек и Бог. Узость и полнота*1. Воспоминания последнего сна*

Что это было – сон, соприкосновение с инобытийной реальностью, прозрение или отчаяние? Я не сразу проснулся, я словно еще долго шел по пустыне, пока не очнулся дома. Со мною шел кто-то рядом, я слышал его голос, это был голос неведомого мне Председателя странного суда надо мною, окончившегося ничем.

«Ты надеялся, что то, что вверху, подобно тому, что внизу (как говорил Гермес Трисмегист), иначе ваша жизнь была бы совсем никчемна и не являлась бы даже ни испытанием, ни приготовлением, а, следовательно, только оскорблением всех надежд. Вот так нищий ребенок, увидевший через окно сияющую новогоднюю елку и постучавшийся в дверь, будет оскорбительно удивлен, если его грубо вытолкнут, даже не утешив. Я читал то, что ты пишешь, и мне понятна твоя боль. Ты говоришь, что начал уже презирать людей, которые идут то за одним, то за другим маньяком, то за Атиллою, то за Чингизом, то за вождями пролетариев всех стран соединяйтесь, то за вождями высшей расы господ, то... И самое убеждающее в правоте презрения – это то, что никто из них, идущих в общем строю, среди расстрельных бригад, среди конвоиров колонн, среди надзирателей концлагерей, но даже хотя бы среди кующих для тех мечи – никогда ни в чем не раскаялся. Они убивали и мучили, и до сих пор не попросили прощения ни за себя, ни за отцов, ни за дедов. А ты не знаешь, что среди них всерьез идет обсуждение – нельзя ли уже при рождении распознавать тех, кто не таков как они, и сразу уничтожать? Или усовершенствовать механизм распознавания позже, чтобы не прорывался хотя бы к взрослой жизни никто из тех, кто от них отличается? Радуйся, мой друг, что вам дана еще возможность быть, страдать, даже писать книги, даже любить, хотя и мучительно.

Но ведь ты и сам виновен во всем, что с тобою случилось! Почему же ты не смог ее удержать? Почему ты не сумел быть тем, в ком она уже не смогла б усомниться, почему ты не смог остаться тем, без которого она не могла жить? А я ведь тебе завидовал!

Значит, ты не гений, не святой, и не праведник, ты лишь смешной Дон-Кихот! Ты пишешь неплохие стихи, и книги твои не нелепо читать, но от них не рассыпаются камни, не льются слезы из неплачущих глаз, не зажигается свет в душах умов, не пронзаются сердца и не умолкает земной шум, чтобы стала слышнее музыка неба. Тебя в моих глазах оправдывает только то, что ты продолжаешь ее жалеть! *Но она умерла, и ты уже ее должен оплакать.*

Оплачь ее так, чтобы растопилось каждое сердце того, кто тебя прочитает, и тогда, возможно, растопится и ее окаменевшее сердце!

Да поднимись же ты, наконец, до себя самого, и своим деревянным посохом пробей эту твердь! И Анна подпрыгнула, когда ты пришел, и воскликнула, что вокруг тебя одни чудеса – но почему же ты разуверил ее в том, что и сам ты чудо?! Стань же, наконец, таким, каков ты есть, черт бы тебя побрал!!!

2. Но я ничего не знаю

Если бы я знал... Но я не знаю. И поэтому продолжу писать и закончу то, что замыслил.

Надо сказать, что хотя я от Кьеркегора уже устал, но что-то меня к нему притягивает, что-то в нем есть не совсем пустое, хотя из этого не следует, что надо за ним вечно продираться сквозь завалы его схоластики. Его НЕ пустое вмещается иногда в одну строку, потом он начинает бесконечную "игру в бисер" (которая как образ будет сформулирована через столетие у Гессе). Но, так как я обещал Регине ему за нее отомстить, то мне приходится читать и его пустое. Они предлагают Истину и блаженство, но их Путь, начинающийся с трагического отрицания жизни, часто и заканчивается такой же трагедией. Мы думаем, что достойно сложилась судьба *ведущих* – но мы пренебрегаем ведомыми – а не напрасны ли их жертвы? Да и ведущие часто разочаровывались в истине АНТИжизни. Удивительны в этом отношении Предсмертные записки знаменитого Печерина, написавшего «Как сладостно Россию ненавидеть!», о котором упоминают многие русские писатели, и более других Герцен. В этих Записках рассказано о разочаровании в своем христианском Пути талантливого человека, на которого многие возлагали большие надежды, перешедшего из профессоров Московского университета и из православия в католические монахи в Ирландии, потом, кажется, еще куда-то, затем в протестанты, наконец, в безбожники, и окончившего жизнь у холодного каминного пепла.

Но – продолжаю...

«Всякое христианское *познание*... является *беспокойством* и должно им быть; но даже само это беспокойство наставляет.»

Познание и вправду может быть сопряжено с беспокойством, но в проповедях апостола Павла, от которых и отталкивается лютеранство, прославляется лишь вера, приводящая и к уверенности и к надежде. Там не может быть места *познанию* – и *какое познание в состоянии веры?* Вот что он говорит: «[Теперь] мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. ...Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь *знаю* я отчасти, а тогда *познаю*, подобно как я *познан*.»

Речь здесь идет, конечно, не о *познании*, но о том, что «когда настанет совершенное, ... тогда *познаю* [то есть, УЗНАЮ неизвестное теперь], подобно как я *познан* [то есть как известен Творцу].»

«Беспокойство – это истинное отношение к жизни.» Да, под этими словами подписался бы и «строитель коммунизма», но, я думаю, их было бы достаточно Торквемаде для правильного решения в отношении подозреваемого в ереси. Жаль, что они не были знакомы!

Но так как я нахожусь в отчаянии из-за того счастья, в которое *она* погрузилась (а оно является ее душевной смертью, она даже потеряла память и не помнит нашего прошлого), то нахожу в Кьеркегоре, как в певце отчаяния и страдания, своего сообщника – вот чем, в частности, он меня привлекает. И потому последую за ним дальше.

3. Отчаяние и Ликование. Блаженство

Итак, мы, наконец, преодолели Предисловие и Введение, и вот перед нами уже первая книга, в которой исследуется Отчаяние (а впереди еще и совсем другая книга, исследующая Страдание, затем философ объяснит нам, что значит взять на себя Крест свой и Его бремя, и почему Его бремя легко (хотя и мучительно), а в завершение надо будет прочитать его последнюю книгу, в которой он объясняет, что значит *быть христианином*.

Итак, **страдание** и **отчаяние** – вот две важнейшие идеи, неотделимые от его философии (его богословия), и они же – становой хребет всего *христианства*.

Сын Божий, воплотившись в человека, пришел пострадать за людей во имя искупления их грехов, принести жертву (ибо *только через жертву возможно Спасение!*), при этом, первородный грех человечества можно было искупить только наивысшей жертвой, предать самого Себя на крест и смертные муки, умереть и воскреснуть – и эта жертва должна была стать последней в череде жертв, приносимых в Истории.

В этой жертве и проявилась любовь Бога к человеку, она и была любовью, и почти нигде в Евангелиях не говорится о какой либо еще другой любви.

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную.» Он принес свет в мир, и «делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, ... а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его». (Иоанна,3):

Но здесь же говорится и о вере, и посему спор, верую или делами спасается человек, и стал дважды причиной раскола христианства.

Весь жизненный путь Христа состоит из Поучений (через притчи и дела), из Дел и Чудес (и для помощи и заботы, и для разъяснения и подтверждения Поучений) и из Обличений и Назиданий, и, наконец, из Крестной Жертвы, Воскресения и Вознесения на небо.

Вместе с обличениями и назиданиями Он призывает Последовать за Ним, противопоставляя сей мир и сию жизнь, лежащие в Грехопадении, Вечной жизни, обещаая Конец света и Страшный суд, но явно не говорит, что только *последующий* спасется, призывая по крайней мере к Покаянию, к вере (включающей любовь к Богу), любви к ближнему и добрым делам.

И, таким образом, Христос пришел отвергнуть мир, но не отверг человека, призвал последовать за ним, но НЕ отверг и тех, кто не смог за Ним пойти. Так, как Он призвал, то есть до конца самоотвергаясь.

Но противоречие, состоящее в том, что в окончательно отвергнутом мире человеку позволено было оставаться и жить и надеяться на искупление, да к тому же именно в этом мире оставалось ВСЁ, связанное с Его воплощением в человека (прежде нежели Второе пришествие его разрушит) – и Откровение, и Предание, и апостолы и ученики и святые – Он не снял, что послужило причиной разделения христианства на посястороннее и потустороннее, то есть *срединное*, христианство широкого и *среднего пути* и *христианство узкого пути*, самоотверженное.

И он не снял другое глубинное противоречие – между обличениями, угрозами и картинами страданий – и обещанием вечного блаженства.

И не снял близкое к сему третье противоречие: между крестной жертвой во имя любви – и суровостью и трагизмом всего Его пришествия, где радость, блаженство и его любовь к миру и человеку явно были исключены всецело, ибо мир лежит во грехе и зле, любить этот мир и человека в этом мире невозможно, взаимная любовь, радость и блаженство в этом мире не только невозможны, но и связаны с грехом, *жизнь – юдоль слез и печали*, и только через страдания и муки можно хотя бы немного очистить себя от зла, не помышляя о том, чтобы спасти ближнего, да и то святые думают и восклицают: *святость моя смердит перед богом!*

Бесконечное земное приближение к Богу и ликование в лучах Его любви – невозможно и богоугодно здесь, на земле. Для спасения надлежит сподобиться мук и пострадать во имя Его, в своих страданиях повторив Его крестный путь. Как для спасения человека Христос должен быть распят, так для своего спасения человек должен *сораспяться Христу* (послания апостола Павла). [Ибо иначе Он умер, а мы вокруг Его гроба ликуем!]

Вот мое краткое изложение того, с чем пришел Иисус Христос на землю.

Именно это разъясняет и Кьеркегор в своих сочинениях, но то, что в Новом Завете сказано кратко и ясно, он излагает чрезвычайно запутанно и туманно.

Почему же одни ликуют, а другие проливают слезы? Одни радуются, другие страдают?

И те и другие (исключая тех, кто принимает спокойное, срединное, бытовое христианство, то есть НЕхристианство по учению тех, кто тщится взять крест Его на себя и пойти за ним, в том числе и Кьеркегора) исходят из *экстатического переживания*, лежащего в основании их обращения.

Христианство – это религия страдания, распятия и воскресения (во имя любви и вечной жизни – но для подавляющего большинства тех, кто идет узким путем, собственное спасение и вечная жизнь затмевают Любовь, это и объясняет феномен Торквемады, инквизиции, злобы и нетерпимости, проливающих историю христианства).

И принять такую религию без *экстатического переживания* по-видимому невозможно, вот почему неотделимы от известных *святых* кликуши и святоши, юродивые и стигматы, видения и одержимости, явления духов, голоса с неба, мироточения икон, самопроизвольные возжжения свеч, голые девки, являющиеся Иерониму Блаженному, и другие всевозможные искушения, играющие в жизни верующего наибольшую роль, так что возникает предположение, что крестьянин всю жизнь трудится на своей пашне, рождает семью и заботится о ней, заботится и об Отечестве, погибая в окопах, – но ни разу не видит чертей, а истинно верующие только с ними и общаются, воюя с ними до изнеможения (я множество видел таких картинок, где черти приходят к святым – в изданиях восемнадцатого-девятнадцатого столетий).

Экстатические переживания – это следствие *психоделий* (под влиянием галлюциногенов и подобных им веществ), а также под влиянием внушений (особенно действенных в храме, в паломничестве к святым мощам, при

проповедях и нейро-лингвистическом программировании). Я шел однажды в Польше в подобной процессии и видел немало бесноватых и кликуш, возносящихся на небо в припадках. Слезы и ликования – два результата психоделических воздействий, но по всему выходит, что ликования – это *антихристианство* (по учению Кьеркегора), ибо известные святые – это преимущественно мученики.

А всегда ли возможно разделить особое состояние экстатической Веры от психических отклонений, сопутствующих всем массовым движениям, включая ислам, христианство, большевизм и нацизм? Всегда ли возможно отделить особое состояние экстатической Веры от **Бреда веры**? И что было даровано Торквемаде? И какое состояние внушают своим приверженцам (а больше приверженкам) современные гуру?

Ломброзо в книге «Гениальность и помешательство» приводит стихи такого больного: «Пусть все живое изнеможет, пусть обратится мир в содом – и я предамся *ликованию!*»

4. Отчаяние как смертельная болезнь души

Итак, проповедники, бродящие по улицам с заклинаниями «*Бог вас любит и Бог есть любовь*» не внушают ли подозрение своей противоположностью и проповедям Иоанна Крестителя о покаянии, и обличениям Иисуса Христа, и апостола Павла, и ссылкам в Новом Завете на проповеди ветхозаветных пророков?

И музыкой звучат слова Кьеркегора об отчаянии:

«Преимуществом или пороком является отчаяние? Тем и другим в чистой диалектике. Сохраняя от него лишь абстрактную идею, не обращаясь к конкретному случаю, приходится считать его огромным преимуществом. То, что мы подвержены этому, возвышает нас над животными, это преимущество, которое отличает нас совершенно иным образом, чем прямая походка, ибо оно служит знаком нашего бесконечного превосходства или величия нашей духовности. Превосходство человека над животным состоит в том, что мы подвержены отчаянию; превосходство христианина над естественным человеком – в том, что он это сознает, а блаженство христианина – в возможности *исцеления от отчаяния*. [о чем речь впереди, и что чрезвычайно серьезно, ибо это *исцеление*, достигаемое чрез *психоделии*, в частности чрез наркотики, а сегодня даже чаще чрез бесовские внушения от имени Бога – принесло многие бедствия психически неуравновешенным жертвам всевозможных целителей, от Кашшировского и Чумака до *батюшек* в храме].

Итак, бесконечным преимуществом является то, что мы можем отчаиваться, и, однако, отчаяние – это не просто худшее из страданий, но наша гибель.

Поскольку, как говорят врачи, нет ни одного вполне здорового человека, то, хорошо зная людей, можно также сказать, что никто не свободен от отчаяния; нет никого, в ком глубоко внутри не пребывало бы *беспокойство*, тревога, дисгармония, страх перед чем-то неизвестным или ...страх перед чем-то внешним или же страх перед самим собой. И как говорят врачи о болезнях, человек носит в себе как инфекцию некое зло, чье внутреннее

присутствие временами, краткими вспышками обнаруживается для него в необъяснимом страхе. И во всех случаях *никто никогда не жил и не живет вне христианства без того, чтобы быть отчаявшимся, – да и в христианстве никто, если только он истинный христианин, не живет без этого, –* ибо, по крайней мере, если он и не пребывает в отчаянии целиком, в нем всегда остается зерно этого отчаяния.»

Ибо во всякое мгновение отчаяния отчаявшийся несет в себе прошлое в качестве настоящего.

«идею "смертельной болезни" следует понимать в определенном смысле. Буквально она означает несчастье, границей и исходом которого является смерть, ... Однако ... для христианина сама смерть есть переход к жизни. В этом смысле ни один физический недуг не представляет для него "смертельную болезнь". ... "смертельная болезнь" ... означает недуг, который приводит к смерти, причем за нею уже больше не следует ничего. Именно таково отчаяние.» (О чем, увы, тоже речь еще впереди).

Но если отчаяние так ужасно (причем существуют его различные типы, притом разные у христианина и у "человека естественного"), то разве не лучше впасть в безумие и "предаться *ликованию*"? Увы, "*ликование*" еще хуже. Продолжая Кьеркегора, можно сказать так, что ликующий и счастливый переживает настоящее в качестве единственной реальности, поэтому он лишает себя и прошлого, и часто будущего, его можно сравнить с самоубийцей, живущим одним мгновением самоубийства.

5. Надо передохнуть и осмотреться

Не думай, читатель, что я подчиняюсь произвольным ассоциациям, которые, как облака на небе, безотчетно соединяются в причудливые сочетания. Нет, я скорее пытаюсь походить на строителя, созидающего дом по строго выверенному чертежу, впереди у меня описание истинного христианина и истинного христианства по Кьеркегору, и лишь после того как доберусь до края той Леты, за которой он от меня скрылся (вначале перейдя через Стикс), я должен был представить реальный образец символического описания, за который я избрал Инквизитора, а именно, Торквемаду, затем должен следовать Бунт Ивана Карамазова, затем Легенда о Великом Инквизиторе.

Но ведь я пишу книгу о Любви, а в последнее время я сбиваюсь на собственные несчастья, связанные с любовью, любовь же причудлива и непредсказуема. Вот я клянусь ее больше не помнить и не вспоминать, но неожиданно пишу ей письмо. Получаю ответ, впадаю в отчаяние, возвращаюсь к Кьеркегору, схожу с ума от его запуганной философии, выпиваю, страдаю, клянусь больше не пить, бегу к Манон, ее дома нет... Да, эта любовь меня погубит окончательно и бесповоротно, И я умру, так и не понимая, что такое женщина и способна ли она любить.

Но я перевожу дух, понимаю горестно, почти как у края могилы, что все безнадежно, что ее больше у меня не будет, что, возможно, ее уже нет и в живых, и ответы за нее пишу другие, или от нее только тень, набор нескольких слов, которые я получаю в ответ – и возвращаюсь к книге. Она мне не поможет, но и никто другой.

6. Полнота личности и ее сужение

Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.

М. Ю. Лермонтов

Возможность и необходимость любви к женщине и даже то, что она такое, удивительным образом связаны с моими размышлениями о христианстве и с подчас бредовыми проповедями кликуш о духовной любви.

В пятнадцать лет девушка в первый раз влюбляется и размышляет, не слишком ли рано ей испытать блаженство. В семнадцать лет она влюбляется во второй раз и размышляет, не слишком ли уже поздно ей, наконец, испытать блаженство. Через сорок лет она влюбляется в Бога и осуждает и свое прошлое и настоящее тех, кто продолжает влюбляться. С чем это связано? Как ни странно, и с водоразделом между "истинным христианством" и бытовым (как у "естественного человека").

"Человек в полноте" состоит из нескольких человек, из нескольких сущностей, в том числе из **пола** (мужчина ли он или женщина или "человек лунного света" по определению Розанова, из которых и вербуются либо весталки в храмах любви либо "истинные христиане"), состоит из **народности**, которая есть не только принадлежность (как штамп в паспорте), но и его почти всеобъемлющая особенность, включающая происхождение, язык, культуру, память, традиции (а чтобы быть христианином, надо, чтобы отныне в нем уже не было ни еллина ни иудея, по слову апостола Павла), состоит в том числе, но уже не в такой определяющей степени, из сословия, мировоззрения, общественной принадлежности, образования, культуры и т.д.

Женщина становится христианкой, теряя в себе женщину. Я еще в юности пытался обнять комсомолку, и понял, что надо одновременно обниматься и с партией; но тем паче **христианка, живущая с Богом** (как моя бывшая подруга), обниматься со мною не сможет (да и я не в состоянии делить женщину даже хоть с облаком, летящим по небу).

Принадлежать к мифу (религии или партии) возможно только после сужения личности, подобного самоубийству или лоботомии или осклопению; не случайно в евангелии говорится о скопцах, «которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного.» Чтобы вместо нашей грешной жизни началась "жизнь с Богом", вознесение и святость, необходимо *утерять пол, характер, народность и память.* (Вот почему она не помнит, что мы с нею встречались, и что она объяснялась мне в любви).

Или широта личности – и *духовная свобода* в единении с культурой и историей, но **без погружения в церковь и партию**; или сужение и обеднение личности за счет утраты человеческого в человеке (в том числе даже *вожделения*), и тогда "бесконечное" приближение к Богу сначала до того, чтобы жить «как батюшка скажет», затем чтобы «да будет воля божия, а не моя», и, наконец, чтобы началось превращение в *лист на божественном древе.*

(И это все всерьез пропагандируется и в богословии и в большинстве христианских сайтов).

7. У края могилы

Почти в подражание спокойным проповедям апостола Павла буду и я говорить почти бесстрастно – не до такой степени, чтобы радоваться, когда убивают и распинают душу невинной прекрасной женщины, но чтобы не бросать камни в тех, кто собирается побить меня самого камнями – разве это не лучшая смерть? Притом она не так мучительна, как сожжение на костре.

Встречался с В., были в гостях, выпили, я ее проводил. Она рассказала, что ее дочь 15 лет, расцвела, нарядная, оживленная, бежит, трепещет, радуется и страдает, и мир смотрится в нее как в зеркало.

Если бы она ушла в монастырь, я бы ее похоронила, пусть лучше в подоле бы принесла, не зная от кого. Жизнь многообразна и красочна, и спор не о том, есть ли продолжение после смерти, но что если здесь вместо жизни пустыня, то каково же будет продолжение? Что продолжать?

Что это за Бог такой у нищих духом, что он и жестоко ревнив, запрещая любить кроме себя, и жесток, требуя зачеркнуть жизнь и не смея ей радоваться и наслаждаться?

Но я спорю не с Богом, не с христианством, не с Кьеркегором.

Или я спорю и с ними тоже, но прежде со всей бессмысленностью истории и жизни, не способными подняться даже до сознания спора.

Я их не хочу принимать всерьез, я их не хочу уважать, я их всех презираю.

Народы шествуют за Троцким, потом за Сталиным, потом за Гитлером – они еще не научились мыслить, они только самозабвенно умеют нажимать на курок пистолета, чтобы убить тех, кого прикажут вожди.

С кем спорить? С пистолетом? Ибо тот, кто его держит в руке, еще более туп, чем его пистолет!

Все бесполезно, никто не слышит,
Зря разговоры, и жизнь сама!
Ужели милая уже не дышит,
Ужели милая сошла с ума?

Все бесполезно, мечты и книги,
Благие помыслы, ручьи из слез,
Одеть, быть может, в тоске вериги,
Чтоб прозябанию внять дольных лоз?

Приди же, грозный вершитель судеб,
Я грудь подставляю под острый меч.
Кто нас, бессильных, в тоске рассудит,
Кто смеет милых от нас увлечь?

Над нами небо в грозе и буре,
Мой дом в цветущем саду из роз.
За что мой ангел бровь грозно хмурит,
За что ты брошена среди мертвых лоз?

Земля и небо о правде спорят.
Отдай мне милую, кричу я ввысь.
Не слышит небо, не слышит море,
И кто-то шепчет: забудь, уймись...

Ласточка моя улетела. Но случилось что-то даже более страшное – ласточку мою посадили в клетку и перевезли через Стикс. С ее ли согласия, или против ее воли, но ее подвергли гипнозу или психоделическому насилию, или и тому и другому вместе (включая и нейро-лингвистическое программирование и внушение) – и в результате она потеряла эмоциональную память. Она помнит о том, что мы были знакомы, но забыла, что она ко мне привязалась, что мы встречались, смотрели в глаза друг другу и растворялись во взглядах. Она не помнит наши письма и разговоры по телефону, не помнит, как она говорила, что если со мною что-то случится, то она покончит с собой.

Она забыла себя ту, которая страдала, плакала, читала книги и сама их писала, бегала на концерты с подругами и со мною, и мы даже однажды напились в электричке; она забыла свои признания и клятвы. Но было что-то больше признаний – было блаженное состояние взаимной любви. Мы установили между нами некую преграду, и не целовались, и не стремились к другой близости, но мы любили друг друга. Наша любовь была странной, я любил в ней больше чем женщину – свое дитя, подругу, сестру, ученицу.

Я мечтаю, чтобы она вернулась к самой себе, пусть бы мы больше никогда не встречались. Если бы я знал, что она иногда меня вспоминает, что она меня по-прежнему любит – пусть только раз в месяц она присылала бы весточку: помню, люблю! – я был бы счастлив. Я несчастен не от того, что нас разъединили, а что у **нее украли ее душу! Украли ее память!**

И я оплакиваю и нашу любовь и смерть ее личности.

Но если чудо существует, то она еще вспомнит саму себя...

Но освободится ли она от ее химерической теперешней "жизни с Богом", от ее «бесконечного ежеминутного приближения» к нему? Но Бог ли это, наполняющий мир светом и теплом, постижением и углублением личности, или некто другой, проповедующий блаженство духовной нищеты?

Когда школьник готовится к экзамену, он изучает учебники, пособия, решает задачи, задает вопросы преподавателям: экзамен – венец его изучения школьного курса. Так и наша смерть – тоже экзамен, но какую оценку следует поставить тому, кто отказался от жизни еще при жизни, держит палец в чернилах, прячет шпаргалки, молится святым и угодникам вместо учения?

Если *там* жизнь есть, то она будет только по итогам нашей нынешней здешней жизни. И вот вам пример: стрелять в человека нехорошо, даже в немца, а мой отец стрелял в них три года, погиб от них сам, перед этим учился в офицерской школе, где обучали в том числе, как убивать, там же вступил в коммунистическую партию Ленина-Сталина, как миллионы других солдат – и ныне он ожидает меня в Раю. А те, кто спрятался от тягот войны, в рай не попадут, хотя бы они не выстрелили ни разу.

Христианство, как и другие Мифы, опирающиеся на архаическое сознание, и часто упрощающее отношения Неба и Земли, даже извратило эти представления, и великие христиане, включая Торквемаду, отнюдь не попадут даже и в их христианский рай.

Ласточку мою посадили в клетку, стерли ее память и убили ее сияющую и любящую бессмертную душу... Только я еще жив! Если Бог есть, то Он мне поможет, и я допишу свою Книгу, которая разбудит ее!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Прощаясь с Кьеркегором

1. Апология, или речь в защиту самого себя

Я оплакал мою любимую, она *приближается к Богу*, и это худшее из несчастий. Она забыла меня, забыла себя, свои грехи, свои поступки, чувства и мысли, свои ошибки, слабости и заблуждения, она теперь чистая доска, на которой жизнь заново будет писать свои письма – или же, что скорее всего, эти письма будут писать люди с невероятной гордыней, самомнеющие владельцы истины.

Сравню их с собой. Особенное представление о своем призвании у меня было всегда, с шести или семи лет. Я думал, что мне даны или будут даны чрезвычайные способности и возможности, и я многое смогу сделать выдающегося, при этом, конечно, я был и тщеславным и честолюбивым человеком, не лишен я был и других подобных же "достоинств" – в силу своей избранности я надеялся, что получу и власть, и богатство, и славу, и признание и любовь женщин (так как я всегда был неравнодушен к ним).

Но при этом я был равнодушен и к людям и к жизни в целом, я стремился жить во всю силу, путешествовал, охотно знакомился с людьми, приставал к девчонкам и девушкам, имел немало друзей, так что временами изнемогал от них, много читал, любил музыку, бывал в концертных залах и театрах, слушал граммофонные и магнитофонные записи, собирал книги, проводил домашние литературно-музыкальные вечера, часто бывал душой компаний, вообще вызывал симпатию во многих (а особой вражды в людях к себе не замечал), в меру сил заботился о других, был склонен к сочувствию и состраданию – не только к людям, но и культуре и к природе.

Читая книги и слушая музыку, я заметил, что мне дана счастливая способность: слышать и ценить ум, глубину души, иметь точный и широкий вкус к красоте и совершенству. Чтобы не спорить по пустякам, сошлось на следующее: ВСЕ произведения искусства и литературы, которые отвергались обществом в силу невежества, безвкусия, косности и политических предпочтений были раньше всех мною отмечены и любимы, и рано или поздно ПРИЗНАНЫ обществом. Еще в отрочестве и юности я принял всех тех, кто сегодня признан выдающимися: и Вл. Соловьев, и Розанов, и вся религиозная русская философия, и предреволюционная здешняя и эмигрантская русская поэзия и проза, и весь русский девятнадцатый век! А все то, что я в конце концов отверг, было в конце концов отвергнуто и обществом, которое тридцать лет надо мною смеялось и издевалось и унижало, а потом вдруг прозрело и перестало молиться Марксу, Ленину, и прочим бесам...

Тысячи раз начинал я спорить с своими современниками, в метро, в трамвае, в электричке, на улице, в гостях, в тюремной камере – но НИ РАЗУ я никого не убедил в своей правоте.

Правда, я начинал думать, что ЕЩЕ не стал убедителен, надо подняться выше.

Почему я теперь так хвастаюсь (бывало и раньше)? От безмерного горя и

усталости! Я ведь не своей собственной правотой дорожил, а правотой великих русских писателей и философов, правотой унижаемых русских людей двадцатого столетия (Солженицына, Мережковского, Бердяева, Лосского, Ильина, Солоневича, ...)

Продолжаю я спорить, писать, утверждать и отстаивать истину по-прежнему, но все так же общество молится только на те святыни и тезисы, которые написаны на знаменах и поддержаны СВЕРХУ: Чудом, Тайной, Авторитетом.

Надо заметить, что при своем самовосхвалении я не был обуян гордыней. Я слушал и других. Иногда (редко) соглашался с ними и менял свою точку зрения. Менялся сам, но не переходя вдруг на противоположную дорогу (как комсомольцы, ставшие христианами), а с одной дороги, которая постепенно отклонялась от того, что я переживал как верное направление, переходя на параллельную или отклоняющуюся от главной.

При самовосхвалении я не отталкивал окружающих. Меня многие любили. Те, кто меня не любил, кого я раздражал и обижал... странно, вы скажете, что я обуян гордыней, но... тех, кто меня не любил, я как-то не могу и вспомнить...

В общем, я гений. Не то чтобы уже гений – нет, я будущий гений. Я человек, которому многое дано, но который еще не успел развить свои способности. Я еще мало сидел в тюрьме.

И я не шутя все это говорю, ибо я не уверен в достоинстве того, что пишу. Имея и хвалебные отзывы на свои книги, я в них сомневаюсь. Один критик посоветовал две мои книги сократить вчетверо – и я пытаюсь их сократить вдвое – какое уж тут самомнение?! Но я все же надеюсь, что они не так уж плохи, потому что *презирать то, во что веришь, на что надеешься, что любишь – хуже этого нет несчастья!*

2. Последнее прощание

Не зная, что такое любовь, я уверен в том, что взаимной любви нет. Непременно нужно, чтобы двое любили друг друга, потому что не бывает притяжения, когда из двух притягивается только одно, и не бывает соединения душ без их притяжения.

И я думаю, что мы друг друга любили, насколько бы воспоминания о нашей любви и не были стерты в ее душе. Поэтому я на нее не должен сердиться, не должен упрекать. Если бы мы катались на лодке, и вдруг неожиданная волна нас перевернула и кто-то из нас утонул – неужели кого-то из нас за это следовало винить? Нет, виновата судьба, может быть, виноват неизвестный бог, если их много, мы же не виноваты ни в чем. Может быть, виноват я, виноват за то, что моя судьба оказалась недостаточно к нам милосердной, что мой бог оказался недостаточно к нам милосердным – а ее бог милосердия и не обещал, если бы христиане читали Новый Завет, если бы они читали Библию, которая тоже входит в Священное Писание, они бы это знали, но христиане невежественны и нищи духом (может быть, благодаря этому неожиданно Бог их к себе приближает?) Но становятся ли они счастливыми? Нет! Они несчастны, но их душа засыпает, память стирается, и

они видят сон, в котором их горе становится блаженством, которое с каждой минутой возрастает...

Но я опять на нее сержусь, хотя она ни в чем не виновата.

Если бы было возможно меня приговорить к расстрелу, как бывало семьдесят лет назад – не важно, за что, тогда об этом не спрашивали, – и расстрелять, я, вероятно, стал бы счастливым. Только я хотел бы стоять у края поля, пусть бы даже шел осенний холодный дождь, ручейки стекали с лица, я увидел бы бесконечный мир, в центре которого я стою, и понял, что я одинок бесконечно и навсегда. Большого счастья, чем одиночество, не бывает.

Да, их бог обещает счастье в раю, после того как окончится жизнь и человек отречется от всего, что в ней было – но мне их счастье не нужно, тогда надо было бы отречься от жизни, от встречи с нею, от любви, от *неё*! А я от нее не хочу отрекаться, хотя еще не до конца уверен, что она не согласалась, чтобы в ее памяти стерли все, что нас связывало.

Даже если она согласилась на это, даже если она согласилась бросить меня и забыть – я от нее отрекаться не буду. Значит, у нее были на это причины.

Но счастливой стать ей не суждено, она еще жива, а христианская жизнь НЕ ДОЛЖНА быть счастливой. Что же мне, процитировать весь Новый Завет на этих листах, чтобы вы вспомнили об этом?

Итак, я немного еще поговорю с Кьеркегором, по крайней мере хоть он понимает, что счастья в этой жизни христианам не обещал никто, и те, кому кажется, что они здесь блаженствуют, самые несчастные.

Итак, что же мне делать?

Я буду продолжать жить, у меня еще много обязательств, помимо книги, которую мне надо закончить. Постараюсь уже не изливать слова вместо слез на эти листы. Не буду писать ни о ней, ни о себе, ни о нас обоих. Может быть, если музы продиктуют стихи, я их запишу. Надо закончить разговор с философом, рассказать о выдающемся христианском борце с еретиками, вспомнить карамазовский Бунт, Легенду... ну, вот в основном и все...

Не буду давить на себя ни в чем. Когда она будет мне вспоминаться, я буду мысленно разговаривать с нею (отдельно от книги) о тех временах, когда мы были нужны друг другу, когда она мне писала: *«Я не могу без вас жить, пожалуйста, напишите хотя бы одно словечко!»* Разве этого мало для счастья? О нынешних временах я вспоминать не буду, ибо она рядом с богом, она ликует, в ликовании существует только настоящего, и оно **не** соединено с прошлым.

Что с нею случилось, пусть и туманно, я уже знаю.

У нее есть маленькая дочь, родители, муж, подруги. Со мною она не разговаривает и не встречается уже четыре месяца. Неужели никто из тех, кто был рядом, не хотел ее защитить? Неужели они были согласны, чтобы ее душу убили, а память стерли? Неужели они сами отвели ее туда, где с нею все это свершилось?

Но бесполезно спрашивать, мужьям не всегда нужны души их жен... Правда, когда начинается «жизнь с богом», меняются и тела, я видел блаженных кликуш, они еще хуже комсомолок, которые могли убить возлюбленного, если прикажет партия... Блаженные холоднее холодной рыбы в

замерзшем пруду, да им и не хочется обниматься! К тому же, когда начинается «жизнь с Богом», должно закончиться все, из чего состоит наша жизнь. Становится ли человек счастливее?

«Бог хочет, чтобы мы были счастливы!» – говорят пропагандисты «жизни с Богом» – у кого они это прочитали?

Но лучше перестать спорить. Когда человек переходит некий водораздел, отделяющий его от естественной жизни, он словно бы усваивает другой язык и другой способ видеть, возможно, другое зрение. Возникают в обыденном мире два мира, они отделены как евклидова геометрия от неевклидовой, между ними диалог невозможен.

И странное дело, я легко и просто понял Новый завет, понимал Владимира Соловьева и Константина Леонтьева, я еще понимаю Кьеркегора, хотя и с трудом. Но ни одного слова не могу понять в большинстве богословских текстов, повествующих о «жизни с Богом» и о бесконечном приближении к Богу. Даже апостолы говорят, что Бога никто никогда не видел, и человека связывает с Богом «любовь к брату своему», но современные христиане, ставшие христианами в начале августа, когда с ними что-то случилось и они утратили память, «уже живут с Богом.»

Возможно, когда-нибудь я что-то пойму и в современном схоластическом богословии. Но пока от него надо тоже отстать, как и от всего того, что с нею случилось, Я НЕ пойму, и не помогу.

Но я ее буду любить и жалеть всегда, только в «бред новой веры» за нею я последовать не смогу.

3. Наша дружба и "жизнь с Богом"

Мы дружили почти полтора года, звонили по телефону, переписывались, встречались, ходили в театр, на собрания в Союзе, на концерты...

Она "была печальной", как говорила ее дочурка, поэтому пила много антидепрессантов. И я придумал, что буду ее любить и жалеть, и таким образом смогу помочь ей воскреснуть.

И чудо случилось! Она расцвела, на работе ее не могли узнать, она стала богатой, глубокой и интересной, спина распрямилась, глаза засияли. Она мне сказала, что я сделал то, что не смогли сделать друзья, родные, священники, психологи и психиатры.

Она «не жила со мною, как теперь живет с Богом», я был ее нежным любящим другом, а она была... я это уже говорил...

Теперь я ее не вижу, ей запретили со мной встречаться.

Значит ли это, что и с другими происходит то же самое, переходя к жизни с Богом, они погашают светильник в душе и их окутывает тьма? (Если же бывает другое, то пока оно для меня непостижимо, возможно, со временем, после Кьеркегора, я смогу узнать и это... Но – в будущем...)

Итак, мы дружили, я ее любил, я ее любил, она почти перестала пить таблетки, почти уже не курила, писала новую книгу, дочурка ее с нею играла и была счастлива, отношения с родными стали мягче, с мужем они перестали ссориться... И в это роковое мгновение ее посадили в клетку!

Что же происходит с человеком, когда он становится христианином?

Ведь что-то с ним должно происходить необычное, ради чего он бросает отца и мать и даже невесту?!

Когда он прилепляется к женщине и отлепляется от родителей, то это мы понимаем, каждый из нас испытал хоть однажды «всемирное притяжение любви» – но какова же должна быть сила, притягивающая к невидимому Богу, чтобы нам отлепиться от женщины?

Разумеется, я говорю о том христианстве, о котором говорит Кьеркегор, и ради которого и Христос и апостол Павел призывали взять крест и пойти за Ним. Христиане же широкого (или среднего) пути ни от чего не отлепляются, никакой водораздел нас не разделяет, они ничем не отличаются от людей *естественных* и даже от меня, и моя милая, пока с нею не произошло нечто экстраординарное, была христианкой в этом *посюстороннем* смысле, и это нас не отчуждало друг от друга.

Христианкою была моя бабушка, вечером она становилась в углу перед образами, читала молитву, несколько минут молчала, вероятно, вспоминая прожитый день, ложилась спать и долго вздыхала, продолжая вспоминать – но это не христианство, а семейная жизнь. Мой дед, лежащий в углу на лавке, тоже долго вздыхал, думая о том, что предстоит завтра сделать (вопреки завету Христа – обращенному, скорее всего, к бездельникам) *не заботиться о завтрашнем дне*. Дед читал молитву утром, за завтраком. В наше христианство входили праздники, особенно *колядование* на Рождество (что было противоположно христианству), смеление борова на Покровá (и все были уверены, что это праздник начала зимы, покрытия земли снегом), и особенно Масленица (в ней христианство совсем ни при чем).

Итак, все, что я пишу, относится к *христианству*, к духу его и букве, а не к тому переложению его на житейский язык, которое от христианства отличается так же, как рыцарский турнир отличается от сражения, в котором льется кровь. (или даже еще больше).

4. Чем отличается наше христианство от 19-го столетия?

Что же происходит, когда начинается сверхобычное состояние веры? Преображаются и мир и человек, словно вспыхивает "тысяча солнц", словно тьму, которая была миром, вдруг преобразует яркий свет, словно зимнюю ночь мгновенно заменяет весенний цветущий день. Это состояние веры подобно такому же состоянию любви к женщине, возносящей над миром – но неужели человек может испытывать состояние еще более затопляющее душу?

Если вера такова, то действительно состояние веры, как и любовь, может заменить и вытеснить жизнь; ведь и страстно влюбленный не может уже ни работать, ни есть ни спать, он даже готов умереть, чтобы остановилось время.

Но я не уверен, что смогу показать, представить, дать почувствовать, тем более пережить это состояние читателю; испытывают ли его хотя бы немногие? Иногда его называют состоянием «божьей благодати» (возможно, это одно из таких состояний), его испытывала Жанна Д*Арк, когда к ней являлись святые Елизавета и Маргарита. Наверное, переживают его те, кто отправляется в скит или в пустыню, терпя холод и зной.

Но то бытовое христианство, которое дано в удел обычным смертным, оправдывает ли умерщвление души и жизни? Приходят ли святые к нашим новоявленным гуру и к батюшкам, берущим на себя дерзость становиться законодателями жизни прихожан, вверенных их попечению? к пламенным комсомолкам, возненавидевшим плоть и душу и требующим этого же у читателей их сайтов? Да и надо ли восторгаться даже теми немногими «людьми лунного света», которые под влиянием порыва решились загубить свою жизнь? Уходя в скит, уже не родишь детей, не поцелуешь возлюбленного, не напишешь книгу, не будешь заниматься наукой, не заведешь даже друзей, может быть, и будешь *жить с Богом*, но уже отлепишься и от мира и от всякого человека.

Я читал письма русских писателей девятнадцатого века, никто из них никогда не говорил, что будет *жить как батюшка скажет*, и вера и церковь играли в их жизни не большую роль, чем у моих деревенских крестьян, и меньше даже, чем у меня, которого читатель готов уже назвать безбожником. Из них из всех только Гоголь сошел с ума на почве религии, а сегодня, с неопитами, мне кажется, что я снова попал в сумасшедший дом.

Но, впрочем, что мне до них? Разве мне не все равно, сошли ли они с ума? Но из-за общественного безумия сходят с ума и те, кто нам дороги, вот почему я страдаю от общественного безумия...

5. Я и Не-Я

«Болезнь к смерти» посвящена разным формам отчаяния, что мне близко, но одновременно и отчуждению разных форм Я, что мне чуждо, так как я всегда исповедовал *развитие, становление и возвышение Я*, тождественного самому себе в своем вдохновенной и любящей сущности. Но *милая* поколебала все мои земные устои, и даже небесные, и я вновь прислушался к Кьеркегору.

«Будучи болезнью духа, или Я, отчаяние может приобретать три образа: отчаявшийся, не сознающий своего я, отчаявшийся, не желающий быть собою, и отчаявшийся, который желает быть таковым». Затем выясняется, что «отчаяние – это смертельная болезнь»

И это было мне чуждо по той же причине. Ибо разве существуют разные Я в одном, уже ставшие и еще становящиеся или даже существующие только в возможности? Но моя *милая* жива и одновременно уже на другой стороне бытия, не приобретает ничего кроме безумного ПУСТОГО ликования, она утерла весь богатейший мир а ВСЮ возможную земную любовь, в качестве любви небесной приобретает химеру: я видел *счастливых* и *ликующих* множество в том Доме, куда меня посадили большевики и где я провел два с половиною года и лишь благодаря тому, что даже в рамках мифа люди делятся на тех, кто уже потерял все человеческое, и на тех, кто остался человеком, я остался человеком тоже.

Поэтому я пустился за Кьеркегором в дебри его «философии Я»:

Я – это осознанный синтез бесконечного и конечного, который относится к себе самому и целью которого является стать собой самим, – что совершенно невозможно для него иначе, как в отношении к Богу. Однако *стать самим собою* – значит стать конкретным, а таковым не становятся ни в

конечном, ни в бесконечном, поскольку конкретное, которым нужно стать, – это синтез. Стало быть, эволюция состоит в том, чтобы бесконечно удаляться от самого себя в делании своего Я бесконечным, – и бесконечно приближаться к самому себе, делая это Я конечным. Напротив, то Я, которое не становится собою, остается – со своего ведома или же безотчетно – отчаявшимся. Однако в каждое мгновение своего существования Я находится в становлении, ибо Я реально не существует, – оно есть лишь нечто, долженствующее стать. Значит, если ему не удастся стать собою, это Я не является собою; но не быть собою – это отчаяние.»

Это, читатель, самый легкий пример его диалектики, поэтому все то, что в его книге относится к диалектике, я теперь опускаю (возможно, насовсем, так как ты только должен сравнить, насколько просто понимать меня в сравнении с ним, и решиться, поэтому, читать хотя бы меня, если его без меня ты не сможешь понять).

О Кьеркегоровом отчаянии я тоже больше писать не буду, хватит мне с меня своего, мне было важно напомнить, что вопреки всем идиотам, которые свели христианство к тому, что «Бог нас бесконечно любит и пришел нас спасти и облобызать», всё хоть немного сложнее, поэтому это слащавое умиление, к которому призывают неопиты, никакое не христианство, а бесконечно хуже моего отпадения и **возмущения**. Понять хоть что-то и в жизни, и в мифе, и в любви и в вере можно лишь через боль и через слезы, об этом Кьеркегор нам напомнил, и тоже неплохо.

Но **«Тайна всякого понимания заключена в том, что сам акт понимания всегда превосходит тезис, который он полагает»**.

За одно это его можно простить! Но впереди еще много книг, и я поклялся Регине за нее ему отомстить, поэтому пока не скажу, что он шибко умный – скорее всего, он **СЛИШКОМ** умный, и поэтому простое детское чудо любви к женщине, которое мы должны бы впитать с молоком матери, которая нам его передала, чтобы мы хоть раз не только в младенчестве прикоснулись губами к божественному соску любимой женщины – он променял на свой ум и абстрактную любовь к абстрактному Божеству.

Но вернемся к моему **возмущению**, которому посвящены последние части моего романа, ибо у меня **бесстыдно и злобно** отняли **МОЁ – ее счастье**, которое она испытала только благодаря мне, моей способной к жертве любви.

«простой психологический трактат о том, что такое **возмущение**, показал бы в целом всю абсурдность защиты христианства, откуда изъято возмущение, и показал бы также всю глупость или бесстыдство того положения, когда забыты сами заповеди Христа, его столь частые и столь настойчивые предупреждения относительно возмущения, когда он сам указывает нам его **возможность** и **необходимость**; ибо как только его **возможность перестает быть необходимой**, как только она перестает быть вечной и существенной частью христианства, сам Христос оказывается впавшим в человеческую бессмыслицу, суетливо расточая напрасные советы относительно этого возмущения, вместо того чтобы его подавить.»

Но успею ли я дописать третью книгу своего романа о Любви, прежде чем слуги Торквемады меня не сожгут вместе с моим романом?

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

КУДА ИДТИ?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

РАДУГА В НЕБЕ

1. Посреди ноябрьской пустыни

Причастимся же к миру, природе, любви!
 Прилети ко мне, ласточка, моя милая!
 Радугю небесною меня назови,
 Напои меня силою, природною силою!

Нет, я еще не до конца оплакал мою любимую, она *приближается к Богу*, и это худшее из несчастий.

Мне казалось, что я уже покинул ту песчаную мокрую пустыню, в которой происходил суд надо мною, но нет, я по-прежнему посередине нее стоял у столба, и по спине и лицу стекали ручейки воды, только чья-то сердобольная рука накинута на меня плащ.

Где *она*, что с нею? – спрашивал я сам себя, а чей-то голос, был ли то мой собственный внутренний голос, или голос волхвов, мне отвечал.

Она больше никогда к тебе не вернется, забудь ее, не надейся больше, иначе вы погибнете оба, а твоя жизнь еще не закончилась, не все ты сделал из того, что тебе предназначено. Хотя и пуста жизнь без любви, но и в любви наступает тот предел, когда она уже не освещает жизнь, не наполняет ее высшим смыслом, а словно неподъемная ноша путника, идущего в гору, начинает придавливать долу, так что он изнемогает и останавливается.

Если чудо еще возможно, то чудо, которое происходит с этой стороны границы, заканчивающей жизнь – там, по ту сторону, чудо уже не нужно, там само бытие является чудом – то она воскреснет и вернется сама к себе, ибо теперь душа ее мертва. Вот об этом чуде молись, на него еще надейся, и если оно произойдет, то это и будет твоим счастьем, потому что страдаешь ты не столько от того, что она не с тобою, но что она не с СОБОЮ. Она ушла к богу от всех, и от родителей, и от мужа, и от дочери, и от подруг, и от творчества.

Она ОТРЕКЛАСЬ от тебя – но не называй это предательством, *пожалей ее*, она отреклась прежде от себя самой и своей способности любить – но она умерла и для близких. Согласись с тем, что она к тебе уже не вернется, проси у судьбы того, чтобы она снова полюбила нашей земной чувственной любовью дочь и мужа, не желай ее любви к тебе – быть может, судьба смилостивится над твоей жертвой, и она воскреснет, снова будет смеяться, слушать музыку, читать книги. Разве этого не достаточно для твоего счастья?

Да, достаточно, ответил я, еле шевеля мокрыми замерзшими губами.

Где-то вдалеке, мне показалось, прошел Киркегор. Он тоже несчастлив. Он тоже умер, пожертвовав тем, что любил на земле. Во имя чего? Теряя то, что мы здесь имеем, лучшее из всего – нашу любовь – приобретаем ли мы что-то более возвышенное, прекрасное, оправдывающее страдания?

Не отдаем ли мы свою душу и блаженство без оснований?

2. Противоречия и парадоксы

Читаешь слащавые христианские сайты – Христос нас уже спас, он нас любит, мы уже почти в раю.

Но – «Возьми крест и иди за мною!» – зачем, если мы уже спасены? И что будет с теми, кто не возьмет крест, кто продолжает обычную земную жизнь, но при этом исполняет заповеди, ходит в церковь, заботится о ближних? Если этого достаточно для спасения (которое, кажется, уже было обещано Христом), то зачем еще дополнительные муки, зачем еще жертвы всем тем, что дорого? Зачем исполнять то, что требует от нас преподобный Игнатий, и жертвовать привязанностями? «Взгляни на предметы твоей любви: они очень тебе нравятся? К ним очень привязано твое сердце? – Отрекись от них. Этого отречения требует от тебя Господь, законоположитель любви».

Ну, что ж, она отреклась от всех, кого любила...

И благодаря этому получила нечто гораздо высшее! – уверяют меня христианские учителя.

На том, что они получали *расширение сознания*, настаивали адепты психоделической революции (оставив после себя десятки тысяч изломанных судеб); на приобщении к истине настаивали пророки коммунистического «царствия Божия на земле» и Третьего рейха, оставив после себя миллионы трупов; соседи по камере, впадающие в транс, вдыхая жженую газету, уверяли меня, что они получали неизъяснимое блаженство, превосходящее сонитие (к которому, кстати сказать, они уже становились неспособны).

Возможно, они все правы, и то, к чему они приобщаются, каждый идя своим путем, отвергая «мир угнетения», как большевики (принеся угнетение большее), отвергая «мир падший», как христиане (не изменив за две тысячи лет этот мир ни на йоту), улетаая на небо при жизни, как наркоманы (кончающие эту жизнь в тюрьме, психушке или на помойке, как красавица «Джюльетта», побирающаяся в Пулкове, став старухой в тридцать лет).

Доказать свою правоту с помощью рассуждений нельзя, и хотя христиане возражения противников отвергали самым простым путем – просто сжигая своих противников или принуждая их отказываться от доказательств под пыткой, – но и когда удавалось написать книгу и ее напечатать и вручить читателю для прочтения, никого она ни в чем не разубеждала, каждый продолжал верить в то, во что верил – поэтому, когда это было возможно, прибегали еще к одному аргументу, выражаемому в формуле «Чудо, Тайна и Авторитет».

Почти вся моя жизнь прошла под знаком Авторитета марксистской истины, якобы удостоверенной Наукой, прогрессивным человечеством или тем, что «весь советский народ верит как один, и я единственная паршивая овца в монолитном стаде» или силой принуждения КГБ, заменяющей чудо.

Христос убедил Фому, показав ему свои язвы, то есть с помощью чуда, Церковь убеждала народы авторитетом и силой или кострами, и снова я единственный, кто из троицы убедительных аргументов не посягает пока на один – на Тайну. Авторитета у меня нет, читателей только трое, в газетах про меня не пишут и по телевизору не показывают, руку на несогласных я не поднял ни разу, чудес совершать мне не дано.

"Парадокс Христа состоит в том, что будучи Богом, он не прибегает к свидетельству чуда", говорит Киркегор и кружок писателей и философов, объединенных вокруг Легенды о великом Инквизиторе. *"Он разрешил человеку избирать истину согласно собственному своеволию* и даже разрешил Возмущение, то есть отпадение от христианства" (но при этом, добавляет Киркегор, он велел человеку не забывать о своей божественности и не удивляться, если за отпадением последует воздаяние). Лживый парадокс я пока увидел только в философах. Кто разрешил нам своеволие и когда?

Великая Французская революция провозгласила своеволие, «свободу, равенство и братство» (правда, немалой ценой, головы на плахе под ударами гильотины тоже летели, но костры были временно отменены) – но могу ли я **доказать** хоть букву в едином слове своей отчаянной книги?!

Ни одного человека мне не удалось ни в чем убедить – а разве я худший философ, пишущий по крайней мере понятнее Киркегора и избегающий подтасовок вроде той, к которой прибегают все философы уже две тысячи лет: «Он принес нам Любовь и Свободу?!» (И Европа дымилась кострами, а уста были запечатаны, и Страх Божий был в основаньи любви, как об этом пишет Константин Леонтьев и согласны все богословы).

Быть может, еще до рождения я согласился родиться так, чтобы ни от кого не отличаться существенно, быть как все. Я переболел всеми болезнями. Отца моего убили на войне. Мать была несчастной и бедной. В тюрьму попал ни за что (и теперь имею об этом свидетельство и получаю вместо пенсии по две тыщи рублей ежемесячно компенсации!). Даже в психушку попал ни за что (хотя за это **ЕДИНСТВЕННЫЙ** из жителей прежнего СССР имею бумагу, в которой за подписями главных психиатров России написано, что я единственный в здравом уме!)

Я согласился быть не отмеченным выдающимися способностями, не получать наград, признания, денег и славы, ни одно издательство не напечатало ни **ОДНОЙ** моей книги (это я сам печатаю в типографии свои книги по 2 экземпляра), согласился ничего не добиться в своей жизни, быть забытым после смерти, согласился быть не убедительным, не авторитетным, не властным, не богатым, не совершать чудес, не воскресать, не бежать из тюрьмы, не иметь учеников, последователей и союзников, не... не... не...

Итак, я **НИЧЕМ** не отличаюсь от всех! И так же умру, и даже не воскресну (но и другие тоже, потому что перечтите евангелие, там сказано, сколько тысяч избранных воскреснет, остальным ничего не светит).

Я имею те же слабости, что и все, те же грехи, что большинство (с меньшинством злых, жестоких и завистливых я не совпадаю).

Что же у меня тогда есть, что я все таки еще на что-то надеюсь?

Я всегда жалел мир, культуру и человека. Мне сочувствуют дети. Я сочувствую женщинам. Пытаюсь по мере сил помогать нуждающимся.

*Способен влюбляться в тех, с кем сталкивает судьба, страдать, волочиться, стоять на коленях, проклинать и прощать, лить слезы. И все же в конце концов **ПРОЩАТЬ** и уступать их собственной воле, не настаивая на своей. Вот только этим я чуть выше других.*

3. О, Манон!

Уже смеркалось. Ни одного огонька, ни одной тропинки. Где то вдали снова почудились тени, словно русские философы на картине ...

И вдруг из сумерек вынырнула сияющая Манон, в брюках и кофте, с дырявым зонтиком над головой.

О, мой философ! – воскликнула она, заламывая руки. – Ты все еще стоишь здесь, под дождем, заламывая руки, ты еще ее ждешь, ты еще на что-то надеешься? Ах, насколько ты лучше меня, изменницы! И все же я к тебе всегда возвращаюсь, как видишь, я все же люблю тебя, а еще потому, что *ты – лучший!*

Ну что ты привязался к несчастной женщине, она про тебя давно уж забыла, волхвы послали меня к тебе, чтобы я тебя увела и утешила: ты ведь знаешь, как нежно я умею утешать несчастных!

Кто-то другой завладел ее сердцем, неважно, Бог ли это или герой или просто мужчина, обладающий чем-то, что его возвышает над другими: богатством, силой или властью – а у тебя нет ни того, ни другого, хотя ты и самый умный! Но женщины ум не ценят, мой милый... кроме меня... я ведь даже начала читать твои книги. Никого убедить ты не смог, а меня убеждаешь.

Оставь ее мужу, любовнику, Богу... Кто из них кажется ей самым достойным, тому ты ее и оставь – если ты хочешь, чтобы она была счастлива. Женщина любит сердцем, и понимает сердцем... хотя, по правде сказать, она толком ничего понять не может, ее просто берет кто-то за руку и приказывает идти за собой, и она идет. Только я тебя избрала сама.

– О, Манон, я тебя обожаю! – воскликнул я. – Не покидай меня, будь со мной, спаси меня, я погибаю!

Она с жалостью на меня посмотрела, утирая мне слезы.

– Ты так страдаешь, что у нее похитили ее память – а ты уверен, что там было что похищать? Я стряхиваю скатерть после вчерашнего пира, нисколько о том не жалея, вот так и она, словно скатерть, стряхнула воспоминания!

– О, нет, Манон, нет! Даже если она меня стряхнула как крошку хлеба, но я только часть мира. Неужели и весь остальной мир она могла стряхнуть так же? С кем же она останется?

О, Манон, если *здесь* пустота, то человек и *там* продолжит ее же! Ну пусть никто из нас не может ничего доказать, в конце концов, и апостол Павел говорит: «Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним. Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похваюсь, разве только немощами моими. Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня.»

Разве апостол Павел рискнул доказать более, нежели то, чем являлась его жизнь... и его писания, неотделимые от его жизни?

Даже если нам даны откровения, то они свидетельствуют об истине только нам, а мы уже свидетельствуем о том, что знаем и что смогли испытать, и что нам дано в *откровении*, другим, но не требуем, чтобы нам веровали, потому что нам было дано нечто.

И потому ничто не доказано, и ни единое слово у меня, и ни единое слово у тех, кто нашу жизнь умаляет и не ставит ни во что, кто обещает нам нечто выше всего, что есть в мире, но требует отречения от того, что нам дано здесь – и самое главное – от нашего сострадания к страдающим и нашей любви к ним. Они обещают любовь большую – вместо той, что нам дана здесь... о, Манон! – решилась ли бы ты своего ребенка доверить чужому? Особенно тому, у кого никогда не было своих детей? А христианство не только – в идеальном своем образе – безбрачно, оно и *бездетно*, и бесстрастно, и безлюбовно, и без-сострадательно! У него всё всеобщее и ничто не индивидуально. У него все доказательства сводятся к чуду, от способности к которому, возможно, я отказался не случайно, потому что я решил оставить себе только бесконечную боль и бесконечную привязанность к одной – *только к одной!* Но кто уже знает, что такое любить одну единственную, не верю я, что тот может любить многих, тем более – всех! Ибо мать должна любить прежде своих детей, и только потом других. Ибо мать, которая одинаково любит своих и чужих, НЕ была никогда матерью.

Или, возможно, так... Бог любит всех, потому что мы все его дети. Он не избирает и не отделяет одних от других (хотя, как вы помните, избран, как говорится в евангелии, *для спасения* только *малый остаток*, остальные же будут палиться в геенне огненной, где «вар и скрежет зубов»). Но – предположим – что Бог любит всех (что противоречит Священному Писанию). Но я – не Бог. И Он это знает, и я тоже. Я не могу любить всех одинаково и НЕ буду. Я люблю так, как и я, и мои близкие, мужчины и женщины, любим и можем любить. Те же, кто любит всех, не любят никого!

Возможно ли доказать, что мы должны от нашей любви отречься, предать наших близких, перестать их любить так, как нам было дано при рождении, и перемениться, стать другими Я (как говорит Киркегор), любящими иначе, не так, как здесь, а как потом надо будет любить там? Отказаться от всего, что нам дорого (как говорит Игнатий), распять душу, распять любовь (если вы читаете хоть что-нибудь, то именно этими призывами переполнена вся христианская литература), возлюбить только одного Бога?

О, как я устал от этих бесплодных словопрений!

Старец Зосима в «Братьях Карамазовых» говорит, что *хотя доказать ничего нельзя, но можно проверить* – но как проверишь, надо ли отречься от своих близких во имя Бога? Что надо отказаться и от отца, и от матери, и от брата и от сестры, и от возлюбленной? Ибо *«всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»?*

Но как мне оставить женщину, которая мне и сестра, и дочь, и возлюбленная, и которая дороже даже и вечной жизни – не так ли и мать?

– И я в тебя верю именно поэтому, – воскликнула Манон, – что человек не должен отречься от того, что любит на земле, потому что такому нельзя верить и на небе. А ты, верный земному, будешь надежен и там, если они тебя туда возьмут, те же, кто бросил здесь нуждающихся в любви, бросит и там.

– Да, моя ласточка, я тебе даже приведу пример – представь, что санитарка тащит раненого с поля боя, он уже недвижим, неизвестно уже, бьется ли его сердце, но она из последних сил, рискуя собой, его тащит! Что она скажет на повеление *«оставить мертвых хоронить своих мертвецов»?*

Знает ли хоть кто-нибудь из тех, кто заполнил сегодня пространство жизни призывами отречься от земной любви во имя любви к Богу, что такое *верность, преданность, сочувствие к человеку во имя его самого?! Нет, они оскопили не только тела свои, но и души, и есть ли хоть что-нибудь, на чем мы можем сойтись со скопцами?!*

– Она отказала тебе в последней прощальной встрече, а ты все еще оплакиваешь ее! Она обещала умереть, если что-нибудь случится с тобою, но не придет проститься с тобою, когда ты умрешь, а ты все еще любишь ее!

Да стоит ли кто-нибудь из них, предающих наши земные привязанности во имя небесного блаженства, хотя бы одной крошки с нашего пира любви? Нелепо с ними спорить, а ты споришь. ВСЯ наша жизнь, вся история, музыка, литература, поэзия, романы, все почти женщины, когда-то любившие, когда-то рожавшие, когда-то целовавшиеся с мужчиной, спевшие хоть одну песню, хотя бы колыбельную, все крестьянки, засевавшие поля и испекшие когда-нибудь хотя бы одну лепешку, все, кто смотрел на небо и видел на нем облака и звезды и луну и солнце – все они свидетельствуют против их воображаемого бездушного мира, в котором нет жалости!!! Кого из любимых они способны вспомнить? К чьей могиле они способны прийти на прощание? Зачем им любимые, зачем родные, зачем друзья, они предали все земное, и тех и этих, превратившись в листья бездушного небесного древа! Отрекись от нее, как она отреклась от тебя! Она недостойна твоих слез и твоей жалости! *Зачем тебе эта женщина, если в ней нет уже ничего женского?!*

– Кажется, я любил в ней скорее свое дитя, но не женщину... я никогда не воображал, что буду с нею вместе одною плотью, хотя каждое прикосновение к ней было восторгом нежности. Представь себе, и прежде, даже когда я был подростком, меня охватывал восторг и умиление, когда с возлюбленной мы оставались рядом около того, что возносит душу – около костра в лесу, звездного августовского неба, около открытой печки в доме в сумерках, рядом в концертном зале, когда на нас льется музыка, под июльским дождем. Смотреть в ее глаза было уже всем счастьем, большего я и не желал. Но эта любовь так мучительна потому, что в ней словно вместились все виды любви, какие я испытал в своей жизни, она была и подругой, слушающей мои рассказы, и преданной ученицей, впитывающей мои поучения, и соратницей, с которой я был готов отправиться на поле боя и там погибнуть во имя правого дела. И если я мечтал еще о последнем вознесении, то оно состояло бы в том, чтобы ее защитить и погибнуть, заслонив ее от пули.

4. Жизнь с Богом!

Христос внес в наш мир не только противоречие и парадокс, как пишет Киркегор (и иные из противоречий он пытается снять в своей философии, другие же объявляет трансцендентно неустранимыми, как требование *возможности и необходимости возмущения Христом* во имя свободы и обещание наказания за возмущение как за богохульство) – но Христос внес в наш мир *путаницу*, он запутал *логику* и здравый смысл, требуя, чтобы они смирились с нарушением естественной связи чувств, событий и предметов, то есть приняли *чудо* и *сверхъестественное* как должное, как часть нашего мира, как «естественные» эманации того мира в этот – и это для логики и философии оказалось посильным как в *архаическом сознании*, так и в *мистицизме*... но вслед за тем произошла девальвация чуда, дошедшая в средневековье до своего апофеоза в *продаже индульгенций* (в платном отпущении грехов), а в наше время дошедшая почти до маразма в повседневном производстве чудес, когда зажигаются ежеминутно самопроизвольно свечи в храме, когда мироточат все иконы всех храмов, хотя даже не каждая береза изливает весною березовый сок... (и кто останется вскоре в храме кроме юродивых, блаженных, святош и кликуш?!)

Путаница внесена и в эстетику, в восприятие красоты и в ее должное существование в мире, началась война и против искусства. Восторг и умиление красотой женщины обратились в *похоть плоти и похоть очей*, изваяния на улицах Афин стали идолами, и даже в театре женские роли женщинам были запрещены (как еще во времена Шекспира).

Но самая страшная путаница опутала нравственный мир человека, началась война против человеческого во имя божественного, против души во имя духа. Естественные отношения людей оказались все пропитаны грехом и требовали своего отрицания. Нет в Священном писании ни одной женщины, зачавшей и родившей ребенка естественно, ВНЕ замысла Божия, в страсти и в любви (но только тогда, когда страсть невозможна). Нет ни одного ребенка (кроме Христа). Нет детского смеха. Нет никакого смеха, и почти две тысячи лет считалось, что смех от дьявола. Нет игр, нет театра, нет поэзии, нет признаний в любви. Нет семейной жизни, ни грешной ни безгрешной. Нет труда, нет творчества...

Смыслом и целью жизни стала «Жизнь с Богом».

И я попытался читать объяснения философов, богословов, священников, просто верующих, чтобы понять хотя бы смутно, что это такое.

Я прочитал тысячи статей, лекций и монографий, воспоминаний, исследований и обзоров. Нет, я ничего в них не понял, хотя даже Киркегора уже мало помалу понимать начинаю, которого еще до конца не понял ни один смертный. Но в той пустой и бессодержательной схоластике, которая обволокла меня в этих священных текстах, я не сумел уловить даже хотя бы одну вразумительную цитату, кроме того, что это *жизнь ... с Богом!*

И я вспомнил, что точно то же самое было, когда мы изучали в школе и университете марксистскую философию – та же пустыня, ни одной живой мысли, ни одного живого слова...

5. «Люди лунного света»

*Христианство – это религия мертвых.
В центре ее гроб.*

В. В. Розанов

На днях начал перечитывать Розанова – мрак и беспросветность, лучше застрелиться, чтобы не видеть эти «тупики человечества», связанные, как ни странно, с поисками высших миров и переходов в них – но эти «высшие миры» мрачнее самого последнего адского мрака.

– Миленький мой! – воскликнула Манон. – Настолько все то, что ты рассказываешь, отпадает от жизни людей, *подавляющего большинства людей*, что не может ли это все быть только сном, может быть, *сном разума*, а скорее всего, *сном души*, как в «Сказке о мертвой царевне»?

Пойдем со мною! Оглянись вокруг! Мы тоже временами ходим и в церковь, и молимся, и зажигаем свечи, но церковь и вера **не** отменяют и *не подменяют* нашу живую жизнь! И пусть для тех, кто *поскользнулся на вере в Бога*, мы не настоящие христиане, пусть для Киркегора мы даже **СОВСЕМ** не христиане, но в конце концов весь этот мир создали только мы, и даже храмы мы строим, и железные дороги, и открываем лекарства, которыми они лечатся, и создали Интернет, и печатаем их книги, и печем хлеб, который они отвергают во имя духа! Оставь их, это они мертвые, и живут уже в царстве мертвых, и спят во гробе. А мы еще живы и еще способны быть даже счастливыми!

Ты знаешь, как я тебя нашла?

Я оглядывалась вокруг и нигде тебя не было, и так я дошла до какой-то бесцветной серой невыразительной мокрой пустыни, но и в ней, насколько проникал мой взгляд, тебя не было.

Я остановилась и начала вглядываться и вдруг на горизонте, которого, по существу, тоже не было, увидела словно бы свечение. Я пошла к нему, и оно все больше разгоралось, и наконец я поняла, что это радуга.

А когда подошла совсем близко, то увидела, что радуга – это ты!

Что ты здесь делал, в этом мертвом мире?

– Сначала я ее искал, потом, когда понял, что ее нет даже здесь, и она воистину на той стороне границы, отделяющей от нас царство мертвых, я ее стал оплакивать...

– Надо ее забыть. Надо перестать ее вспоминать, перестать о ней плакать, даже перестать ее любить. Она умерла, притом умерла, как мне кажется, с ненавистью ко всему живому, отрицая его, отвергая, гнушаясь.

Она перешла в царство мертвых с ненавистью к тебе и с жадною твоего уничтожения, хотя бы в своей собственной памяти. Нет, это не ее посадили в клетку, это она сама добровольно туда заперлась и тебя в себе истребила!

– О, Манон, ты разбиваешь мне сердце. За что ей меня ненавидеть?

– Но ведь назвала же она твою любовь *омерзительной*?

Какая женщина могла бы не гордиться тем, что вызвала такую любовь, как твоя, что ее полюбил такой мужчина, в которого может влюбиться любая девушка?! И что же? Твоя любовь вызывает у нее ненависть и омерзение!

Значит, она отвергла в себе женщину, и все, что напоминает ей о женственности, ей невыносимо.

Посмотри на меня, сколько восхищенных взглядов я ловлю от мужчин, но они мне не интересны, мне интересен только ты. Опомнись, забудь ее!

– Да, мне временами уже кажется, что я сам вот-вот сойду с ума и останусь в царстве мертвых. Вероятно, я уже не люблю ее, во мне какое-то болезненное раздраженное чувство, не только против «людей лунного света» и «скопцов, оскотивших себя самих для Бога», но уже раздражает и возмущает меня всякое воспоминание и всякая мысль о *ней*. Но ведь она не была такой, как теперь! Она была счастливой и сияющей, когда мы с нею встречались, она была ЖИВОЙ. Что же она, покончила жизнь самоубийством? Причин для этого не было, отчаяния не было в ее последних записках.

Но ты права, мне надо найти новую твердь под ногами – пусть не для надежды, но хотя бы для *просветлённого отчаяния*. То, которое я переживаю, темно и невыносимо.

6. Хранитель Бытия

– Вы спите, поэтому все, что вы скажете, будет искренне.

Итак, Вы просите, чтобы из вашего прошлого было убрано все, что с ним связано. Вы не хотели с ним встретиться, не встречались, не любили, не плакали, не были счастливы?

– Да.

– Но теперь ответьте так, как Вы тогда думали и чувствовали.

Вы хотели, чтобы он полюбил Вас? Вы были счастливы, когда узнали, что он любит Вас?

– ... Да.

– Вы хотели с ним встречаться, были счастливы благодаря встречам, письмам, разговорам?

– ... Да..

– Вы любили его?

– ....

– Вы должны сказать правду.

– Да, я любила его, я не могла без него жить, я думала, что если мы расстанемся, то я умру.

– А теперь Вы ненавидите его?

– ... Не знаю... Я не хочу его вспоминать. Его не было.

– Вы говорили, что лучше его нет, что он самый умный, добрый, великодушный, что если с ним что-нибудь случится, то Вы покончите с собой??

– Да, тогда я так думала.

– Вы ненавидите любовь между мужчиной и женщиной?

– Да, потому что...

– Не надо повторять Игнатия, он уже все сказал, и другие, такие же как он, что любовь – это зло и мерзость, и что она растает под лучами Бога... Вы думаете, что Изольда напрасно любила Тристана, что Жанна напрасно любила Францию, что вместо этого им надо было молиться?

– Да, напрасно, только с Богом человек счастлив, но не с любовью.

– Но Вы уже не встретите другого, которого сможете так полюбить, как вы любили друг друга. Однажды ночью Вы будете безутешны, заплачете, но он уже не услышит, он больше не придет к Вам. Я помогу ему Вас забыть, чтобы спасти его. Я скажу, что Вы не стоите того, чтобы он продолжал страдать из-за Вас. Но его прошлое, его воспоминания, его горькая жалость, ради которой он Вас полюбил, останутся с ним, и у него не будет вражды к Вам, печаль его будет светла. Только Вас рядом с ним не будет.

Сегодня он прекращает свой бесконечный разговор с Вами, отворачивается от Вас и уходит. Навсегда. Мне тоже жаль, что Ваша любовь так бездарно закончилась. В человеке есть, в какой-то подземной глубине, помимо воли к жизни и к продолжению жизни еще и воля к небытию, ненависть к произрастанию, цветению, плодоношению. Она вдруг прорывается, как магма из казалося бы давно потухшего вулкана, и человек уходит из подлинной жизни в мир иллюзий. Так ушел Киркегор, Игнатий, уходите Вы...

Но Вы еще можете однажды проснуться, для Вас еще возможно чудо.

7. Печаль моя светла, печаль моя полна тобою!

Но я ее все еще жалею, я не могу отречься от жалости!

Я хочу ее возвращения к свету и жизни. Нет, никогда я не был преградой ее любви к близким, пусть бы она вернулась к семье, нашла утешение и гармонию в любви к мужу – ибо через жизнь, только через жизнь мы можем почувствовать небесный свет, НЕ существует «жизни с богом» вне глубокой и яркой земной жизни! О, я был бы счастлив, если бы она слушала музыку в филармонии, сидя рядом с мужем и детьми и улыбаясь им, и если бы я узнал когда-нибудь, что вот такова ее жизнь, я воскликнул бы: *«Печаль моя светла, печаль моя полна тобою!»*

Почему мы снова скатываемся в средневековье, непостижимо! Как будто в человеке все время существует этот вирус поклонения смерти, и как только такие, зараженные вирусом, оказываются вверху, так начинается вакханалия ненависти к жизни.

Все, это последние слезы, я больше не буду плакать, я уже не буду ее вспоминать, а значит, не буду страдать, вспоминая.

Пойдем отсюда, Манон, не жалея меня, не плачь и ты, тебе ведь не о чем плакать?

И вдруг слезинка упала с ее щеки на мокрый песок и зашипела, как будто она была раскаленной, и на этом месте сначала образовалась небольшая ямочка, как на ее щеке, затем в ней показался росток, он стремительно рос, вверху образовался бутон, увеличился и начал распускаться.

Роза, чудная роза заалела посреди мокрой ноябрьской пустыни.

Я наклонился, чтобы дотронуться до нее, и укололся о шип, на пальце показалась капелька крови, скатилась и упала рядом. Затем еще одна. И все повторилось, сначала возникли ямочки на щеке пустыни, затем в них появились росточки и из них возникли сначала прекрасная белая Лилия, затем фиолетовый Ирис.

"Я больше не буду тебя ругать! – прошептал я. – Никогда! Прощай, любимая моя, и прости меня за то, что я не смог тебя спасти!"

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Христианство и Церковь

1. Посреди ноябрьской пустыни

23 ноября 15. Жаль, что нельзя из чужих сочинений переписывать целые главы, целые статьи, когда в них сказано то, что сам хотел бы сказать, лучше, полнее, ярче.

Вчера был на концерте, слушал музыку Вивальди, Моцарта, несколько прекрасных концертов для флейты с оркестром мало известных композиторов... Какое счастье, что существует музыка! Как и поэзия, литература, философия, как жизнь и любовь! Я уже надеюсь, что выхожу из мрачного подземелья к свету.

Я много лет жил не отделенно от христианства, приходил в храм, слушал песнопения, простаивал службу, читал множество сочинений, и философских, и богословских, множество романов, в которых присутствовали и вера в Бога, и отношения между людьми, некоторые из которых думали, что они христиане. Это так называемое срединное или *посюстороннее христианство*, в действительности христианством не являющееся, а только некоторым театральным дополнением к жизни. Мы – зрители, а не актеры в той драме, которой является христианство, и поэтому я не должен раздражать своей книгой даже тех, которые думают, что будут жить, как *бабушка скажет*.

Я и сам был знаком и с множеством священников, и даже с монахами и епископами, пил даже с некоторыми из них водку, они такие же христиане, как я, да и Анна не больше, чем я. Такая же христианка моя бабушка, мама, родные и друзья.

Жизнь меня столкнула с христианством по другому, чем большинство других, но так, как сталкиваются мать или отец, у которых неожиданно сын или дочь уходят в монахи (и отец Игнатия Брянчанинова стоял перед сыном на коленях, умоляя не идти в монастырь), как Регина, жених которой вернул ей с письмом помолвку и обручальное кольцо, как все те, близкие которых вдруг «обручаются с Богом и уходят из мира», как моя недавняя ученица.

Что такое христианство, понять и узнать можно, либо прочитав Новый Завет, либо сочинения Киркегора, либо несколько сочинений Розанова, в частности «Люди лунного света».

Из его статьи «Русская церковь» я приведу несколько отрывков.

2. Крещение

«Русские были крещены в 988 г. при киевском князе св. Владимире от греческого духовенства. Хотя они приняли христианство еще до формального и окончательного разделения Церкви на Восточную и Западную, – однако, так как связи у них были только с одной Византией, то, по скором отделении Византии от Западной Церкви, и русские были уведены из древнего общего христианского руслу в специальный поток византийского церковного движения. Или исторически точнее: русские вслед за Византией вошли как

бы в тихий, недоступный волнениям и вместе недоступный оживлению затон, тогда как западноевропейские народы, увлеченные за кораблем Рима, вступили в океан необозримого движения, опасностей, поэзии, творчества и связанного со всем этим черным трудом неблагообразия. Разница между тишиной и движением, между созерцательностью и работою, между страдальческим терпением и активной борьбою со злом – вот что психологически и метафизически отделяет Православие от Католичества и Протестантства, и, как религия есть душа нации, – отделяет и противопоставляет Россию западным народностям.

Замечание. Прекрасно все сказано, но – и у Розанова иллюзии в отношении Запада, словно у них не было Торквемады и процесса над Жанною Д*Арк.

Кроме того, их исторический прогресс в науке и культуре обусловлен вовсе не Римской церковью, а тем, что Запад развивался на той почве, которая оставалась после Римской империи, пусть и на пепелище, но на котором остались целые статуи, памятники архитектуры, и недопаленные книги. И церковная «ученость» поневоле пользовалась античной ученостью.

«Разлагаясь, умирая, Византия нашептала России все свои предсмертные ярости и стоны, и завещала крепко их хранить. Россия, у постели умирающего, очаровалась этими предсмертными его вздохами, приняла их нежно к детскому своему сердцу, и дала клятвы умирающему – смертельной ненависти и к племенам западным, более счастливым по исторической своей судьбе, и к самому корню их особого существования – принципу жизни, акции, деятельности.

Дитя-Россия приняла вид сморщенного старичка. Так как нарушение “Устава” папами было причиной отделения Восточной Церкви от Западной, или разделения всего христианства на две половины, то Византия нашептала России, что “устав”, “уставность” – это-то и есть главное в религии, сущность веры, способ спасения души, путь на Небо. Россия испуганно приняла эту непонятную, но святую для нее мысль; и совершила все усилия, гигантские, героические, до мученичества и самораспятия, чтобы отроческое существо свое вдавить в формы старообразной мумии, завещавшей ей свои вздохи. Как “уподобиться” Византии, – в этом состояло существо исторических забот России в течение более чем полутысячелетия. И, в конце концов, ведь форма влияет на дух. Россия чем далее – тем глубже “умерщвлялась” и духовно.

3. Умерщвление

(В юные годы) человек не находит ничего себе соответственного в храмах наших, в службах, в напевах церковных, в смысле слов, так слышимых, в церковной живописи. Все жизненное, живучее, крепкое земле, преданное труду, надеющееся на людей и их свойства человеческие – не только стерто здесь, но вырвано с корнями; и выброшена за порог церковный самая земля, на которой могли бы укрепить свои корни эти земные лилии.

В православном русском храме, такие с всемирной точки зрения слабости, как дряхлость, немощ и убожество, как нищета и социальное ничтожество – оцениваются как положительная добродетель, как заслуга перед Богом, как небесное на человеке сияние.

Быт народный, все цветочки, все листочки на нем обрывались с отвращением сперва греческими монахами, крестившими и начавшими учить Русь, затем – выучившимися у них русскими монахами, и, наконец, священниками, которые хотя и не монахи по форме, но не могут получить сана своего иначе, как пройдя монашескую [по духу и строю] школу и приняв монашеское настроение, дисциплину, миросозерцание и этику. Вообще, хотя низшее духовенство, т.е. обыкновенные священники, женато в России, и Восток гордится даже перед Западом, что ... не отрицает, в лице духовенства, заповеди размножения: однако русское духовенство, и именно это самое женатое, неизмеримо аскетичнее католического; и в поэтическом смысле, а не в смысле чистой физиологии размножения, оно гораздо менее женато, нежели католическое. Странный дух оскопления, отрицания всякой плоти, вражды ко всему вещественному, материальному – сдвинул с такою силою русский дух, как об этом на Западе не имеют никакого понятия. ....

Русские церковные напевы и русская храмовая живопись – все это бесплотно, безжизненно, “духовно” в строгом соответствии с общим строем Церкви. Богоматерь, питающая грудью Младенца-Христа – невозможное зрелище в русском православном храме. Здесь русские пошли против исторически-достоверного слова Божия: например, хотя Дева-Мария родила Иисуса еще юною, никак не старше 17 лет, однако с Младенцем Иисусом на коленях Она никогда у нас не изображается в этом возрасте. Богоматерь всегда изображается как старая или уже стареющая женщина, лет около 40, и держа на коленях всегда вполне закрытого (сравни с католическими обнаженными фигурами) Иисуса; она имеет вид не Матери, а няни, пестующей какого-то несчастного и чужого ребенка: лицо ее всегда почти скорбное и нередко со слезою, вытекшею из глаза.

Вообще **Голгофа перенесена в самый Вифлеем и вытравила в нем все радостное, легкое, все обещающее и надеющееся.** Никогда не видно в православной живописи (самобытной и оригинальной, распространенной повсеместно) и животных около Вертепа Господня: коров, пастухов, маленьких осликов. Вообще **животное начало с страшною силою отторгнуто, отброшено от себя Православием.** Все это выросло из одной тенденции: истребить из религии все человеческие черты, все обыкновенное, житейское, земное, и оставить в ней одно только небесное, божественное, сверхъестественное. Так как, в сущности, метафизичнее смерти ничего нет, и ничего нет более противоположного земному, чем умирающее и умершее: то в этой крайности направления **Православие и не могло не впасть в какой-то апофеоз смерти, бессознательный для себя и однако мучительный.** Отсюда такая искажающая истину тенденциозность, как представление Богоматери почти старухою; таково утверждение, что Богоматерь и “до рождения”, и “во время самого рождения”, и “после рождения Спасителя” осталась девою, хотя в Евангелии сказано, что она принесла в храм двух горлинок, что делалось еврейками по окончании женского послеродового очищения, и, будучи жертвою за нечистоту этого процесса, не могло быть принесено Св. Девою без него. Да и физический акт родов младенца, все равно, если рождающийся был и Бог, однако же имевший физическое тело

именно младенца, не мог совершиться без нарушения главного и единственного признака девства, именно без разрушения девственной плевы. В Евангелии, при указании принесения в жертву двух горлинок, так и изложено это событие, как совершившееся в обыкновенных человеческих чертах. Но православные недолимо гнушаются внесением “обыкновенного” в религию: и вопреки тексту Евангелия бурно утвердили так называемое “приснодевство” Марии, т.е. **они, в сущности, как бы закрыли ладонью евангельское событие и сочинили на место его другое**, свое собственное.

Свет младенца, радости родительские, теплота своего угла, поэзия родного крова – все это непонятные русскому (кроме образованных, атеистических классов) слова, все это недопустимые с церковной точки зрения понятия; церковь допускает, что если супруги вступают в соединение, то должны иметь при этом цели, какими приблизительно задается католический патер, идя в дикие страны: ...русская чета должна думать не о себе, а о том, что через рожденных от нее детей, обязательно крестимых в православие, возрастет численность православного населения и мощь веры... Самим родителям, самой семье не уделяется Церковью никакого внимания, не допускается в идее никакой их интерес.

4. Жизнь церкви

“Церковь – не от мира сего”, учила о себе Церковь, возлюбив и власть, и ордена, и отличия, а паче всего не пренебрегая деньгами. Глубокая скорбь прошла через душу русскую, в ее идеализме ужаснувшуюся этому двуличию.

И в то время, как священники склоняются перед епископом в рабском страхе, – он, народ, склоняется перед “пастырем и архиереем, видимым олицетворением Христа, чуждым страстей и помышляющим об одном небесном”, с чувством богомольного, боготворящего умиления, с чувством восторга. Духовенство наше, особенно в высоких рядах монашества, чрезвычайно любимо, до обожания, до обожения.

В общем, однако, Русская Церковь увядает своим особым способом, по своему особому типу...

Увы, “люби ближнего” – никак не отвечает на вопрос о составе света, химических соединениях, законе сохранения энергии. Православие более и более сходит к моральным трюизмам, к прописям то легоньких, то трудных добродетелей, **которые не могут помочь человечеству в великих вопросах голода, нищеты, труда, экономического устройства.**

...Религиозное мышление, в пределах схемы православной, давно представляет собою иссохшую мумию в драгоценном саркофаге, о которой никто не заметил даже момента, когда же именно она перестала жить и дышать. Всегда она была та же; всегда страшилась изменить свои черты; всегда считала себя “истиною”. И никто не заметил времени, когда эта “истина” с недвижимыми чертами перестала быть кому-нибудь нужною и занимательною.

Христианство сохранится в европейской цивилизации долее всего в виде странствующих афоризмов, прекрасных изречений... Но это вовсе не то, что основа и фундамент жизни. Основую и фундаментом жизни европейского человечества давно уже служат **экономика** и знания (науки). ...»

5. Воцерковление

Трудно что-то добавить к словам Розанова, да и устал я уже от критики христианства, к тому же, быть может, если эта книга будет еще нуждаться в дополнении, когда-то вернусь я к Киркегору, и разговор свой дополню.

А пока надо перейти к собственно литературным проблемам, отчасти связанным с христианством, то есть к роману Достоевского «Братья Карамазовы», и позже, возможно, что-нибудь еще добавить о любви – если только после того **погрома**, который учинило христианство в моей душе, умерщвляя душу моей любимой и мою любовь, я не уверен, что о любви еще сумею сказать.

Но, однако, скажу сначала о *Воцерковлении*, затем о *Причастии*.

Православие очень крепко держалось за свою обрядовую сторону, как показал Розанов, но ныне все устои расшатываются незаметно для них самих. С одной стороны, оно проникает в жизнь сильнее, чем в девятнадцатом столетии, с другой – оно пренебрегает многими каноническими правилами, неявно отказываясь от них, правилами, из-за которых произошел раскол в православной церкви, так они казались важны, а теперь – важно только то, что служит пропаганде, полезной сиоминутно. И так произошло с *воцерковлением*, сначала произошла путаница в литургическом богословии, а потом и ПОДМЕНА.

Случилось так, что два обряда – первоначально полностью различные и независимые – соединились в один: ...это следующие обряды: предкрещальное *воцерковление матери и младенца* и послекрещальное принесение младенца в Церковь. И в то время, как только первый обряд есть *воцерковление*, в действительности это название было присвоено – несправедливо и ошибочно – второму, что и привело к описанному выше недоразумению. ... Даже теперь, когда крестится взрослый, он не "воцерковляется", и на то есть очевидная причина. Крещение само по себе уже есть *воцерковление* в самом глубоком и полном смысле этого слова: вступление в Церковь как Тело Христово, Храм Святого Духа, участие в новой жизни. Поэтому то, что мы сегодня называем "воцерковлением" – послекрещальный обряд принесения ребенка в храм, а если это мальчик, то даже внесение в алтарь, – не есть *воцерковление* и не должно так называться.»

Поэтому то, что сегодня называют "воцерковлением" – отход от канонов богослужения, предзакатное кажущееся усиление устойчивости церкви.

6. Причастие

Не центр ли это не только богослужения, но и всего христианства?

Розанов называет христианство «религией мертвых» – почему?

Потому ли, что они воскреснут, и, следовательно, вера в воскресение нужна мертвым, или, в крайнем случае, умирающим, более, чем живым?

Потому ли, что христианство призывает и *жить аки умереть*, отказываясь не только от житейских удовольствий, но и от насущного, и Розанов тут же добавляет, что «Церковь – не от мира сего? Но учила о себе Церковь, возлюбив и власть, и орден, и отличия, а паче всего не пренебрегая деньгами!»

(Можно было бы еще добавить, что она была наибольшим владельцем земель и крепостных душ в России, а сегодня богатства духовенства не заметит только слепой или *"истинная" христианка, живущая с богом.*)

Потому ли, что Христос был распят и умер (хотя позже и воскрес... но, впрочем, новые поколения русских крепостных верили, что Ильич *живее всех живых*, а это не "круче" ли, чем *воскресение?*) – и вот потому, что в центр учения была поставлена смерть, мы и называем его религией мертвых?

Но причин две – *противопоставление* того мира, в котором мы оказываемся после смерти, *мира мертвых* (сколько бы они ни воскресали, обыденный ум естественного человека, не христианина, или христианина "посюстороннего", воспринимает тот мир все же как загробный – и мира живых – и *причастие*, особая форма *соединения* с Учителем, которая принципиально отличается от всех других форм соединения и поклонения учителям (хотя соединение с Ильичом через Мавзолей, где лежат его мощи, несколько напоминает *причастие*). В чем же его сущность?

Мтф.: «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое.

И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов.»

Луки: «И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание.

Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша есть Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается.»

Иоанна: «Я есмь хлеб жизни.

Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядуший его не умрет.

Я хлеб живой, сшедший с небес; ядуший хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира.

Тогда Иудеи стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть Плоть Свою?

Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядуший Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день.

Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье.

Ядуший Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем.»

7. Подземелье и Небо

Что же мне делать?

Делать я ничего не могу, я уже побежден.

Единственный путь на подинное "небо" – то есть к духовному и эстетическому совершенству, преображению мира и человека – это **любовь**. Но она уязвима, лишает силы, она тождественна нежности и состраданию, и все могут победить любящего, кто стремится к обладанию и самоутверждению, поэтому остается только смириться с поражением, не любить и не жалеть мою милую, она связала меня так, что я уже не могу ни жить, ни писать: когда стремишься жить, трудно писать, а когда стремишься писать, трудно жить.

Идеальный результат любви – самоубийство, но и жизнь связала меня, и она велит мне терпеть – вдруг чудо придет мне на помощь?!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
РЕКВИЕМ по ОПЬЯНЕНИЮ

Прежде чем перейти к последней части своего философского романа, в которой я окончательно прошусь с христианством (если только не соберусь через год писать третью книгу), я напишу еще несколько прощальных слов о моей миленькой, которую я все еще вспоминаю, хотя уже страсти, гнетущие мою душу, начинают стихать. Да и *печаль светлеет*.

Как бы я ни калялся в своих порывах, но раздражение, обида и упреки прорываются, явно или неявно, почти на всех страницах второй книги. И я покаюсь еще раз, последний, и попробую упреки закончить примирением и теперь уже последним, но мирным уже расставанием.

Думаю, она не будет читать мои книги, мы никогда не встретимся не только воочию, но и в разговоре или в письме, поэтому я не буду к ней обращаться, а к воображаемой собеседнице, представляющей прекрасную половину нашего рода, исключая, может быть, тех, кто отказался быть женщиной. Разве мы обязаны хранить верность своим поклонникам, спрашивают они меня тоже с упреком? Разве не достаточно хотя бы того, что мы оказываем им иногда милость своею симпатией или сближением? Долг велит повиноваться мужьям, мы не всегда исполняем наш долг, и за это мы держим ответ перед самими собой или семьей (иногда и обществом), но какой долг может повелевать нами в общении с нашими возлюбленными, часто не допускаемыми до алтаря? А ты упрекаешь ее и косвенно нас.

Простите, мои дорогие! И я человек, и я умею страдать, потому и не могу всегда сдерживаться.

Она была очаровательна, и я счастлив, что мы с нею немного дружили.

Я не отнимал у нее права поступать так, как она считала нужным, поэтому не вправе ее упрекать за ее жизнь – я для нее один из прохожих, и с этим мне надо смириться.

Чтобы писать о любви существенно, не ограничиваясь только «шопот, робкое дыханье, трели соловья...» – хотя эти слова и прекрасны! – надо испытать все то, что связано с нею хотя бы в относительной полноте – возможно, для этого мне и были даны знакомства с теми, в кого я влюблялся, то счастливо, то несчастливо, то хоть в прорубь вниз головой...

Но и на Страшном суде (боюсь, до меня не дойдет очередь, там и одних грешников среди христиан хватит на вечность) я бы сказал, что "Я не жалею ни о чем, Пока слова покорны взглядам, Пока с тобою тесно рядом По хмурым улицам идем..." И если жалею, то только о том, что мы уже никогда не пройдем с тобою рядом. Ты далеко...

ПРОЩАЙ! Страсти мои уже остывают...

Данте в поэме «Нуова Вита» к стихам прибавляет свои пояснения стихов для несведущего читателя. Как видите, великие не отягощали себя оковами догм не только в вере, но и в поэзии (и даже в любви). Я не так велик, правда, как Данте, но «еще не вечер» – вот почему позволяю себе писать Послесловие, еще не закончив книгу. Но это было Послесловие к любви. Воспоминания о ней тихо уснут на страницах этой книги, не мешай им спать, мой читатель...

25 ноября, 21-00. Был на Вечере, посвященном 150-летию со дня рождения Мережковского и 75-летию смерти Гиппиус. Подростки из юношеского театра устроили великолепный концерт, изображая гимназистов начала 20-го века, затем вручали грамоты участникам Конкурса в честь великих поэтов, потом была пьянка, милая и романтическая, я открывал шампанское, наливал его дамам, увы, не в хрустальные бокалы, а сам пил сначала коньяк, потом водку. Рассказал, для утишения политических разногласий, как трижды встретался с Ирочкой Одоевцевой и подарил ей три яблока.

Поэтическое представление, составленное из стихов Дмитрия Сергеевича и Зинаиды Николаевны, было таким трогательным, что я снова вспомнил мою ласточку и снова чуть не заплакал. Но страсти уже засыпают... Неотвратимо расставание, забвение, тление... Я – побежден!!!!

Любовь остается в вечности только в том случае, когда оба или хотя бы один из любящих погибает. А я остаюсь жить. Почему?

Возможно, потому, что я еще НАДЕЮСЬ... нет, не на преодоление НЕ-любви, а на преодоление их победы...

Что это значит, я еще не понял... НО...

Так неотвратима жизнь, страдания и любовь! Неотвратима ПОЭЗИЯ, музыка и литература. Только любовью и через любовь мы живы – и в это же время наполнено ВСЁ, все магнитные силовые линии, все писания всех монахов, все празднослова всех священников, все тексты всех мифов, все молитвы, все священные песнопения, литургии, причастия, заветы, крестные ходы, распятия и воскресения, отречения, покаяния, будни и праздники – **противопоставлением** ЛЮБВИ К БОГУ – любви между женщиной и женщиной. Стоит только стать христианином... вы уже этим порочите любовь к женщине! Вы уже заодно с Августином, с Игнатием, с Блаженным Иеронимом, Оригеном, Марией Египетской, Торквемадой и Савонаролой... вы уже ненавидите любовь, вы уже с теми, кто высшей доблестью считает **неприкосание к женщине**, кто любит только Бога, церковь, смирение, покаяние, кротость, общение с херувимами и архангелами...

Обычный человек, даже думающий, что он христианин, не отрекается от жизни, но стать христианином значит только одно – возненавидеть жизнь и любовь! И больше я не буду говорить об этом, все разговоры бессмысленны, глухие не слышат, слепые не видят. Мне одна старая актриса рассказывала: «Какие лагеря, откуда они? Мы о них даже не слышали. мы были так счастливы!» Так же счастлив был немецкий народ, пока дымили печи крематориев и пока на их головы не стали сыпаться американские бомбы. И так же были счастливы испанские крестьяне, изгнавшие миллион еврейских ремесленников и торговцев, и так же были счастливы русские крестьяне, когда большевики насильствовали дочерей «белой сволочи»...

Вот почему я призываю читателя не открывать мои книги. Зачем? Он счастлив, а читая меня, он станет раздражен, не прозреет же он, читая меня?!

Я полтора года разговаривал с доброй и кроткой, и ведь притом же и умницей, и талантливой – и вот одной проповеди священника хватило, чтобы она меня возненавидела...

Как я ее любил! Но в бессмысленной любви к Богу утонула ее душа...

26 ноября, 9-37. Я жил и возрастал, учился, работал, даже писал книги – среди *выпивающих*, и сам выпивал (три года, когда сидел в тюрьме и тюремном психДоме, пришлось не пить совсем, разницы не заметил, но там хватало своего своеобразного опьянения; и потом не пил еще в месячной и затем почти полугодовой отсидке). Я и мои близкие друзья выпивали обычно вместе и пили, чтобы опьянеть – состояние выхода за границу реальности, то есть **опьянение** (нечто для нас напоминающее *Пробуждение*, которое проповедовал наш немного старший товарищ Вадим) – и было целью наших выпивок. Старались мы при этом пьянеть не слишком, и в любом случае оставаться и *здесь* тоже, так что обычно окружающие почти не замечали нашего опьянения. Такое состояние называется **двоeverием**, это попытка и принадлежать сакральному миру – и не принадлежать ему или принадлежать еще и другому сакральному миру.

Но иногда мы напивались, тогда мы каялись и страдали, то есть искупляли свою вину, преодолевали ее за счет страдания.

Выход за границу реальности с помощью алкоголя и наркотиков – то есть **психоделия** (не очень мне нравится это слово, но другого я не нашел) постепенно приводит к разрушению и деградации (снижению) личности. *Сумасшествие* – полный выход из реальности, его можно сравнить с опьянением: опьянел и остался пьяным навсегда или на длительное время.

Состояние веры – это тоже переживание особенного состояния, сравнимого с опьянением, у некоторых это разрыв с нашим миром, такой разрыв, в котором ценности, цели и критерии почерпаются не из нашего мира, не из обыденной жизни, не из культуры и даже не из традиций, но из самого состояния веры. Подлинные христиане (вроде апостола Павла, Игнатия Брянчанинова или Киркегора – это именно те, которые из нашего мира ушли и живут в своем мире. Но вымышленный это мир или действительный, мы еще об этом поговорим).

Обыденный человек, *естественный*, по определению Киркегора, даже если он ходит в церковь, слушает литургию, крестится, молится, даже иногда причащается, даже если и считает себя христианином, им не является, это так называемое *посюстороннее* христианство, нечто вроде того, что мужчина в метро смотрит на привлекательных девушек, мы же не кажем, что он влюбленный (тем более *мы* не называем это разворотом, но Писание запрещает и взгляды – *похоть очей*).

Человек, перешедший некую границу, ставший христианином в сущности, опьяневший и не вышедший из опьянения: или *причастился плоти и крови Христовых* и магически остался с Ним; или отказался от имущества, от семьи и друзей, взял крест Его на себя и пошел за Ним, как Франциск Ассизский – этот человек из нашего мира уходит.

Все такие уходы, с помощью алкоголя, наркотика или церкви можно сравнить с впадением в некий сон, в одних случаях этот сон прозрачен, человек видит одну реальность, нашу, только окрашенную несколько по другому, или видит две реальности, или видит только ту реальность (например, юродивый).

Но есть еще ЛЮБОВЬ к женщине, и это тоже опьянение, более и менее сильное, в его возвышенных образцах (ибо мы все пьянеем по разному, и любовное, религиозное и бытовое опьянение бывает и тонким, возвышенным, и вульгарным и низким, и совсем никуда не годится, как фанатизм и сумасшествие) это опьянение отчасти выводит нас за пределы жизни, отчасти саму нашу жизнь вместе с нами выводит на небо, *преобразая*.

Не является ли *Преобразование* личности и жизни конечной целью Любви, которую возвышенный мужчина испытывает к женщине?

Любовь и подобна вере и противоположна ей.

Вера в чистом виде требует ухода от мира к Богу, человек *уходит* в своем одиноком существовании, входя, возможно, в другую семью (монахов и нежителей).

Любовь оставляет человека в мире, преобразая его.

Религиозные тексты, от Священного писания до проповедей отшельников, святых, проповедников и просто людей, "впавших в энтузиазм веры", посвящены Обличению нашего мира и в особенности нашей земной Любви (не только к женщине, но и к Родине, Культуре, Творчеству, Труду). Религия существует в двух формах: в мягкой форме она словно бы и терпимо относится к нашим земным делам (ну, верующим надо бы почитать, что пишут христианские авторы, **ВСЕ**, от апостола Павла, Августина, Дионисия Ареопагита, Фомы Аквинского, Аввакума, до Игнатия и Льва Толстого периода *обращения* и нынешних пламенных комсомолок, впавших в энтузиазм веры, чтобы они не повторяли глупости о терпимости веры к любви, и церкви к жизни. Жизнь с церковью – это пахота на Везувии, который время от времени заливают наши поля своей лавой).

Любовь почти всеобща. Но есть еще особенные состояния, не относящиеся ни к любви ни к вере, во-первых, *вдохновение*... Во-вторых, бывают состояния, переживаемые многими, похожие на вдохновения (но при этом не являются музы), а, например, явления Жанне Д*Арк святых Елизаветы и Екатерины, состояние «Духовной жажды», описанное у Пушкина в Пророке, «Благословляю вас, леса...» у А. К. Толстого, вдохновенные цветные сны, которые видела моя мать в юности, ... и другие...

Любовь, о которой я пишу, совсем не та, которую человек испытывает к Богу (и к ближнему, **видя** в ближнем, как повествует Игнатий Брянчанинов, образ Божий), но совсем другая, это любовь к женщине и вытекающие из нее как рукава в дельте Волги многочисленные Любви (к культуре, родине, семье, детям, Природе...) – и христиане с беспримерной злобою заполнили пространство Интернета тысячами проклятий в адрес этой любви, призывая ее вместе с душой *распять* и *умертвить*.

Вчерашний концерт был посвящен любви, состоял в чтении стихов, посвященных любви... стихов Мережковского и Гиппиус...

Любовь разнообразна, многие испытывают и видят в ней только жажду обладания, ту жажду, которая в *чувственной, эротической, половой* любви христиан прямо бесят эти три слова) непременно присутствует, от почти nulla до почти целого – но в своем развитии и возвышении каждая индивидуальная любовь поднимается до самоотречения.

Лев Николаевич сознается, что преимущественно испытывал жажду обладания, но в старости он встал в оппозицию такой любви и всякую любовь сводил к ней, поэтому с раздражением встретил известие о постановке Пушкину памятника в Москве (там-то и выступил Достоевский с своей знаменитой речью «Обнимитесь, миллионы! – сводя к этому христианство»), говоря, что не надо памятника за *стишки о любви к бабам...*

Жажда обладания в любви присутствует, но может в ней умяться почти до нуля, когда сочувствие, сострадание, жалость, потребность заботиться и защищать (и *спасать!*) выступают наперёд, когда восхищение, умиление, преклонение главенствуют, когда в любви начинает преобладать *свое особенное вдохновение*, некое трансцендентное чувство, возвышающее любовь даже над жизнью... Или, напротив, отношения между мужчиной и женщиной словно бы отходят в тень, и на первое место выходят дети, семья в целом... это та же любовь, только ее другая форма... Потому-то о любви и сложно написать, что она то одно или другое – она разнообразна, принимает разные формы, проявляется по-разному, ставит перед собою разные цели... Одно в ней должно быть неизменно (в ее идеальной сердцевине) – преодоление эгоизма, *растворение в другом* (хотя чаще главенствует воля к подчинению – и то тоже бывает любовью...)

Преодоление эгоизма, растворение друг в друге, взаимное возвышение, переживание особенного состояния вдохновения и перехода словно бы в небесные миры (оставаясь при этом в нашем мире и освещая его светом своей любви, преображая мир и любя его) – вот идеальная любовь, она же может быть названа и *идеальным опьянением!*

Кстати сказать, различные встречи с друзьями и товарищами, связанные и с выпивкой, связаны были в моей жизни и с любовью. Меня приглашали на Дни рождения, у меня проходили Литературно-музыкальные вечера, и я на этих встречах невольно тянул на себя все одеяла. Один мой товарищ однажды за это на меня рассердился и меня не позвал. Потом он каялся и мирился: Увы, говорил он почти со слезами, всем тебя не хватало, без тебя было скучно и не так светло (я это пишу не для своего возвышения, а чтобы себя объяснить – в том числе и себе самому). Возможно, моя миссия состоит в том, чтобы соединять людей в нечто общее, дружбой, любовью, общим делом, общим чувством или сочувствием. Случалось так, что в компании был и еще центр притяжения, и встреча наша от этого только выигрывала, так как при этом, когда этот человек был интересен, я старался ему подыгрывать, следовать или за ним или рядом, но не более. А какие великие люди приходили на наши вечера! И как они бывали счастливы, и с каким сожалением уходили, а мы с женой их провожали, даже когда уходили они не одновременно.

Любовь соединяла нас всех.

Так же происходили и многие наши встречи с моей милой *ласточкой*, например, предновогодний Музыкальный вечер в Концертном зале, я с женой, она с двумя подругами, в антракте я их фотографирую у елки., они перебегают с места на место как солнечные зайчики или свет лампочек в новогодней гирлянде, радостно смеются, смех колокольчиками разносится вокруг елки... Давайте мы сейчас все умрем! – говорю я, – счастливее мы уже не станем!

Я уже понимаю, что случилось, почему она тоже возненавидела любовь, как и ее христианское окружение...

Она боялась, не грех ли – наша любовь, так как мрачный и жестокий Миф осуждает любовь, и ее притащили в церковь, поставили на колени, самодовольный батюшка обещал ей адские муки, если она не отречется от нас обоих, и она отеклась, избрав, как ей объяснили, Бога вместо меня.

Христианство не умильно и не умилительно. Когда осужденного вели на казнь, его сопровождали братья-доминиканцы, иногда целой процессией, пели псалмы и молитвы, обнимали осужденного и гладили его по голове, проливая слезы, радуясь, если он покаялся, и скорбя, если он уходил в тот мир нераскайным. И так велика была их любовь, что перед сожжением они его смазывали маслом, чтобы лучше горел и меньше мучился...

В чем же надо было каяться нам, если я только целовал ее руки?

Если только душ наши сближались и возносились на небо?

Но ее сломали как нежный прекрасный цветок и выбросили на свалку...

Сломали как цветок и мою любовь... Однако ненависть безумных меня закалила еще раньше, я уже давно хожу во врагах истины, еще когда весь советский народ был как один в ненависти к эксплуататорам и к опиуму для народа, когда меня вместе с женой изгоняли из университета за то, что я хожу в церковь, а сегодня почти весь бывший советский народ во главе с теми же самыми прежде хулимыми *батюшками* изгоняет меня из мира и неба.

Неисповедимы пути господни – но, как видно, поклоняемся мы разным богам, во всяком случае, со мною бог бедных, с ними – бог богатых. Со мною бог талантливых и любящих, с ними бог ненавидящих.

Неужели она не увидит, каковы те боги, к которым ее затащили?

Но разве ты безупречен? – спрашивают меня даже те, кто мне готов посочувствовать.

"Вот человек, о котором за три года никто не смог сказать ни одного худого слова!" – сказал надзиратель моей жене, выводя меня за ворота тюрьмы.

И все же и я как все, человек во всех его ипостасях, и в страсти, и в слабости, и в заблуждении, и в возвышении. А разве любовь сродни тем грехам (даже если в ней и найдет кто-нибудь грех), которыми исполнены мысли, дела и намерения и чувства *ревнителей добродетели*?

Я не приобретал, не обижал, не ненавидел. Не предавал, не обманывал, не льстил, не обольщал.

И мою ласточку я все еще люблю, уже не понимая и сам, самонадеянный философ и редактор человеческих дел, какою любовью...

Мы еще с нею встретимся – хотя бы возле того дерева, с которого прекрасная нагая Ева сорвала Плод любви.

За что я на нее сердился? Что она меня бросила? Но разве то, что мы так долго встречались, не перевешивает расставание? Разве я не был счастлив? Разве этого счастья недостаточно? И потому – «Прости меня за все, в чем я не виноват! За дерзость, опрометчивость, погоду, за то, что я дышу тебе в угоду, за хмурый неба вид и грозовой закат. Прости, что вижу сны, во сне ты так мила, доверчива... а я во сне немею. Прости, что в прошлых снах еще не ты была, что скатерть на полях уже не так бела... О большем я просить тебя не смею.»

27 ноября, 9-47. Что-то происходит в моей душе, наилучшим ли образом, не знаю, но зависимость моя ослабевает вместе с любовью.

Существует два противоположных отношения с миром: или *Деятельное участие в мире*, многообразная *любовь*, связывающая с народом, семьей, культурой и образованием, *жажда жизни* – или *Смирение, покорность, отращение к "мирской" жизни* (и как следствие, отстранение от культуры, образования и творчества, отстранение от семьи и народных интересов).

Сегодня (в отличие от эпохи до двадцатого столетия) религия и церковь разделяют народ на два народа, даже одного человека уже разделяют надвое; еще фанатизм и воинствующее невежество не стали всеобъемлющими, но в душах людей уже производят опустошительные нашествия, подобные пьянству и наркомании. Человек поставлен перед выбором: церковь или театр, концертный зал, музей. Церковь или всеобъемлющая Культура. Церковь или семья и друзья.

Я знаю, *почему* я влюбился, теперь пытаюсь объяснить себе – *зачем*. Влюбился я из-за мучительного сострадания и *желания помочь*. И надеялся, что любовь в этом – действеннее всего. Но я оказался зависимым и бесправным, у друзей права на участие больше, чем у влюбленных.

Переживание любви мучительно, ибо любовь – и вознесение и болезнь. Я узнал блаженство, восхищение, умиление, нежность – но и полил все это своими слезами. Но зато я прошел исключительную школу преодоления эгоизма, научился уступать и жертвовать, стал мягче и в отношениях со своими близкими, и в отношениях с миром.

И все же я потерпел сокрушающее меня поражение – я не смог помочь *ей*, злобная сила ненависти к жизни и к душе мира меня победила, и *она* оказалась жертвой, и *ей* теперь еще хуже, чем было в начале нашего знакомства. Я уверен, что освободился от притяжения к ней как к женщине (уничтожая в себе не только эгоизм, но и поэтические чувства, и очарование, и притяжение к красоте) – но я никак не могу на нее повлиять благотворно, она в плену, в клетке, и клюет отравленные зерна химерического блаженства).

И нечего мне уже сказать ни про участие, ни про сострадание, ни про любовь. Вероятно, и я совершил ошибки, но я их пока не вижу, тем более, не знаю, как их исправить.

Впереди, в этой книге, последний разговор о христианстве и о тех двух силах, которые от его имени влияют на человечество: одна из них заключена в призыве Христа пойти за ним, призыве, который и его последователи не до конца понимают; вторая, выступая от его имени, принимает всевозможные формы, от безжалостного катка Инквизиции до мягких уз просвещенного Абсолютизма 19-го столетия, подчинившего церковь, духовенство и веру власти правящего сословия. (В этой связи придется поговорить и о рассуждениях Достоевского о превращении церкви в государство или государства в церковь).

Возможно, надо будет поговорить и об "истинном христианстве" Кьеркегора. Возможно, не все еще сказал я и про любовь. Но сегодня я побежден, и оставлен всеми, и даже Анна отвергла дружбу со мною...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА. УВЕРТЮРА

1. Предпоследнее предисловие к последнему разговору

7 декабря, полночь. Странное ощущение я испытываю в связи с этой книгой и попыткой разговора о христианстве. С детских лет я воспитывался на литературе преимущественно девятнадцатого столетия, читал Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Тургенева, Гюго, Бальзака, Стендаля, Диккенса, позже Шиллера, Гете, Гофмана, затем философию. И я не испытывал душевного дискомфорта, мне были понятны и близки чувства и мысли авторов и их героев, добрых и злых, умных и глупых. Психологическое и интеллектуальное пространства были одинаковы у нас всех. И на богослужении, и слушая проповеди в храме, я оставался в нашем общем мире. Чувство, что я словно вместе с Алисой перехожу в Зазеркалье, возникло у меня впервые при чтении богословских авторов, особенно Кьеркегора.

Мы все, авторы, герои, читатели, шли вместе по одной дороге и слышали друг друга, и стремились к одной цели. Мы влюблялись и жаждали взаимности. Дружили и ожидали верности. Сопереживали подвигам и сами мечтали о них. Надеялись хоть чего-то добиться в жизни, если не богатства и власти, то уважения, некоторого положения в обществе, признания, известности.

Ни один из тех, о ком мы читали и с кем встречались, не ставил своей жизненной целью *спасение души*, не стремился *взять крест и пойти за Христом* (каковы как раз христиане).

Следовательно, и культура девятнадцатого столетия, и мы, воспреемники ее, были *метафизически* отделены от христианства.

Теперь, увы, я впервые знакомлюсь с особенным христианским мироощущением, у которого совершенно другие жизненные ценности и представления о том, что хорошо и что плохо.

Когда я узнал, что богословие отрицательно относится к так называемой "религиозной философии", я сначала был удивлен: неужели Вл. Соловьев, Конст. Леонтьев, Страхов, Данилевский, Флоренский, Бердяев, Лосский, Булгаков, Мережковский, Розанов – не христиане? Да, они точно таковы же, как я, а я не христианин. Но и Достоевский и Толстой – не христиане. Однако же мы собрались обсуждать разногласия между католической церковью и Христом, возможно, между всякой церковью и Христом, поскольку церковь сама отчасти избирала широкий путь *посюстороннего христианства*...

Увы, для того, чтобы наш разговор был продуктивным, надо было бы подробно исследовать пропасть, отделяющую христианскую проповедь нового человека от эллинской этики и традиционных представлений о добродетели и о том, что хорошо и что плохо. Но тогда разговор наш состоялся бы не скоро.

Поэтому я ограничусь только несколькими словами, чтобы слегка наметить хотя бы контуры нашего противостояния.

2. *Существование, Душа, Любовь, Любовь к Богу*

Декарт говорит: Я мыслю, следовательно, я существую.

Это не совсем так.

Человек состоит (или в человеке существуют) органы чувств, например, слух, и мы слышим звуки, которые не составляют часть нашей личности, субъекта, хотя бы это были звуки нашего тела, например, дыхания. Но сами органы чувств, их деятельность, например, слышание или зрение, мы и познаем и смутно как-то ощущаем. Ощущаем мы и деятельность желудка, и сердцебиение, и собственное тело в его положении, движении, "самочувствии".

Итак, мы чувствуем и ощущаем.

Но мы еще и мыслим – и отдельно от ощущений и вместе с ними, создавая и образы и представления. Решая алгебраическую задачу, мы, кажется, обходимся без чувств и представлений, но уже в геометрию привлекаем зрительные образы. Но размышление – это особая область нашей психической деятельности, как чувствование. Но также, как мы ощущаем нашу способность ощущать виде некоторого "самочувствия", что ли, так и размышление и мысль не только существуют, но их существование удостоверяется сознанием: *мы сознаем, что мы мыслим*. (То есть мы знаем, отдаем отчет в том, что мы не спим, бодрствуем и заняты размышлением... например, о том, что пить мне совершенно невозможно, если я хочу еще написать свои задуманные и более даже важные книги, например – может быть – историю философских идей.) [Ибо сегодня ночью меня мучила аритмия, и мне казалось, что я на границе между жизнью и смертью... или что даже вот-вот умру.]

Но есть еще, кроме размышления, сознание того, что я есть, ощущение своего существования, может быть, мысль и чувство существования вместе. Просыпаясь и еще не начиная размышлять, я "включаюсь" и узнаю, понимаю, что я есть (особенно это чувство сильно после пробуждения от наркоза).

Есть чувства и состояния, не связанные с органами чувств, например, страх, беспокойство, удовольствие, раздражение, гнев, любовь, блаженство, угнетение, уныние, печаль, тоска.

Влюбляясь (особенно с первого взгляда), мы начинаем испытывать это чувство-состояние, аналогичное, например, тоске или блаженству, но оно не только чувство, но именно состояние, включающее множество чувств. Но в любви мы еще и сознаём, что влюблены.

Хотя не так легко выделить в нашей личности душу как нечто независимое, отдельное от тела (как и тело не совсем отчетливо отграничивается от его ощущений, от плоти), но христиане полагают, что любовь к женщине испытывается душой (хотя, как мы знаем, она имеет множество градаций, то бывает грубо-плотской, почти без душевных движений, то утонченной, возвышенной, почти бесплотной).

К чему относится сознание? Есть ли в человеке отдельно еще и дух, независим он от сознания и души или нет?

Пушкину следует верить, а так как он пишет "Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился", то, по-видимому, существует и дух и духовная

жажда. Возможно, все же это особенная часть души, возможно, что личность соединяет в себе только плоть и душу и дух входит в душу, но не будем в эти различия углубляться, употребляя понятие "духа" и так и этак...

«Откройся нам, душа! ...– писал отец церкви Тертуллиан – сошла ли ты с неба или возникла из земли, составилась ли из чисел или атомов. начинаешься ли вместе с телом или входишь в него потом, – каким бы образом ты ни делала человека существом разумным, более всех способным к чувству и знанию», но «природа – наставница, душа – ученица. Все, чему научила первая и научилась вторая, – сообщено Богом, а Он – Руководитель самой наставницы.» И далее он добавлял: «душа обыкновенно *становится христианкой*, а не рождается ею».

Что такое дух, Тертуллиан не сообщает, быть может он полагает, что когда «душа ... *становится христианкой*», то Бог вдыхает в нее дух? (Но не будем об этом чрезмерно размышлять).

Итак, любовь к женщине я переживаю, чувствую, мыслю.

Но что такое "любовь к Богу"?

Христианские подвижники и писатели в спорах относительно души и плоти разделялись на два почти противоположных лагеря: одни настаивали на необходимости экстатических переживаний для узнавания христианских откровений, другие же призывали умертвить не только плоть, но и душу, стремиться к молитвенному созерцанию, в котором все чувственное пропадает, достигается бесстрашие (подобное буддийскому), и остается тогда, следовательно, только сознание (сознание) или мысль, или даже одно только представление божества без движения мысли, или даже созерцание без образа и представления.

Во-первых, это состояние близости к Богу или растворения в нем лишено чувства, а потому можно ли его в каком бы то ни было смысле называть любовью? Не употребляем ли мы тогда понятие любви незаконно или чисто метафорически? Правда, есть еще память, в которой содержатся чувства, мысли и представления. Есть еще воля. Но в таком созерцании человек уходит и от воли и от памяти. Он *испытывает* (и то это слово "испытывать" слишком сильно для созерцания, лишеного почти всего, что входит в нашу личность) ... [Двое влюбленных, сидя на скамеечке в парке и глядя в глаза друг другу и растворяясь в них, перестают чувствовать, и их экстатическое состояние слияния постепенно, утончаясь, словно бы исчезает, они перестают существовать по отдельности и становятся *единым* – не личностью, но существованием, но так как без личности, то почти *Несуществованием*] ... подобно этому, в созерцании божества человек отрешается, отделяется, "освобождается" от мира и всего и в мире и в себе. Но он еще знает и помнит, что он существует, следовательно, в нем сохраняется еще сознание Я.

И это не что иное как состояние чистого эгоизма (или солипсизма), которое и высвечивает для нас сущность и цель христианства (еще не до конца). Далее человек "освобождается" и от сознания своего Я, то есть (по Декарту) перестает существовать, но как-то еще существует, не существуя? Наступает та самая буддийская Нирвана, в которой человек не составляет с

другим новое общее бытие (как обнимающиеся в блаженстве влюбленные), но растворяется в другом, высшем, почти уже не существующем.

Вот это и является конечной целью христианства, это и является тем, что новые христиане проповедуют как превращение в лист на Божественном Древе. Но нужно ли для этого Воскресение? Нужно ли нести крест, идя за Христом?

Мой товарищ Вадим достигал этого состояния, сидя в бочке, будучи, скорее всего, вначале индуистом. Он называл это состояние Пробуждением.

По мере того, как чувственный мир все более исчезал при погружении в это состояние, он погружался в солипсизм, постепенно исчезло и Пробуждение, вслед за тем исчез и он сам.

Ее я люблю не только как женщину, но как свое дитя. Вот почему я страдаю от ее исчезновения. На этом пути, сколько бы ни испытывалась эйфория, и сколько бы гормонов счастья ни активизировались в мозгу, как в ликования она сообщила мне вначале, не наступит ни обретение Бога, ни Воскресение, но распад личности и смерть (сначала только смерть любви и души – но кроме них в человеке ничего вечного больше нет).

Как бы критически я ни относился к историческому христианству, но и жизнь апостолов, и жизнь святых, и их мучительные поиски Истины (в особенности апостола Павла, начинающего с яростных гонений на христиан, затем встретившегося с Христом, после уже Голгофы), мне поучительны и интересны, в особенности путь Жанны Д*Арк, Сергия Радонежского, протопопы Аввакума. Они, как это ни покажется странным, все ЗДЕСЬ, они не переходили Стикс, они нам *единодушны*. [Кстати сказать, слова православного богослова «*мы спасены благодатью через веру в Иисуса Христа. И ничем другим!*» словно бы отменяют споры апостола Павла с Петром и Иоанном, проповедующих, что «вера без дел мертва», отменяют раскол православия с католичеством (происшедший в значительной степени и в связи с этим), отменяют отличие лютеран от православных... то есть, иначе говоря, отменяют православие. А вообще говоря, после нашего русского раскола у никониан (то есть в официальной православной церкви) каша в голове. И сегодня многие «новые русские попы» бесстыдно вводят прихожанок в состояние духовного рабства, испытывая на них нейролингвистическое программирование, кодирование, психоделические практики, внушение, гипноз, наркотики и психоделики...]

3. Экстатические переживания

Особенные состояния, которые многие отождествляют с целью христианской жизни, достигаются разнообразными способами, часто очень грубыми, как бы ни казалось грубым писать о них как о чем-то имеющем сходные черты. Но я отчасти об этом напишу, а многое читатель может почерпнуть в книге «ЛСД» Данилина.

Что может быть прекраснее любви к женщине? Однако всякое подлинное, действительное человеческое чувство имеет два подобия: во-первых, в мире воображения и в иллюзорном мире, например, в религиозных переживаниях; и во-вторых, в мире психозов.

Так как я жил среди психов два с половиной года, и до того и позже с ними сталкивался тоже, то я наблюдал и "бред ревности", и "бред любви" (и в реальной жизни, особенно у простых людей, не всегда можно отличить "бред любви" от любви).

Еще труднее экстатические состояния, связанные с религиозными переживаниями (скажем, состояние *откровения*), отличить от самовнушения, психоза и внушения у людей, склонных к психозам. (И, как правило, именно такие люди образуют новые секты (помимо откровенных мошенников и шарлатанов). Любопытно в этом отношении «научное христианство»...

Читатель, возможно, не знает, но в Ватикане испокон веку существуют специальные комиссии, проверяющие сообщения о чудесах, откровениях, явлениях святых, пророчествах, исцелениях и т.п. И большинство таких явлений относится к категории беснований, за что Инквизиция тоже сжигала, чтобы другим неповадно было...

Экстатические состояния вызываются алкоголем, наркотиками, ЛСД, вдыханием клея, особым способом дыхания, кружением (как у хлыстов) и т.п. Очень часто они возникают у прихожанок под влиянием «батюшек», и меня удивило, что и православное начальство (при Иоанне) с настороженностью относилось к психоделической целительской практике таких новых гуру.

Экстатические состояния переживали поклонники (и поклонницы) Гитлера, Перона, участники шествий и митингов, рок-концертов, молитвенных собраний и в особенности "радений"... Иногда удается такое состояние вызвать, так сказать, усилием воли (особенно, когда речь идет о жизни и смерти). Но лучше их избегать, это не откровение и не вдохновение, это, по большей части, своего рода "опьянение".

4. Причастие как пресуществление ветхого Завета с Богом

Что же такое причастие?

Последуем за Розановым (цитирую далее книгу Г. Г. Мурикова «Розанов. Христианство и сексуальность».

Г, М.: Обилие кровавых жертвоприношений, «всесожжений», которые евреи приносят Богу Израилеву, поражает каждого непредвзятого читателя Ветхого Завета. Об этом пишет и Розанов:

«Христиане кротки [откуда он это взял? – (В.И.)] – и Бог их «кроток сердцем»; но если израильский Бог любит «обонять запах жертв» (буквальные слова Библии), то евреи *неужели же этого не любят!*!

По «богомольцу – Бог», и, обратно «в связи», «в *завете*»: «по Богу – и *богомольцу*». Явно!

Да и как *вывод* тоже явно: «в крови» ведь «душа», дух, жизнь; кто же не «любит душу человеческую»?! И как только *тайнось* и *тайномыслие* слили «душу» и «*кровь*», – так обоняние крови, осязание крови, всякое отношение к крови из «отвращающегося и гадливого» перешло в «безумное» и «сладостное», «восхищённое» и «восторженное»..

Г, М.: В ВЗ категорически запрещается употребление крови (и животной, и человеческой), но запрещается это употребление только в пищу: «... хотя

им запрещено вкушать кровь всякого живого существа, но – как *еду*... Они и «бог» юдаизма *страстно любят кровь*».

Заметим, между прочим, что и величайшее христианское таинство – обряд **причащения** – есть не что иное, как вкушание плоти и крови Господней, мистически пресуществляющихся в хлеб и вино. Об этом, впрочем, у Розанова нет прямых свидетельств. Но, имея в виду, что христианство возникло на базе иудаизма, – это выглядит вполне закономерным.

«Да это – *заповедь* «Бога Израилева», что «первенец из сынов Израилевых» должен бы по жажде Его к «сладкому благоуханию» принесён быть в жертву «Богу Израилеву»; должен бы ...но не приноситься в жертву, а *заменяется, выкупается* жертвоприношением животного. (Но ведь и Христос есть Сын Божий едиnorodный. – Г.М.)

А образец этого, первый, – жертвоприношение Исаака, тоже «первенца» от Сарры, Авраамом: ведь этой жертвы потребовал от Авраама не Молох, а потребовал вступивший с ним в завет «Бог Израилев». И когда уже всё было готово – дрова зажжены, руки отрока связаны назад и сам Авраам взял нож, *чтобы сейчас пронзить сына*, посланный Богом ангел удержал руку Авраама и указал на овна или барана, запутавшегося рогами в кустах, который и был принесён *взамен* в жертву.

Так только «взамен», как *не настоящее*, а «настоящее» – явно есть *человеческое жертвоприношение*. («Важный исторический вопрос»).

И наконец, самая важная мысль, которую никакие верующие евреи... отрицать не смогут, – это вопрос об *обрезании* как ключевом моменте иудаистского вероисповедания. Православные, католики как бы *причащаются*, а евреи должны быть обрезаны. ...Эта тема подробно рассмотрена Розановым в «Обоятельном и осязательном отношении евреев к крови».

Цитирую я нужные мне места с пропусками, и далее обрываю цитирование, по естественному отвращению «естественного человека» к «вкушанию крови» и только для того, чтобы остановить внимание на **Причащении** у христиан, в котором важным символом являются *плоть и кровь* (при этом, кстати, кровь символизирует душу, которую безумные христианские проповедники призывают умерщвлять – так чем же они причащаются, если «кровь-душа» должна быть снова распята?).

Но вообще цитирую я книгу Мурикова с обширными цитатами и ссылками на Розанова только для того, чтобы остановить внимание на современном духе сектанства, пропитывающем Православие настолько, что в причащении вдруг обозначается нечто большее, чем *символ в воспоминание Христа* (по уверению протестантов), и нечто большее, чем присоединение к Христу, слияние с Христом по духу... современные «батюшки», особенно вызывающие восторженное поклонение у склонных к соблазну и ликованию христианок, вызывают поклонение как раз потому, что **в момент причащения они чувствуют вкус крови**.

Новое христианство двадцать первого века неминуемо придет не только к средневековью, но и к Ваалу и к ацтекам, если центральным моментом воздействия на верующих в их проповедях и богослужениях будут *нейролингвистическое программирование и психоделии*.

Наиболее подробно Розанов останавливается на исследуемой теме, рассматривая один из самых существенных аспектов правоверного иудаизма – *обряд обрезания* (как известно, этот обряд существует и в рамках ислама, где означает то же самое, что и в иудаизме: *заключение новорождённым младенцем "завета" с Богом посредством жертвы крови*).

Г.М.: Розанов делает свой категорический вывод: «Именно, что разница между «Молохом» и «богом израилевым» весьма и весьма неуволима: первый был не так жесток и бессмысленно кровав, как нам теперь кажется, а второй не есть вовсе бескровный и водянистый или словесный «бог»...

...Общий закон Моисеева ритуала: *помазание кровью и окропление кровью*. Приблизительно как у нас – *помазание миром и окропление святою водою*».

Здесь мы должны заметить, что, в общем и целом, эта же мысль имеется и в ортодоксальном христианском вероучении, в котором она приобрела иносказательный и аллегорический характер. Вот свидетельство Ап. Павла:

«Закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей, одними и теми жертвами, каждый год постоянно приносимыми никогда не может сделать совершенными приходящих с ними.

Иначе перестали бы приносить их, потому что приносящие жертву, быв очищены однажды, не имели бы уже никакого сознания грехов.

Но жертвами каждогодно напоминает о грехах,

Ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи.

Иными словами «несовершенная» жертва, рекомендуемая Ветхим Заветом, заменяется как бы «совершенной» – жертвой Сына Господня – Иисуса Христа.

Итак, Причастие продолжает тот старый Завет, который заключался детьми Израиля с Богом и скреплялся кровью. [Не лишне напомнить, что все договора с Дьяволом, которые с ним заключал человек, скреплялись так же кровью. Кровью скрепляли и большевики свой Орден.]

Существенно дети Израиля заключают свой договор с Богом кровью при обрезании, раз в жизни, и ежегодно на Пасху подтверждают его символически, вкушая вино и хлеб.

5. Причастие как пресуществление старой Магии

Но ведь Иудаизм продолжает и развивает символы и обряды более древних религий, которые переходят затем в христианство, как видим, даже усиливаясь, возвращаясь к первоистокам.

В древнем Риме христиан обвиняли в возрождении обрядов каннибализма, и тогда они стали разбавлять вино теплой водою, чтобы ослабить сходство вина с кровью в обряде причащения.

Но само по себе причастие символизирует жертвоприношение Авраамом Исаака, тем более, что Иисус сказал, что он пришел спасти Свой народ (то есть искупить его грехи своей жертвой), и затем велел своим ученикам (которые, естественно, были иудеями) причащаться хлебом и вином, которые будут чудесно преображаться в Его плоть и кровь. (И, по моему мнению, весьма опасно причащаться слишком часто [*взываю к моей ласточке!*]).

Как пишет Г. Муриков, древняя магия жертвоприношения продолжает пожирать плоды своей ненасытности, не только в рамках законных разделенных церквей, но еще более через новые агрессивные секты, считая и марксизм такой новой сектой.

Если же ислам рассматривать в русле религий, продолжающих древние семитские мифы (от Вавилона до Карфагена), то современные исламские секты еще имеют шансы поспорить с марксизмом по их воле к принесению в жертву фанатизму европейскую культуру.

6. Христианская нравственность

Существует ли христианская философия? Или это то же самое, что *христианская математика*? И поэтому, усомнившись в существовании христианских таблиц логарифмов (как и социалистических), мы задумаемся и о христианской нравственности.

Набираю в Интернете название соответствующего раздела, мне предлагается на выбор множество богословских и философских книг, в которых поясняется, что человек должен любить Бога, ближних и стремиться к добру. Если я спрошу, как христианство относится к свободе, то узнаю, что Христос принес нам истинную свободу.

И я убеждаюсь, что в богословских трудах, как и в церковной проповеди, мы можем почерпнуть много полезного, чем стоило бы руководиться в жизни, чтобы стать добродетельным человеком.

И имеют ли эти труды отношение к тому, чем в действительности является христианство, кажется уже неважным.

Как и мир в целом, как и сам человек, так и христианство исполнено множества противоречий. Например, утром, выплакав ночью свою обиду, я решаю *ей* все простить и любить ее вопреки тому, что она от меня отреклась. Вечером я на нее снова обижен, негодую, почти ненавижу, приказываю себе ее забыть.

Вот так же и христианство. Оно предписывает **отречься** от мира, так как мир пал и его уже нельзя исправить, и только смертная жертва Иисуса Христа исправляет и мир и человека. Но... ученикам Христа надлежит проповедовать его учение в падшем мире, создать церковь, которая будет также проповедовать это учение, человеку же тоже надлежит продолжать жить в падшем мире, во всем подчиняясь церкви и господам своим. Следовательно, отречение от мира необходимо отложить... хотя, впрочем, те, кои отрекутся, поступают правильно, и так же верно поступят те, кои не отрекутся. Богословская же литература смягчает требования Нового Завета, заменяя их неким набором разъяснений, которые уже можно согласовать и с литературой светской.

Поэтому, чтобы выяснять, какова именно *христианская* нравственность, надо отвлечься от *посюсторонней* церковной жизни и церковного богословия, не совпадающих с Новым Заветом (по крайней мере, из двух противоборствующих церквей хотя бы одна с ним точно не совпадает, если не обе), и перечитать Библию и Отцов церкви. [Что же до противоречий, то когда они есть, в них все же можно открыть двери и найти дорогу к Истине. Если же противоречий нет, то, значит, дверь эта наглухо закрыта.]

Итак, чтобы понять *христианскую нравственность*, надо сначала объяснить, что такое нравственность как таковая (как математика). Это описание общественных нравов (в том числе и противостоящих друг другу). Система ценностей, оценивающих мир и жизнь человека. Цели бытия. *Смысл жизни*.

Входит ли в нравственность образование? Несомненно.

Но Новый Завет выразил свое отношение к образованию, во-первых, порицанием *книжников* и *фарисеев* (наиболее образованных людей в иудейской церкви), во-вторых, восхвалением «нищих духом, которые блаженны и которым принадлежит царствие Божие», в-третьих, осуждением культуры, и церковь затем в протяжении почти двух тысячелетий с культурой боролась.

Принадлежит ли к нравственности отношение к труду и творчеству? Разумеется! Но в Новом Завете труд почти не упоминается, велено же не заботиться о завтрашнем дне, ибо Отец небесный знает наши нужды и о нас позаботится. Ну а что до творчества, то в Ветхом Завете в перечне профессий, угодных Богу, поэт поставлен на 14-е место.

Нравственность составляется из целостной любви, из отношения к женщине, к детям, к детским играм и к детству... Я уже об этом писал: христианское отношение к любви, к семье и к детству *безнравственно*.

Прямо или косвенно, но в светской этике (например, в этике Аристотеля) формулируется путь человека к нравственному совершенству, понятие о добродетели и долге. Нужно быть верным в семье, в любви, в дружбе, дорожить честью, защищать государство на поле брани... Вся же христианская этика вмещена в две заповеди о возлюблении Бога и ближних (подменяемых к тому же *образом божьим в них*), трудно отсюда вывести не только «кодекс строителя коммунизма» (совсем не плохой, надо сказать), но и понятие о рыцарских добродетелях и о поведении в обществе.

Противоположность христианской и современной светской этики можно увидеть в следующем: надо всемерно трудиться, получить должное воспитание, образование, путь светского европейского совершенствования состоит в том, что необходимо принять народные традиции, **заботиться** о семье, друзьях, культуре, природе, государстве, обществе, сострадать миру (и учиться состраданию), избрать в главные воспитатели Культуру, Семью, Народ!

Каков же путь христианской святости? Достаточно замуравать себя в склепе или в сырой пещере, ни с кем не разговаривать (дав обет молчания), всемерно истязать себя, замучить, затем умереть и просиять в нетленных мошбах... и все остальное в том же роде. Или бороться против человеческого в человеке, обличая, как Савонарола, истребляя, как Торквемада, унижая, как все монашество в целом.

К сожалению, читатель, очерк мой неотвратно чрезмерно краток, потому что и книга в целом носит характер обзора, ибо по каждому представленному в ней вопросу для полного и ясного изложения и философской и богословской точек зрения необходимо было бы написать отдельную книгу.

Цели христианина лежат в загробном мире, цели НЕхристианина лежат в нашем мире — из этого противопоставления должно стать достаточно ясно, что не только *христианская нравственность* не может

иметь ничего общего с нравственностью светской, но и само понятие о христианской нравственности так же абсурдно, как и христианские таблицы логарифмов.

Античная система воспитания человека христианством была разрушена абсолютно (как и культура в целом). Было отменено физическое воспитание, гимнастика, Олимпийские игры, все, что должно было совершенствовать тело, отброшено было как нечто омерзительное, плоть повелевалось мучить и истязать. О, женщина! Если ты умна и красива, если хотя бы отчасти образована в истории, задумайся: отменены были притирания, косметика, наряды, пение, *стал грехом смех*, даже обольстительные взгляды, даже особенная женская походка. (В Испании мавританская культура вошла как прекрасное новшество, потому что мусульмане так не истребляли в женщине женщину, как христиане).

Отменено было детство.

Когда современная мать воспитывает своего ребенка, играет с ним, учит и лечит, старается развить его тело с помощью гимнастики, руководствуется ли она Новым Заветом? Нет.

Женщина составляет главную опору христианства, и это самый удивительный парадокс мироздания, потому что в христианстве не только каждое слово, но и каждая буква и даже запятая унижают женщину и уничтожают ее!

Возможно, этот их противоземельный союз того же рода, что и неукротимые стремления женщины-самки к самым пошлым образцам мужского племени (как у Наташи Ростовской и Анны Карениной) – то есть иррационален, коренится в тех глубинах архаического подсознания, которые относятся к ведению темной психологии Фрейда и Юнга, но не к прозрениям европейской философии.

В заключение привожу перечень смертных грехов согласно кодексу строителя христианского «коммунизма»: Гордыня, Скупость, Зависть, Гнев, Похоть, Чревоугодие, Уныние. Им должны в числе прочих противостоять Смирение и Кротость.

Увы, не могу сказать, что «Уныния моего ничто не мучит, не тревожит...», нет, все же «и сердце вновь горит и любит – оттого, что не любить оно не может.» И никогда не откажусь от «похоти очей», не буду поливать и оправданный гнев елеем смирения и кротости, не заменю гордость христианскими «взгляд скорбный, глас тихий...» Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо, хотя я и выстругиваю из себя совершенного человека, но не по лекалам гроба посреди живой жизни.

7. Любовь к женщине

В списке христианских добродетелей приводится и любовь, но, разумеется, это **не** та любовь, которую знает *естественный человек* (то есть каждый из нас, даже считающих себя христианами), стыдливо не указывается, что их добродетель – это любовь к Богу как к богу и «любовь к ближнему», то есть любовь к Богу в человеке (к образу Божьему в нем), но в этой добродетельной любви нет не только любви к женщине, но даже любви к человеку.

Вереница слов, символов, знаков.
 Поиски прощения, прощания, смысла.
 То ли я в трагедии всегда одинаков,
 То ли я вмещаюсь в простые числа?
 Эх, моя душа, вселенское эхо!
 Только что касались меня твои руки –
 Вот уже ни слёз, ни капелек смеха,
 Даже умирают последние звуки...

Восемьсот страниц текста, чтобы понять хоть что-нибудь в любви между мужчиной и женщиной... да хоть междометие я понял ли? «Но я другому отдана и буду век ему верна!» Кому же она отдана? Богу или Гремину (это еще слава богу), или тому, кто ее купит, оболстнит, возьмет силой?

Женщина непостижима и любить ее не за что, она не достойна любви, но только презрения, в ее темной глубине дремлет магма *архаического сознания*, и когда она вдруг пробуждается, женщина забывает любовь и нежность и становится только рабыней у своих подлинных хозяев, кто бы они ни были.

Розанов пишет: «Странный дух оскпления, *отрицания всякой плоти*, вражды ко всему вещественному, материальному, – сдавил с такою силою русский дух, как об этом на Западе не имеют никакого понятия». Христианство отрицает не только любовь, оно отрицает обиду, вражду, ненависть, презрение, поэтому доминиканский монах целует человека, которого он приговорил к сожжению, и мажет его голову елеем и миррой. Поэтому ли и Христос целует в бескровные уста Великого Инквизитора, собиравшегося его распять, и запрещает нам целоваться с женщиной? Поэтому ли и моя милая в сокрушении, отрекаясь от меня и даже отказавшись проститься (и не сомневаюсь, что не пришла бы и к гробу), молится за спасенье моей души? (Хотя уже, кажется, я доказал, что *человек спасается только любовью, состраданием, заботой о тех, кому плохо, и заботой о близких, культуре, природе и Родине* – но не спасается он лживой молитвой! И это и есть Истина, превосходящая ложь!)

К словам Розанова смею только добавить о христианской любви, что очевидно, что если между двумя случилась любовь, то не исключено, что у них могут случиться и дети (если, конечно, они разных полов), но если между ними любовь христианская, то детей у них точно не будет, даже если они разных полов и спят в одной постели, и более ничего тоже не будет, потому что никаким небесным благим силам скопцы не нужны.

Вот почему в моей душе уже зарастает дорога, ведущая к реке Стикс, разделившей нас хуже, чем смерть, и я больше не буду стремиться ее увидеть, не буду сердиться, пытаться ее образумить (на это способно лишь чудо), не буду ее ни в чем обвинять. Я буду сочувствовать ей и ее бесконечно жалеть, и прошлую, и настоящую, и будущую, и буду помнить ее в нашем общем недавнем прошлом, ту, лучше которой нет, которую я буду любить отныне без слова упрека. Она совершенна, прекрасна, мила, нежна и добра, и нет ее лучше, и нет ничего лучше женщины и любви, ибо **Любовь выше Истины!**

Она выше всего, что я напишу, сколько бы правды не было в моих словах, *разве мы вместе не были счастливы, как бы горько не стало сегодня?!*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

В. В. Розанов и Аполлиналия Суслова*Вступление*

Мой "Роман о любви" представляет собою не совсем обычное явление, во-первых, в литературном отношении, так как это, скорее сказать, не роман, а отчасти Дневник, отчасти Прощальное письмо к предмету своей любви, отчасти Конспект философско-исторического семинара, посвященного литературе, философии, истории и религии; отчасти "бракоразводный" процесс с христианством, которое на протяжении полувека было неким, весьма условным, конечно, аналогом близкого товарища... нет, близкой подруги, к которой прибегаешь за советом, поверяешь огорчения, надеешься на помощь.

В первые десять лет дружбы это было чуть ли не страстное чувство (только, читатель, не продолжи аналогию за границу дружбы, вся страсть, в чувственно-мистическом смысле этого понятия, была мною отдана женщине); в следующие тридцать – отношения были от прохладно-иронических до отторжения, но сдержанного, отдающего дань памяти быломu; и, наконец, в последние десять лет было противостояние, дошедшее даже до взаимотридания и вражды.

Столь долгое взаимодействие потребовало даже формального разъединения. Возможно, если будет еще третья книга о любви, я попытаюсь понять, чем христианство было привлекательно, что оно нам давало (тем, кто не удовлетворялся жизнью чисто практической, а искал выходы за ее пределы) и что мы давали христианству своей жизнью и творчеством, и почему. Необходимость развода и из этой книги будет очевидна, ничто нас более не связывает, мы даже противостоим друг другу.

Таинственная близость веры и любви, таинственная связь двух увлечений – увлечения женщиной и христианским мифом – видится многими, но в чем эта связь, я ни у кого еще не прочитал, и сам пока не вижу. Быть может, позже... но когда же?.. о боже!..

Но это же, одновременно, и любовный роман с N.

И философско-исторический семинар.

Главные участники семинара – Ф. М. Достоевский и В. В. Розанов. Их многое связывает.

В главах, посвященных «Легенде о Великом инквизиторе», они – основные авторы, Ф. М. – автор романа «Братья Карамазовы», где и помещен текст Легенды, рассказываемой Иваном Карамазовым своему младшему брату Алеше, В. В.

Кроме того, Розанов был поклонником Достоевского. Кроме того, оба они любили одну и ту же женщину, Аполлиналию Суслову, 1839—1918, которая их обоих измучила (в 1861—1866 возлюбленная Достоевского, а через десять лет сначала любовница, а затем жена В. В. Розанова, 1880—1887.)

Кроме того, надо все таки понять значение Мифа в целом в жизни человечества и смысл христианства. Но еще главнее – понять **смысл любви**.

Историю несчастной любви Розанова к "Полине", яростный и неукротимый характер которой послужил Достоевскому прообразом Полины в романе «Игрок», Аглаи и Настасьи Филипповны в «Идиоте», и отчасти Грушеньки в «Братьях Карамазовых», я изложу по страницам книги Г. Г. Мурикова «В. В. Розанов. Христианство и сексуальность.»

«В конце 1876 года 20-летний студент Московского университета В. В. Розанов познакомился с немолодой уже [38-летней девчонкой!], но очень привлекательной женщиной Аполлинарией Прокофьевной Суловой. Это знакомство, вскоре превратившееся в неодолимую взаимную страсть, навсегда определило дальнейшую судьбу, жизнь и творчество В. Розанова, да вообще его место в русской культуре. ...

Сразу же после знакомства Розанов записал в своём дневнике (пока ещё полностью неопубликованном): «Сулова меня любит, и я её очень люблю. Это самая замечательная из встречающихся мне женщин». А впоследствии в одном из писем он так... обрисовал это знакомство: «Острым взглядом "опытной кокетки" она поняла, что "ушибла" меня, – говорила холодно, спокойно. И, словом, вся – "Екатерина Медичи". На Катюку Медичи она в самом деле была похожа. Равнодушно бы она совершила преступление, убивала бы – слишком равнодушно, "стреляла бы гугенотов из окна" в Варфоломеевскую ночь – прямо с азартом. Говоря проще, Суслиха действительно была великолепна, и я знаю, что люди (...) были "совершенно покорены", пленены. Ещё такой русской я не видал». И он заключает: "Хлыстовская богородица". (Письмо А. С. Глинке-Волжскому).

Увлечение ... быстро нарастало, да и как было не увлечься женщиной, которая несколько лет была любовницей Ф. М. Достоевского, перед которым Розанов буквально благоговел. Сулова была старше его на 17 лет, а с Достоевским она познакомилась ещё молодой девушкой, но все черты её страстного необузданного характера проявились уже в молодости и ничуть не поблёкли вплоть до самых последних лет её жизни. Через четыре года после знакомства, сразу же превратившегося в интимную плотскую связь, в ноябре 1880 года В. Розанов и А. Сулова обвенчались. Тогда Розанов был студентом 3-его курса, ему было 24 года, а его жене – 41. Исследователи обычно отмечают, что это было ещё при жизни Достоевского, которому Сулова не преминула лишний раз насолить.»

Разумеется, Розанов не мог не поинтересоваться у «Поленки», как он её всегда называл, о её романе с Ф.М., и в одном из писем он так передал разговор об этом: ... «Почему же вы разошлись, А. Прок(офьева)?

– Потому что он не хотел развестись с своей женой чахоточной, "так как она умирает" ... (Речь идёт о первой жене Достоевского Марии Дмитриевне.

– Так ведь она умерла?

– Да. Через 3 года умерла. Но я его уже разлюбила.

– Почему «разлюбили»? (

– Потому что он не хотел развестись. ... Я же ему отдалась любя, не спрашивая, не рассчитывая. И он должен был также поступить. Он не поступил, и я его кинула.» (Письмо А.С. Глинке-Волжскому).

... молодой Розанов, видимо, не знал, что в период самого интимного общения с Достоевским она уже успела изменить ему с неким испанским врачом Сальвадором, причём больше страдала от того, что тот её бросил, чем от нравственного удара, нанесённого ею этим поступком знаменитому писателю. Но он был увлечён Суловой настолько серьёзно, что сам же уговаривал её не расстраиваться «из-за пустяка». ...

Розанов неоднократно в различных письмах вспоминал о разных перипетиях своей поразительной любви-страсти, любви-мучения, которая привязывала его к Суловой: ...

... «Я полюбил её последний день, и хотя она соглашалась любить и жить со мной «так» (и была уже), я (ведь знаете мальчишеский героизм) потребовал венчания. У неё был закал и стиль – для гостиных, лекций, вообще суете; и никакого быта, никакой способности к ежедневной жизни. Промаялся я 4 года, и она (по-видимому, влюбившись в юношу-еврея) кинула меня, жестоко и беспощадно, как она всё делала. А вообще она страшно была патологически жестокий человек: а влюбился я прямо в стиль её души. Что-то из католических кафедралов, хотя русская, народная – мать, маята». (Письмо Н.Н. Глубоковскому).

... «И действительно у меня была какая-то мистическая к ней привязанность: она была истинно благородна по участливости к бедным, ко всему бесприютному; один я знал истинную цену в ней скрываемых даров души, погубленных даров, и всю глубину её несчастья – и вопреки всем видимостям, всем преступлениям – не мог отлипнуть от неё. Она очень точно это знала и знала, что вернётся ко мне, когда захочет, и встретит меня, таким, каким захочет. Самое тщеславие её, такого «цвета бордо» вытекало из несчастья её, одиночества её, сознания – что она никому, в сущности, на земле не нужна. И вот что приковывало меня к ногам её; как раба, как преступника к колодке. Всё я вынес, от всего отрёкся и остался с нею». (Письмо А.С. Глинке-Волжскому).

Эту свою первую любовь иначе как мучительной и трагической Розанов не называл: «Вообще это была «мистическая трагедия». (...)

«...Её любимый тип в литературе и мифах – Медея, когда она из-за измены Язона убивает детей. ...

Суслиха вполне героический тип. «Исторических размеров». В другое время она – «наделала бы дел». Тут она безвременно увядала. Меня она никогда не любила и всемерно презирала, до отвращения; и только принимала от меня «ласки».

Без «ласк» она не могла жить.

К деньгам была равнодушна. К славе – тайно завистлива. Ума – среднего, скорее даже небольшого. «Но стиль, стиль...» ...

С нею никто не спорил никогда, не смел. Да всякие возражения её и оскорбляли безумно. Она «рекля», и слушали и тайно восхищались (я думаю) стилем». (Письмо А.С. Глинке-Волжскому).

Об этом «стиле», перефразируя знаменитый афоризм Бюффона («человек – это стиль») Розанов сказал впоследствии, что стиль появляется тогда, когда человека целует Бог.

Уже во время брака с В. В. Розановым Сулова не раз ему изменяла и даже уходила от него. Тому же адресату он пишет: «Когда она уехала, во 2-й раз (и окончательно) бросивши меня, – помню, встал (после обеда спал) и начал умываться, – а слёзы градом-градом посыпались у меня. «Бедная моя Поленька! Бедная моя Поленька! Кто же спасёт тебя, кто же будет оберегать тебя?». И почти буквально ту же картину Розанов рисует в письме к А. Г. Достоевской, с которой после смерти писателя поддерживал дружеские отношения: «...я помню что когда Сулова от меня уехала – я плакал и месяца два не знал, что делать, куда деваться, куда каждый час времени девать...»

... Когда он окончательно понял, что «Поленька» к нему уже никогда не вернётся, им овладело такое отчаяние, что он стал подумывать о самоубийстве. От этого его предостерег ... известный литературный критик и философ Н. Н. Страхов, ...резко одёрнувший тогда ещё молодого писателя: «Как вы решились писать мне о самоубийстве? До чего вы дошли. ... есть разница между человеком, для которого жизнь есть поучительный и воспитательный опыт, какова бы она ни была, – и таким который не хочет ничему учиться и ни с чем бороться, а хочет только, чтобы ему было приятно.

Чем ночь темней, тем ярче звёзды, Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.

Отчаяние приводит к великим откровениям, и кто не испытал его, тому они недоступны». Это письмо Розанов привёл в своей книге «Литературные изгнанники», вышедшей уже после смерти Страхова и в значительной степени посвящённой ему.

... «когда Розанов познакомился с Варварой Дмитриевной Бутягиной и собрался на ней жениться, «Поленька» категорически отказалась дать ему развод. С В. Д. Розанов прожил долгую и счастливую жизнь вплоть до самой смерти, имел от неё шестерых детей, но, однако, так и не смог вступить с ней в законный церковный брак, а все его дети считались «незаконнорожденными». Этот факт глубочайшим образом перевернул весь духовный мир Розанова. ...большинство его сочинений были посвящены главному и единственному вопросу: *в чём смысл настоящей любви и брака и не является ли официальное христианство смертельным врагом того и другого.*» ...

В одном из немногих сохранившихся писем к Поленьке Розанов буквально проклинает её: ... «Ничего не поняли в наших отношениях, и прахом пошла наша жизнь. И теперь, всё ещё питаясь какими-то мечтами, Вы думаете всё время, что от чего-то спасаете меня, от кого-то оберегаете. Не сберегли себя, да и меня утопили, а в спасители других маскируетесь. (...) Жалкая Вы, и ненавижу я Вас за муку свою. Бог Вас накажет за меня.» (1890 г.)

Приведу в заключение несколько высказываний Розанова: «Как бы ни была упорна работа мысли, она никогда не покроеет всей действительности, будет отвечать мнимому человеку, а не действительному. В человеке скрыт акт творчества, и он-то именно привнёс в него жизнь, наградил его страданиями и радостями, ни понять, ни переделать которых не дано разуму».

«Акт рождения человека не благословляется церковью. Только очистительная молитва над рожицею смывает, очищает грех появления человека на земле». ... Но «Не благословить человека в момент рождения, то есть как бы рождающего и рождённого, значит и самое его бытие не благословить!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1.

Обе мои книги о "всемирном притяжении" посвящены любви между мужчиной и женщиной, но так как на любовь влияет весь мир, и внешний и внутренний, и она влияет на мир, то книга и получилась такой разбросанной. На любовь влияют и те состояния, чувства и идеи, которыми живет человек в данную эпоху. Если бы мои герои жили во времена Русской революции и Гражданской войны, то не исключено, что страницы книги были бы пробиты пулями и пахли пороховой гарью (как и во времена Французской революции и Наполеоновских войн); в эпоху строительства социализма души были бы наполнены страхом, и говорили бы мы о любви только шопотом; но нам пришлось жить в эпоху Третьего Великого раскола (первый был Авакумовский, а второй большевистский), когда произошел христианский ренессанс и женщины разделились на тех, кто, как Манон, слушает только голос плоти, и на тех, кто слушает, что "бабушка скажет". Несмотря на поголовную грамотность, суть вещей и явлений сегодня, в отличие от времени Аввакума, понимает не более чем один из тех ста. Некому почти говорить. Еще меньше тех, кто способен слышать. И поэтому я стал острее чувствовать свою ответственность перед теми, кто меня когда-нибудь прочитает – произрастет ли из ответственности необходимая глубина сказанного, пока не знаю...

Итак, на любовь влияет неожиданное воскресение христианского бога, которого и Ницше, а затем марксисты-большевики объявили умершим, и поэтому сегодня в душах переплетаются два чувства: *любовь к женщине* и *вера*. (О женской любви я говорил тоже, но она не подобна мужской, она "выпекается из другого теста"; поэтому, вероятно, нельзя говорить о любви между мужчиной и женщиной словно бы она состоит из двух форм, мужской и женской. Существуют, по-видимому, два рода любви, восходящих к *трансцендентному*, то есть поднимающихся даже над жизнью, это любовь мужчины к женщине и женская любовь – материнская). *Вера* влияет на оба рода любви, но прежде всего на *любовь к женщине*, и так же, как миф и церковь борются с культурой, противостоят ей и пытаются ослабить ее влияние на жизнь, – так *вера* борется с *любовью*. Культура и миф, *любовь* и *вера* – подобны, отчасти и это объясняет их соперничество, вражду и войну.

2. Истоки любви

Любовь происходит из двух источников, обуславливается двумя причинами (или двумя типами причин). Во-первых, причина биологическая, "половой инстинкт" (который и сам двойствен, это и инстинкт продолжения рода", прежде всего материнский инстинкт, и жажда наслаждения и обладания, преимущественно мужская страсть) – причина, связанная с плотью, почему и влечение к женщине, любовь к женщине, обусловленную инстинктом, называют *любовью плотской* или *физической*, во-вторых, причина, связанная с душой, ее можно условно назвать *метафизической*.

И *метафизическая любовь* неоднородна, включает в себя "пол и характер", культуру (к которой можно отнести и происхождение, социальное и национальное, и традиции, и воспитание, и образование, и среду, и социальное положение и т.п.), и некий особенный непостижимый источник, который после Канта называют *трансцендентным*.

Итак, причин у *любви как притяжения* между мужчиной и женщиной две: (биологическая – *половой инстинкт*, инстинкт продолжения рода или *родовая любовь*), т.е. *любовь физическая* (плотская); и *любовь метафизическая*, включающая *трансцендентную*.

Влюбленный испытывает состояние влюбленности (или любви), которое вдохновляется как бессознательным "половым инстинктом", сопровождаясь радостью, восторгом, чувством блаженства, так и переживанием непостижимо трансцендентного чувства, сопровождающегося состоянием благодати.

Это состояние сложно, по форме подобно откровению, своего рода переход в иной мир, часто сопровождается ясно воспринимаемой музыкальной симфонией часто трагического звучания.

3. Истоки веры

Вера подобна любви и в отношении происхождения и в отношении содержания. Она обуславливается двумя причинами (или двумя типами причин). Во-первых, причина биологическая, "*страх смерти*", включающий в себя и "*страх божий*", страх перед наказанием, адскими муками, которые могут наступить после смерти; во-вторых, причина, связанная с душой, которая способна испытывать некое трансцендентное состояние и чувство присутствия в мире божества или духа божьего, которое сознанием (в рамках развитого религиозного мифа) воспринимается как образ Бога, Под влиянием религиозной традиции вера трансформируется в особое состояние *любви к Богу*, которая переживается двояко: в форме фанатической жертвенности и в форме псевдо-эротической экзальтации, принимая характер извращенной половой любви (у женщин), когда Христос переживается как любовник-мужчина.

Особенное состояние, испытываемое как влюбленным, так и верующим, не всегда можно разделить на состояние любви или на состояние веры, в молодости они часто приходят вместе, человек переживает одновременно чувство возвышенной любви, открывающее словно бы дверь в иной мир, и в эту же дверь к нему приходит возвышенное чувство божественного откровения. Если же любовь сопровождается неудачей и драматическими переживаниями в связи с этим, то закрепляется чувство веры как противостояния любви, рождается новая личность, зыбкая только иллюзорной *духовной* любви и ненавидящая "*любовь плотскую*" (Августин, Иероним, Игнатий...).

Рождаются блаженные, проповедники и юродивые...

4-5. Уход из мира и возвращение в мир

Уже *любовь*, соединяя двух в одну новую личность, отнимает ее у мира, однако вскоре они возвращаются в мир, создавая семью и продолжая род, то есть, расширяя мир. Но *вера* является последовательным и окончательным разрывом с миром для тех, кто отверг любовь.

... но так много еще несказанного, что придется и мне вернуться в мир...

ДНЕВНИК НЕСЧАСТНОЙ ЛЮБВИ

16 декабря, 10-22. Книга приходит к концу. Может быть, я еще буду когда-нибудь писать третью книгу этой эпопеи, напишу еще о Кьеркегоре, отважусь пойти следующим летом в деревню к Анне, напишу еще стихи о любви, напишу письмо N (буду так обозначать главную героиню моей несчастной книги), может быть, что-нибудь и еще произойдет в моей жизни, может быть, влюблюсь в другую... но как бы не стало еще хуже...

Но заканчивая книгу о любви, я вижу, что страдаю я прежде всего из-за самомнения, слишком много внимания я уделял сам себе, хотел быть счастливым и радостным, а надо было о себе почти совсем не думать, самую малость, заботиться только о ней, возможно, и обнимать ее было нельзя, достаточно было только любить, целовать ее руки и смотреть на нее восхищенно; и надо было тверже говорить, что черту между нами я переходить не буду ни при каких обстоятельствах... Правда, и это ничего бы не изменило, она меня все равно бы бросила из-за того, что я плохо отношусь и к христианству и к русской революции, хуже, чем к французской. Культура почти всеядна и терпима, мифологическое сознание тоталитарно, оно не может вынести своего отрицания. Спросил жену, смогла ли бы она со мною жить, если бы была христианкой, нет, говорит, не смогла бы. А я бы не смог с нею жить (хотя она ангел), если бы она была сталинисткой...

Культура, тем не менее, преимущественно соединяет людей, не все любят Достоевского, не все поклонники Ницше и Вагнера, но притяжение сближает благодаря тому, что плотность культуры почти неизменна при даже больших различиях в предпочтениях. При этом люди архаического сознания разделены при самых малых отклонениях в исповедании даже второстепенных идей своего учения, и этих различий достаточно не только для обособления, но и для вражды, и для ненависти, и даже для войны, для убийств и пыток...

Неужели любовь настолько уступает вере?

И все же я в чем-то виноват, что-то я сделал неправильно, не был достаточно возвышен, достаточно заботлив, не преодолел, вероятно, свой эгоизм... И что-то еще было не так, как должно.

Почему она меня бросила, отвергла, разлюбила, я не знаю и, вероятно, не узнаю уже никогда. Но если бы я ее увидел еще раз, убедился, что она счастлива, я бы тоже стал счастлив, уже успокоился и больше не плакал.

Я не стараюсь ее разлюбить, я буду ее вспоминать и любить в воспоминаниях в том прошлом, в котором мы были вместе... В блаженном прошлом...

Да, во всем виноват только я, и в том, что она меня бросила; но смутно понимаю (или совсем не понимаю), в чем именно, хотя с виной соглашаюсь. Не надо было признаваться в любви, обниматься, смотреть в ее глаза и целовать ее руки – тогда ей не за что было бы меня отвергать...

Но так как она меня уже отвергла, надо не сердиться на нее, постараться не сожалеть о расставании (а то будут опять грусть и слезы), вспоминать прошлые нежные встречи и постепенно пытаться утешиться; страдание от разлуки должно постепенно истлеть, новая жизнь заместит горечь, как новая кожа замещает ссадины...

18-52. Снова грущу, вспоминая свою обманную подругу.

Снова тоскливо, печально без вас!
 Мир рассыпается, вынуты скрепы.
 Как я хотел вас спасти – и не спас!
 Звезды погасли? Иль оба мы слепы?

Облачно, сыро, спокойствия нет,
 Буря в душе усмиряться не хочет.
 В прошлое робко спросил я билет –
 Касса закрылась и боль меня точит...
 И небосвод, неприступен и мглист,
 Кровь или воду роняет на лист...

А вчера бродил по улице, распевая новый романс...с

Осенний день почти увял.
 Печальный вечер слез не прячет
 Жду перемен: Девятый вал
 Судьбу и жизнь переиначит.

Не ожидаю торжества
 Своих забытых ожиданий.
 Они как павшая листва,
 Как сор чужих воспоминаний.

Но, может быть, и вал морской,
 Который – жду – вот-вот нахлынет,
 Меня не новью, а тоской,
 Как что-то чуждое обнимет.

И торжество, увы, придет,
 И ветер вдруг, листвой играя,
 Мне, словно другу, пропоет:
 Спешите любить, пока у края...

16 декабря, полночь... Заболел ежегодной ангиной, так плохо, что и не знаю, как перемучиться до утра...

21 декабря, раннее утро... Вторую книгу из трилогии «Любовь как всемирное притяжение», вчера я закончил, и сегодня посылаю на печать, напечатаю два экземпляра. *Ей* я написал и послал два письма и также файл с новой книгой, от нее получил нечто бессмысленное: «Надо слушаться Господа во всем и благодарить Его за все. Я стараюсь жить в духе любви, любить Господа и всех людей, чего и Вам желаю!!! Прощайте!»

Как будто никогда не связывала нас нежная дружба, а я даже думал, что нас связывала любовь...

Вот что писала она мне в марте этого года: «Вы так мне помогаете я бесконечно благодарна я люблю Вас я не могу без Вас. Не бросайте меня, пожалуйста умоляю!!! Даже если вы разлюбите меня после этого письма. Я часто представляю себе деревню, в которой Вы выросли и тайгу и девочку у

колодца, Вы единственный принимаете меня как я есть до конца, не бросайте меня пожалуйста пожалуйста, но я не хочу соблазнять вас, я боюсь грехов. Я дура пишу про одно и то же. ... Может быть, встретимся завтра если успею, я скучаю. Вы кажетесь мне таким умным, а остальные мужчины кажутся мне не умными...» И я полночи проплакал, хотел уже снова писать ей письмо, просить прощения...

Что-то случилось в начале августа, ее привезли к священнику, запугали грехами, адом, сломали ее волю, заставили от меня отречься, и даже каким-то образом стерли в ее памяти нежные воспоминания обо мне, представили из меня чуть ли не дьявола, запретили со мною встречаться... Если ей, пока мы встречались, даже на работе говорили, что она расцвела, что она сияет –то, значит, наш роман был ее пробуждением, ее весной... А теперь ее погасили, она почти как кукла, почти как растение, *точно причастие и молитва и приближение к "Господу" и "гормоны счастья"...*

И все же я ничего не могу сделать. Не священник, отдельно взятый, меня победил, а система в целом, единение христианства и христианской церкви, система духовного подавления, отшлифованная тысячелетиями.

Мне надо самому спастись. От того, что я буду ее тревожить, не станет лучше ни ей, ни мне. Если внутри нее где-то существует живая женщина, то есть вероятность, что она когда-то может проснуться, воскреснуть... И это может произойти как случайность, под чьим-то еще влиянием, или как чудо. Но я уже не буду влиять на нее, меня в ее жизни уже никогда не будет. Значит, мне надо ее забывать. Даже не вспоминать и не жалеть в памяти, потому что моя любовь к ней и есть жалость, пока я ее жалею, я и люблю ее и не могу освободиться.

Надо ее забыть и перестать любить. Пусть даже в глубине души останется жалость... Но разлюбив ее, я стану от нее свободен...

Мои книги – как поток рассуждений, – не будут представлять интерес для читателя. Надо написать художественное произведение, роман о любви. Художественных вещей я писать не умею, но тогда я обречен на безвестность. Господи, небесная сила, музы или волхвы, или Нечто, что иногда помогает человеку, тому или другому – помоги написать мне роман! (если я не ошибаюсь, и именно в романе мое спасение).

Мою любимую отнял у меня христианство, противопоставив любовь и Бога, любовь и грех. Может быть, вся их схоластика мне была бы совсем не интересна, но я борюсь за свободу и счастье женщины, которая мне дорога, которую я люблю, и в рамках известного литературного обсуждения мне тоже удобнее высказать свое отношение к христианству и его власти над человеком. Если мне удастся написать достойную книгу, в которой я смогу *защитить Любовь* между мужчиной и женщиной от тирании Мифа, противостоящего человеку (любви, рождению, народности, культуре, творчеству), то я помогу нам, и мне и ей, и быть может спасу нас, если мне еще поможет чудо. Но в ожидании чуда о ней надо забыть и не писать, иначе мы оба погибнем...

Ласточка моя, я тебя очень люблю и жалею, прости меня, что я от тебя ухожу, я попытаюсь через литературу бороться за твое освобождение.

22 декабря 2015 года, 9-14. Приходили волхвы, как обычно, около семи. Теперь я догадался, почему они не приходили в прошлом: тогда мне бывало плохо из-за вина, если я накануне выпивал лишнего, то ночью болело сердце, и в семь утра мне было хуже всего, начиналась аритмия, мне было не до волхвов. А в последние месяцы я почти не пью, и в семь часов полупросыпаюсь для разговоров с ними.

Стати, вчера, цитируя Розанова, я спросил себя: Когда же я сам начну умнеть? И сегодня они мне сказали: Кажется, ты, наконец-то, начинаешь немножко умнеть и сам, а не только чужими идеями...

И кстати, о Розанове и о других "умных"...

Толстого (Анну Каренину), я прочитал в одиннадцать лет, перечитал в тюрьме Большого Дома, почти через двадцать лет, восприятие было то же, и в одиннадцать я все в ней понимал, потому что я был деревенский мальчик, и вся жизнь была для меня открыта, ничего тайного в ней, казалось, не было. А "Войну и мир" прочитал перед девятым классом, и в девятом «Записки из мертвого дома» Достоевского, и затем ранняя юность была посвящена ему, и словно кто-то руководил моим чтением, так все было во-время! Но руководила, как видно, судьба. Волхвы, кстати, и о судьбе сегодня сказали тоже: Начинай ей снова доверять, не лезь на рожон, судьба о тебе заботится.

На первом курсе я создал подпольный кружок по изучению «Капитала» Маркса. В девятнадцать лет нашел на подоконнике кусочек из книги Оскара Уайльда (задняя обложка с приклеенными последними страницами из статьи "Душа человека при социалистическом строе"), тогда же начал читать Библию, "Науку логики" Гегеля, Аристотеля, Александра Грина, Фихте и Беркли. И вслед за этим познакомился с Розановым, с "Легендой о Великом инквизиторе", Коробами листьев... А дальше я как-то почти и не развивался, волхвы думают, что меня какие-то силы задерживали в развитии, чтобы я не стал "кем-то" и не начал продолжать других. Так я выдерживался, пока не "замшел", и почти в шестьдесят лет началась вторая молодость (или третья?), при этом я снова начал нравиться девушкам, даже совсем юным, чуть ли не с трех-пяти лет (вот у Анны младшая дочка точно на меня *глаз положила*, и если с Анной дружба не получится, то буду дружить с ее дочкой, ей четвертый год...)

Из сегодняшних разговоров с волхвами:

Правильные и неправильные люди: если за шкалу или меру принимать меня, считая *правильным* (то есть довольно образованным, в меру умным, не слишком пьяницей, но и не слишком трезвенником, свободомыслящим, то есть не подпадающим под власть учений и мифов), то обыденный человек, как раз существенный в норме жизни, будет *неправильный*, но они почему-то ко мне притягиваются (как Г. и И.), и я вдруг подумал: а так ли уж они плохи? Г.С. не читает книг (так и моя мама их не читала до старости), И--на любит теперешнего царя (а многие зато любят недавних тиранов, что еще хуже), но разве и моя жизнь не проходила среди иллюзий? Разве я "молитвы женщинам чужим" не "творил усердно и всечасно"? И вот в связи с этим пора сказать

Про любовь. На меня обращали внимание такие же, как я, "правильные", то есть выпадающие из обыденной нормы жизни, следовательно, по народному пониманию "неправильные". Если сравнить русских и немцев, то, конечно, образец правильности Кант и Гете, а типично русские: Достоевский, Розанов и В.И. Немцы, попадающие в Россию, портятся, становятся еще страннее русских, не зря многие юродивые на Руси – это немцы. И среди современных русских немцев необычные, симпатичные мне люди встречаются чаще, чем среди других. Вот, например, лет пять назад, на старой работе, где я работал сторожем, была вечеринка, попала на нее девушка, русская немка, нас познакомили, мы минут пять поговорили, потом в перерыве еще обмолвились несколькими словами, я даже танцевал с нею, она уходила раньше, я вызвался проводить ее на улицу. Мы вышли и я говорю ей: Времени на ухаживания у меня не было, встретимся ли, не знаю, так как вся жизнь на бегу, поэтому давайте целоваться, пусть и без предварительных ухаживаний, а то, кто знает, будет ли еще случай? Она подумала и говорит: "Ты удивительный! Давай!"

И какие же это были сладкие поцелуи! (Не буду оправдываться. Вот у Вл. Соловьева есть "Оправдание добра", так, кажется, *добро* он оправдал... Может быть, мне написать "Оправдание жизни"? И начать с того, что "жизнь не нуждается в оправданиях" – да настоящую жизнь и невозможно оправдать?!)

Много думал про *ласточку*, и почти полночи проплакал... Я многое начал понимать по другому. Она мне была дана как чудо, а я ее принял как должное, как то, чего я достоин. Нет, это был дар мне, недостойному, и надо было ее ценить сильнее. Когда в начале августа она со мной порвала по неведомым причинам, мне надо было не бунтовать, а умолять о милости, и если умоления бы не помогли, "затаиться в ожидании", умоляя судьбу о новом чуде. А я гордо и почти ненавидяще отошел в ожидании, когда она покается... Потом начал сходить с ума и бунтовать (на коленях)... И вот теперь, презираемый и ненужный, что я буду делать?

Самое разумное – забыть и разлюбить! – но сердце горит и плачет (а она пишет мне: молись Богу, Он добрый, он тебя утешит! – и я в ярости готов ее растерзать за эти слова, дурочка, наверное, она сама ни в кого не влюблялась, не жаждала в бессилии зарезать или стать на колени!)

Но совсем уж неразумно: стоять перед ней на коленях теперь и умолять о милости, но теперь уже поздно, только вызову отвращение, женщина НЕ милосердна, она не любит слабость, это мужчина жалеет и утешает, его к слабым и тянет, как меня...

Остается пока жить, пока дают жить, чего-то ждать, пытаться карабкаться в горы в литературе и в философии, ища в них утешения, если уж умолять, то волхвов и судьбу, вдруг все же случится чудо? А *ей* надо продолжать любить, утешаясь искорками прекрасных воспоминаний, составить книгу из наших писем и напечатать в двух экземплярах, для нее и для меня.

Да, *ласточку* надо *еще нуще любить*, хотя слезы надо и спрятать и к ней не приставать, любить тайно. Писать для нее стихи, обожать ее, стремиться к известности – только для нее, женщины тщеславны, и этим я могу ее вдруг задеть. И жить тоже надо, мои другие женщины, когда она о них узнает, ее могут тоже задеть и заставить вспомнить меня... (например, "Манон"...)

Христианская церковь. Мифы вообще ВНЕ нравственности, они НАД добром и злом, хотя и Ветхий и Новый Завет наполнены рассуждениями о заветах (среди которых, правда, главный – любить Бога!). Но нравственность (то есть Завет о нравах – это правила поведения между людьми, среди близких, в своем народе, в семье, с теми, кого любишь. А миф описывает отношения человека и Бога, а не отношения людей, которые описывает культура. Итак, Миф жесток. С самого начала, с Рождества – гонения, преследования, пытки и казни сопровождают Христа и христиан. Эти все две тысячи лет борются с инакомыслящими, с мыслящими, с культурой, с любовью, с семьей и рождением детей, со всем человеческим, насаждая и защищая только нечеловеческое.

Кто-то из них начнет оправдывать их борьбу, доводов можно привести немало, и цельность учения... и т.д. Но ПЫТКИ зачем? Расстреляли миллионы около рвов и дорог, на полях сражений Отечественной войны, посжигали всех отважных – а в чем необходимость *мучений*? Христос обещал, что там, в аду, уже мы помучаемся, но там ведь Дьявол и черти нас будут мучить, Христос ведь не собирался сам и не назначал на эту стезю последователей, это уж их собственное усердие! И вот не поучительно ли, не доказательно ли, что наибольшее усердие – в преследованиях, почти всё на них уходило, а не на насаждение добродетелей и не на заботу о страждущих?! (Я пишу так, что смешиваю временами нечаянно большевиков и христиан, но это потому, что особенной разницы в них я не нахожу. Центральные мифологемы их только представлением отличаются, царствие небесное и земное царствие, которое они нам обещали, оба фальшивые...)

Моя девочка! Я тебя не могу бросить, не могу разлюбить! Но я не встану перед тобой на колени и просить милости у тебя не буду (но если вернешься ко мне, тогда даже тропинку, по которой вернешься, буду целовать!!!) Но теперь, отвергнутый, умолять не буду, разве бы я тебе, униженный, и стал бы дорог? Женщины ведь не милосердны, они любят только героев, победителей, вот и я, побежденный, к тебе не пойду, это подруга может пожалеть, ей я и поплачусь на плече... И далее уместно сказать

О дружбе. Христианство до нее вообще дорости не сумеет, у них и чувства такого нет, их выдуманная и какая-то назидательно-показательная "любовь к ближнему" (особенно когда преподобный Игнатий собирается за разбойником, *ближним* для него, в ад пойти, чтобы там оплакивать его падение и восхищаться образом божьим в нем!) иногда, в самом благородном, не жеманном и не лживом случае, может походить на сожаление, сочувствие, но никак не на дружбу. Да, кстати, вот что напоминает мне их "любовь к ближнему" – доминиканский монах, сопровождая жертву инквизиции на костёр, гладит того по голове и целует, призывая покаяться и обещая за него молиться. Моя миленькая, отвергнув меня и не согласившись на прощение встретиться хотя бы на минутку, в своих лживых письмах пишет мне, что она за меня молится и любит меня по христиански (а шевельнулось ли у нее хоть раз в сердце сочувствие ко мне по человечески?) Увы, убеждаюсь я, что *христианские чувства* все те же, что у доминиканского монаха. Уж хоть вы то, мои подруги, жалейте меня по женски, а не как *христианки*, мечтающие о гробе...

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

Сочетание букв, слов, фраз,
 В заданном сном порядке
 Умеряет печаль. Из глаз
 Слезы уже скупы и кратки.
 Милости прошу только у муз –
 Воображения и поэтической нови.
 Как хорошо без телесных уз!
 Милая, не хмурьте брови!
 Лучше ли было бы без
 Ограничительных знаков?
 Ах, этот лукавый бес!
 Даже и в синтаксисе одинаков.
 Пугает верх и низ,
 Левое с тем, что справа.
 Кажется, блаженство близ...
 Милая, ну что вы, право?!

Догорает любовь как ноябрьский закат,
 Допишу свою книгу – и что же?
 Расставание встанет одною из дат,
 О которых мы скажем: О, Боже?!
 Догорает ноябрьский закат как свеча...
 Не спеши уходить, погоди хоть минуту!
 Оглянись: Белый ангел летит у плеча,
 А судьба разливает по чашам цыкату.
 Не спеши уходить, пусть закат догорит,
 Растворятся средь сумерек бледные тени.
 Белым ангелом в небо душа воспарит
 И умолкнут последние звуки молений...

Благодарю тебя, мой Бог,
 И милосердный и жестокий,
 За удивительный итог,
 За жизнь в трудах и за истоки.
 Благодарю тебя за все,
 Что в жизни я своей увидел,
 За блеск столиц, унынье сёл,
 За то, что верных не обидел.
 Быть может, скажешь тоже мне,
 Что я достоин тоже *блага*?
 За ожиданье не во сне,
 За дерзость жить внутри и вне,
 За веру, труд, любовь, отвагу?!

Все меня предали, продали, бросили –
 Словно и памяти нет?!
 Даже волхвы только год *поматросили*,
 В высь завлекли – и привет!

Может, бежать мне из этого города,
 Книгами печку разжечь?!
 Ногти не стричь, не расчесывать бороду,
 Не опасаться тоски или холода, –
 Есть ведь бутылка и печь!

Есть заунывные песни метельные,
 Есть голубая луна.
 Чувства бесплотно-бездушно-похмельные,
 К ночи, со страху, со сна.

Хватит тужить, что любили и предали,
 Всякий теперь предают.
 Может, не помнили, может, не ведали...
 Все ль на поминках моих пообедали?
 Пусть уж метель отпоёт...

Что нас заботит? Любовь, дела?
 Милость, сочувствие тем, кому плохо.
 Я – зашиватель прорех. Игла
 В пальцах моих как усилие вдоха.

Слушать ли мне отрицателей дел,
 Пустых проповедников веры?
 Словно Господь наш в иглу свою вдел
 Сущности все и химеры?

Пусть нас рассудит смотрящий сквозь мглу!
 Отвергнув жизнь как работу,
 Не изготовим мы даже иглу,
 Сшивающую заботу!

И не зашьем ни прорех, ни лжи
 В теле бытийной были.
 Я – зашиватель. Игла бежит...
 Не верили мы, – но любили!

Последнее слово побежденного

23 декабря, 18-56. В университете в старинном Петровском зале в восемь часов Концерт старинной музыки, я в метро, на коленях компьютер, сердце ноет... Да, *она* меня бросила, отвергла безвозвратно, надеяться больше не на что, нас разделило всё, что только может разделить двух: она меня не любит, я ей не нравлюсь, не интересен, не нужен, даже отвратителен – куда же еще?

К тому же она, наконец, даже счастлива: я не понимаю причин ее счастья, но она упорно, почти пять месяцев, отказывает мне в свидании. Вначале я думал, что счастье ее притворно, что она в плену, что ее заколдовали, опоили, одурманили, поработили, превратили в покорную рабыню, не отдающую отчета в своих словах и поступках, что она несчастна и страдает. Но она ответила на несколько моих писем, уверяет, что счастлива так, как никогда не была счастлива, что она простила своих врагов, молится за них, молится и за меня. Но ведь я не враг ее, я ее всегда любил, пытался ей помочь...

И так прошло пять месяцев, в которые я был почти безумен. То я ее ненавидел, то пытался забыть, то снова влюблялся, то плакал беззвучно ночь за ночью. Так мучительно я никогда не любил.

Я был в полном отчаянии, временами мне казалось, что я уже не найду спасения, иногда я хотел пойти к ней на работу, подождать у выхода, броситься на колени, умолять простить, чтобы разрешила хотя бы постоять рядом минутку.

А как было хорошо весной и летом, как я был счастлив! Ведь не может счастье исчезнуть мгновенно, должна ведь быть причина, по которой она так жестоко и так неотвратимо меня оттолкнула?!

Наконец я стал видеть. Я был слепым, я видел только себя, собственную радость, и хотя я любил ее и заботился о ней, но причиной моей любви была ее любовь. Как только ее любовь исчезла, так и моя пошатнулась. А надо любить её, а не себя.

Если смотреть назад, то мои несчастья в эти полгода – искупление моего прошлого счастья. Я его не заслуживал, и теперь расплачиваюсь.

Если я люблю ее, то должен согласиться на все, на чем она настаивает.

– Я вас не люблю и никогда любить не буду! – говорит она.

– Да, я это знаю. И я расстаюсь с вами, я оставляю вас в покое.

– Мы не будем встречаться, вы не должны мне звонить и писать.

– Да, я знаю и это и не буду больше писать вам. Но буду вас вспоминать и никогда не забуду, что вы появились в моей жизни как чудо, которого я не заслуживал. Мне теперь плохо, очень больно, но я благодарен этой боли, потому что только благодаря ей я понял, как я вас любил, я понял, как прекрасно любить, ничего не требуя, ни на что не надеясь и ничего не желая. Я счастлив сквозь слезы. Может быть, случится чудо, и я вас забуду. Или оно случится по другому... Но если вам вдруг станет плохо, я приду вам на помощь. И я умоляю судьбу заботиться о вас. Я вас бесконечно люблю!

Разве мы удивляемся тому, что самая красивая музыка – трагическая?

Следовательно, и самая высокая любовь – тоже трагическая.

Только благодаря страданию я стал кое что понимать даже в том, о чем рассуждаю, прежде я скользил по поверхности рассуждений.

Теперь я верю, что напишу, наконец, стоящую книгу.

Если из сердца не капает кровь или хотя бы слезы, то слова безжизненны, они ничего не стоят – потому что за них ничего не заплачено.

Я вам благодарен за все, я помню каждый ваш взгляд, каждое движение. Если вы ничего не помните, это хорошо, память мешает стать счастливым.

Спасибо, моя родная, что вы изменили мою жизнь! Что вы внесли в нее страсть, хаос, наваждение, безумие, блаженство и боль!

24 декабря. При ясном свете холодной мысли я вижу нас обоих отчетливо. Ночью я спал крепко, с вечера последние слезы вылились и прекратились. Не приходили волхвы, не приходили музы. Я заснул и не разговаривал с вами.

Я понимаю, что происходит. Вероятно, когда-то чувство любви нанесло вам нестерпимую рану, вам больно не только от прикосновений влюбленного взгляда, вам больно от самого этого слова.

Так как я не хотел и не хочу, чтобы вам было больно, и это основное мое хотение, то теперь все будет так, как это хорошо для вас. Я всматриваюсь в два года нашей дружбы и понимаю, что я никогда НЕ *хотел* вас. Иногда мне так казалось, но и воспоминаний об этом не будет. Желание *обладания* не только не властвовало надо мною, но я его не испытывал. Вы мне нравились, да, но заполняло меня прежде всего *сострадание*.

Но я понимаю, что вам больно даже от того, что мы встречались, держались за руки, вам не хочется об этом вспоминать и помнить...

И я не буду больше говорить о любви, не буду вам писать и напоминать о себе. Да я и сам уже измучился, через каждые полчаса я открываю Интернет и смотрю, нет ли от вас весточки... Но ее нет. Нет, нет, нет... Ну, ладно...

Я еще продолжу свою книгу, но и там о вас не будет больше ничего. Там будет только литература и философия. Я не напишу вам, не позвоню, со временем поблекнут и воспоминания. Я на вас никогда не буду сердиться, если вдруг вспомню, то всегда как самое дорогое мое дитя! Женщина в вас меня волновать не будет, но в прошлом останется та же, которая и была – разная, милая, нежная, печальная и веселая, всегда заботливая. Вы никогда на меня не сердились, вы мне тоже сочувствовали, как бы вы ни относились ко мне теперь, **я был вам всегда дорог. И этого я забывать не буду.**

Может быть, передам на Новый Год конфеты? Если вам и это неприятно, то пришлите слово «Нет», и я только мысленно поздравлю вас с Наступающим годом, в котором, наконец, НЕ БУДЕТ меня в вашей жизни. Вы свободны и счастливы. А я еще помню про вас и все вокруг вами пропитано. В университете вчера на концерте я слышал ваше дыхание. В Соборе Петра и Павла в субботу вы будете тоже. В метро на Техноложке я вижу вас. И в Парке победы... пока потерпите, подождите, я буду стараться...

Жизнь заставляет меня бежать, поэтому в том времени, в котором мы были вместе, я не задержусь, приходится бежать в будущее.

Ужасно жаль расставаться с вами, я виноват, я вас любил плохо и мало, поделом мне все мои слезы, я не буду даже в мечтах изменять вас, вы вправе жить так, как хотите. Но и хорошо, что мы расстанемся, я слишком для вас чужой, и вы слишком принадлежите миру иллюзий, а я при все своей книжности пытаюсь обнять весь мир земного, чуждый вам.

Последние слова в этой книге. Возможно ли Понимание?

Можно ли найти такой способ философствования, чтобы философские утверждения становились так же несомненны, как в математике?

Чтобы не только можно было *проверить* истинность их (как надеялся Достоевский), но и *доказать*!?

И, наконец, я стал чувствовать, что это возможно.

Споры возникают и бессодержательны и бесконечны и безрезультатны потому, что одни из нас исходят из монистического взгляда на мир, то есть из уверенности, что у вещей и явлений есть ОДНА причина движения и изменения, а другие видят и ощущают, что и первопричин две, и причины множественны, и потому мы и сами друг от друга отличаемся сущностью, мы и чувствуем и мыслим розно, не просто различно, но розно. Вот так мужчины отличаются друг от друга, но не стесняются ходить в общую баню. А женщины отделены от нас по крайней мере стеснительностью, а она коренится не в логике, не в воспитании, не в быте (хотя получает воздействия от многого), но в чем-то ином...

Причиной является Бог или Материя. И дальше мы уже не в состоянии беседовать продуктивно. Следовательно, надо менять... что-то менять, стиль, характер, форму, содержание разговора.

Преподобный Игнатий вопиет даже, что не имеет цены любовь от движения души, сердца, крови. Ибо у их Бога нет ни души, ни сердца, ни движения крови. Их и мир и они сами бездушны, а если вдруг пошевелятся где-то остатки души, они их стремглав оттаскивают на распинание, ибо призывают умертвлять и распинать душу. Проще всего решить, что все они сумасшедшие, и так как у них сегодня нет полноты политической власти, то и не заходить в их "огород", жить среди тех, среди которых живет и дышится. Но нас иногда "заносит", и нас и их, и потом мы становимся несчастными, потому что когда уже понимаем, что делаем не то и не с теми, уже приросли друг к другу и разделяться приходится вместе и с плотью и с душой, которых у них как будто бы и нет, но больно, тем не менее, и нам и им. И кровь сочится и из наших ран, и из их (и это должно бы доказывать, что они ошибаются, и что хотя бы остатки души есть и у них).

Дух противоположен душе, говорят они, душу они умертвили, любят духовной любовью, любят только Бога, человека если и любят, то не самого по себе, а в нем только образ божий (то есть словно бы как отражение бога в зеркале индивидуальности, не любя саму эту индивидуальность и стремясь к тому, чтобы она прекратилась, растворившись в Боге) – и вдруг они испытывают боль (как моя миленькая). Оказывается, что и у них две причины бытия, кроме Бога есть еще и дьявол, и хотя дьявол не является источником онтологии, а только Бог, и дьяволу Бог только попускает быть кажущейся причиной, но вот моя миленькая, бесконечно приближаясь к Богу, с ужасом вдруг увидела, что я бесконечно приближаюсь к дьяволу... Возможно, ей из-за этого тоже больно, хотя она уже меня и исторгла из своего сердца.

Возможно ли с такими о чем-то договориться?

Если они будут читать книги, слушать музыку, ходить в театр, то возможно. Если же они читать ничего не будут, кроме "свято-отеческого", то и разговор не состоится.

Возможно ли найти взаимопонимание с материалистами?

Они очень разные, часто они между собою не находят никакого взаимопонимания, а только друг друга расстреливают (как христиане друг с другом воюют и побежденных сжигают).

Общим у монистов является то, что они неколебимо уверены, что так, как они смотрят на мир, это и есть единственная и единственно-истинная Истина, и все, кто видит мир иначе, враги всему самому святому: у христиан – Богу, у материалистов – Науке.

Приведу примеры самых простых расхождений с материалистами. Заходит речь о причинах. Я говорю, что помимо причин вещественных, детерминистских, есть еще *случайные связи* вещей и явлений, и чудо. И математическая Теория вероятностей (то есть Наука, то есть тот Бог, которому они поклоняются) доказывает неопровержимо, как тот факт, что производная от синуса равна косинусу), что случайность не сводима к закономерности, что вероятностная причина сущностно другого рода, нежели причина целно-детерминистская (в подробности не буду входить, иначе это уже будет Философия теории вероятностей). Ну, скажем, *случайные связи* существуют? Какие-такие *случайные*? Ну, например, в метро... то есть, не в метро, конечно, а в поезде, или на студенческой вечеринке?

Нет, и материалисты непрошибаемы...

О чуде я уже говорить не буду. Заговорили мы про любовь. Это, мол, инстинкт, одна только биология, а всякая психология – всего лишь "надстройка"! (Да, надо "надстройке" посвятить главу или две. Здесь, в этой смешной идее, скрыты глубины миропонимания. Здесь желудок, так сказать, и является центральной нервной системой.)

Но, тем не менее, если собеседник склонится к разговору и по каким-то причинам (например, у него кризис в душе, выгнали с работы или изменила жена) способен будет слушать и внимать, то возможно и понимание. Надо только находить то, что определяет противостояние мировоззрений. И именно в источнике противостояния и разобраться – как идеализм и бессребренность альбигойцев определили их противостояние Ватикану, Инквизиции и католической церкви.

Но о новом способе философствования мы будем говорить еще долго и тщательно, может быть, и то, что сделало меня несчастным, то есть любовь, станет понятнее нам в следующей книге... Только о *ней* я говорить уже больше не буду. Раскололась земная твердь, наши континенты разъехались навсегда...

Василий Иванович Чернышев

**ЛЮБОВЬ
КАК ВСЕМИРНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ**

Книга вторая
ТРАГЕДИЯ ЛЮБВИ

Подписана в печать 7 ноября 2017
Формат 60х90 1/16 **25,5** п. л., **360** стр.
15 х **24** = 360

Печать по требованию

Санкт–Петербург

2017

ДЛЯ ЗАМЕТОК
